

БОРИС КРИГЕР

БЕЗДНА

ТРИЛОГИЯ

© 2018 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to altaspera@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

ПРЕДЧУВСТВИЕ БЕЗДНЫ

Часть 1 Изнанка холста

Ничто чужое
мне не чуждо,
А все родное
– не мое,
И все ненужное
мне нужно,
А нужного
мне не дано.

Борис Кригер

Как у всякого холста имеется своя изнанка, так, разумеется, и у жизни есть оборотная сторона. Как бы ни была пуста и непримечательна в своей белесой нетронутости парадная фасадына, все же есть и скрытая ее сестричка, вся усеянная узелками, словно колкими снежинками, которыми столь славится погода, как раз та самая, какую весной сорок четвертого года не на шутку взбодренные бомбежками берлинцы окрестили со свойственным им пафосным сарказмом «фюрер веттер» – гитлеровская погода. Кто бы мог подумать, что русское слово «ветер» произошло, скорее всего, от немецкого слова «погода»? Я оплакиваю собранный на стыке чужих языков мой до оскомины родной язык...

Вот и теперь лил пронзительный, затопляющий подвалы ливень, иногда внезапно переходящий в снег, и снова казалось, что зима никогда не уйдет в область простоволосых воспоминаний.

Герберт Адлер ютился за пустым обеденным столом в квартире дочери и чувствовал себя неловко, ибо находился в этом неприветливом, но опрятном жилище в отсутствии хозяйки. Он был человеком крупным и оттого, где бы ни появлялся, сразу же начинал уютиться, словно всяческое строение было ему тесно, что вызывало неудобство как у него самого, так и у всякого, кто находился с ним рядом. От смущения и неудобства гость спасался созерцанием букета роз, красиво расставленных в прозрачной простоватой вазе.

Герберт купил букет вместе с вазой и водой. Ему не хотелось возиться, ждать, пока сонные цветочные девушки соберут очередную занудную икебану. Он просто ткнул пальцем в готовый подарок и суетливо расплатился, словно стыдясь своей поспешности. Ведь всякий цеховщик, ремесленник без страха и упрека, будь то цветочник или башмачник, ждет, что мы посвятим его услугам вселенную безраздельного внимания... Герберт не мог останавливаться на мелочах долго, а ведь розы – это мелочь, так, нечто сродни полуживому гербарию. Просто непростительно, как много внимания придается цветам, словам, жестам... Обычно розы привычны и затрапезны, но когда попадаетесь действительно собранный словно для сомнительного шедевра почтовой открытки букет, не устаешь поражаться странному совершенству замысловатых ворховатостей, сплетающихся в единый розовый стан. Ах, эти мертвые цветы... Мы забываем, что они тихо и от этого как-то еще более безвозвратно мертвы. Мы любим созерцать их, вдыхать их посмертный аромат. Ах, эти цветочные мощи, предмет мимолетного поклонения и неминуемого забвения. Каким только шекспирам не вещали вы о своих несбывшихся проказах? Любопытно, есть ли такие цветы, которые испытывают эстетическое, доведенное чуть не до экстаза наслаждение от созерцания людей? Нет, не живых людей, а как раз наоборот, мертвых. Пожалуй, есть... Иначе отчего в последний путь провожают словно не сотрапезники усопшего, а ходячие цветники, рассаженные по периферии заданной каждому отжившему человеку траектории, внезапно или постепенно утрамбовавшейся в отправную точку истощенного и от этого почему-то особо отвратительно сладостного в своей очевидной завершенности бытия?..

На столе были расставлены только что приобретенные подарки: разноцветные тарелки и салатница. Вся посуда была веселой и даже несколько кукольной раскраски.

Тарелки были разными. Одни обладали голубой каемкой и сулили нечто комичное в силу своего именования: «тарелочка с голубой каемочкой», другие были зелены, как молодые стебельки, а что еще нужно молодости, как не все заменяющая собой зелень? Казалось, вот войдут такие предметы в обиход, и в доме никогда не будет пасмурно, потому что на фоне таких смешных тарелок и кружек просто не может совершаться ничего хмурого и обыденного.

Они с женой заехали в офис своей компании, где работала дочь, и взяли ключ, чтобы подготовить сюрприз ко дню ее рождения, расставив и разложив подарки. Ей исполнялось двадцать лет. В дни рождения вся семья привычно сходила с ума и не успокаивалась, пока не тратила несколько тысяч. В прошлом году они подарили дочери дорогую профессиональную фотокамеру. Знаменитые журналисты таскают точно такие по горячим точкам, чтобы взволновать нас очередной подборкой глянцевых кадров, роскошно, с шокирующими деталями отображающих страдание, голод и смерть. Энжела же – а именно так звали счастливую обладательницу заповедной камеры – фотографировала этой камерой лепестки, ветви деревьев, облака, мягкие игрушки и прочие девичьи атрибуты окружающего мира, неизменно включающие в себя двух ее котов, лениво спящих во всех вообразимых и невообразимых позах.

На этот день рождения Герберт Адлер купил большой холст и повесил его над обеденным столом в квартире своей внезапно повзрослевшей дочери. Ему хотелось, чтобы она нарисовала какую-нибудь картину: неважно, натюрморт ли, пейзаж, – важно, чтобы она творила. Иначе, считал он, повседневность засосет и эту душу, пока еще нетронутую вирусом обреченности на никчемность, повсеместно принятую за норму. Этот холст своей белизной будет напоминать, что вот же, есть возможность творчества, и она в любой момент может нанести свои

несмелые, но значимые мазки на непечатую белизну холста.

Герберт Адлер ощущал, что белизна имеет своего рода непроницаемую защитную капсулу, эдакую скорлупу, оболочку, звонкую, как истинное, а потому не слишком хрупкое стекло... Попробуйте занести кисть над огромным холстом – и рука ваша неминуемо отпрянет, дыхание станет чаще, на лбу выступит испарина и неизбежно захочется сложить краски и кисти и не трогать эту абсолютную в своей пустоте белизну, ибо, как ни изысканны ваши порывы, первый мазок – это всегда грязь, порочная, тягучая полоска, кричащая, как рана вандализма, линчующая невинность холста, как толпа неброских идей, отдающих пошлятинкой вперемешку с безысходным, беспробудным, а потому столь естественным и обыденным для всякой толпы пьянством.

Чистый холст – это единственная связующая составляющая заговора против мастерства, ибо у гения и у бездарности холст одинаков до тех пор, пока на него не нанесен первый мазок. Точно так же мы долго не решаемся приступить к жизни, но потом оказывается, что нечаянно, будто в забытии или же по пьяни, мы извалялись в грязной обуви на собственном холсте, и дальше уже нет смысла воздерживаться. Мы пытаемся сделать вид, что ничего не произошло, что так все и замышлялось: довести вот это пятнышко до формы облачка – благо, что облака бывают любой, разве что не квадратной, формы, – а вот эту мазню постараемся превратить в высокозначимый намек на непредсказуемость, которая часто мнится гениальной, но оказывается лишь очередным симптомом нервного недомогания.

Испачканный холст подолгу висит над нами как надгробие нашего нереализовавшегося своезначия, а затем мы решаем спрятать его подальше, чтобы никто не увидел эдакого неуспеха, хотя все эти формы и пятна, по сути, лишь иллюзия, создаваемая *очень нервными* клетками нашей глазной сетчатки. Там, в глубинах наших очей, совершается таинство зрения, и по тонким цепочкам аксонов, побратавшихся с дендритами, несутся беспыльные кинохроники повседневных движений и мыслей, нарисованных мирозданием просто так, для лучшего обозрения окружающего, обманчивого, как морская соль, которая должна быть романтически соленой, но оказывается просто плеватальной смесью, от которой недолго возненавидеть не только море, но и мировой океан! И вот настал момент, и Герберт Адлер не знал: занести ли ему карающую кисть над холстом-обидчиком, или

повременить, постараться остудить свои набрякшие от природного гнева мысли? Сила притяжения оголенной, белой, как холст, шеи столь могущественна, что вы и сами не заметите, как ваши руки, занесшие тесак, обрушатся на ее хрупкую незащищенность, и потом всю оставшуюся вечность вам придется искать оправдания в неприкаянной скандальности жертвы или в чем-нибудь еще... Но оправдания нет, ибо было сказано нам: «Будьте добрыми», или что-то в этом простом и, казалось бы, легко выполнимом духе. Но снедаемый вполне естественной для животного его размера ненавистью, натерпевшись более чем достаточно для накопления незыблемой уверенности в собственной правоте, Герберт Адлер обрушивал тесак, а потом запрещал себе страдать угрызениями внезапно проклюнувшейся совести.

Вот он, белый холст, прошитый насквозь автоматной очередью и внезапно закровоточивший из всех своих пулевых отверстий. Что мы делаем со своей жизнью? Что она делает с нами? Простые и понятные формулы добра неосуществимы, а сложные и аморфные сентенции зла, наоборот, сами напрашиваются на язык и срываются, словно камни с горного склона, и в этом камнепаде гибнет все, что могло родиться от сочетания уже весьма поруганного благородства и выцветшей на солнцепеке обид добродетели.

И не нужно искать оправдания в бодлеровских строчках «O douleur! O douleur! Le temps mange la vie...» – «О боль, о боль! Время пожирает жизнь...». Это вовсе не так. Это вовсе не время пожирает жизнь, а жизнь пожирает время – то самое, которое следовало бы потратить на вдумчивое творчество или просто на размышления над белым, так и нетронутым холстом... Это время безжалостно растерзано жизнью. Оно стелется и просится наружу, вдохнуть хотя бы еще разок чистого воздуха вдумчивого одиночества, – но нет, жизнь веселится и правит свой безумный бал. Мы таскаемся с вещами, мыслим денежными знаками, любим

шкурки банковских счетов. Ах, как нежна и восхитительна бумага, на которой напечатана кругленькая сумма! Какой покой сулит эта непрехотливая иллюзия достатка!

Мы покупаем холст и тем самым продаем душу. Потом выкупаем ее, родимую, втридорога, но холст так и остается за нами, только он по-прежнему бесстыже бел, как ярко режущие глаза снега Антарктиды, как белесая сущность бледной спирохеты, вызывающей болезнь, не принятую в приличном кругу влюбленных, но преследующую по пятам любое творчество, ибо оно прежде всего заключено в порыве, а порывистость заразна и сначала изъедает тело, а потом принимается и за астральные его ипостаси...

Герберту хотелось домой. Он устал шататься по городу. Жена тоже устала. Адлеры ожидали прибавления в семье, и Эльзу все время подташнивало. На первом ультразвуковом исследовании подтвердили, что беременность протекает нормально, и сообщили, что ясно просматривается эмбриональный пузырь. Эльза ухватилась за это слово.

– Сегодня Пузырик дал мне скушать завтрак, – радостно говорила она. – Вот мы договоримся с Пузыриком и поедим супу...

Эльзе было под сорок, и окружающие с уважением смотрели на нее: «Какая молодец, у самой дочери двадцать лет, а она решилась начать все сначала»... Герберт долго упорствовал; он с трудом согласился и на первых двух детей. Но когда Джейку исполнилось тринадцать, а Энжела стала вполне самостоятельной молодой женщиной, Герберт снова уступил. Последнее время он начал понимать, что единственно действительно значимое, что может оставить человек на этой земле, – это дети. Эльза понимала это всегда и тихо внимала философствованиям Герберта о трудностях жизни, несправедливости мироустройства и прочих веских причинах, по которым не следует рожать детей. Но вот наконец терпеливая Эльза снова дождалась, и вместо заведения кошек, кроликов, собак, рыбок, птичек и прочей живности для погашения материнского инстинкта

Герберт соизволил дойти до блестящей в своей гениальной простоте мысли, что *единственно действительно значимое, что может оставить человек на этой земле, – это дети.*

Вечером того же дня Адлеры уселись паковать те подарки, которые не оставили в качестве сюрприза в квартире именинницы. Для этого священнодействия можно было не прятаться, как прежде, в подвальном этаже дома, и Эльза вдумчиво и со вкусом заворачивала различные предметы в красивую оберточную бумагу – серебристо-голубую и красную в белый мелкий горошек. Этот неторопливый процесс мог протекать вполне беспрепятственно, пока дети занимались изготовлением горшков и глиняных тарелок в городском кружке гончарного творчества, куда, кроме них двоих, ходила еще одна девушка, на вид лет семнадцати, но гордо сообщившая, что она уже замужем (что, впрочем, казалось, никак не влияло на ее пристрастие к гончарному искусству).

Герберт подписывал подарки смешными посвящениями, а Эльза поминутно спрашивала его:

– В какую бумажку завернуть сережки?

– Какие сережки? – уточнил Герберт. – Бриллиантовые?

Адлеры решили подарить Энжеле бриллиантовые сережки. Она устала от своих эпатажных серег, какие носит аборигенствующая молодежь, и поэтому уже давно не носила сережек, отчего ее ушки казались несчастными. Накануне Адлеры зашли в ювелирный магазин и подробно и не торопясь осмотрели все имеющиеся в наличии бриллиантовые серьги. Выбор пал на самые маленькие, и не столько из-за денег, сколько из-за желания, чтобы они подошли к нежной девичьей шее Энжелы. На ней массивные камни казались бы вульгарными и напоминали бы бижутерию. Сережки, выбранные родителями, были изящны и милы. Малюсенькие камушки крепились на трех шестиках, отчего свет свободно играл в изысканных

миниатюрных гранях. Белое золото прибавляло нежности этому подарку.

– Нет, бриллиантовые я уже упаковала. Те, что Джейк сам сделал...

– Ну, эти, безусловно, нужно паковать в красную бумажку в горошек, – подумав, серьезно ответил Герберт... Он, конечно же, не видел никакой связи между содержимым подарка и цветом обертки, более того, ему претили все эти незначительные подробности, но, стараясь понять Эльзу, рассудил, что в красной бумажке в белый горошек подарок Джейка будет смотреться лучше, чем в строгом серебристом убранстве другой бумажки.

«*Лучшие друзья девушек*» – подписал Герберт милую наклейку, изображавшую бабочку.

– Приклей это на бриллиантовые сережки, – сказал он. Эльза ласково улыбнулась.

– Давай, придумывай всякие смешные подарки... – сказала она, заметив, что Герберт отвлекся и снова погрузился в изучение каталога книжного аукциона. Книги были настоящей страстью главы семейства Адлеров, что начинало беспокоить остальных домочадцев: Герберт мог потратить неприличную сумму на какое-нибудь редкое издание, и хотя, надо отдать должное, практически всегда прочитывал то, что покупал, все-таки превращение трехэтажного дома в библиотеку не совсем входило в планы остальных членов семьи. Стоило Энжеле переехать на свою квартиру, как Герберт переделал ее комнату в еще один раздел своего необъятного книгохранилища, застроив это детское гнездышко грубыми дубовыми полками и заставив их древними томами, выглядевшими подчас так, словно они были вынуты из могилы. От старинных книг дом наполнялся запахом плесени и пожарищ. Эльзу тошнило, но она стеснялась признаться, что тошнит ее *именно* от старых книг. Герберт и сам с опаской и некоторой даже брезгливостью брал в руки эти повидавшие виды фолианты, но все же завороченно следовал своей

библиотечной страсти и поэтому, когда Эльза окликнула его, с трудом оторвался от каталога.

Адлер удалился на несколько минут в прихожую, где за тонкой детской перегородкой проживали три собаки породы басет и один безродный пес в стиле бодер-колли. Все они были заброшенными, а оттого немного несчастными свидетельствами сублимации, которой Герберт пытался обуздать в своей семье детородный инстинкт. После непродолжительной борьбы Герберту удалось отвоевать слегка обслюнявленную кость, которую он торжественно принес Эльзе и предложил завернуть свою добычу в нежную серебристую обертку, предварительно упаковав в коробочку.

«От Эльзиных собак» – торжественно подписал Герберт подарок.

Дарить смешные подарки наряду с серьезными, настоящими дарами стало в доме Адлеров традицией. Самому Герберту дарили и полено, упакованное как бутылка шампанского, и банки с кошачьими консервами с надписью «от котов». Он отдаривался обгрызенной булкой и мотком туалетной бумаги.

Обычно именинник, которого домочадцы будили, шумно заваливая к нему в спальню с шариками и огромными мешками с подарками, наивно потирал глаза и начинал разворачивать подарки, а ему кричали: «Постой, не открывай! Прежде отгадай!», и он щупал и гадал; догадки иной раз были смешнее самих подарков, и дом наполнялся кутерьмой и весельем, коты шурудили брошенные обертки, собаки грызли, что могли, птички в клетках надрывались из последних сил, чтобы перекричать всю эту орущую ораву, и только рыбки тихо и задумчиво плавали в своем аквариуме...

– Чего бы еще завернуть? – задумчиво промямлил Герберт. Его блуждающий взгляд упал на знаменитую фотокамеру, оставленную дочерью на столе. – А что, если ей снова подарить фотокамеру?

– Ну, и что в этом будет смешного? – мягко спросила Эльза.

– Гмм... Ну, не знаю... Это смешно уже само по себе: подарить одну и ту же вещь на два дня рождения подряд... Это почти такой же конфуз, что случился со мной и моим братом, когда тот послал мне праздничную открытку с напечатанными там пожеланиями, поленившись добавить что-либо от себя. На следующий год, ища, что послать брату, я наткнулся на ту же самую открытку, но совершенно позабыл, что ее прислал брат, а поскольку выглядела она вполне нетронута, словно из магазина, я и отправил, опять же, кажется, ничего не написав. Брат сказал, что был удивлен, как это мне удалось найти точно такую же открытку, как он посылал в прошлом году. Вот и поди, пойми его, шутил он или всерьез думал, что я купил еще одну такую же открытку? Вообще эти формальности весьма напрягают человека – дни рождения, Новый год, вынужденные праздники, а ведь сколько их за жизнь? Не сосчитать... Подарки нужно дарить, когда того просит душа, а не в определенные даты...

– Герберт, ты и так превратил нашу жизнь в нескончаемый праздник, поэтому нам так трудно привыкнуть к необходимости праздновать общепринятые торжества, – сказала Эльза и заторопилась: – Скоро вернутся дети, я не успеваю завернуть подарки!

Неподдельный ужас скользнул по ее милому, смешному личику. Герберт мобилизовался и, собравшись с мыслями, выпалил:

– Подарить фотокамеру еще раз будет смешно, потому что Энжела наконец избавилась от своего ухажера...

– Скорее, сожителя... – вздохнула Эльза.

– Ну, так или иначе, эта камера напоминает мне о нем, потому что он неразлучно носился с ней весь год, пока они жили вместе... А помнишь, как Энжела боялась, что Стюард стащит у нее эту камеру, да и не только ее... –

сказал Герберт. – А подпишем мы этот подарок: «От Стюарда»... По-моему, выйдет смешно!

– А не обидим ли мы ее?

– Мне кажется, не обидим. Этот малый умудрился так ее достать, что, кроме страха за свои вещи, я не нашел в Энжеле никаких иных чувств. А ведь, казалось бы, первая любовь у девочки... Расскажи кто, я не поверил бы...

– Да, Энжела у нас стойкий оловянный солдатик. Девочкам обычно очень трудно отказаться от их первых...

– Любовников?

– Ну да... И они, упыри, это отлично знают. Издеваются, как хотят...

– Ну, этот упырь уже доиздевался... – удовлетворенно заметил Герберт.

– Не у всех же есть героические отцы вроде тебя, – улыбнулась Эльза и гордо погладила Герберта по голове.

– Сегодня, когда я сидел в квартире у Энжелы, мне казалось, будто мы изгнали оттуда козла...

– Положим, в том, что мы недолюбливали ее избранника, нет ничего необычного. Естественным образом так отреагировали бы любые родители, если бы у них из-под носа увели девочку... Но он-то каков?

– А что – каков? Он с самого начала был находкой. Бросил школу, курил наркоту, даже, кажется, в тюрьме сидел по мелочи... И главное, не преминул похвастаться всем этим при первом же знакомстве с нами: мол, так, мол, вам, думайте, что хотите, а дочурку вашу я сожру и не поперхнусь...

Лицо Герберта отуманилось. Он явно пришел не в самое неприятнейшее расположение духа.

– Пакуй фотоаппарат и добавь талоны на шоколадно-молочный коктейль...

– Какие талоны?

– Да те, что мы обнаружили у Энжелы в квартире вместе с вежливым письмом от молочного комбината, адресованным Стюарду.

– То письмо, над которым вы с Джейком так неостановимо ржали?

– Да, то самое... Ну это надо же, жил человек на всем готовом, в ус не дул, так нет, повадился строчить жалобы на некачественные молочные продукты. Купил себе пакетик с молочно-шоколадным коктейлем. Тоже мне, молокосос. В его возрасте я пил виски из горла, а не молочный коктейль. Так ему этот коктейль чем-то не приглянулся, он и давай писать... И это за несколько дней перед тем, как Энжела его поперла! Нашел время беспокоиться о пакетике с коктейлем!

– Вообще-то чужие письма читать нехорошо...

– Ты знаешь, никогда себе не позволял, но увидев открытый конверт от молочного комбината, не выдержал. Леший попутал, прочел... Тебя тошнило, и ты вышла на несколько минут, а мы с Джейком как раз наткнулись на это письмо...

– Хохот, который я слышала, меня даже напугал...

– Джейк сказал, что с молочно-шоколадным продуктом все было как раз в порядке. Оказалось, что Стюард его даже не покупал, а хвастался Джейку, что время от времени отправляет письма на несчастный комбинат, якобы он купил некачественный продукт, зная, что они в виде извинений присылают талоны на бесплатные пакеты со своей продукцией... Надо же было, чтоб девочка так прикипела к ничтожеству...

– А к ничтожествам они чаще всего и прикипают... Порядочные люди женятся, заводят детей, обеспечивают семью, – промолвила Эльза со вздохом, – а этот после года совместной жизни заявил – и кому? нам, родителям, хотя никто за язык не тянул, – что жениться он не готов и что Энжеле все равно никогда не хватит духу его выставить...

– Возможно, ей и не хватило бы, если бы я не вмешался... – задумчиво вздохнул Герберт и помог Эльзе спрятать подарки, потому что у дверей послышался веселый смех детей. Трудно сказать почему, но занятия гончарным делом

приводили их в неописуемый восторг и потом весь вечер они пребывали в прекрасном расположении духа.

Эльза втайне была счастлива, что дочь избежала обычного в таких обстоятельствах душевного нарыва. Сама Эльза в семнадцать была беспомощно влюблена в своего сверстника. Казалось, ни одного мужчину на свете не любили сильнее и преданней, чем его. Когда он ее оставил, Эльза пыталась покончить с собой. Эта история оставила тягучий шрам на всю жизнь, и теперь Эльза смертельно боялась, что весь этот ужас повторится с ее несчастной, слабенькой дочуркой, ее масенькой такой девочкой... В других обстоятельствах Эльза обязательно остановила бы такую жестокость. Конечно же, ей было не по душе вышвыривать человека на улицу, но страх за дочь возобладал над всем, и она не противилась, когда Герберт привычно встал на тропу войны.

Окружающие спокойно и с очевидным интересом наблюдали за ходом военных действий, тем более, что стороны ничего не скрывали... Конечно, большинство было на стороне Герберта, потому что вообще не считало молодых за людей и относились к ним хуже, чем к домашним животным, но некоторые полагали, что Адлеры все-таки чрезмерно жестоки и что они – просто-напросто зажавшиеся буржуа, как моль, прокушавшие до дыр собственную совесть...

...Всю ночь Герберту снились отвратительные сны. Похоже, подсознание и есть наш злейший враг. Хочется хотя бы там, во сне, на грани бытия и небытия, когда все кажется сморщенным до ничтожной точки, забыться, но нет... Если наяву сознание подчиняется строгим усилиям воли, ходит паинькой, не плюет без надобности в колодез мыслей, из которого само же пьет, то стоит наступить эпохе снов, как тут же любые запреты слетают, как оборванные ноябрьским ветром последние листья, и сны мучают человека, не давая ни охнуть, ни вздохнуть.

Вот где поселяется ядовитая субстанция, именуемая в простонародье совестью. Она слепа и не очень умна. Ей неведомы хитрости разума и расчетливость логики. Она просто знает, что совершенное или замысленное *нехорошо*. И неважно, что человек предъявит ей тысячу доказательств и разумных противопоставлений. Всё, поздно. Пустил в себя троянского мерина совести – жди страданий на пустом месте и пустоты на месте души... А как его не пустить? Этот троянский конь совести (который, кстати, не следовало бы называть троянским, потому что вовсе не троянцы же его замыслили, а враги их, греки) истопчет своими деревянными копытами все, что только сможет, да еще и наделает кучу где-нибудь в самом потайном углу души...

У Герберта болела совесть. Да, этот подонок заслужил, чтобы его выбросили из дома. Да, Стюард – существо зловредное и губительное, но от этого Герберту было не легче, ибо наш внутренний судья не желает прислушиваться к доводам логики, не владеет арифметикой и плюет на термодинамику. Его не интересует ничего, кроме интуитивно ощущаемого общемирового баланса добра и зла. И, осознанно совершая зло, как бы ни было оно оправданно и своевременно, мы расшатываем этот баланс и навлекаем на себя слепую казнь собственного естества... Не нужно высокопарности... Не нужно снова говорить о моральном законе внутри нас да о звездном небе над головой. Вне зависимости от того, что совершил ваш обидчик, подсознательная гримза, именуемая совестью, пошлет вам сны с какими-то покойниками, подсмеется над вами, приснив дочку и жену в виде воинов гражданской войны и прочую чушь, которой и полнились сны несчастного Герберта.

В общем, Адлер не имел особо разрушительных намерений. Если бы Энжела некоторое время назад не заговорила своим, как всегда иносказательным, языком – «найдите мне принца...», что означало: «мне очень плохо с

этим человеком!», Герберт никогда Стюарда и не тронул бы, даже благословил бы на что угодно, лишь бы дочь была счастлива. Но когда оказалось, что она несчастна настолько, что уже просит о помощи, то у Герберта все, разумеется, вскипело, и он потерял руки от предвкушения битвы.

Эльза была мобилизована списаться с несколькими молодыми людьми от имени дочери, причем эти действия почти не скрывались от Энжелы. Как только появился приличный на первый взгляд паренек и Энжела поняла, что не останется мучительно одна, без внимания, без надежд, без просвета, она молчаливо дала свое согласие на завершение эры Стюарда.

В течение недели после этого «найдите мне принца» Стюард был вышвырнут из офиса компании Герберта, где бил баклуши и гадил, как только мог, но чтобы создать иллюзию, что Стюард при деле, Герберт терпел и старался не обращать внимания. Энжела, которая, несмотря на свою молодость, была взята Гербертом в бизнес на паях и руководила этим офисом, умудрилась потерять за один год всю сумму, скопленную на так и не состоявшееся обучение в колледже. Тогда Герберт сам впрягся выполнять работу Стюарда, а тот под благовидным предлогом был отправлен работать дома. За несколько недель бизнес расцвел, и дочь вернула почти все потерянные деньги. Увидев, насколько Стюард вредоносен, Энжела помрачнела не на шутку.

Герберт пытался помочь им разойтись, как в море альбатросы, — без скандала, без вопросов... тем более, Энжела призналась, что боится противоборства с ним из-за каждой вещи.

Однажды вечером, сидя у камина, Герберт осторожно, но серьезно спросил дочь, окончательно ли она решила расстаться со Стюардом, и был удивлен твердости ее решительного «да». Энжела никогда не отвечала «да» или «нет». Она всегда отвечала «не знаю». Даже тогда, год назад, когда Герберт спросил ее, неужели она хочет выйти

замуж за Стюарда, она ответила «не знаю», что на ее наречии означало «да!». Герберт тут же организовал съем квартиры, и молодые стали жить гражданским браком. Можно тысячу раз объяснять, что не в работе дело, не в деньгах, не в обещаниях... Но человек неразрывно связан со своими материальными заморочками, с изнанкой своего холста, и тут уж нечего сказать, – Стюард был фактической катастрофой в материальном плане. Может быть, он каким-то фантастическим образом мог бы и дальше приковывать чувства дочери к себе, оставаясь полным и последовательным разрушителем всего, к чему прикасались его несчастные ручки, но этого не произошло. Он совершил нечто такое, что у Энжелы, казалось, не осталось и капли жалости к нему, не то что любви, и Герберта, честно говоря, это поражало. Конечно, он сам был не безгрешен, предложив Стюарду место в компании, да еще под началом Энжелы. Он прекрасно понимал, что это западня, ловушка, и сам бы он ни за что в нее не попал. Однако Стюард действительно был то ли идиотом, то ли просто холодным расчетливым паразитом, – он заглотил наживку и принялся паразитствовать на шее Энжелы до тех пор, пока уже ни о каких чувствах не могло быть речи. Наконец Герберт решился закончить это никчемное противостояние. Зная, что Стюард был отчасти прав и у Энжелы никогда не хватит смелости самой вышвырнуть его, в одно замечательное утро он написал короткое письмо Стюарду и, прежде чем отправлять, прочел его дочери:

«Здравствуй, Стюард!

Моя дочь сообщила мне, что сегодня она собирается порвать с тобой отношения и возвращается жить к нам. Эмоциональная сторона всего этого, пожалуй, не мое дело. Но поскольку наша компания нуждается в квартире, где ты проживаешь, я хотел бы,

чтобы ты съехал в течение недели. Поскольку твои нынешние рабочие функции полностью основывались на просьбе Энжелы обеспечить тебя хоть каким-нибудь достатком, можешь считать себя свободным от каких-либо деловых обязательств по отношению к компании. Пожалуйста, имей в виду, что большая часть вещей, находящихся в квартире, принадлежит либо компании, либо Энжеле, так что постарайся не забирать ничего, кроме своих личных вещей. Если мы не досчитаемся чего-либо, это будет считаться кражей. Однако если ты уйдешь тихо, я дам тебе денег на дальнейшее устройство. Всего доброго.

Герберт Адлер»

Энжела внимательно выслушала текст и сказала:

– Хорошо, сегодня после работы я вернусь домой.

Она сказала это так просто, словно речь шла о поездке в магазин.

Герберт хотел поделиться с Эльзой своей маленькой победой, но та плохо себя чувствовала и пыталась отстраниться от этого конфликта. Она принялась убирать на кухне, хотя вот-вот должна была прийти уборщица Лари.

– Ну кто убирает перед приходом уборщицы? – негодовал Герберт, который искал поддержки.

– Я убираю перед приходом уборщицы. Посмотри, что творится у нас на кухне. Если она это увидит, то тут же уволится... – серьезно отвечала Эльза. Она по-детски полагала, что в жизни можно спрятать голову в подушку, и гроза пройдет...

Герберт всегда пытался угадывать тайные желания жены и дочери, которые они редко раскрывали ясно, поскольку

вряд ли сами хорошо их осознавали. Он не считал это чем-то ущербным со своей стороны, ведь, угадывая их тайные желания, он пытался сделать их счастливее, а счастливые домочадцы неизбежно сделали бы счастливым и его самого. Кстати, Герберт подумал, что ведь это же совершеннейшая глупость, будто «враги человека домашние его». Очередная злонамеренность перевода Евангелия. Слово «домашние» наверняка пришло от латинского слова, означающего «слуги». «Враги человека слуги его»... Вот так, стоит исправить маленькую неточность, и все становится на свои места...

Вечером Энжела вернулась домой и была весела, как никогда. Она играла с Джейком, смеялась и вообще вела себя так, словно бы с ее слабеньких плеч свалился огромный груз.

Адлер решил, что объяснение уже состоялось. Вдруг зазвонил телефон. По отдаленным интонациям Герберт понял, что Стюард письма еще не читал и что объяснение происходит как раз в этот момент.

– Ты не собираешься домой? – спрашивал Стюард.

– А ты разве не читал письмо моего отца?

– Нет... Что за письмо?

– Хм-мм... Ну, почитай...

– Может, ты объяснишь мне, что происходит?

– Я решила расстаться с тобой...

Дальше диалог стал глуше, слова ложились друг на друга гуще, и Герберт не мог расслышать, о чем они говорили. Видимо, Энжела закрыла дверь комнаты.

Через минуту как-то неожиданно быстро появилась Энжела.

– Ну, что?

– Ничего... Сказал, что любит меня. Потом еще что-то, но я сделала, как ты учил делать в таких случаях: положила трубку на тумбочку, а сама принялась читать книжку. Когда в трубке перестало трещать, я взяла ее и спросила: «Ты все сказал? Ну, тогда почитай письмо отца».

– Молодец, – ухмыльнулся Герберт.

Через несколько минут телефон зазвонил снова. Этот разговор был еще короче. Стюард наконец нашел письмо, прочел и сообщил, что со всем согласен.

– Как-то он поразительно быстро сдался, – расстроилась Энжела.

– Видимо, подействовало обещание денег за хорошее поведение, – презрительно процедил Герберт.

Энжела загрустила пуще прежнего. Герберт понял, что зря заговорил о деньгах.

– Ничего, – подбодрил он Энжелу, – завтра припрется к тебе в офис, будет клясться в любви...

– Угу... – невнятно пробормотала дочь.

Энжеле казалось, что она имеет дело с каким-то аморфным в своей упрямости существом. Если раньше она скучал по Стюарду, стремилась проводить буквально каждый час скороспешной трепетности вместе, то теперь, как только она видела это вечно недовольное и хмурое формообразование, ей хотелось ударить его по лицу.

«Что со мной происходит? – терзалась она. – Как могло случиться, что родной, любимый человек смог так опротиветь? Неужели из-за этих треклятых денег? Из-за его никчемности, паразитизма? Не может быть... Не может быть, чтобы из-за денег! Должно быть что-то еще... Но что же? Конечно же, все дело в неблагодарной холодности Стюарда, в каком-то постоянном чувстве, что я для него не главная самозначимость его жизни, а так, второстепенный объект. Да, да... Именно объект, воспринимаемый по отдельности, штрихами: вот я хожу, вот разговариваю, а вот я с ним в постели... И все это отдельно, все порознь... А в совокупности, всей меня целиком, какая я есть, словно нет для него, и это трудно вынести. Он не видит во мне человека. Я будто разная среда обитания: то теплая, нежная, влекущая, напрягающая его мужские эмоции, а то вялая и никчемная необходимость, повинность, дряхлая

трухлявая обида, сивая тряпочка, брошенный чулок, ненужный никому, даже мне самой... Стюард ощутил свою власть надо мной, решив, что я – его послушная марионетка, а как только я показала ему, что это не так, что я не просто объект, не удобное средство удовлетворить его надобности, а живой человек, он перестал меня видеть, перестал ощущать мое присутствие, уткнувшись в неизменную череду экранов телевизоров, компьютеров и прочей электронной дряни... Плохое настроение стало его визитной карточкой. Просыпаясь, он хмурится. А я хочу, чтобы он улыбался каждый раз, когда открывает глаза и видит, что я рядом с ним, что мы вместе... Да, я хочу, чтобы он был от этого счастлив, как была счастлива я, наблюдая его сон, такой неровный и тоже нахмуренный... Интересно, что же ему все время снится? Тоже я, капающая ему на мозги? Отчего я стала отравлять его существование? А если и не стала, то что же происходит в этом постоянно замкнутом коконе, в который заперся мой любимый? Осознание того, что наступил очередной серый день, явно не веселит его, не дает ему волнующего чувства продолжения бытия, как будто жизнь является неприятной нагрузкой к удовольствиям, которые он тоже, между прочим, принимает как должную дозу лекарства, как нечто необходимое и совершающееся только потому, что так принято, так надо, иначе просто нельзя... А я не хочу, чтобы это совершалось как ритуал дневного бодрствования, повседневного насмехательства, дурной возни под одеялами... Довольно! Я еще никогда так не умудрялась опротивить себе, как живя с этим человеком. А вместе с самой собой мне опротивел и внешний мир, и внутренний. До последней степени, до крайности опротивел – не как-нибудь иначе. Мне опротивели и свет, и потемки, и эта бесконечная, приторная зима. Зима, наступившая согласно календарю, зима, которой тоже принято наступать в определенное время, будто нет

альтернатив... Будто не может быть иначе. Верно сказано у Бродского:

Мне опротивел свет. Это январь.
Зима согласно календарю.
Когда опротивеет тьма,
тогда я заговорю.

И вот пришло время мне заговорить... Вот пусть только завтра появится – я все ему скажу. Зима словно бы сковала всю мою нежность к этому человеку. Он опротивел мне задолго до своих дурацких поступков... Как я любила разговаривать с ним, потому что его голос завораживал, а то, что он говорил, поражало глубиной.... А теперь все это кажется не более чем бредом. Может быть, он болен? А я жестокая тварь и отношусь к нему как к вещи, которая испортилась? Может быть, мне надо нести этот крест всю жизнь? Может быть, я ему очень нужна? Нет... Не может быть. Он, должно быть, меня даже не ненавидит, а просто холоден и безразличен. И ему нужны деньги. Ему все время нужны деньги... При этом он не хочет и пальцем пошевелить, чтобы помочь мне их доставать... Ах, деньги? Да что деньги! Я бы любила его несмышленного и никчемного, но только не такого, каков он есть, или теперь стал, или...

Это я во всем виновата. А кто еще? Я противная, назойливая дура... Я никогда не буду счастлива, потому что я никому не нужна и не могу быть нужна. Мне прямая дорога в монастырь... Уйти, чтобы не видеть себя в объятиях мужчин, чтобы не знать о своей роли приглянувшейся им вещицы... Да, именно аккуратно упакованной в юбочку и блузку вещицы, новой, как нетронутая гладь упаковки чулок, только что принесенных из магазина... Да, да, именно эротичные чулки с подвязками, прозрачное белье, прозрачная ночная рубашка... Таким я запомнюсь этому человеку. Будто я

сама по себе недостаточно ценна и желанна... Я так не хочу. Это не то, во имя чего я готова поставить крест на своей жизни... Пусть даже приползет ко мне извиняться, я его все равно не прощу. Ни за что!»

Однако на следующий день Стюард пропал. Когда в съемную квартиру пришла уборщица Лари, его там не было. Энжела, узнав это, стремглав бросилась спасать свои вещи, за которые особенно беспокоилась, – знаменитую фотокамеру и компьютер. Но спешка была излишней: Стюард не появлялся. Наконец Энжела не выдержала и под предлогом какой-то житейской мелочи позвонила ему на мобильный телефон. Он оказался в другом городе!

Как только Герберт это услышал, он почему-то пришел в ярость.

– Даже когда увольняешь работника, он ведет себя более эмоционально! А тут попользовался в течение целого года, и ни в одном глазу! А что, если поехать на квартиру и поменять замок?

К удивлению Герберта, Энжела дала согласие и на это действие. Герберт вызвал мастера и поменял замок, после чего, довольный собой, вернулся домой.

– А что, если Стюард вернется? – испуганно спросила Энжела.

– Тогда я сниму ему комнату в мотеле, – пробурчал Герберт.

Часов в двенадцать, когда в доме Адлеров уже улеглись спать, раздался звонок. Энжела неохотно сняла трубку. У Герберта кольнуло сердце, как когда-то в детстве, когда его родителям должна была позвонить учительница с очередной жалобой на невыученные уроки. Герберт быстро взял себя в руки и пришел в игривое расположение духа.

– А я что могу сделать, это отец сменил замок! – услышал он голос дочери.

Через несколько мгновений Энжела передала трубку Герберту.

– Как дела? – как ни в чем ни бывало спросил Герберт.

– В общем-то, не очень хорошо, – затрепал раздраженный от возбуждения голос Стюарда, – я стою под дверью своей квартиры, а вы сменили замок!

– Это не твоя квартира, – доброжелательно разъяснил Герберт, как если бы Стюард был совсем маленьким и пытался взять не свою игрушку.

– Нет, это моя квартира! Я достаточно долго в ней проживал, и имею право войти и хотя бы забрать свои вещи! Кроме того, ведь вы же сами позволили съехать через неделю...

– Но Энжела сказала, что ты уехал в другой город...

– Я ездил туда смотреть фильм, а сейчас вернулся домой, в собственную квартиру! Вы обязаны немедленно дать мне ключ!

– Это не твоя квартира, и я ничего не обязан... Я могу снять тебе комнату в мотеле, если тебе негде ночевать...

– Нет, вы обязаны! Вы не имеете права так поступать! В квартире находится стиральная машина моей матери! Я собирался завтра ее забрать! – Стюард кричал, не давая Герберту говорить. Он считал, что в этом – орать так, чтобы собеседник не мог вставить слова, – заключается его особое умение добиваться своего. Но Герберт был уже отнюдь не мальчик. Ему было под сорок, и он успел повидать и не таких пострелов... В ответ просто аккуратно положил трубку.

Через минуту телефон зазвонил снова.

– Вы должны дать мне ключ... – принялся за свое Стюард.

– Если ты будешь продолжать орать, я опять положу трубку, – спокойно заявил Герберт. – Как-нибудь перетопчешься до утра без стиральной машины твоей матери, если ты, конечно, не собираешься в ней спать. – В трубке замолчали. Герберт продолжил:

– То, что ты орешь на меня с оплаченного мной мобильного телефона, требуя пустить тебя в оплаченную мной квартиру, не делает тебя ни более правым, ни менее

бездомным. Переночуй в мотеле, а утром я отдам тебе твои вещи. В эту квартиру ты больше не войдешь...

Тут трубку бросил Стюард.

– Ну что ж, действительно идиот, – успел пробормотать Герберт, и телефон снова зазвонил. На этот раз голос Стюарда звучал с такой невозмутимой ненавистью, что Герберт на мгновение испугался за свою жизнь и жизнь членов своей семьи.

– Извините, прервалась связь, – процедил Стюард с расстановкой. – Мне не нужно мотеля... Я найду, где переночевать. Мы займемся этим вопросом завтра, и я думаю, найдем законное решение... – Слово «законное» Стюард произнес с такой многозначительной интонацией, что Герберт хмыкнул про себя: «Наверное, не убьет, просто будет жаловаться властям, идиот».

– Спокойной ночи, и большое спасибо за все, – с изумительно вежливой ненавистью в голосе закончил разговор Стюард...

Герберт долго не мог уснуть. В бархатистой темноте спальни ему мерещилась тихая фигура Стюарда, заносящая нож над ним и беспокойно спящей рядом Эльзой.

Стюард был шизофреником. Точнее, это была темная история, на которую его сбивчивые объяснения не проливали свет. Сразу же после знакомства с Энжелой он пояснил, что жениться вообще не может, поскольку у него шизофрения. Когда же они стали жить вместе, начал вести себя так, словно он то ли пошутил, то ли это был не совсем окончательный диагноз...

Герберт, будучи человеком начитанным до нездоровой крайности, однажды долго беседовал со Стюардом, пытаясь выявить симптомы шизофрении, но ничего, кроме вязкости мышления, не обнаружил. Хотя трудно ожидать, чтобы больной признался отцу дочери, что его мучают галлюцинации... Впрочем, Стюарда не слишком беспокоило мнение родителей Энжелы о нем.

Посреди ночи Герберт проснулся от страшного шума. Казалось, что выбили входную дверь. «Ну вот все и кончилось... – с каким-то странным облегчением промелькнула гибельная и почему-то все упрощающая мысль. – Что ж, я буду драться до конца...»

Герберт уже было поднялся и стал соображать, что же применить в качестве орудия защиты, но понял, что он, пожалуй, бредит... Просто с крыши упал огромный кусок льда... Несмотря ни на что, наступала весна, и все вокруг таяло...

Джейк тоже не спал. Он, пожалуй, больше всех опасался, что Стюард явится к ним в дом и всех их убьет. Неважно, были у него на то основания или нет, но это ощущение не на шутку волновало неокрепшую душу. Ему вовсе не хотелось умирать за просто так, ни с того ни с сего, из-за каких-то заморочек старшей сестры. Джейк вообще был весьма недоволен всем происходящим. Конечно, ему нравилось, что его родители настолько ненормальные, что почти никогда не пристают к нему с уроками и прочей дрянью, отравляющей детство всякого человека, но подчас Джейка волновало, куда же могут завести забавы его отца... Тот, по его мнению, был человеком вовсе без тормозов и, несмотря на удивительную отзывчивость и внезапную щедрость, подчас мог быть чрезвычайно жестоким.

«Только слепой не видел, к чему все идет. Сразу же, как только Стюард появился в нашем доме, всем, включая котов, стало ясно, что он из себя представляет. Ну и надо было гнать его вшаей, а не поощрять Энжелу с ним сходиться, пусть, мол, сама решает свою судьбу... Что за глупости? А если она дура?..»

Несмотря на весьма нежный возраст, Джейк был рассудительнее своих родителей. Он не любил всяческие конфликты и скандалы, ему не нравились тонкие интриги отца и простодушные истерики матери. Иногда, когда

Герберт допоздна засиживался за рабочим столом, Джейк, проходя мимо, ласково окликал его и говорил, словно отец сыну: «Пойди, поспи... Опять будешь сидеть всю ночь!» И как ни странно, Герберт слушался, сворачивал свои дела и шел спать. Джейку это нравилось. Он словно родился взрослым. Конечно, шалости и бесшабашная веселость, столь свойственная беспечным годам взлетной полосы жизни, Джейку были знакомы, но во всей этой истории со Стюардом он не одобрял ни сестру, ни родителей. «Не нравится человек – так и скажи. Закрой перед его носом дверь... Зачем миндальничать и лавировать, как акробат на канате?.. С другой стороны, коли уже допустил в свою жизнь, зачем теперь так жестоко поступать? Взяли и в одночасье уничтожили целый мир отношений, целую купольную полость стечения всяческих перебежек... Дурь это. Жестоко... Словно убили человека. Нехорошо...»

На следующий день дразги продолжились. Стюард продолжал требовать впустить его в квартиру. Герберту доставляло несказанное удовольствие унижать этого наглого и самоуверенного щенка. Они с Эльзой подъехали к дому, в котором находилась квартира Энжелы. Там, словно затравленный, но до конца так и не сломленный волчонок, рыскал Стюард в окружении родственничков – тети квадратной формы и какого-то типа хмурого телосложения. Он, видимо, привез их для убедительности, а может, и правда, стремился воссоединиться со своей стиральной машиной, и ему нужна была помощь перетащить этот агрегат.

Подъезжая к дому, Адлер приветливо и игриво помахал Стюарду ручкой, но тот только злобно зыркнул на него в ответ. Выйдя из машины, Герберт подумал: вот сейчас будут бить, и ему стало от этого весело и волнительно. Уже лет двадцать никто не производил с его телом ничего такого вразумительного, как побои. Ведь именно они, милые, заставляют нас чувствовать себя паразитально

живыми. Недаром существуют народы, у которых кулачные бои «стенка на стенку» являются традиционным развлечением, как американские горки или прочие аттракционы, или как музеи восковых фигур предприимчивой мадам Тюссо, разбросанные по столицам Европы.

– Как дела? – радостно спросил Герберт Стюарда.

– Вообще-то дерьмово, – ответил Стюард, еле сдерживая праведный гнев, и, нарушая все приличия и не поговорив о погоде, тоном мирового судьи задал коронный вопрос:

– Согласны ли вы предоставить мне доступ в квартиру, где находятся мои вещи?

– Нет, потому что вас трое, вы ворветесь, и я не смогу вас контролировать, – приятным, слегка бархатистым от волнения голосом ответил Герберт и улыбнулся.

– У тебя нет мозгов, – грубо вякнула тетя, обращаясь к Герберту.

– Здравствуйте, – учтиво поздоровался Герберт с тетей и снова улыбнулся. Хмурая личность продолжала маячить на заднем плане.

– Вот, посмотрите, я полностью оплатил телевизор, и теперь он принадлежит мне, – торжественно заявил Стюард и протянул Герберту смятую бумажку, на которой значилось, что юный вымогатель действительно с утра сбегал в магазин, где неудавшаяся чета в рассрочку купила огромный телевизор, и заплатил остаток суммы.

Герберт взял в руки бумажку и внимательно ее рассмотрел.

– Так ты хочешь выплатить нам то, что было выплачено Энжелой, и забрать телевизор? – серьезно спросил он, и было видно, что этот вариант не мог вызвать возражений.

– Я думаю, если учесть те зарплаты, что вы мне не доплатили, мы будем квиты, – нагло заявил Стюард.

– А, то есть того, что ты тут жил на всем готовом и трахал мою дочь, тебе недостаточно? – с неожиданной яростью произнес Герберт.

Стюард не ожидал такого поворота, и искорка страха мелькнула в его нашкодивших глазках.

– Это была ее *прерогатива*, – туманно ответил он. Герберт долго потом обдумывал эту фразу. Что Стюард имел в виду? Герберт действовал вслепую. Энжела так и не рассказала ему, что же сделал ей этот человек, в которого, казалось, она была по уши влюблена. Но Герберту было достаточно признания дочери, что тот совершил нечто, что более не позволяет ему претендовать на жалость и человеческое отношение. Услышав это, Герберт и Эльза были готовы растерзать Стюарда. Что же он сделал их дочери? И вот теперь Стюард сказал, что это была ее *прерогатива*. ... У Герберта чесались руки ударить Стюарда по лицу, но он сдержался. Это все испортило бы и поставило бы Герберта вне закона. Молокососу это на руку, он тут же побежит жаловаться в полицию...

– Итак, вы пустите меня в квартиру?

– Может быть, ты еще полицию вызовешь? – с кислотной желчью процедил Герберт. – В присутствии полицейского я, пожалуй, пустил бы тебя, чтобы он проследил за порядком.

– Все, я вызываю полицию, – произнес Стюард и, отойдя на безопасную дистанцию, стал звонить с оплаченного Гербертом мобильного телефона в службу экстренных происшествий.

Герберт потоптался, положил квитанцию о покупке телевизора в карман и пошел к машине.

– Я поеду, мне надоел этот спектакль.

Родственники попытались его удержать, а Стюард снова повторил свою таинственную фразу:

– Это его *прерогатива*. Он может уехать.

Отъехав пару километров, Герберт весело порвал квитанцию об оплате телевизора. Не успел он припарковать машину у дома, как позвонил полицейский.

– Вы не могли бы приехать и выдать молодому человеку его кошелек и документы?

– Только если вы проследите, чтобы он ничего не стащил из квартиры...

Герберт снова ехал по той же дороге. Ему отчего-то было приятно валяться во всей этой грязи. Склока радовала его.

Прибыв на место, Адлер подошел к полицейскому, который демонстративно не выходил из машины, таким способом выражая свое презрение к происходящему. Вот если бы произошло убийство или серьезная кража – тогда другое дело, а тут вызвали по пустяку...

Стюард рыскал где-то в стороне (видимо, искал пропавшую квитанцию на телевизор).

Адлер умел и даже любил разговаривать с властями. При этом он входил в такое чудное состояние полного слияния с государством – мыслил, как оно, дышал категориями всеобщего блага, – что неизменно оказывался на высоте и считался крайне добропорядочным гражданином. Это шло вовсе не от лицемерия, просто в Герберте жили два человека: один – несносный бунтарь и анархист, другой – законопослушный член общества, и в каждый конкретный момент Герберт свято верил в собственную искренность. Правда, каждый раз после перехода от государственного образа мысли к диссидентскому у него немного кружилась голова и пощипывала совесть... Потом он долго и несносно болел, понимая, что только не подал виду, а на самом деле тяжело и вовсе не бесследно пережил предательство самого себя.

Итак, он вежливо и с максимально допустимой в подобных обстоятельствах правдивостью ответил на все вопросы полицейского, сообщил, что квартира не имеет к Стюарду никакого отношения и так далее, и попросил присутствовать, когда Стюард будет допущен внутрь.

Полицейский хмуро согласился, неуверенно пробормотав, что вообще-то не следовало менять замок, но Герберт произнес какие-то совершенно правильные с законной точки зрения слова, и полицейский отправился наблюдать за порядком в квартире.

Герберт открыл дверь и по-хозяйски уселся за обеденный стол, предложив и полицейскому сесть, но тот отказался и остался стоять у входа. Родственники попытались было тоже сунуть нос, но Герберт вежливо сказал полицейскому: – Я хотел бы, чтобы эти люди не входили. Пусть войдет только Стюард.

Полицейский как-то незаметно вытолкал родственников за дверь, и те понимающе подчинились. Вообще с появлением ими же вызванного полицейского вся троица стала шелковой.

Стюард подносил Герберту различные вещи, спрашивая, может ли он их взять.

– Нет, это вещь спорная, – с видимым удовольствия отвечал Герберт на все, что подносил к его носу Стюард. Все, включая чуть ли не зубную щетку!

– А это? – растерянно спрашивал Стюард, указывая на вспышку для фотоаппарата.

– А ты за нее платил? Зачем тебе вспышка, если фотоаппарат принадлежит Энжеле? – отвечал Герберт, прекрасно зная, что Стюард никогда ни за что не платил.

– Вообще-то эту вещь вы подарили мне на Рождество.

– Положи на место, – торжествующе ответил Герберт.

– Этот спектакль может продолжаться вечно, – наконец строго сказал полицейский Стюарду. – Возьми свои документы и кошелек и освободи квартиру.

– Остальное ты можешь оспорить в гражданском суде, это не касается полиции, – предупредительно пояснил Герберт, и полицейский довольно кивнул.

Стюард понял, что спектакль не удался, и он попался в собственную мышеловку. Полицейский не выкручивал руки Герберту и не арестовывал его, как наивно представлялось Стюарду, а внимательно наблюдал, чтобы он, Стюард, ничего не прихватил из квартиры.

– Можно взять стиральную машину? – спросил Стюард.

– Нет, она тоже спорная... – весело ответил Герберт.

– Но ведь это же машина его матери! – послышалось завывание тети из-за двери.

– Видимо, они перевезут машину на склад и передадут вам ключи, – успокоил всех полицейский.

– Ты так и не понял, что речь идет не о вещах... – грустно улыбнулся Герберт Стюарду.

– Мне кажется, что как раз о вещах... Вы лицемеры... Энжела ранила меня в самое сердце, а вы просто обобрали меня до нитки...

– Это как раз то, чего мы со дня на день ждали от тебя по отношению к нашей дочери, – искренне возразил Герберт. Происходящее доставляло ему чрезвычайное, тягучее, как патока, удовольствие.

Наконец все разошлись... Вдогонку Стюард прокричал:

– Все, чего я хотел, – это забрать свое дерьмо...

– Твое дерьмо всегда с тобой, – весело бросил в ответ Герберт.

На следующее утро Адлер написал своему адвокату письмо с просьбой подготовить иск против Стюарда, так, для острастки, на всякий случай. Затем принялся за письмо к Стюарду, написание которого вызвало у него буквально состояние экстаза.

«Стюард!

Я прилагаю письмо к своему адвокату, описывающее нашу позицию в деловых отношениях с тобой. Если ты захочешь через суд добиться от Энжелы каких-либо денег или вещей, ты получишь встречный иск.

Однако я не стану подавать на тебя в суд, если ты, после того как заберешь свои вещи, которые мы оставим в специально отведенном для этого месте, навсегда

исчезнешь из нашей жизни. Если же ты продолжишь приставать ко мне или к Энжеле со своей «драмой», или попытаешься подать на нас в суд, мы незамедлительно подадим на тебя жалобу в полицию, ибо мы убеждены, что ты намеренно склонил нашу дочь к сожительству с целью вымогания у нее денег, в то время как твоя так называемая работа привела к колоссальным потерям не только в компании, но и к потере личных сбережений Энжелы, которые были скоплены на ее образование в колледже. Единственная причина, по которой я не подаю на тебя в суд немедленно, заключается в том, что ты – бездомный, безработный неудачник, и я не смог бы вернуть себе даже потрат, необходимых для того, чтобы подать на тебя в суд.

Ну, а теперь об эмоциональной стороне вопроса. Вчера ты назвал меня лицемером. Это не так. Ты никогда мне не нравился. И я этого не скрывал.

Когда оказалось, что ты бывший (и, возможно, будущий) наркоман, шизофреник и даже не закончил среднюю школу, это отнюдь не прибавило любви к тебе, несмотря на всю либеральность моих взглядов на людей.

Ни одна из моих попыток привести тебя в божеский вид, обеспечить работой и достойным заработком не увенчалась успехом. Ты портил все, к чему прикасались твои руки.

И это тоже я был готов терпеть, но ты каким-то образом умудрился так сильно

оскорбить Энжелу, что нет тебе прощения. Впрочем, я не удивлен. Ведь в порыве бахвальства ты нравоучительно заявил Джейку, что для того чтобы завоевать девушку, необходимо убедить ее в том, что ты являешься всем, чем она хотела, чтобы ты являлся. Нет, дорогой мой альфонс, жалкий жиголо. Для того чтобы завоевать девушку, необходимо действительно стать всем, чем она хотела бы, чтобы ты стал.

И знакомство с твоей семьей отнюдь не прибавило тебе шарма. Как-то твоя мама заявила к нам и стала отговаривать нас ехать на одно важное мероприятие, утверждая, что ей приснилось, что мы все погибли в автокатастрофе, и что последний раз, когда ей приснился подобный сон о других людях, они на самом деле разбились! Нам все-таки пришлось поехать, и мы вернулись живыми, но признаюсь, это было не самое приятное путешествие в моей жизни.

Когда Энжела из-за тебя бросила школу и в слезах заявила, что хочет выйти за тебя замуж, я не видел никакой другой возможности, как дать вам съехаться, чтобы она сама смогла убедиться в том, какое ты ничтожество.

Все, чего я хочу, – это чтобы ты извинился перед Энжелой. Как только она получит твои извинения, я передам тебе ключ от места, где хранятся твои пожитки. Я говорил тебе, что дело не вещах. За свою жизнь наша семья уже не раз лишалась практически всего, я легко раздавал свои вещи наркоманам, соседям и просто

малознакомым людям. Мы пускали пожить в свой дом и вовсе незнакомых нам людей. Дело в том, что ты не понимаешь никакого другого языка, кроме языка вещей, поэтому мне и пришлось устроить весь этот спектакль, из которого, впрочем, ты, кажется, не извлек урока.

Герберт Адлер»

После того как письмо было отослано, Герберту стало противно. Он действительно никогда не цеплялся ни за деньги, ни за вещи. А этот щенок вынудил его вести себя так, будто он последний склочник.

– Я знаю, как следует поступить. Вот теперь Стюард наверняка извинится, и мы все соберем ему денег. Эльза, ты дашь ему денег?

– Да, – ответила жена, – я постараюсь наскрести долларов семьсот.

– И я дам, – сказал Джейк и трогательно притащил свою копилку.

– Ну и я выдам ему тысячу или полторы. А ты, Энжела?

– И не подумаю... – ответила девушка и отвернулась.

– Мы ведь помогаем нищим и бездомным вне зависимости, негодяи они или святоши... – возразил мистер Адлер.

– Хорошо... – неохотно согласилась Энжела.

Так набралось около трех тысяч долларов, с лихвой перекрывающих все воображаемые и невообразимые потери Стюарда в результате отчуждаемого у него телевизора.

Однако вместо извинения пришло письмо от адвоката Стюарда, а Энжела внезапно призналась, что заглянула в электронный почтовый ящик Стюарда, который то ли по рассеянности, а может, и намеренно не поменял пароль. Там она нашла неотправленное письмо, предназначавшееся ей. Письмо весьма польстило Энжеле, однако ничуть ее не тронуло... Всё о себе, о себе, о себе...

«Ты никогда не прочтешь этих строк. Я не спал несколько ночей... все время я слышу твой голос... каждый раз, когда я вижу машину, похожую на вашу... каждый раз, когда кто-нибудь мне звонит... постоянно... это ты... это все ты... ты была всем в моей жизни в последние годы, и я не могу жить без тебя... Это так больно, как... я уверен, ты знаешь... только бы иметь возможность видеть тебя ежедневно... как я не понимал, какое это было счастье... знать, что я увижу тебя вечером, смогу тебя обнять... поцеловать... это уносило прочь любое из моих мучительных волнений... Мне никогда не преодолеть того, что произошло... Но я должен! А я пишу тебе письма, которые ты никогда не прочтешь... Я не сплю... постоянно думаю о тебе... что дальше... страх... ненависть... любовь... я так растерян... Мне нужно освободиться от этого состояния, но каждый наступающий момент ясности разрывается в клочки моими мыслями... твоим присутствием... ты одна... ты все и ничто для меня одновременно... я никогда не смогу тебя обнять... никогда не буду с тобой... и это так замечательно... но так болезненно... мечты, разорванные в клочья... жизнь, разорванная в клочья... Я не думаю, я только пишу... Мне нужно быть с тобой... Мне нужно уйти... Любовь все затопляет... Я никогда не дам тебе уйти...

Мне кажется, я слишком фиксируюсь на одном и том же... Наверняка это моя болезнь... мои эмоции овладевают мной и

затравливают меня обратно в одну и ту же ловушку, которая мне так знакома... чувства – вот что разрушает меня. Нужно убить в себе чувства... Они слишком сильны, чтобы продолжить жить как ни в чем ни бывало... я уничтожу чувства... я не буду больше чувствовать... я не буду... я добьюсь... ничего больше, до победы... ничего... начиная с сего самого момента...»

– Этот щенок так ничему и не научился... Всё о себе, о себе, о себе... Главное, чтобы только, не дай бог, не самоубился. Всё, что в нем есть человеческого, он считает болезнью... – вздохнул Герберт, а сам подумал, что вот она, изнанка его холста, только, похоже, если продолжать так жить, то от холста не останется ничего, кроме изнанки. Просто не надо было связываться с этим пасмурным и по-своему очень страдающим человеком. Он неизбежно втянул и Герберта, и всех его домашних в эти свои страдания, в грязь, в удушливость склоки, да, да, именно в столь не свойственное Герберту склочное перепихивание угрозами.

Где же произошла ошибка? Почему дочь не слушала его и Эльзу, когда они предупреждали ее год назад? А может быть, не нужно относиться к жизни, как к парадному холсту? Довольно! Это отношение – тоже наверняка несносная ошибка какого-нибудь перевода Новейшего Завета. Люди должны ошибаться, иначе невозможно себе представить никакой жизни, никакого развития, никакого движения... Пускай вся жизнь протекает в узелках холстовой изнанки; боль так же необходима, как и наслаждение, подлость, благородство, злоба, доброта... Не нужно искать идеального, чистого, незапятнанного – это все дурная иллюзия, упрямая ошибка толкования... Не совершив оплошность, не покаешься, а не покайся, так

и останешься с зависшим на всю жизнь неприступно-белым, а потому неизбежно чужим холстом.

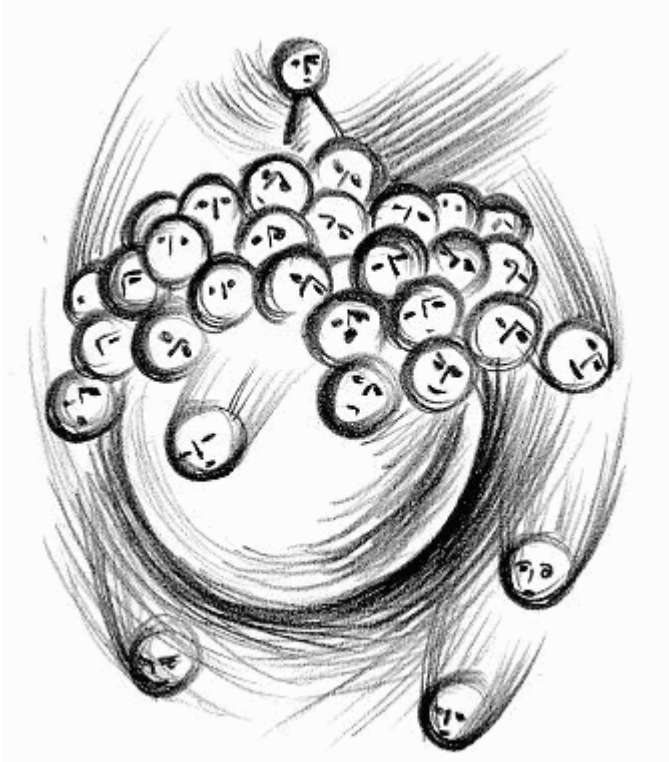
Часть 2
Плоскость шара

Одержимость нашей Вселенной, помешанной на шарах, перетекает в периодически одолевающие человека мысли, чувства и желания, которые неприятны ему и вызывают у него беспокойство, но от которых он никак не может избавиться. Шары, шары, шары... Человеку кажется, что сам он – шар, что друзья его – бильярдные шары, голова – арбуз, судьба – вот-вот собирающийся лопнуть мыльный пузырь, который вопреки всем колдовствам поверхностного натяжения существует только благодаря неизбывному энтузиазму варителей мыла. Человеку кажется, что он живет на шаре и что скользкая поверхность этой одутловатости постоянно пытается сбросить его в бездну. Бездна не так уж и страшна. Ведь бездна – это нечто без дна, а в падении самое страшное не сам факт полета, а именно неизбежность встречи с дном. Так что слава вам, бездонные бездны! Бездонность есть явление положительное, к нему следует стремиться, как к победе в конкурсе, в котором всякий человек может принять участие, независимо от страны проживания, – кто продержится на шаре дольше всех! Прыгающие повсюду шары нарушают в нас неподкупную веру в плоскостопие как универсальное средство выживания, как надежду на отмазку от службы в армии, как сифилитическую правду разухабистой личной жизни тех, кто круглее шара может представить только шар, кто уже не верит ни во что надежное и не скатывающееся в жадные недра пугающей гравитации.

Герберт Адлер был специалистом балансировать на шарах. Он мог даже спать, спокойно покачиваясь на непослушной глади шаровидной изогнутости. Такова была особенность его земного жизнепроедения. Он хотел бы философствовать и писать, забывая о главных горестях прожорливого человеческого тела, он хотел бы парить в парном молоке низкой облачности или, на худой конец, устремляться в то же самое небо, как устремляются

увесистые стволы направленных в вечность деревьев. Герберт был человеком, не очень приспособленным к тягучей рутине.

Ему было физически больно от необходимости ограничивать себя в тратах, но с другой стороны, он и представить себе не мог, чтобы так запросто позволить паскудной материальности дыхательно-пищеутыркивающего процесса полностью овладеть его страстностью. Изредка и с весьма перекошенным лицом Адлер закатывал рукава и штанины и погружался в подробно булькающее дерьмо бизнеса, откуда извлекал презренные монеты, словно бы отобранные для того, чтобы служить идолом послушности булочно-кротовому инстинкту: стырил-затырил, стырил-затырил, стырил... и так до конца времен, до погружения в роскошную усыпальницу фараонов, до облачения в маску Агамемнона,

в портки Менелая, до ритуального прикрепления к бедрам кобуры Париса.

Если герои Гомера жили в условно-приподнятом эпическом мире, то Герберт Адлер проживал в безусловно приспущенном антиэпическом мире, в котором Афродита не уговаривает Елену любить Париса, а склоняет ее, грешную, к простой, как дуновение весеннего ветра, лесбийской любви. И сколько намотано предрассудков перед этим простым, как сожаление о прожитой вечности, делом? Люди любят богов небескорыстно. Отчего же ожидать чистоты и бескорыстности в отношении богов к ним? Что получил, то и оплатил... Что подарил, то и обесцветил в невынужденном ожидании своего акта слияния с ними, небоносными извергами, сладострастными мучителями античности, немывтыми иконами

Средневековья и суперзвонкими рок-какофониями современности...

Герберт Адлер проживал в антиэпическом мире, в котором страстного гомеровского мстителя Менелая величали *мини*лаем, то есть очень негромким, subtilным лаем, переходящим в нервическое повизгивание, которое являет на свет забрехавшаяся сука, облеченная в специальный электрический ошейник, бьющий ее каждый раз, когда несчастная пытается проронить звук, но от боли она скулит пуще прежнего, от чего пунктуальный ошейник продолжает исправно ударять ее током... И так до бесконечности, до судорог, до собачьей эпилепсии, до вывороченного наизнанку небытия, в котором уже не полает, в котором все верхи стали одновременно низами и где акт лесбийской любви не воспринимается как нечто повседневное, а видится потусторонней глупостью копошащихся в испарениях бытия тел.

Плоскость шара, на которой пытался удержаться Герберт Адлер, была особенно покатой. В Уголовном кодексе не хватит пунктов, чтобы описать все, что сотрудники Герберта позволяли себе по отношению к нему. Его легкий и временами жизнеутверждающий характер настолько раздражал людей, что они нередко и вовсе сходили с ума, действовали неосмотрительно, словно преследуя единственную цель – навредить Герберту наимаксимальнейшим образом. Адлер тоже был не промах. В ответ – хотя никогда не было ясно, кто же начал, – итак, в ответ Герберт дрался, как лев, пил горькую из бутылки, воровал сам у себя и обвинял других в краже, сам себя избивал и, напоминая человека после полета с дерева, демонстрировал присяжным заседателям самовывих собственного голеностопа, растяжение связок *руков* и *ногов*, залихватски-трагически крича:

– Это они! Это они меня так изуродовали!

При этом Герберт был человеком хорошим, действительно очень хорошим. Таким хорошим, что шары, на которых он

балансирует, гордились своими изломами пустот. То есть иногда Герберту только казалось, что он балансирует на поверхности шара, хотя по-настоящему он балансировал в пустоте и причинял себе гораздо больше вреда и неурядиц, чем его враги, и вражда изъедала Герберта изнутри, даже не до изнанки поверхности кожи, а до изнанки одежды, до подкладки, до холодной, ласковой поверхности материи, которая вдруг вызывает нестерпимое желание сбросить с себя все и остаться даже не в чем мать родила, а в том, в чем сырая земля родит нас обратно...

Живущий по заповедям Божьим, Герберт Адлер нередко забывал, в чем же они заключаются, и, вспоминая, вдруг удивлялся: а ведь из всех запретов он нарушил не более пяти... Хотя если вдуматься, взглянуться попристраснее, то наверняка и больше... И возводя себе кумира, Адлер менял определения; судебные же издержки от своих препирательств с совестью изрядно погашал за счет своей аморфной от длительного использования души.

И все это ради чего? Чтобы жить в своем фантастическом мирке, где дочка в день рождения получает бриллиантовые сережки, а сынишка – полный набор инструментов джазового оркестра... Особенно барабаны. Ну какой отец добровольно подарит собственному сыну барабаны? Разве что только глухой. Но Герберт и был таким глухим. Ему не мешал лай любимых собак Эльзы, ему не ничего не мешало, потому что он давно проживал в другом измерении; провалившись под подкладку бытия, он вроде бы и присутствовал в этой жизни, но по-настоящему был где-то еще или уже нигде не был. Наблюдая протекающий момент из засады, Герберт уже не удивлялся своей отстраненности, не грезил возвращением в реальность, не надеялся однажды проснуться и снова обрести нормальную обитель бытия, с возможностью судить об актуальности и полезности вещей не по их таинственным

ноуменологическим¹, каузальным ипостасям, а по конкретным, больно стучащим углами феноменологическим праздностям. Неужели жизнь – это только пляска молекул?.. Ночь, луна, пьянящий, будоражащий запах то ли смерти, то ли сирени. И поплыла по небу серебристая шарообразная развратница, и Земля, беспечная, как плоскость шара, внезапно ушла из-под ног! Что это – акт любви? Что это – акт смерти? Что это – и то, и другое?

Удивительное дело: подчас заблуждения настолько вытесняют из головы трезвые мысли, что человек буквально двигается рассудком. Помните, как быстро меняется психология чеховской героини на благотворительном базаре? «Аня зазывала покупателей и брала с них деньги, уже глубоко убежденная, что ее улыбки и взгляды не доставляют этим людям ничего, кроме большого удовольствия. Она уже поняла, что она создана исключительно для этой шумной, блестящей, смеющейся жизни с музыкой, танцами, поклонниками... Когда Аню провожали домой, то уже светало и кухарки шли на рынок. Радостная, пьяная, полная новых впечатлений, замученная, она разделась, повалилась в постель и тотчас же уснула...» И так-то большинство из нас, представителей голопяточных, по большей части пребывает в махровом бреде, но стоит даме с порванными колготками стать «Анной на шее» и очутиться в блеске не ею нажитого богатства, как ум ее и вовсе отлетает, а на его место приходит святая вера в то, что «ее улыбки и взгляды не доставляют людям ничего, кроме большого удовольствия».

¹ Это явления умопостигаемые, в отличие от чувственно постигаемых феноменов. В философии Канта понятие «ноумен» соответствует понятию «вещи в себе».

Нередко случайно затесавшийся в серость невротической жизни успех воспринимается такой «Анной на шее» не как шанс вырваться из повседневной отвратительной душности, а как одобрение ее образу мысли и жизни, и в результате Господь Бог, почесав затылок на такое странное во всех отношениях свое чадо, оставляет ее у разбитого корыта, но и это не отрезвляет затуманенных мозгов нашей королевы бала. Она проживает в совершенно отдельном измерении, где простые и незамысловатые желания выливаются в террористические наклонности по отношению к своим близким, и так и передается из поколения в поколение эта нить никчемности, тонкая горбинка на носу, которая, как врожденное проклятие, не дает женщине, являющейся прежде всего человеком, найти такое занятие в жизни, от которого не было бы тошно всем окружающим.

Может быть, все дело в потерянном поколении? Но нет, все дело в потерянном человечестве. И сквозь страницы несчастного чахоточного Чехова хочется обратиться к тебе, Анна, и взываю: «Пробудись! Сколько можно пребывать в несносных для тебя самой и для твоих ближних фантазиях? Пойми, что жизнь предоставила тебе шанс вовсе не для того, чтобы ты от души поплясала в шумном ресторане! Жизнь – это не только бесконечная смена покрытых театральной мишурой декораций!»

Но не слышит нас наша Анна. Оказавшись у разбитого корыта, она по-прежнему считает, что в нем плещется лазурное море, и по-прежнему убеждена, что ее улыбки и взгляды не доставляют окружающим ничего, кроме большого удовольствия...

В жизни есть много другого, кроме этой бесконечной мишуры, кроме твердого, как грецкий орех, желания мелочно тиранить своих ближних. В жизни есть благородство неторопливого созерцания, поиск путей дарения безымянного добра, стремление к самосовершенствованию, в конце концов. Но ты избираешь путь безудержного пляса, ты веришь, что создана исключительно для этой шумной, блестящей, смеющейся жизни с несносной музыкой, танцами, поклонниками... Мне жалко тебя, чеховская Анна! Тебя в который раз сбросили с шеи, но ты даже не пытаешься понять, что же с тобой произошло. Почему всю твою жизнь ты гонима и тихо ненавидима? Почему терпеливейшие люди, которые десятилетиями уживаются и работают с такими подонками, что просто свет туши, все же не выдержали и прогнали тебя поганой палкой? Но такие мысли не посетят твою твердолобость... Ты отряхнешься как ни в чем не бывало – плюнь в глаза – божья роса, – и отправишься на поиски очередной шеи, и никто не в состоянии тебе, Анна, помочь...

Герберт Адлер был вынужден заводить таких «Анн на шее», ибо всеми силами старался оградить себя от управления собственными делами. Он чувствовал, как

мельчает и исчервляется надобностью сводить счета, следить за доходом, бороться с расходом... Ну не все же рождены тянуть лямку купца? Вот и приходилось Герберту периодически нанимать управляющих да управительниц, которые сначала пили его кровь потихоньку, потом большими жадными глотками, а под конец и вовсе взхлеб. Но стоило Адлеру с омерзением отбросить от себя пиявку, разросшуюся до размеров половозрелого небоскреба, как он тут же начинал рыскать глазами в поисках новой пиявки, будучи готовым на все, только бы его хоть немного освободили от рабства быть хозяином собственного дела... Сидя в полюбившемся ресторане, Адлер внимательно наблюдал, как оса, влетевшая в окно, приземлилась прямо в сахарницу и, не поверив своему счастью, буквально застыла в изваятельной позе, столь несвойственной пытливому насекомому. Было слышно, как она пожирает сахар.

– Хватит, ну хватит же! – тихо промолвил Герберт. – Ты же не сможешь взлететь!

Но оса не слушала мудрого совета и все поглощала и поглощала сахар. Герберт понял, что если он не прекратит это безумие, насекомое погибнет... Просто упадет, сраженное внезапным приступом сахарного диабета, который протекает особенно тяжело у пчел и прочих профессиональных сладкоежек. Он аккуратно отодвинул сахарницу, чтобы спугнуть осу, но та лишь покачнулась, продолжив свое мучительное обжорство. Наконец через четверть часа насекомое, явно до крайней степени опьяненное своей неводержанностью, подпрыгнуло на кромку сахарницы и изготовилось взлететь, но с первой попытки это не удалось, а со второй оса смешно завалилась на бок и упала Герберту в тарелку. Адлер весело рассмеялся... Вот оно как бывает... Его чрезмерная уживчивость довела до краха даже осу. Ведь любой другой посетитель ресторана прогнал бы наглую полосатость сразу, не раздумывая, не наблюдая и не увещевая

несчастную воздержаться от неумеренного потребления сладкого...

«Вот в этом весь я. С моим мучительным, вечно философствующим умом трудно приходится не только мне, но и всем окружающим. Жила бы оса и в ус не дула (а есть ли у ос ус? нужно посмотреть в энциклопедии), а теперь вряд ли выживет, ведь совсем распухла, а аэродинамика этого не любит...»

Герберт переживал очередной раздор со своей управляющей. Она не то что проворовалась, как это случилось с ее предшественницами и предшественниками, но вообразила, что ей надобно следить за тем, сколько денег будет получать хозяин, и все свои усилия направила на то, чтобы задушить бюджет Адлера. Это тянулось годами; Герберт охал, но терпел. Ему не хотелось снова вникать во все мелочи и унизости своего бизнеса, но в конце концов польза, которую могла приносить его управляющая, уступила место обширному вреду, который она приносила, и Герберт вышвырнул ее вместе со всеми ее разжиревшими помощниками. Сначала ему казалось, что этого достаточно, но опыт подсказывал, что Анна как-то подозрительно тихо ушла, и Герберт на всякий случай стал готовиться к судебному преследованию своей помощницы. Вскоре оказалось, что интуиция его не подвела. Анна, прихватив с собой досье всех клиентов Герберта, компьютер и кое-какие документы, уютно расположилась на соседней улице в надежде теперь уже с помощью внешней конкуренции задушить своего бывшего хозяина.

И Герберт вышел на тропу войны, войны, ставшей для него привычкой, более того, отчасти даже забавой. Он знал, что рано или поздно все это снова повторится, он даже специально не препятствовал краже документов, понимая: если он оставит свой офис на разграбление, Анна обязательно поддастся соблазну спереть что-нибудь важное, а это и послужит поводом для дальнейшего преследования. Так и получилось. Узнав, что Анна

основала собственный бизнес, Герберт заказал букет цветов такого размера, что Эльза даже обиделась, сказав, что ей такого огромного букета он никогда не дарил. Букет состоял из сорока восьми роз и сорока восьми ирисов и обошелся Адлеру в двести долларов. К букету он велел добавить записку: «Рад успехам вашего нового бизнеса».

– Это поцелуй Иуды, – пояснил он свой поступок Эльзе, и та неохотно успокоилась. И действительно, через несколько недель у Анны с ее новым бизнесом начались такие проблемы, что разумный человек вряд ли поставил бы на ее успех и ломаный грош, а еще через некоторое время посыльный принес Анне книгу, подарок Герберта: «За решеткой. Пособие: Как выжить в тюрьме».

Апогеем привычной мести был момент, когда бывшей управляющей вручили иск на три миллиона долларов, который подготовил адвокат Адлера, ожидавший успеха в суде и рассчитывающий на жирные гонорары от клиента, поскольку знал, что Адлер не скупится, когда речь идет о его амбициях.

Так в очередной раз завязалось бесконечное дело, к которому Адлер сразу же, как только понял, что апогей достигнут и кроме редких ответных оплеух и вялой канители судебных заседаний ждать больше нечего, потерял интерес.

Герберт был слишком опытен, чтобы не тешить себя надеждами на окончательную победу. Единственной возможной победой было бы полное забвение, чтобы через несколько лет с трудом припомнить, как же звали эту очередную уродку.

Для Анны же это была первая серьезная война в ее жизни. Это была хитрая, пронырливая женщина, достигшая своих тридцати пяти лет и так никем серьезно и не отшлепанная. Она нигде никогда не работала, поскольку исключительно грубый нрав выводил из себя любого работодателя. Перебиваясь случайными махинациями, Анна наконец наткнулась на Герберта и принялась хамить ему пуще

прежнего, но Герберт терпел и усмехался, терпел и забавлялся, пока наконец перестал терпеть и после четырех лет этого противоборства нанес решительный удар.

Хотя Анна и могла предположить, что все закончится именно так, она, однако, прекрасно справилась с первым потрясением и деловито принялась скрывать доказательства своих махинаций.

Конечно, она была гораздо более сложной личностью, чем просто грубиянка и воровка. У нее был собственный внутренний мир ценностей и понятий о справедливости, который, к счастью для Адлера и к несчастью для нее самой, абсолютно не совпадал с общепринятыми в обществе понятиями.

Как и во многих других, в Анне жили два или даже три разных человека, и борьба между ипостасями этой раздвоенной, чтобы не сказать *растроенной*, личности и выливалась в те противоречивые действия, которые Адлер, а вместе с ним и все остальные, могли не без интереса наблюдать.

Анна была вне себя от всего происходящего. Она была властной самкой и не терпела никаких проявлений воли со стороны тех, с кем общалась. Признаться себе, что четыре года, которые она провела, работая у Адлера, прошли напрасно, Анна не могла.

– Этот Адлер – отъявленный подонок. Хитрый, вечно мягко стелющийся, но не дающий потом спать. Такому легче дать, чем заставить отстать. Но он, сволочь, и на шарм не реагирует, при том, что я и монаха соблазню... Ему ничего не надо, кроме власти! Он хочет, чтобы все происходило только согласно его извращенным планам! И вся семейка Адлеров – змеюшник еще тот. Его супружница Эльза тоже мастер придуриваться. Всю дорогу валяет дуру, мол, моя хата с краю, мне все по барабану, а на самом деле только и знает, что подначивать Герберта, настраивать его против меня... Нет, эти люди совершенно не понимают, что такое справедливость и настоящие, искренние дружеские

отношения. Все, что они могут предложить, это лицемерие и предательство. А больше всего в жизни я ненавижу как раз предательство...

Адлер делил человечество на два сорта людей. К первому он относил тех, кто постоянно создает проблемы, ко второму – тех, кто их решает. Своим хамством, глупостью, нежеланием и на йоту задуматься о своих действиях первые считают себя людьми первого сорта, живущими по наитию, вдохновению... Вторые не признают себя второсортными, но у них просто не остается выхода, как всю жизнь решать проблемы, создаваемыми людьми первого сорта. И не то чтобы эти первосортные ни на что не способны. Нет. Просто у них такой стиль жизни. И Герберт, и Анна были людьми того сорта, который как раз проблемы решал, иначе бы Герберт никогда и не назначил Анну своей управляющей. Но амбиции ее переросли всякую меру. Сначала она помышляла затащить Адлера в постель, ибо привыкла спать со всеми полезными людьми мужского, да и женского пола. Но Герберт оказался аморфным к подобным намекам, чем до глубины души, да и не только души, оскорблял всех женщин, убежденных, что секс является мощнейшим акселератором деловых отношений.

Поняв, что Адлер не поддается на привычные инстинкты, Анна попыталась усыпить его бдительность, якобы начав «учиться» у него, но учеба не продолжилась долго, ибо вольный нрав Анны не позволял ей долго сидеть в уголке, поджав хвост.

Анна пыталась заставить Адлера работать, таким образом уничтожая всякий смысл своего существования в его бизнесе. Адлер работать не хотел. Он считал, что этот вечно торгашеский труд унизителен и разрушает душу. Однако приобретя вкус к роскоши и привычку до крайности баловать своих домочадцев, Герберт не желал умерить своих appetitov. Ситуация напоминала расквашиваемый плот, который вот-вот перевернется, и

наконец Адлер почувствовал, что Анна вывела его из себя не на шутку, и деловая подруга внезапно и несколько комично полетела с плота, который сразу выровнялся и продолжил свое одиночное плавание.

Анна давно готовилась к большой войне. Заметив, что Адлер стал выдвигать свою дочь на руководящие позиции, она решила погубить дело Адлера, чего бы ей это ни стоило. Она тайно начала создавать параллельный бизнес, и последние полгода прошли в кошмаре, который напоминал разрастание злокачественной опухоли внутри хворающего организма адлеровского дела.

Но вот теперь больше нет злонамеренной Анны, и все дела свалились на Герберта. И все вновь начинается по прежнему кругу – коловращение, такое количество дел, что утром не упомнишь, чем занимался вечером, а к вечеру все и вовсе превращается в текущую мишуру. Не покидая плоскость шара, Герберт сначала с удовольствием отбивался от других шаров, сыплющихся ему на голову, на плечи, скатывающихся по его коленям. Он самодовольно хмыкал, что вот же, может справляться и без помощников, но сумма индивидуальных шаров *шаропада* превысила человеческие возможности, и Герберт снова начал обзаводиться целым выводком мелких, а потому пока малозначимых Анн. Дела устроились, но нужно было рваться вперед, ибо Зазеркалье, где, по замечанию Черной Королевы, необходимо быстро бежать, чтобы просто остаться на месте, давно завладело нашим Зеркалем, и мир абсурда больше никого не удивляет и не тревожит: ведь если абсурд стал обыденностью, не значит ли это, что он растерял свою взбалмошную новизну? И в этом мире, в котором мы зачем-то продолжаем существовать, нет ничего надежного, ничего логичного: люди беззлобно и привычно губят друг друга, но смерть теряет всякий смысл, ибо если не помнишь, что было вчера, что было сегодня утром, и совершенно не припоминаешь, что же *свершилось завтра*, то смерть неактуальна, как выключение монотонного

радиоприемника, взявшегося сказать все известные подвыпившему орфографическому словарю незначительные и до унизости несовершенные слова.

Размышляя об абсурде, ставшем нормой, и о норме, превратившейся в абсурд, Герберт припомнил слова Камю: «Абсурд не в человеке и не в мире, но в их совместном присутствии». Вот именно... Каждый из них – и человек, и мир – в отдельности логичен и прост, как выкройка фартука, как выстрел в утренней роще, как сильная струя, текущая из кухонного крана и напоминающая стеклянный столбик. Но стоит им прийти во взаимодействие, стоит человеку окунуться в мир или миру вторгнуться в человека, как начинается грошовый диссонанс, разрастающийся до многомиллионного спектакля кручины. «Если абсурд и существует, то лишь во вселенной человека», – подливал Камю масла в огонь, и Герберт знал, что это верно, что самое большое несчастье проистекает именно от этой внезапной встречи человека с миром, внутренней вселенной – с ее внешним побратимом, сердцевины артишока – с безжалостным столовым ножом общественного рассудка и ефрейторских законов натуральной физики. И если «из бессмысленности, абсурдности бытия еще не следует бессмысленность человеческого существования», то шаровидное астральное тело не ведает, где начинается, а где заканчивается его серебряная нить, связующая острова сторонних созерцателей, которыми являемся мы сами, едва поняв, что рождение не есть ошибка до тех пор, пока не подведен итог, а итог невозможен, как несовершенная алгебра места, как разлитая суть ожидания выхода из замкнутого на себя самого колеса жизни... И снова Камю, упорный заклинитель автомобильной катастрофы, унесшей жизнь и его издателя... «Оправдание абсурдного мира может быть только эстетическим». Эстетика – жалкая приманка

человеческого измельчания, попытка пить из бутылки бытия, не вынимая пробки.

Таковыми мыслями Герберт наполнял свою отсутствующую голову. Он понимал, что не сойти с ума ему позволит только хорошая доза суеты, повседневной и крошащейся на каждой половине.

– Ведь если все время рассуждать о смысле жизни, жизнь потеряет смысл! – ворчал Герберт и, внезапно забросив дела, проводил все свое время с Эльзой, осторожно касался ее чуть припухшего животика и спонтанно искал движений, которые могут быть похожи на плескание рыбки, трепетание бабочки, но, хотя Эльза и утверждала, что она уже что-то чувствует, пока не мог ощутить этого проявления новой жизни, которая снимает все вопросы, заменяет нудное блуждание по чердакам философской чуши естественным желанием жить и радоваться каждому не украденному суетой моменту. А потом наступает новая суета, осмысленная и верная, как незыблемое право деторождения, которое отнимается у нас последним.

И если в ледяных алмазах
Струится вечности мороз,
Здесь – трепетание стрекоз
Быстроживущих, синеглазых, –

бормотал Герберт мандельштамовские строки, вновь и вновь ощупывая драгоценный животик.

– У нашего Пузырика неоткуда взяться синим глазам, – смеялась Эльза, вглядываясь в такие знакомые и незнакомые карие глаза Герберта.

– А вдруг это вовсе не Пузырик, а стрекоза! – сюсюкал Герберт.

– Вот рожу тебе пупсика...

– Только не говори слово «пупсик»! Каждый раз, когда ты говоришь «пупсик», мне хочется плакать...

– А ты поплачь... Это не страшно. Это ведь даже хорошо! Так бывает – вздохнешь после долгожданного плача, как после весенней грозы, как в озонированной купели душевной атмосферы... Слезы проветривают душу...

– Мне нельзя плакать, я не того пола.

– Глупости. Нет того или не того пола. Есть только жгучие тиски нервов, которые не дают нам ощущать самих себя. Слезы – это хорошо. Слезы – это высшая степень исповеди, когда не нужно слов, когда все ясно и прозрачно, как в капельке...

– Пупсики, капельки... Что за чудные слова? Я устал. Я безумно устал...

– А ты отдохни.

– Отдых не приносит мне облегчения. От отдыха становится только хуже. Только нервнее...

Герберт вздохнул и поднялся. Несмотря на субботний день, у него была назначена деловая встреча.

Анна раньше блокировала и не доводила до сведения Адлера многих сообщений, а теперь на него обрушился целый ворох деловых предложений. Например, сегодня прибыл индус с намерением купить индийскую часть дела Адлера. В Индии у Герберта дела шли ни шатко ни валко, и он с радостью избавился бы от этого никчемного бремени.

Энжела и в субботу помогала отцу. Она встретила индуса и проводила его в комнату для деловых встреч. Лакшми Вишну Мишра был человеком немолодым. Его вызывающе темный цвет кожи из коричневого переходил и вовсе в черный вокруг глаз – вместилищ черных дыр зрачков, окруженных орбитами коричневатого белка.

Лакшми покачивал головой из стороны в сторону так, словно пародировал сам себя, но Герберт оставался серьезен. Он устало, но достойно изложил свое видение сделки, и когда индус принялся привычно торговаться, холодно и протокольно заговорил о величии Индии и ее народа, о ее славной истории и уникальной культуре, о колоссальном населении и врожденном миролюбии. Гостю

было приятно. Он не ожидал услышать так много хорошо обоснованных добрых слов в адрес своей нищей, но упрямо стремящейся к свету цивилизации страны.

– У вас есть дети? – внезапно спросил Герберт, ожидая положительного ответа. Ну у какого индуса нет детей? Что за вопрос?

– Нет, я холостяк, – улыбнулся Лакшми.

– Ну, это не важно, – несколько растерялся Герберт, рассчитывавший рассказать гостю, как тот сможет передать детям великолепное дело, которое приобретет у Герберта. Поняв, что с этой стороны у Лакшми глухо, усталый делец принялся за другой подход и снова заговорил о величии Индии. Герберт не обладал энциклопедическими знаниями; настоящий эрудит пытается запоминать все, чтобы потом блистать своим изысканным интеллектом, который на поверку зачастую оказывается лишь свалкой малоосознанных, а потому и никчемных сведений. Герберт же интересовался всем на свете не для вящей показухи, а для удовлетворения своей вечной страсти к изучению бытия. Кроме того, его страсть к коллекционированию книг наталкивалась на внутреннее противоречие, если эти книги оставались не пролистаны... А потому и недавно приобретенный восьмитомник Вивекананды² не остался без внимания цепкого космополитизма гербертовского ума. Лакшми был польщен, а Герберт не понимал, зачем он блистает своими более чем скромными, буквально штрихообразными познаниями в ведических текстах, – то ли из пошленькой корысти, мелочного желания расположить к себе покупателя, то ли потому, что ему

² Свами Вивекананда считается одним из наиболее знаменитых и влиятельных духовных лидеров философии Веданта и почитается миллионами индийцев и представителями других народов, он нередко сравнивается с Буддой и Иисусом. В 1893 г. Вивекананда представил индуизм на Всемирном Парламенте Религий, затмив всех остальных выступающих и впервые вызвав интерес Запада к индуизму.

действительно хочется поговорить с этим немолодым представителем иного и таинственного мира о мудрости веков? Внезапно ситуация на переговорах переломилась: что-то подсказало Лакшми, что этот необъятный в своих пропорциях европеец говорит искренне и вовсе не корыстен, более того, это человек надежен и с ним можно и даже нужно иметь дело. Обнадежив Герберта (который, впрочем, не верил в обещания, даже если они исходили и из более надежных уст, чем те, что обычно принадлежат легко и бурно фантазирующим сынам индийского народа), Лакшми перевел дух и замолчал.

– Обедать? – спросил Герберт, повеселев. Лакшми отчего-то нахмурился. Оказалось, что он вегетарианец.

– Я последователь Сатья Саи Баба.

Герберт почувствовал прилив ненаигранной симпатии к этому чужому человеку. «Наконец-то в торгаше встретил человека, пусть помешанного на очередном культе, но не просто бескорыстно любящего деньги, чем начинается и кончается вся его земная карма...»

– Расскажите мне о ваших верованиях, – дружелюбно и осторожно попросил Герберт, и Лакшми улыбнулся.

– Вы уверены, что хотите обо всем этом слушать?

– А почему это вас удивляет? – еще с большей нежностью произнес Герберт, и они отправились в небольшой ресторан, чтобы продолжить беседу. Герберт, оставив Лакшми за столиком с Энжелой и наказав ей развлекать и расспрашивать гостя об Индии, заскочил домой и схватил томик своих стихов, изданных с переводом на многие языки, одним из которых, на счастье, оказался санскрит. Герберт лихорадочно подписал книгу, переписав сложное имя гостя с его визитной карточки. Вернувшись в ресторан, он подарил книгу индусу. Тот был поражен.

– Вы знаете санскрит?

– Нет, – ответил Герберт, – я просто заказал перевод своих стихов на десять языков и издал одной книжкой. – Герберт явно страдал манией величия, но поскольку сам относился

к этому с юморком, то его пока все-таки еще можно было терпеть... – Прочитайте несколько строк на санскрите, мне интересно, как звучат эти стихи на древнейшем языке... – вежливо попросил он, Энжела поддержала просьбу, и Лакшми с видимым удовольствием принялся за чтение...

वास्तमेव माया
जग जगत् सर्वम् माया ।
तवासित स्वतंत्र संदर्भ
स माया – स संदर्भ ॥

Из уст Лакшми потекли поражающие своей чужестранностью звуки, но стоило вслушаться, и в интонациях послышались отзвуки говора Архангельской и Вологодской областей, сохранившие звучание санскрита. Невероятно... Напевное звучание напоминало русский, и если древнейшие арийцы и правда пришли в Индию с севера, то им просто неоткуда было прийти, кроме как с родины Герберта Адлера, обрусевшего немца, уехавшего на Запад.

Реальность – иллюзорна.
Мир соткан из иллюзий.
Какую же свободно
Решился б выбрать ты?
Хорошая иллюзия –
хороший выбор, –

перевел Лакшми и аккуратно закрыл книгу.

— У нас очень близкое видение мира, — сказал он. — Эта книга не просто подарок, а великая честь для меня.

— Я бы хотел выучить санскрит, — тихо признался Герберт и снова не понял, искренен он или просто все еще пытается понравиться деловому партнеру. Почувствовав омерзение по отношению к самой возможности подобной неискренности, он добавил: — Я бы распевал молитвы на санскрите, даже не понимая смысла, мне просто нравится, как звучит этот язык. Трудно, конечно, быть к нему объективным, ведь на нем написаны древние Веды... Увы, чаще всего нам нравятся вещи и явления не сами по себе, а за те ассоциации, которые они порождают! Расскажите нам о ваших верованиях.

— Я последователь Сатъя Саи Баба, чье имя можно перевести с санскрита как «истинные мать и отец», — возвестил Лакшми. — Наш пророк родился в 1926 году в одной из деревень на юге Индии. Саи Баба уже в детстве

несколько раз материализовывал для друзей фрукты, сладости и даже редкие гималайские лекарственные травы из воздуха. В четырнадцатилетнем возрасте он перенес состояние, близкое к коме. В течение двух месяцев его мучили сильные боли, и он периодически терял сознание. После этой странной болезни его парапсихологические способности возросли и расширились, и Саи Баба понял, что является живым богом и перевоплощением индийского святого и чудотворца Шри Саи Бабы из Ширди, считавшегося явлением Шивы. Саи Баба оставил семью и вскоре с помощью появившихся последователей основал в деревне Пуггапарт ашрам «Обитель вечного покоя» («Прашанти Нилаям»), а затем международную организацию «Сатья Саи Баба Фаундэйшн».

– Ну а все-таки, что же нового привнесла эта секта?

– Сатья Саи является аватаром Шивы и Шакти, мужского и женского начал божества, и он рождается еще раз в облике Према-Саи как явление одной Шакти. При этом произойдет исполнение неких древнейших пророчеств о нем, содержащихся в Библии, Коране, Махабхарате и других писаниях. Используя опыт Вивекананды, Саи Баба декларирует, что пришел ради всего человечества, а не ради отдельных народов и религий, что его задача – не основать новую религию или навязать людям свое учение, а через Истину и Любовь восстановить прямой путь к Богу и возродить в людях стремление к духовности, братству и сотрудничеству. Такой смысл заложен и в одном из названий секты Саи Бабы – «Движение за всеобъемлющую веру». Саи Баба учит: «Мы по природе своей не ограничены временем и пространством, ибо наша подлинная сущность безгранична, неизменна и непреходяща... Наше подлинное бытие суть бесплотное состояние чистой любви и блаженства». Всякий, кто хотел бы самолично испытать эффект присутствия Христа, Будды или Кришны, должен поехать к Сатья Саи, потому что он – их перевоплощение. Саи Баба ест только чапати (лепешки)

и рис, а пьет только горячую воду. Мы много помогаем бедным. Нет разных религий, разных богов, есть только один Бог, и нет ничего, кроме Бога. Нет каст, полов, есть только человек, – закончил Лакшми и принялся поедать заказанный им рис со специями. Герберт и Энжела из уважения к гостю тоже заказали вегетарианские блюда.

Разговор за столом стал затухать. Герберт ненавидел такие моменты и вновь обратился к Лакшми с вопросом.

– Вы верите в переселение душ?

– Конечно.

– Ну, объясните мне тогда, в чем же смысл реинкарнации, если мы не помним наших прежних жизней? То есть, возможно, где-то на уровне подсознания или еще глубже что-то помним, скорее, просто подспудно намекаем сами себе на возможность существования вне пределов этой текущей жизни, но в сознательном состоянии видим лишь глухую стену, начинающуюся в нашей памяти где-то в возрасте трех-четырех лет. Значит, в сознательной жизни реинкарнация для нас не является значимым фактором? Тогда почему мы вообще должны допускать, что она имеет место? Вот я беру свою чашку, наполненную чаем, и переливаю чай в вашу, уже пустую чашку, – Герберт хотел воплотить озвученное, но остановился на полужесте, постеснявшись перелить свой чай в чашку Лакшми, хотя, казалось, тот не протестовал. – Итак, чай, перелитый в вашу чашку, не обладает памятью о своем бытии в моей чашке. Так чем же эта чашка чая отличается от той, которую наполнили бы сразу из чайника? Даже если души и являются столь ценным товаром, что Господь, вооружившись природой судеб, тасует их из плоти в плоть, нам-то до этого какое дело? С нашей точки зрения каждая новая обитель души содержит новую душу, и мы не видим связи со свершившимся в наших предыдущих воплощениях.

– То, что вы чего-то не видите, не означает, что его нет... – задумчиво возразил Лакшми.

– Кем вы были в прошлой жизни? – поинтересовался Герберт.

– Не знаю, – просто и как-то слишком по-обыденному ответил Лакшми. – Может быть, собакой...

– Почему не котом? – перебил его Герберт. – Вы не подумайте, что я не верю в переселение душ... Как ни странно, я как раз, кажется, верю! Мне просто хочется, чтобы вы защитили это мое интуитивное предощущение или помогли его опровергнуть. Переселение душ не такая уж приятная процедура, и модель мироздания, зиждущаяся на таком предупреждении, не самая сладкая обитель для наших намерений. Мы устаем от нашей сегодняшней текущей жизни, и потом, вместо посуленного христианамирая, небытия, вталкиваемого в нас атеистами, или просто покоя, на который мы все подспудно уповаем, вдруг оказаться собакой? Нет уж, увольте... Такая модель мне не по душе, но почему-то мне это кажется вероятным... Я, конечно, понимаю, что, может быть, мы растем каждую жизнь и в следующей перерождаемся в лучшее существо, чем были в предыдущей, пока не наступает свобода...

– Слияние с всеобщим и всюду присутствующим Богом... – подхватил Лакшми.

– Да, высшая точка освобождения от колеса жизни... – постарался не сбиться Герберт, но вдруг потерял нить рассуждения, замолчал и несколько невпопад спросил гостя: – Хотите сладкого?

– Нет, нет, спасибо. Я уже сыт.

– Если эта реальность нереальна, – вдруг продолжил Герберт, – а в этом у меня нет никакого сомнения, я словно слышу скрип пера писателя или стук его пальцев по клавиатуре пишущей машинки, когда он сочиняет нас. Вот и сейчас, у меня на затылке словно бы поднялись волосы дыбом, это происходит всегда, когда я ощущаю его присутствие...

– Чье присутствие? – испуганно спросила Энжела, которая до сих пор молчала, хотя и внимательно следила за разговором.

– Его присутствие, присутствие автора, который сейчас, в этот самый момент, пишет про нас, и мы подчиняемся его воле, произносим вкладываемые им в наши уста слова... У вас разве не возникает такого чувства?

– Бывает... – ответил Лакшми.

– А у тебя, Энжела?

– И у меня бывает... – согласилась девушка, подумав.

– Но в том-то и дело, что реальность нашего автора тоже не окончательная. Он и сам сидит в своей реальности, руководимый и наблюдаемый из иной, более высокой, более реальной реальности!

– И так до бесконечности? – догадалась Энжела.

– Вот именно... – не останавливался Герберт. – Вот именно! И тогда возникает окончательный и неразрешимый вопрос.

Герберт замолчал и внимательно посмотрел индусу в глаза. Тот тоже не отводил своего взгляда. На секунду собеседникам показалась, что они так и будут проводить вечность, просто смотря друг другу в глаза.

– Как Бог может доказать себе, что его реальность окончательная? А если она не окончательная, то как Он может доказать себе, что Он Бог, а не нечто иное! Что все это ему не кажется, что он не галлюцинирует, что он Бог, а на самом деле он никакой не Бог?..

– Очень интересный вопрос, – согласился Лакшми, прежде чем отвел свой взгляд.

– Да, это же утверждал Декарт, – вставила свое слово Энжела, – или, скорее, Спиноза.

Лакшми не был знаком с европейской философией. Он помолчал еще с минуту и сказал:

– Единственным ответом на ваш вопрос может быть: «Нельзя мерить Бога человеческими мерками!» Вы были

бы правы, если б человеческая форма мышления была бы единственно возможной, но, скорее всего, это не так.

– Какова же божественная форма мышления? – заинтересованно спросил Герберт.

– Единственное, что мы можем о ней знать, что, скорее всего, она вовсе не человеческая, а посему ваш вопрос, возможно, отпадает сам собой. Представьте себе муравья, живущего в муравейнике рядом с вышкой, несущей электрические провода, вопрошающего, как гигантский муравей построил линию электропередач? В том-то и дело, что ее построил не муравей! А ведь различий между человеком и Богом больше, чем между человеком и муравьем...

– Ну, а как же «по образу и подобию»?

– Подобие вовсе не означает тождественность!

Герберт был счастлив. Ему показалось, что вместе с Лакшми они нашли ответ на вопрос, который так давно его волновал...

– Я искренне рад, что искал делового партнера, а нашел родственную душу, – признался Лакшми, прощаясь. – Как это замечательно, что и на другом конце земли люди, подобные вам, размышляют о смысле вселенной!

Герберт тоже поблагодарил индуса, и сейчас он точно знал, что делает это не для того, чтобы понравиться...

Дома Герберт обнаружил письмо от матери Анны. Это была настоящая неожиданность! Она писала:

«...Если все, что вы творите с моей дочерью, результат вашей душевной болезни, то прошу Господа об исцелении. Если это запланированная подлость, то мне вас очень жаль. Вы, который могли оставить детям огромное духовное наследие, растлеваете их души вирусом бесчестия и предательства. Очень сожалею,

что своим возможностям и талантам вы нашли столь непристойное применение. Уверена, что мое мнение для вас ничего не значит, но хочу сказать (с огромным сожалением), что вы – мое самое сильное разочарование...»

Взглянув на дату, Герберт сразу сообразил, что письмо было написано в день вручения Анне иска на три миллиона. Он тут же сел за ответ.

«Уверяю вас, что ваше представление о происходящем искажено неполнотой информации. К сожалению, ваша дочь не оставляет мне выбора действовать так, как я действую. Более того, я не испытываю враждебности ни к вам, ни к ней. Если вы желаете разобраться в происходящем и услышать мнение обеих сторон, я с радостью отвечу на ваши вопросы.

Анна давно планировала разрушить мое дело, планомерно создавая конкурирующий бизнес. Ее необъяснимая жажда власти затмевает ей разум. Она довела состояние дел в компании до того, что мне пришлось вложить даже деньги из моей и Эльзиной пенсионной программы, но и это не произвело на Анну никакого впечатления. За три месяца, не давая рекламы и говоря вам, что проводит время на работе, а сама болтаясь черт знает где, она спустила и эти деньги.

Прижатый к стенке, я прекратил работу ее офиса, и тогда она унесла все содержимое нашего сейфа и все

бухгалтерские документы.

Как только Анна и ее друзья перестали у нас работать, дело стало расцветать: стабильно, без всяких спадов. Но вдруг Анна стала утаскивать у нас из – под носа наших клиентов, пользуясь нашими же разработками, в которых ею не было сделано ни йоты.

Ну и что же мне делать? Вы мудрый человек... Что мне делать? Дать Анне разорить меня полностью?

Позволить ей уводить моих клиентов? Когда я познакомился с вашей дочерью, я был состоятельным человеком, теперь я по уши в долгах, хотя иногда мне приходится работать по 18 часов в сутки. Я не могу сказать, что Анна – мое самое большое разочарование, ибо я видел ее поведение, приведшее к тому, что назревало уже несколько лет. Она нерациональна в своем желании подавлять и контролировать других людей, никогда не учитывая их интересов и помня только о своих, которые, в свою очередь, по сути нерациональны и разрушительны.

Все эти годы Анна получала огромные деньги, она пользовалась практически полной свободой и наивысшим уважением с моей стороны, но это не остановило ее от попытки разрушить наш бизнес.

Мы имеем несчастье наблюдать типичную сказку о золотой рыбке. Наша Анна возжелала стать царевной морскою, и чтобы я был у нее на посылках...

Я с радостью продолжу с вами этот диалог и считаю ваше письмо ко мне

проявлением мужества и мудрости.

Ну а болезнь... Куда ж без нее, милой... А у кого ее нет? В мою душевную болезнь немалую лепту внесла ваша дочь... Я все-таки терпел ее наглость и хамство чуть ли не пять лет. Мне искренне жаль вас и всех ваших домочадцев, потому что вам приходится терпеть это всю жизнь...»

Он надеялся, что мать Анны станет мостиком примирения, – ведь все, что Герберту было нужно, это чтобы Анна искренне покаялась и, как в детском саду, пообещала, что больше не будет... В начале каждой войны есть маленький моментик, крошечная точка, в которой, кажется, еще можно все изменить, повернуть вспять. Возможно, это тоже лишь назойливая иллюзия, но так хочется, чтобы неизбежность конфликтов была опровергнута... Он по-своему любил семью Анны, уважал ее мать, и ему было больно причинять этим приятным и невинным людям такое горе. По совести говоря, Герберт неплохо относился и к самой Анне, у которой, похоже, намечилось раздвоение личности. В обычном общении она была терпима, хоть и скучна, но стоило ей обратиться к делам, как из обычной женщины вырывался монстр, который, в представлении Адлеров, иногда умудрялся затмевать все небо.

Прерывание человеческих связей – не самое мудрое решение. Не зря говорят: «держи друзей близко, а врагов еще ближе». И недаром Мартин Лютер Кинг говорил: «Мы будем помнить не слова наших врагов, а молчание друзей!» Любое молчание, как это ни странно, является большим проявлением враждебности, чем самая отборная брань. Страшнее молчания друзей может быть только молчание врагов...

«Вот Лакшми Вишну Мишра – совершенно чужой человек, а стоило провести с ним пару часов, и стал он роднее и

понятнее, чем иные из тех, с кем проводишь всю жизнь. Как это объяснить? Уж не земное ли воплощение индийского бога Вишну я повстречал? Вишну кушал вишню... Хотя Вишну, кажется, должен быть четырехрукий. Впрочем, в земном своем воплощении он вполне мог явиться мне в человеческом обличье, как Кришна или Будда...»

На Энжелу индус произвел меньшее впечатление, чем на отца. Какой-то куций и совершенно темный, к тому же совсем немолодой... Так уж устроена женская головка, что всех представителей мужественного пола невольно оценивает, примеряет, даже если это старик, даже если это совсем некстати.

Теперь Энжела жила одинокой, но странно нравящейся ей жизнью. Она съехала с квартиры, на которой проживала со Стюардом, и сняла себе другую: просторную, в два этажа, хотя и в мрачноватом сером доме. Ей было больно возвращаться после работы на старое место, туда, где, как ей казалось раньше, она была счастлива и любима... Новый дом дарил ей ощущение отстраненности от прежней жизни. Новый ухажер Эдди, появившийся по мановению волшебной палочки при активном содействии родителей, был студентом, боксером, короче, простым сильным парнем, высоким и неотразимым, как летчик из французского авиационного полка «Нормандия-Неман». Он и правда бредил небом, пацаном примкнул к организации «Королевские воздушные кадеты», и когда говорил о полетах, от него невозможно было отвести глаз. Но Энжеле он не нравился. Ее сердце было закрыто, в нем до сих пор проживал невзрачный и местами весьма пакостливый Стюард, хотя признаться в этом она не могла ни себе, ни своим родителям. Эдди казался ей властным, не в меру насмешливым и очень недалеким, хотя, скорее всего, это было не так. Просто тот самый разрыв со своей первой любовью, последствий которого столь опасалась

Эльза, прошел для Энжелы гладко лишь внешне, а там, внутри, укрытые даже от нее самой, кипели противонаправленные порывы, стонали закрывающиеся двери, не желая закрываться и оставлять Стюарда вовне.

Как-то незаметно они снова начали переписываться. Стюард, разумеется, признал себя во всем виноватым и начал медленно и планомерно пытаться возратить хотя бы крошечку прежних отношений. Узнав, что у Энжелы новый ухажер, Стюард пришел в кипучую ярость и пообещал разделаться с соперником, но, увидев огромного молодого боксера, благоразумно дал уговорить себя «не делать глупостей».

Эдди чувствовал себя облапошенным. Ему редко отказывали женщины, но Энжела была, как глухая стена, хотя и не торопилась отпустить его на все четыре стороны. Сначала ему казалось, что это простое жеманство, но в конце концов он понял, что на эту башню бесполезно глядеть с ожиданием счастья... Он потускнел и начал воспринимать Энжелу как некий нарыв, от которого больно, но ничего не поделаешь, надо терпеть: Адлеры пригласили его на работу в компанию на все лето, и он не мог уйти, потому что ему были нужны деньги для продолжения учебы в университете.

Чем меньше Эдди нравился Энжеле, тем больше он нравился Герберту, однако настаивать на своем мнении Герберт не стал, поскольку понимал, что, во-первых, сердцу не прикажешь, а во-вторых, как говорится, «все еще впереди», «поживем – увидим» и «тише едешь – дальше будешь...»

Эльза боялась, что дочь неизбежно вернется к Стюарду, хотя та клялась, что этого никогда не случится.

Герберт весело замечал, что Стюард теперь проученный, а «за двух небитых одного битого дают» и так далее, хотя и он украдкой тяжело вздыхал и упорно, из недели в неделю, давал объявление в местную газету, что его компании требуются молодые выпускники университетов, хотя, в

общем, для дела ему это было и не очень нужно. Он просто надеялся таким образом посмотреть и показать Энжеле всех молодых людей города и каким-нибудь чудом устроить счастье дочери. Энжела знала об этом, и ей было приятно, что у Герберта такой спокойный и неторопливый подход к обустройству ее личной жизни. Сама она ни с кем не флиртовала, жила одна со своими двумя котами, делала вид, что ей никто не нужен, и упорно переписывалась со Стюардом, а когда Герберт невзначай попросил сравнить Эдди со Стюардом, призналась, что Стюард был ее лучшим другом, что с ним было так интересно разговаривать. При этом ее личико покраснело, а на глазах появились слезки...

– Пиши пропало, – вздохнула Эльза. – Уведет опять, подонок... Я не верю в искренность его раскаяния...

– Я тоже не верю, – отозвалась дочь, – но по крайней мере, он признает, что вел себя как последний идиот и сожалеет о случившемся. Кроме того, я же сказала, что со Стюардом у меня все кончено.

– Поклянись! – вставил слово Джейк. – Поклянись, что никогда к нему не вернешься! – наивный мальчик полагал, что клятвы девушек хоть что-нибудь значат.

– Клянусь! – торжественно заявила Энжела, и все почувствовали, что Стюард очень скоро водворится в свои права. Жить его, конечно, Энжела больше к себе не пустит и в семью к Адлерам тащить не станет, да он и сам не пойдет, а вот романтика, встречи при луне, разговоры, разговоры, разговоры полупшепотом, да и только ли разговоры?.. Это все будет, обязательно будет. Как всему этому не быть, если Стюард – «самый лучший друг?»

– Вы расстроились? – обеспокоенно спросила Энжела родителей.

– Я – нет, – твердо ответил Герберт. – Одним открыто ненавидящим нас человеком стало меньше. Все же приятно, когда одерживаешь моральную победу, а раз враг признал себе неправым, пусть и не очень искренне, это уже много! Вот если бы Анна со своей бандой признала себя

неправой – цены бы ей не было, тут же бы простил... Ведь, и правда, ей есть за что извиниться, ведь чуть было по миру не пустила! Только чудом мы спасли и заново отстроили наше дело...

– А я расстроилась, – вздохнув, призналась Эльза. – Я так и думала, что этот змий ее никогда не отпустит, поломает жизнь моей девочке, – так оно и происходит...

– Мам, я не вернусь к нему! – твердо повторила Энжела.

– Ну, может быть, не все так плохо? – с надеждой спросил Джейк.

– Плохо, очень плохо, – снова вздохнула Эльза.

«Как же возникает стойкое чувство сильной привязанности, симпатии? – рассуждал Герберт. – Неужели все происходит из бесхитростного психоанализа, из эмоций, подлежащих сублимации или торможению, из упрямого и настырного эквивалента Эроса? Почему в том, что касается любви, человек не может просто и рационально все обдумать, взвесить, найти хорошее решение... Насчет покупки автомобиля – может, а вот насчет основы всей своей жизни – не может. Все, что касается чувств, – хрупко и нестойко.

Отчего же человеку изначально не ясно, что любовь – это не просто поцелуйчики по закоулкам, а самоочищение, основанное на добровольном самоотречении? Ее часто путают с дурным и незатейливым чувством привязанности, основанной на привычке и страхе одиночества. Чаще всего люди только думают, что из мрачных сводов подсознания на них снизошло нечто светлое, некое подобие страсти, самодовольно хмыкающей и ластящейся ко всякому, кто оказался близко, но это вовсе не любовь... Древнегреческие смыслы слова «любовь» – *αγάπη*

αγάπη

, – наверняка произошедшего от древнееврейского, а значит, и библейского «агава», бросают на свои же собственные тени отблески молниеносного влечения,

зарождающегося где-то в их поволокой глубине, влечения, все же неизменно уступающего место чему-то возвышенному, как в Индии, где эрос культивирован до самодостаточно-прекрасного отношения, где бхакти³ и эрос Платона переплетаются в послушном соитии, где нет места пошлости и где цель сопричастности не сводится к паре невнятных содроганий... Где моя бескорыстная добродетель? Где моя излюбленная вера и понурая надежда? Где мое евангельское «Возлюбите!», которое теряет смысл, если мы сводим любовь к спонтанно возникшей симпатии, к некой надобности, расхожей монете, послушной любому порыву внезапной силы?

Безвозвратно измельчал культ Прекрасной Дамы, прочно забыто представление о любовной клятве. Любовь из простой симпатии более не превращается в решимость, требующую немалой силы воли для преодоления преград, появляющихся на ее пути. А как же сладость любви – единственной, восторженной и отреченной от слабого покрова естественных позывов, мелочных воззрений, мерзостного чувства утраченного понапрасну времени на неоправданную верность? Отсюда недалек путь и в бравое царство философии экзистенциализма, где любовь превращается всего лишь в некий проект становления совершенством в глазах другого. Как жаль, что весь этот бред навеян биохимическими процессами, ведь именно они, а не духи поднебесья сопровождают состояние любви. Просто мозг влюбленных вырабатывает больше вещества, физиологически вызывающего ощущение счастья...»

История с Анной снова отвлекла внимание Герберта от размышлений о сферах высших и завлекательных, опустив

³ Бхакти (санскр. bhakti – «сопричастность», «приверженность», «преданность», «почитание», «поклонение») – одно из основных понятий индуизма, означающее религиозный путь эмоционально-личного почитания избранного божества.

его на поросшую приземистыми мхами землю. Неожиданно пришло новое письмо от матери Анны.

«Герберт, ваше письмо я получила, прочитала и даже написала ответ, как воспитанный человек, но не успела отправить, так как почтальон вручил мне огромный пакет для Анны с вашими притязаниями. Я поняла, что мои советы вам не нужны и что вы стремительно перешли Рубикон, несмотря на образ золотой рыбки, в который вы так желали войти. Я же видела выход в цивилизованном решении возникшей проблемы.

Мне очень жаль, что вы заставляете выкорчевывать вас из моей души.

Мне казалось, что в детстве вы недополучили тепла и любви в семье, что вас не понимали ровесники и что вы нуждаетесь в добрых друзьях. Но, увы, и тут я просчиталась.

Вы мне, пожалуйста, больше не пишите. Будьте здоровы».

Герберт незамедлительно написал ответ.

«Вот неожиданность! После более месяца молчания – вдруг письмо. Я рад. Интересно, какой ответ вы мне написали и не отослали?

Все, что мне нужно от Анны, – чтобы она осознала свое поведение, доведшее ситуацию до такого острого конфликта,

извинилась и оставила наш бизнес в покое, занявшись чем-нибудь другим. Но, видимо, Гордыня вашей дочери не имеет предела.

Вы можете помочь ей, выступив посредником в замирении. Конечно, придется погасить определенные расходы, которые мы уже понесли и которые с каждым днем увеличиваются.

Все это очень опасно для вашей дочери, потому что она совершила много уголовных действий, которые происходили на глазах у всех – адвокатов, бухгалтеров...

Например, она намеренно уничтожила все бухгалтерские документы компании на компьютере, который незаконно изъяла из офиса. Причем, как показала экспертиза, стерла уже после того, как ей было письменно указано этого не делать. Я не буду перечислять всех неприятностей, которые сулит ей это дело. Анна будет получать оплеуху за оплеухой и на суде, и в бизнесе. Я опытный боец и уже не раз выходил победителем в подобных схватках. Вы можете уговорить ее оставить ее дурацкие планы переходить мне дорогу, и я с радостью закрою это дело, мы подпишем соглашение и забудем друг о друге.

Еще раз подчеркиваю: если бы не принятые мной исключительные меры, ваша дочь пустила бы меня по миру, полностью разорив! Все, что я делаю, в отличие от Цезаря, перешедшего Рубикон, – я только обороняюсь, а не веду наступательные действия.

Кстати, вам это будет интересно: когда я прекратил работу Анны и всей ее шайки, я

не имел намерений подавать на нее в суд, но за несколько недель своих провокационных действий Анна наскребла себе на хребет большую часть обвинений. Остановите ее, Долорес, она не в себе.

Все, что она делает, – глупость на глупости. Она совершенно не ориентируется в местном законодательстве и имеет превратные представления о местном правосудии. Совершенно очевидно, что судья будет полностью на нашей стороне. Ну нельзя уничтожить финансовые документы!!! Нельзя утаскивать семь коробок с файлами наших клиентов! Нельзя обчищать содержимое сейфа с платежами на сумму семь тысяч долларов! Все это запротokolировано и признано Анной, поскольку она вернула содержимое сейфа и т. д.

Приведите ее в чувство. Если же вы не имеете на нее никакого влияния (что наиболее вероятно), то перестаньте поносить меня в своих письмах как бесчестного человека, а просто признайтесь, что не имеете на нее влияния, но вовсе не поддерживаете ее авантюры. И тогда мы вместе поищем какой-нибудь выход. И это вовсе не будет предательством вашей дочери, а будет реальной помощью ей.

Если же вы и дальше будете настаивать, что во всем виноват я, то мне, к сожалению, придется записать и вас в разряд своих врагов, страдающих чрезмерной гордыней, и примирение будет невозможно.

Кстати, я не понимаю, почему мои действия стали для вас неожиданностью.

Разве вы не знали, что я всегда поступаю так в таких случаях?

Пожалуйста, будьте благоразумны. Обсудим, как выпутать Анну из того кошмара, в котором она очутилась.

Я пишу вам не из слабости и не из неуверенности в себе. Наоборот, я знаю разрушительную силу того, что сейчас происходит, и взываю к вашему благоразумию.

Мне совсем не хочется доводить вашу семью до полного разорения, которое может последовать как результат этого процесса, но если вы будете мне дерзить и по-прежнему задирать нос, – вы опять же не оставите мне выхода.

Вы наверняка мало смыслите в местном «правосудии». Я занимаюсь им в качестве хобби и весьма подкован. На этой стадии мы еще можем разойтись с приемлемыми потерями (до сих пор на подготовку процесса мной было затрачено пятьдесят тысяч долларов).

Если Анна будет пытаться неумело барахтаться, для нее это будет полная финансовая катастрофа. Закон запрещает мне указывать на возможность тюремного заключения Анны, поэтому я молчу об этом.

Кстати, вы правы, в детстве я недополучил тепла и любви в семье, меня не понимали и продолжают не понимать ровесники, и я нуждаюсь в добрых друзьях. И вас, и мужа вашего, и внуков ваших, и даже Анну я люблю, и мне мучительно больно причинять вам неприятности. Я с

радостью помогал бы вам финансово, учил бы вашу внучку французскому и присылал яйца от наших кур (кстати, теперь у кур вообще офигительная яйценоскость, и яйца девают некуда).

Ну разве я похож на злодея?

Я еще раз вам объясняю: похоже, у Анны мозги съехали набекрень. Началось это где-то год назад. С одной стороны, в личном общении со мной она была милый и отзывчивый человек, но ее действия и поступки в бизнесе были просто ужасны! Ну не доводят хозяина бизнеса до такой ярости, не давая рекламы, задушивая продажи и диктуя свою дурную волю...

И при этом никакие увещевания и предупреждения не действовали.

Ну, солнышко вы мое, без Анны бизнес снова расцвел. Мы все наладили, все счастливы. Анна же в бытность свою управляющей заставляла меня как мальчишку каждую неделю бегать в банк снимать деньги для зарплат нашего офиса.

Да что там говорить? Она вам-то не выделяет ни копейки наличных денег, разве это нормально? Разве это не унижение? Вы попали в полную финансовую зависимость от нее, вот и все дела... А я бы с удовольствием назначил вам пожизненную пенсию в полторы тысячи долларов в месяц и оплатил бы отдельную квартиру просто по дружбе и из уважения. Я помогаю многим... Кстати, и работу бы дал вам, полно работы...

Я давно предлагал это Анне, говорил, что вы можете делать полезную работу на

компьютере. Но она отмахивалась, — конечно, она не желает, чтобы вы освободились от зависимости от нее.

Вот и выходит, что я вам лучший сын, чем родная дочь.

Другой вопрос — скандалы. Она вела бизнес так, что появлялась масса недовольных, разносящих о нас дурную славу. Кстати, в новом бизнесе она делает то же самое. Жаль, вы не читаете по-английски, а то бы я вам показал письма от некоторых ее клиентов, написанные нам, у вас бы волосы дыбом встали. Теперь, когда над нею нет меня, она вообще в разнос пошла, так и за решетку недолго загреметь (это я не угрожаю, а просто говорю).

Вот на днях отобрала у бедной женщины тысячу долларов, а когда та попросила деньги назад, она деньги отдать отказалась и трубку не берет. Ну, пойдет эта дама в полицию жаловаться... Чтоб она не пошла, я даже взял ее на наш курс бесплатно... ну ни фига себе? Нет, ну скажите, Анна в своем уме? И это уже второй случай за неделю! Она, видимо, паникует и дерет деньги со всех, с кого может... а это плохо кончится. Так нельзя. Это ей не гербалайф.

Ваш Герберт».

«Эдакая переписка в стиле Наполеона и Александра Первого, — усмехнулся Адлер. — Мол, пока последний французский солдат не покинет русскую землю, не может быть и речи о замирении...»

Не успел Герберт обдумать написанное, как снова напомнили о себе заботы об Энжеле. Та косвенно дала понять, что ей нравится сын француженки, работавшей в конторе Адлера. Герберт немедленно пригласил Жаннет провести день с их семьей, просто решив, как говорится, прощупать почву.

Отправляясь в субботний день покататься по глади местного озера, Герберт пригласил и Эдди. Жалко было парня, потому что Энжела не просто не обращала на него внимания, а даже была вызывающе груба, иногда до крайности. Он глубоко оскорбил принцессу тем, что посмел возжелать простой плотской любви, и теперь он был ей враг навек, без перспектив к замирению...

— Да что это я все про замирение да про замирение... — бормотал себе под нос Адлер, стройно и не без некоторой грациозности ведя десятиместный моторный кораблик вдоль роскошных берегов, поросших буйным лесом. Он шел почти на полном ходу, едва не касаясь кромки мелей и аккуратно обходя выступающие со дна, словно бы осколки былых упований на скорое семейное счастье Энжелы, острые, приземистые и потому невидимые, хотя от этого и не менее опасные, скалы.

Энжела спала или делала вид, что спит на скамейке, пристроенной вдоль левого борта. Напротив сидел Эдди и тупо рассматривал голую спину Энжелы, перехлестанную красноватым купальником с желтыми разводами.

«Черт, специально доводит парня до белого каления, — чертыхнулся про себя Герберт. — Вот же вертихвостка, а делает вид, что ничего не понимает. Пригласила вечером к себе домой, а потом выставила даже без поцелуя. А может, и правда, не понимает? Эдди двадцать два, он сильный, высокий, спортивный. У него все просится на волю по поводу и без повода, а тут наша принцесса разлеглась... И главное, не холодно ей в купальнике, а ветерок-то свежий...»

Рядом с Эдди сидела, казалось бы, безразличная ко всему Жаннет. Ей на днях стало известно, что ее разбитная дочурка, ровесница Энжелы, оказалась в интересном положении без каких-либо перспектив на замужество. Жаннет было сорок четыре, и она вовсе не была готова стать бабушкой.

Она не знала, зачем Герберт позвал ее в это путешествие в столь узком кругу, но, похоже, настолько была поглощена своими думами, что и не задавалась этим вопросом. Жаннет, несмотря на то что уже давно работала в офисе Герберта, по неясной причине продолжала работать в прачечной местного гостиничного комплекса. Она, несомненно, являлась лучшим другом семьи Адлеров, если, конечно, предположить, что у этой семьи вообще могут быть друзья. Мадам в свое время обучила Герберта вполне сносному французскому всего за какие-нибудь два года нерегулярных частных занятий. Собственно, после этого Герберт и пригласил ее на работу в свою компанию.

Энжела жестоко шутила, что наверняка Жаннет страдает каким-то скрытым фетишизмом, наслаждаясь копошением в чужом грязном белье... Герберт уже в который раз, чисто для проформы, спросил Жаннет, почему она не оставляет низкооплачиваемую и тяжелую работу, и в очередной раз получил невнятный ответ, действительно заставляющий подумать чуть ли не о фетишизме.

Работа в прачечной мешала Жаннет как следует высыпаться, и та страдала хронической усталостью, что отнюдь не способствовало ее успехам на основной работе. Но ее терпели как друга семьи, и даже когда она внезапно попросила небольшую добавку к зарплате, Герберт сразу дал согласие, пробормотав себе под нос, мол, не обижайте Жаннет, она – хорошая.

А вот теперь в живом воображении Герберта начерталась картинка, как он обнимает Жаннет в качестве сватки, а Энжела счастлива замужем за веселым и говорливым Жаком.

«Как было бы здорово говорить по-французски с близкой родней», – подумал Герберт, мечтательно закатив глаза. Он передал штурвал Эдди, чтобы подсесть к Жаннет и начать-таки прощупывать почву. Тем более, что встревоженное состояние Эдди, по-прежнему тупо созерцавшего голую спину Энжелы, начинало беспокоить внимательного и ревнивого отца.

– Je suis si heureux que vous avez eu une chance de nous joindre aujourd’hui!⁴ – галантно, но с неистребимым акцентом и прочими шероховатостями произнес Герберт по-французски, чтобы случайно не задеть чувств остальных пассажиров славного плавсредства. Жаннет всегда улыбалась, когда ее способный ученик заговаривал с ней по-французски. Далее Герберт начал осыпать Жаннет малозначительными фразами, касающимися погоды и текущих дел, и, перекрикивая шум мотора, наконец спросил о Жаке. Герберт знал, что Жак как-то, разумеется, в шутку, сделал Энжеле предложение, и та, так же в шутку, его приняла. Теперь, переписываясь по Интернету, они обращались друг к другу «жених и невеста». Знала ли об этом Жаннет? Выяснить этого Герберту не удалось... Энжела сначала отвергала какую-либо серьезность в своей новообретенной заинтересованности этим французским «ловеласом», но когда однажды Герберт серьезно спросил Энжелу, с чего она решила, что Жак неисправимый бабник, та нахмурилась и задумалась.

– Он все-таки бабник, – подтвердила она приговор.

– Есть основания?

– Нет...

– Доказательства?

– Нет...

– Тогда следует соблюдать презумпцию невиновности.

⁴ Я так рад, что вам удалось присоединиться к нам сегодня! (фр.)

На том разговор и закончился, но когда вчера оказалось, что Энжелу снова потянуло к Стюарду, который, понимаете ли, был ее «самым лучшим другом», Герберт забился, как голубь крыльями о стекло. В такие моменты он делал все, чтобы не ощущать в полной мере свою, становящуюся навязчивой, беспомощность. Он тут же пригласил Жаннет, но она его разочаровала, не поняв или не пожелав понять ни один из намеков о Жаке. Эльза сидела на корме и рассматривала след, остающийся позади. Никто, кроме Жаннет и Герберта, не понимал по-французски настолько, чтобы следить за содержанием и направлением беседы. Тем более шум мотора заглушал слова.

– Peut être votre fils peut venir pour travailler avec nous?⁵ – перекрикивал Герберт шум мотора, пренебрегая грамматическими условностями. Когда орешь – не до грамматики. Но Жаннет прекрасно его поняла и ответила, что это нереально, что сын должен закончить университет и вовсе не планирует переезжать сюда.

«Короче, мечты, мечты... Все не клеится. Все разваливается, – думал Герберт, глядя на тупые водные просторы, проносящиеся перед его истертым взором. – Вот я бы так взял и начал выкидывать всем финтеля... Ах, горе мне горе. Придется подначивать Энжелу договариваться напрямую с Жаком, хотя тот наверняка пустозвон... А может, самому пригласить его к нам на работу? Не поедет. Разве что на лето, но теперь уже конец мая... Поздно... Хотя, говорят, он приедет навестить мать в августе. Как мне все осточертело до синих мымриков! Вот что значит дочь на выданье...»

Но расстройства на этом не кончились. Выгрузив Жаннет на берег, поскольку ей, несмотря на субботний день, надо было бежать на работу в прачечную, и не услышав от нее

⁵ Может быть, ваш сын приедет работать с нами?

ничего, кроме часто повторяющейся фразы, что беременность ее дочери – оплеуха, и что она не готова стать бабушкой, Герберт услышал еще более освежающую новость.

– Ты где была вчера вечером? Я не могла до тебя дозвониться, – спросила Эльза Энжелу.

– В बारे.

– Это ты, Эдди, опять ее туда водил? – усмехнулась Эльза, которой неуклюжие ухаживания Эдди казались милыми и даже в какой-то мере трогательными. Как-то Эльза передала Эдди кастрюльку с супом, а тот вернул ее вымытой и с горсткой конфет внутри.

– Вовсе нет, – обиделся Эдди, – она меня даже не приглашала.

– Я была там со Стюардом, – как ни в чем ни бывало, наигранно-буднично ответила Энжела. На борту утлого суденышка повисла долгая колючая пауза, заполняемая лишь стрекотанием и попыхиванием неумного мотора.

Эдди знал историю со Стюардом, пожалуй, даже до мельчайших подробностей. Мир не без охотников посплетничать. Ведь это подчас самая гибельная, а потому и самая занимательная разновидность охоты. Ему все растолковали сослуживцы, поскольку Адлеры не делали из этого тайны и все происходило буквально у всех на глазах.

Первым отреагировал Эдди. Он перелез за борт и уселся на носу корабля, так, чтобы быть ко всем спиной. Остальные тоже продолжали молчать. Атмосфера была липкая, как тяжелая, промокшая одежда, и всем хотелось поскорей ее сбросить. Два раза посадив кораблик на мель и слегка повредив винт, путешественники вернулись на берег.

Обед в небольшом ресторане прошел вяло. Герберт против обыкновения выпил несколько кружек пива и почувствовал себя совсем пьяным, поскольку почти не спал в предыдущую ночь, занимаясь перепиской с матерью Анны. После обеда Энжела сразу предусмотрительно смылась к себе домой, а может быть, она просто куда-то спешила. Она

отказалась взять Джейка с собой смотреть телевизор, и лицо Герберта сделалось хмурым, как придорожный булыжник.

«Уж не к *нему* ли она торопится?» – думал он. Об этом подумали все. Эдди учтиво попрощался.

Вернувшись домой, Адлеры стали обсуждать случившееся. Эльза взвилась первая и заявила, что немедленно едет к Энжеле и все ей выскажет. На счастье, Энжела позвонила сама.

– Как ты могла допустить такое? Зачем? Зачем ты с *ним* встречалась? – закричала Эльза, и не найдя больше слов, передала трубку Герберту.

– Действительно, – забасил Герберт, – ты как-то странно себя ведешь, и это мягко говоря. Сначала ты натравливаешь нас на этого человека, заявляя, что он совершил с тобой нечто такое, что и сказать-то нельзя, а теперь, после того как мы буквально обообрали его до нитки и вышвырнули на улицу, ты ходишь с ним по барам! Ты в своем уме? Как мы должны себя чувствовать? Как подонки или просто как идиоты?

– Хорошо, я больше не буду с ним встречаться.

– Энжела, ты что? Что ты? Ты ничего не понимаешь? – закричала Эльза, выхватывая трубку у Герберта. – Теперь он тебя обязательно убьет!!! Ты что же, думаешь, можно вот так поиздеваться над человеком, в котором, кроме гордыни, и нет ничего, и потом он тебя простит?

Герберта тоже трясло от раздражения, и он взял трубку обратно.

– Энжела, живи с кем хочешь, можешь подобрать с улицы наркомана со СПИДом, но нам-то зачем ты все это рассказываешь? Что это за особая форма садизма? – пропечатал каждое слово Герберт.

– Да что ты опять ей такое говоришь: живи с кем хочешь?! Вернуться к этому шизофренику? А завтра ты через полицию найдешь ее труп в канаве? – закричала Эльза.

– Хорошо, я больше не буду с ним встречаться... – заплакала в трубку Энжела.

– Ты что, по-прежнему любишь его? – спросил Герберт.

– Нет, – сразу и твердо прозвучало в трубке.

– Хорошо... Может, тебе его жалко? Может быть, у тебя болит совесть за то, что мы ему сделали? У нас у всех болит совесть... Хотя Стюард не преминул нам отомстить: отправил грязную кляузу, в результате которой мы должны выплатить третьему лицу три тысячи долларов, как раз те, что могли быть даны ему как отступные... Ответь мне, Энжела... Если бы тебя вернули в вечер перед вашим разрывом, ты повторила бы все в точности так, как это было, или ты о чем-нибудь жалеешь? – внешне спокойно, но не без труда произнес Герберт и стал взволновано ждать ответа. Энжела молчала. Герберт тоже не проронил ни звука.

– Да, я бы все повторила, – ответила Энжела.

– Тогда я тем более тебя не понимаю, – по-прежнему раздраженно, но с облегчением ответил Герберт. Уже завершившийся было конфликт начал разгораться с новой силой, и Герберт не скупился на сцены в стиле Хичкока. – Учти, он затянет тебя в постель, а когда хорошенько возьмет над тобой верх, дождется момента, когда ты заснешь...

– И задушит, – поддержала Эльза.

– Или воткнет ножницы в ухо, – подвел черту Герберт. Его затошнило от собственных слов.

Джейк прекратил издевательства над Энжелой, выхватив у Герберта трубку. Он стал успокаивать сестру и снова предложил приехать к ней смотреть телевизор, но Энжела опять отказала.

Адлеры потихоньку стали успокаиваться. «Она пообещала с ним больше не встречаться». Никто не верил этим словам, но все-таки с ними было как-то легче.

Энжела положила трубку и повернулась в кровати на другой бок. Ее голая спина со следами от купальника

белела в темноте спальни. Стюард, лежавший рядом, с беспокойством спросил:

– Ты сказала, что я с тобой?

– Нет, – ответила Энжела, хлюпая носом.

– Отчего же ты плачешь?

– Они сказали, что ты меня никогда не простишь и убьешь...

– Какие глупости, – усмехнулся Стюард. – Это я был во всем виноват... Я так счастлив, что я снова с тобой...

– Нам нельзя больше встречаться...

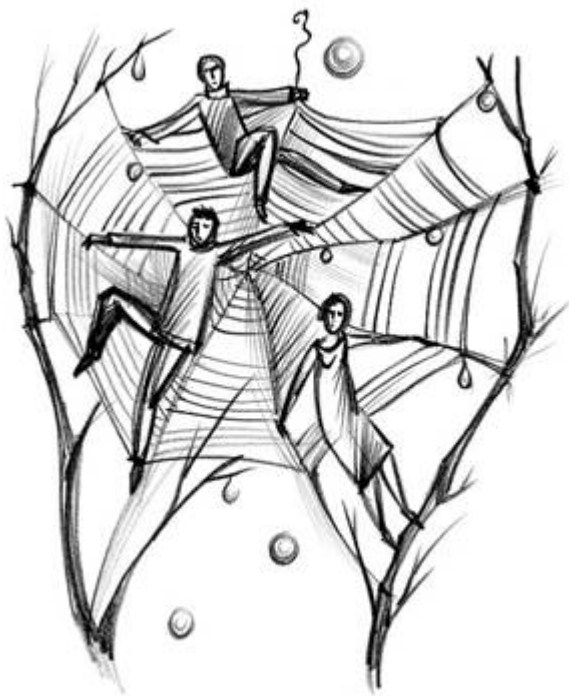
– Глупости. Они не могут тебе запретить. Ты – взрослая.

– ...они сказали, что я засну, а ты воткнешь мне ножницы в ухо по самую рукоятку...

– Твой папаша явно начитался Маркиза де Сада... – рассмеялся Стюард, а сам подумал, как действительно было бы хорошо всадить ножницы в это маленькое ушко...

Слава богу, в этот вечер все обошлось без экстримов, потому что мысли остались мыслями, и на этом витке обманов и разрывов, прощений и отмщений Стюард успокоился на пике долгожданной страсти, воображая.

Часть 3 В переплетах поколений

Зачем на голой скале понадобилось поселять жизнь? Просто чтобы звучал хоть какой-никакой гомон, шелест, шорох? Или чтобы было чем попрекать Создателя – мол, взбалмошен и беспорядочен? И потом, эта бесконечная смена поколений. Словно бы луковица, матрешка, клубок. Нет, скорее, некая обложка, вставленная в другую обложку, а потом переплетенная третьей, и так до бесконечности, до исступления, до диаметрально противоположного результата... Согласно любому семейному преданию, всякий род является ветвью князей, а по глубинному ощущению всякого индивидуума сам он является, по крайней мере, независимой республикой, помещенной в герметически запаянный стеклянный сосуд. Поселясь в эдакой ампуле, трудно вникать в оставшуюся за прозрачными стенками жизнь. Ведь она, окаянная, требует точности выполнения повседневных трюков, без которых невозможно ее продолжение.

Снова паучок ползет по паутинке. Листики едва подрагивают на прохладном ветру, и листва напоминает зеленую водицу. А потом листопад... А дальше – снова зеленое шевеление. Для чего? Только такое бездарное существо, как человек, может задаться таким вопросом. Исключительный пакостник, нужно признаться, этот, как мы его изволили назвать, человек. Сам придурок, а всё в возвышенные сферы норовит плюнуть, будто ему дозволено; ничего, мол, стерпят и такое от венца творения. А вдруг он и не венец никакой? А вот, скорее всего, и не венец. Кишечная палочка, проживая в каком-нибудь беспросветном просвете провинциальной прямой кишки, тоже, небось, величает себя венцом творения. И прочие низшие твари тоже почитают себя не иначе, как тварями высшими. Всякий знает свое место, и это место – исключительно на вершине пирамиды, даже если пирамидой оказывается перевернутый айсберг, верхушка которого, как водится, ютится под водой, тогда как

второстепенная, или, точнее, задняя его часть высится над поверхностью и тоже почитает себя за вершину...

А сколько вообще дозволено иметь вершин? Геометрия к этому вопросу относится спокойно, и из уважения и нежелания слишком подробно вникать в концепцию пустоты мы бережно переплетаем ее в учебник. Кому понадобилось такое обилие переплетов? Ведь суть оказывается словно бы похищенной, да и сами книги подчас отсутствуют, оставляя растерянным рукам только переплеты повторяющихся поколений, в которых проживают низшие, почитающие себя высшими, где верх и низ не взаимоисключаемы, а мерно перетекают друг в друга вдоль разных ответвлений пространства, не того, что плоско и скучно, как все, что описано Эвклидом, а того, что обтекает редкие области цельности и ветвится в параллельных мирах-квартирках...

Паучок же не слушает шелеста жизни и деловито бежит по своим делам. Для него пространство тождественно паутинке, и ему не нужно никаких заумных геометрических теорий, чтоб продолжать плести простую незадумчивую вязь.

Паучка не волнует геометрия. Паучка не волнует нравственность. Паучка не волнует физика. Он отрешен от гравитации, но и ему суждено погибнуть под колесами какой-нибудь повозки, как погиб французский физик Пьер Кюри. В дождливый день, когда небо было затянуто пасмурной пеленой колючих, но никем не замечаемых знамений, горе-ученый, переходя одну из парижских улиц, поскользнулся, упал, и его голова попала под колесо проезжавшего мимо конного экипажа. Смерть наступила мгновенно. Что за странная склонность судьбы – уравнивать паучков и светил мировой науки, давя их колесами телег? И почему практически всегда Колесо Жизни становится орудием убийства? Воистину воландовский сюжетец. Пьер Кюри вместе с супругой Марией был удостоен Нобелевской премии по физике за

исследования только что открытого тогда явления радиоактивности. После нелепой смерти мужа Мария продолжила его работу и вскоре получила вторую Нобелевскую премию – на этот раз по химии. Сама же умерла от острой злокачественной анемии... Видимо, сказались заигрывания с радиоактивными порошками, густо удобряемые нобелевскими премиями. Нобель тоже был весьма долбанутым. Ему дамочка в юности отказала, любовь у него случилась несчастная, безответная, вот он и насупился, взбеленился и изобрел динамит. Во всяком взрывоопасном деле ищите женщин – и, как водится, вы их найдете... А может быть, было бы дешевле просто получше относиться друг к другу? Ну, хотя бы из того расчета, что непризнанные литераторы и художники перестали бы изобретать динамит и развязывать мировые войны?

С пауками все проще. Признанный он паучок или непризнанный – особой опасности нет. И паучку Нобелевской премии не дают не потому, что его деятельность второстепенна, а просто он не совершает никаких открытий, и всё, за что ему может быть благодарно мировое паучество, это за то, что он просто есть, то есть существует в качестве паука, тем самым словно бы насаждая принцип, что и пауку есть смысл существовать, даже если ему не довелось всласть повозиться с опасными радиоактивными элементами.

Геральдический знак рода пауков не включает в себя ничего, кроме изображения паука, причем он, живой паук, сам и является собственным изображением. Изысканный *паучий* анфас передается из поколения в поколение, украшая кожаные переплеты нехитрых *паучьих* книг, тем самым как бы подчеркивая их владельческую принадлежность. Паучкам не мерещатся бледные образы покорных и пассивных паучих, невест воинственных витязей. Им чужды бессмысленные подвиги. Им не нужно забывать о любви ради доблести. Анонимным паучкам не присуща анонимность эпохи трубадуров, они обходятся без

роскошного убранства, утвари и одежд, торжественных пиров, посольств, охот, турниров. Они не кутают себя в шелка и ткани. Слоновая кость и драгоценные камни загадочного Востока не приводят среднестатистического паука в экстаз. В плетении их вечных паутин не чувствуется никакого предощущения ренессанса... Их не тревожит наш неутомимый Создатель-Переплетчик.

У людей все запутаннее и невыразимее. Переплеты человеческих поколений бывают простыми и сложными. Простые переплеты состоят из одного цельного монолита – эдакой жизни, простреленной навывлет, для вящей демонстрации потомкам. Сложные – крошатся от любого прикосновения, при этом часто оказывается, что сложные переплеты – просты, а простые – вовсе не так уж однозначны. Но книги, несмотря на полное отсутствие содержания, живут долго и переживают многих своих читателей, и жизнь – это открытый порт, в который допускается заход любых кораблей. Там, приютившись на обветшалом пирсе, мы, уподобляясь Анхизу, скрещиваем своих кобыл с божественными жеребцами, стремясь произвести впечатление на очередную невнятную Афродиту.

А между тем где-то в сладких складках безумного пространства висит какая-нибудь двойная звезда в созвездии Овна, и возможно, она не имеет к нам никакого отношения, но разъяренный Зевс найдет нас и там, в системе раздвоенных солнц, чтобы наказать за поруганную дочь, долбануть нам, скажем, молнией по шее или по прочим конечностям... Голова ведь тоже является конечностью! А казалось, что она не иначе как бесконечность... И следовало бы раскаться, но можно спрятаться за путаницей названий, ибо следует отметить, что многочисленные случаи применения одного и того же слова к совершенно разным и не имеющим друг к другу отношения явлениям являются результатом вполне сознательно проводимой тактики обеспечения

человеческого алиби на Страшном Суде, а вовсе не проявлением беспорядка и неорганизованности в соответствующих человеческих структурах, а также в судьбоносных слоях нечеловеческих потусторонностей, где однозначно решается, что, например, месье Кюри будет убит в Париже колесом омнибуса, а не в Москве тремя выстрелами из снайперской винтовки при выходе из Краснопресненских бань.

Вся наша жизнь – от несмелого рассвета до пожухлого заката – целиком и без остатка заключена в нас самих. Как амфора, наполненная до краев, включает в себя сразу и первый, и последний глоток, так и наша душа является точным слепком нашей судьбы и мысли. Мы носим ее терпкое содержимое под сердцем, словно младенца, который не желает покидать утробы. Мельчайшие детали прошлого и отдаленные штрихи грядущего – все ютится и переплетается в нас, не давая нам спокойного права вполне насытиться текущим моментом.

Более того, мы несем в себе и прошлое наших предков, и будущее наших потомков, потому что переданное нам отношение к жизни мы передаем дальше, и от всего этого невозможно ни скрыться, ни отмахнуться.

Хорошо, когда оказывается, что быть связующим звеном поколений сладко и приятно, что ничего не нужно менять. Что и так все замечательно, поскольку предки достойно проводили время в трудах и думах, в благостном отношении к своим чадам, в мудром радении над каждым колоском их детства, росточком нежным, но упорным, тем, что произрастает в тиши младенческих грез и вьется в юность, зрелость и старость верным залогом счастья. Хорошо переносить в свою едва образовавшуюся семью умеренные традиции и теплую атмосферу взаимного восхищения...

Но что же делать, если нам не повезло? Что, если родители, по воле вечно осуждаемых времен и не менее критикуемых нравов, оказались людьми холодными, чрезмерно строгими

и невнимательными? А может быть, вспыльчивыми и несправедливыми? Или даже вздорными и жестокими? Что, если внутренняя среда обитания прошлого поколения была насыщена враждой и предательством, завистью и неверием, глупостью и несносной пошлятиной? Неужели мы обречены нести все это и в свою нынешнюю семью, а далее передавать по эстафете грядущим поколениям? Что может быть омерзительнее такого исхода? И многие считают его неизбежным, ибо не видят возможности выкорчевать собственные корни, что означает словно порвать с самим собой!

Как же все изменить не только для себя, не только для своих детей, обрадованных столь ценным с вашей стороны благородным побуждением, но и для своих родителей, которые еще живы, но которых, как говорится, только могила исправит?

Это невероятная затея, но не следует торопиться ставить на себе и своей семье крест. Постепенно и разумно, умело используя разношерстные события жизни, все же можно попробовать восстать против коренящихся в нас представлений о предрешенности нашей судьбы, взглянуть трезво и непредвзято на то, что мы творим своими дрожащими ручонками с нашими родителями и детьми, поняв наконец, что то, что хорошо для общества в целом, вовсе не обязательно хорошо для каждой отдельной семьи, чтобы там ни утверждали психологи-многостаночники.

Думая своим умом, анализируя происходящее без присущих нам с детства штампов, надобно попытаться найти единственно возможный путь, ведущий к отгадке, как же все-таки разорвать ворсистую удавку поколений и начать с белого листа нечто такое, что сможет подарить нашим прямым потомкам уникальную возможность ничего не менять в устоявшемся сценарии жизни, возведенном в статус будущей семейной традиции, ибо он хорош и вполне достоин многократного и разнообразного повторения.

Родители Герберта Адлера были людьми нездоровыми. Мама – нервная, вспыльчивая и часто несправедливая. Герберту нередко доставалось по шее, если он попадался под руку в момент, когда у мамы что-нибудь не выходило со стряпней.

– Нечего тут околачиваться! – закрепляла мать оплеуху, и мальчику нечем было объяснить эту нелогичную бессовестность, кроме вбитой в его голову сентенции: «Мать побьет, мать и пожалеет»...

Отец был хмурым и медлительным человеком. Он редко себя проявлял, курсируя где-то на задворках детских лет Герберта. Но каждый раз, когда Герберту приходилось соприкасаться с меланхолическим семипудовым характером отца, мальчик предпочел бы оплеухи матери, чем эту фантазмагоричную пытку...

– Почему ты получил плохую отметку? – медленно вопрошал отец, сидя в майке и трусах на диванчике в коридоре и медленно куря папиросу. Пока в его тоне не было ничего особенно угрожающего, однако Герберт хорошо понимал, что добром этот разговор не кончится. Как и всякий ребенок, он молчал, потому что на вопрос, почему ты получил плохую отметку, ответа нет и не может быть. То есть он, конечно, существует где-то в далеком будущем Герберта и звучит примерно так: «Потому что в гробу я видал вашу школу!», но пока он неведом и даже не предполагается маленьким мальчиком, стоящим напротив огромного и страшного отца.

– Ты... – отец говорит невероятно медленно. Между каждым словом Герберт вполне смог бы отлучиться в туалет и поиграть в своей комнате...

– что... – проходит еще с полминуты, пока появляется последнее слово нового вопроса...

– ...глухой?

– Нет! – поспешно отвечает Герберт, но пытка продолжается.

– Так... почему... ты... не... отвечаешь?..

– Потому что я не выучил уроки.

– А почему... ты... не... выучил... уроки?

Ну как ответить на такой вопрос, когда тебе десять лет и на свете нет ничего страшнее собственного отца? Рассказать, что ты играл в акул, вылепливая их из пластилина, а потом тыкал их спичками, словно гарпунами?

Отец постепенно разогревается, мутная, глубинная ярость неудовлетворенности собственной жизнью, взбалмошной женой, отвратительной грязной работой выливается в истерический крик, который все равно состоит из рубленых, медленно произносимых слов.

– Ах... ты... последняя... сволочь! Дать... тебе... так... чтоб... ты... перевернулся! Всю... жизнь... будешь... землю... лопатой... ковырять!

Герберт был согласен ковырять что угодно, чем угодно и неважно, насколько продолжительно, только чтобы эта пытка прекратилась... Но она только начиналась.

– Покажи... свою... тетрадь...

Родители, принадлежащие к одному и тому же поколению, – похожи... Они настойчиво проникают в жизнь своих подросших отпрысков, требуя предъявить тетрадь, приходя к соседям улаживать конфликт, связанный с разбитым окном или оттасканной за хвост соседской кошкой...

Внезапно, в воскресное утро, когда Герберт по странному стечению обстоятельств остался дома один, ему позвонила мать Анны. Голос ее звучал хрипло и прерывался, и он не сразу ее узнал.

– Мы тут недалеко от вашего дома. Я все-таки хотела бы встретиться и поговорить с вами. Со мной Анин муж...

– Приезжайте ко мне домой, – сразу ответил Герберт.

– Будет ли это удобно?

– Это будет более чем удобно...

Через несколько минут на пороге появилась гостья в сопровождении молчаливого, крепкого мужчины. К удивлению Герберта, муж Анны сразу подал ему руку, и Герберт ее пожал.

Войдя в прихожую, гости растерялись.

Казалось, женщина хотела сказать, что вот уж не думала еще раз побывать в этом доме, но промолчала.

– Вот здесь книги, которые мы брали у вас почитать, – растерянно сказала она и передала Герберту пакет. – Ну, куда нам пройти?

– Проходите на кухню, – промолвил Герберт, который успел продумать, где и как он будет принимать неожиданных гостей. Кабинет превратил бы встречу в слишком официальную и мог повредить... Гостиная – слишком расслабляла бы, столовая – слишком необычно сидеть за обеденным столом и ничего не есть. Кухня показалась Герберту самым лучшим вариантом. Наконец расположились на кухне. Герберт, не дав никому ничего сказать, начал сам.

– Я знаю вашу позицию и хотел бы, чтобы вы выслушали мою. – Не встретив сопротивления, Герберт рассказал всю историю отношений с Анной, как она виделась ему. Мать Анны лишь изредка прерывала его короткими фразами, указывающими на вялое сомнение.

– Я не верю, я до сих пор не верю, чтобы вы могли стать ярым врагом... – наконец проронила пожилая женщина, и глаза ее наполнились слезами.

– А я и не стал врагом, что бы вам ни говорили. Все мои действия были лишь реакцией на безумные поступки вашей дочери.

– Чего же вы от нас хотите? Мне очень жаль, что все так сложилось...

Ситуация стала напоминать детсадовскую разборку: девочка Аня разбила стекло камнем, потому что выросла бандиткой, а мама пришла просить за нее прощения...

– Я? В общем, ничего не хочу... Пусть оплатит наши судебные расходы и подпишет бумагу, что не будет конкурировать...

– Я хотела бы, чтобы Анна вообще больше не занималась бизнесом.

– А как же она будет оплачивать расходы вашей семьи? Дом-то обошелся вам недешево... – заботливо отметил Герберт.

– Да, дом пришлось перезаложить... – со вздохом призналась женщина. – Аня теперь ни на что не годится, лежит целыми днями, совершенно исхудала, она – в депрессии. Внучка меня спросила: за что Адлеры так ненавидят мою мать?

– Мы ее не ненавидим...

– Тогда отчего вы поставили мою дочь в такое положение?

– Вот скажите, где вы работали до пенсии?

– Ну, на заводе...

– Вот представьте себе, что вы уничтожили бы все бухгалтерские документы на заводе, а когда вас за это приструнили бы, то ваша мать, защищая вас, заявила бы, что завод поставил ее дочь в такое положение...

– Я не верю, что моя дочь воровка. Не верю, что она занималась махинациями...

– Дело в том, что честность есть понятие относительное. Вот как, по-вашему, недоплачивать налоги – это нормально?

– Ну...

– По мне – это тоже, может быть, не самый страшный грех, но государство так не считает. А кто ж за нее сидеть будет? Как бы хорошо я ни относился к вам и ко всей вашей семье, но существуют вещи серьезные...

– Ну разве вы были не в курсе, что она недоплачивала налоги?

– Она изымала деньги наличными и не представляла никаких квитанций, и с этим я смириться не мог...

– Ей вообще не надо было заниматься бизнесом... – наконец сделала вывод мать.

- Ей не надо было ссориться со мной... – уточнил Герберт.
- Она совсем не такой человек...
- Да в том-то и дело, что у нее словно бы раздвоение личности. В нормальном, обычном общении она приятна... ну, скажем, терпима... А вот поступки ее просто демонические...
- Так что же нам делать?
- Я не думаю, что вы имеете на нее достаточное влияние, ведь и теперь, наверняка, она не знает, что вы приехали ко мне...
- Не знает...
- Ну а поэтому вы, в общем, не уполномочены вести какие-либо переговоры...
- Ну а все-таки...
- Просто нужно подсчитать наши потери...
- Но не четыре же миллиона?
- Нет... Пятнадцать на адвоката, двадцать пять на бухгалтерское расследование... ну, тысяч шестьдесят...
- Мать посмотрела на зятя.
- Сможет Аня взять такую сумму и расплатиться?
- Ну, во-первых, не обязательно все сразу, – отчего-то заторопился Герберт. – И потом, я, правда, готов платить вам пенсию и за жилье... Потому что мне очень вас жаль, и вы мои друзья...
- То есть брать деньги у Анны и платить нам? – растерянно улыбнулась женщина. – Вам и самим нужны деньги...
- У меня достаточно денег...
- Что же вы, собираетесь содержать ваших врагов?
- Ну, если хотите, то так... Хотя мы – не враги. Мы просто оказались жертвой Анниного характера...
- Вы же понимаете, что я не смогу так унизить свою дочь... Что же я ей скажу?.. Адлер меня купил?
- Ну, как хотите... Я вас понимаю. Вам нужно было ее воспитывать...
- Она сбежала из дома в семнадцать лет...
- Моя дочь тоже живет отдельно...

– Нет, у вас всё по-другому... А как поступили бы вы, если бы с вашей дочерью такое приключилось? Что бы вы делали на моем месте?

– Мне кажется, я не мог бы оказаться в таком положении... Ну скажите, сами-то вы, если бы работали со мной и получали такую зарплату, пошли бы на такой конфликт?

– Я бы – нет... – честно ответила пожилая женщина и начала задыхаться.

Герберт посмотрел собеседнице прямо в глаза, и у нее снова навернулись слезы. За время разговора Герберт выкурил две небольших, но крепких кубинских сигары, разумеется, испросив разрешения курить и получив его. Но вдруг заметил, что женщине трудно дышать и с ужасом вспомнил, что у нее астма... Она закашлялась...

– Ничего, ничего... – сказала она и попросила воды.

– Извините, я совсем забыл... – Герберт поднялся и открыл окно. Там, на просторе, шелестела листва и щебетали птички. День был прекрасный. Можно было валяться на берегу речки или просто бродить по полянам, а не сидеть на прокуренной кухне и толковать о грязи и безумии.

– Знаете что, – вдруг сказал Герберт. – Я, правда, хотел бы с вами дружить... Мне кажется, вы даже на меня не сердитесь и не испытываете ко мне никакой ненависти.

– Нет, не испытываю, – кивнула женщина, и в ее глазах снова появились слезы. – Я всегда верила в вас, и сейчас понимаю, что не ошиблась...

– А ты ненавидишь меня? – спросил Герберт мужа Анны.

– Нет, – просто ответил он. Казалось, что этот человек чувствовал себя вполне комфортно в логове врага. Убийственная нахрапистость супруги порядком расшатала их семейные узы, и, похоже, ему было приятно, что его жене навалили тумачков. Она часто прилюдно заявляла, что муж ее – придурок и совершенно никчемный человек, который не может придумать ничего лучше, чем зарабатывать, крутя баранку грузовика. Теперь он

становился единственным кормильцем и был готов отплатить за все сказанное самой увесистой монетой.

— Жаль, что ее вы не сможете ни в чем убедить, и в следующий раз, когда разговор пойдет о компромиссе, наши адвокаты настолько запутают дело, что потраты превратятся в астрономические...

— А вот теперь я вам обязательно докажу, что имею на свою дочь влияние...

Анна, в тот же вечер узнав о своих несанкционированных парламентариях, как и ожидалось, пришла в полное негодование.

— Мама, да ты что? Совершенно с ума сошла? Как ты посмела взять на себя такую ответственность? Ты даже не представляешь, с кем мы имеем дело...

— Ну, не такое он чудовище. Просто амбициозный человек.

— Он подлец и предатель, и, поехав к нему, ты тоже становишься...

— Предателем? Нет, ты скажи, что твоя мать предательница... Можешь еще и отхлестать меня по обеим щекам, если тебе от этого станет легче. Как ты не понимаешь, что мы зашли в тупик. Наша семья на грани гибели...

— Глупости. С чего ты взяла?

— Ты сама мне так внушила... Герберт подал на тебя иск на четыре миллиона...

— Это ничего: тьфу, да растереть. Мама, ты ничего не понимаешь... С чего ты взяла, что у него хоть что-нибудь получится? Ну с чего ты решила, что он лучше, умнее, хитрее, расторопнее меня? Этот ленивый увалень, который за всю жизнь своими руками не заработал ни копейки? Ну хочешь, я завтра подам на него встречный иск, хоть на десять миллионов?

— За что?

— Всегда найдется за что... Хотя бы за то, что он меня несправедливо выгнал! Не зря кардинал Ришелье говорил:

«Дайте мне шесть строчек, написанных рукой самого честного человека, и я найду в них что-нибудь, за что его стоит повесить».

– Смотри, чтоб тебя саму не повесили... вверх ногами! Что ты такое несусветное говоришь! Какой встречный иск? На какие десять миллионов? У тебя нет денег... Ты не сможешь оплатить адвоката. Намедни ты мне не дала даже денег купить немного муки...

– Хватит есть мучное, мы и так уже лопаемся от избытка веса...

– Ты посмотри на себя! Ты потеряла десять килограммов с тех пор, как началось это дело... Хотя, если проблема заключается в диете нашей семьи, то отчего ты мне сразу не сказала? Зачем были нужны все эти концерты: «Мы разорены!!!» Что-то я сомневаюсь в твоей непобедимости, Аня. Ты, конечно, меня прости, но Адлер совсем не такой простой человек, как ты его описываешь. Уверяю, он все давно продумал, и если ты не используешь этот шанс замиришься, – он не оставит от тебя и следа, того гляди, дойдет дело и до тюрьмы... Что ты передо мной хорохоришься, не понимаю...

– Вот именно, мама, вот именно, что ты ничего не понимаешь, а лезешь со своими переговорами! Вот увидишь, он найдет, как это использовать против нас. Пойми, этот человек все время блефует, все время забавляется. Вот и с тобой он играет, как кошка с мышкой!

– Все, что он хочет от тебя, – это погасить судебные расходы, прекратить с ним конкурировать и извиниться.

– Извиниться? Перед ним? Никогда!

– Ты – дура.

– Уж такая, какую ты меня родила...

– Не дерзи матери!

– А ты не обзывайся. Между прочим, я приносила хлеб в этот дом...

– А теперь ты приносишь беду... Отступись, Аня. Ну что ты схватилась с этим мужиком? Он же мужик! Он не

уступит! Точнее, он уже уступил, послушал мое доброе слово, он – человек неплохой, только, как и ты, очень амбициозный...

– Ты меня всегда презирала, мама, я всегда для тебя была человеком второго сорта...

– Ты должна поработать над своим характером...

– Знакомые мотивы, мама! Мне уже не семнадцать, чтобы расчувствоваться...

– Когда тебе было семнадцать, ты сбежала из дома. Чего тебе не хватало?

– Того же, чего мне не хватает сейчас. Свободы от твоей опеки!

– Результатом твоего упрямства будет моя смерть...

– Знакомые мотивы... Мама, мне уже не семнадцать!

– Ты это уже говорила. Попробуй сказать что-нибудь новенькое.

– У меня есть свидетели, что все, в чем меня обвиняют, – ложь... Почему ты заведомо считаешь дело проигрышным?

– Да потому, что Герберт купается в роскоши, а у тебя нет денег матери на муку.

– У меня есть деньги... На муку...

– Пока есть... И если есть, то зачем ты морочишь мне голову? Специально меня запугиваешь? Точно Герберт про тебя говорит, что ты денежный садист!

– Ну и убирайся к своему Герберту! Может быть, он тебе денег на муку даст!

– Да, может, и даст! Он мне вообще предложил выплачивать... – мать осеклась. Анна насторожилась.

– Ну, продолжай, что же ты замолчала?

– Это не имеет значения... Я все равно отказалась.

– Отказалась от чего? Он что, хотел тебя купить? Ах, как это на него похоже!

– Ну вот, я так и думала... Может быть, ты выслушаешь меня, прежде чем запишешь родную мать в Иуды?

– Да после такого... Да после такого... Да после такого разве у меня есть мать?

– Замолчи и послушай... Он сказал, что всегда относился ко мне с большим уважением, и что даже к тебе относится... хорошо.

– Ну, конечно...

– И сказал, что готов платить нам с отцом пенсию, поскольку твой бизнес будет недееспособен, пока ты не найдешь новую область, в который вы не мешали бы друг другу...

– Так ты все за меня решила? Ты уже и бизнес мой прикрыть согласилась?

– Он не против, чтобы ты занималась бизнесом... Он против, чтобы ты конкурировала...

– Это незаконно! Он не может мне запретить...

– Все он может... Все он может.

– Дело сейчас не в этом. А в твоём предательстве, мама.

– Значит, ты не хочешь завершения всего этого кошмара?

– Хочу.

– Так в чем же дело? Он ведь не так уж много просит. Ну, хочет он извинений, так извинись.

– Только если и он извинится...

– Аня, не разыгрывай из себя Клеопатру... Дело не в извинениях. На что ты семью кормить будешь? Он же порушил весь твой бизнес, и с каждым шагом твое положение становится только хуже.

– Это он тебе сказал?

– Это объективная реальность, Аня...

После продолжительных боев противник все же вывесил белый флаг, хотя Герберт и не знал, насколько искренне согласие Анны на завершение этой бодяги.

«Мне надоело... – вяло размышлял Адлер, – мне просто опостылело, что жизнь состоит из вялых промежуточных состояний, в то время как все совершенно окончательное, четкое, разборчивое, заслуживающее внимания и доверия остается за пределами этого бедового бреда. Жизнь кажется слишком большой и неповоротливой, чтобы каждый раз

охватить ее незашоренным взором, чтобы разумно и обстоятельно обдумать ее значение и направление, и от этого мое существование напоминает серию несмелых скачков, оправданность которых настолько сомнительна, что необходим весь грузный багаж невнятной современной философии, чтобы оправдать их, обуздав всегда внезапное, стихийное, но неотступное чувство постоянного предательства самого себя...

Герберту не хотелось еще более усложнять свою и без того запутанную жизнь. Но, по-видимому, Герберта Адлера и вовсе не существовало, не было такого человека. Была концепция, некое место, которое заполнялось решениями и сомнениями, а потом новыми решениями и новыми сомнениями. В этом и состояла сущность Герберта Адлера – носителя одной из многократно опробованных природой концепций человеческого бытия.

Поколения сменяли друг друга, а жизнь продолжала оставаться за пределами их осознания. Хорошо отживали те, кто не вдавался в подробности процессов. Они верно понимали, что листику, несомому потоком мутных вод, негоже воображать себя гордым фрегатом, несущимся по воле умудренного жизнью и морской наукой капитана...

Энжела внезапно снова осталась одна. Временное возвращение Стюарда было лишь попыткой вернуть невозвратимое.

Просто поразительно, насколько несерьезно естество отнеслось к вопросам пола. Природе, в общем, глубоко плевать, кто в кого влюбится и что из этого выйдет. Эльза держала симпатичных длинноухих спаниелей, и вот сучка Марта родила шестерых милейших щенков от нелюбимого ею кобеля, а между тем история любви того же кобеля и другой сучки завершилась позорным разрывом... Природа мучает нас, вытребывая наших детей в качестве дани, жертвы, приносимой в честь ее всеобъемлющей концепции жизни, – вот и все сложности, премудрости и

примиряющие сами себя разности. Но человеку нужна настоящая любовь, великое и трепетное чувство причастности, а этого не купишь ни натруженными поисками, ни верноподданическими изысками. Конечно, нужно вертеться среди людей, но именно это смешение с толпой и противоречило теории Герберта, его видению жизни семьи, которую он возвел на пьедестал древнего рода, взаимовыручающего механизма единения близких душ.

С одной стороны, Герберт был рад, что Стюардова туча миновала, но постепенно образ одиночества навис над его дочерью, и Герберт ужасался, насколько она кажется счастливой и самодостаточной, проживая одна.

Судьба всегда смеялась над Адлером, терпеливо пытаясь внушить ему, что всему свое время, что подчас стоит не суетиться, а просто размеренно ждать, и счастье само придет и воцарится на опустевших руинах прежних отношений. Но Герберт был беспокойным малым. Он заменял свои деловые устремления простыми житейскими, не видя в них различий, пользуясь теми же подходами и решениями. Поэтому его действия были скорее комичными, чем заслуживающими сострадания и понимания.

Состояние Герберта можно было назвать апатичной горячностью. Ему было глубоко противно заниматься всем тем, что диктовала ему его собственная натруженная натура, но он впрягался и носился как угорелый. Адлер искал Энжеле ухажеров, разумеется, натыкаясь на сплошных ублюдков; пытался улучшить свой бизнес, но лишь растрачивал попусту деньги, потому что бизнес был и так хорош, и все, что в действительности было нужно, – просто тихо ждать, но Герберт не умел ждать и поэтому был почти несчастен на фоне полного благополучия и относительной тишины.

Через некоторое время снова позвонила мать Анны и поблагодарила Герберта, с восторгом сообщив, что всегда

верила в него. Адвокаты противоборствующих сторон наконец созвонились, и теперь дело переходило в состояние нескончаемой канители формальностей, которые Герберт вовсе таковыми не считал и полагал, что борьба вовсе не закончилась, но мать Анны была наивной и верила, что беды прошли стороной, и каким-то чудным образом передала ту же уверенность и Герберту, и он, поершившись самую малость, заверил пожилую парламентаршу в своих наилучших и наидобропорядочнейших намерениях. Заговорили и о приемлемой форме извинений. Герберт сначала в шутку, а потом все больше убеждаясь в серьезности этой самой шутки, сообщил, что был бы удовлетворен, если б Анна написала сто раз от руки:

«Я – дура! Я – дура! Я – дура!...»

Женщина рассмеялась. Но когда поняла, что Герберт серьезен, смутилась и перевела разговор на более нежную тему...

...Анна была подавлена происшедшим. Она никогда не считала Герберта серьезным человеком. Он представлялся ей баловнем обстоятельств, талантливым, но слишком ленивым, чтобы быть в действительности на что-либо способным. Так, наблюдая крокодила, притворившегося, как водится, бревном, наивный натуралист может вообразить, что эта неподвижная рептилия вовсе не способна на яростную атаку.

Лежа целыми днями на диване в гостиной своего огромного дома, за который стало катастрофически нечем выплачивать ипотечную ссуду, Анна тешила себя планами неминуемой мести.

«Дай время, дай оправиться, и этот подонок еще пожалеет...» – шептала она себе под нос, но планы сменялись апатией и болезненной сонливостью, а предприимчивые действия Герберта по выведению Анны

из бизнеса в конце концов выработали у нее стойкий рефлекс, близкий к страху, а страх – не лучший советник мести...

Был ли Герберт подонком? Возможно. Ведь он всегда подспудно знал, что рано или поздно его отношения с Анной завершатся именно таким образом, хотя бы потому, что это случалось не в первый, и, возможно, не в последний раз...

Однако если бы Герберту откровенно сказали, что он – негодяй, наш философ, скорее всего, расстроился бы чрезвычайно и даже не стал бы приводить весомые аргументы в свое оправдание. Он бы тоже улегся на диван и пришел бы в апатичное состояние духа, которое свойственно всем пережившим землетрясение, ибо все порушено, и восстанавливать не то что нет сил, а просто не интересно, а значит, считайте, что нет никакого желания.

Но судьба была милостива к Герберту, ибо он надежно окружил себя людьми, которые не стали бы говорить ему в лицо или даже думать у него за спиной, что он – негодяй. Единственным опасным человеком в окружении Герберта оставался сам Герберт, но избавиться от самого себя ему не удавалось, как он ни пытался, и ему приходилось мириться с собой, по крайней мере до поры до времени.

Детство свое Герберт считал несчастливым, чрезмерно тягучим и проникнутым страхами, помноженными на страхи, порождаемые несправедливостью, кою неокрепший детский ум не в силах распознать. Только теперь, став вполне взрослым и независимым человеком, Герберт постиг, насколько его детство было отвратительным и беспросветным.

В весьма затасканной концепции неминуемого переселения душ Герберту не нравилась именно необходимость снова оказаться в беспомощности пеленок, которые волочатся за индивидом в его взрослую жизнь, именно эта беспомощность сознания и вера в сверхъестественное

предначертание дурной детской судьбы коробили Герберта, и он настойчиво старался отмахнуться от мысли, что за последним вздохом последует пленительное, но рискованное путешествие в промежуточное бытие, завершающееся новым витком жизни. Чтение тибетской «Книги мертвых» выводило Адлера из сонного, обыденного равновесия, и подспудно он знал, что, видимо, так оно все и есть, и его «ум, утративший опору, гонимый ветром кармы», обречен на бессчетное повторение циклов, и Герберт внутренне готовил себя не растеряться, когда «из глубины света придет могучий грохот – естественный звук абсолютной сути», не сплеховать в этот самый что ни на есть момент всех моментов, а то, что беспокойные позывные Книги мертвых («...о сын благородной семьи, слушай, не отвлекаясь...») заставляли волосы подниматься дыбом, было верным знаком, что все это – неспроста.

Но до того как решать вселенские вопросы перехода в иные миры, нужно было как-то доживать жизнь, ту же самую, что и в детстве, ту же самую, что и в мятущейся по закоулкам юности.

«Невероятно, что все это части одной и той же жизни, и вот эти мои руки, на которые я смотрю, – это все те же руки... Кажется, пальцы стали короче... Не иначе от бесстыжего искривления пространства. Интересно, откуда же это чувство невероятности того, что все, что сейчас происходит, и есть продолжение все той же жизни? Зачем моему сознанию требуется такое ежедневное обновление, словно бы я – это вовсе и не я, а кто я такой, не известно...» Родители Герберта создали странную культуру отношений. Он помнил их чаще ругающимися, разумеется, по низменным поводам, чем пребывающими в приятном расположении духа. Со стороны трудно было понять, что же удерживало вместе этих столь разных и, казалось, смертельно уставших друг от друга людей. Можно было, конечно, разглагольствовать о странностях любви, о каких-то таинственных внутренних отношениях, скрытых от

взоров пристальных и пристрастных, но скорее всего, это был один из многочисленных бездумных союзов, единственным положительным результатом которого стало появление на свет Герберта, – хотя и в этом Герберт периодически начинал сомневаться.

Целый ворох патологических взаимодействий ознаменовывал семейную жизнь родителей Герберта. Опять же со стороны она казалась бесполезной и невнятной, и нельзя было сказать, что любовь растаяла в дымке времен, поскольку, взглядываясь назад, в свое прокуренное отцовскими папиросами детство, ничего, кроме взаимных обид в родительских отношениях между собой, да и в отношениях с детьми, Герберт узреть не мог.

Его старший брат и вовсе отпочковался от этой семьи, огородив себя надежной стеной безучастия. Герберт не мог позволить себе такой подход, поскольку он неизбежно противоречил бы его натуре, но будучи, как мы установили, человеком подлым и двуличным, Герберт продолжал нести в себе зерно полюбовного сыновства, на самом деле не понимая, каким образом такие отношения в семье могут вообще порождать какие-либо теплые чувства. Адлер всеми силами пытался не переносить опыт своего домашнего очага, так сказать, до боли родных пенатов, в свою семью, в свои отношения с Эльзой, Энжелой и Джейком, но подчас это было выше его сил, и он словно бы со стороны слышал в своем голосе нотки своего отца в стиле:

– А почему... ты... не... выучил... уроки?

Герберт понимал, что любить своих близких нужно не за что-то, не потому, что они успешны, трудолюбивы и ведут себя в соответствии с твоими ожиданиями. Любить их нужно просто так, беззаветно, без предварительных условий. Герберт пытался *так* любить, и иногда ему казалось, что он преуспевает на этой ниве, но «почему... ты... не... выучил... уроки?» снова брало верх, и благие намерения на безусловную любовь катились в тартарары...

Внешне жизнь Адлеров абсолютно не походила на сумрачную взаимную агрессию его родителей, но внутренне Герберту не удалось превозмочь себя, и поступки его детей строго различались по степени полезности в отношении семьи, рода, человечества, чего угодно, но только не их самих, не их уникального, неповторимого понимания своей собственной жизни. Поэтому в семье Адлеров ни у кого не было своей собственной жизни, включая самого Герберта. Они жили жизнью семейной, которая перетекала незаметно и пагубно в деловую, экономическую жизнь, и хотя внешне все были довольны, внутренне у каждого зрел неизбывный бунт и желание перевернуть все вверх тормашками, но чаши весов указывали на полную несостоятельность таких планов, и приходилось стараться оставаться благоразумными, чтобы опять же не разочаровать друг друга, и хотя нередко все четверо не хотели чего-то по отдельности, но вместе совершали, ибо давно уже перестали быть отдельными индивидами, а представляли некий новый общественный организм, идеальную ячейку общества, славную единицу бытия, на которую пророки глядели бы с гордостью и одобрением, а соседи и редкие приятели – с плохо скрываемой завистью и неприязнью.

Конечно, усилия четверых всегда больше и надежнее, чем разрывающие в клочки ссоры и противодействия, поэтому семья Адлеров достигала того, что было недостижимо другими семьями, но с другой стороны, в каждом из ее членов ютился импульс потребности в личной свободе, чье отсутствие спутывало их по рукам и ногам, – неважно, проживали они вместе или на разных континентах.

Родители Эльзы были совершенно другими людьми. Каждый из них был в своем роде редким оттенком в разнообразной палитре человеческих типажей, и вместе они составляли совершенно особый конгломерат чувств и отношений. Нельзя было описать их единым термином, припечатать штампом и успокоиться, ибо самым главным

свойством этой пары была изменчивость. Они легко могли обаять новичка своей приветливостью и шармом, но страдали периодическими затмениями доброго сознания, и тогда в них поднималась желчь и раздражительность, которую трудно было перенести. Идея самопожертвования и скромности доходила у них до такой щемящей обостренности, что они становились неудобны самим себе и окружающим, ибо каждый кусочек, каждый незначительный глоточек обсуждался между ними подробно и настойчиво, чтобы, не дай бог, кто-нибудь из них не позволил себе чего-нибудь лишнего. Инициатива этого самопожертвования проистекала, безусловно, от отца, который возвел в зенит своего кредо правило, что «самая неприятная и трудная работа должна быть сделана в первую очередь», что жизнь прожить нужно примерно в стиле Христа, и если окончить свои дни не на кресте, то по крайней мере, в недрах танка, идущего на приступ какого-нибудь строения, враждебного свету и справедливости. Жена, правда, скорее подыгрывала мужу, чем искренне желала лечь под гусеницы боевой машины истории. Естественно, что с такими побуждениями эти люди ни с кем не уживались, превращая свою жизнь в нескончаемый подвиг, ныряя в омуты самоотречения и периодически выныривая оттуда обратно в спертую атмосферу непонимания.

Так или иначе, их нередко изгоняли, хотя, впрочем, чаще всего они уходили сами. Вот только в последний раз изгнание было настоящим – в антично-средневековом вкусе. Они стали изгнанниками на старости лет, можно сказать, в состоянии полной босоногости. Только вопреки легенде об Уленшпигеле, в которой Клаас предпочел изгнанию гибель на костре, наши герои предпочли изгнанию изгнание, и «пошли они, солнцем палимые...»

Лишившись возможности проживать на старом месте, они перебрались поближе к Адлерам, повергнув всех в предусмотрительный трепет, ибо последняя попытка

подобного сближения лет двенадцать назад привела чуть ли не к разводу Герберта с Эльзой... Такова была разрушительная сила этих двух неунывающих самопожертвователей.

Однако на этот раз все началось полюбовно. Над семьей Адлеров зашелестела райская иллюзия полного семейного счастья: дедушка и бабушка навещали их чуть не каждый день, и все чувствовали на себе нежные лучи их трогательной любви.

– Надолго ли их хватит на этот раз? – бурчал себе под нос Герберт. Эльза тяжело вздыхала и не спорила с ним, потому что тоже опасалась повторения старого сюжета с превращением милых стариков в Геростратов, бегающих по ее дому с криками: «Все сожжем!!!»

Эльза пыталась не нести в свою семью губительную иррациональность своих предков. Недоговорки, колкие намеки, издевки – все это было чуждо Адлерам, но так или иначе влияло на многие решения и мотивы, ибо освободиться от вложенной в нас сути предыдущих поколений еще сложнее, чем убежать от самого себя.

Герберт был мастером попыток подобного бегства. Если бы Земля не была так наивно кругла, наш беглец давно оказался бы в самых отдаленных уголках пространства, куда его уносили нервные сны.

– Подальше от людей, этих обозленных оледенением умных обезьян, которые, неохотно спустившись с деревьев, приобрели страшную страсть к демонстративной анатомии, взрезая друг другу потроха. Ведь как ни крути, какие теории ни строй, меня можно проследить до самой какой-никакой подобной обезьяны... Хорошо, пусть Дарвин заврался. Пусть Адама публично и всенародно вылепил Бог, но все же меня можно проследить до самого этого непутевого первого человека с его несмышленным сознанием и страшным грехом, который по наследству становится и моим несмыслимым проступком. И дались ему эти яблоки!..

Так, в плотно переплетенных поколениях, проживал вечно чего-то ищущий Герберт. Жизнь его не удовлетворяла, ибо ему не к чему было приложить свое истинное усердие. Редкие забавы, включавшие в себя судебные дразги со своими управляющими или отчаянные бои с конкурентами, а чаще совмещенные выпады против управляющих, ставших конкурентами, не могли вполне вскормить его бурной творческой активности. Убедившись, что рождение детей – единственное достойное дело, Герберт, однако, не мог отдалиться с головой и этому почтенному занятию, ибо был моногамен по убеждению и, в отличие от царя Соломона, довольствовался одной женой.

В некоторый момент своего бытия Адлер решил, что простая повседневность не может быть единственным отправным пунктом в вечность, а жажда вечности роилась в нем, как и во всяком другом подлом человеке, ибо человек поистине возвышенный не думает о славе или о причинах этой славы, он просто должен парить над остриями храмов, пока очередной порыв ветра не швырнет его брюхом на шпиль....

Герберт был слишком далек от таких полетов, а посему сначала подспудно, а потом все более явственно искал себе занятие, которое хотя бы формально вырвало его из переплетов поколений, из тоскливой повторяемости будничных расторопностей, из простой наживы бытия, от которой першит в глотке и хочется плакать крупными, как персидские алмазы, слезами, но рыдания душат сами себя, и нет иного пути, как искать какое-то выражение этим рыданиям, иное и неформальное, значительное и движущее нечто вперед, вовне, туда, за пределы платоновской пещеры с закованными мудрецами⁶, которые сидят,

⁶ Платон уподоблял обыденный мир мрачной пещере, где люди закованы в цепи так, что им не повернуть головы и не увидеть ничего, кроме стен прямо перед собой. Там, на стенах, они различают игру теней, отбрасываемых фигурами людей,двигающихся в глубине пещеры в свете невидимого костра. В своем неведении закованные пленники полагают, что эти тени и есть

понутив головы и ничего не видя, кроме теней на стене, и думают, что нет такого пути или традиции, чтобы просто громко крикнуть: «Эй, кто там морочит нам голову?» и к черту распугать все тени и их зачинщиков...

Часть 4
Уроки перевоплощений

– Отвечай, где документы? – грязный мускулистый мужик тряс свою жертву, крепко прижимая пистолет к незащищенной шее. Герберт зажмурился, потому что ждал, что выстрел вот-вот растрескает реальность, и кровь брызнет в пространство.

– Считаю до трех и вышибу тебе мозги, – хрипло прозвучало в задымленном воздухе. Развалины какой-то старой фабрики равнодушно служили декорациями сцены обреченности и серой были. В низких облаках кружило несколько недотепистых ворон.

– Карр!!! – внезапно пронеслось по воздуху. Мужик вздрогнул и спустил курок. Он даже не давил на эту маленькую металлическую пластинку с таким куриным и с виду невинным названием «курок». Она нажалась сама. То ли колебания воздуха, вызванные этим неуместным «карр!», совершили свое губительное дело, то ли так все и было задумано в природе ярких смертей и вялых жизней, но реальность обогатилась еще одной жертвой неудачной, жестокой смерти. Говорят, это вредно. Умирать нужно обстоятельно и спокойно, в кругу семьи, в окружении заботливой нежности. Специалисты утверждают, что дурная и внезапная смерть передается в другие, будущие жизни и вызывает неврозы, всяческие неприятные заболевания и весьма мешает жить. Например, у этой несчастной головы с выбитыми мозгами наверняка наметится мигрень на все оставшиеся будущие жизни, пока какой-нибудь разумный психолог в очках не догадается воспользоваться методом регрессии и не вернет пациента, расслабленного в отрубе гипноза, в этот самый момент его прошлой или, может быть, позапрошлой жизни, и он снова не увидит всю эту обстановку, дурных ворон и курок, плавно и самопроизвольно скользящий в никуда. И тогда наступит быстрое и практически чудесное исцеление – до следующей кровавой развязки, до новой травмы с ощутимым удушающим эффектом. И ведь вряд ли так

придуманно нарочно, чтобы вся эта гадость, оставаясь где-то вне пределов биологических структур памяти, то есть вовне, где кружат эфемерные оттенки душ, передавалась как эстафета новым поколениям. Видимо, это просто побочный эффект того, что называется вечным круговоротом жизни, тем самым колесом жизни, от которого у нас у всех голова идет кругом...

Как только в зале зажгли свет, Герберт толкнул Джейка локтем.

– Хорошее кино, – фальшиво съязвил отец. Джейк привычно обиделся. В кои веки соизволил сходить с сыном в кинотеатр, так и тут нудит со своими комментариями...

– Мир гораздо более наполнен шпионами, чем ты думаешь, – не по возрасту витиевато отметил Джейк.

– Я в этом сомневаюсь, – признался папаша и потер усталые от взрывов и кровопусканий глаза.

Они вышли на волю и, несмотря на продолжающееся легкое головокружение и дурноту от увиденного, сразу отправились домой, ибо переполненные впечатлениями мозги просто требовали поделиться увиденным с кем-нибудь еще, хотя бы с милой и пугливой Эльзой, которая будет всплескивать руками каждый раз, когда Джейк или Герберт будут изображать очередную сцену из просмотренного фильма.

Кинотеатры, как и парикмахерские, – идеальные места для переоценки ценностей. Сейчас Герберту хотелось бездействия. Просто сидеть и наблюдать за чем-нибудь совершенно незначительным и в некотором роде банальным. Но читатель будет благосклонно освобожден от пространных описаний паука или осы в сахарнице. На этот раз Герберту надлежало вернуться к своему пыточному станку – компьютеру, который сожрал большую часть его естества, был его мукой и болью, единственным попутчиком в вязком и кошмарном бизнесе исканий престижа и денег, а также исключительное средство забвения всего окружающего... Вот вам гипноз,

помноженный на регрессию в прошлые и будущие жизни. Мерно мерцающее жерло экрана засасывает нас без остатка, и скоро мы уже не сможем отличать себя от него, дыхание наших легких – от бормотания его электронных потрохов, действия которых не менее загадочны, чем функционирование настоящих внутренностей, призванных переваривать наскучившую пищу.

...Герберт переписывался от имени Энжелы с несколькими молодыми людьми в бесплодном поиске замены Стюарда... Временами он начинал жалеть, что опрометчиво помог изгнать этого непримечательного типа из жизни дочери. Теперь она совершенно уже явно, хотя и бессознательно, мстила за отобранную у нее первую любовь. Все попытки найти кого-нибудь напоминали буффонаду, хотя сама Энжела к этому не имела никакого отношения, ибо послушно делала то, что советовали родители, отвечала на звонки потенциальных ухажеров и ни в чем не могла быть заподозрена, кроме полной апатии по отношению к мужчинам вообще и к избранникам родителей в частности. Самое же страшное заключалось в том, что те мужчины, что попадались на глаза Герберта и Эльзы, были, по их мнению, все как один если не ублюдки, то маньяки. Адлерам хотелось бросить это болезненное невротическое занятие, но что-то мешало, и все начиналось снова и снова. Эльза находила на сайтах знакомств более или менее подходящие кандидатуры, долго и без огонька переписывалась с ними по разным вздорным поводам, как, казалось ей, и нужно переписываться с потенциальными кавалерами, потом грубо вмешивался Герберт и (тоже от лица дочери) начинал брать быка за рога. Ухажеры на той стороне компьютерной сети стрелялись от неудобства переписки с сорокалетним мужчиной, скрывающимся под личиной молоденькой и весьма симпатичной девушки... Эльза утверждала, что Герберт все портит, но сопротивлялась вяло, ибо чувствовала, что подходящих

людей нет, что вокруг одни серые ублюдки и что нормальные люди на сайтах знакомств не водятся.

Наконец объявился приятный парень, образованный, обходительный, знающий множество языков. Он откликнулся на фразу в анкете на сайте знакомств (родители постарались) о том, что Энжела ищет мудрого молодого человека.

– Ну, насчет мудрости не знаю, хотя других люблю поучать! В чужом глазу бревно вижу... Вообще самая безопасная тема разговора в начале знакомства – это про соседа или соседку. Но это скучно. Про соседку поговорить можно, если ноги у нее уж очень кривые.

– А что, там, где ты живешь, много японок?

– Путем сравнения могу сказать, что они самые кривоногие в мире. Еще бы – посиди, поджав ноги под себя, всю жизнь. Я в Токио ходил в кафе для «годзинов», а может, «кэйдзинов», точно не помню, короче, так они называют всех чужаков, то есть неяпонцев. Так вот, в этом заведении ты можешь сесть на стул или свесить ноги в дырку в полу, на татами⁷. Больше десяти минут просидеть нельзя, потом ноги не разогнуть... А как у вас на озерах с рыбалкой? Я, конечно, не заядлый рыболов: впервые в прошлом году удочку купил и просидел на пирсе неделю – ничего не поймал, рыба была неправильная. Далеко же ты забралась-спряталась...

Дом Адлеров действительно располагался далеко от центров цивилизации, в лесистом краю, где озера встречаются чаще, чем бензозаправки.

Сначала ухажеру, которого звали Альберт, стала отвечать Эльза. Ее приятно удивил свободный стиль молодого

⁷ Татами (япон., дословно «складывать») – маты, которыми в Японии застилают полы домов (традиционного типа). Плетутся из соломы и соломой же набиваются, хотя в последнее время для набивки иногда используется пенопласт.

человека и то, что он, по-видимому, много путешествовал, раз так вдруг заговорил о Японии.

Несмотря на то что Эльза только что одолела толстенный роман о Японии, она решила не торопиться и ответила так:

– Рыба у нас тоже неправильная – или мелкая какая-то, или вообще нет. Но я и от мелкой не отказываюсь: все равно приятно, если поймала! А японцы, как я слышала, обожают рыбу...

– Да, японцев хлебом не корми, дай сырую рыбку пожевать... Удивительный народ. Такое самомнение, но в то же время тонкость и деликатность; презрение к человеческой жизни, закрепленное вековой традицией, но и прекрасная поэзия, и возвышенные чувства, любовь... А ведь любовь есть не что иное, как проявление человеколюбия. Кого еще любить, если не человека? Ну не рыбу же холодную любить? А кстати, поймала, говоришь... а какую рыбку? Случайно не золотую?

Эльзе нравилось, о чем и как писал Альберт, и она потихоньку начала увлекаться этим полуночным обменом фраз... Герберт, проходя мимо и оценив фотографию очередного претендента, даже немного заревновал.

– Ну, хватит тебе с молодежью переписываться... Уведут тебя так... Держи ухо остро...

– Я же в положении... – закокетничала Эльза.

– Я на их месте на это не посмотрел бы... Так даже лучше... Сразу двое, по цене одной...

Эльза улыбнулась, но продолжила свое прерванное занятие.

– Бог его знает, какие рыбки... – написала она после небольшого перерыва. – Одни коричневенькие такие, а другие красивые – зеленые с оранжевыми глазами.

– У вас часом ничего в озера не сливали, чего-нибудь радиоактивного? Зеленые рыбы с оранжевыми глазами – страсть какая!!!

– Нет, у нас чистота экологическая – аж до дури, – сплошные лягушки и комары...

– Надо же, а в новостях вещают, что грядет экологическая катастрофа вперемешку с глобальным возмужанием... Поболтаем завтра еще?

Эльза попрощалась и, задумавшись, отправилась спать. На следующий день общение продолжилось.

– Скажи, пожалуйста, что ты делаешь так далеко от цивилизации? Экология – это прекрасно, но вокруг ведь наверняка ни души? – начал разговор Альберт.

– Знаешь, последнее время я все больше думаю: а может, это и неплохо? Не восприми в свой адрес, но чем днем с фонарем искать нормальных людей, лучше уж так, в одиночестве, на дикой природе... – Эльза задумалась и добавила: – Ведь никто так не донимает и не расстраивает человека, как другой человек...

– Ну, с другой стороны, никто так не может сделать человека счастливым, как другой человек... Если он, конечно, тот самый единственный, любимый человек... Ты так молода, но судя по тому, что ты пишешь, кажется, ты много страдала... Много перенесла от других людей. Люди делали тебе больно?

– Да я бы не сказала... Хотя, наверное, ты прав... – Эльза стала вспоминать, как ее дочь обижали в первых классах школы, и ей захотелось плакать. Потом вспомнилась история со Стюардом и захотелось зарыдать. Незнакомец был прав... Ее дочь многое успела пережить, хотя и была совсем еще девочкой.

– Ты тоже права... Мне тоже часто стыдно за людей. Я работаю в баре. (Не по призванию, конечно. Денежка нужна на учебу.) Так там такого насмотришься, что лучше уж жить в лесу.

– Точно... Но я оказалась здесь не по своему выбору. Это родители меня сюда привезли. Они не любят больших городов, а так как сами ведут бизнес, связанный в основном с Интернетом и телефоном, то надобности жить в мегаполисах нет. Мне сначала хотелось уехать в большой город, но потом я сняла отдельное жилье и желание

поутихло – видимо, главное было не большой город, а самостоятельность... Работаю я вместе с родителями. Работа офисная – клиенты, Интернет, телефон. Пока всем довольна, хотя хочется путешествовать. Но думаю, со временем все успею. После школы хотела поехать учиться на факультет международного бизнеса, набрала уже достаточно высокие оценки по всем необходимым предметам, но потом засомневалась, а стоит ли это таких усилий и денег. Отец сказал: хочешь работать в международном бизнесе – работай с нами, тут и научишься. Вот, постепенно доверяет мне все больше и больше. Учиться все равно, наверное, буду, но не скоро, и, наверное, уже не этому. А вот чему – пока не знаю... А ты где учишься? Ты не похож на двоечника...

Эльза еще раз посмотрела на выставленную на сайте знакомств фотографию и подумала, что парень действительно симпатичный. Хорошо сложен, но не слишком мускулист. Лицо правильной формы, мягкий изгиб подбородка, очки... И главное, на фотографии он что-то готовил у плиты... А наблюдать мужчину за таким занятием – чистое наслаждение... Это ли не очаровательно?

– Это я-то не похож на двоечника!!!! – прервал мысли Эльзы ответ Альберта. – Ты бы видела мой дневник за школьный период! «Взорвал бомбу в мужском туалете!», «На уроке чтения читал неположенную литературу!» Я не вылетел из школы только потому, что регулярно побеждал на олимпиадах по истории и литературе! Точные науки мне никогда не давались, хотя папа у меня физик. А сейчас учусь статистике, маркетингу и организационной психологии... Повышаю, так сказать, квалификацию. А что, я совсем не похож на плохого мальчика?

Тут Герберт воспользовался тем, что Эльза отлучилась на минутку, и подсел к компьютеру.

– Все зависит от того, чем была начинена бомба, и были ли жертвы... Ты прямо какой-то Альфред Нобель в

молодости... Вообще интересно, что все всемирно известные премии учреждаются отъявленными убийцами. Вот вчера прочла, что Пулцеровская премия была учреждена одним типом (Пулцером), который в свое время застрелил товарища, о котором до этого много и плохо писал. Вот она, журналистика в действии!!! Слушай! Приезжай к нам в фирму поработать месяц. Нам нужен студент.

Вернувшаяся Эльза ужаснулась.

– Что ты наделал! Ты же его спугнул! Ну как так можно было написать?

– А чего время тянуть? Пусть приезжает, тут и посмотрим. А то опять будешь полгода переписываться, а потом окажется – просто очередной идиот.

Эльза протестующе замахала руками и уселась за компьютер.

– Ну вот, опять спугнула молодого человека...

– Меня напугать очень сложно... Особенно если пугающий такой симпатичный! Или точнее – симпатичная... Бомба была из самодельного тротила, изготовленного на родительской кухне. Жертв, кажется, не было... А чего я у вас буду делать?

Эльза поморщилась... Явно начинался чисто мужской, скучный деловой разговор. Ей в нем больше не было места.

– Вот увидишь, он не согласится, – язвительно заявила она и уступила Герберту место. Тот потер руки и написал:

– Да делать-то много чего есть... Я просто прочитала, что ты занимаешься маркетингом, а мы как раз разрабатываем новый план маркетинга услуг компании. Обычно летом у нас работает пара студентов. Почему бы не взять на работу своего? Заодно и отдохнешь – лето все-таки.

После этих слов собеседник пропал.

– Ну вот видишь? – чуть не заплакала Эльза. – Все испортил!

– Ничего, объявится, – пробормотал Герберт и пришел в отвратительное состояние духа, в которое он обычно

впадал, когда вселенная вокруг него крутилась не в ту сторону, в которую ему хотелось.

Альберт ответил на следующий день.

– Очень заманчивое предложение! Особенно то, что ты уже считаешь меня «своим». Однако есть несколько «НО»! Первое «но» – занятия в университете. Второе «но» – я уже говорил, что по вечерам работаю барменом (ага, с двумя высшими образованиями). Ну и наконец третье и главное «но» – будучи сотрудником вашей компании, я никуда не смогу пригласить тебя (у меня правило, выработанное путем печального опыта, – никогда не смешивать удовольствия с бизнесом), а пообщаться с тобой очень хочется. Пообщаться в смысле поболтать, поудить рыбу, погулять, устроить «пикник на обочине», сходить в кино,

проводить до дома и, поцеловав в щеку на прощание и пожелав пушистых снов, сдать на руки родителям в целости и сохранности! Вот! Лучше я сдам на права, арендую машину и приеду тебя навестить на денек, если ты не убежишь при виде меня и не зачислишь в черный список за какую-нибудь сказанную глупость! А отдохнуть – это в каком смысле?

Герберт был вне себя... Конечно, если бы он был девушкой, ему было бы приятно прочесть все это. Но Герберт девушкой не был. Он был деловым человеком и считал, что бизнес нужно совмещать со всем. Что удовольствий кроме бизнеса и независимо от него практически не бывает и, как бы это мнение ни было противно ему самому, по его глубокому убеждению, это было так, и ничего с этим поделать невозможно.

Он хотел было написать трезвую отповедь этому зарвавшемуся мальчишке, что как он был барменом с двумя высшими образованиями, так и останется за стойкой бара до конца дней своих... Но Эльза остановила мужа и снова принялась писать сама.

– Так интересно узнать про «печальный опыт», прямо зудит даже... Но не буду спрашивать – прикинусь «благородной барышней»... Слушай, а в какой стадии процесс получения водительских прав? Если в стадии принятия решения, то, пожалуй, буду я тебя ждать, как Пенелопа на берегу... Отдохнуть – это в смысле поболтать, поудить рыбу, погулять, устроить «пикник на обочине», сходить в кино, искупаться в озере и проч. А что, я как-то не так выразилась? Русский-то у меня не того... Вообще все твои «но» вполне обоснованны и понятны. Наверное, я бы тоже отказалась. Вот еще все не решаюсь спросить – образования-то у тебя какие? История и литература? Не похоже по последующему обучению статистике... Ох, язык мой корявый...

– Про опыт я тебе как-нибудь потом расскажу... Получение прав на стадии сдачи экзамена вождения, так что все в

порядке, скоро будут. Пенелопа на берегу... Вообще-то ты сказала очень приятную вещь, которую вряд ли имела в виду. Пенелопа – образ верной жены, двадцать лет ждущей мужа. Чем я заслужил такую верность? А на берегу ждала Ассоль Грея. Пенелопа же отбивалась от женихов. У тебя тоже такая проблема? Ты тоже отбиваешься от женихов?.. Закончил я факультет восточных языков, историк-востоковед. Могу работать как переводчик-синхронист. Потом учился в Швейцарии по специальности «управление гостиничным бизнесом». Вот такое у меня образование! Нелогичное! Очень давно мне никто не говорил, что будет меня ждать!

– Да уж... со сравнением неудобно вышло. Забыла, что ты разбираешься в истории и литературе... Обычная реакция при упоминании Пенелопы, – а кто это? Кстати, Одиссей тоже, на мой взгляд, ничем не заслужил такой верности. Вообще любовь и верность заслужить нельзя – они либо есть, либо нет. Ну, как талант к рисованию, например. Бывают люди, которые умеют любить, а бывают вообще никак – ну не способны. И с верностью то же самое. Причем у мужчин второе встречается реже или в другом виде – и это нормально: поплавай двадцать лет неизвестно где... Просто цели другие природой поставлены. Но тоже все бывает. Я не очень зарассуждалась? У меня это давнишняя тема размышлений. Вернее, не эта, а феминизм, а эта уже вытекает. Ладно, не буду тебя мучить... А в Швейцарии по-французски или по-немецки учился? Как там люди – на немцев больше походят или на французов? А гостиничным бизнесом всерьез заниматься хотел или для документа только? И какие восточные языки? А синхронист – это как? Я не много вопросов задаю? От женихов отбиваюсь в основном на этом сайте – им тоже, как и Пенелопиным, сам знаешь, что надо. Удивительные люди! Причем те, которые из России, еще и грубы ужасно, – как там женщины в России с ними выживают?

Эльзе вдруг пришла в голову мысль: вполне может быть, что за Альберта переписывается его папа... Или того хуже – мама, а может, бабушка! Ей стало скучно.

Но и на следующий вечер незнакомец вышел на связь. Он как раз отсыпался после ночной работы в баре.

– Я вообще не люблю бары! В людях, по крайней мере в барышнях, окончательно разочаровываться не хочется! На неделе вечера спокойные, а в пятницу и субботу – такая дикость!

– А что, девушки пьют много?

– Очень! Они упиваются, и их уводят парни, страшные, как...

– Может, эти парни страшны только снаружи, а внутри – белые и пушистые! Шутка...

– А твои фотки, тебя любимой, где можно увидеть? Мне понравилась твоя фотка со щенком и та, что в кафе! А на другой ты грустная!

– Знаешь, единственное место, где их более или менее много, – это у родителей на их сайте в Интернете, только это как семейный фотоальбом разглядывать.

– Я люблю разглядывать семейные альбомы! Только с комментариями!

– Вот чего совершенно не умею – это напиваться, – добавила Эльза. – Только один раз что-то похожее было, лет в шестнадцать. Мы с двумя подружками ночевали у меня, а у родителей дома – бар, довольно большой (видимо, поэтому никто у нас и не пьет вообще). Мы напробовались всего, – утром было очень нехорошо...

– Я люблю водку под хорошую закуску! Пиво в очень жаркий день в кафе! А так я, как бармен, к выпивке равнодушен!

Эльза улыбнулась... «Еще и не пьющий», – подумала она.

Альберт отправился рассматривать фотографии и от него доносились лишь редкие, но выразительные реплики.

– Скажи пожалуйста, кто ходит на рыбалку в короткой юбке!

– Я хожу! Вообще я посмотрела на эти фотографии и юбку эту выбросила...

– Зря выбросила... Хорошая юбочка! Я так тебе завидую!!! У тебя семья, бабушка, дедушка, брат, мама, папа! Вы дружные! А я родителей уже полтора года не видел! Эх... Тяжело жизнь заново начинать...

Эльзу кольнула эта фраза – «начинать жизнь заново», ах как это знакомо. Она подумала и написала:

– Кажется, Сенека говорил, что только дурак каждый день начинает жизнь заново...

– Ну, я не каждый день... Хотя если рассудить – иначе и нельзя. Так устроено природой, чтобы каждый из нас каждый день начинал жизнь заново. Разве ты не согласна?

– Может быть... Хотя вот Сенека говорил иначе.

– Если Сенеку послушать, так хоть в гроб ложись не позавтракав. Авторитеты полезны лишь до тех пор, пока не становятся вредны. Еще раз прошу меня простить! Свое бревно торчит из глаза... Я сам склонен уважать авторитеты...

– Ничего, не расстраивайся... И у тебя все постепенно наладится.

На некоторое время наступило молчание.

– Нет, зря ты так! Юбка замечательная! И очень тебе идет! То есть шла!

– Все никак не можешь перестать думать о моей юбке... – почему-то расстроилась Эльза. Ей было непривычно и неприятно, когда в ее маленькой дочурке видели женщину.

– Нет, я просто продолжаю рассматривать ваши фотографии. А мама у тебя очень симпатичная! Папа суровый! Но справедливый! Небось, всех женихов разогнал по озерам?

Эльза усмехнулась... Конечно, ей было приятно, что Альберт сделал ей комплимент... «Ведь мог бы промолчать? Ведь он же не знает, что это я за дочку с ним переписываюсь... Значит, и правда, что-то во мне есть...»

– Папа не суровый, он просто почему-то думает, что фотографироваться надо именно с таким лицом. А где твои родители – в России?

– В Москве, я москвич в энном поколении...

– А чего вместе не приехали?

– Я здесь по студенческой визе! Я первопроходец! Так что всем вместе не получится...

– Собираешься остаться?

– Собираюсь! Только вот кто бы оставил!!! Не хочу обратно в грязь к бандитам!

– Да ладно, было б желание!

– Желание не всегда совпадает с реальностью, даже при имеющихся возможностях!.. На фотографии с чем у вас пироги?

– С капустой...

– Полцарства за пирог!

– Так уж и полцарства?

– Просмотрел все фотки! Хорошая у вас семья – дружная!

– А какой язык ты изучал?

– Малазийский.

– Это на котором в Сингапуре разговаривают?

– В Сингапуре разговаривают в основном на китайском... Это вообще город своеобразный! А через пролив от Сингапура – Малайзия. Там на нем и разговаривают. А еще на нем разговаривают в Индонезии, правда, малазийский и индонезийский – это как русский и украинский... Ты еще кучу вещей хотела спросить – прости, не успел ответить. Но я отвечу!

На этом месте Эльзу сменил Герберт.

– А я уж и забыла... Память-то девичья... Восток... Так значит, в Сингапуре по-китайски разговаривают? Китай – это здорово. Папа тут года два назад принялся учить китайский. Весьма поднаторел. Даже стихи пробовал писать, ну, с помощью учителя, конечно. Меня тоже пытался научить некоторым иероглифам и словам. И теперь он плохо, но настойчиво разговаривает. Увидит на

улице китайца и бежит за ним... И не дай бог, если окажется, что тот не на мандарине разговаривает, а на каком-нибудь кантонизском...

– Или шанхайском! А еще есть диалекты: мин, ксан, ган и хакка.

– Точно... После двух лет учебы папин учитель сознался, что он из Шанхая... Но слава богу, он учил его правильному мандарину... А потом он ему сказал, как те же фразы звучали бы на шанхайском наречии – просто совершенно другой язык. В Китае много диалектов, но хорошо, что их всех связывает одна система написания. Эти иероглифы, в общем-то, и объединяют их как нацию, а то – мало общего.

Писать о себе и о любимом китайском языке Герберту было легко и приятно. Однако, опомнившись, что нужно вести себя как девушка, а не как половозрелый мужик, он добавил:

– А какая у тебя мечта?

– Получить нормальное гражданство, привезти сюда родителей (обеспечить им старость), жениться (по любви), уехать на Восток (с женой), поработать там пару лет.

– Куда уехать? В Малайзию, что ли?

– Можно и в Малайзию, но меня всегда привлекали Япония и Китай. А занимаюсь я гостиничным делом для души и еще мне за это платят! Красота! Вот где феминизмом и не пахнет. А кстати, что ты, девушка, думаешь о феминизме?

Герберт почесал затылок и заглянул в свои женские начала – ведь у всякого мужчины они имеются, эти самые женские, материнские или даже девические начала...

– Ну, если коротко о феминизме – неестественное это явление. Все в природе или Богом задумано так, что не может быть абсолютного равенства, и когда его пытаются достичь, получается ерунда.

– Если женщина хочет делать карьеру, она должна забыть о семье! Пусть занимается чем-нибудь в свое удовольствие,

но основное «мясо» в берлогу должен приносить все-таки мужчина.

– У нас совсем другая психология в семье... – ответил Герберт.

– Интересно, какая?

– Что деньги зарабатывать – это неприятное занятие. Трудно совместить работу для души с заработком, потому что то, за что платят, рано или поздно опротивеет. Поэтому мы всей семьей работаем в одном бизнесе, и денег на всех хватает, плюс капиталистическая эксплуатация (понемножку) – а в личное время каждый делает, что хочет. Папа – библиофил, уже огромную библиотеку собрал, мама с животными возится, я фотографией увлекаюсь.

– А мне кажется, это невозможно... Не получится совмещать! Либо одно, либо другое! Даже с помощью мужа не получится! Кто-то должен пожертвовать собой. Пока нет детей, это не проблема, но как только появляются дети...

– Ну, о детях говорить еще рано, – почему-то раздражился Герберт и принялся за свое: – Так какая все-таки у тебя мечта?

– Я хотел бы быть... управляющим в гостинице! В роскошной гостинице!

– Не густо, прямо скажем... – хмыкнул Герберт в ответ. – А свою гостиницу открыть не хочешь?

– Получится убожество... Разве можно сравниться с Мариоттом или Хилтоном?

– Ну а все-таки, возвышенная мечта есть? Ну там найти святой Грааль или, как Шлиман, откопать Трою?

– Боюсь тебя в этом смысле разочаровать... Прожить жизнь так, чтобы не было обидно за бесцельно прожитые годы!

– Ну, отчего же разочаровать... Наоборот. Мало ли у кого какие жуки в голове, – ответил Герберт, но честно говоря, разочаровался. Человек, который утверждает, что у него нет возвышенной мечты, либо слишком забит, либо неполноценен, либо просто неискренен. Во всех трех

случаях он, Герберт, оставался без жениха своей мечты: тонкого, интересного, в меру увлеченного чем-нибудь возвышенным. Герберт сам не был ничем увлечен, страдал от этого и мечтал ввести в семью человека, который мог бы смягчить это неравенство между силой притяжения низменных потребностей и мощной волной вдохновения, несущей человеческую душу вверх на самом что ни на есть пеннистом гребне... Герберт решил привести эту связь к какому-то логическому продолжению. Он собрался с духом и написал:

– Мы ищем людей. Постоянно. Просто умных, порядочных людей, а работы у нас полно... Отец может сделать тебе рабочую визу, если ты ему понравишься. Я это тебе без романтической подоплеки пишу. Просто ты мне симпатичен и хочется помочь, а кроме того, у меня есть чувство, что ты можешь многое сделать для нашей компании. Не пугайся, работа в основном не так сложна. Может пригодиться и твое знание языков.

После получения этого послания Альберт надолго пропал. Только на следующий день Герберт прочитал ответ, который его удивил... Альберт писал:

– А я-то уши распустил. За последние два года нормальная барышня на меня обратила свой лучистый взор... А тут оказалось без романтической подоплеки...

Герберту совсем не хотелось кокетничать. Он хотел пригласить к себе этого парня, показать Энжеле и решить все на месте.

– Уши ты распустил совершенно верно. Я обратила на тебя внимание... – это признание далось Герберту как-то особенно трудно. Но тут прилетела такая оплеуха:

– Энжела, я очень благодарен тебе за предложенную помощь. Но, как ты заметила, я действительно порядочный и честный человек. Да, у меня проблема с визой. Продлевать я ее буду через учебу. Если бы я был другим, я принял бы твое предложение. Но... давай развивать наши

отношения постепенно. И не будем включать в них бизнес...

Герберт пришел в ярость... «Ах ты щенок!» Он буквально рвал и метал. «Отказаться от такого предложения... честный человек... Обычно честным и порядочным людям части мало, им все подавай, целиком!» Немного успокоившись, Герберт написал:

– Хорошо. Как знаешь.

– В конце концов – это же сайт знакомств... – добавил яду Альберт. – Если ты, конечно, не против со мной общаться без деловой подоплеки... Я увидел твою фотографию на сайте. На ней ты грустная. Я просто решил тебя рассмешить...

– То есть ты утверждаешь, что я делаю тебе предложения, которые могут поставить под вопрос порядочность? Это не смешно... Меня увезли из России, когда мне было три года... Так что я немного западная девушка. Тебя это не смущает? – с трудом скрывая раздражение, написал Герберт.

– А тебя не смущает, что я почти на десять лет тебя старше? Это я так, к слову...

Разговор принимал пренеприятный оборот. Герберт подумал и ответил:

– Смущает...

– Ну вот, спугнул барышню... – написал Альберт.

– Возраст – не главное. Главное, чтобы человек хороший был. А мне кажется – ты человек хороший и милый, – примирительно и намеренно наивно добавил Герберт, который сам был лет на пятнадцать старше собеседника. – Ну, я не чувствую себя очень молодой... – подумав, искренне добавил он.

– Забавно... Никогда не думал, что заговорю с барышней о возрасте. Мне вообще говорят, что я выгляжу и рассуждаю на тридцать пять, хотя мне только двадцать семь. Ужас!

– О боже мой... а как же Пушкин? – возразил Герберт и почувствовал, что грубо навязывается... – И почему ты

говоришь, что старше на десять лет... Кажется, на семь? Или тебе эта разница тоже кажется непорядочной?

– Нет, я не о том... Я про то... Был бы я непорядочным, я зацепился бы за твое предложение обеими руками. Ладно, проехали. Хорошо?

– Что может быть менее объективным, чем понятие морали? – рассудительно отметил Герберт.

Альберт, чтобы заполнить паузу, процитировал Пушкина:

Ужель и впрямь и в самом деле
Без элегических затей
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?

– Итак, я понимаю, что разница в возрасте смущает как раз тебя... – задиристо ответил Герберт.

– Нет, возраст меня не смущает... Несколько смутил твой друг Стюард, чьи фотографии я заметил в вашем фотоальбоме... Извини, что я вмешиваюсь, но там была подпись: «Стюард – друг Энжелы». Выглядит он вполне интеллигентным и весьма молодым...

– Это в прошлом.

– А что случилось, если не секрет?

– Он был шизофреником!

– Ну, ты меня успокоила!

– И теперь возраст тебя не смущает? При современной продолжительности жизни одному будет семьдесят лет, другому семьдесят семь... Сиди, на солнышке грейся. Вот у индейцев сразу жену давали... Причем лет двенадцати... И попробуй откажись...

– Я курящий... Я не доживу! Хотя мне нагадали за десять долларов, что доживу аж до девяноста лет!

– Я имела в виду, что в разных странах приняты разные вещи... Я имела в виду, что мораль бывает разная... – Герберт сел на любимого конька.

– А что такое мораль? Повышать прибыль компании за счет продажи дутых услуг – это нормально? Я продавал. Потом ушел, точнее, меня выперли (новое руководство), когда компания зарабатывала сто тысяч в месяц.

– Ну, ничего. Не расстраивайся... Жизнь трудно прожить совсем уж стерильно. Тем более на тебе висит та бомба, что ты взорвал в туалете... в детстве. А все остальное – условности... только условности...

– Я тоже не люблю условности. Дай-ка я тебя тогда спрошу, а что для тебя главное в отношениях?

– Неиспорченность – свежесть чувств, романтизм, незашоренность, отсутствие подозрения, что тебя будут подозревать в том, что ты подозреваешь... – ответил Герберт, напрягшись, ибо пришлось представить себя молоденькой девушкой. Потом добавил: – Мне кажется, что ты заядлый холостяк...

– Нет, просто не нашел женщину, с которой был бы готов связать жизнь, до конца. Моя мама говорит, что пора уже бросить искать. Что нужно кого-нибудь, кто станет просто товарищем, как в песне... Я хотел бы встретить человека, который понимает смысл выражения «Служили два товарища».

– Я считаю, что все эти визы и границы – новая форма издевательства человека над человеком... – заявил Герберт, не вдаваясь в смысл слов Альберта, а потом добавил: – А вообще ты – садист!

– Да, я люблю доминировать! Я садист, но боль причинять не люблю. Все должно быть приятно обоим... – резво ответил Альберт, оживившись.

– Я не имела в виду этот садизм, – озадаченно ответил Герберт.

– Тогда почему садист?

– Да вот... Подозревая меня, что я буду подозревать тебя в дурных намерениях, ты ставишь меня в неудобное положение...

– Но почему же садист?

– Потому что я несколько раз приглашала тебя, а ты каждый раз уклонялся... Альбертик, бросай условности... Мы же свои люди, это чувствуется. Приезжай – поболтаем. Может, я тебе вживую совсем не понравлюсь, – Герберт начинал уставать от этой муторной переписки и хотел, чтобы все разом прояснилось.

– А твои родители меня с лестницы не спустят?

– За что? Альбертик, ну что ты тянешь свои прежние травмы в нынешние отношения? Мы – представители вымершего племени людей. Прикольные оптимисты. Мы не спускаем людей с лестниц. Да и за что тебя спускать?

– Ну, скажем, за разницу в возрасте...

– Я вообще родилась взрослой, хотя остаюсь ребенком. Вот услышишь, как я говорю, будешь смеяться. Я немножко картавлю, когда говорю по-русски.

– Не картавишь, а грассируешь... Может быть, я тоже тебе совсем не понравлюсь. И может быть, я и родителям твоим не понравлюсь... Что тогда?

– Тогда? Ничего! Не бойся, ты об этом не узнаешь... Мы тебе ничего не скажем...

– Вот именно...

– Мне кажется, что ты очень серьезно смотришь на жизнь. Она этого не любит, – возвестил Герберт и тут же подумал, что такая глубокомысленность не очень подходит молоденькой девушке.

– Так вы пофигисты?

– Что-то вроде, хотя вообще-то мы живем по этикету девятнадцатого века. Во всяком случае, такие книжки папа нам читал вслух... Хотя сам икнуть может в гостях... Все валяют дурака в силу собственных наклонностей... Мне кажется, что ты чувствуешь себя со мной неудобно.

– Почему ты так думаешь?

– Не знаю... Я, наоборот, чувствую себя хорошо, свободно. Это плохо? – начал плести новую сеть Герберт. Начиналась гроза, и Интернет могло вырубить в любой момент, о чем Герберт не преминул сообщить своему «возлюбленному».

– Гроза! Это здорово!

– Молнии и гром... страшно... Что вам, мальчишкам, здорово, то нам, девчонкам, страшно, – заскромничал Герберт.

– А я – смелый. Мне по должности положено. Я же – разведчик...

– Какой еще разведчик? – нахмурился Герберт.

– Старший лейтенант внешней разведки!

– Да... Ты меня удивил... мягко говоря, – Герберта передернуло. – Так ты меня вербовать, что ли, будешь? Ну кто же о таких вещах говорит? Если ты шутишь – это шутка плохая, если ты серьезно – то это ни в какие ворота не лезет. Объяснись.

– Я уже давно не на службе!

– Кстати, я забыла тебе сообщить, что я... – решил превратить в шутку Герберт.

– Что, замужем?!

– Нет... Инопланетянка...

– А я серьезно – разведчик. Только я в запасе! Не переживай! А специальность у меня вообще суровая! Я вот думаю, говорить или нет?

– Киллер, по всей видимости...

– Нет... Специалист по допросам... Из нашего универа две дороги – в разведку и в МИД. Я выбрал разведку и прошел сборы. Мне дали звание. А почему это тебя так пугает?

– Да потому, что за эти разговорчики с тобой на такие темы меня лишат гражданства и посадят за измену новой родине, – раздраженно и совсем не по-девичьи написал Герберт. – Ты что же, заслан к нам?

– Нет, я белый и пушистый! Честно...

– Короче, я думала, ты нормальный парень, а ты – беда!

– Слушай, я же в запасе, ничего страшного в этом нет!

– Не знаю, Альберт, но мне кажется, что это глупо. Если ты и правда был связан с разведкой, то наиболее логично – это помалкивать, а если просто прикалываешься, то лучше бы ты был инопланетянином. Это нынче более соблазнительно.

– Я расстроился. Ты меня совершенно напрасно испугалась.

– Я плачу... – написал Герберт и решил больше не переписываться с этим эксцентричным Штирлицем. Он поерзал на стуле и все же дописал: – Ну как ты можешь гордиться сотрудничеством с разведкой? Как ты можешь гордиться, что ты специалист по допросам? Да еще чьей разведки...

– Не плачь! Давай я тебе позвоню? Можно? Я тебя так расстроил? Я спасал свою жизнь и здоровье родителей! Я у них один! И если меня, москвича, убьют, кто за ними будет ухаживать в старости, которая не за горами? Меня не могли бы спасти родители, денег у них нет, связей тоже, а в армию забирают прямо с улицы и из дома ночью! И – на границу, воевать непонятно с кем и непонятно за что! Кто тебе сказал, что я этим горжусь? Почему ты думаешь, что я добровольно пошел туда? Ты пойми, что в России служба для ребят обязательна! И меня, с моими способностями к языкам, могли отправить в Чечню!

– Понимаешь, какое дело... В том, что ты говоришь, есть очень много противоречий. С одной стороны, ты утверждаешь, что хочешь уехать от грязи и бандитизма, с другой – готов защищать эту грязь и бандитизм до последней капли. С одной стороны, не принужденно сообщаем, что работал в разведке (хотя все знают, что работа в разведке никогда не остается в прошлом), с другой – рисуешь страшные картины войны в Чечне и буквально рабского рекрутмента солдат на улицах. Вывод – либо ты неискренен в одном из своих утверждений, либо ты как раз и есть представитель той самой достоевской души, которая потемки... В обоих случаях это пахнет большой бедой.

– И кто меня тянул за язык! Дурак! Черт бы побрал мой длинный язык!!!! Об этом нужно поговорить! Дай мне твой номер телефона! Это нельзя объяснить по Интернету!!!!

– Давай оба подумаем насчет этих вещей и свяжемся в другой раз, – уклончиво ответил собеседник, ибо разговор по телефону, при всей склонности Герберта к перевоплощениям, мог не совсем удалиться...

Итак, Герберт набросился на Альберта, как скаковая лошадь на финишную черту, и вдруг оказалось, что тот старший лейтенант внешней разведки в отставке... От лица Энжелы Герберт так расстарался, что незадавшийся Штирлиц, похоже, серьезно влюбился в него, точнее в нее...

Герберт перечел последние оправдания своего ухажера-разведчика, и его передернуло. Между тем он уже пригласил этого смазливого кандидата к себе в дом...

«Авось не приедет... – вздохнул Герберт. – Слава богу, Энжела даже не успела с ним пообщаться. Вот как опасно... В паутине Интернета гуляют если не маньяки, так шпионы. И зачем этот лейтенант так напрямую признался, что отставной разведчик? Может, соврал? Просто хотел произвести впечатление?»

Именно так предположил Джейк, который с весельем, прикрываящим беспокойство, выслушал посреди ночи сообщение отца. Эльза спала, а Герберту хотелось поделиться этой неприятностью немедленно, и под руку попался Джейк.

– ...в отставке... – вяло оправдывался Герберт.

– Ну, ты же понимаешь, что в разведке не бывает отставки... Мы же смотрели сегодня кино... – обстоятельно изложил свою мысль Джейк и со вздохом посмотрел на проштрафившегося отца.

– Да, отставка у них одного сорта... мозги наружу.

– Причем именно мозги, чтобы конкурирующая разведка не смогла считать информацию из головы уже неживого разведчика, – добавил Джейк. – А кто вам говорил, что эта

затея с перепиской по Интернету и поиском женихов – опасная глупость? Вспомни, как мама однажды ночью пригласила какого-то ублюдка, а потом сходила с ума, что тот изнасилует и убьет Энжелу? Кто вам советовал просто оставить ее в покое?

– Ты...

– Но вы меня не слушали... Конечно, что я могу понимать в таких сложных взрослых вопросах? – Джейк комично завертел руками над своей нестриженной макушкой. – Ну а теперь извольте радоваться, получите старшего лейтенанта внешней разведки в качестве жениха!

Герберт почесал затылок и с расстройства так накурился – сначала трубка, потом сигара, что у него начала раскалываться голова.

Проснувшись наутро, продираясь сквозь буквально гибельную головную боль, он сообщил Эльзе о своем открытии, и та раздраженно, но без огонька принялась распекать его, что не нужно было ему переписываться с этим человеком. Нужно было предоставить все ей, она бы тихонько все выяснила и спустила бы на тормозах.

Адлер решил, что больше он в эти игры играть не станет. В конце концов, всему есть предел. Хотя в одной из прочитанных накануне книжек и утверждалось, что у всякой души есть бессчетное множество жизней, Герберту не хотелось закончить эту пристреленным шутком.

И вот тут-то и грянул гром, такой оглушительный, что у Герберта чуть не выпали мозги. Этим громом прозвучал вопрос – а чем же себя занять?

Поразительное состояние – деятельная скука, когда каждый момент вроде бы дополна напичкан заботами и событиями, а по задворкам сознания настойчиво тянется поволокая пелена скуки...

Герберт побушевал насчет своей неудавшейся истории любви к шпиону и вроде даже успокоился, но потом вдруг сел к компьютеру и снова принялся писать...

– Я не буду на тебя сердиться, если ты обещаешь никогда не упоминать о твоих прошлых подвигах, – написал он. Альберт отозвался сразу же.

– Энжела-а-а-а-а.... Бодрое утро! Как спалось? Надеюсь, кошмары тебе не снились! Ты, надеюсь, больше не плакала? Я не плохой, просто у каждого человека в жизни бывают моменты, когда нужно идти наперекор своим убеждениям и совести. Это очень неприятно. Ты мне нужна!

– Поскольку реальность относительна и мы сами выбираем, чему верить, а чему нет, я согласна забыть весь этот разговор и попробовать начать сначала, только если ты пообещаешь никогда не упоминать об этой части твоей биографии и разобраться в себе самом.

– Обещаю! Я слишком ценю твое отношение ко мне! Я вовсе не хочу тебя потерять. Ты жемчужина среди людей! И я несказанно рад нашему общению. К тому же ты мудрая барышня! Спасибо тебе!

– За это не говорят спасибо...

– За любовь не говорят спасибо... Ты это имела в виду? Ты больше не плачешь?

Герберт понял, что ему уже не справиться с эмоциональным накалом такого общения и наконец решил подключить Энжелу. Он прочел дочери свою любовную переписку.

Она выслушала вяло, казалось, без интереса, но одобрила... Особенно то место, где он написал, что плачет... Настоящая Энжела подтвердила, что действительно всплакнула бы именно в этом месте, хотя спала крепким сном в то время, как Герберт заливался за нее вымышленными слезами...

Вот такая у Адлера была крепкая семья. Всё делали друг за друга. Энжела помогала Герберту зарабатывать деньги в офисе, а он отдувался вместо нее с женихами...

Однажды он в шутку сказал, что готов ради дочери на что угодно, только наотрез отказывается заниматься с этим шпионом любовью.

– Все остальное – пожалуйста, а это увольте...

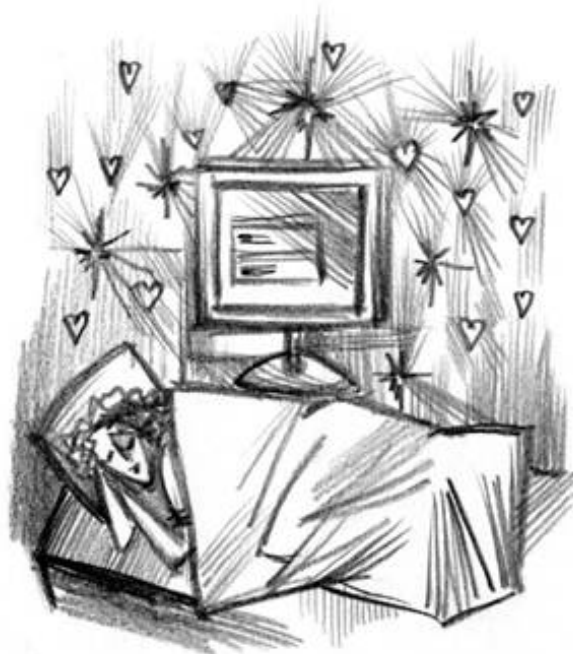
Энжела рассмеялась...

Все оказалось, как и предполагал Джейк. Новый ухажер по большей части хвастался, стараясь произвести впечатление, а на самом деле никакой он не шпион, а вроде неплохой парень.

– Я знаю, что так не делают... – говорил довольный Герберт. – Но если получается, то чем же это плохо? У Энжелы привлекательная внешность, а у меня годы опыта... Когда соединяется то и другое – получается девушка мечты, или «изумруд, самая мудрая барышня!», как выразился поверженный ухажер.

Герберт действительно умело провел парня по всем коридорам страсти, холода и тепла, насмешек и признаний, и преподнес Энжеле готовым. Адлеры не только не задумывались, но даже не осознавали, что в подобной ситуации кроется какой-то неслыханный обман. Герберт свято верил, что Энжела могла бы сделать то же самое, но она была ранимой, неуверенной в себе, и подобная первичная артподготовка травмировала бы ее и успех был бы маловероятен. Почему бы ему не сделать это за нее? Несколько раз Адлер спрашивал дочь, что она написала бы в том или ином случае, и их намерения и направления мысли удивительным образом практически всегда совпадали.

– А вдруг у них действительно выйдет что-нибудь серьезное, – внезапно начинала беспокоиться Эльза, – а потом он узнает, как это все начиналось?

– А на это мы ему скажем, что он вообще Штирлиц, и пусть помалкивает... Кому-кому, а уж разведчику грех жаловаться на инсинуации и подвохи... Он, наоборот, должен будет оценить глубину затеи.

Между тем переписка набирала обороты.

– Я так и представляю тебя... «Она несла пронзительно-желтые цветы!» – написал Альберт.

– «Мастер и Маргарита»... – отозвалась Энжела. – Я люблю эту книгу.

– Это одна из моих любимейших книг! – Альберт пришел в восторг.

– Интересно, почему?

– Потому что я романтик! Я несколько лет ходил по улицам Москвы и знакомился с барышнями, у которых были в руках мимозы! Ничего хорошего не получилось!

– А у меня нет желтых цветов. Есть только желтый кот! – ответила Энжела. – Барышня с желтым котом не подойдет?

– Подойдет! А что тебе нравится в этом романе?

– То, что книга предлагает нестандартно посмотреть на вещи. Вместо того чтобы ползать ужом по земле – беспшабашно нестись по небу... – выручил Энжелу Герберт.

– Обнаженной на метле или борове!!!

– Обнаженность в романе второстепенна... – отметила Энжела.

– А я так и не встретил свою девушку с мимозами...

– Наверное, сначала тебе нужно написать роман про Понтия Пилата, а потом уж проявлять интерес к девушкам с желтыми котами... то есть цветами... – язвительно включился Герберт.

– Очень хочется услышать твой голос!

– Я стеснительная... и больше молчу в трубку, особенно когда говорю с кем-нибудь, кого никогда не видела... – созналась Энжела.

– Ты меня не боишься?

– Боюсь... очень... – написала Энжела. – Ну, звони! – приписал Герберт.

Когда раздался звонок, Энжела ушла в другую комнату. Они проговорили минут сорок и, кажется, понравились друг другу.

Герберт пришел в хорошее настроение, но на следующий день Альберт пропал и не появлялся целых два дня. Эльза стала упрекать Герберта в том, что тот слишком поторопился...

– Ничего страшного, – промолвил Герберт в некоторой задумчивости и подсел к компьютеру.

– Альбертик, у тебя есть алиби? Где ты был в полпервого ночи? А то мне приснился сон... Ну, не сказать чтобы эротический, но что-то вроде... И в нем был ты... Негодник...

Ответа не последовало. Однако через несколько часов взволнованная Энжела сообщила, что Альберт ей звонил и сказал, что сегодня вечером приедет в гости.

– Он у тебя ничего про сон не спрашивал? – поинтересовался Герберт.

- Нет...
- Нам нужно поговорить перед его приездом...
- О чем?
- Да все о том же... Как водится... О снах, о цветах и о любви...

Часть 5
По ту сторону страсти

Нередко можно услышать, что страсть – явление таинственное и неуправляемое. Кого-то пытаются приворожить, кого-то отвадить, но настоящая страсть неизменно находит свои, особые русла и не подчиняется ни мистике, ни науке. Она то рвется к облакам своими пенными потоками, цунами, галактическими волнами, а то иссыхает, истощаясь до безвозвратности, короче говоря, ведет себя, как и следует вести себя такой тонкой субстанции, ютящейся в складках любви. Имя этой субстанции – тихая домашняя привязанность, ласковая ненаскучивающая любовь, теплое соприкосновение ладоней, терпкое желание продолжить ненавязчивую жизнь в следующих, пока туманных, но уже милых сердцу поколениях губ и бровей, родных взглядов и суеверий жестов...

Поиск формулы любви всегда отдавал пошлятишкой, присущей истинной алхимии нравов. До недавнего времени Герберт соглашался с этим, но, наблюдая за своими перевоплощениями, пришел к мысли, что не все так сложно, как о том витийствует молва, и упрямые назойливые сказания, скорее, отражают не невозможность привязать одну душу к другой, а глупость и грубое непонимание того, кто пытается оседлать таинство нежной страсти. Конечно, такое точное попадание могло получиться с одним из тысячи, может, даже с одним из миллиона. Но ведь не ждали, не сидели сложа руки мама и папа... Не утруждали барышню унижительным поиском, слезами по ночам, переживаниями низкими и одинокими, а просто удачно выбрали родственную душу и затем мягко познакомили молодых людей...

– Так не бывает! – заорет тысячеголосый хор вечно присутствующих у нас за спинами скептиков. Может быть, они правы. Может быть, так не бывает. Но кажется, что это возможно, что печать судьбы не окончательна, что можно отклонить нож гильотины одиночества, спасти невинную шею, спрятать наивную голову, уберечь себя от

прописанной современным миром пошлости отношений и краткости и своевольности нынешнего счастья.

Альберт прибыл в тот же вечер. Он был смущен, постоянно краснел и тем самым внес какое-то беспокойство, странное волнение... Адлеры потчевали его пирожками и пытались вести себя как можно более естественно и непринужденно. Постепенно гость успокоился, его взволнованная говорливость сменилась размеренной беседой, и все как-то встало на свои места, и Герберту, который презирал условности, уже казалось, что он давно и очень хорошо знает этого молодого человека. Атмосферу немного испортили родители Энжелы, которые надулись от важности, словно купечество перед работником. Делали язвительные замечания и вообще вели себя так, что Герберту несколько раз хотелось отвести их в сторону и шепнуть на ухо, что хватит, мол, рисоваться и ломать из себя черт-те что. Однако сдержался. Наконец «купечество» отбыло восвояси.

Было поздно. Взволнованная Энжела тоже уехала к себе домой, а гостей уложили спать.

На следующий день поднялись рано.

– Не вникая в суть своего предназначения, по-моему, невозможно стать вполне счастливым, – говорил Герберт, присоединившись к завтраку и отдав дань приличествующим в постиндустриальном обществе обсуждениям все той же доисторической погоды.

Альберт снова немного смутился, но поддержал этот непростой затейливый разговор.

– Трудно думать о высшем предназначении, когда не знаешь, что будешь завтра кушать...

– Согласен, да и не только я согласен. В этом и заключается суть знаменитой пирамиды потребностей человека. Но прежде всего необходимо осознание, что сытость и удовлетворенность низменными радостями – это еще не все, это еще не окончательная составляющая счастья.

– Кто же спорит...

– Я имею в виду, что посадить дерево, построить дом, родить сына – это еще не все. Рано или поздно возникнет упрямая неудовлетворенность...

– Ну, и это немало! И этого достичь не так уж просто. Вот вы, как видно, вполне преуспели, и даже, вероятно, уже достигли высших ступеней. И мой отец тоже, ведь он ученый...

– Даже занятия наукой – это еще не все, это лишь потребность удовлетворить любопытство, если, конечно, наука не стала данью карьеризму, а следовательно, и простым удовлетворением базисных потребностей.

Альберт молчал. Его лицо выражало тихую покорность, прикрывающую несогласие.

– Я понимаю, что вам, возможно, еще рано об этом думать, или, во всяком случае, вам кажется, что подобные раздумья преждевременны. Если бы меня, когда я был в вашем возрасте, спросили о моем высшем, значительном, безусловном предназначении, я послал бы вопрошателя подальше. Но на то и существует возможность диалога между поколениями, пресловутые отцы и дети...

– Ну да... – неловко захихикал гость.

– Так вот, – продолжил Герберт, не обращая внимания и улыбнувшись скорее механически, чем для поддержки неестественной шутливости собеседника, – я именно предполагаю, что среди людей даже нашего круга – людей мыслящих или, по крайней мере, претендующих таковыми быть, давно не принято вести серьезные разговоры. Да и было ли принято? Разве что в романах встретишь такие диалоги, а наяву все больше безмозглое тарактенье, соскальзывающее с серьезных тем на пустые подробности...

– Нет, что вы, что вы... мне безмерно интересно то, что вы говорите, – испугался Альберт.

Юноша не знал, как себя вести. Растерянность и чувство сюрреальности происходящего, некая схожесть с фарсом мучили его, оставляли несвободным, заставляли выскальзывать из серьезности темы, но собеседник крепко держал нить разговора в своих руках. Конечно, если бы Герберт мог видеть себя со стороны, от его внимательного взгляда не ускользнула бы комичность положения, но ему нужно было высказать свои взгляды, и он, преодолевая неудобство, продолжал вещать...

– Да, да, именно в романах... – повторил Адлер и подумал, что хорошо бы написать обо всем этом роман, который переплетался бы с реальностью настолько, что переход из мира образов в мир нормальных физических дыханий был бы практически неощутим, незаметен ни читателю, ни героям, ни тем более автору, который сам стал неотъемлемой частью и персонажем своего романа.

– Ну, в основном романы занимаются описаниями...

– И это устарело, – сразу возразил Герберт. – С развитием кинематографа, телевидения все это стало излишним...

– Так уж и излишним?

– Это не только мое мнение. Вот и Фаулз...

– Не читал...

– Ну, тот, который написал роман «Волхв», хотя это не имеет значения, не в «Волхве» дело...

– Извините, не читал...

– Так вот, у него есть книга «Червоточины», точнее, «Кротовые норы»... Смешно... «Кротовые норы»... Какой нелепый перевод английского слова «wormholes», означающего на языке физиков ходы сквозь пространственно-временной континуум, то есть смычки между удаленными точками времен и пространств... Так о чем это я?

– Вы говорили о новшествах в написании романов.

– Спасибо! Вам удастся следить за моей мыслью! – бестактно отметил Герберт, но Альберт не подал вида и продолжал слушать с видимым напряженным вниманием.

– Так этот волхв, то есть не волхв, а как его...

– Фаулз?

– Да, он... Он пишет, что теперь романы с видеорядом писать скучно.

– Ну, смотря как писать!

– Да, об этом речи нет, конечно, я... ну, пусть не я, пусть кто-нибудь другой легко сможет описать и гору дерьма в таких словах, что это останется в мировой литературе неизменным и восхваляемым шедевром. Речь не о том. Просто зачем тратить свой талант на простое описание предметов, когда можно погрузиться в ту глубину характеров и мыслей, которую пока никак не изобразишь на экране? Вот в чем призвание нового романа! И для меня это не просто рассуждения, досужие и малозначимые, не ведущие ни к каким выводам. Для меня это – прямая инициатива действия...

– Вы писатель?

– В какой-то мере... Вот как описать наш с вами разговор? Углубиться в нудное перечисление предметов, наполняющих пространство этой кухни? Позволить себе пространное отступление в область истории построения этого дома? Описать ваш и мой голоса,

поразглагольствовать о вашей одежде... – взгляд Герберта скользнул по выцветшей футболке Альберта и остановился на нашивке орла, крылья которого отделились от поверхности ткани и казались приклеенными... «Трудно найти более нелепую футболку, – подумал Герберт. – Молодежь совершенно сошла с ума». Альберт, похоже, прочел мысли строгого собеседника и твердо решил больше никогда не надевать на себя это убожество. «Только чистая рубашка, и никаких футболок с кепками», – решил он сквозь незаметно подступающее раздражение. Герберт почувствовал настроение Альберта и промолвил растерянно и неохотно:

– Простите за менторский тон...

– О нет, что вы, мне очень интересно и важно все, что вы говорите...

– ...или описать самую суть наших отношений – не запротоколированный диалог, а именно суть, их философию, их драму, если хотите...

– Надеюсь, до драмы не дойдет, – снова попытался отшутиться молодой человек, но осекся, поймав немигающий взгляд собеседника. Адлер думал совсем не об этом. Ему казалось занимательным, что если он возьмется написать обо всем этом роман, то получится, что он, сам герой этого романа, обсуждает с другим героем, как ему описать их разговор...

Наконец проснулась Энжела, и разговор прекратился сам собой. Больше всего Адлеров обрадовала перемена, произошедшая в дочери. Вместо хмурой сонливости и вечного раздражения лицо ее светилось весельем и безоблачным счастьем. Она внезапно начала резвиться и играть, как в детстве, затеявая шуточные бои с Джейком, который был рад такому преображению сестры.

Адлеры отпустили молодых людей гулять, и те вернулись в конце дня вполне довольные друг другом и жизнью.

Сидя у камина, Герберт то ли в шутку, то ли всерьез предложил Альберту жениться на Энжеле в ответ на невинную фразу, брошенную юношей:

– Не хочу учиться, а хочу жениться...

– Ну, так и женись! – весело подбодрил Герберт. Энжела в смущении поднялась с кресла, но когда повернулась к Герберту лицом, тот тихо спросил ее:

– Хочешь замуж?

Она лихорадочно, но так, чтобы никто, кроме Герберта, этого не заметил, закивала головой. Он преодолел изумление произошедшей с его дочерью переменой и продолжил в том же полушутливом, полусерьезном тоне:

– Ну вот, невеста согласна. Дело за женихом. Мать, неси образа!

Все смутились; Альберт попытался ретироваться из комнаты, но Герберт догнал его и, чтобы снять напряжение, стал рассказывать о том, как в детстве заявлял матери, что собирается жениться минимум десять раз, для того чтобы на каждой свадьбе вдоволь есть свой любимый салат «оливье», и что Альберту и Энжеле нужно непременно сыграть свадьбу, чтобы был повод снова сделать этот салат... Однако напряжение не спадало, и вскоре все разошлись кто куда...

– Неужели я открыл формулу любви? – бормотал Герберт, ложась спать. Эльза, довольная, но взволнованная, сказала:

– Опять ты гонишь лошадей.

– Но тебе он нравится?

– Да...

– Так чего же терять время... Ты видишь, как она преобразилась?

– Спугнешь...

– Ну, ты бы пошла за него?

– Да...

Герберта объяла волна ревности... Он отмахнулся от этого чувства рукой и отшутился.

– Я бы тоже на нем женился... Не забывай, ведь он влюбился именно в меня...

Адлеру в эту ночь не спалось. Не то чтобы он переживал... Просто его мучила изжога, напоминающая скуку. Он спустился вниз, попил воды...

– Как чудно... Неужели в этом и заключается формула любви?.. Образ миловидной девушки в сочетании с рассудительностью зрелого мужчины...

Наконец Альберт уехал, трогательно простившись с Энжелой, и на следующий же день с девушкой опять произошла разительная перемена: от счастья не осталось ни следа... Герберт и Эльза были ошеломлены. Попытки выяснить, что произошло, не увенчались успехом.

– Не иначе твои старики ей что-нибудь нашептали, – бурчал Герберт. Эльза тоже подозревала недоброе. Улучшив момент, они надели на дочь, и та неохотно призналась, что да, бабушка сказала ей, что она цены себе не знает, бросается на первого встречного, который, кроме корыстных намерений, никаких чувств к ней не испытывает.

– И ты поверила этой чуши? – взревел Герберт.

– Наверное... – честно призналась девушка.

– Я ведь предупреждал тебя, что твои бабушка и дедушка всюду несут с собой разрушение. Как ты можешь их слушать? Им дай волю, они бы и меня прогнали, оставив маму с детьми на руках...

– Но ведь действительно... Может быть, он вовсе ничего ко мне и не испытывает, кроме этих крамольных...

– Корыстных?

– Ну да, крахмальных намерений...

– Твоя мать подозревала меня в этих «крахмальных» намерениях всю жизнь... Да, наверное, и сейчас подозревает...

Эльза смешно замотала головой, возражая.

– Нет, теперь уже не подозреваю... А раньше и правда думала, что все, что ему от меня надо, – это то самое...

– И это при том, что папа посвятил тебе более двухсот стихов?

– Ну, что поделаешь... Подозрения трудно унять... – вздохнула Эльза.

– Вот видишь... – хмыкнул Герберт. – Тут уж, как ни крути, подозрения снять трудно... Ты по нему скучаешь?

– Да.

– А почему не звонишь?

– Не знаю.

– Из-за того, что сказала тебе бабушка?

– Наверное...

– Иди, позвони ему. Это все глупости. Он наверняка ждет...

– Да. Он уже звонил несколько раз, но я сказала, что мне некогда разговаривать.

– Ух уж мне эти вредители, – взвился Герберт. – Тоже мне, купечество доморощенное! Ну не нравится вам что-то, поговорите с нами, зачем же исподтишка гадить?

– Знаешь, дочка, ты больше не ходи к ним завтракать, – сказала Эльза. – Не нужно это тебе.

– Но мне их жалко...

– А себя тебе не жалко? Они мне все уши прожужжали, что твой папа хочет меня на автомашину променять...

– На что? На что променять?

– На то... на автомашину... Ты даже не подозреваешь, до каких глубин идиотизма могут дойти их подозрения. Мне тоже их жалко, но во всем нужно знать меру. Нельзя человека сразу очернять, он еще не сделал ничего, не сказал, не совершил дурного поступка... Он заслужил презумпцию чистоты помыслов... Нельзя же в каждом видеть подонка... Нельзя... – разволновалась Эльза.

– Хорошо, мама, я больше не буду ходить к ним завтракать...

– Да и не нужно тебе этого, так и расползеть недолго на их кашах, а ты и вовсе впадаешь в детство, когда общаешься с ними. Ты к этому очень склонна... Любишь чувствовать себя маленькой... – продолжала Эльза.

– Я не маленькая. Я вожу машину, – проворчала Энжела то ли в шутку, то ли всерьез.

После телефонного разговора с Альбертом девушка снова пришла в веселое расположение духа.

– Он пригласил меня в гости, – растерянno и в то же время игриво сказала она.

– Но он же живет в другом городе... Километрах в трехстах... – заволновался Герберт.

– Пусть съездит, – твердо сказала Эльза, и все удивились, потому что именно она обычно боялась отпускать дочь в междугородные поездки, особенно в темное время суток.

– А давайте поедem все вместе... Ну, конечно, купечество оставим дома, раз оно у нас такое умное... – предложил Герберт. – Снимем гостиницу на выходные. Почему бы и нет?

На том и порешили.

Гостиница оказалась средней руки, да и городок был весьма затрапезный, хотя и университетский. Герберт весь день читал, лежа в прокуренном номере, пока Энжела с Альбертом катались по реке на каноэ и гуляли в ботаническом саду. Эльза скучала и тоскливо глядела в окно, выходящее на гаражи, на нелепо подвешенный над ними молодой месяц.

Вечером все собрались в ресторане. Было видно, что отношения у молодых стали ближе.

После ужина Альберт, улучив минуту, заговорил с Гербертом о своих делах, и тот охотно поддержал разговор.

– Мне кажется, у тебя невроз, – заявил Герберт, медленно выпуская дым сквозь замкнутые зубы, отчего казалось, что он улыбается.

– Возможно... – согласился Альберт.

– Во-первых, ты не можешь освободиться от своей травмы, что тебя завербовали разведчиком, заставляли допрашивать людей... Поэтому ты со всеми этой историей и делишься, хочешь найти себе оправдание, поддержку...

Герберт всегда резал правду-матку собеседнику в глаза. Таким образом он провоцировал его показать себя, спорить, злиться или соглашаться. А сейчас на дипломатию и вовсе времени не было: нужно было в считанные минуты понять, что Альберт за человек.

– Во-вторых, твои родители создали в тебе комплекс неполноценности, который ты пытаешься преодолеть, доказывая им, что непременно станешь их опорой в старости...

– Возможно... – снова согласился Альберт.

– Ну а в-третьих, ты замученный трудоголик...

– Это точно!

Мужчины продолжали курить, увлеченно разговаривая и не замечая ничего вокруг. Вдруг раздался удар легкого тела о машину и душераздирающий крик Эльзы.

– Энжела!!!

Герберт втянул голову в шею. Он застыл, ужас охватил его... Неужели?! Альберт стремительно бросился к выходу, а Герберт никак не мог заставить себя оглянуться, чтобы взглянуть на дорогу и увидеть... Оказалось, Энжела просто поскользнулась и упала между автомобилем и поребриком, но в эту долю секунды, когда Адлеру казалось, что ее сбила

машина, он пережил подлейшую тоску вперемешку с великим ужасом... Дитя-то мы и проглядели... Обо всем договорились, упыри...

Энжела расшиблась не на шутку. У нее было несколько ссадин и синяков, но, к счастью, ехать в больницу не было необходимости. При детальном рассмотрении происшествия оказалось, что все семейство страшно взволновалось, когда Герберт и Альберт уединились для беседы. Вдобавок Джейк потерялся в темноте, и Энжела бросилась к машине, проверить, не там ли брат. Тут-то она и поскользнулась. Джейк, действительно сидевший в автомобиле, принял вину на себя и дулся остаток вечера.

Герберт попытался продолжить прерванную беседу, но Альберт предложил Энжеле прогуляться, и остальные путешественники покорно вернулись в гостиницу.

Назавтра выяснилось, что Энжела вернулась только в пять утра. После долгой мучительной пытки: «Ну, как?» она залилась краской и сказала, потупив очи: «Целовались».

Потом по секрету призналась матери, что Альберт ей нравится, но влечения к нему она пока не испытывает, ну, такого влечения, какое она испытывала к Стюарду... Эльза была вне себя, но не подала вида. Еще она выведала, что Альберт мило и доходчиво объяснился Энжеле в любви, на что та сказала лишь, что он ей нравится.

– Я понимаю, что есть ребята моложе и привлекательнее меня, а главное, успешнее и состоятельнее...

– Для меня это не важно. Я сама могу себя обеспечить, – отвечала Энжела.

– Ну а что же тебе нравится во мне?

– Твоя душа... – отвечала она.

Наутро Герберт устроил все так, чтобы иметь возможность обстоятельно поговорить с глазу на глаз с Альбертом. Он использовал удачную вилку, доканывая оппонента его же оружием.

– Ты не хочешь смешивать личное с деловым? – начал он утреннюю беседу.

– Это так, – взволновано ответил парень.

– Но настаивая на этом, ты оказываешься в таком положении, что никто, даже ты сам, не сможешь разобраться, искренни ли твои чувства к Энжеле, или ты испытываешь их потому, что тебе это выгодно.

– Да...

– Следовательно, необходимо действительно разделить личное с деловым. Я возьму тебя на работу, и это позволит тебе закрепиться в стране и избавит от необходимости ухаживать за Энжелой. В таком случае ваши отношения будут развиваться естественно... Энжеле нужны любовь, внимание, нежность...

– Я никогда не встречал таких родителей... Уж не вы ли выставили ее фотографию в Интернет? – пошутил Альберт.

– Я, – сухо ответил Герберт. – Точнее, Эльза. Альберт затих и, казалось, больше не мог выдавить из себя ни слова.

– А ты вообще помалкивай, Штирлиц, – в свою очередь грубо пошутил Герберт.

– А я молчу... – протяжно промолвил ухажер. Было видно, что он в шоке, и не знает, радоваться ли ему невинности дочери, или поражаться козням родителей. Он не посмел спросить, кто же в таком случае переписывался с ним, Энжела или ее родители...

– Давай вернемся к делу, – сухо предложил Герберт.

Они подробно обсудили детали, и Альберт сказал, что заедет в церковь помолиться, покаяться и поблагодарить Бога...

Потом они вышли покурить, и к ним присоединилась Энжела. Прощаясь, Альберт пожал Герберту руку.

– Спасибо вам... Спасибо вам, что доставили сюда Энжелу... – нескладно начал он.

– Товар доставлен! – весело объявила Энжела, не очень понимая двойной смысл своей шутки.

Но когда они отошли в сторону попрощаться, Герберт, с умилением наблюдая нежность и осторожность, с которой

Альберт поцеловал его дочь, подумал, что его забавные заботы были не напрасны...

По возвращении Адлер усадил родителей Эльзы на кухне и провел вразумительную политинформацию, все подробно разъяснив «купечеству». Путем долгих проб и ошибок он установил, что с людьми лучше разговаривать, чем держать их в неведении, иначе они неизбежно начинают подпольничать. Закончив, он подвел итог:

– Итак, я предложил Альберту разделить личное с деловым, а там посмотрим. Да, он находится в стране по студенческой визе. Она заканчивается через пару недель. Он собирается продлить визу еще на полгода. Известно, что он подумывал о фиктивном браке с какой-нибудь местной жительницей, хотя, надо отдать ему должное, отзывался о подобных замыслах с отвращением. Конечно, ясно, что ему было бы очень выгодно жениться на Энжеле и таким образом получить западное гражданство. Однако я верю, что выгода не исключает возможности и сонаправленности с ней чисто человеческих чувств, например любви, привязанности, верности... Так что если начальный интерес у нашего претендента, возможно, и был корыстным, то в недалеком будущем чувства вполне могут начать превалировать. Кроме того, нужно отдать ему должное: с самого начала он отмечал неудобство своего положения, и, скорее, мы навязались к нему, чем он просил нас о чем-либо...

– А по-человечески нельзя? Нельзя дать Энжеле право самой найти себе молодого человека без таких проблем?

– А без проблем не бывает, да и никогда и не было. Ведь прежде тоже зачастую женились на приданом. И родители суетились, стараясь для своего чада подходящую партию либо из своего круга подыскать, либо женились на богатстве, либо на бесприданной юной красоте, как в чеховской «Анне на шее»... В сегодняшней жизни ведь ничего не изменилось: барышни-бесприданницы хотят

найти принца или на худой конец обеспеченного, бедные юноши – богатую невесту, а обеспеченные ищут молодость и красоту... И женятся, и живут, и многие даже вполне счастливы...

– Ну, это все понятно... Чай, не вчера на свет родились... Но он-то ведь, кажется, ко всему еще и шпион, – заявила теща.

– Утверждает, что бывший шпион, а теперь с этим завязал...

– Бывших шпионов не бывает... – с кривой улыбкой добавил тесть.

– Ну, вы же бывший танкист. Вот вы в каком звании?

– Старшой я... только я ж в запасе... – смутился тесть.

– Ну, вот, товарищ старший лейтенант. А Альберт – тоже то ли старший лейтенант, а может, уже и капитан разведки в запасе.

– Знаем мы их «запас»...

– Ну, что ж, в таком случае, мы последний раз послужим отечеству. Что же, России теперь сидеть впотьмах и не знать, что в мире делается? Шпионы – ведь это глаза и уши нашей родины! – ответил Герберт, сделав вид, что ничуть не шутит, и «купечество» сникло и больше эту тему не поднимало.

...Адлеры вернулись из поездки совершенно отстраненными и расслабленными. В понедельник Энжела соблаговолила явиться в офис к полудню, и обнаружила там своего неудавшегося ухажера Эдди, которого в конце прошлой недели Адлер спровадил на такси домой, в город, где проживали его родители. Предполагалось, что он будет продолжать работать, но оттуда, из дома. И все это потому, что Эдди чрезвычайно раздражал Энжелу... Он, видите ли, посмел ее возжелать, а получив отказ, спутался с сотрудницей боливийкой, которая была старше его лет на двадцать, и вот теперь приехал ее навестить.

Энжела вдруг прониклась морализмом и по телефону пожаловалась Герберту. Тот принял новость о приезде

Эдди спокойно. Во-первых, сотрудники не были его крепостными крестьянами, чтобы он мог вмешиваться в их личную жизнь, да и вообще, детские сопли Энжелы о морали трудно было воспринимать серьезно. В ответ Энжела фыркнула и отправилась с Эльзой проводить время за маникюрами-педикюрами... Неудивительно, что дела в этот день пошли вкривь и вкось.

Эдди же к вечеру вернулся домой и выполнил свою работу, так что у Герберта не могло быть к нему претензий.

Бездумное состояние Энжелы тут же отразилось на деле. Результаты резко ухудшились. Герберт терпел, но через некоторое время пришел в привычное состояние злобы, переходящей в ярость. Необходимость все время поддерживать бизнес, постоянное чувство аврала измотали его нервы, и он, как затравленный хищник, вяло огрызался и повторял: «В гробу я все это видел!»

Вечером того же дня Энжела явилась к родителям и снова начала жаловаться на Эдди и его аморальную связь. Ей очень хотелось как-нибудь досадить своему экс-ухажеру, и даже, если получится, заставить Герберта уволить его.

– Ты понимаешь, что мы пригласили его, точно так же познакомившись по Интернету? Ввели человека в заблуждение, он ведь думал, что ты к нему испытываешь чувства! Потом ты ему морочила голову, приглашала к себе, ходила с ним по барам. Любой нормальный мужчина начал бы приставать... Чего ты от него хочешь? Что он тебе такого сделал?

Энжела внезапно принялась рыдать... Герберт удивился. Наконец после долгих уговоров Энжела смело посмотрела заплаканными глазами Герберту в лицо и промолвила:

– Хочешь знать, что он мне сделал? Хорошо, я тебе скажу! Однажды вечером, когда мы засиделись у меня и выпили немного пива, я оставила его ночевать на диване, а утром он припелся ко мне в постель...

– И?..

– Что и?.. Ничего! Я его прогнала! Это возмутительно!

– И он ушел?

– Ну да!

– Тебе повезло! Эдди – парень здоровый... Мог и не уйти!

– Что же он, совсем...

– Ну, отчего же... С ним-то как раз все в порядке. Если ты не собираешься переспать с молодым человеком, не следует приглашать его к себе вечером и распивать с ним пиво, и уж тем более оставлять его ночевать на диване... Он же все это воспринял как руководство к действию! Мог бы случайно и изнасиловать... Ну, чисто в порыве страсти, принимая твои крики за особую форму игры или кокетства! И ты, кстати, ничего не доказала бы.

– Почему?

– Да потому, что ты сама его пригласила и оставила ночевать!

Энжела продолжала плакать.

– Ну, хорошо, Эдди – мужлан. А с Альбертом ты собираешься повторить все то же самое?

– Альберт очень милый и хороший человек. Только...

– Только что?

– Я не испытываю к нему физического влечения...

– А к кому же ты его испытываешь? – в ужасе спросила присоединившаяся к разговору Эльза, предчувствуя ответ.

– К Стюарду? – серея от злости, произнес Герберт.

Энжела кивнула, давась слезами.

– Ну так и возвращайся к нему! Что же ты морочишь всем голову?

– Я не хочу к нему возвращаться...

– Так чего же ты хочешь?

– Не знаю. Простите меня... – пуще прежнего заплакала Энжела.

– Эти твои «не знаю» и «простите» мы слышим постоянно. Почему ты не желаешь разобраться в себе? Мы снова наобещали молодому человеку бог знает что, пригласили к нам, завязали деловые отношения... – Герберт просто кипел. – Нет, это не мы манипулируем людьми, это ты манипулируешь нами и многими, многими другими... Посмотри, сколько голов полетело вокруг тебя? С Анной наметился конфликт именно тогда, когда ты пришла в бизнес. Я не хочу сказать, что Анна была хороша, но как-то мы уживались с ней несколько лет... Стюарда ты втоптала в дерьмо, Эдди требуешь уволить за аморальное поведение, тогда как его премировать надо! И все из-за чего? Из-за того, что ты не можешь разобраться в себе? В своих влечениях?.. Что же нам, беседы на сексопатологические темы с тобой проводить?

Тут вступила Эльза.

– Зачем ты унижаешь себя и нас настолько, что мы должны вести беседы на такие темы и в таком тоне?

– А что я могу сделать?

– Научиться разбираться в своих чувствах... Чем тебе не нравится Альберт? В нем есть какая-нибудь черта или вообще что-нибудь, что тебя отталкивает?

– Нет.

– Он сказал тебе что-то неприятное?

– Нет... Он даже объяснился мне в любви... Довольно мило... В общем, очень мило.

– А ты?

– А что я?

– Что ты ему ответила?

– А я должна была что-то ответить?

– Ну, он разве не спрашивал, как ты к нему относишься...

– Да, он спросил... И я сказала, что он мне нравится.

– И он поверил?

– Нет... Он спросил, что именно мне в нем нравится...

– И?..

– Я ответила... Душа.

– Тогда в чем же дело?

– Я боюсь, что потом окажется, что у него есть такие черты...

– Вот когда окажется, тогда и будешь переживать! – внезапно закричала Эльза. – Как тебя Стюард, этот упырь со стеклянными глазами, приворожил!

Энжела рыдала не останавливаясь, и Герберту стало ее жалко.

– Перестань плакать. В конце концов, ты – нормальная барышня. Вам и не следует испытывать чрезмерное влечение к первому встречному, которого ты знаешь только два дня... Нужно дать время... Хотя, конечно, положение, в которое ты нас ставишь, приятным не назовешь...

На том в тот вечер и покончили. Герберт и Эльза не спали всю ночь, а на следующий день все началось снова. Дела в конторе пошли еще хуже. Энжела словно абсолютно отупела, и Герберту пришлось принимать срочные меры, которые уже не могли изменить положение. Бизнес

Адлеров зависел от каждого дня, и пара неудачных недель могла привести к полному разорению с увольнением работников, точнее работниц, которые все, как одна, были матери-одиночки с двумя-тремя детьми.

В дополнение ко всему позвонил Альберт, который, путаясь и долго извиняясь, объяснил Герберту, что может приехать только на несколько недель, а там посмотрим, и так далее...

Вечером Энжелу снова вызвали на разговор. На этот раз инициативу взяла Эльза.

– Если ты не наладишь отношений с этим молодым человеком, мы больше не будем тебе никого искать... Заметь, это ты нас просила, а не мы тебе навязывали свою помощь! Мне, сорокалетней женщине в положении, не очень приятно флиртовать ночами с молодыми мальчиками по Интернету, когда рядышком лежит ревнивый муж... Да и отцу тоже не очень интересно выступать в роли невинной девушки... Он, руководитель международного бизнеса, сидит по ночам и переписывается за тебя... А после этого ты нам сообщашь, что избранник всем хорош, но он не подходит, потому что вдруг он окажется плохим! Никто никогда не делал своей дочери того, что мы с отцом делаем! Сами отвезли тебя к нему. Ты провела незабываемые романтические выходные, в то время как я с пузом проделала несколько сотен километров только для того, чтобы просидеть два дня в душном номере для курящих, потому что мы сорвались в поездку в последний момент и все остальные номера оказались заняты... Более того, Альберт даже объяснился тебе в любви, на что ты промычала что-то невразумительное... Итак, если у тебя из этого ничего не выйдет, милая моя, я подселю к тебе дедушку и бабушку, нечего тебе королевой в двухэтажных хоромы проживать... Вот и водись со стариками, раз ты больше ни на что не способна. Я все сказала.

Энжела снова плакала. Эльза ушла наверх. У нее начались схваткообразные боли в животе, и ей пришлось принять ванну, чтобы расслабиться.

– Так я с тобой рожу до срока, – пробормотала она, уходя. Герберт остался с Энжелой и говорил еще что-то раздраженное. Та плакала.

Пытаясь ее успокоить, он стал рассказывать о том, как сам был влюблен в ее мать, тогда еще молоденькую девчонку, и как чуть не потерял ее из-за того, что все никак не мог решить, то ли это самое надежное и единственное чувство, которое на всю жизнь, ради которого можно преодолевать войны и расстояния, ради которого следует заставить вертеться вселенную вокруг, поставить ее с ног на голову, чтобы только не дать этому чувству раствориться в прах?

– Так ли уж важно быть осмотрительной и в конце концов остаться одной или в окружении подонков, которыми полнится наш город?.. Ни одной полной семьи! Все разведенные! Неужели каждое поколение должно повторять одни и те же ошибки? А если бы Альберт предложил тебе руку и сердце завтра, что бы ты ответила?

– Я бы согласилась...

– Но спать с ним не стала бы, потому что у тебя нет влечения...

– Стала бы... Со временем...

– Ну, и на том слава Богу. Вообще нынче мое положение – самое неестественное за всю мою жизнь... Склонять дочь к сожительству с малознакомым человеком...

– Ты – хороший...

– Может быть, тебе стоит послать нас всех к чертовой матери, взбунтоваться? Сказать: не лезьте в мою личную жизнь?

– Хорошо. Я взбунтовываюсь. Папа, не лезь в мою личную жизнь.

– Поздно...

– Я и сама знаю, что поздно...

Часть 6
Непротивление счастью

Время идет, но вечно возвращается на круги своя. Жизнь, осязаемая и выпуклая, состоящая из поступков, потекла своим руслом, а мысли Герберта устремились в свои подземные галереи, где им было просторно под гулкими сводами, оскаленными сталактитами, стремящимися к колоннообразованию, эдакому вечному слиянию со сталагмитами с целью воссоздания античных колоннад, под сенью коих так вольно размышляется в потемках, так верится в незыблемость своих устоявшихся сомнений, так хочется оставаться мыслящим существом и вне пределов тиканья биологических ориентиров... Герберт мыслил то урывками, а то и часами, рассуждая сам собой.

«Именно условности нередко делают людей несчастными. Правила рода, повадки поведения, все эти реверансы и оскаливание зубов, в сути своей призванные упорядочить гул человеческого столпотворения, на уровне каждого сухонького индивида терпят крах, фиаско буквально всеобъемлющего масштаба, ибо нет ничего более требующего внимательного осознания, как принятые на веру условности.

Оторвавшись от внезапно упавшей на нас современности, легко распознать всю фальшивость и нестойкость условностей, закосневших в традиции. То не принято, это пошло, а вот такой поступок и вовсе неприемлем... Но смешения культур людоедов с утонченными просветителями создает множественность лабиринтов реальностей, в которых живут все и одновременно никто, где сталкиваются правомерные традиции и вздорные правила бытия повседневного кружения по бесконечным комнатам этих самых лабиринтов.

Нынешняя эпоха уже не только опровергает условности, накопленные временем, но и буквально требует в порыве незрелой дерзости переломить и собственные доморощенные табу.

Кажется, что обязательно потеряешься в этом мире без мерок, в бесконечном переплетении «можно» и «нельзя». Нужна какая-нибудь простая максима, которая легко запоминалась бы и не менее празднично исполнялась бы, эдакий единый ориентир, что-нибудь взамен этого расплывчатого и противоречивого – «красота спасет мир». Нет ничего менее надежного и преходящего, чем красота. Христос сказал: «Доброта спасет мир». Достоевский взялся пооригинальничать и, рассудив, что все доброе – красиво (хотя не все красивое – доброе, иначе как же Антихрист, что черен ликом и прекрасен?), окончательно всех запутал. В поиске красоты, столь неустойчиво определенной, мы потеряли из вида огни наших маяков, и те пришли в запустение, их дряхлые смотрители вышли на пенсию, и теперь наши барки блуждают в прибрежных, оскаленных подводными бурунами водах, как страждущие щечки, и нам снова нужна некая максима, которая просто и надежно совершила бы это таинство возвращения главного ориентира. Ни золотой телец, ни пригоршни, бросаемые в топку иллюзорного всеобщего мирового счастья, не могут заменить простого и неоригинального «доброта спасет мир». Отклонение от сей максимы чревато заблудшим существованием... Достоевский пытался взорвать существующий благодущный мир. Он полагал, что, совершив столь свойственный его духу подавленный, но от того не менее революционный подкоп под размеренность существующего мира, он старый мир разрушит, а затем... Но «затем» так и не наступило, в то время как старый мир оказался безусловно и вполне до основания разрушен. Судьбы героев романов «Идиот» и «Братья Карамазовы», столь лакомо редкие в окружающем мире хмурого гения, вырвались на волю, подгоняемые тесно примкнувшими к ним «Бесами».

Теперь, проживая в мире Достоевского, причем лишенном условностей той поры, трагедии безысходности прослеживаются буквально в каждом индивиде. И хотя

слово «индивид» несет в себе латинский смысл «неделимый», нет такого индивида, который не был бы разделен пополам, не растреснут противоречиями, которые мешают ему существовать в гармоничном счастье с самим собой и окружающими».

Иногда мысли Герберта были столь запутанны и сложны для него самого, что он, боясь сойти с ума, потерять нить, вонзиться на полной скорости скакового автомобиля в стены противоречивости, брался записывать их. Но мысль ускользала, и подспудные ощущения пошловатости своего бунта против Достоевского брали верх, он маялся вновь подступающей бессмысленной скукой. Временами все словно бы прояснялось, и ему хотелось писать – не для славы, не для опровержения неопровержимых идолов, а просто для себя самого, для лучшего усвоения своих неминуемых выводов.

Простое перечисление событий, кое принято приводить в классическом дневнике, Герберта не удовлетворяло. Он понимал, что подобное творчество ничтожно, но мысль о написании придуманного романа настолько противоречила его расчетливому и стойкому к подобным соблазнам уму, что он гнал ее, казалось, бесповоротно. Но в какой-то момент ему пришла мысль взяться за такой роман, который просто и невнятно, насколько это возможно, чтобы не повредить существующую реальность, вел бы его самого по неуступчивой тропинке жизни, пролагаемой в кишках камышами болотам повседневности. Такой роман не был Герберту противен. Ему не казалось, что он совершает нечто глубоко аморальное, выдумывая своих героев и заставляя их страдать и гибнуть по мановению своего пера, на усладу публике, для вящей славы, для преходящей и внезапно распаивающейся в неглиже сладострастной страсти возвышения над собратьями. Герберт рассуждал: «Пусть я манипулирую людьми, и оттого мне не остается толики надежды претендовать на статус морального существа, но ведь и люди манипулируют мной. А значит,

дело не в том, кто автор жизненного романа, ибо если литература отождествляется с жизнью, то нет ни правых, ни виноватых. Никто не смеет играть уникальную роль автора-бога. Я живу, словно бы пишу роман. Но в то же время я являюсь и героем этого романа, а окружающие, пусть сами того не понимая, манипулируют мной, моими чувствами, поступками, искажают мою реальность, а значит, «пишут» меня... Они – мои жестокие и невинные соавторы. Они видоизменяют мой замысел настолько же, насколько я пытаюсь вмешаться в их жизнь».

Герберт сначала просто записывал свои мысли, потом они начинали выстраиваться в цепочки событий, и он уже не мог отличить литературу от жизни и наоборот. Он не понимал, какие поступки он совершает для того, чтобы отразить их в романе, а какие повороты сюжета, написанные на бумаге, ложатся на нее только для того, чтобы обрести свою истинную плоть в разухабистости вполне реальной и всеми осязаемой жизни.

Романы, которые пишут автора, герои, которые диктуют его поступки... Такая литература была Герберту по душе, хотя окружающими была бы воспринята как верх пошлости и демонической манипулятивности. Эдакое фиглярство... Переписываться с молодым человеком от лица дочери, пускай и с ее согласия, а затем описать это в романе? Что может быть более низменно и противоречит всем разумным условностям? Но Герберту было на это наплевать. Ему нужно было освободиться от пут скручивающей его душу Достоевщины. Он чувствовал, что он своего рода анти-Идиот, но, поделившись с Эльзой своим соображением, получил ответ, что так мыслить не следует, ибо если Идиот у Достоевского «князь Христос», то Герберт неизбежно выбирает роль Антихриста, что вовсе неудобно, если собираешься проповедовать необходимость добра и непротивление счастью.

Герои Достоевского всегда противятся счастью. Кажется, что вот же простой и надежный выход: скажи они иное

слово, соверши иной поступок – и все наладится, болезненная страсть развеется, мрак отступит и даст место светлому и румяному бытию. Герберту всегда хотелось вмешаться в каждый из романов мрачного гения. Всегда после прочтения у него оставалось сожаление и оскомина бессилия... Но не того бессилия, которое буквально поглощает князя Мышкина.

– Я не Антихрист, потому что князь Мышкин, описанный Достоевским, никакой не Христос, – говорил Герберт Эльзе. – Христос Достоевского словно сошел с картины с разложившимся трупом, той самой, за которую Рогожину предлагали аж пятьсот рублей, той самой, что вызвала у Идиота, как и у самого Достоевского, законное сомнение в вере... В свое время эта картина поразила воображение Достоевского, который устами своего героя говорит, что от нее «можно веру потерять». Как же разложившийся мертвец может воскреснуть? Достоевский – неисправимый материалист, забитый и сломленный революционер, несостоявшийся цареубийца... Вот здесь, в мучительном предчувствии эры Антихриста, он предстает во всем своем величии.

Беспомощный, мертвый Христос – вот что подрывает остаток веры... И его беспомощный Идиот пытается наладить жизнь обуреваемых мрачными страстями изгоев. И снова, уже в романе о веселеньких братьях при убиенном папаше, Христос беспомощен пред собственным Инквизитором, Великим Убийцей, готовящимся снова Его уничтожить – Его же именем, во имя Его самого... Достоевский – певец беспомощных Христов. Но Христос никогда не был таким, он не был беспомощным, даже страдая на кресте. Он не был простым статистом событий, он не говорил просто милые и добрые речи, не увещевал... Он творил чудеса и, в своем роде, манипулировал людьми для их же собственного блага. «Веришь ли ты в меня?» – вопрошал Спаситель и, получая ответ, сотворял чудо. Вот кому следует подражать, а не бессилию нездорового

человека. Можно манипулировать собой и другими, если это ведет к доброте и счастью. И нельзя не манипулировать другими, если они на грани гибели, и вмешательство – единственный путь их спасти.

Реальность нереальна и относительна. А значит, правда такова, каковой мы видим ее, и не более того. Существовали три несчастные души: Энжела, несчастная девочка, потерявшая веру в счастье; Альберт, измученный своей никчемностью, тупиковостью своего поиска любви, пристанища, очага; и Герберт, глубоко переживающий безвыходность положения Энжелы и ее неспособность стремиться к собственному счастью. Введите сюда Идиота, и он скажет массу обольстительных в своей простоте слов, он будет красив в своей добродетели, и эта добродетель отправится спасать мир, но причинит этим трем героям еще больше страданий, ибо вырвет их из повседневной рутины их, казалось бы, «нормальной» жизни. Но Герберт, похоже, анти-Идиот. Он вовсе не собирается скользить соразмерно неровностям человеческой страсти. Он мистифицирует события, фальсифицирует реальность, манипулирует людьми. Он – тонкий искуситель, он пользуется дьявольскими приемчиками, но на благо счастья, в то время как Идиот применяет глаженую белизну белья, не запятнанного ничем потусторонним, лишь бы только сохранить красоту, которая якобы... да, именно якобы спасет мир...

– Я – анти-Идиот, – рассудил Герберт, – ибо я проповедую непротивление счастью. Я пренебрегаю совестью и порядочностью, я пользуюсь мутными страстями и полузабытыми желаниями, но для того, чтобы соединить две несчастные половинки и привести мир в благодное равновесие. Пусть мне это не удастся, но я хотя бы предпринимаю попытки, я хотя бы стремлюсь, а не сижу сложа руки. Пусть я – демиург, но моя направленность добрая, и цель – благодная, нужная, верная... Что, если чудеса Христа, – лишь хитроумные трюки?.. Станет ли Он

от этого обманщиком? Что, если у Него был брат двойняшка, и один из них принес себя в жертву на кресте, а второй вышел из-за спины погибшего и провозгласил о своем воскресении? Что это? Обман? Фальсификация? Изловить второго и распять так, чтобы уж точно не воскресал... Эдакий негодяй... Все это рассуждения калеки, человека, родившегося в эпоху крепнущего материализма, очередной нудятины, очередной умственной гнили...

— Любые чудеса можно объявить подвохом, а любой подвох может оказаться чудом. Да разве не чудо то, что мы способны рассуждать о значении чудес? Нам поверят и без чудес; и с чудесами нас распнут, невзирая на лица и дурной опыт... Все средства хороши, если они направлены на достижение счастья без ущерба для других. Общественные законы и моральные установления призваны держать в узде общество в целом... Нашим же установлениям не придет конец, пока наши мысли устремлены к достижению счастья конкретных людей, стараясь при этом не повредить другим... Не повредить! Как много кроется в этом простом призыве. Но с каждым дыханием мы вредим кому-нибудь в этом мире. С каждым глотком воды, с каждым проглоченным кусочком пищи... Ну что ж, тогда стараться хотя бы намеренно не вредить, хотя бы так, чтобы в планах не было совершения зла предписанного и неотвратимого.

— А как же Анна? Как же эта заблудшая душа, которой я постарался нанести и нанес максимальный вред, насколько был способен и насколько это позволялось более или менее принятыми мной законами общества? Ах, дело в том, что Анна возжелала счастья только при условии несчастья других. Ей нужно было, чтобы я был несчастлив, а посему не следует делать счастливым того, кто строит свое счастье на чужом несчастье. Такого человека следует наоборот обессчастливить (явно от слова «бес»), не дав ему достигнуть воплощения люциферских, а посему неизбежно гибельных фантазий.

– А как же изгнанный Стюард? Никакой разницы! Он тоже собирался устраивать свое болезненное счастье на несчастье других... Сидел и говорил нам в лицо, да еще при Энжеле, что никогда на ней не женится... и что она не выгоняет его только потому, что у нее не хватает смелости...

– Что же означает многообещающая и ничего не разъясняющая сентенция: «Непротивление счастью»? – задавался вопросом Герберт. Ему казалось, что он понимает значение своей находки, но было ли оно понятно тем, кто не мыслил его категориями, для кого благородство страдания было гораздо значительнее и вернее, чем некое призрачное страдание... «Бог терпел, и нам велел», «оставьте меня в покое, дайте мне быть несчастным»... Ну как же, как же, страдания очищают душу, а счастье, наоборот, по всей видимости, вымазывает ее пакостным нетерпением наружного применения, черной массой небытия, которое грозит всякому, предавшемуся счастью в жизни земной, приносящей законные и закономерные страдания... Даже Евангелие, продукт безусловной и многократной фальсификации, не содержит ничего такого, что запрещало бы человеку быть счастливым... Конечно, нужно бросить деньги на дорогу. Конечно, нужно жить, словно птицы небесные. Конечно, необходимо освободить себя от низменных страстей. Сквозь все фальсификации и афоризмы мы слышим голос Спасителя, и слова Его действительно хороши, ибо они не слова, а намерения, которые, как ни старайся, сложно исказить, превратить в мрак катастрофического непонимания, в пепел неиспользованной возможности счастья, в ночное рыдание, в сон, пронизанный не забвением, а наоборот, язвющим и неотступающим чувством напрасности жертвы, проломленного черепа хрупкой девицы, приносимой в жертву строгим и насмешливым богам майя, брошенной в колодец Смерти ради жизни, которая все равно продлилась недолго, лишь затем, чтобы смениться крестами верных

Христу конкистадоров, которые вряд ли входили в замысел Христа, даже если читать Евангелие вверх ногами, задом наперед, отражая его в старом, немытом и потрепанном зеркале в бабушкиной ванной комнате, черные прогрызы которого словно отражают твою душу, прогрызенную и местами сильно заветренную безумием, безверием и безвкусицей...

Счастье – вот основная максима и императив. И нет разницы меж счастьем земным и небесным. Если счастье не зиждется на несчастье других, если твои невинные фальсификации не губят чьи-то затронутые судьбы, то это несомненно лучше, чем когда твоя прямота, логика и разумность выводят новым грифелем по коже человеческой бумаги очередные сюжеты в стиле короля Лира... Старики, умирающие на холодном асфальте, пропитанном дождем, сбежавшие из пасмурной, пропахшей экскрементами больницы... Вот результат нашей логики – холодной, как асфальт. Уж лучше фальсификация, насмешка над законом, упрек конституции, революция нравов – все, что угодно, но только не совершение этого преступления по несмышлености, преступления по вере в правоту Достоевского, в святую приверженность неизбежному и всеочищающему страданию... Нам нужны книги, уводящие в бесконечность счастья... Эти книги взорвут существующий порядок бытия. Нам не нужно больше эстетствовать и накладывать второпях пятаки на остекленевшие зеницы мертвецов.

Между тем мы следуем, неизбежно следуем чахоточным идеалам Достоевского... Милый, обстоятельный, всеподкупающий Идиот прокладывает для нас дорогу в вечность, но сама по себе эта вечность не имеет никакой ценности, она легко лопается, как пронзенный воздушный шар, лишенный своего воздушного содержимого. Сама по себе суть страдания и непротивления злу имеет вовсе не ту концептуальную необходимость, которую вкладывают в

нее обрadowанные злодеи, маскирующиеся в передники Золушек.

Девическая невинность не есть награда за скрупулезное соблюдение целомудрия... Мы встречали немало дев, развращенных почище проституток. Нет, истинная целостность помыслов вовсе не в сути физиологического акта соития, не в излиянии семени туда, где ему не суждено взойти, не в порывистой страсти ожидания наскучившего экстаза. Это не то, для чего следует искать счастья, это вовсе не так устроено природой, и тролли-мерзавцы напрасно надеются заменить своими картинками истинную картину естества.

В том-то и дело, что речь вовсе не просто о каких-то романах или о каких-то обыденных жизнях, которые скучны или не скучны в зависимости от количества заключенных в них страданий. Речь идет не о каких-то философах или простолюдинах, делающих свои никому не интересные выводы. Речь идет об императиве для каждого из нас, для максимы бытия, для оправдания существования... Я был ничтожеством, но прожил счастливо и никому не мешал. Я сделал счастливыми еще пару-тройку ничтожеств, я обманывал их, они обманывали меня. Потом мы признались в обмане, но разрушения не наступило, ибо счастливые связи окрепли, и обман потерял значение. Мы жили счастливо и не противились счастью, мы брали свои судьбы в собственные руки и проверяли любые условности на зуб, как следует проверять каждую золотую монету в отдельности, если хочешь найти фальшивку. Для нас каждая понюшка табаку несла в себе особый смысл уютного удобства, неторопливого стремления к простому и обыденному, а потому неспособному наскучить существованию, поскольку оно свободно выбрано нами самими, вне диктата привычек и условностей, вдали от указаний корифеев духа, царевбийц и пасмурных игроков на износ, проповедующих нам культ страдания в качестве эквивалента блага. Мы были далеки

от красоты в ее эзотерическом смысле, наслаждаясь небесами в той мере, в которой наслаждаются ими улитки, мы знали, что все, что нам нужно, либо у нас уже есть, либо мы это изобретем по мере надобности, но без культа страданий, без показушного бреда, без шоу-бизнеса смерти. Мы были не новы в своих открытиях. Просто наши единомышленники скрывались в тени крикливых максим страдания, непротивления злу, наносной игры слов, культа жертвоприношения, умерщвления ради жизни и воскрешения ради смерти. На тысячах языках нам возвестили о том, что Господь Бог послал нам своего Сына, отдал нам Его в жертву, чтобы подарить нам вечную жизнь. Посмотрите на наши физиономии. Нет, пожалуйста, не отводите взгляда... Вечная жизнь? Нам нужна вечная жизнь? Нам нужна человеческая жертва? Все эти максимы нас угнетают, заставляют мучиться совестью, принимать на веру любые условности, тяготиться развратом почти так же, как и целомудрием. Ходить в храмы по нужде в раскаянии – и раскаиваться вне храмов, на шумных перекрестках, где каялся мастер топора, тот самый герой Достоевского, прокричавший о своем преступлении на все четыре стороны, и мы дышим его дыханием, и мы верим в его Антихриста, и мы знаем, что это про нас, ибо даже те, кто и понятия не имеет о литературе и возвышенных размышлениях, страдают низменно, скользя по проложенной тропке, которая предписана им еще до рождения, возведена в культ, в набожность, ранящую и неспелую, в ожидание неминуемой зрелости человечества, которая так и не наступает, а неизбежно обращается подвохом... Я так ждал, что человечество прозреет, повзрослеет, но его детский лепет плавно перешел в старческий маразм... Моя страсть к книгам сделала меня книжным человеком. А книжный человек – страшен, ибо он верит только тому, что написано в книгах, не понимая, что в книги попадает только то, чему в книгах не следует быть. На свете проживали мириады анти-Достоевских, но

их скромные соображения и жизненный опыт почтили в бозе, ибо сатана там правит бал, ибо именно он, лукавый создал из чистого культа счастья, которым должно было стать христианство, мрачный культ страдания, искупления, жертвы... Мы судим о христианстве опять же по книгам. Как евреи – народ книги, так и все остальные не что иное, как человечество книги, а книги лгут, они лживы по определению, они не могут не лгать, они и созданы для оправдания лжи, ибо правда не нуждается ни в записях, ни в оправданиях, ни в натужных проповедях. Правда вдыхается с воздухом, она руководствуется прахом отживших и истлевших поколений, она верно определяет направленность нашего пути, ведущего к спасению от самих себя. Вы, книжники, требуете, чтобы человек наконец нашел в себе нечто человеческое, но как раз то самое человеческое, что есть в человеке, чуждо и страшно, и нужно в себе искоренять, ибо то человеческое, что нам всем не чуждо, как раз и несет в себе ту угрозу нашего спасения от самих себя, тот призыв к красоте, которая должна спасти мир, но без которой мир и не нуждался бы в спасении.

Мы безумный вид ключевых существ, которые замыкают длинную вереницу божественных попыток сделать мир самодостаточным. Нам не следует притягивать Бога за уши к каждому нашему счастью и несчастью, – нам просто нужно задуматься о том, что следует совершить для изменения иллюзий, которые мы именуем реальностью, в направлении нашего собственного счастья без особого ущерба другим. Так ли это много? Так ли это невероятно недостижимо? Конечно, маньяк-убийца счастлив, пачкаясь в крови своей жертвы... Но это – не счастье, это – торжество, это повод для создания религии, которая все разложит по полочкам; где нужно, оправдывает жертвоприношения, а где необходимо, применит нужную уловку покаяния... Недаром религия – самая смышленная потаскуха, она гораздо более подвижна, чем политика,

несмотря на свои догматы, она и не поднимая зада с закоснелого трона легко выведет из тупика любого зарвавшегося садомазохиста. Не о таком кровавом счастье идет речь. Не о том навязанном нам с вами ощущении безысходности и неоригинальности нашего с вами существования. Счастье, которое следует возводить в образ императива, – это то, что всеобще для всех форм жизни и небытия. Вот какое счастье легко усваивается нашими душами и не требует особых промываний желудка религиозными книгами и раздачами чиновных титулов святых.

Мы должны учить своих детей, что всякая попытка их учить есть зло, ибо если бы Господь Бог желал бы, чтобы мы чему-либо научили свое потомство, он нашел бы легкий способ вставлять какую-нибудь дискету с уже готовой и неизменной информацией. Нет, учить мы должны лишь тому, что никакие учения не должны руководить их жизнью, что никакие пасмурные идола Достоевского и условности ветхозаветных блажей и супермодерновых развращенностей не должны калечить их судьбы. Вот чему мы должны учить своих детей. Вот чему мы должны учить самих себя – и в этом и будет заключаться наше непротивление счастью.

Часть 7
Вес песчинки

Сия книга включила в себя лишь малую толику забав Герберта Адлера. Возможно, некоторые из них высветились с излишними подробностями, которые хороши на суде, но отягощают расслабленную читательскую душу. Да что, в самом деле, такого в этом Герберте Адлере? Так, песчинка. Подобными ему засыпаны полнопесочные пустыни от полюсов до экватора и обратно... А существуют ли люди не ничтожные? Каждый человечиска в той или иной мере пытается искривить жизнь себе в удобство. Всякий, рано или поздно, норовит посягнуть на общепринятые авторитеты. Пусть так. Но Герберт – песчинка сложносочиненная. С одной стороны, он призван вызывать у читателя закономерное раздражение, ибо так жить нельзя, не положено идти супротив всяких правил и даже, упаси боже, посягать на свободу воли, манипулировать людьми, лишать их природного права на неожиданное безумство... Но читатель, овладевший азбукой писательских подвохов, чувствует, что фигура Герберта Адлера мила автору. В этом-то и состоит основной конфликт автора с читателем, и, того хуже, автора с самим собой.

Герои появляются и исчезают по мановению забав хитрого Герберта...

Автор носится со своим Гербертом Адлером, видит мир и людей его глазами, а другие герои романа почти лишены слова... Ну, чувствовали же они что-то? Не просто ведь манекены ходячие... Как же так?

Увы, правда жизни заставляет признать, что бывают люди, или, по крайней мере, некоторые промежутки в жизни людей, когда они почти ничего не чувствуют. Бродят, как сомнамбулы, ощупывают, что попадется под руку, а спросишь с дружеским пристрастием, или даже заберешься к ним без мыла почти что в самую душу, а там – гулкая, зияющая пустота! Это еще очень хорошо, если отыщется хотя бы одна своенаправленная фраза: «Как я его

ненавижу» или «Как я ее люблю!»). Тогда еще может получиться хотя бы сносный романишко с трагическим исходом, ведь читатели жаждут красивых сложносоставленных чувств, особенно их перемешивания при варке на медленном огне. Анестезия чувств продиктована миром реальной повседневности. Попробуешь препарировать такие чувства – а они несложносочиненные, вымученные по необходимости, потому, что так принято, так должно быть, буквально для галочки. И это устойчивое марево односложности и пустоты совсем неплохо... Так многие из нас живут. Я сам иногда весьма одноклеточен.

Именно с такой односложностью в людях и сталкивается Герберт Адлер. Сначала она ему кажется простой и удобной, но потом он постигает, что жизнь – вовсе не роман. В ней многое ничем не завершается. Люди аморфны и непривычно апатичны. Романы предназначены для страстей, а жизнь предназначена для вполне ощутимого проживания в ней – различие, как между парадным гробом и тесной, но удобной двухкомнатной квартирой. Что вы предпочтете? Риторический вопрос... Конечно, гроб!

Ах, как нравится нам уложить героя в гроб, предварительно вдумчиво его препарировав! А далее запротокολировать результаты вскрытия его души... А там – пусто! Ничего особенного! Набор жалких штампов и полушка блуждания по отхожим местам. Ну, иногда, правда, можно наткнуться на прекрасно сохранившиеся страхи из детства, мрачные воспоминания о каких-то скандалах и легкое головокружение от чужих неудач.

А вот вам неожиданность! Не желаете? Читатель не любит сюрпризов? Пожалуйте... Я вас попотчую очередным «шерше ля фам»! По совести говоря, роман-то надо было назвать «Забавы Эльзы Адлер», ибо все, чем забавляется наш герой, делается исключительно и всеобъемлюще для любви всей его жизни – этой самой милой, едва заметной, беременной Эльзы. Герберт давно забыл, чего же хочет он

сам. Смысл его счастья заключается в выискивании тайных и явных желаний любимой и в их осуществлении, возможно, грубом, возможно, несколько насильственном даже в отношении самой Эльзы, но все же это не меняет сути.

Хотел ли Герберт изгонять Стюарда? Неизвестно! Этого, без сомнения, желала Эльза, и мавр блестяще сделал свое дело. Анна на шее... Так ли она мешала Герберту? Опять же неизвестно. Но можно сказать вполне достоверно, что Эльзе она мешала всецело, и посему поплатилась своей бедовой головой.

Невинная, беременная Эльза была всему подспудным дирижером. Она не указывала, что именно нужно сделать или как надлежит поступить... Она лишь выдавала полупонамеком состояние своей души, и внимательный Герберт воплощал его в реальность...

Историю своей любви мэтр Адлер изложил в стихах, обращенных к Эльзе... Туманный слог и ненадежный эстетствующий шарм препятствовали пониманию происходящего, но все же, пожалуй, следует процитировать эти вирши – блеклые следы давних чувств, волнений, желаний...

/

В ту эру ненавязчивых дождей,
Едва лишь преломленных ожиданьем
Несмелых радуг, призрачных ветвей,
Снастями увлекающих сознание
Не в плаванье, а просто в естество
Протянутого в вечность поцелуя...
Тогда, когда немое волшебство
Рождалось между нами, но ликуя,
Весь мир уже препятствовал двоим,
Забравшимся на склон зеленой кручи,
Играть друг с другом, словно им одним

Предназначались излиянья тучи.
Над стриженной макушкой моей,
Над мягкими твоими волосами,
Мы, может быть, сгущали тучи сами,
И снова вот полощутся они
В бесцветных водах нового потопа,
Дышать и жить по-прежнему охота,
Тебя, принадлежащую другим,
Похитить, словно давнюю Елену,
Не навлекая хмурых новостей
На радиовещание из Трои
И хмурый мир против себя настроив.
Ведь он едва ли стал теперь добрей,
Чем в откровенный век членовредительств,
Или в не менее жестокий век открытий...
И в сочетанье быстротечных снов
Предпочитая дерзкие поступки,
Мы отпускали жертвенных коров
Поскольку не питали в тайной прыти
И доли веры в ценность этих жертв.
Мы не толкли на дне потертой ступки
Для ворожбы взошедших в мраке трав,
Мы просто составляли редкий сплав
Из тел и судеб гибкого металла...
Ты в безрассудстве терпком не металась,
Когда метался в безрассудстве я...
И в этом было все наше отличие,
Или, как говорится, диссонанс,
Затерянный меж нашими телами...
И все, что оставалось между нами,
Мы сохраняли трепетно для нас.

2

Мы оба выросли в кругу людей,
Которые не слишком утруждались

Понять, откуда плещется вино,
Когда оно для нас превращено
Из формулы оксида водорода...
Мы были частью серого народа,
А части ведь обычно не дано
Постигнуть прелесть проживания в зале
Неспешных ожиданий новостей...
Мы изучали выступления костей,
Как требует наука врачеванья,
Мы брали в руки сердце мертвеца,
Как будто это действие учило
Преодолеть немыслимость конца,
И все, что в нас в какой-то мере жило,
Рвалось наружу из стеклянных колб,
Но эта жизнь – есть позорный столб,
К которому приводят всех под ручку,
Упорно утверждая, что затем,
Чтоб приучить нас мучиться беззвучно,
Так, чтобы сам уже едва ли мог
Понять, где начинаются мученья,
А где в очередной соленой пене
Простые волны бьют челом в порог.
Так, подчиняясь скуке естества,
Мы убегали с лекций идиотов,
И находили, что нам жить охота
Без запаха, что мертвые сердца
Неспешно, но истошно излучают,
Иные ведь практически скучают
С рожденья самого до самого конца...
Но не было вдвоем с тобой нам скучно...
В глухих лесах настырная кукушка
Нам куковала продолженье лет,
В анатомичке брошенный скелет
Скучал в своей кручине бессловесной,
И жизнь казалось нам настолько местной,
Что покидать навеки этот край

Нам не хотелось, пусть он был не рай,
Пусть в нем постилась вся наша незрелость,
Но кочевой мой разрумянный ген
Поставил точку в ласковом блужданье...
Нет, я не вскрыл в немой гримасе вен,
Я просто встал и вышел, как нечаянно
Из чайника выходит белый пар,
Как отлетают души насекомых,
Как исчезает ласковый загар
На разрыхленных складочках знакомых...

3

Мы чуяли угрозу тупика
По грозному внушительному реву,
С которым воздух провожает в путь
Неспешную подвижность паровоза.
Быть может, ослепительная проза
В себе и проявляет нашу суть,
Которую, увы, нам как обнову
Вторговывает с пылом дурака
Наш разум, этот пристальный судья
Всех тех, кто подчиняется расчету,
И верит, что в соитье единиц
Рождается искомое прозренье.
На это есть, увы, иное мнение,
Что как ни прячься от разумных лиц,
Разборов невнушительных полетов,
Всегда найдется грязного белья
Довольно для вниманья идиота.
А посему в глухой тиши души
Всегда есть место вечному упреку.
Хоть бродит смерть всегда неподалеку,
Все ж не найдешь ее, как ни ищи,
Пока не грянет час дурного рока

И не наставит жизнь нам рога,
Уйдя от нас к другим своим субъектам,
А нас оставив с нами для того,
Чтоб мы себя познали, как перо
Себя познать стремится до рассвета, —
Но высохших чернил не обновить,
И строчки сухо путается нить,
Так и не дав искомого ответа.

Но вот вам и другая новость... Дело в том, что Эльза сама не знала, чего в действительности хочет. Она пыталась догадаться о тайных желаниях Герберта и выразить их в своих, не менее тайных желаниях, что сделало бы их явными для нашего неустомимого исполнителя.

Герберт томился безвыходностью отношений его дочери со Стюардом, и Эльза улавливала его флюиды неприятия этой ситуации. Она тонко чувствовала несвободу, в которую вовлекла Герберта его последняя управительница, Анна на шее... И снова повторилось то же самое. Представьте себе двух наивных обезьянок-мармозеток, которые, обнявшись и заглядывая друг другу через плечико, выщипывают пушистые спинки, ловя друг у друга вредных насекомых. Только в случае с Гербертом эта спинка словно была у них с Эльзой одной на двоих.

Что поделаешь, такова в понимании этих странных людей «любовь»... Достигать своих тайных желаний казалось им пошло, а вот стремиться к осуществлению затаенных намерений души своего товарища по любви было хорошо, весело, обжигающе-приятно. Именно в результате эдакого вольного извращения их чувства и побуждения настолько перемешались, что найти отличие меж ними было невозможно!

В отношениях с Энжелой Герберт и Эльза пользовались той же самой разновидностью любви. Они, словно снабженные чувствительными антеннами насекомые, ловили любые шевеления девичьей души и, поймав

слабенькие сигналы: «Найдите мне принца!», бросались грубо и предприимчиво их исполнять.

Герберты норовили применить свой способ любви не только внутри своей семьи, но и в отношениях к окружающим, ко всем, кого эти странные люди принимали в свой особый круг (в который, кстати, было совсем несложно попасть), и лишь когда наталкивались на явно саморазрушительные тайные желания какого-нибудь горестного индивида и упорная психотерапия в сочетании с антидепрессантом не помогала, они разводили руки и просто переставали пытаться любить этого чужака, и тогда он сам отваливался под силой собственной гравитации...

Так ли дурны были эти отношения? Так ли невыносима была эта несвобода? Так ли отвратительны были их забавы?

КРУЖЕНИЕ
НАД
БЕЗДНОЙ

1

Убийцу отца Андрей Виригин повстречал на улице. Его так поразила будничность этой встречи, что очнулся уже после, когда вспомнил, что прошло восемь лет, и убийца вышел на свободу.

Все эти годы Андрей пил самоубийственно. Каких только планов сокрушительного мщения он не вынашивал и в пьяном бреду, и наяву...

Убийство — грех, вопиющий к небесам, но на кару Божью Андрей рассчитывать не мог, поскольку в Бога не верил, хотя и был крещеный. Библию считал не более чем литературным текстом весьма сомнительной ценности. Но всё же «глаз за глаз» — это ведь так естественно, и, казалось бы, не требует доказательств! Однако время шло, оставляя смерть отца неотомщенной. Ах, дрозophilное время, стирающее намерения в мелкий порошок, в пыльцу растаявших на ветру пресноцветов. В глубине души он презирал себя, не желая оправдывать свое бездействие знаменитым заветом христианства о всепрощении... Где были эти заветы, когда его отца по-зверски, безжалостно убивали?

И снова Андрей погружался в дурман, и только в спасительном, привычном дурмане можно было думать и не думать... Хотя нет, не так. В запойном бреду мысли как раз становятся безразмерно-тягучими. Они словно произрастают из ушей и резиновыми помочами обтягивают голову, цепляются за посторонние предметы. В глазах

пульсирует темнота. Невозможно спать. Невозможно бодрствовать.

Андрей не считал себя горьким пьяницей и обиделся бы, если бы его кто-нибудь так назвал. Пьяница ведь пьет для удовольствия?

Жажду мести он принялся утолять жаждой любви! А стоило ему повстречать Настю, он вообще забыл о мщении. Любовь ведь даже атеиста может сделать сентиментальным. Чернявенькая, почти девчоночка на вид, хотя самой уже лет тридцать. Он редко влюблялся. То, что случилось у него с женой, нельзя назвать любовью... Это произошло шесть лет назад и длилось всего несколько месяцев. Стоит ли об этом? Нет, в этом контексте не стоит. Не нужно параллелей с Настей. С Настей всё по-другому, все иначе, чем с Лилей...

Проклятая логика. Вытравить бы ее безжалостно из головного бочонка. Но никуда не денешься: раз уж заговорили о Лиле, теперь не отвязаться. Да, Андрей был женат. История вышла прямо фантастическая. С будущей, точнее с бывшей, женой он познакомился исключительно по причине того, что они родились в один день. Просто набрал дату своего рождения на каком-то сайте и нашел ее. Плохая идея. Люди, родившиеся под одним и тем же созвездием, обычно не ладят. Подобное взаимоотталкивается. На этом и держится вселенная.

Так или иначе, он нашел ее по Интернету, и девушка с нежным цветочным именем Лиля приехала к нему. Как-то очнулся он после многодневного запоя и слышит: «Опойка, сколько пить-то можно? И вообще, в понедельник идем в загс». «Что ж не сегодня-то? Загс работает и в субботу». Ну кто его за язык тянул? Девушка была из состоятельной семьи. Ее родители его невзлюбили. Жили молодые в огромной трехкомнатной «сталинке» с высоченными потолками и лепниной. А еще через семь месяцев родилась дочь. Машеньке скоро будет шесть. Лилька снова вышла

замуж... Видеться с дочерью Андрею не позволяют. Он — пьянь.

Как вообще можно лишать отца права видеться со своим чадом? Где такой закон писан? На каких таких скрижалях? Маленькое родное существо — оно ведь чадо не только матери, но и отца. Нельзя так. Нельзя!

Еще бывшая жена пыталась засадить Андрея в тюрьму за неуплату алиментов. А и с чего было платить? У него никогда не было ни гроша. Пешком ходил в соседний город, потому что даже на проезд не было денег. Он голодал не фигурально, диетически, а конкретно... Какие тут к чертовому шуту аллегии. Сидел не жрамши. А она — алименты. Говорят, ее можно понять. Понять — значит простить. А он не понимал и не прощал. Хотя опять же — паршивая логика с аксиомой о прощении. Мол, убийцу отца простил, и ее прости. А он и его не простил.

Он хотел целовать малюсенькие ручки своей дочки. Никогда они больше не будут такими малюсенькими. А Лиля не позволяла Андрею видеть, целовать, разговаривать с дочерью. Читать сказки. Кататься на коньках. Она запрещала ему всё. А ведь дети — это единственное живое и радостное воплощение времени. Андрей еще докажет, что не спит под забором... Особенно теперь всё должно измениться. Потому что в его жизни так тепло появилась Настя.

Настю он полюбил сразу, внезапно — не заторможенно, не постепенно, как якобы приличествует влюбляться, а каскадом, словно на него сошла лавина.

Десять минут. Да, он видел ее только десять минут. Злые языки говорят: это страсть, похоть. Острые жала шипят: так не бывает, ты ничего о ней не знаешь, ты полюбил мираж! Что ты с ней будешь делать? Притом она замужем! У нее муж татарин, убьет! Тебе мало смерти отца?..

Да, отец тоже полюбил, да, он ушел от них, от матери, от Андрея, от десятилетней сестренки... Ушел к другой женщине. И она-то его и погубила. Прежний ее хахаль его

убил. Но Андрей отца не винил. Уже не винил. Да и какая теперь может быть вина?

Если честно, с сестрой и матерью у Андрея отношения не сложились. Ругался с ними все время. Сестра и мать сердились на отца за то, что бросил семью.

А Андрей скучал по отцу. Так бывает, живая родня вот она — дотронься рукой! Так нет... Неужели он никогда его не увидит? Невозможно поверить, что смерть окончательна и никаких поблажек. Загробность слишком обоюдоостра, чтобы ее допускать. Андрей не верил в душу и тем более в ее бессмертие. Он не мог отвлечься от себя самого. Не понимал, что это значит. Конечно, он может не выкобениваться и сходить в церковь, поставить свечку. Притвориться, как все. Ну хорошо, не как все, как многие... А толку-то что?

Вот бабушка Андрея веровала. Дожила до девяноста лет. Как ей было просто! Мать его тоже верует. Или говорит, что верует. В церковь ходит редко. Между тем настоящему верующему церковь как наркотик — всегда мало.

...А я — не могу. С души воротит от одной мысли. Мы — рабы Его? Кого? Невидимого, воображаемого Бога? И изначально — рабы? Нет уж. Пусть сначала покажется, а мы еще посмотрим. И решим, рабы ли мы. Я грешен? И чем же это? Читал я о грехах. Ни одного у себя не нашел, кроме разве что маловерия, но, думаю, атеисту это простительно. Мы, значит, — грешники... А Он-то сам что творит-допускает? Вот хотя бы с отцом моим... Отец — красавец, Ален Делон... Тоже был атеистом. Так зачем же его Бог к себе прибрал? За что лишил его обаяния жизни? Как так? Всего в пятьдесят лет... Я и сам-то уже приближаюсь к возрасту вполне квалифицированного мессии. Старший сын.

Старший брат. Самое время прозреть. Как-то я с местным батюшкой беседовал, не смог он меня убедить. Он твердил: помолись, мол, так: «Господи, если ты есть, сделай так, чтобы я поверил в Тебя». А если не поверишь, то и дело с

концом... Заманивал... Сам словно бы уверен, что если помолюсь, то обязательно втянусь... И прав. Если один раз обратишься к Богу, то, считай, поверил, значит? Дурачок, как же я к Нему обращусь, если Его нет? Я же не больной на всю голову? Ну, пью... Не больше чем другие. А кто не пьет?

И еще... Я в христианство не вступал. Заявление не подавал. Меня бабка голопузого крестила без всякого моего на то согласия. И то я, говорят, попа обоссал.

Видимо, в знак протеста. Так что нечего мной понукать и внушать, что все мы грешные. За это Он нас, дескать, карает. Извините. Слава богу, не первый век нынче, и не второй, и даже не пятнадцатый. Теперь ракеты в космос летают. Где ваш Боженька? Я так бабушку и спрашивал:

— Где Боженька прячется? Почему его космонавты на небе не встретили?

А бабушка в ответ:

— А он, детка, за тучку спрятался...

Кому-то такого объяснения хватало. Но я был молод и нагл. Тайком язык бабушке показывал и пальцем у виска вертел... Шиза, мол. А она меня концом света и Страшным судом стращала. В четвертом классе, чтоб ее позлить, написал Богу письмо: «Если Ты устроишь конец света, кто ж на Тебя будет молиться?» Показал ей, она заплакала настоящими такими, старушечьими слезами. Теперь мне за это стыдно. Да мало ли за что еще может быть стыдно? Ну вот ведь есть же у меня стыд? Значит, и без Бога можно по-человечески, по совести? Не верю я в Бога. Не могу. Я уж как-нибудь так по жизни доковыляю. А дальше — полная пустота, ухающая, гулкая. Нет? Ну, так ада я не боюсь. Пусть жарят. Боль отвлекает от мыслей... Хуже, чем на этой земле, все равно не будет. Или?.. Впрочем, это пьяный базар, а я завязал. Пить? Нет. Базарить!

Может, мне недолго жить осталось. Исхудал. Ну, были у меня всякие связи... Не подумайте! Только с девицами. Проверился. Да нет. Здоров. Здоров, молод — и полон сил! Жалко здорового себя убивать. Пушай поживу... Хотя иногда так хочется! Пожить? Покончить с собой? И того, и другого, и можно без хлеба. Ведь не хлебом единым сыты скотины... Ах, как мне все обрыдло. Если бы не Настя, в последний запой я со всем бы и покончил. Почему? Потому что надоело думать.

Апостол Андрей был родом из Галилеи. Зелень ее холмов вселяла надежду на возможность счастья. Небеса, пронзенные лучами падающего, словно бы смягченного облаками, солнца, позволяли уповать на повсеместное присутствие Божие. Не случайно северная часть Святой земли отличалась плодородием и живописностью, а жители ее — добродушием и гостеприимством. Галилеяне легко уживались с эллинами, во множестве населявшими их страну, многие говорили по-гречески и даже носили греческие имена. Имя Андрей — греческое, и в переводе означает «мужественный».

Не все времена одинаковы. Некоторые моменты вселенского времени Господь именует «полнотой времени», когда приходит час великих изменений. Апостол Андрей жил именно в такие восхитительные времена. «Полнота времени» ожидалась в мире задолго до Рождения Спасителя, но именно тогда были все основания верить, что мессия, посланник Божий, избавитель, предсказанный столькими пророками, должен вот-вот явиться во плоти. С юности будущий апостол, всей душой обратился к Богу. Он не вступил в брак и вместе со своим братом занялся рыболовством.

Облачаясь в разные тона синевы небес и вод, изо дня в день бороздили они на своей лодке гладь Галилейского моря, порой такого зеркального, что казалось — ступи на его чуть приподнятую над впадиной берегов столешницу, и вода удержит, не даст человеку рухнуть, разбрасывая вокруг битое стекло брызг. Каждая капля превращается в алмаз, как только ее касается луч солнца. Так и наши души — разбросанные осколки, они начинают сиять всеми гранями только уловив присутствие Бога, легкое дуновение его абсолютного бытия.

Летом и осенью лучше всего ловить рыбу возле устья Иордана, этого зеленого ленивого потока вод, сполна питающих восхитительную долину и далеко на юге

безрадостно теряющихся в соленом мареве удушливого Мертвого моря.

Когда предтеча Иоанн Креститель начал проповедовать на берегах Иордана, Андрей вместе с Иоанном последовал за пророком. Многие полагали, что, может быть, Иоанн Креститель и есть ожидаемый Мессия, но он объяснял, что послан только приготовить Ему путь.

Вера — источник жизни. Потеряй человек веру — и перестанет существовать. Он для Бога и Бог для него. Это только кажется, что есть некий отдельный объективный наружный мир. Он всего лишь то, что отображается в нашем сознании полным снами и иллюзорными колыханиями нестойких занавесей бытия. Вера так же естественна, как потребность дышать, любить, видеть сны, пить полной грудью восхитительный воздух небесных откровений, преподаваемых нам лишь в той мере, в которой мы можем их вместить.

В то время Иисус пришел к Иоанну Крестителю на Иордан, желая принять крещение, и тот, указывая на Господа, сказал своим ученикам: «Вот Агнец Божий, Который берет на себя грехи мира».

Свершилось Богоявление! Бог сошел на землю и, водворившись в плоть, подал нам пример безграничной, жертвенной любви. Кто же мы, чтобы в этом сомневаться? Чтобы сметь этого не принимать? Мы сами себе творцы и разрушители? Бесы и ангелы? Судьи и подсудимые? Мудрецы и безумцы?

«Вот Агнец Божий...» Услышав это, Андрей с Иоанном Богословом последовали за Иисусом и стали Его учениками. В этот же день Андрей пришел к своему брату Симону Петру и сказал: «Мы нашли Мессию».

Однажды Андрея Виригина чуть не убили. Его убивали и раньше, избивали, душили, резали, травили и даже пытались сжечь. Но всякий раз существовала какая-то предыстория, а тут все произошло обыденно. Кто-то просто взял и бросил в него пустую пивную бутылку. Он шел через железнодорожные пути, а бухой шутник метнул бутылку, видимо, с пешеходного моста.

А может, это убийца отца и метнул? Понимает ведь, что пока сын жив, пока в полном здравии и памяти... А может, кто-то просто развлекался. Прицелился в движущуюся мишень и... Скорее всего, так и было. Но самое страшное, если бросили не целясь, наугад, высвобождаясь от лишней ноши, и тут уж заиграла, зарезвилась сила случая, шанса, потревоженного зыбкой теорией вероятностей. У бросившего — облегчение, что расстался с ненужной оболочкой, у жертвы — тоже облегчение. Ведь смерть — невероятно облегчающее событие. Во всяком случае, должна быть таким событием. И зачем мы стенаем и жалуемся? Всё кругом, как ни верти, сплошное облегчение. Тургенев как-то записал в дневнике, что самое интересное в жизни — это смерть.

...Бутылка пролетела мимо буквально в вершке от моего виска, и хотя я остался жив, во мне что-то рухнуло и раздробилось на мелкие, ноющие, позвякивающие в темноте осколки. Такой степени бессмысленности существования я еще никогда не ощущал. Так значит, это было не облегчение, а наоборот. Утяжеление. Как с эдакой тяжестью жить? Как жить с пониманием, что в любой момент, в любую долю секунды всё может прекратиться? И если небеса пусты, то всё это никем и ничем не управляется, подчиняется случаю, дури, пустоте? Говорят, что технаря гораздо легче убедить в мистическом, чем атеистически настроенного гуманитария, каковым я себя считаю. Да, технарь не верит в Бога. Но он вывел это свое неверие из строгой доказанности и мнимой нелогичности существования Высшего Разума. Поэтому стоит доказать

ему несостоятельность его умозаключений, добить его собственной же плеткой, логикой, туго скрученной из фактов, — и пожалуй, нет больше атеиста. Всё. Трубите, трубы. Если не прибыло в полку верующих, то, по крайней мере, в полку безбожников явно убыло. Стоит втолковать ученому всю сложность устройства живых организмов, показать ему, что более вероятно, что какой-нибудь его сложный прибор сам собой взял и самообразовался из пыли и песка, без всякого участия человека-создателя, как он тут же начнет шмыгать носом. А отпетый циник медик, стоит ему уразуметь, что физика — вовсе не точная наука, а растерянная девочка, потерявшаяся в лесу неопределенностей, и для того, чтобы объяснить существование нашей вселенной, нужно вообразить себе существование бесконечного числа других вселенных, он тут же утрачивает свой цинизм и находит, что с Богом мир выглядит более материалистично, чем без Него...

Но я крепкий орех. Меня не убеждают доводы разума. Будучи гуманитарием, я верю в собственное безверие, как верят фанатично преданные прихожане в осмысленность своей принадлежности к Божьей пастве. Так что я непереубедим.

Нежданный благодетель, богач, проживающий на Западе, нанял меня своим литературным агентом. Я как-то нашел утерянный в переводе кусочек из «Лолиты» Набокова и тем себя обессмертил. В друзья напрашивался. Терпел мое пьянство. Я организовал запись его произведений Валентином Гафтом и пристроил его сомнительный роман в одно издательство. Разумеется, он меня боготворил. Он нынче стал набожным... Так и называл меня — упрямым орехом. Посвятил мне стихи:

Ты как орех — упрям, бугрист и сух.
Я не могу сломить твое упрямство!
Ты словно бы переменил свой слух
На вкус самоубийственного пьянства.

Звоню тебе, — ты снова горько пьян.
А я о Боге всё да о вселенной...
Мне впору о тебе писать роман.
Боюсь, он выйдет слишком откровенный!
Теперь любовь. Вот новая напасть!
«Подай ее мне, вместе мы погибнем!»
Уж ты б свою есенинскую страсть
Преобразил бы лучше в стих невинный...
Как тяжело без Бога! Волком вой
Мечась в бреду, и в возрасте Мессии
Тебя убьет очередной запой,
Как он уже почти убил Россию.
Но я люблю тебя какой ты есть,
Такого нелогичного, живого...
За то, что ты оставил свою месть,
Приняв всего одно Христово слово.
Ведь мы всю жизнь пытаемся прощать,
Шепча на ощупь зыбкие моления.
Прости меня, прости сестру и мать.
И возвращайся из запоя тленья.

Вернуться из запоя тленья... Вернуться куда? Во вселенную с летящими в мою голову пивными бутылками? Я не верю, что существуют вселенные, где в меня попали бы этой самой бутылкой. Не верю я и в то, что есть такие миры, где я швырнул бы эту самую бутылку и сам себе попал бы в висок. И чем я отличаюсь от шутника, метнувшего в меня сей смертоносный сосуд?

В чем же тогда объяснение? Итак, миром правит сатана? В сатану я, пожалуй, верю. Как можно не верить в очевидное, ежечасно сопереживаемое? Так что свистите в свистульки, смейтесь надо мной. Я верю в сатану. Ну, конечно, не с рогами и копытами. А в злобное, упорное, налитое расплавленной сталью существо, расплескавшее себя по миру и превращающее его в опасную юдоль.

Как же так, в сатану верю, а в Бога не верю? Дисгармония получается. Асимметрия. Тут перевешивает, там недостаток... Как же мир не обрушивается в тартарары? Или мы уже и так проживаем в этих самых тартарарах? Поезд «Москва — Тартарары» давно отправился со второго пути. Пассажиров просим сдохнуть, как собак. Спасибо за внимание!

Как-то ковыляю по вокзальному переходу. Смотрю, под плакатом «Помогите бездомным собакам!» лежит мужик, дремлет... Казалось бы, чему удивляться? В этом мире к людям всегда относились хуже, чем к собакам. И подходит к бедолаге этому божественно красивая женщина с алмазным крестиком на шее и своим модным каблуком начинает грубо его пинать.

— Иди отсюда! Чего развалился? Всех клиентов мне распугаешь! Нечего у моего ларька ошиваться!

Он так жалобно посмотрел на нее, тяжело поднялся, собрал свои газеты и ушел. А ведь он человек! Такой же, как она! Такой же, как я! Может быть, завтра и я прилягу под плакатом о бездомных собаках. И что, меня так же пнут острым каблуком? И я так же покорно встану и побреду? О каком Боге они говорят? О каком милосердии? Ах, крестик тут ни при чем? Это просто продукт моды, без культового назначения. А Он висел на этом «продукте», истекая кровью. Мало ли до Него и после Него висели на крестах? Почему именно Он? Потому что был Сыном Божьим? Потому что мог и не висеть? Потому что ради нас? Ну и что изменилось? Красивая стерва с крестиком пинает бездомного человека.

Во всяком случае, тот самый Бог, якобы создавший все эти кучи видимых и невидимых галактик, похоже, слишком огромен, чтобы замечать меня, маленького. Впрочем, верю я в него лишь на уровне комиксов и забавных библий, которые издавались во времена всеобщего атеизма.

Итак, если без мистицизма — плохо мне очень, и ничего вокруг не меняется. А так хочется просветления, стадного послушания единой и всемогущей, а потому не оспариваемой силе, но ее нет, и мы бродим, едва не натываясь висками на внезапные бутылки. Весенняя гроза из пивных бутылок, а радуга — вовсе не мост и не закладка в ветхозаветной истории о потопе, а этикетка, смытая с дешевой бутылки паленой, на полыни настоящей водки.

4

Кто из нас избежал потрясений духа? Кто позволил себе всю жизнь вытворять всё, что заблагорассудится?

Больше все же тех, кто, в томительном безмолвии дожив до седых волос, старается задобрить произвольную память, путается в спорах с собственной совестью и тайком

скрывает свою внезапную религиозность, выходящую в наш век за пределы допустимого.

Нынче единственным приличным божеством считается Успех — тот самый великодержавный жрец, возносящий над всеми ахроматический флаг, в своей бесцветности превосходящий любую дозу космополитизма. Успех всегда готов переменить хозяина и мало-помалу начинает брать пример со своей противоположности — невезения. И тогда былой успех еще поразительней, еще скорее ведет нас к недоумевающему краху.

Герберт Адлер, тот самый богач с Запада, новоявленный друг литературного агента Андрея Виригина, будучи на многое горазд, все же устал преследовать фортуна, которая, кичась своей неисполнительностью, по всей видимости, исключительно из озорства раздевалась донага и мелькала перед его зачитанными глазами своими мало насыщающими формами.

Он сделал ставку на нечто более надежное, чем фортуна.

Герберт искал и нашел путь к Богу.

В трудные времена люди говорят: «Тут не знаешь, как выжить, а вы мне о Боге. Какая мне разница, что там на самом деле?» Когда же у человека всё в порядке, ему и подавно нет дела до веры в Бога...

Кому же важен ответ на вопрос о существовании Бога? Что поделать, если большинству людей всё равно, даже если привести все возможные доказательства Его существования из всех доступных сфер человеческого знания — начиная с философии и заканчивая наукой, моралью и историей, подвергая их критической проверке?

Человеку не интересно, что в любой из этих областей существуют веские аргументы в пользу существования Бога: онтологический аргумент в области философии, космологический и телеологический — в области науки, нравственный — в области морали.

Беспристрастное рассмотрение фактов приводит нас к возможности и необходимости существования Творца, как

наиболее вероятному и простому объяснению окружающего мира и нас самих.

Причина, по которой люди отказываются верить в столь простую и очевидную вещь, как существование Бога, коренится в них самих. Они не хотят знать, что же действительно представляет из себя наука и почему возможности ее ограничены. Людям не интересны исторические свидетельства, показывающие реальность существования Христа. Им плевать на достоверность Нового Завета.

В интеллигентских кругах очень популярна идея о том, что каждая религия открывает лишь часть истины, все религии в чем-то верны и все ведут к Одному и Тому же Богу, Который разным народам в разное время открывался по-разному. В основе религий лежат откровения.

Многие исследователи отмечают сходство разных религий. Действительно, естественное и индивидуальное откровение доступно каждому. Мало того, Церковь не отрицает, что в религиозных доктринах других религий есть истинные утверждения. Например, ислам прославляет величие Божье, зороастризм подчеркивает Божественную чистоту, даосизм побуждает нас относиться к тайнам природы с уважением, утверждения индуизма, что Бог рядом с каждым из нас, заслуживают полного признания этого факта. Но вопрос не в этом. Для христианина религиозная система христианства — это истинная система, которая может содержать лишь незначительные заблуждения. А любая нехристианская религиозная система — это ошибочная система, содержащая некоторые истины.

В чем уникальность христианства? В Личности Иисуса Христа. Все другие мировые религии — это, по своей сути, попытки человека своими силами взойти на небо. Кем были основатели остальных мировых религий? Людями, достигшими некоего духовного развития. Христианство — это единственная в мире религия, основанная Самим

Богом. Проблема других религий заключается в том, что тайна Боговоплощения Иисуса Христа ими не осознана.

Не может быть много путей к Истине. Если бы их было много — то Бог бы не преминул нам об этом сообщить. Христос же сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь» и что только через Него можно прийти к Отцу.

Несмотря на то что большинство людей всем этим не интересуется, всё же иногда их беспокоят вопросы: почему добрый Бог допускает страдания? почему существует зло? почему иногда Он не отвечает на молитвы?

Только уверовав, можно получить ответы. Но люди часто мечтают выиграть в лотерею, не купив лотерейного билета, всю жизнь каким-то образом уживаясь с таким противоречием.

Древнейшая форма христианства — православие дает ответы на все эти вопросы, вовсе не являясь этнически только русской или только греческой традицией, а представляя собой Вселенскую и Апостольскую церковь Христову на земле, основанную самим Христом, с которой Он пребывает до скончания века и которую, по Его обещанию, не одолеют врата ада.

Герберт Адлер, познав горький вкус интеллигентских метаний от атеизма до язычества, написал роман о своих методах непротивления счастью. Издав книгу в России и, несмотря на звукозапись с Гафтом, так и не добившись успеха, он потерял уверенность в себе, в завтрашнем дне, в своей правоте.

Неожиданно для окружающих он принял православие, что оказалось впоследствии вовсе не формальной данью традиции прибегать к крещению, когда намечается дыра в кармане или становится гадко на душе. Ему надоело по-песьи шифровать под каждым забором новоиспеченные истины. Он устал бороться за непротивление счастью. Устал покупать лояльность. Точнее, потерял способность ее покупать. Хотя в безденежье и копейка — рубль, но на

копейку лояльности не купишь. Когда у человека исчезает уверенность в себе, не так легко вернуть ее обратно.

Герберт сменил свой покровительственный тон успешного дельца на не менее покровительственный тон самоучки-богослова. Всегда презиравший толпу и много лет избегавший людей, он вдруг принялся каждое воскресенье ездить в далекую, в трех часах езды, набитую народом церковь, истово молился утром и вечером и читал ворохи страниц, исписанных святыми отцами. В этом своем прозрении Герберт был настолько неоригинален, что даже успокаивал себя: «Я только делаю то, что должен. С каждым рано или поздно такое должно случиться. Один раз по-настоящему прочтя Евангелие, просто невозможно более его игнорировать. Необходимо его или раз и навсегда отбросить (что разумному человеку представляется невозможным), или же просто и незамысловато следовать написанному. Пусть я не свят, но я тоже не от мира сего».

И не то чтобы он говорил это себе, предвкушая обещанное загробное наслаждение. Просто в какой-то момент многих из нас выносит на берег, желаем мы того или нет, на тот самый берег банального океана страстей, выложенный мелкой несокрушимой галькой тысячелетних догм, чью истинность оспаривать настолько неоригинально, что даже не стоит и пытаться.

Стремительная обнаженность по-прежнему заигрывающей с Гербертом фортуны теперь казалась ему отталкивающе комичной. Ему больше не хотелось трепетать от восторга, ощупывая очередную пачку купюр, он больше не желал чувствовать над собой тлетворного владычества денег.

Но всякого благоразумного человека, пытающегося вырвать у денежных знаков бразды, понукающие его жизнью, ждет разочарование. «Постиг христианское назначение своей жизни? Подписался страдать — изволь!» — шепчут деньги, скаля зубы. Нечего умному ломать комедию и терять чувство реальности — в наказание пред

ним разверзается перспектива нищеты. И вот уже фортуна, набросив что попало на голые плечи, уходит куда-то в твоём макинтоше...

Трудно сказать, что началось раньше: желание освободиться от диктата денег или внешнее давление пошатнувшегося экономического мира, но Герберт стал беднеть. Дела шли неважно, да и домашняя жизнь как-то разладилась. Его новоявленное нежное обращение с домочадцами не помогало. Видимо, они не могли забыть прежнего выкручивания рук. Сначала безденежье было искусственным и, пожалуй, связанным с новообретенным христианством. Следуя логике Священных Писаний «раздай всё и следуй за мной», Герберт принялся непомерно жертвовать на церковь, выискивал нищих на дорогах и совал им пачки денег, отдавая всё, что было в портмоне. Потом и этого показалось мало. Он взялся за издание православной газеты, и не каких-нибудь пару раз в год, а каждую неделю. Тратя на это десятки тысяч, он намеренно сокращал содержание поженившимся с его легкой руки Альберту и Энжеле, и дети, как люди обыкновенные и уже привыкшие к достатку, принялись бедствовать, но не роптали, а только все глубже увязали в посредственности повседневного безденежья.

Надо сказать, что при таком обстоятельстве, как потеря контроля над собственной жизнью, финансами и родными, Герберт вспомнил, что у него есть родители, и пригласил их жить к себе, видимо, собираясь по-христиански лобзать их раны и мыть им ноги. Эльза, страдавшая общим недовольством жизнью, всей душой принявшая христианство, сама предложила привезти его родителей и, во всем Герберту потакала, будучи, как повелось в этой семье, причиной всех этих перемен.

Но вскоре родительские упреки вроде полузабытых с детства «Почему ты не выучил уроки?» с новой силой зазвучали в доме Адлеров, и Герберт постарался отгородиться от них выводком прислуги, которую его мать,

как заправская крепостница, чуть ли не по щекам хлестала, ну а после и вовсе был вынужден расселить отца и мать, поскольку они стали не на шутку собачиться между собой, превращая дом Адлеров в поле ожесточенной пошлой брани. Теперь Герберт с удивлением рассматривал полузабытый грибовидный нос своего отца, и ему казалось, что он снова в детстве и что прожитая жизнь не имела смысла, что эпохи смешались и что ему снова необходимо запастись терпением и упражняться в повиновении родителям. В доме, как в детстве, воздух казался спертым и, как на грех, спертым именно в прямом смысле, поскольку дом был теперь весь перегорожен в попытке отделиться от родителей. Наконец Герберт решился отселить мать вместе с двумя сиделками подальше от себя и поближе к больнице, где он оплачивал чрезвычайно дорогие процедуры диализа, которые по прежнему месту жительства матери производились бесплатно. Естественно, такие действия не могли не подорвать окончательно финансовое положение семьи Адлеров.

Вскоре привычное оплакивание своего несчастного детства Герберт заменил новыми обидами и разногласиями, гораздо менее естественными, когда тебе уже сорок, а не десять лет.

Незаметно добродушный Герберт Адлер превратился в молчаливого цензора собственных мыслей и побуждений, с которыми боролся нещадно, как и завещали Святые отцы, однако теряя из виду, что христианство — это прежде всего детская радость, а не угрюмое братство восскорбевших духом. Подгоняемый нравственным авантюризмом, прерывистым голосом он пытался склонить мать к крещению, но жар в его груди погасил материнский приговор:

— Сынок, скажу тебе как и прежде, что ты — дурак!

Слова прозвучали звонко, как пощечина. Собравшись с силами, Герберт попытался подставить вторую щеку, которая вздрагивала, как лошадиная кожа. Он хотел

коснуться устами материнской макушки, но мать раздраженно отклонилась, и он, смущаясь, забрал свои моленные книги и отправился к себе в угол сосредоточенно твердить перед иконами: «Научу беззаконных путям Твоим, и нечестивые к Тебе обратятся...»

Молитва, поминутно останавливаемая чувством бесстрастного выражения собственного рта, прерываемая то ли бесами, то ли причинами еще более вескими и способными разрушить любой молитвенный порыв, не вызвала у Герберта ни слез умиления, ни рыданий покаяния. Он был бесстрастен и холоден. Он понимал, что это — плохо, но ничего с собой не мог поделать.

Эльза, женщина-ребенок, с которой Герберт надеялся совладать с помощью элементов домостроя, присутствующих в любом православном неопитстве, отнюдь не собиралась поддаваться мужу. Наоборот, у них открылись сложные противоречия, которых раньше виден был разве что намек с полвершка ростом, а теперь буря буквально начала поглощать обоих, и они лишь силились понять, откуда взялся повод для ссор.

Они обвенчались в церкви, несмотря на то что были к тому времени в нерушимом союзе уже двадцать лет. И все это не с усмешкой, а вполне серьезно, с предварительными выяснениями «любишь не любишь»; священник трижды обвел их вокруг аналая, трижды напоил вином из серебряной чашицы, венчаются рабы Божьи...

Присутствие в церкви стало для них привычным. Герберт увлекся чтением часов и псалмов. Постигая искусство пономаря, он вещал своим зычным голосом на весь храм. Прихожанам нравилось. Эльза тоже читала, и ее голос казался Герберту странно незнакомым, словно у жены появилось новое увлечение звонить в крошечный колокольчик. Эльза, следуя неизменному веками тексту, жалобно и прилюдно причитала по сорок раз «Господи, помилуй!», и Герберту становилось нестерпимо ее жалко.

Он беззвучно рыдал, вспоминая прежнюю свободу и, будучи не в силах отказаться от выбранного пути, покрывался потом от жара близких свечей в своем, с чужого плеча, неудобном подряснике. Что это было? Усугубившаяся разновидность моды на ретро?

Голова шла кругом, но Герберт неслегка шел вперед. Он принялся собирать приходскую библиотеку, потом начал проповедовать в тесном кружке старушек и несмелых девиц, от которых веяло нравственными излишествами, организовал воскресные курсы и толковал Священное Писание, превозмогая конфузливо-насмешливый взгляд маловерных мужей, с нетерпением ожидающих окончания словопрений, готовил к исповеди, а окружающие братья-черноризцы, пристально следившие за новообращенным, хотя и придирались к мелким неточностям, не находили в его поведении ожидаемого в подобном случае самовольства. Не было в речах Герберта отсебятины. Он больше не проповедовал непротивления счастью, не искал оригинальных идей. Когда его взгляд блуждал по «территориям прожитой жизни», волюшка ему больше не казалась хлеба слаще, солнца краше... Нимало не конфузясь, сильная, невидимая жизнь овладевала всем его существом, и его внутреннее невидимое существо говорило ему: «Ты так много страдал напрасно, волнуясь о жалкой дырявости своих амбаров, пострадай же за нечто светлое и вечное». И Герберт осознавал присутствие этой связи со светлым и вечным и, казалось, ни за что не согласился бы променять ее на что-то иное.

Его просторное жилище уступило часть пространства храму. Свою гордость — специально пристроенный огромный обеденный зал, Герберт превратил в часовню, чем окончательно зарекомендовал себя в глазах родных и друзей как совершенно спятивший с ума.

Вера требует исключительной дисциплинированности мысли. Ну кому, спрашивается, нужен святоша, к поступкам которого не придерешься, а помыслы его чернее черного? Для простоты понимания собственного состояния Герберт легко принял весьма обоснованное предположение, что всему виной пресловутые бесы. Бесы достигли сейчас больших результатов, внушив людям, что их нет. А логика сатаны такова: если нет дьявола, то нет и Бога. Если мы считаем, что дьявол аллегория, метафора, не личность, мы тем самым обезоруживаем себя перед силами зла. Духовная природа не терпит пустоты: если в сердце у нас нет Бога, то его занимает дьявол. Это и есть причина одержимости в наше время. Если ум человеческий бродит по всему свету и всё что ни попадя пропускает через свое сердце, он из своего сердца устраивает проходной двор. И со всем сором, допущенным в сердце, туда входят и бесы. Если ты принял помысел бесовский — ты принял беса самого. Вот таким образом они входят в нас, в человеческое сердце, если мы не бодрствуем духовно, не призываем имя Божье, если ум не занят размышлениями о духовном, не занят Господом. Именно бесы различными ухищрениями побуждают нас взять нож и кого-нибудь ни с того ни с сего зарезать. Именно они, лукавые, поселяют в нашем сердце страсти и нескромные мысли. И действительно, стоило Герберту проникнуться этой концепцией, он стал повсеместно находить ей убедительнейшие доказательства. То бесы заставляли его прочитывать церковнославянское слово «зело» как «зло», то подменяли букву в его газете, и вместо «Христа» выходило «Триста»...

Наконец, устав, как натруженная монашка, жить в постоянном опасении, не бес ли в данный момент толкает его под руку, Герберт внезапно осознал, что все-таки бесы не имеют никакого значения. Ведь чего не попускает Бог,

тому и не суждено свершиться. Таким образом, собеседник-то у нас один, и нечего на бесов внимание обращать. А то если сильно увлечься, можно закружиться с бесами над бездной, а про Бога напрочь позабыть.

Поняв, что кроме Бога нет у него никого, что Он все дал и все может взять обратно ежечасно, что он имеет всецелую власть не только над настоящим и будущим, но даже над прошлым человека, Герберт принялся обращаться к Всевышнему постоянно. Твердил Иисусову молитву сотни раз: «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешного». И пока истово молился, вроде бы помогало, поселялся какой-никакой мир в душе, но стоило оставить молитву, как краски бытия снова сгущались и темнели. А главное, Герберт не был счастлив, и именно это озадачивало его более всего, ведь по мере приближения к свету должно становиться хотя бы теплее, если не светлее...

Далее он открыл в себе гордыню, да такую непомерную, что ее наличием можно было объяснить все неурядицы его прошлой, настоящей и будущей жизни. Борьба с гордыней протекала трудно, и, надо сказать, Герберт так от нее и не избавился, хотя позволял всем и каждому попирать себя и даже пытался выглядеть при этом благодушным.

— Простите мне мою гордыню... — твердил он, но ему справедливо не верили, ведь для короны нет большего урона, чем обнаружить собственное отсутствие!

Осознав наконец, что гордыня скорее поцелует его в холодные губы, чем оставит в покое при жизни, он вошел в относительное равновесие между грехом и праведностью, что, видимо, и требуется любому верующему человеку. А стал он пронзительно верующим человеком. И вера его была настолько осознанна и сосредоточенна, что, казалось, ее невозможно разрушить по минутному легкомыслию! Но Герберт грешил и в качестве наследника Адама совершал все тот же непреложный набор проступков, так мучительно сопровождающий наше ниспадание в бездну, и даже научился ненавидеть свой грех как физически

существующего недруга, но что-то внутри него шептало: «Посуди сам, любезнейший, ну какое дело Вседержителю до этой твоей мизерной шалости? Уж не гордыня ли в тебе клокочет, когда ты полагаешь, что Ему есть дело до каждого грешка?» Из уважения к канонам веры он гнал от себя это словоблудие, но ему было все-таки очень жалко Христа. Он понимал логику жертвы, но ненавидел фарисейский подход: мол, лучше, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Он тайком недоумевал, как искренняя вера может зиждиться на принципе пряника и кнута, но потом, вычитав, что истинные святые святы не из-под палки, а потому, что просто не могут иначе, понял, что почитать себя святым рано и неправильно, а следовательно, отнес свои терзания к той же пресловутой гордыне и оставил этот вопрос на потом.

С родителями все решилось само собой. В какой-то момент финансовые источники иссякли. Эльза заявила:

— Пока мы окончательно не разорились, уговори, по крайней мере свою маменьку, уехать поскорее домой.

— Как ты можешь так говорить! — бесцветно вспылил Герберт, но в тот же день на пике скандального звонка матери по поводу того, что она хочет уволить очередную сиделку, которая позволила себе в свободное время выйти прогуляться, сказал:

— Мама, у нас больше нет денег. Тебе нужно уехать.

— Ух ты! Ну, что ж, надо так надо, — сказала она.

В аэропорту Герберт не мог смотреть родителям в глаза. Было такое чувство, что он живьем отправляет их в крематорий. Но и это прошло. И даже было удивительно, что несмотря на то, что такой груз свалился с плеч, почему-то не стало легче, и странно, что родители, такие беспомощные при нем, прекрасно устроились у себя дома, по всей видимости, ладили друг с другом и даже наняли себе новую прислугу и теперь изредка посмеивались над Гербертом по телефону.

— Беда, да и только... — ворчал Герберт и не мог понять, как это он, следуя пятой заповеди, требующей уважения к родителям, умудрился почти полностью разорить семью и потратить все родительские сбережения. Среди заповедей, данных человечеству в Ветхом Завете, заповедь о почитании родителей находится на особом месте. Пятая заповедь — единственная среди десяти, где Бог заключает своеобразный договор с человеком, обещая ему долголетие и благоденствие при условии должного отношения к родителям...

— Беда, да и только, — вторила ему Эльза, существо жалостливое и заботливое до слез, но тоже лишенное родительской любви: ее старики с космическим скандалом покинули их еще в прошлом году и поселились в одном из нищенских российских селений, притом в их случае их не только не выгоняли, но всеми силами пытались удержать.

После отъезда родителей Герберт хотел помириться с Эльзой, но скандалы разгорелись с новой силой, и ему даже пришлось уйти из дому на целых три дня. Эльза пришла в полную прострацию, но уступать не собиралась. В конце концов, Герберт решил, что идти ему все равно некуда, и вернулся. Последствием этого разлада стало то, что их дети окончательно потеряли последние ошметки уважения и дружно постановили, что родители свихнулись на религиозной почве. Один лишь Патрик, тот самый Пузырик, рождения которого так ждали Герберт с Эльзой и который к этому времени стал уже двухлетним шалопаем, ничего не замечал, задувал свечки в домашней часовне, целовал иконы и смешно махал ручкой, словно бы крестился.

Эльза же настойчиво выговорила себе право вести себя по своему усмотрению и, когда в горле клокочет, давать волю словам. Теперь у нее был духовный отец, иеромонах Никифор, и если и прежде мнение мужа для нее было не слишком обязательно, то сейчас она могла прикрыть любые свои намерения благословением батюшки. Герберт

однажды попытался надавить на отца Никифора, чтобы принял его сторону, но тот юрко отказывался, и даже временное прекращение со стороны Герберта помощи его церкви не возымело должного эффекта.

— В духовном мире, видимо, несколько иные законы... — разводил руками Герберт, хотя понимал, что и в недуховном мире законы тоже не по его вкусу, и там и тут люди творят то, что им заблагорассудится.

Винтообразный червь повседневности точил душу Герберта Адлера. Он отдал многое, отказался от обычного образа мысли, но не стал счастливее. Скорее наоборот. Его любимая Эльза, словно замороженная, стала жесткой, непреклонной и, несмотря на наличие домашней церкви, настаивала на ежевоскресных поездках в дальнюю церковь, занимавших весь день, и вообще заявляла, что хотела бы причащаться каждый день.

Однажды, лежа на боку, отвернувшись от Эльзы, Герберт услышал:

— Я хочу, чтобы ты стал священником.

Герберт удивленно повернулся к жене. Он знал, что она не шутит. Логика всей его жизни с угадываниями тайных желаний накренилась над бездной. Что это? Эльза угадала его тайное желание или высказала свое?

— Эльза, религия — сильнодействующее лекарство. Если с непривычки хватануть лишнего, она может превратиться в яд!

Так или иначе, но отец Никифор внезапно предложил Герберту заочно поступить в семинарию. Эльза клялась, что она ни о чем его не просила. Герберт привык к фантастическим совпадениям, являющимся повседневным доказательством присутствия Божьего, пространно пофилософствовал о жизни и своем предназначении, и согласился.

Вот она, живая мука — довольно, впрочем, приятная — испытывать беспрестанное удивление к жизни. С другой стороны, «случайное, являясь неизбежным, не оставляет причин для волнений» — тоже обворожительная и неугасимая истина. И не важно, солидный ты буржуа в очаровательном автомобиле или бомж на грязной скамейке в парке: они оба должны знать, что князь мира сего изгнан будет, и в присутствии такой надежды на иную жизнь должны оживать самые несмелые упования.

Нельзя сказать, чтобы существование Герберта Адлера было мрачным до фанатизма и заключалось исключительно в ожидании Царства Небесного. Как раз наоборот, его излишняя ангажированность земной жизнью вызывала недовольство окружающих. «Ты — мымра, точнее, мымр», — говорил ему сын, не отвыкший от прежних свобод внутрисемейной демократии. Герберт соглашался: «Да — мымр. Очень я вас всех достал?» «Очень», — отвечала семья, и все понимали, что раз такой разговор еще возможен, значит, не всё потеряно. Со временем отношения с детьми и Эльзой пришли к определенной стабильности, руины помпей досадных ссор покрылись усталым пеплом взаимного прощения, и всепоглощающий текущий момент грациозно прикарманил всеобщее внимание, не оставляя времени на инвентаризацию взаимных обид. Не осуждай осуждающего тебя, не отвечай осуждением на осуждение. Ах, как это трудно...

Герберт почувствовал всё неприличие своих попыток постоянно проповедовать. Эльза тоже понемногу сдала позиции, усомнившись в неуязвимости своей правоты, а дети, заметив, что родители все еще способны быть живыми людьми, потянулись обратно. Джейк, которому исполнилось пятнадцать, обладал щепетильным сердцем и веселым нравом.

— Я верю, но по-своему. Оставьте меня в покое. Просто Бог сейчас не первый в списке моих приоритетов.

Герберт вяло возражал, что так не должно быть, что в соответствии с первой заповедью Бог должен заслонять собой все прочие приоритеты... Джейк разгорячился, наговорил тысячу дерзостей, высмеял самодельную часовню, мол, организовали алтарь на бывшем столе для игры в рулетку, и прочее, прочее, прочее... Но потом внезапно обнял отца и попросил прощения. Семья смирилась с тем, что содержать волосы и одежду в порядке не всякому под силу и перестала подкалывать Джейка, отчего тот расслабился и на глазах спокойно относящихся к этому родителей начал позволять себе безнаказанно проспаться школу, напиться терпким субботним вином в понедельник с утра и затеять шуточную дуэль с отцом на подарочных шпагах, в ходе которой запрыгивал на обеденный стол, громко скрещивал оружие и трагически падал, «пронзенный» безжалостной сталью противника. Эльза и Энжела смеялись до слез, и Герберт тоже потихоньку смягчался, не дулся и не кичился своей беспрестанной настроенностью на неземное.

Каждый из них старался не заглядывать в тот угол совместной судьбы, который в противном случае сулил окончательно затянуться паутиной разногласий.

Энжела и Альберт жили вместе уже два с половиной года. История их причудливого знакомства была окончательно позабыта и потеряла какое-либо значение. Сам Герберт уже с трудом мог припомнить, откуда в жизни его семьи взялся Альберт, да и в Альберте нелегко было узнать молодого человека, за которого Адлеры выдавали дочь замуж. Альберту исполнилось тридцать, однако солидности это ему не прибавило. Он оказался человеком переменчивым и легко внушаемым. Будучи милым и общительным, с прекрасным покладистым характером, поначалу он охотно (так, во всяком случае, казалось) принял прежние доправославные принципы семьи Адлеров, начал активно

участвовать в деле Герберта, освободив нервную невесту от необходимости работать, и даже добился успехов на этом поприще. В результате счастливого стечения обстоятельств всего за какие-то три недели бизнес Адлера внезапно принес доход почти в двести тысяч долларов, и Герберт, не задумываясь, выписал молодоженам чек на сто тысяч. Те были изумлены и поначалу боялись прикасаться к этим деньгам, но потом пошло-поехало... Вереницу безумств приобретательства довершили две лошади, купленные Альбертом в подарок себе и юной супруге. Одни только седла обошлись в пять тысяч, не говоря уже о помесечной плате за сьем стойл в конюшне, равной цене за сьем небольшой квартиры.

Свадьбу сыграли с шиком. Пригласили родителей Альберта, и именно их приезд произвел в нем фатальную перемену. А может, причина была не только в их приезде, ведь Альберт начал проявлять свой странный характер еще за несколько месяцев до свадьбы. Он все время врал, ничего не помнил, все терял. Правды и серьезного отношения от него было так же трудно добиться, как игривого настроения от неподвижного ракетчика, держащего палец на пусковой кнопке. Свои рассказы о якобы разведывательном прошлом Альберт прекратил после того как вначале вполне ими всех застрашал, потом рассмешил, ну и в конце концов ввел в скуку. Вскоре он настроил против себя всех сотрудников, перестал ходить на работу, и Герберту ничего не оставалось, как снова взять бразды правления в свои руки.

Родители Альберта были типичными москвичами советской эпохи. Отец — профессор, мать (впрочем, чем в точности занималась мать, было трудно сказать, — может, именно она и была в их семье настоящей разведчицей?). Люди они были приятные в общении, обходительные и интеллигентные, однако, будучи почти на двадцать лет старше четы Адлеров, исповедовали непреклонные принципы, что дети должны быть самостоятельны, что всю

жизнь нужно вкалывать, что частное предпринимательство добром не кончится и что Энжеле надо выучиться на учительницу младших классов, а Альберту — работать по его холуйской специальности — гостиничному делу.

В конечном итоге даже купленный по настоянию Герберта просторный дом, в который были вложены остатки денег, подаренных молодым, и еще столько же со стороны родителей Альберта, не смог удержать молодую семью в орбите Адлеров. Из Москвы раздавались ежедневные контрольные звонки, и постепенно молодожены слово в слово стали повторять концепции матери Альберта и беспрекословно приняли ее взгляды на жизнь. Кончилось тем, что оба ушли из бизнеса, точнее, Герберту пришлось расстаться с ними, потому что один получал зарплату не появляясь в офисе, а другая хотя и заглядывала, но корчила при этом такие рожи, что вреда получалось больше, чем пользы.

Первое время Герберт продолжал щедро помогать им, но постепенно, под давлением обстоятельств и желая вывести молодых из вечной спячки, значительно сократил материальную помощь.

На деньги, присланные из Москвы, Эльзу пристроили в колледж учиться на учительницу младших классов. Лошадей по требованию матери продали. Точнее, лошадь Альберта внезапно подозрительно издохла сама, а лошадку Энжелы выкупили Адлеры и подарили ее конюшне.

Альберт менял одну неквалифицированную работу на другую, нигде не мог удержаться больше трех месяцев и стал в городе притчей во языцех — ходячим символом головотяпства и ненадежности. Милый и общительный характер тоже куда-то пропал, сменившись угрюмой, хотя и вежливой неприязнью к Адлерам, к их самодельной, хоть и освященной архиепископом, часовне и вообще ко всему, что было связано с этой семьей. После того как его мама растолковала, что его, Альберта, просто купили как куклу, он уже не мог воспринимать принявшую его семью как

прежде. Нельзя было сказать, что родителям Альберта не нравилась невестка. Им, скорее, не нравились Адлеры и их философия жизни.

Внезапно мать Альберта купила ему билет на другой конец страны, где, согласно ее дальновидным планам, он должен был найти работу, через полгода выписать к себе жену, а дом продать...

Кстати, воцерковление Адлеров началось именно с покупки этого дома. Герберту хотелось поскорей развлечь жену радостью нянчить внуков, но время шло, а внуки даже не намечались (в свое время, когда оказалось, что Эльза беременна, все пустились хохотать и острить, что, мол, Адлеры сами решили родить себе внука). Исходя из своего опыта разведения попугаев, которые не желают размножаться без гнезда, Герберт решил, что нужно устроить молодоженам отдельное гнездо. Но и это не помогло.

Нежданный дом, свалившийся на голову молодых, был принят ими почти безучастно. Матери Альберта дом не понравился, но интеллигентность не позволила ей вступить в прямое противоборство с Гербертом. Деньги были выданы, дом был куплен.

— Плохая там атмосфера, — только и заметила мать.

Атмосфера в доме, и правда, была неважная. Прежде там жила пара, которая в конце концов развелась, и, видимо, отголоски семейных скандалов прятались по углам.

— Мы его освятим! — быстро нашел выход из затруднения Герберт и действительно пригласил священника.

Приглашенным батюшкой оказался иеромонах Никифор. Слово за слово, и не прошло и трех месяцев, как Адлеры всей семьей приняли крещение. Причем сначала креститься пожелала только Эльза, потом склонила к этому детей. Герберт же рассудил, что дом, разделенный в себе самом, устоять не может, и потому возглавил и направил общий порыв. Он всегда испытывал симпатию к христианству, хотя и ощущал себя совершенно чужим в церкви. Но тут церковь пришла к нему домой, и он решил воспользоваться таким шансом.

Посреди обеденного зала, ставшего впоследствии часовней, установили крещальную купель и совершили таинство во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святого духа, аминь, буквально как в апостольские времена. Однако крещение не нарушило склонность Герберта к шарлатанству: пару месяцев спустя он в черном подряснике уже читал на амвоне псалмы...

— Терпеть не могу роскоши... Но не могу позволить себе роскоши от нее отвыкнуть! — каламбурил он, а потом уже более серьезно добавлял: — Церковь хотя и не насильственная инстанция, однако ее логика неизбежно ведет к отходу от погони за пусть и прихрамывающим на все конечности, однако совершенно неуловимым Золотым Тельцом. А может, ослом? Может быть, я следую стопами Апулея, и я — осел, которому лишь предстоит разрушить злокозненные чары и пробудиться к человеческой жизни? Что ты молчишь, Эльза? Почему не отвечаешь?

— Хорошо. Я отвечаю. Ты — осел. Можешь успокоиться, — незлобиво откликнулась Эльза.

Отчаянные родители наблюдали, как теряют детей. Скоро не только молодожены, но и Джейк принялся твердить, что собственный бизнес до добра не доведет, что нужно учиться и делать карьеру... Сам Герберт, хотя женился очень рано, ни под чье влияние не подпадал (или ему так казалось) и поэтому не мог не осуждать такую бесхребетность...

Два жарких лета пронеслись, сопровождаемые скрипом весел в уключинах, шорохом оперения стрел, выстрелами восьми новоприобретенных Альбертом ружей. Мальчик-муж продолжал играть, желая во что бы то ни стало, уже вопреки элементарной благопристойности, оставаться ребенком. Он решительно не мог дать себе отчета, почему поступает так или иначе. Периодически, после очередного разгона матери, он впадал в тайное смятение и пытался измениться, но вскоре все опять возвращалось на круги своя.

Вскоре зять уехал, и чем меньше Адлеры знали о нем, тем более нормальным человеком он им представлялся, хотя они отдавали себе отчет в том, что его кажущаяся на расстоянии нормальность — всего лишь иллюзия. Перемена места редко меняет человека. Перед отъездом Альберт постарался (скорее неосознанно) так настроить Энжелу и Джейку и против родителей, и против церкви, что даже вечно плачущая от умиления в храме Энжела наотрез отказалась посещать службы. Ну, о Джейке и говорить нечего.

Однако стоило Альберту укатить, дети снова начали возвращаться к родителям.

— Энжела, — говорил сестре со своей обычной иронией Джейк, — мы с тобой слишком легко внушаемые... Вот и результат налицо! При том, что никто здесь не воспринимает Альберта всерьез, мы охотно заглядываем ему в рот и все за ним повторяем, как зомби, а сам он является зомби своей мамы! А как бороться с зомби? Нужно на зомби уронить рояль, как в том фильме...

К удивлению, Энжела не стала заступаться за мужа, и Герберт простил детям все прежние обиды.

— Я боюсь жизни, будущего, Бога... невзирая на Его очевидные благодеяния, — вздыхал он частенько и уже менее охотно тянулся за молитвословом. — Что будет дальше? Неожиданное миропомазание? Нимб над головой позолоченным венчиком? Ангелы отпорхнули от меня... Боже, очисти мя грешного, Боже, очисти мя грешного...

Но настоящего раскаяния не наступало, слезы, теперь уже долгожданные, не лились, страстный, умоляющий взор на заварной чайник не мог разжалобить Божеское милосердие. Герберт машинально вертел лежавший на столе хлебный нож или пробку, потом брезгливо швырял их в раковину или в мусорное ведро (каждому свое), выключал свет на кухне, уже в темноте отвешивал по памяти единственный поклон туда, где должны были ютиться строгие иконы и, удаляясь в спальню, укрывался ветровкой часто

прерываемого сна. Он давно спал один. Эльза проводила ночи в детской. Как ни странно, Герберта это не только не раздражало, а наоборот, освобождало от какого-то напряжения. У него появилось свое место, где можно было видеть собственные сны.

Ему снилось, что сухие, уродливые, как несвежие картофелины, камни, привезенные со Святой Земли, в его руках начинают расцветать удивительными белыми лилиями. Что это? Его возрождение к новой жизни, или ему предписано побудить к этому возрождению других? Хотелось каяться, да так искренно, чтобы брызнули слезы. Хотелось перестать шептать: «Разве я не человек? Полно же шалить, опалая всё по пути... Я этого не перенесу, повсюду валяются останки моих надежд... уже более не хочется легкомысленно вешаться всем на шею...» И уже совсем сквозь сон добавлял, обращаясь к самому себе: «Помилуйте, сударь, ведь уж ночь!» — и снова погружался в свои заповедные подземелья, а едва проснувшись, словно бы продолжал прерванную мысль о новоприобретенном безденежье и нежелании его принимать:

— Что поделаешь? Как бы ни поворачивалась жизнь, разве что из приличия держишь кислую мину, но продолжаешь жить по-детски. Всегда ли совершенствование должно состоять в изменении привычек? Привычка жить по-детски — разве это плохо? Ведь сказано: не будете как дети, не войдете в Царство Небесное. И на что оно нам далось? Конечно, приятно, конечно, греет... Но и вечный покой тоже сошел бы, наверное. Хотя почему бы и нет? Пусть царство... Но до конечной остановки еще бог знает сколько трястись... А тут еще маячащий пасторский путь. Нелегкий. Взвалить на себя чужие заботы, грехи, переживания... «И какой из тебя поп?» — вспомнились насмешливые слова отца. Я же был вольноопределяющимся, всегда уходящим восвояси... Какой из меня поп?

Обвинения в неоригинальности в первую очередь неоригинальны сами по себе. Ложь всё это. Ложь! Как пресловутое явление дежа вю — всего лишь иллюзия, мираж, обман нашей самонадеянной памяти, так и чувство того, что всё нам уже где-то встречалось, слышалось, впрыскивалось в наши окоченелые в нерасторопности извилины — тоже лишь плод самообмана. Герберт, например, каждодневно находил нечто, чего ранее не делал, не ощущал. Может быть, забыл? Ну если бы Господь Бог желал бы нас вразумить, чтобы мы могли помнить все до мелочей, то мы, наверное, помнили бы? Не такая уж это мудреная наука — запечатлевать в нашей памяти, как в камне, что угодно. Камень ведь не становится умнее, когда на него наносят письма.

В журнале «Шпигель» Герберт прочел статью о женщине, которая ничего не забывала. Она мучительно помнила всю свою жизнь в мельчайших подробностях, боль, обиды, даты. Словно точно сработанный дневник ютился у нее в голове и преследовал сорокалетнюю бедняжку. А что, если ей предстоит прожить еще столько же? Еще четыре десятка лет, наполненных брющащей рутиной, запечатлеет она в своей памяти!

— Итак, не тычьте в меня пальцем. Не оригинален, — возражал Герберт на критику своей литературной деятельности. — Ну и что? Критики травили всех: Пушкина, Гоголя, Тургенева... Вы оригинальны в своем бездействии? В отсутствии хоть какого-то позыва к самостоятельному творчеству? Вот и помалкивайте... Я буду водить рукой по бумаге с тем упорным наслаждением, как каждый день вкушают пищу, как совершают однообразные ритуалы жизни, как молятся, в конце концов, — без права на пустомыслие и тарабарщину...

Пусть я пишу банальности и не очень разборчив в подборе слов. Но я уютно провожу жизнь, и даже острые на язык корифеи говорят со мной с нежностью...

На днях я разговаривал по телефону с Валентином Иосифовичем Гафтом после того, как он записал на диск мои тексты. Остряк, безжалостный изрыгатель эпиграмм показался мне добрым дедушкой: «Герберт, ваши тексты нужны. Они заставляют людей думать. Я сам хотел бы сказать половину из того, что вы написали...» А ведь поначалу не желал читать. Отбрыкивался от моего московского литагента Андрея. Но от него не уйдешь... И наконец великий Гафт явился мне и миру в виде проникновенного чтеца. Я написал ему благодарственное письмо:

«Дорогой Валентин Иосифович! Пишу «дорогой» не из фамильярности, а просто не знаю, как иначе выразить, насколько Вы мне оказались дороги! (И тут нет и намека на каламбур.)

Вся моя жизнь прошла под сенью Ваших ролей, Ваших реплик, Вашего неповторимого голоса, при звуке которого становится хорошо и уютно... От «Гаража» и «Бедного гусара...» до недавнего фильма «Двенадцать» — Вы мой чуть хмурый, хрипловатый ангел-хранитель. Как Вы там говорите в последнем фильме: «принялись судорожно строгать детей...» — ну это ли не прелесть! Благодаря Вам я, несмотря на сороковник, только что родил сына, причем все от той же жены, что и предыдущих детей! Когда Вы по телефону сказали, какой у меня милый мальчик, я был поражен. Откуда Вы знаете о моем новорожденном? Но потом понял, что Вы говорили о литагенте...

Я как писатель с крайне болезненным воображением, писал письма многим: Сократу, Сенеке, Иисусу Христу и даже Винни-Пуху. Но то было творческим приемом, аллегорией, так сказать, бесплотной.

А теперь я пишу самому Гафту, и, не веря в реальность происходящего, сам себя все время исподтишка пощипываю (благо есть за что ухватиться...)

Андрей дал мне прослушать запись по телефону, и я был потрясен, несмотря на помехи, проистекающие из-за того, что Земля, как это ни досадно, по-прежнему кругла и неудобна в обращении.

Запись вышла совершенно гениальная! Это не просто высшая степень актерского мастерства... Это уже нечто другое. Просто какое-то метафизическое сроднение душ!

Спасибо Вам от лица многоликого человечества, которое, впрочем, к сожалению, вряд ли насладится в полном составе нашим совместным трудом, ибо пока далеко не всё овладело русским языком...

Хотя вру! Вот ведь, случайно оказавшийся при прослушивании местный туземец, которому объяснили, что в телефоне, поставленном на громкоговоритель, звучит голос **величайшего артиста** России, долго вслушивался, и вдруг, узнав единственное знакомое ему по-русски слово «да», стал цокать языком и восторженно повторять: «Да! Да! Да!»

Проняло! Даже его проняло! Представляете? Значит, у Вашего тембра голоса, у пауз, у интонаций есть магия общечеловеческая!

Отдельное спасибо Вам за то, что Вы накормили, напоили и приютили «нашего мальчика» Андрея Виригина. Беря с Вас пример, я буду заботиться о нем в посильных пределах. Он — чудо.

Навеки Ваш
Герберт Адлер»

Я страдаю определенным минимализмом. Мне нужно писать, прилаживая знаки друг к другу. Я чувствую, что, как и многие, просто совершаю свыше предписанную волю... Вот и нежнейший артист Сергей Бехтерев умер, оставив после себя последнюю запись моих стихов. По

моей просьбе редактор, знавшая его лично, написала некролог:

«Земля пустеет, когда уходят такие талантливые, светлые люди, как Сергей Станиславович Бехтерев, и пустое пространство это заменить невозможно ничем, никем, оно так и остается навек пустым. Навек, навек, неизменно. Мне кажется, его любили все, его нельзя было не любить.

Мне посчастливилось встретиться с ним год назад на Итальянской: мы записывали стихи замечательного поэта, прозаика, философа, драматурга Герберта Адлера. Это было в день рождения Сергея Станиславовича, и он был рад, что именно в этот день работает. Когда ему казалось, что он плохо прочел ту или иную строку, он останавливался, репетировал и читал заново, находя нужный ритм и гармонию. А мне нравилась каждая строчка, озвученная его голосом, я почти неостановимо плакала от счастья и замирала от звука и щемящей интонации его неповторимого голоса, и хотелось слушать и слушать.

В перерывах (а работали мы шесть часов) светло и благодарно говорил, какой хороший получился день рождения (49 лет), потому что, конечно же, лучший подарок — это работа. Мы мечтательно строили увлекательные планы (создать театр Одного Актера, играть пьесы, читать стихи, прозу... а ничего не сбылось, кроме этой вот записи в светлый день рождения, хотя мы созванивались, я передавала ему тексты для работы, назначали встречи... не сбылось, не воплотилось, увы).

Человек уходит, и всегда внезапно и непоправимо. Такая беда. Такая потеря. И какое счастье, что остаются фильмы, остается голос. Какое счастье, что остался диск с этой (неужели последней?) записью стихов Адлера. И можно вслушаться, что-то понять, что-то, пусть запоздало, еще раз услышать, расслышать, расшифровать, разгадать.

Слушаю все эти дни его голос — такой живой **здесь**, так рядом, такой близкий, но уже и знающий всё о том, что

там, уже простившийся со всеми, уже простивший всех, кто его обижал (а сам он был ангел, он был Творец, он вряд ли мог кого-нибудь обидеть, разве что невольно), всех, кто его любил и кого он любил так щедро и доверчиво, — и голос уже звучит немного иначе, уже оттуда, как духовное завещание.

Мне хочется, чтоб не кончалась жизнь,
Чтоб было много мыслей и рассветов,
И я готов вселенную за это
Расцеловать в скопления звездных брызг...»

А потом на словах добавила, что он, бездомный, безбытный, ходил репетировать на мост через Обводный канал, чтобы тренировать связки и чтобы звуки голоса заглушал шум проходящих поездов.

От меня все это далеко и кажется непонятным. Я давно живу сытой жизнью, помогаю, кому получается, но всего этого мало. Ведь нужен эпатаж! Нужна трагедия! А я сижу дома и не кажу носа наружу. Там снова морозно... Опять пришла зима. Мои стихи и тексты, отделившись, живут какими-то своими, неведомыми мне жизнями. И это хорошо. Значит, всё на месте. Мы не можем справиться с всеобъемлющим присутствием Господним. И дурные возражения атеистов тут ни при чем. Просто наша память не вмещает в свои дырявые закрома достаточно воспоминаний, чтобы сделать из нас законченных, независимых существ. Независимых от Нечто, постоянно диктующего, надеющегося на нас. Неоригинально? Пусть... А что, молитвы должны быть оригинальными? Нет. Они как коды. Пароли, если хотите. Как ключи, открывающие тайные ларцы и ворота.

А эта женщина, которая помнит всё, — больна. Забвение — это счастье. Это привилегия. Это — чудо, если хотите.

— Андрей утверждает, что в России существует постановление о моем аресте. Не знаю, за что. Я отдал этой стране лучшие годы юности... Но вот уже столько лет весьма благоразумно там не появляюсь.

Герберт Адлер, как и многие обрусевшие немцы, не доверял России.

— Теперь в так называемых демократических странах не арестовывают за мысли и высказывания. Нынче новая мода: найти другой повод, но добиться того же результата. Отмахнуться от назойливых высказывателей и деятелей, попутно превратив их в мелких жуликов из сутенеров непроклюнувшейся революции.

Вот и славненько. Теперь наши отношения с этой страной определились окончательно. Мне как бы и неловко выдавливать из себя желчную критику. Ведь скажут, что, ясное дело, злобствую от обиды и мести.

Экая я важная персона! Кому-то хочется заключить мое тело в каземат! Это ли не легенда, пафосная история с раздутыми щечками? Ну как об этом не писать, не помнить, не рефлексировать?

Обыкновенная история. Россия держит заложниками и приманкой моих родителей. Рано или поздно сыновний долг должен возобладать. Птичка впорхнет в клетку — она и захлопнется. Нет, конечно, тут нет и тени злоумышленного намерения. Всё случится само собой. Только недаром духовные люди говорят, что в мире не бывает ничего случайного.

Теперь мне нужно будет помалкивать, чтобы не испортить вкус. Мы должны нынче же отвернуться в разные стороны: Россия, как водится, на Восток, а я, разумеется, — на Запад.

Хотя я думаю, у нас еще будут взаимные сюрпризы.

Итак, мы приближаемся к окончательному апокалипсису. Тот, кто ликом черен и прекрасен, уже забрался на трон

мира. Евреи уже собрались на Святой Земле. Гоги и Магоги точат сабли. Я молюсь и каюсь. Короче, всё в порядке.

И кто всё это выдумал? Что за громогласное стадо демиургов скачет и резвится вокруг наших душ и судеб? Бог их знает.

Принялся писать пьесу. Осилил набросок диалога и бросил.

— Ну, как дела на работе?

— А я ее бросил...

— Опять выгнали?

— Нет, на этот раз я сам.

— Не верю...

— Отчего же. Бывают и у меня высокие порывы! Да и невелика беда потерять вакансию ночного сторожа...

— Ты уже на полноги бомж... Как за квартиру платить собираешься?

— Ну и пусть выселяют! Квартирный вопрос — явление благородное. Сам автор «Мастера и Маргариты», говорят, готов был душу продать за хорошую квартиру!

— Э, куда хватил...

— А что, великие сделаны из того же мяса, что и невеликие...

— Мясо тоже бывает разных сортов... Бывает вырезка, а бывает и наоборот.

— Наоборот — это как? Ребрышки тоже ничего!

— Ты когда последний раз мясо-то ел?

— А я вынужденный вегетарианец... Картофелинку поутру скушаю, и хорошо... Картошка многое человеку может заменить.

— А ты, часом, рассудком не подвинулся?

— Ты погоди... Мне кажется, я вот-вот что-то докажу. Всем! Всем докажу!

— Сколько ж можно телиться! Жена от тебя ушла. Дочку увезла... Живешь, как вошь вокзальная!

— Просто нужно действительно захотеть...

— Ну, и чего же ты хочешь? Переспать с мисс Вселенной? Благо на этот раз она из наших. Так что, по крайней мере, нет языкового барьера!

— В любви нет языковых барьеров! А, что, можно и с мисс Вселенной... Только почему так пошло? Не переспать, а влюбить в себя! Втюрить до беспамятства!

— Бог тебе в помощь...

— А что мисс Вселенная?.. Это мелкогато. Я вот захочу — и полечу на Марс. Такое тоже бывает. Ну, есть же где-то там, в сумеречной тишине, такая планета!

— Ну, тогда что еще остается... Стать президентом?

— Само собой. Переспав с мисс Вселенной и слетав на Марс, стать президентом дело плевое.

— Пойду я. А то я гляжу, ты скоро в петлю полезешь...

— Это отчего же? Настроение у меня клевое.

— Вот поэтому и полезешь. Когда настроения нет, все из рук валится, даже петля.

Кто вдохновил? Многие спрашивали, как я вышел на Гафта? Откуда у меня такой литагент? Да ниоткуда... Андрей Виригин — бедный, неустроенный, тридцать с гаком. Живет на каком-то полустанке под Москвой. Я дал объявление (в приступе самогигантомании), что ищущу критиков писать статьи о моем трепетном творчестве. Хам оказался. Обосрал мои работы за мои же деньги. Другой бы дел с таким не имел бы, а я терпеливый. Обосрал его обратно. Так и познакомились. Оказался бывший журналист- самоучка (отовсюду выгнанный). Я его попросил пробиться к великим артистам. Он нашел телефоны. Сначала ходил к Юрскому — тот отказал. А вот Гафт на третий раз согласился.

Вот и вся история. Мои действия нетипичны?

Хороший вопрос. Нужно ли писателю беспокоиться о продвижении своих работ? Или должен явиться некий тайный помощник и развеять все проблемы? Лежит ли

ответственность на том, кому чего-то там открылось, донести это до других? Многие не беспокоились. Многие сомневались. Может, то, что открылось, — вовсе неверно и не нужно. Орать на площадях — ума не надо. В этом деле лишний ум — помеха. А может, это жалкие оправдания ленивых духом. Именно не нищих духом — таких у нас уже достаточно в Царствие небесное понабилось, — а ленивых духом. Нужно ворочаться. И тогда есть смысл в откровениях, снизошедших нам на лысину. Следовательно, нужно буквально учреждать предвыборный кампэйн! А ну-ка, быстро все читайте Герберта Адлера!

Я за два года написал несколько книг. Бывает же такое? Сначала говорил, что литература пишется для себя. Потом не выдержал. Увлекла меня лиходейная скачка. Детектив выдал. Потом даже философско-эротический роман. Старался угодить незыблемому вкусу, а сам при этом себя насиловал. Вот редактор говорит — пьесу нужно, пьесу. Ну, пусть сама и пишет, благо ведь умеет. И хорошо умеет... А я вернусь к литературе для себя.

Я долго ждал дорогих гостей (понимающих, вдумчивых читателей). Наготовил для них блюд разной остроты. На любой вкус, ну, в силу моей неподатливой писательской сумки (писатели ведь существа сумчатые). Итак, стол накрыл. Сажу, жду. Некоторые блюда начинают портиться, а гости всё не идут. И мне предлагают приготовить что-то еще? Ну уж нет... Я лучше себе яишенку на кухне смастерю. Вот этот текст и есть такая яишенка. Извольте поверить — именно это и именно так мне в действительности хочется писать. Вот вам Герберт Адлер в бесподобном обнажении его истинного творчества. Такая вот аллегория.

Скакать по ямкам, удобным и знакомым ямкам собственного сознания, плевать на стили и моды, любить этот миг соития автора с бумагой. Всё. Более ничего. А читатели? Они слишком заняты своими собственными наитиями. Бог с ними.

Я сделаю минимум максимуму для того, чтоб они знали, что стол накрыт. Но не более. Не ждите от меня попугайства. Я сам всё съем беззаботно. Но минимум — это обязательно. Нельзя же ставить светильник под корыто, а надо его, как город, — на гору!

А все-таки интересно, за что меня хотят арестовать в России?

9

Историческая память еще субтильнее, эфемернее и папироснее, чем индивидуальная. Там тоже, конечно же, случаются дежа вю, но в основном напрочь, в прах истираются воспоминания о колоссальности всяческих бесчинств и беззаконий.

Трудно вообразить себе, сидя в уютной гостиной, что за стенами нестойкого жилища резвятся ветры в преддверье окончательного урагана. Так и нам за тонкими стенками черепных коробок сладко и безбрежно-покойно. А на улице идут, идут расстрелы. Они ведь фантастически невероятны. Обречены на проживание в пахнущих канцелярской краской страничках. Но ведь было же! Было! И самое страшное, что неизбежно снова будет! И не важно, кто ведет расстрелы — фашисты, или коммунисты, или какие-нибудь невообразимые будущие «-исты»...

Певучие строки, скандальные годы... Куда укатилось всё это бесшабашное упоение смертью? Никуда. Оно дремлет у нас под кроватями. В наших книжных шкафах оно закономерно расправляет затекшие конечности и вот-вот снова прыгнет в мир. Ведь всё осталось неосознанным, непонятым, неразрешенным. Кто кого? За что? Память отшибло! Насовсем?

Друг Герберта Адлера поселился в Кёльне. А был просмоленным насквозь евреем. Боялся фашистов даже в снах. А тут ничего, акклиматизировался. Через некоторое

время забыл генетический страх и исторические обиды. Хотя фашисты в его семье уничтожили десятерых. Но современные немцы вроде как бы и не те, и убивали вроде бы не нас...

— Такая прелесть эти немцы! — говорил он Герберту по телефону. — Такие культурные, обходительные, образованные...

— Да, действительно замечательная нация...

А ты не выяснял у моей *мечтательной* нации, какая муха их укусила шестьдесят лет назад?

— Видишь ли... Такая исключительная нация, а их унизили после Первой мировой. Кроме того, рассказы белогвардейцев о зверствах евреев-коммунистов, да и засилье банкиров, промышленников той же масти...

— Ты понимаешь, что говоришь словами «Майн кампф»? — спросил Адлер.

Друг немного смутился и решил свести всё к шутке. Но как естественно в него проникли эти аргументы! Лучше бы люди были совершенно безмозглыми комками фарша, чем такими мыслящими бодрячками.

Буквально на следующий день:

— Поехал посмотреть собор... А союзники его почти весь разбомбили. Варвары...

— Это союзники-то варвары? Немцы же им пол-Лондона снесли!

— Я вообще не понимаю, что было делить двум арийским народам...

Наверное, он шутил. Друг очень умный и все время шутит. Как там у Борхеса? «К выдумкам диктатуры неприменимы слова “вера” или “недоверие”; они относились к промежуточному уровню существования, прикрывая или оправдывая пакостную и людоедскую явь». Так по Борхесу и получился из друга «полугерманец-полуиудей, с его печалью, пылом и смешком».

Воистину, мысли далеко заводят. Уже и околица осталась позади. Темнеет лес, и его колья пронзают надлежащие тучи, а те кровоточат едва просочившимся дожем. А мы всё следуем и следуем впотьмах, и чаща смыкается над нашими бедовыми головами. Но ты *«не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем...»*, ибо дальше следует лишенный рек и иссушенный горячими пыльными ветрами ад. В него мы входим незаметно. Вообще, если бы сатана подкрадывался явно, предъявляя визитную карточку, он давно потерял бы свои завоеванные позиции. Он обволакивает нас непринужденно, пытается слух воистину красивой и поблескивающей в лучах правды логикой. А там целые Галереи символов. И попробуй отличи, что от Господа, а что от лукавого. Почему намеки? Зачем сны? Господь не желает говорить с нами на нашем языке. Он учит нас Своему. Естественные понимания слишком просты, чтобы вместить в них много смысла? Поэтому Господь учит нас Своему языку, через который мы сможем понимать несравненно больше? Но мы ничего не понимаем! Мы никогда ничего не понимали!

На днях Герберт Адлер что-то оплачивал в кассе, и продавщица угадала, о чем он хотел ее спросить. Он пошутил, что в ответ попытается прочесть ее мысли. Она сказала: «О! Не заглядывайте в мои мысли! Там такой ужасающий мрак!» Чистенький халатик. Пристойный, неинтересный вид. А внутри мрак! Как такое? Зачем?

— А я что? А у меня не мрак? Кто глаголет моими устами? А ведь следовало бы давно уже себе на носу зарубить: «Молчи, если не уверен! Молчи, если не в духе! Молчи, если нет мира в сердце! Молчи, если это принесет кому-то вред!» А я все глаголю и глаголю... Зачем?

Проблема истинной веры и писательства не нова. Как все ополчились на Гоголя, стоило ему заговорить о Боге и вере.

Недаром он писал:

«Бог милостив. Не он ли сам внушил стремление поработать и послужить ему? Кто же другой может

внушить нам это стремление, кроме его самого? Или я не должен ничего делать на прославление имени его, когда всякая тварь его прославляет, когда и бессловесные слышат силу его? Мне ставят в вину, что я заговорил о Боге, что я не имею права на это, будучи заражен и самолюбием, и гордостью, доселе неслыханною. Что ж делать, если и при этих пороках все-таки говорится о Боге? Что ж делать, если наступает такое время, что невольно говорится о Боге? Как молчать, когда и камни готовы завопить о Боге? Нет, умники не смутят меня тем, что я недостойн и не мое дело, и не имею права: всяк из нас до единого имеет это право, все мы должны учить друг друга и наставлять друг друга, как велит и Христос и апостолы. А что не умеем выражаться мы хорошо и прилично, что иногда выскочат слова самонадеянности и уверенности в себе, за то Бог и смиряет нас, и нам же благодетельствует, посылая нам смирение».

Иногда, чтобы понять состояние собственного духа, нужно писать. Ибо внешне все спокойно и благопристойно. А тут вдруг такое на бумагу выплеснется, что и не знаешь, откуда оно пришло! Хватит во всем обвинять туманное бессонное подсознание. Легко все сбросить со счетов. Мол, живет в нас этот вольный безумствующий демон, и имя ему Подсознание. Просто и удобно. Поделаться с этим бесом нечего. Молитвы не помогают. Батюшка бессилен. Кто-то сказал: «Слова бессильны, от них остаются одни лишь восклицания». А кто-то другой добавил: «Человек бессилен перед липким страхом». Ничего не попишешь, такова наша природа. Мрачная и неуместная.

Сны чаще всего вызывают чувство досады. Несмотря на то что словно бы отрезвляешься предутренним всплеском бодрствования, все же там, позади, зиждется нечто досадное и непокорное, как родительский упрек, как взгляд исподтишка.

Нам не дано управлять своими снами, и в них выплескивается все ничтожество нашего брожения по

тропам осеннего мира. И мыслящий ли ты человек, или так, распустившийся недоумок, — не важно. Сны обволакивают тебя своей блеклостью и неразрешимостью. Давно ли вы получали удовольствие от сна? Я имею в виду не сам процесс отдыха, а его содержание?

Почему наши сны не полнятся надеждами, радостью, смехом? Нет, что-то серенькое, отталкивающее селится и гнездится там, и быстро хочется забыть его, но ощущение растерянного опустошения остается на все утро, если не на целый день.

Нужно больше смешить себя и других. Может быть, тогда неприятное присутствие снов отступит или наполнится светлым, веселящим содержимым!

Герберт Адлер давно хотел решить для себя, какие закономерности присущи смешному. Ведь ясно, что шутки, остроты, приколы можно классифицировать и выяснить, почему они вызывают смех. Умеющий смешить имеет безусловное преимущество. Ведь смех вызывает у человека чувство удовольствия, причем не простого физиологического, но и душевного, интеллектуального, если хотите.

Итак, хочешь привлечь внимание — научись шутить. Говорят, что смехом можно разрешить то, что иначе осталось бы неразрешенным. Однако не бывает смеха просто так. Во всякой шутке должна присутствовать жертва. Пусть даже неодушевленная, но жертва. Без жертвы шутка невозможна. Может быть, поэтому смех считается грехом... Существуют ли безобидные шутки? Всегда, пусть с натяжкой, можно найти жертву.

Жертва — это старая валюта обнищавшего мира. Без жертвы мы не можем. Все кажется тусклым и недостаточно пикантным на наш человеческий вкус, а тяжеловесность наших взглядов часто облегчается слезами, приносимыми в жертву обезлуненной ночи.

Я снова пью. Зачем?

Голова раскалывалась на тысячи змеиных головок.

У меня же недавно был запой! И опять? Всё. Это последний раз. Или лучше постоянно потихоньку пить? Жаль, потихоньку я не умею. Может, нужно строго и категорично принудить себя закодироваться? Хотя бы на год? И жить. Трезво жить, чтобы умереть, или пить, чтобы выжить?

Просто даже не знаю что... Да и можно ли жить трезво, когда по городу ходит убийца отца?. Причина, конечно, крутая, чтобы не просыхать. Но не пить же целое десятилетие? Я и раньше ведь пил, до гибели отца... Бывшая моя жена Лиля, ядовитый цветок, говорила, что у алкашей всегда есть повод и оправдание. Что каждое пьяное чудовище мнит, будто у него израненная трепетная душа... С чего она взяла, что я чудовище? Что я ей сделал?

Лиля. Два месяца прожить и сбежать беременной очертя голову... Это ж надо ухитриться — довести женщину до отчаянного бегства? А уж чтоб ножом пырнула? Или я и впрямь чудище страшное? Что такое я делаю, что становлюсь нестерпимым для людей? Жена говорила... Много острых слов говорила она. Что основная черта моего характера — самодурство, доведенное до абсурда. Что у меня в мозгу осталась одна извилина, отвечающая за самомнение, а все остальные человеческие черты давно смыты пивом.

И все ведь пьют, но не на всех жены с ножом кидаются. Наоборот, возятся, спать укладывают, ботинки снимают, бутылочку на опохмел покупают... Короче, по-доброму, с пониманием относятся. А тут прямо что-то страшное!!!!

Смешно, но безверие совершенно не мешает дремучему суеверию. Я жутко суеверен. Более того, сам придумываю себе суеверия. Если вижу нож — стараюсь его спрятать подальше. Видимо, никак не могу забыть тот проклятый

вечер, когда я приехал к Лиле. От меня ее увез отец. Беременную. Он меня сразу возненавидел. А она, сбежав от меня в другой город, потом, видимо, раскаялась...

Наш ребенок к тому времени уже родился. Она позвонила, позвала. Я всё бросил... В общем, и бросать-то было нечего. Приехал. Прожили две недели. Опять началось. Я ревновал ее к прежним хахам. Я ей сказал, что у меня уже есть другая женщина. (Ну, было пару раз, так, по пьяному делу...) А она пошла на кухню. Я думал, она там плакать будет. Как бы не так. Я вошел, а она неожиданно пырнула меня кухонным ножом в живот. Я ничего не успел сообразить. Смотрю — кругом кровь, какая-то неестественно алая. Даже не сразу понял, что это моя кровь, что это кровь вообще... Она тем временем спокойно вызвала милицию и «скорую» и сказала им, что я сам себя пырнул ножом. Я, конечно, подтвердил. Подписал протокол. Кормящая мать... Малюсенький ребенок. Она знала, что я не выдам.

Мне сделали перевязку. Пырнула неглубоко, так, мышцу разрежала, а брюшину не проткнула и органов никаких не повредила. Как выразился один мой друган — побаловалась. Хотела бы убить — убила.

Ее отец сунул мне денег и выселил в дурную гостиницу. Я оклемался и уехал к себе.

А она меня до сих пор любит. Давно замужем за кем-то, а я знаю, что любит... А я ее — нет. Как женщину, да, именно как женщину, я, может, ее и хотел бы, но не более. Хотя и выгляжу, как бомж, а все же глубоко всадил себя ей в сердце. Она мне — нож в живот, а я ей — себя в сердце... Вот такое взаимное проникновение.

Не так давно потряс меня один случай. Я подходил к дому и наткнулся на бомжа, он умирал прямо на тротуаре. Я наклонился, и он вцепился в мой шарф. Было холодно. Он весь дрожал.

— Вызови «скорую»! Я умираю!

Ну, у меня тогда еще был мобильник. Я вызвал. Прождал на морозе не меньше часа. Они приехали, увидели, что он бомж, и бросили там же, на улице. Что мне было делать? Тащить его к себе? Я сказал: «Прости, браток», и ушел не оборачиваясь. А вслед неслись его стоны. Такие громкие, будто наигранные, ненастоящие... На следующее утро дворник аккуратно передвинул мертвое тело в сторонку, закрыв ему лицо варежкой. Потом его как-то быстро увезли. А ведь было это в двух шагах от моего подъезда. А что, если я мог его спасти? Может быть, он не был смертельно болен, а просто замерзал? Мороз-то был знатный.

И что бы я себе ни шептал, что бы ни внушал своей совести, не идет у меня из памяти этот бомж. Вот не идет, и всё. Острее, чем кухонный нож моей бывшей женушки, запал мне в душу. Как такое объяснишь? Богом? Совестью? Где были хваленые благоверные христиане? Почему я, безверный, должен был час стоять на морозе и ждать коновалов?... А они, Гиппократ им в задницу, бросили его умирать. Протоколно, правомерно, бесхитростно.

И что во мне говорит? Сострадание к этому совсем незнакомому человеку? Страх закончить таким же образом? И то и другое одновременно? Рвотный рефлекс на разглагольствования о бессмертии души и любви к ближнему?

Мой бывший благодетель Герберт Адлер — неофит. Воцерковился. Просто анекдот. Часами обращал меня в православную веру. А я ответ всё про бомжа умершего талдычил. Нет и не может быть Бога в мире, в котором происходит такое. А сам думал об отце и нащупывал шрам от ножа. Я как-то даже рассказал Адлеру про этот шрам на моем левом боку.

— Ну, что ты можешь сказать о моей благоверной?

Адлер, почмокав губами в телефонную трубку, промолвил:

— Она у тебя правша.

Пинкертон хренов. Всё увещевал:

— Ступай в церковь, спроси, где ставить за упокой, поставь свечку за отца. Потом поставь за здоровье, за мать и сестру, и помолись.

— Не умею я молиться!

— Тут и уметь нечего... — Было видно, что Герберт и сам еще не очень умеет. — Ну, скажи от себя, скажи просто: «Господи, Боже мой, прости мне все грехи мои...»

— Да какие у меня грехи? — сразу перебил я его.

— Мне тоже сначала казалось, что я безгрешен. И что, думаю, я на себя наговариваю? А потом потихоньку такое сам в себе нашел — и ужаснулся. Молитва и покаяние, видимо, для того и нужны, чтобы самого себя внимательно разглядеть...

— Да некогда мне молиться.

— А ты молись, когда есть когда!!! Не человек для молитвы, а молитва для человека!

— Герберт, отстань. Ты хочешь, чтобы я обращался к тому, в кого не верю? Это всё равно, как если бы ты попросил меня обратиться с мольбами к шифоньеру. Только с Богом еще хуже. Шифоньер-то вот он. А Бог где?

— Пообещай мне, что сходишь в церковь.

— Да уймись ты. Был я в твоей церкви.

— Когда?

— Когда на Лиле женился.

— Вы что, венчались?

— Нет, просто после загса зашли. Она захотела. Ну, походили, посмотрели и вышли.

— Шесть лет назад?

— Ну да... Еще как-то в застолье с одним батюшкой пообщался. Тоже без толку.

Короче, насилиу я от него отвязался, от Адлера. А тут как-то шел мимо церкви. А что, если и правда зайти, думаю. Подошел к двери, даже за ручку взялся... И словно бы сила невидимая меня остановила. Не могу, и всё. Ну не могу!

Адлер сказал, это бесы. Сам он бес. Я ему про Настю рассказал. Никому, только ему. Фотокарточку показал. (В Интернете разыскал, сейчас нетрудно.) Он говорит:

— Не переживай. Она твоя будет.

Так уверенно сказал, будто кто-то ему продиктовал.

— Спасибо, Герберт, — говорю, — спасибо. А почему ты так решил?

— Не знаю... По карточке видно.

Я обиделся.

— Ну, фотография не передает... Да и не понимаешь ты ничего, Герберт. У тебя, кроме твоей жены, женщин не было.

— Мне и не надо.

— И вообще, как это ты, такой весь из себя православный, а мою связь с замужней женщиной одобряешь?

— Не знаю... — Герберт помолчал. — Может, она не в церковном браке живет. А это — блуд. Тогда нет ничего дурного в том, что ты желаешь взять блудницу в жены. Ты ведь готов на ней жениться?

— Да!

— В церкви?

— Хоть в мечети!

— Ну вот видишь.

— Вижу... Вижу, Герберт, все вижу. Дерьмо твоя религия. Зря только свечки переводите. И лицемерия в вас не меньше, чем в какой-нибудь фарисейской шайке.

— Что же тебе нужно, чтобы ты поверил? Чудеса? Но ты скажешь — фокусы. Перемену судьбы? Ты скажешь — случайность! Что?

— Ну а зачем, мне, Герберт, верить? Двадцать первый век на дворе. Рехнулся ты со своими дряхлыми проповедями.

— Да потому что ты не живешь. Ты словно змей ползучий...

— Иди ты...

— Вот и сквернословишь...

— Я тебя сейчас еще и побью.

— По телефону?

Так и поговорили. Значит, бесы меня колбасят? Хорошо. Но проблема заключается в том, что я и в бесов не верю. Есть такие индивидуумы, которые в Бога не верят, а в дьявола верят. Есть — наоборот. А я теперь — полный ажур. Ни в бога, ни в душу, ни в мать...Вот только разве в сатану. И то только когда в подпитии.

Вчера виделся в издательстве с Настей. У нее и впрямь синие глаза или мне только кажется? Нес всякую чушь, как всегда. Был очень скован. Познакомиться бы нам лет пятнадцать назад, в блаженную пору нашей совместной юности. Она всего на год моложе меня, но как много осталось в ней от чистой, наивной девочки. Просто удивительно. Вполне возможно, она относится ко мне с тем презрением, которого я заслуживаю.

Один мой кореш зовет на выходные в интим-салон. Не пойду. Он хочет взять себе двух девушек одновременно. Наверное, я очень странный человек. Не могу представить близость с женщиной, если вижу ее впервые. Даже если она очень красива. За редчайшим исключением. С алкоголем, конечно, эта странность пропадает. Кстати, через несколько минут начинаю алкоголизацию, три бутылки пива принесены из универсама и ждут меня. «Вы снова ступили на этот топкий путь», — сказала мне Настя. Но теперь, когда в моей жизни появилась Вета, все будет иначе!

Мне написал по поводу Герберта Адлера один юноша из-за границы. Он, видимо, знаком с ним лично. Пишет, что Герберт «метит стать священником».

Вступивший в возраст Христа Андрей Виригин выглядел гораздо моложе своих лет. Печальный взгляд светло-зеленых глаз, некоторая скованность движений,

подчеркнутая, порой наигранная вежливость. Он казался себе приятным и предельно искренним собеседником, однако подчас его искренность и откровенность шокировали.

Деловые, как, впрочем, и дружеские отношения между Гербертом и Андреем пришли к логической развязке после третьего запоя. У Герберта стало туго с деньгами, терпением, да и вообще ему показалось, что довольно тешить свою гордыню писательством.

Выйдя из запоя, Андрей, однако, пришел в бешенство. Он еще дрожащими пальцами заполнил Интернет потоком хмурой желчи. Наиболее полной была статья: «Как я был агентом дьявола».

«Герберт Адлер — западный бизнесмен, родом из России, без всяких на то оснований вообразил себя гениальным писателем. На родине находится в розыске уже более двадцати лет.

Герберт — совершеннейший невежда, нахватавшийся верхов в литературе и философии, представляет собой нечто среднее между Остапом Бендером и Хлестаковым. Любит “сильные” фразы, как, например: “Когда я жил в России, от меня вся страна плакала”. А его болезненное самолюбие, тщеславие... Однажды я отозвался об одном своем знакомом как об очень талантливом писателе. “Ты в присутствии девушки тоже расписываешь достоинства других?” — раздраженно спросил Герберт. Если в Интернете появлялся чей-либо негативный отзыв на его книгу, он немедленно рассылал письма своим платным клеветам: “Напишите ему, этому умнику, что он козел”. К сожалению, подобными инвективами приходилось заниматься и мне.

Адлер обожает давать советы. Помню, он прочитал мне длинную лекцию на тему соблазнения замужних женщин. Дескать, для того, чтобы увести девушку, надо втереться в доверие к ее мужу, стать его лучшим другом. Так Герберт и

поступил много лет назад в России. Та девушка — его нынешняя жена Эльза.

Мои откровения могут быть восприняты как месть за увольнение. Ради бога. Каждый волен воспринимать мои слова, как вздумается. Не скрою, поначалу мной и в самом деле двигало желание отомстить, но постепенно чувство мести сменилось потребностью предупредить литературный мир о том, что в нем действует проходимец. Не могу сказать, что Адлер — плохой писатель. Адлер — не писатель вообще. О чем говорить, если он страдает дисграфией, делает ошибки в простейших словах! Даже автоматическая проверка орфографии не всегда его спасает.

Прошлым летом я увидел его объявление на одном из сайтов поиска работы. Предлагалось писать рецензии на его произведения за весьма привлекательные гонорары. Желающих, если мне не изменяет память, набралось более сотни. Я написал две статьи, получив за первую 500, а за вторую 350 долларов через систему Western Union. Видимо, чем-то я приглянулся Адлеру, и он предложил мне стать его представителем в России. Впрочем, с юридической точки зрения литагентом я никогда не был. Доверенность на ведение своих дел Герберт на мое имя так и не оформил. Жалование начислялось на кредитную карточку одного из американских банков. Налоги с этой суммы, разумеется, не платились. Что входило в мои профессиональные обязанности? Например, я осуществлял взаимодействие с издательствами. В начале этого года в одном из столичных издательств вышел роман Адлера. Само собой, на деньги Адлера же. Он попытался написать эротический бестселлер а-ля Владимир Набоков или Генри Миллер. Вместо «клубнички» получилась развесистая клюква. Помнится, он жаловался мне, что работать над книгой было мучительно трудно, он-де уже три года сидит на мощнейшем антидепрессанте прозак, напроочь убивающем половое желание.

Видимо, Адлер начал принимать прозак, когда у него возникли проблемы с душевным здоровьем. Об этом упоминается в автобиографическом романе «Непротивление счастью», где, по его же словам, нет ни капли вымысла, за исключением одной проходной сцены. Там даже электронные письма приведены без изменений. Существование книги скрывается от московских родственников его зятя. Адлер познакомился с молодым человеком по имени Альберт по Интернету, выдавая себя за Энжелу, и уговорил его приехать к ним в гости. Такие вот у Герберта Адлера забавы.

Прошлой осенью Адлера охватило желание заполучить аудиозапись своих рассказов в исполнении одного из знаменитых российских актеров. Сначала я пытался договориться с Сергеем Юрским. Ответ был предсказуем — проза убогая, графоманская, читать не буду. Мне довелось поговорить с Сергеем Юрьевичем после моего увольнения. Он сказал: «Андрей, вы грешник. Вы были агентом дьявола. Этот человек хочет всех купить». Поразительно, этот вывод он сделал исключительно на основе нескольких десятков страниц адлеровской прозы!

История едва не повторилась и с Валентином Гафтом. Отказывался он, если не ошибаюсь, трижды. Однако каким-то непонятным для меня самого образом мне все-таки удалось добиться его согласия. Так появился компакт-диск, режиссером и продюсером которого я стал. Знаю, что Валентин Иосифович сейчас сожалеет об этой работе. Он запретил продавать диск в фойе «Современника» перед спектаклями.

Адлер не гнушается никакими методами для достижения своих целей. Одним из способов заявить о себе в полный голос был банальный спам. За восемнадцать тысяч рублей он заказал через меня рекламную рассылку на один миллион электронных адресов русскоязычного сегмента Интернета. В прошлом году в Петербурге умер актер Сергей Бехтерев. Так вот, Герберт Адлер устроил на его

похоронах рекламную акцию по распространению компакт-дисков с записью своих стихов, когда-то прочитанных Сергеем.

У Адлера есть агенты и в других странах. Во Львове живет некая Елена Мах. Именно ее перу принадлежит большая часть панегириков в адрес Герберта, размещенных на форумах сетевых библиотек. Она создала Интернет-ресурс, который выдается за сайт поклонников творчества Адлера. На самом деле он появился благодаря деньгам Герберта, а не его несуществующим поклонникам. В своем подбострастии Мах дошла до того, что однажды попросила Адлера выплатить ей зарплату его книгами.

Я знаю, на кого он меня променял. Не уверен, что эта девушка, эта Вета, является литагентом в полном смысле слова, но то, что она — единственный представитель Герберта в Москве, я знаю совершенно точно. Она родилась на Украине и каким-то образом умудрилась получить два паспорта: украинский и российский, хотя в этом случае двойное гражданство не предусмотрено. Мы познакомились в марте в Литинституте, где Герберт оплатил мои курсы корректоров. Подошла, попросила закурить. Денег у нее тогда даже на сигареты не хватало. А одевалась как, боже мой!..

Я убедил Адлера заказать ей редактуру одной из его книг, выдал аванс из собственных средств. Когда Герберт увидел ее фото, то сказал: «Андрюша, найди себе нормальную девчонку. Жалко тратить деньги на такого заморыша». Очевидно, у него проблемы не только с литературным вкусом — девушка-то симпатичная. И необычная. Говорила, что может провести меня на закрытые вечеринки для геев и лесбиянок. А однажды я увидел вместе с ней некую Алену. Выяснилось, что та давно влюблена в Вету, переехала ради нее из Питера в Москву и поступила в Литинститут. Такая история. Что ж, бывает — совсем недавно мы с Ветой ходили по Тверской взявшись за руки,

а теперь оказались по разные стороны баррикад. Меня это мало удивляет.

Почему же я был уволен? О, это совершенно замечательная история! Между прочим, в свое время Герберт клялся мне в вечной дружбе, хотел заказать майку с моей фотографией, едва ли не рыдал в телефонную трубку, узнав, что Гафт записал в студии его рассказы...

Несколько месяцев назад Герберт принял православие, после чего его душевное здоровье, и без того небезупречное, серьезно пошатнулось. Стараясь убедить в необходимости поверить в Бога, он отправлял меня с поручениями в разные приходы. Как-то сказал: «Мне что с тебя, потребовать письменное подтверждение от настоятеля одного из храмов в том, что ты являешься его прихожанином?» А однажды и вовсе стал уговаривать поступить в духовную семинарию. Да-да, представьте себе. Сотрудников своей компании он заставляет молиться за успех их бизнеса, свято веря, что увеличение доходов напрямую зависит от искренности и продолжительности молитв. В конце концов Герберт обвинил меня в гордыне и уволил. Наверное, я единственный работник в мире, уволенный с такой формулировкой.

Но это не все. Незадолго до увольнения у меня похитили карту американского банка, на которую начислялась зарплата. Я попросил Герберта помочь ее восстановить. Вместо этого он распорядился перевести все мои деньги на свой счет! В одночасье я остался без копейки. Правда, потом он перевел большую часть, но, скорее, чтобы потешить свое христианское тщеславие.

Хочу предупредить всех — услышав фамилию Адлер, знайте, что речь идет о мошеннике от литературы, человеке без принципов, который для достижения своих целей не останавливается ни перед чем!»

Самому Адлеру Андрей написал так:

«Герберт, я отказываюсь от тех стодолларовых еженедельных выплат, которые ты мне предлагал в

качестве пожизненного пособия. Получать деньги от такого человека, как ты, для меня неприемлемо. Мой долг — предать нашу историю огласке, что я и сделал. На твоей литературной карьере это не скажется (трудно сказать на том, чего нет), а вот по бизнесу и твоей новоявленной карьере в православии может больно ударить. Все, что содержится в этом материале, — правда в высшем значении слова, и ты об этом прекрасно знаешь.

Интересно, как ты отреагируешь. Ну скомпрометирую меня, что ли. Я тебе сам этот компромат подкину. Андрей Виригин — хронический алкоголик, не раз допивавшийся до *delirium tremens*, в просторечии “белочки”, сломавший нос своей беременной жене, дочери миллионера и т. д., и т. п. Всё это бесполезно — я стою на низшей ступени социальной лестницы (курьер с зарплатой 15 тыс. руб.), мне ничто не может навредить.

Я полностью согласен с бывшим бой-френдом твоей дочери (милейший, должно быть, человек) в том, что ты лицемер. Я же лицемерить не умею, даже за деньги пишу и говорю то, что думаю. Помнишь, когда в самом начале нашего знакомства я говорил тебе о своем прямодушии, ты советовал мне “покриветь”? Нет, Герберт, я останусь честным перед собой до конца. И уж конечно, никакой ты не дьявол, Юрский тебе польстил. Масштаб не тот. Так, мелкий бес. Что касается меня, то я давным-давно мертв. Осталась лишь телесная оболочка, лишённая желаний и страстей. Когда мне сделали запретительный укол, у меня взяли кровь на ВИЧ. На днях я узнал, что тест положительный. И это очень странно, учитывая то, что я не гей и не наркоман. Итак, СПИД скоро сведет меня в могилу. В прошлом декабре после запоя у меня начались слуховые галлюцинации. Два голоса обсуждали меня, не давая уснуть. Они называли год моей смерти. Уверен, так оно и будет. Adieu!

Сделаю все возможное, чтобы меня похоронили НЕ по

православным традициям. Кремация, после чего прах в Москву-реку — вот мой выбор.

Андрей Виригин,
(тот самый, кого Валентин Гафт называл талантливым мальчиком и самородком, а девушка Вета симпатичным молодым человеком, самым неадекватным из тех, что ей встречались)».

Герберт ничего не ответил Андрею.

12

Апостол Андрей последовал призыву Спасителя и остался верным ему до конца.

Апостолы не сразу всецело посвятили себя апостольскому служению. Из Евангелия мы знаем, что братья Андрей и Симон Петр с братьями Иоанном и Иаковом должны были на какое-то время вернуться к своим семьям и заняться своей обычной работой — рыбной ловлей. Несколько месяцев спустя Господь проходя мимо и увидев их ловящими рыбу, сказал: «Идите за мной, и Я сделаю вас ловцами человеков». Тогда они оставили свои лодки и сети и последовали за Христом, став Его учениками.

Андрей, ранее других апостолов последовавший за Господом, стал называться Первозванным. Он пребывал с Христом в течение всего времени Его общественного служения. После Воскресения Спасителя апостол Андрей Первозванный вместе с другими учениками удостоивался встреч с Ним и присутствовал на Елеонской горе, где Господь благословил их. И узрели апостолы, что Господь медленно начинает подниматься от земли, светлое облако скрывает Его от их взоров, небеса принимают в сокровенные недра свои...

Чрез Вознесение Господа падшее человечество Христом возводится от земли, тления и смерти к нескончаемой жизни на небе. Христос, воскреснув силой Своего Божества, чрез Вознесение удостоил обоженное и одухотворенное человеческое естество величайшей чести и славы восседать одесную Отца.

Вознесшись на небо, Господь не оставил землю Своим Божественным присутствием. Он стал еще ближе к человеку, ко всем верующим в Него. Ныне Он находится на земле не только вездесущим Своим Божеством, но и в великом и пренебесном таинстве Евхаристии — Божественных Тела и Крови Его, которых приобщаются верные. Преславное Вознесение Спасителя на небо было продолжением и завершением прославления Его, которое началось в Воскресении и основанием которому послужил Крест Христов. Здесь совершается и завершается таинство Домостроительства нашего спасения Христом в Его пребывании плотию на земле.

Вознесение Иисуса Христа на небо вместе с тем открывает для всех верующих в Него путь к небу, к вечной жизни, подобно тому, как Его смерть и Воскресение есть победа над грехом и смертью для всего человечества. Христос вознесся на небо, как первенец из мертвых, представив в Своем Лице начаток искупленной и возрожденной Им человеческой природы. Он взшел со славой к Светонамачальнику Отцу Своему, Крестом Своим разрушив древнее осуждение человечества и преграду между человеком и Богом.

Произошло это на десятый день после Вознесения и на пятидесятый после Воскресения Христова. Апостолы и Дева Мария в этот момент находились все вместе в горнице в доме на иерусалимской горе Сион. Они усердно молились. Вдруг раздался шум, и на каждого из них сошел огонь в виде языков пламени. Это был Святой Дух, появления Его перед Вознесением велел ждать Иисус.

И тут апостолы заговорили на неведомых им языках. Да и откуда им было их знать, иностранные-то языки? Говорили они на родном арамейском, может, немного по-гречески. И не просто заговорили, а начали проповедовать величие Божие. В это время в Иерусалиме собралось много иудеев из других стран по случаю праздника Пятидесятницы, который посвящен тому, что на пятидесятый день выхода из Египта Моисей получил Тору на горе Синай.

К тому времени не одно поколение евреев жило за пределами Палестины. И для многих из них родным языком был тот, на котором говорили в стране их обитания. Много ли современных евреев, живущих, например, в Литве, знают иврит? Та же языковая ситуация была и тогда. И вот они слышат родную речь. Многих это удивило. «Не все ли они галилеяне? Как же мы слышим каждый свой язык, в котором родились? Как они могут говорить нашими языками о великих делах Божиих?»

Что может быть труднее, чем изъяснить божественное откровение на человеческом языке, при том, что слушатели не желают слушать? Уши их закрыты... Недаром еще Иисус Христос повторял: «имеющие уши да услышат...» Необходимо вмешательство чудесной силы, которая заставила бы людей воспринять то, что говорили им апостолы, в большинстве своем не искусные ораторы, а простые рыбаки и ремесленники.

Петр произнес перед собравшимися пламенную проповедь. Результат не заставил себя ждать: около трех тысяч человек приняли крещение. Таким образом, на земле начала складываться Церковь Христова.

Церковь родилась не только из-за численного увеличения верующих. А из-за того, что, наконец, Бог проявил себя в трех лицах. В Ветхом Завете Он — Творец мира, Бог-Отец. В Новом Завете проявляется вторая ипостась — Бог-Сын, Иисус Христос. И в день Пятидесятницы явилось третье лицо Божества — Бог-Дух Святой.

Святой Дух — это не только источник вдохновения и творческих озарений. Это начало и причина всего живого. Поэтому Его называют Животворящим.

После сошествия Святого Духа апостолы бросили жребий, кому в какую страну следует идти для проповеди Евангелия. Этот удел составили: Малая Азия, Балканский полуостров, берега Черного моря, Грузия, Крым и Россия.

Церковное предание сохранило память об апостольских странствиях. Одно из них святой Андрей совершил с апостолами Петром и Матфием в Антиохию Сирийскую и в Синоп, на южном берегу Понта Евксинского (Черного моря).

В Синопе иудеи заключили апостола Матфея в темницу и намеревались умертвить его. Апостол Андрей поспешил в город, двери темницы пред ним раскрылись и оковы с узников пали. Далее апостол Андрей отправился на Восток...

Почему эти люди были готовы посвятить всю свою жизнь, все свое существо одной цели? Как уверовали всецело и безвозвратно? Почему ныне нам так трудно следовать учению Христову до конца? Одна надежда на Духа Святого... Призывайте Его! Он вел апостолов, Он поведет и нас...

13

Литагентша Елена Мах написала Герберту:

— Я давно являюсь вашей почитательницей. Читала все ваши книги и очень люблю их. Знаю также, что вы воцерковились и даже готовитесь принять сан священника. Видела ваши фотографии, связанные с вашей церковной деятельностью. Взгляд спокойный, умиротворенный. Вроде бы все нормально... Но что-то меня продолжает мучить. Я вас не узнаю!

Как известно, кому многое дано — с того много и спросится. Так не возникает ли у вас мысли о том, что когда настанет час предстать перед Всевышним, Он спросит приблизительно так: “Герберт! У меня много хороших, умных, замечательных священников, пастырей человеческих. А Герберт Адлер — только один! Я тебе дал талант, ум, мудрость... Ну зачем ты пошел в священники? Разве этого я от тебя ждал?”

Герберт подумал и ответил.

— Верующие люди испрашивают волю Божию в молитве. Мы молимся — и становится ясно, что делать. Я думаю, что именно такой путь Бог и предполагал для меня, потому он миловал меня ранее, в счет того, может быть, что я должен еще совершить. Но так или иначе, все по благодати Божьей. А еще сказано: «Жатвы много, делателей — мало». Проповедников всегда будет не хватать...

— Но это ведь не ваше желание? Ваш духовный отец Никифор сказал, что вы должны стать священником и проповедником — и вы стали.

— Нельзя самому желать священный сан. И просить об этом нельзя. Нужно, чтобы тебя духовный отец благословил. Я так понимаю...

— А ведь Бог не отнимал у вас свободу выбора. Он мог бы спросить у вас: «Герберт! Как ты думаешь, кто умнее — писатель Герберт Адлер или отец Никифор? И кто из них двоих лучше знает и понимает Герберта Адлера?»

— А вот это как раз рассуждение от гордыни. При чем тут ум? Кто ближе к Богу? Конечно, монашествующий отец Никифор, который тридцать лет только в Боге и живет. И ум тут ни при чем. Вот его стихи:

Знаю, бывает тяжело,
 Страшно за каждый шаг...
 Как-то одна монашка,
 Мне говорила так:
 «Надо молиться Богу,

Чтобы рассеять страх.
С Богом найдешь дорогу,
Словно с огнем впотьмах.
Надо молиться много,
Долго и не спеша,
Чтоб добралась до Бога,
Как ручеек, душа.
Надо молиться часто,
Чтоб не нарушить связь.
Чтоб ручеек несчастный
Не превратился в грязь.
Надо молиться сильно,
Вырваться из тисков,
Чтоб он рекой обильной
Вышел из берегов.
Надо молиться страстно,
А не зевать кругом.
Не бормотать напрасно,
Думая о другом.
Надо молиться строго,
Не потакать себе.
Не торговаться с Богом,
Веря своей судьбе...
Надо молиться чисто,
Радуюсь и любя,
Так, чтобы круг лучистый
Ткался вокруг тебя...
Чтобы такой кольчугой,
Сердце облечь ты смог.
Вот...И тогда, как чудо,
В нем засияет Бог».

— Талантливо написано... Ваш духовный отец — особенный человек. Но вот начала читать ваш новый роман — и не узнаю вас! Герберт, это не вы! Ваши герои кажутся мне нервными, дергаными. Не такими, как прежде! Что-то их волнует, беспокоит...

— Роман я начал писать полтора года назад, до воцерковления. Сейчас почти в каждой главе появилась слегка замаскированная евангельская мысль.

— Конечно, вера в Бога важна и нужна. Она дает поддержку в период душевного кризиса, успокоение...

— Какая самонадеянность должна быть в нас, чтобы относиться к Богу не как к причине всего, а как к валерьянке на черный день? — перебил ее Герберт.

Елена не преминула возразить:

— Тем не менее вера — это не вся жизнь человеческая. Вы сами когда-то написали: «Не вникая в суть своего предназначения, по-моему, невозможно стать вполне счастливым». И это тоже цитата из вас: «Самое главное — найти свое высшее, особое предназначение, а это так непросто, так непросто... что многие даже и не пытаются. У каждого должно быть свое предназначение! Господь затем и дал нам свободу выбора!» У вас, Герберт, было явное предназначение — писать умные, талантливые, добрые книги о непротивлении счастью.

— А я вовсе не отказываюсь от этого, как и от большей части написанного мной. Просто живой человек развивается. Если рассматривать слово «предназначение» как исполнение воли Божьей о нас — то так оно и есть. Это я и имел в виду. Бог именно и ожидает, что мы, пользуясь свободой воли, будем искать Его волю о нас.

— Между тем в последнее время вы почти отошли от писательства и издаете православную газету. Почему?

— Могу ли я написать так, как сказали люди, выстрадавшие свое богоискательство за тысячелетия? Но донести читателю эти мысли хочется. Тираж нашей газеты — десять тысяч экземпляров — расходуется по многим церквам мира. Многие читают.

— Церковь одобряет вашу новую деятельность?

— Слава Богу... У меня есть благословение двух митрополитов и двух архиепископов, а митрополит всея Украины наградил меня почетной грамотой... Более того,

наша православная газета способствовала воссоединению ранее разделенных православных церквей.

— Я не очень уважаю духовенство... Мне оно кажется неискренним, алчным и темным.

— Православное духовенство на Западе — люди исключительно преданные Церкви и ничего не получающие за свой труд. Мы ведь на чужбине.

— И что же дальше будет с Гербертом Адлером?

— Далее — период углубленного чтения Святых отцов, Священного Писания. Начал преподавать Слово Божье. Веду духовные беседы. И, конечно, работаю над газетой.

Елена не унималась:

— Мне кажется, Бог радуется, когда видит, что кто-то выполняет свое предназначение или хотя бы ищет его, и в этих поисках испытывает свои силы и пытается свернуть горы или «выпить все моря». Почему вы отказались от своего предназначения? Разве поиски предназначения могут быть гордыней?

— Гордыня часто понимается неверно. Гордыня — это когда человек полагается на самого себя, а не на Бога. Нельзя путать слова «гордыня» и «гордость». Это разные понятия. Гордость — это собственное достоинство. Гордыней может быть все что угодно. Даже показное смирение. Именно гордыня привела меня к депрессии, и именно к ней она и должна приводить. Всё зависит от того, как сам человек к этому относится. Если что-то делается для похвал, для возвышения себя над другими — это гордыня. Если это совершается для того, чтобы искать новые пути проповедовать любовь, мир, счастье, величие Творца — это не гордыня. По внешнему виду необязательно видно. Это нужно человеку в самого себя заглянуть.

— Герберт, вы полагаете, что поиски собственного предназначения — грех? Откуда такая внезапная перемена?

— Она не внезапная. Уже в конце «Непротивления счастью» у меня начинается слабое осознание собственных

грехов. Так что это не внезапная перемена, а постепенное движение.

— Разве поиск своего «я» — это не угодное Богу дело?

— В Священном Писании предельно ясно сказано, что угодно Богу. Сказано: блаженны кроткие, блаженны миротворцы, блаженны плачущие о своих грехах, блаженны жаждущие правды, блаженны гонимые за правду, не судите, да не судимы будете... Все предельно просто. Предназначение у нас у всех одно: мы — соль земли. Мы — свет мира. Что может быть выше такого предназначения? Просто выражаться оно может разными средствами, но со смирением, кротостью и любовью. Потому что главная заповедь — «Возлюбите друг друга».

— Скажите, а ваш духовный отец понимает вас? Он понимает, кто вы? Понимает ли он, что таких людей на земле — считанные единицы (или даже еще меньше), и с каждым веком становится все скуднее? Он ваши книги читал?

— Читал немного и, в общем, любит.

— И он не говорит, что писательство — это гордыня?

— Никогда он такое не говорит. Это же осуждение! Монах никогда никого не осуждает. Но когда покопаешься в себе, считаешь Святых отцов, легко находишь зерна гордыни в себе.

— Конечно, если вы абсолютно уверены, что это ваше предназначение... Ни капельки не буду спорить. Но если это только из-за слов вашего духовного наставника... А ведь он же не Бог! Он человек. Он же тоже может ошибаться. Даже абсолютно искренне желая вам добра! Вот вам на этот случай цитата из Герберта Адлера об авторитетах: «Непризнание ничьих авторитетов — первый шаг на пути поиска истины».

— Имеется в виду человеческих авторитетов. Отец Никифор сказал мне о сани священника не потому, что такова его воля, а потому что в молитве ему пришло такое откровение. Да и я всем сердцем этого желал.

— А вы точно уверены, что это ваш путь?

— Да. Конечно. Этот путь виден по моим книгам.

— А в каком ряду тогда стоит роман «Непротивление счастью»? Там герой сам устраивает свое и чужое счастье.

— Да, главный герой — человек, надеющийся на себя. Его главный провокационный вопрос: как Бог знает о том, что он Бог? И ответ — в том-то и дело, что Он не мыслит, как мы. Это буквально перекликается с тем, что сказано в Библии: «Мои пути — не ваши пути». Мой главный герой — это попытка создания Царства Божьего на земле в материальном смысле. Уже в этой книге чувствуется, насколько это невозможно. Обратите внимание, в большинстве критических статей мой герой — не очень положительный. Да и автор не считает его положительным. А в следующем романе происходит крах идеи Царства Божьего на земле и осознание того, что стяжание мирских богатств бессмысленно. И попытка освобождения от этих богатств. Приход к христианству. Если вы помните, главный герой в конце произносит «Отче наш...».

— Я прекрасно понимаю ход вашей мысли в сторону Богоискательства. И ни в коем случае не спорю по поводу веры и той или иной религии. И даже могу привести цитаты из ваших прежних книг: «Занятия космологией и философией приводят меня к разочарованию в этих науках и уверенности, что Бог есть»; «Единственное, заслуживающее доверия, — Божье Откровение (проверял со всех сторон — более 120 пророчеств о Христе сбылись, хотя были написаны за 500–700 лет до его рождения) и так далее. Итак, вывод: “Христос сын Божий, Святое Писание — откровение”. Всё становится на свои места. Чем больше изучаю Святых Отцов, тем больше уверенность в правоте их. Обратный эффект по сравнению с изучением наук. Далее, если это правда и Священное Писание — Божье откровение, то как его можно игнорировать? Нельзя. Тут начинается работа над собой...». Вот до этой фразы — я целиком и полностью согласна!

— И я не отрекаюсь.

— А далее вы продолжаете: «...работа над грехами, прежде всего гордыней». А как же ваши положительные герои? Разве они грешны?

— Да, все герои обладают человеческими пороками. И признают это и даже пытаются бороться. Они грешны, но они милые и они каются, и поэтому им прощается.

— Скажите, вы сами ощущаете в себе внутреннюю потребность быть священником и проповедником? Поддерживать людей, нести им Слово Божие?.. Успокаивать мятущиеся души?

— Большого счастья для себя не чаю. Seriously. А литература — это лишь одна из попыток это делать.

— Так разве не ваше предназначение — давать миру именно то, что только вы можете ему дать как писатель? Книги, мысли, идеи... Очень важные и добрые. Вера в Бога, конечно, важна и нужна. Но ведь это не вся жизнь человеческая.

— В том-то и дело, что вся. Первая заповедь — «Я Бог твой и не будет у тебя других Богов». Вторая — «Не сотвори себе кумира». Третья — «Не поминай Бога всуе». Четвертая — «Чти день субботний. Шесть дней работай — седьмой Богу». Что это значит? Что жизнь в Боге есть стержень жизни. Что нельзя создавать себе кумиров из своего таланта, богатства, чего угодно. Не забывай о Боге и посвящай седьмой день Ему. У нас, на Западе, церковные службы в основном только по воскресеньям, и все священники неделю работают на разных работах, а только в воскресенье священничают. Ну, за редким исключением. Итак, если мы согласны, что нарушать заповедь «не убий!» нехорошо, то как можно игнорировать остальные заповеди? Как?

— Я понимаю, что в православии (и почти в любой религии) смирение — это добродетель, а гордыня — грех.

— В том-то и дело, что православие — не одна из религий. Если углубиться в изучение истории религии,

становится ясно, что православие единственное сохранило апостольский дух. Сейчас я работаю над книгой по истории Церкви на английском и, поверьте, изучил этот вопрос. Одних библиографических источников там более 150. Для того чтобы это понять, нужны долгие беседы. Я бы не стал примыкать к «одной из религий». Просто в России и на Украине православие имеет не лучшую репутацию, хотя, если вы вспомните тысячи расстрелянных священников и сотни взорванных церквей, вы ужаснетесь и сами зададите себе вопрос «почему?». Почему мы не уважаем попов? Не потому ли, что нам это с детства внушили те, кто их расстреливал? А как вы думаете, кто подвигал коммунистов расстреливать духовенство? Ясно, что не Бог. Тогда кто?

Кроме того, зачастую православие рассматривается как этнически славянская религия. Но здесь, на расстоянии, нам видно, что это Вселенская церковь.

— Ну а самоосознание? Самоощущение?

— А что в Библии сказано о поиске человеком своего предназначения и своего пути? Сказано: «Дерзай, дочь! Вера твоя тебя спасла!» И еще сказано: «Стучите, да отворят вам». Ну, вот я и стучусь, и дерзаю. Для меня открылся целый мир святоотеческой литературы, о которой большинство из нас не имеет никакого понятия. И, поверьте, это вовсе не скучная ерундень. Наоборот. Светлейшие умы приходят к этому. Вся Русская литература... Гоголь. Вот почитайте у Гоголя — хотя бы всего одну страничку из «Выбранных мест из переписки с друзьями», «Христианин идет вперед»:

«Друг мой! считай себя не иначе, как школьником и учеником. Не думай, чтобы ты уже был стар для того,

чтобы учиться, что силы твои достигнули настоящей зрелости и развития и что характер и душа твоя получили уже настоящую форму и не могут быть лучшими. Для христианина нет оконченного курса; он вечно ученик и до самого гроба ученик. По обыкновенному, естественному ходу человек достигает полного развития ума своего в тридцать лет. От тридцати до сорока еще кое-как идут вперед его силы; дальше же этого срока в нем ничто не подвигается, и все им производимое не только не лучше прежнего, но даже слабее и холодней прежнего. Но для христианина этого не существует, и где для других предел совершенства, там для него оно только начинается. Самые способные и самые даровитые из людей, перевалиясь за сорокалетний возраст, тупеют, устают и слабеют. Перебери

всех философов и первейших всесветных гениев: лучшая пора их была только во время их полного мужества; потом они уже понемногу выживали из своего ума, а в старости впадали даже в младенчество. Вспомни о Канте, который в последние годы обеспамятел вовсе и умер, как ребенок. Но пересмотри жизнь всех святых: ты увидишь, что они крепили в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти. Даже и те из них, которые от природы не получили никаких блестящих даров и считались всю жизнь простыми и глупыми, изумляли потом разумом речей своих. Отчего ж это? Оттого, что у них пребывала всегда та стремящая сила, которая обыкновенно бывает у всякого человека только в лета его юности, когда он видит перед собой подвиги, за которые наградой всеобщее рукоплесканье, когда ему мерещится радужная даль, имеющая такую заманку для юноши. Угаснула пред ним даль и подвиги — угаснула и сила стремящая. Но перед христианином сияет вечно даль, и видятся вечные подвиги. Он, как юноша, алчет жизненной битвы; ему есть с чем воевать и где подвизаться, потому что взгляд его на самого себя, беспрестанно просветляющийся, открывает ему новые недостатки в себе самом, с которыми нужно производить новые битвы. Оттого и все его силы не только не могут в нем заснуть или ослабеть, но еще возбуждаются беспрестанно; а желанье быть лучшим и заслужить рукоплесканье на небесах придает ему такие шпоры, каких не может дать наисильнейшему честолюбцу его ненасытимейшее честолюбие. Вот причина, почему христианин тогда идет вперед, когда другие назад, и отчего становится он, чем дальше, умнее».

Я сравниваю с себя с Гоголем не из гордыни, не потому что считаю себя тождественным его таланту, а просто использую его как архетип, пример писателя, пришедшего к православию и оказавшегося под ударом со всех сторон. Гоголь — одна из самых аскетических фигур нашей

литературы. Последнее его десятилетие проходит под знаком все усиливающейся тяги к земному претворению христианского идеала. Не давая важнейших обетов монашества — целомудрия и нестяжания, — он воплощал их в своем образе жизни. «Нищенство есть блаженство, которого еще не раскусил свет. Но кого Бог удостоил отведать его сладость и кто уже возлюбил истинно свою нищенскую сумку, тот не продаст ее ни за какие сокровища здешнего мира».

Однако подлинный трагизм ситуации заключался в том, что монашеский склад был только одной и, вероятно, не главной стороной гоголевской натуры. Художническое начало побеждало в нем; кризис Гоголя — следствие глубочайшего внутреннего конфликта между духовными устремлениями и писательским даром.

«Выбранные места...» были враждебно встречены критикой и большинством читающей публики: перелом в умонастроении Гоголя, явственно отразившийся в книге, для многих стал полной неожиданностью. Гоголь как бы нарушил законы жанра и в светском произведении заговорил о таких вопросах, которые исконно считались привилегией духовной прозы. Вяземский не без остроумия писал: «...наши критики смотрят на Гоголя, как смотрел бы барин на крепостного человека, который в доме его занимал место сказочника и потешника и вдруг сбежал из дома и постригся в монахи». В спорах быстро выявилась основная тенденция — неприятие книги. Ее безоговорочно осудили не только западники, но и люди, близкие Гоголю. Апофеозом стала статья Белинского и его известное письмо, в котором критик утверждал, что Гоголь изменил своему дарованию и убеждениям, что книга написана с целью попасть в наставники к сыну наследника престола; в языке книги он видел падение таланта и прямо намекал на сумасшествие Гоголя.

Гоголь был потрясен несправедливостью многих упреков.

Весьма сдержанно отнеслось к книге и духовенство, традиционно не вмешивающееся в дела светской литературы. Хотя митрополит Московский Филарет сказал, что «Гоголь во многом заблуждается, но надо радоваться его христианскому направлению», а святитель Игнатий (Брянчанинов), один из авторитетнейших духовных писателей XIX века, канонизированный Русской Православной Церковью, отзывался о книге Гоголя довольно критически: «...она издает из себя и свет и тьму. Религиозные его понятия неопределенны, движутся по направлению сердечного вдохновения неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного».

Вот вам пример попытки светского писателя всерьез заговорить о православии и Боге... Молитесь за меня, гордеца и грешника Герберта Адлера!

14

Герберт много времени проводил в своей часовне. Несмотря на подорванное материальное благополучие, он ничего не жалел на благолепие своего маленького храма. Он любил зажигать много свечей и затихал в уголке в полумраке с набожным выражением лица дремлющего ангела.

— Господи, спасибо тебе, что дал мне посвятить Тебе этот скромный храм! — шептал он, с запретной гордостью разглядывая иконы, подсвечники, позолоченный запрестольный крест... Церковную утварь поставлял ему секретарь Владыки протодиакон Ануфрий. Его имя чрезвычайно подходило к нему. В переводе с древнеегипетского языка Ануфрий — «священный бык». Его носитель — дородный мужчина в полном расцвете своего диаконского таланта. Бас у него был знатный, глубокий и не такой, что можно пройти мимо, не обращая внимания, мимоездом... Рядом с ним вспоминалась

старинная шутка, дескать, на Руси чудес много, а главных из них три: Царь-Колокол, Царь-Пушка и диакон Андрюшка... Вот таким чудо-протодиаконом Ануфрий и был. Палитра его голоса была поразительна еще и тем, что какими-то общими чертами пересекалась с его талантом иконописца. Так музыка и цвет всегда неразрывно шествуют по нашей жизни.

Отец Ануфрий вернулся из поездки с Владыкой по Украине. Расцеловавшись с Гербертом по-православному три раза, он оглядел внутреннее убранство храма и удовлетворенно забасил:

— У меня для вас приятная новость. Мы с Владыкой гостили у архиепископа Фомы и подарили ему Ваши газеты. Его преосвященство был поражен, что такую работу может проделывать один человек. А когда мы рассказали, что недавно освятили домашнюю часовню, которую вы открыли для местного народа, а между тем раньше у вас там был обеденный зал, бильярд, рулетка, местный воротила, сидящий по правую руку от владыки Фомы, вдруг просиял. Оказалось, он — бывший владелец четырех казино. Став духовным чадом Владыки Фомы, он образумился и продал три из них. Четвертое закрыл, но здание в центре города никак не продавалось. «Владыко, благословите создать в бывшем казино храм». «Почему бы и нет», — ответил Владыка Фома, и на следующий день воротила подарил здание церкви. Вот так и не знаешь, как ваш поступок здесь отзовется на другом конце земли. Воистину уж неисповедимы пути Господни.

Герберт был очень доволен, услышав такие вести.

— Спасибо, отец Ануфрий. Порадовали вы меня, Теперь милости просим в баньку.

— А сами вы не желаете?

— Я не люблю парилку... здоровье не позволяет.

Отец Ануфрий, попарившись с сопровождавшим его иподиаконом, пожаловал за стол, но к удивлению и даже

некоторому облегчению Герберта выпить водки отказался. Точнее, пригубил и отставил стопку.

— Здоровье не позволяет, — пояснил он. Герберт, сам не любитель спиртного, не настаивал.

Поскольку был рождественский пост, откушали постного борща, сваренного Эльзой, потешили себя капустным пирогом, а от картошки с грибами отказались, поскольку были сыты. За чаем гости, блаженно кряхтя и потягиваясь, принялись расспрашивать Герберта о его житье-бытье.

— Тяжело, но стараюсь не роптать. Мне недавно пришла в голову мысль, что на Бога чаще ропщут как раз именно верующие, потому что те, кто не верует, зачем на Господа станут роптать? Он ведь на Него не полагался, значит, и нельзя сказать, что Бог не оправдал его ожиданий. А чем более верующий человек полагается на Бога, тем больше соблазн роптать. Ведь Бог становится повседневным собеседником, партнером во всяком деле... — Герберт, не желая показаться неофитом, пристально вслушивался в каждое свое слово и предложение, однако это не помогло. Гости выдали свое отношение к сказанному благодушными улыбками.

— Да, бывает, долго ищешь Бога, а как найдешь, так и не знаешь, что с ним делать, — пошутил отец Ануфрий. — Я слышал, вы не ладили с отцом Матвеем?

Отца Матвея приписали к часовне, устроенной Гербертом. Хотя отец Матвей и был ровесником Герберта, выглядел он моложе. Это был угрюмый человек, весьма сосредоточенный на себе. Герберт же, привыкший в своей светской жизни, что ему все в рот заглядывают, со временем, естественно, стал плохо переносить отца Матвея. Он платил ему по двести пятьдесят долларов за каждую службу и надеялся, что тот хотя бы будет элементарно уважать его мнение. Однако отец Матвей чем больше получал, тем сильнее сердился на Герберта. Ссора разразилась внезапно. Накануне службы отец Матвей прибыл в гости к Герберту с матушкой и годовалой дочкой.

Когда после обеда все вышли из-за стола, Герберт возразил отцу Матвею по поводу какой-то мелочи. Отец Матвей немедленно вспылил и ушел, хлопнув дверью, крикнув матушке из прихожей: «Домой!».

Пока матушка собиралась, Герберт успел выказать свое недовольство.

— Ну и что это, христианское поведение? — возмутился он.

Матушка, кутая ребенка, успокоила его:

— Ничего, он скоро отойдет.

— Зато я отойду не скоро! — возразил Герберт, всем своим видом стараясь дать понять, что он этого так не оставит.

Через час позвонил отец Матвей и извинился.

— Бог простит, а я простил, — ответил Герберт и в свою очередь тоже извинился. Но, к сожалению, обмен извинениями остался формальностью. На следующее утро оба были раздражены и с трудом переносили необходимость служить вместе литургию. Герберт, который выполнял обязанности алтарника, псаломщика и отчасти диакона, не любил свое занятие. Ему, привыкшему руководить, трудно было вовремя подавать кадило и следить за тем, чтобы оно не погасло. Кроме того, о каком молебном настроении могла идти речь? Мало того, что нужно следить за тысячей мелочей во время службы, так еще и со священником отношения паршивые. Бес особенно любит ссорить служителей церкви в алтаре. В этом он большой специалист.

Из алтаря нервозность передавалась жиденькому хору, состоявшему из Эльзы, немолодого прихожанина и застенчивой прихожанки. По неопытности они частенько давали петуха, а отец Матвей не очень им помогал, лишь нервически посмеиваясь, когда они делали очередную ошибку.

Из прихожан присутствовал пожилой серб, который прошлым летом был выведен врачами из состояния

клинической смерти, пожилая супружеская пара немцев-лютеран, заинтересовавшихся православием, русская бабушка с двумя внуками и еще несколько не знакомых Герберту мужчин и женщин.

После того как спели «Отче наш», Герберт прошелся с блюдом и собрал долларов пятьдесят. Ему же самому предстояло доложить двести долларов из своего кармана. Настроение у него было отвратительное, и причастие не пошло ему на пользу.

После службы Эльза пригласила прихожан этой катакомбной миниатюрной церкви пить чай. За столом Герберт, обычно словоохотливый проповедник, угрюмо отмалчивался, косо поглядывая на жующего отца Матвея.

Немцы-лютеране рассказывали о том, что обеих сестер герра фон Паули изнасиловали русские солдаты, когда освобождали Пруссию, а самого его, тогда двенадцатилетнего отпрыска аристократической семьи, чуть не расстрелял пьяный солдат, поймав на воровстве овощей с огорода в их бывшем поместье.

— Освободитель, потягивая водку из бутылки, поставил меня к стенке в конюшне и принялся описывать круги над моей головой, паля из автомата. Пока он тянулся за второй бутылкой, я успел убежать. В нашем городке все почитали меня убитым. Я до сих пор не понимаю, почему Бог дал выжить именно мне. Одна из сестер, не выдержав позора, вскоре покончила с собой.

За столом повисло тяжелое молчание.

— А мою семью освободители раздавили танками. Спаслись только мы с сестрой, — добавила к рассказу мужа свою историю фрау фон Паули. Она была старше и помнила войну лучше. — Мы жили в Риге, и мои родители говорили по-русски, — пояснила пожилая женщина свой интерес к православной церкви.

— А у меня немцы расстреляли почти всю семью деда, — сказал отец Матвей, спешно прожевав и отпив из стакана

чаю. Он сказал это так, словно сообщал, что чайник уже вскипел.

— Поразительно, — сказала Эльза. — Война ведь закончилась в прошлом веке, а за этим столом кажется, что она не закончилась до сих пор.

— Да, я помню все, словно это было вчера... Февраль... Берлинцы называли такую погоду «фюрер ветер» — гитлеровская погодка... — вздохнула фрау фон Паули.

На следующий день дела Герберта в бизнесе пошли совсем плохо, и он позвонил отцу Матвею.

— Благословите, отец Матвей!

— Бог благословит.

— Простите великодушно, но финансы иссякли... Живем теперь более чем скромно. Придется нам проводить литургию только раз в месяц. На большее у меня просто нет денег.

— Ну что ж, на все воля Божья... — ответил отец Матвей.

Дети, которые отца Матвея недолюбливали за его нудный, мрачный нрав, резюмировали:

— Папа уволил батюшку.

15

«Иисус говорил, что он — Сын Божий, — писал Герберт в своей газете. — Однако вскоре оказалось, что многих он пугает и шокирует своими заявлениями. Он начал говорить о себе совсем не как о выдающемся учителе или пророке. Он начал объявлять себя Богом. И свою личность Он сделал центральным пунктом своего учения. Своим последователям Он задавал самый важный вопрос: “А вы за кого почитаете Меня?” Когда Петр ответил: “Ты — Христос, Сын Бога Живого”, Иисус не удивился и не обличил Петра. Наоборот, Он похвалил его!

Иисус совершенно четко утверждал это, и его слушатели испытали на себе всю силу его слов. Написано: “И еще более искали убить Его Иудеи за то, что Он не только

нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу”.

В другой раз он сказал: “Я и Отец — одно”. Иудеи сразу же решили побить его камнями. Он спросил, за какое именно доброе дело они хотят его убить. И они ответили: “Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человеком, делаешь Себя Богом”.

Иисус четко заявлял, что ему присущи атрибуты Бога. Когда паралитика спустили через отверстие в крыше, потому что он хотел, чтобы Иисус исцелил его, он услышал: “Дерзай, чадо! Прощаются тебе грехи твои”. Из-за этого среди религиозных лидеров начался большой переполох, ведь они рассуждали так: “Почему этот человек такое говорит? Он богохульствует! Кто может прощать грехи, кроме Бога?”

В тот момент, когда Его жизнь висела на волоске, первосвященник напрямую спросил: “Ты ли Христос, Сын Благословенного?”

Иисус сказал: “Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных”.

Тогда первосвященник, разодрав одежды свои, сказал: “на что еще нам свидетелей? Вы слышали богохульство”.

Его связь с Богом была настолько тесной, что Он приравнивал отношение человека к себе к отношению этого человека к Богу. Таким образом, знать Его — значило знать Бога. Видеть Его — значило видеть Бога. Верить в Него — значило верить в Бога. Принять Его — значило принять Бога. Ненавидеть Его — значило ненавидеть Бога. И чтить Его — значило чтить Бога.

Поскольку Христос утверждал всё это, существует только четыре варианта того, кем же Он был на самом деле.

Он был либо лжецом, либо сумасшедшим, либо мифом, либо Истиной.

И если мы говорим, что Истиной он не был, мы автоматически утверждаем, что к нему применима одна из трех оставшихся характеристик.

Если допустить, что Иисус лгал, называя себя Богом, то придется признать, что Он знал, что Он не Бог, но сознательно обманывал своих слушателей, для того чтобы его учение пользовалось большим авторитетом. Очень немногие так думают — если вообще найдутся такие люди. Даже те, кто отрицает Его божественность, утверждают, что Он был великим учителем, преподающим нравственные принципы. Они не понимают, что эти два утверждения противоречат друг другу. Вряд ли Иисус мог быть великим учителем нравственности, если Он сознательно лгал насчет основного положения своего учения — самой своей сущности.

Второй вариант помягче, хотя это всё равно было бы удивительно. Предположим, Он был искренен, просто сам заблуждался. В наши дни человека, который считает себя Богом, называют сумасшедшим. Если бы Христос так сильно заблуждался по поводу своей личности, Он бы и был сумасшедшим. Однако, глядя на Его жизнь, мы не видим никаких проявлений ненормальности, неуравновешенности, свойственных помешанному человеку. Напротив, под давлением Он демонстрировал редкостное самообладание.

Третий вариант: представим, что все эти разговоры о собственной божественности — миф. Просто в III–IV веках последователи-энтузиасты вложили в Его уста такие слова, услышав которые Он бы сильно удивился. Если бы Он вернулся, то непременно отрекся бы от них.

Эта теория была опровергнута благодаря открытиям современных археологов. Они подтвердили, что четыре биографических описания жизни Христа были написаны при жизни Его современников. По словам доктора Уильяма Ф. Олбрайта, всемирно известного археолога, работавшего в Университете Джонса Хопкинса, нет причин думать, что

какое-либо из Евангелий было написано позднее семидесятого года нашей эры. Невозможно поверить, что легенда о Христе, написанная в виде Евангелия, распространилась по стольким странам и произвела такой эффект, при том, что она не была основана на реальных событиях.

Это то же самое, как если бы в наши дни кто-нибудь написал биографию покойного Джона Ф. Кеннеди, и в ней было бы сказано, что он был Богом, прощал людям грехи и воскрес из мертвых. Эта история настолько неправдоподобна, что в нее никто не поверил бы, потому что еще живы люди, которые лично знали Кеннеди. Таким образом, в свете раннего происхождения Евангелий теория о мифе не выдерживает никакой критики.

Остается только один вариант — Иисус говорил правду. С одной стороны, однако, слова значат не так уж много. Что такое слова? Кто угодно может объявить себя кем угодно. Многие люди заявляли, что они — боги. Я могу сказать, что я — Бог, и вы тоже, однако в этом случае нам будет необходимо доказать, что дело обстоит именно так. В случае со мной вам потребовалось бы меньше пяти минут, чтобы разоблачить меня. И вас вывести на чистую воду было бы ненамного сложнее. А вот когда речь заходит об Иисусе из Назарета, всё не так просто. Свои утверждения Он подкреплял доказательствами. Он говорил: “Когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтоб узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем”.

Каковы же доказательства, предоставленные Иисусом? Во-первых, Его нравственные качества соответствовали Его заявлениям. Многие пациенты психиатрических лечебниц утверждают, что они божества или знаменитости. Но эти утверждения опровергаются их поведением. А с Христом было по-другому. Он уникален — прямо как Бог.

Иисус Христос был безгрешен. Его жизнь была настолько чиста, что Он мог спокойно спросить у своих врагов: “Кто из вас обличит Меня в неправде?” И они не нашлись, что

ответить, хотя, если бы в его характере была хоть какая-нибудь порочная черта, они бы обязательно ее упомянули.

Мы читаем об искушениях Иисуса, но никогда не видим, чтобы Он исповедовался в каком-либо грехе. Он никогда не просил прощения, хотя своим последователям велел делать это. Ему не за что было просить прощения!

Это отсутствие чувства вины за проступки тем более поражает, что ни у одного мистика или святого за всю историю мы не встречаем ничего подобного — наоборот, все они терзаются от чувства собственного несовершенства.

Чем больше человек приближается к Богу, тем тяжелее ему становится от собственных поражений, испорченности и недостатков. Чем ближе человек к источнику света, тем больше он понимает, насколько ему необходимо смыть с себя грязь. С нравственностью дело обстоит точно так же — для обычных смертных, по крайней мере.

Примечательно, что Иоанн, Павел и Петр — люди, с детства привыкшие верить в то, что все грешны, — в один голос заявляют о безгрешности Христа: “Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его”.

Понтий Пилат, которого нельзя назвать другом Иисуса, сказал: “Какое же зло сделал Он?” Он подразумевал, что Христос невиновен. А римский сотник, бывший свидетелем смерти Христа, сказал: “Воистину Он был Сын Божий”.

Во-вторых, Христос продемонстрировал такую власть над стихиями, какая могла быть только у Бога, Создателя стихий. Он умирил ветер и волны во время шторма на Галилейском море. И сидящие с ним в лодке спросили с благоговением: “Кто же это, что и ветер и море повинуются Ему?” Он превратил воду в вино, накормил пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами, воскресил из мертвых сына несчастной вдовы и дочь безутешного отца. Он сказал старому другу: “Лазарь! иди вон!” — и воскресил и его тоже. Заметьте, что Его враги не отрицали

этих чудес. Они просто пытались убить Его. “Если оставим Его так, то все уверуют в Него”, — вот что они говорили.

В-третьих, Иисус продемонстрировал власть Творца над болезнями. Благодаря ему паралитик пошел, немой заговорил, а слепой прозрел. Он исцелял в том числе и людей с врожденными болезнями, которые не поддаются психосоматическому лечению. Самое большое чудо — это исцеление слепого, о котором написано в девятой главе Евангелия от Иоанна. Он не мог толком ответить на провокационные вопросы, которые ему задавали, но его собственного опыта оказалось достаточно, чтобы уверовать. “Одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу!” — заявил он. Он пораился, что его друзья не признали его Исцелителя за Сына Божия: “От века не слышано, чтобы кто отверз очи слепорожденному”. Для него это было очевидно.

Наконец, самое веское доказательство божественности Иисуса — Его воскресение из мертвых. За свою жизнь Он пять раз предсказывал свою смерть. Также Он предсказывал, как именно умрет и как через три дня воскреснет и явится ученикам.

Это была хорошая проверка. Подобное заявление было бы очень легко опровергнуть. Потому что это либо произошло бы, либо нет.

Как христиане, так и враги христианства признают, что воскресение Христа является краеугольным камнем всего вероучения. Павел, великий апостол, писал: “А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша”. Павел сказал, что абсолютно всё зависит от физического воскресения Христа. Он либо воскрес, либо нет. Если это произошло, то эта самая большая сенсация за всю историю человечества.

Если Христос воскрес, то нам теперь достоверно известно, что Бог существует, как Он выглядит и как можно лично общаться с ним. Жизнь обретает значение и смысл, и

современный человек может наслаждаться общением с живым Богом.

С другой стороны, если Христос не воскрес из мертвых, христианство — всего лишь музейный экспонат, и ничего больше. Оно не имеет никакого отношения к реальности, а также никакой ценности. Мысль, конечно, была хорошая, но из-за чего весь сыр-бор, непонятно. Все эти мученики, идущие на растерзание львам с песней на устах, все эти современные миссионеры, умирающие в Конго и Эквадоре, неся Евангелие тамошним жителям, — все они просто дураки, которых обманули.

Враги христианства чаще всего утверждают, что воскресения не было, потому что именно этот момент — решающий. Одну из самых ярких атак совершил молодой британский адвокат Фрэнк Моррисон. Он был убежден, что воскресение — это выдумка. Чувствуя, что это краеугольный камень христианской веры, он решил оказать человечеству большую услугу и развенчать сей миф. Он думал, что ему как адвокату не составит труда найти необходимые доказательства своей правоты. В свою очередь, он не собирался признавать никаких доказательств, которые не соответствовали бы современным судебным требованиям.

Однако во время проведения этих исследований с Фрэнком Моррисоном случилась удивительная вещь. Дело оказалось гораздо более запутанным, чем он предполагал. В результате первая глава его книги “Кто отодвинул камень?” получила название “Книга, которая так и не была написана”. В ней он пишет, как, исследовав все доказательства, он, против своей воли, пришел к выводу, что Христос действительно физически воскрес из мертвых.

Иисус подвергся публичной казни и был распят на кресте. Правительство думало, что казнит Его за богохульство. Иисус же сказал, что умирает, чтобы заплатить за наши грехи. После жесточайших пыток запястья и ступни Иисуса пригвоздили к кресту, и Он висел там, медленно умирая от

удушья. Потом Его бок проткнули копьем, чтобы удостовериться в Его смерти.

Тело Иисуса обернули в пелены, пропитанные примерно сорока пятью килограммами клейких благовоний, и поместили в гробницу, высеченную в скале. При помощи рычагов вход в гробницу закрыли огромным валуном весом в полторы-две тонны. Поскольку Иисус прилюдно заявлял, что воскреснет на третий день, у могилы выставили стражу — обученных римских солдат. Вход в гробницу запечатали официальной римской печатью, в знак того, что это государственная собственность.

И несмотря на все это через три дня тело исчезло. Остались только пелены, сохранившие форму тела, но при этом пустые. Валун, закрывавший вход, оказался отодвинут довольно далеко.

Самое первое объяснение — ученики украли тело. Первосвященники и старейшины, безусловно, были разъярены и терялись в догадках. Они дали стражникам денег и приказали им говорить всем, что ученики пришли ночью и забрали тело, пока стража спала. Это была настолько явная выдумка, что Матфей даже не подумал ее опровергнуть! Какой судья поверил бы вам, если бы вы заявили, что пока вы спали, ваш сосед прокрался к вам в квартиру и стащил телевизор? Кто может знать, что происходит вокруг, когда он спит?

Подобные свидетельские показания высмеяли бы в любом суде.

К тому же это невозможно по причинам психологического и этического характера. Подобное поведение — кража тела Христа — вступает в полное противоречие с характером учеников и вообще со всем, что мы о них знаем. Это значило бы, что они преднамеренно совершили преступление, там самым обманув и приговорив к смерти тысячи людей. Невозможно представить, чтобы, даже если несколько учеников сговорились и совершили эту кражу, они не рассказали бы об этом остальным.

Все ученики подверглись пыткам и стали мучениками за то, во что верили и что утверждали. Человек может умереть лишь за то, что он считает истиной, даже если на самом деле это не истина. Однако никто не умирает за то, что заведомо ложно. На смертном одре любой скажет правду. И если бы ученики украли тело, и Христос был бы мертв, как объяснить утверждения о его дальнейших явлениях?

Согласно второй гипотезе, тело могли забрать власти — или иудейские, или римские. Но для чего? Они же поставили стражу у гробницы, так зачем же было красть тело? К тому же власти молчали, когда апостолы открыто говорили о воскресении. Все духовенство кипело от негодования и делало все возможное, чтобы предотвратить распространение слуха о том, что Иисус восстал из мертвых. Они арестовали Петра и Иоанна и пытались заставить их замолчать, избивая их и угрожая им.

А ведь можно было так просто решить эту проблему. Если бы тело Христа было у них, они могли бы провезти его по

улицам Иерусалима. Одним махом они задушили бы христианство на корню. Но они не сделали этого — а значит, тела у них не было.

Еще одна теория гласит, что обезумевшие от горя женщины заблудились в сумерках и пришли не к той гробнице. Потрясенные, они решили, что Христос воскрес, потому что гробница была пуста. Однако эта теория терпит крах по той же причине, что и предыдущая. Если женщины перепутали гробницы, почему первосвященники и другие противники веры не отправились к гробнице Иисуса и не предъявили тело? К тому же невозможно представить, чтобы и Петр с Иоанном тоже пришли не туда. По крайней мере, Иосиф Аримафейский, хозяин гробницы, мог бы решить эту проблему. Кроме того, необходимо учесть, что это была частная гробница, а не общее кладбище. Рядом не было других могил, и перепутать было очень сложно.

Некоторые утверждают, что всё дело в потере сознания. По их версии, Христос вообще не умирал. Его ошибочно признали мертвым, но на самом деле Он просто потерял сознание от изнеможения, боли и потери крови. А оказавшись в прохладной гробнице, пришел в себя, вышел из гробницы и предстал перед учениками, которые решили, что Он воскрес из мертвых.

Это современная теория. Впервые она появилась в конце восемнадцатого века. Важно учесть, что подобное предположение возникло вовсе не в древности, когда христианство подвергалось жесточайшим нападкам. Ранее факт смерти Иисуса никогда не подвергался сомнению.

Но предположим, что Христа действительно похоронили заживо. Возможно ли поверить, что Он пробыл в сырой гробнице целых три дня, без пищи, воды и медицинской помощи, и остался жив? Откуда у Него взялись силы, чтобы освободиться из погребальных пелен, отодвинуть тяжелый камень от входа в гробницу, пройти мимо римских стражников и идти еще несколько километров

пешком, хотя его ноги были проколоты гвоздями? Эта версия даже более фантастична, чем само воскресение.

Даже немецкий критик Давид Штраусс, который никоим образом не верит в воскресение, отверг эту невероятную идею. Он сказал: “Не может быть, чтобы тот, кто только что полумертвым вылез из гробницы, весь слабый и больной, кому нужна была медицинская помощь — перевязки, восстановление сил, усиленная забота, — кто в конце концов не выдержал страданий, мог произвести на учеников впечатление, будто он победил могилу и смерть, что он — Князь жизни”.

И наконец, если эта теория верна, Христос сам участвовал в вопиющем обмане. Его ученики верили и проповедовали, что Он умер и вновь воскрес. Иисус не сделал ничего, чтобы разоблачить их, — наоборот, Он их поощрял.

Единственная теория, в достаточной мере объясняющая наличие пустой гробницы, состоит в том, что Иисус Христос воскрес из мертвых.

Если Иисус Христос воскрес из мертвых, доказав свою божественность, то Он жив и по сей день. И от нас Ему нужно больше, чем поклонение. Он желает быть познанным нами и войти в нашу жизнь.

Иисус сказал: “Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною”.

Покойный Карл Густав Юнг сказал: “Главный невроз нашего времени — душевная пустота”. Все мы очень хотим, чтобы у нашей жизни был смысл, чтобы мы жили не просто так. Христос предлагает нам более значимую, более наполненную жизнь, которую можно обрести, вступив во взаимоотношения с Ним. Иисус сказал: “Я пришел для того, чтоб имели жизнь и имели с избытком”.

Иисус умер на кресте, взяв на себя грех всего человечества, и поэтому теперь Он предлагает нам прощение, принятие и подлинные отношения с Ним.

“Вот наступают дни, — говорил Господь через пророка за столетия до рождения Иисуса Христа, — когда Я заключу... новый завет... не такой завет, какой Я заключил с отцами их... тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга брат брата и говорить:

“познайте Господа”, ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого, потому что Я прощу беззакония их и грехов их не вспомню более”.

В Новом Завете, который Бог заключает с Его народом во Христе, Он Сам учит его, вселяя в него “новый Дух”, который является Его собственным Духом, Духом Божиим. В православной традиции Церковь видится как жизнь во Святом Духе и Царство Божие на земле не в смысле “внутреннего” и “мистического” пути внутренней жизни души, но конкретно и объективно в духовной и канонической жизни общества, которое существует в определенном месте и времени, действует в человеческой истории и есть в наше время. Известный русский православный богослов о. Сергей Булгаков так писал об этом в своей книге “Православие”: “Православие — это Церковь Христова на земле. Церковь Христова — не организация; это — новая жизнь со Христом и во Христе, руководимая Святым Духом. Христос, Сын Божий, пришел на землю, стал человеком, соединив Свою Божественную природу с человеческой”».

Эльза приняла близко к сердцу давние невзгоды несчастного немца и его деликатной пожилой дамы.

Прощаясь в прихожей, она внезапно расплакалась и сквозь слезы забормотала:

— Простите нас за всё, что они с вами сделали!

Она по-детски обняла герра фон Паули. Тот, сомкнув объятия, прижал ее к себе.

— Ничего, ничего... — успокаивал стройный, подвижный старик безутешную Эльзу. Герберту, стоявшему рядом, было неловко, и он завел тихий разговор с фрау фон Паули. Указывая на платочек на голове жены, Герберт деловито спросил:

— Не из морковок ли составлен этот узор?

— Нет, кажется это гвоздички, — охотно ответила фрау фон Паули, которой тоже было не по себе от того, что ее супруг не выпускает Эльзу из объятий.

Наконец и эта сцена была позади. Герберту было очень жалко Эльзу, он забыл о насущных своих заботах и провел весь день подле нее. Непринужденно развлекая жену историями, он между прочим рассказал, что намерен отец Ануфрий посоветовал ему приобрести для часовни какую-нибудь реликвию.

— Ваш храм назван в честь Преображения Господня... — рассуждал отец Ануфрий.

— Ну, и какого же святого мощи подошли бы? — улыбнулся Герберт, тут же раскаявшись в кощунстве.

— Зачем мощи? Достаньте камни с горы Фавор.

Герберт словно дотронулся до раскаленной добела мысли: Боже мой, так вот что значили неказистые камни, расцветшие белыми цветами в его сне! Вот он, долгожданный ключ к загадке. Вот к чему стремится его душа! Фаворский свет — свет Божественной славы, которым просияло лицо Господа Иисуса Христа при преображении на горе Фавор. Явленный Господом фаворский свет и есть Сам Бог, тот самый свет, к которому мы все должны стремиться. Но некоторых он слепит, и они удаляются во тьму. Эта тьма тождественна грехам и ими образована. Власть тьмы, которая, собственно, и составляет

колоссальные, пусть и подспудные наши опасения, может быть развеяна только этим окончательным, абсолютным фаворским светом! Многие из тех, кто Его окружал, говорили: Он одержим бесом и безумствует; что слушаете Его? Дескать, любая правда неизбежно очерняется, и кажется, зачем нам какой-то неземной свет, если можно вполне налюбоваться на множество огней и в поднебесном мире... Но только этот несотворенный, неиссякаемый фаворский свет и есть надежда на наше спасение. Что это значит?.. Спасение от чего? Спасение от кого? Спасение зачем? Вечному перу евангелистов принадлежат давно данные ответы. Люди снова неприязненно требуют доказательств? Верующему человеку они открываются ежечасно. Невероятные совпадения — разве это не доказательство вмешательства Божьего, его ласково-заботливого участия в наших жизнях?

Вот и отец Ануфрий поведал несколько историй из своей жизни, когда провидение Божье невозможно было спутать ни с каким научно объяснимым математическим шансом. Само по себе такое не случается и быть не может. Если хотите — в этом и есть сокровенное значение чуда.

— Как-то довелось мне посетить стольный град... Я приехал с церковными деньгами, должен был выполнить множество поручений, купить церковной утвари для нескольких приходов. Зашел пообедать, положил портмоне рядом с собой. Не успел борщ поперчить — глядь, а портмоне нету. А там десять тысяч долларов! — отец Ануфрий увлекся воспоминаниями. — Я в отчаянье бросился туда, сюда... Конечно, ужас меня обуял, немного, наверное, и ропот. За что? Почему? Как теперь быть? Ведь не мои деньги, церковные! Потом оказалось, что на камере видеосистемы безопасности ресторана заснят мужчина, берущий мое портмоне и выходящий вон. Когда он открывал дверь, то случайно задрал подол майки, и показалась рукоятка пистолета.

То есть дернулся бы я — он бы меня застрелил! Вот так! Это точно как в той истории... Один человек роптал и причитал, как тяжело ему живется. А Бог показал ему его следы. Вот же, говорит, Я всюду с тобой шел. Видишь два следа рядом? Человек посмотрел и вдруг заметил часть пути, где остался только один след. «Ну вот же, зачем тут Ты меня одного оставил?» — «Это Я тебя на руках нес!» — ответил Бог. Так и меня на руках Господь пронес... Всю ночь я провел в пещерах у старцев за молитвой. А деньги ко мне вернулись на следующий день.

— Что, нашли грабителя?

— Нет... На следующий день обедал я с местным архиепископом, вышел от него, опустил руку в карман подрясника, чувствую — там что-то лишнее, неудобное, большое... Достаяю — пачка денег. Пересчитал — десять тысяч. Ни записки, ни объяснения.

— Ну, не Бог же их подбросил...

— Я думаю, архиепископ узнал о моей беде и подослал своего помощника. Я назад, просить разъяснений! Спасибо, говорю, что помогли вернуть утраченное, но, Владыка, не могу я этого принять! А он — мол, ничего не знаю. Иди с миром. Вот такая история... Такой человек попался, молитвенник, первому встречному прикажет помощь оказать... И потом, даже если бы и не вернулись ко мне эти деньги... Хорошо, что именно у меня украли, меня б за эти деньги не убили. А вот если бы на моем месте какой-нибудь горе-бизнесмен оказался, да с одолженными деньгами?

— Ну, у меня, конечно, не так все трагично пока, но вот пример... Иссякли средства на издание нашей газеты. Нужно три тысячи долларов. А тут Рождество на носу. Пожертвования раньше слали вяло. Никогда не хватало покрыть даже малую часть расходов. Помолился о помощи. Открываю почтовый ящик — двенадцать конвертов (именно двенадцать!) от разных людей чуть ли не со всей земли. В одном конверте — пятьдесят, в другом тридцать,

там двадцать долларов, А тут сразу девятьсот! Складываю суммы — уже догадались?

— Три тысячи? — забасил со смехом отец Ануфрий.

— Ни копейкой меньше, ни центом больше... — склонил голову Герберт. — Подстроить ведь такое человеку не под силу!

— Да, Он такой... всякому благу Промысленник и Податель!

— И ладно бы такое случалось раз или два за всю жизнь... Но ведь буквально каждый день совпадения эти... — признался Герберт. — Раньше меня они беспокоили, но теперь превратились в ласковое напоминание мне, малOVERу... Иными словами, именно этой снисходительной подмогой и разрушается в пыль и прах аргумент атеиста об отсутствии очевидных доказательств присутствия Божьего... Пожалуй, и у меня, Фомы неверующего, от этих совпадений окончательно открылись глаза.

— Только не надо относиться к Богу как к кассиру... Господи, помилуй нас, яко Благ и Человеколюбец... — предостерег отец Ануфрий. — Он великий сердцевед!

— Помню, привозили Чудотворную Почаевскую Икону Божьей Матери, — вздохнул Герберт. — Я выстоял в очереди приложиться к образу. Всё твердил, что хочу попросить себе мира в душе и благоденствия... Наконец среди просветов меж плечами увидел образ, и словно бы малюсенькая капелька фаворского света на меня снизошла. Ничего не надо. Только быть здесь, подле... Хорошо-то как! Не по земному хорошо. Совершенно не по земному. И ничего земное более не волнует! А меня уж в спину подталкивают. Очередь подошла. Я приложился к иконе и шепчу: «Славы и благоденствия!» Откуда это взялось? Не «мира в душе» а «славы»! Я испугался, хотел поправиться, но меня уже оттеснили прочь. И что вы думаете, в конце службы вызывает меня митрополит при всем честном народе на амвон и вручает грамоту за помощь в организации доставки иконы. Храм битком набит. Все на

меня смотрят. Не каждый же день в церкви грамоты вручают. Вот и получил славу... А мира в душе как не было, так и нет... и благоденствие тоже прихрамывает. Хотя грех жаловаться! Грех... А ведь это урок! Стало быть, Бог нас лучше знает, чем сами мы себя! Значит, не изжил я еще вкуса к славе, значит, нерасторопны, безразличны, черствы мои молитвы, а то, что я пишу, всего лишь высокомерная изысканность, а вовсе не исповедь на бумаге...

— А что же с приходом вашим будет? Не ладите вы с отцом Матвеем. Он человек тяжелый. Рано ему в настоятели. Он в лучшем случае второй священник в каком-нибудь соборе, чтобы смиряться и учиться послушанию... — помолчав, вернулся к нелегкой теме отец Ануфрий.

— Мне неподручно своего священника судить, грех это, — с неизбежной долей лицемерия загнусавил Герберт.

— Так в чем же выход? — спросил иподиакон.

— Рукоположите меня в священники, — кротко вымолвил Герберт.

— Если бы я был патриархом... — смущенно улыбнулся иподиакон.

— Хорошо сказал, но несколько прямолинейно... — тоже улыбнулся отец Ануфрий. — Вам окунуться надо в православие... Знаете, о новоначальных как говорят? Горят они как сено, ярко, но тепла не дают и быстро сгорают. Вы же должны теплиться как уголь, незаметно, да так жаром шпарить...

— Да, уж не раз обжигался углем для кадила, — вздохнул Герберт. — Не по своей воле ищу священства. Духовный отец благословил. Я так скажу: мне надо либо быть простым прихожанином, либо священником, потому что я хочу в церкви молиться, а не за кадилом следить...

— Да, диакону молиться некогда, нужно за всем присматривать. Я тоже «молюсь ногами», недослушиваю последние «аминь» хора, уже бегу туда или сюда... —

сказал отец Ануфрий. — Однако вы найдете себе помощников за кадилом следить. Вот сын ваш...

— Ну, это маловероятно... Хотя, если сказать ему, что молиться надо ногами и служба быстрее пройдет... Пока он у нас в звонарях. Помните, Джейк бил в колокол, когда я Владыку хлебом-солью встречал на освящении храма? Так он переусердствовал — колокол и упал...

— Да, Владыка мне рассказывал. Иду, говорит, смотрю, на земле колокол лежит!

— Заставь дурака Богу молиться... — вздохнул Герберт, понимая, что священство ему пока не светит. И тут дело не в знаниях. Просто в самой консервативной религии мира время — лучший советчик. — Ну, и слава богу, мне эта ноша тоже вряд ли пока по плечу...

— Есть такая история, — начал отец Ануфрий. — Шли два монаха по пустыне. Каждый нес свой крест. Один монах устал и крест бросил. И вот подошли они к пропасти. А на той стороне земля цветущая, благодатная. Тот, что нес крест, перекинул его как мост и перешел, а тот, что бросил, остался в пустыне...

17

«Отче наш, Иже еси на небесех...» О превеликое человеколюбие Божие! Тем, которые от Него удалились и были против Него, такое даровал забвение оскорблений и причастие благодати, что и Отцем Его называют: «Отче наш, Иже еси на небесех...» Герберт Адлер пытался вникнуть в смысл самой главной молитвы, данной Самим Господом Иисусом Христом.

«Да святится имя Твое». Свято по естеству имя Божие, говорим ли мы то, или не говорим. Но в согрешающих оно иногда оскверняется. Для того молимся, чтобы в нас имя Божие свяtilось: не потому, что будто, не быв святым, начнет оно быть святым, но потому, что в нас оно святым

делается, когда сами освящаемся и достойное святыни делаем.

«Да приидет Царствие Твое». Чистая душа с дерзновением сказать может: «Да приидет Царствие Твое». Ибо кто слышал апостола Павла, говорящего: «да не царствует убо грех в мертвенном теле вашем», и кто очищает себя деянием, и мыслию, и словом; тот может сказать Богу: «да приидет Царствие Твое».

«Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». Божественные и блаженные Ангелы Божии творят волю Божию, как Давид, воспевая, сказал: «благословите Господа, вси Ангели Его, сильнии крепостию, творящий слово Его». Посему, моляся, мы проговариваем это в таком значении: «как во Ангелах Твоих свершается Твоя воля, так и на земле во мне да будет свершаться, Владыко!»

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Не только хлеб обычный насущен. Хлеб же Истины Святой еще более насущный, на существо души нашей подаваемый.

«И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Ибо многие мы имеем прегрешения. Потому что согрешаем словом и мыслию, и делаем очень многое, достойное осуждения. Итак, мы Бога просим, моляся, чтобы простил нам грехи, как и мы прощаем ближним долги и обиды, не медлим и не откладываем прощать друг другу.

«И не введи нас во искушение (Господи)!» О том ли Господь научает нас молиться, чтобы нисколько не быть нам искушенными? И как же сказано в одном месте: «муж не искушен не искусен есть»? и в другом: «всяку радость имейте, братие моя, егда во искушения впадаете различна»? Но войти во искушение не значит ли быть поглощенным искушением? Потому что искушение подобно некоему потоку, трудному для переходения. Следовательно, которые, находясь во искушениях, не погружаются в них, переходят их, как искуснейшие плователи, не будучи потопляемы ими: а которые не

таковы, те, вошедши, погружаются, как, например, Иуда, вошедши во искушение сребролюбия, не переплыл, но, погрузившись, утонул телесно и духовно. Петр вошел во искушение отвержения: но, вошедши, не погряз, а мужественно преплыв, от искушения освободился.

«Но избави нас от лукаваго». Если бы: «не введи нас во искушение» то же значило, что совсем не быть искушаему, то не придал бы Господь окончание молитвы: «но избави нас от лукаваго». Лукавый же есть бес, от которого избавиться молимся и завершаем молитву нашу славным словом «аминь!», что означает «верую!»

18

Утром Герберт проснулся от вопроса Эльзы, зашедшей к нему в спальню:

— Скажи мне, ты счастлив?

— Нет, — не задумываясь отозвался он, почувствовав, что, видимо, будет скандал, а через каких-нибудь полчаса должны прийти прихожане.

— А почему ты не счастлив?

— Одно только и было существо у меня — Эльза... Она меня любила, а теперь совсем отдалилась... Слишком чужда всякой ласки и нежных отношений... — Герберту не хотелось выслушивать упреки, у него не было сил и желания, ведь сегодня отец Матвей, сказавшись больным, оставил его одного...

— Хочешь, я скажу тебе, почему я чужда всякой ласки?

— А у меня к тебе нет претензий, — примиряюще промолвил Герберт.

— А у меня есть...

— Изволь изложить.

— Во-первых, ты уходил от меня пять раз за последние полгода, и теперь я не могу тебе больше доверять.

— Ну, если ты будешь продолжать в том же духе, я уйду и в шестой раз... — проворчал Герберт.

— Вот видишь? Во-вторых, ты обманул меня с литургиями. Ты обещал, что, построив церковь, все равно будешь возить меня в наш старый приход, у меня там друзья, я люблю своего духовника отца Никифора... Потом ты заявил, что у нас будет служить отец Матвей, а теперь ты уволил и его. А когда я собралась снова ездить по воскресеньям в наш приход, ты объяснил, что у нас теперь только одна машина и мы не можем оставить семью без машины на целый день. И потом, мне не нравится, что ты подсиживаешь отца Матвея, жалуешься на него направо и налево. Чего ты хочешь добиться? Ну не будет у нас священника, и кому тогда будут нужны все эти мертвые аналои и подсвечники?

— У нас будет священник...

— И им будешь ты? Может, ты сам возведешь себя в сан и станешь раскольником?

— Между прочим, вчера звонил отец Никифор, сказал, что активно добивается моего рукоположения.

— Ну, ты и его ругал.

— И что? Так у нас принято. Это же в шутку. Он, например, назвал диаконов, которые у нас были, архиерейской сволочью...

Эльза оторопела, и он поспешно добавил:

— Ну что ты всех судишь и пытаешься сделать святыми? Мы такие, какие есть. Оставь нас в покое. Следи за своими грехами.

— Зачем ты нажаловался на отца Матвея благочинному, что он причащал без исповеди?

— Потому что это правда. Он сказал — подходите к причастию, я не хочу, чтобы остывало... А исповедоваться можете потом. Это ведь ересь! Как можно причаститься Святых Тайн, стать частью тела Христова, не освободившись от грехов? И он заставил меня причаститься. Ну что, я должен был драться с ним на амвоне? Так мы потеряли несколько прихожан, которые только развели руками и ушли рассеивать дурную славу о

нас и о нашем неканоническом батюшке. Что это? Самоуверенность? Самоуправство? И он ведь не обсудил потом этого со мной, не объяснил своего поведения. А это значит, завтра он может выкинуть вообще что угодно.

— Ты один у нас без греха... — подвела итог Эльза и поджала губы.

Пора было спускаться вниз. Уже начали стекаться прихожане. Герберт быстро прошел в свой кабинет и облачился. Он никогда не показывался прихожанам в светской одежде.

Когда он вошел в церковь, все были в сборе. Джейк и Энжела зажгли лампы и свечи. Герберт поклонился собравшимся, отдернул занавеску, отделяющую алтарь, и начал молитвы. Прочел третий час по-английски и частично по-немецки, а шестой — на церковнославянском. Как ни странно, невзирая на утреннюю размолвку с женой, Герберт молился увлеченно и искренно. Густевшая снегом природа в окнах храма приветствовала замороженных пришельцев, вызывающих к Вседержителю.

Озноб и жар овладевали Гербертом, когда он произносил слова молитв, и этот настрой не мог не передаваться собравшимся. Наконец прозвучало последнее «Господи, помилуй». Герберт обернулся к прихожанам и поклонился.

— Прошу всех к столу, — сдержанно произнес он.

По пути в столовую, где, как обычно, был накрыт стол, Герберт неожиданно попал в объятья Эльзы.

— Прости меня. Я была неправа. Ты хорошо молился, и я молилась с тобой. Прости меня.

Герберт улыбнулся. Ему было чрезвычайно лестно услышать такое признание.

За столом он произнес молитвы, благословил ясти и пити, пожелал всем ангела за трапезой, точно так, как делал отец Никифор, и уселся во главе стола, где обычно восседал батюшка. «Ну не оставлять же место пустым?» — оправдал себя самозванец.

В начале трапезы Герберт внимательно слушал, о чем говорят собравшиеся. За столом присутствовали всё те же: пожилая чета православных сербов, чета фон Паули, дети Герберта и Эльза, кроме Патрика, которого нянечка увела во время службы, потому что он расплакался. Патрик не переносил, когда внимание было сконцентрировано не на нем, и обычно начинал плакать, как только отец начинал говорить или молиться. Его нянечка-китаянка дорабатывала последние месяцы, и Адлеры воздерживались от попыток перевоспитать младенца в присутствии человека, который провел с ним большую часть времени с самого рождения. Вот уйдет, тогда и попытаемся ввести новые правила поведения, решили они.

За столом сначала, как водится, разговор шел ни о чем. Герберт не вмешивался до поры до времени, чтобы застолье не выглядело формальным и направленным на проповедь. Но как только выдался удобный момент, он не упустил своего.

— Почему женщины захватили власть у мужчин? — спросила фрау Паули, глядя прямо в глаза Герберту. Все за столом посмотрели на него, но Герберт не успел ответить. Серб принялся рассказывать о том, как несправедлив современный мир, и говорил об этом по крайней мере минут пять. Герберт его не перебивал. Он знал, что его супруга сама прервет его, когда придет время. Так и произошло.

— У тебя всё выходит слишком мрачно... — сказала она мужу.

— В действительности же необходимо разделять два мира. Тот, о котором вы говорите, — полный жадности и несправедливости, — это земной мир. Иисус Христос же говорил, что он не от мира сего... — вступил Герберт, и серб согласно кивнул.

Герберт продолжил:

— То есть и мы, последовавшие за Христом, тоже не от мира сего. Христос сказал, что он победил мир. И это так.

Приняв Его заповеди, ничто мирское более не должно нас по-настоящему мучить. Вот и насчет вопроса фрау фон Паули. В том, что женщины стали свободны, нет ничего дурного. Наоборот, проявлением нашей любви к ближнему должно быть прежде всего уважение. А как можно проявлять уважение к человеку, не давая женщинам свободно выбирать профессию или голосовать? Но с другой стороны, общество, именно то самое общество, которое и является князьями человеческими, на которых не следует надеяться, превратило освобождение женщины в еще большее закабаление, заставив ее работать как мужчину, на многие годы отобрав у нее возможность воспитывать детей и лишив возможности сохранять дом, выхватывая и разлучая супругов в интересах карьеры, посылая мужа на другой конец страны... — тут взгляд Герберта невольно остановился на Энжеле и она отвела глаза. — Короче, во всем нужно различать два подхода. Если же все смешивать вместе, то впадешь в осуждение, не увидишь никакого выхода и в конце концов примешься роптать на Бога. Потому что, живя по законам мира сего, теряешь всякий смысл. Никто из нас не страдает от недостатка хлеба или крыши над головой. Но мы ведь глубоко неудовлетворены только хлебом единым. Поэтому, несмотря на снегопад, мы собрались здесь сегодня. И Христос нас не оставил, Он здесь, с нами, потому что обещал, что где двое-трое соберутся во имя Его, то и он посреди них.

Чета фон Паули снова заговорила о военных воспоминаниях, но Герберт вмешался:

— Христианство освобождает вас от прошлого.

Все с недоумением посмотрели на него. Фрау фон Паули мягко возразила:

— Мне уже за восемьдесят. Всё, что у меня есть, в прошлом. Так что же, христианство освобождает меня от себя самой?

— Вот именно, — кивнул Герберт. — Христианство не является религией, обращенной в прошлое. Оно направлено в будущее.

— Какое будущее может быть на девятом десятке? — горько усмехнулась фрау фон Паули.

— Царство Божие или его отсутствие. Это самое важное будущее, какое только может быть. Исповедовавшись и получив отпущение грехов, вам следует их забыть. Простив грехи других, вам тоже следует предать их забвению.

— Но как же я могу забыть танки... — всхлипнула она.

— А вот тут нужна помощь Божья. Ведь православные тем и отличаются от лютеран, что последние отказались от церковных таинств, а следовательно, от Святого Духа. Ведь если мы верим в Бога, нам следует верить и в чудотворное действие Духа Святого. Если вы примете крещение по православному обычаю, вы получите доступ к этим таинствам — исповеди, причастию. И сами не заметите, как начнете меняться. Это словно таблетка, принятая от

головной боли: наутро вы уже не чувствуете боли и забыли о ней. Ведь будучи в нормальном состоянии, мы не удивляемся нашему здоровью и воспринимаем его как должное. Но вспомнив, почему вы легли в постель раньше обычного, вы вспомните и боль, удивившись, куда она исчезла. Так произошло и со мной. После крещения, в процессе молитв и принятия Святых Тайн, я вдруг заметил, что давнишние дурные помыслы растворились без следа, темные желания поблекли, болезненные воспоминания стерлись. Жизнь моя обрела смысл. Она стала чище, лучше, светлее, несмотря на то, что я, увы, пока еще не вполне счастлив.

— Ну как я могу забыть отца, убитого бомбежкой в Берлине в конце войны... — вдруг возмутился герр фон Паули. Об отце он упоминал только один раз, мимолетно, рассказывая, как отец учил его не глушить мотор на морозе и как под Москвой они никогда не глушили мотора. Несмотря на то что это было сказано мимоходом, Герберт отметил гордую усмешку на устах обаятельного старика.

— Послушайте, вот вы говорите, вашего отца убили союзники, и вы до сих пор не можете спокойно смотреть на этих, как вы их называете, «павлинов», которые маршируют в дни празднеств, посвященных победе во Второй мировой войне. А что, собственно, делал ваш отец под Москвой с мотором, который он не глушил на морозе?

Немец попытался сменить тему.

— Нет уж, позвольте, что делал ваш жестоко убиенный впоследствии отец под Москвой? Он что, был там туристом? Может, если бы не было его пробега с мотором до Москвы, не было бы и бомбежек Берлина?

— Конечно, вы правы, — герр фон Паули потупил глаза.

— Но вы постоянно обличаете другие религии... — взволнованно подлила масла в огонь его супруга.

— А какое вам дело до других религий? — нагло спросил Герберт. — Вы что, не можете ничего решить для своей

души без того, чтобы не разрешить всех разногласий в мире?

— Дело в том, что мой сын выжил благодаря буддийскому монаху. Сын был очень болен и никто не верил в его выздоровление. И тогда я пошла к знаменитому буддийскому монаху. Мы медитировали, и он сказал, что с моим сыном все будет нормально. И вот сыну уже пятьдесят лет! Он жив и здоров.

— Ну, во-первых, я не думаю, что именно монах излечил вашего сына. Во-вторых, возможно, он очень хороший и милый человек, но мы не можем согласиться с их верой в переселение душ. Я и сам грешил такой верой раньше, но теперь понял, что она противоречит православию. Если наша душа меняет тела, то с каким обновленным телом мы объединимся в конце времен? И потом, буддизм уравнивает людей и животных, а это не одно и то же. Всегда, когда перестают видеть разницу между людьми и животными, к людям начинают относиться как к скоту.

— Я не могу есть мясо... Хотя Христос ел мясо! — возразила фрау фон Паули.

— То есть вы хотите быть более безгрешной, чем Христос, или поправить его? — пошутил Герберт и продолжил: — Переселение душ противоречит и воскрешению Христа. Где сейчас Его душа, в кролике? Пусть я утрирую, но мне кажется, вместо попыток вести богословские споры нам следует усвоить простые истины православия и попытаться их принять. Вот, например, согласны ли вы с символом веры, и если да, почему бы вам не принять крещение и не получить пользу от наших церковных таинств? Ну, давайте пройдемся по символу веры... «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым». С этим вы согласны?

Немцы закивали, но Герберт уточнил:

— Чем больше мы пытаемся объяснить мир с научной позиции, отбрасывая Бога, тем меньше мы в этом

преуспеваем. Невозможно объяснить ни существование вселенной без Божественного вмешательства, ни возникновения жизни... «И во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша».

— Мы верим в Евангелие, — ответили супруги фон Паули.

— «Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием...»

— Вот с этим я не могу согласиться, — вмешался герр фон Паули. — Что же, этот замечательный человек был распят за мой грех, который я совершил, скажем, сегодня утром, съев во время рождественского поста бутерброд с ветчиной?

— У меня тоже была эта проблема. Мне тоже стыдно, что Он умер за нас. Я тоже считаю себя недостойным, и в мечтах уводил Его от этого распятия на волю... Но помните, что сказал Христос Петру, когда тот стал отговаривать Его от крестного пути? Он сказал: отойди, сатана. Смысл христианства в том, что Бог проявил наивысшую степень любви, суть которой — самопожертвование. Поскольку Он был человеком, значит, человек совершил эту жертву и от лица всего человечества искупил свой первородный грех. Он спустился в ад и извлек оттуда всех старозаветных праведников... Просто до воплощения Христа не было возможности получить прощения грехов, вот что совершилось...

— Теперь я смотрю на это совсем иначе! — воскликнул герр фон Паули. — А как же те, кто никогда не слышал о Евангелии? Как же те народы, которым не успели донести Благую Весть? Ведь откровение произошло на Святой

земле, а до Америки добралось только через полтора тысячелетия...

— Те, кто не слышал слов Евангелия, не несет ответственности за то, что не выполнял Его заветов ... Безумец тот, кто слышал и не исполнил, — ответил Герберт, но серб его поправил:

— Многие жили по близким законам, жертвовали собой и были хорошими людьми. Православие отнюдь не является гарантией Царствия небесного. Праведная жизнь — вот в чем ключ от врат небесных.

— «И возшедшаго на небеса, и сидяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшего пророки. Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь», — закончил Герберт.

— С этим споров нет? — наконец спросил он. Немцы улыбались.

— Если я начну исповедоваться отцу Матвею за всю свою жизнь, ему придется слушать меня неделю...

— Нет такой необходимости... Крещение освободит вас от всех грехов. Конечно, если что-то будет продолжать вас смущать, то и будете в этом исповедаться, но крещением смываются все грехи за прежнюю жизнь, и вы рождаетесь в жизнь новую, вечную... — не без торжественности объявил Герберт, давая понять, что на сегодня проповедь подошла к концу.

Герберту было приятно получать письма, приходившие в редакцию его газеты. Первое письмо он получил от архиепископа: «Узнав об издании православной

русскоязычной газеты, я вспомнил евангельские слова Господа нашего Иисуса Христа: “Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод”.

Семьдесят с лишним лет в стране, когда-то известной глубиной своей любви к Богу и преданностью Его Церкви, коммунизм пытался насилием и страхом искоренить Веру из человеческого сердца. Самосознание так называемого советского человека оказалось разрушительным для основ жизни и поставило человечество перед опасностью как нравственного, так и физического вырождения.

Здесь, на Западе, где свобода и демократия являются самым важным атрибутом человеческого существования, материализм, эгоцентризм и гордость, которые в капиталистическом мире считаются показателями внутренней силы и залогом жизненного успеха, приводит человечество к той же опасности.

И вот в это-то время, когда человечество стоит перед пропастью нравственной катастрофы и в обществе ощущаются элементы политического и экономического кризиса, чреватых приближением еще большей глобальной катастрофы, издается эта прекрасная газета, обращенная к будущему, — будущему, в котором человек начнет строить свою жизнь на христианских началах покаяния и любви.

Я ознакомился с первыми номерами этого великолепного издания, и убежден, что эта газета способствует выработке православного мирозерцания, возвращению к истокам духовного реализма святых отцов и развитию внутренней христианской культуры.

Я благословляю издание и распространение православной газеты в пределах своей епархии и молюсь: да будут милости Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами».

Но стоило Герберту опубликовать статью о сектантах-пятидесятниках, как он получил следующее письмо: «Обращается к вам группа пастырей русскоязычных

протестантских церквей. Учитывая непростую духовную ситуацию среди русскоязычной общины (люди оторваны от Родины, у многих проблемы с работой из-за незнания языка, конфликты между родителями и детьми), появление новой газеты, проповедующей христианские ценности, нами было воспринято с надеждой и радостью. Не секрет, что уровень проблем среди русскоязычных семей очень высок. Здесь процветают и пьянство, и наркомания, и депрессии, и разрушение семей.

Однако, появление статьи «Пятидесятники» в последнем номере газеты нас огорчило и озадачило. Мы верим, что Господь призвал всех христиан трудиться на своих нивах, ибо, по словам Спасителя, «жатвы много, а делателей мало».

Особенно необходимо объединение христиан перед лицом угрозы воинствующего секуляризма и нравственного релятивизма, глубоко пропитавшего западное общество.

В то время, когда проводятся мерзкие и богопротивные мероприятия вроде парадов гомосексуалистов, всем людям, исповедующим Христа как Господа и Спасителя, необходимо объединиться в посте и молитве за наш город и стоять, по словам Святого Апостола Павла, «в одном духе, подвизаясь единомысленно за веру Евангельскую».

Хотим также напомнить слова Спасителя, сказанные Им в Евангелие от Луки 9: 50 «Иисус сказал ему: не запрещайте, ибо кто не против вас, тот за вас». Мы верим, что люди, верующие в Иисуса Христа как Бога, должны искать точки соприкосновения, по словам Апостола Павла, «доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова».

Католики и протестанты гораздо многочисленнее православных и ведут активную деятельность в социальной сфере.

Особенно настораживает появление данной статьи в разделе «Сектоведение». Попытки записать пятидесятнические церкви в категорию «сект» вызывают серьезное недоумение. Это вносит разделение и напряженность в Тело Христово. Писание же призывает нас думать о себе скромно, да и слова Иисуса в Евангелии от Иоанна 13:35 «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» учат нас любить друг друга и выполнять общее дело, проповедуя Библейские истины.

Поэтому мы надеемся, что в ближайших выпусках вашей газеты вы опубликуете извинения по поводу выхода данной статьи.

Пусть Господь благословит вас».

Герберт ответил: «Газета предназначена русскоязычному читателю православного вероисповедания и лицам, интересующимся православной верой. В силу своей специфики газета не обращается к широкой аудитории и вряд ли может привлекать внимание ваших прихожан, если они твердо стоят на позициях протестантизма и неопротестантизма. Если же некоторые из них примкнули к вашим церквям из-за недостатка информации о различиях между православием и другими религиозными движениями — вы не можете запретить им почерпнуть эти знания из нашей газеты или из каких-либо других источников. Тем более вы не упомянули ни о каких фактических ошибках в статье. Кроме того, как вы, возможно, заметили, статья выдержана в нейтральном стиле, и слово «секта» в ней практически не употребляется.

Мы не знаем, существуют ли у вас подобные публикации, но вряд ли мы заметили бы статью, посвященную православию, если бы она появилась в вашей газете. Во всяком случае, мы спокойно восприняли бы ваше право свободно выражать свое мнение о различиях в наших вероисповеданиях.

Именно поэтому ваше письмо вызвало в редакции искреннее удивление. Нам представляется вполне естественным, что наша газета знакомит читателей, интересующихся православием, с позицией Православной Церкви в отношении различных религиозных движений.

Сектоведение — дисциплина, занимающаяся изучением таких религиозных движений, и другое слово, обозначающее эту дисциплину в русском языке, отсутствует.

Сектоведение является обязательной дисциплиной для изучения в Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, Московской Духовной Семинарии и многих других православных духовных учебных заведениях по всему миру.

Между тем слово «секта» не несет в себе никакого негативного смысла. В классической латыни этот термин (лат. *secta* — «партия, школа, фракция») служил для обозначения образа мышления, образа жизни, а в более конкретном смысле — политической партии или философской школы, к которой принадлежал человек.

В. И. Даль определил слово «секта» как «франц. братство, принявшее свое, отдельное ученье о вере; согласие, толк, раскол или ересь».

Д. Н. Ушаков — как «религиозное сообщество, состоящее из людей, отколовшихся от господствующей церкви и принявших новое вероучение».

В англоязычной терминологии понятию «секта» соответствуют термины *sect* и *cult*. В то же время в английском языке *sect* также применяется по отношению к традиционным направлениям многих религий (например, основных течений индуизма, ислама или христианства).

«Пятидесятников» называют сектой такие средства массовой информации, как CNN, термин *Protestant Sect* используется и многими газетами и даже Британской энциклопедией.

Теперь по существу вашего письма.

Сектой именуется религиозное движение не в силу его массовости или малочисленности, а в силу его происхождения, откола от основной ветви.

Таким образом, даже христианство именовалось в свое время сектой иудаизма.

Заслуги католиков в наше время вызывают многие споры и некоторые исследователи даже видят в завоевании Америки элементы геноцида против местного населения. В то время как православие, появившись на Американском континенте в восемнадцатом веке и начав свою миссионерскую деятельность на Аляске, продолжает ее до сих пор, не запятнав себя никакими насильственными действиями.

Роль протестантизма в создании системы социального обеспечения также является аргументом, вырванным из контекста. Люди приходят в Церковь не за хлебом насущным, и приписывать религиозному движению подобные заслуги можно только признав, что оно занимается не своим делом. Наша Церковь также помогает населению, но при этом православие сохранило апостольское благословение, передаваемое через рукоположение нашим священнослужителям.

Лишение прихожан Таинства Евхаристии (причастия), Таинства Исповеди и других таинств, основоположенных самим Спасителем и Его апостолами, является духовным обкрадыванием людей, стремящихся к Богу.

Христос говорил: «Многие лжепророки восстанут и прельстят многих». Как вы думаете, кого он имел в виду?

Мы согласны, что необходимо объединение христиан перед лицом угрозы воинствующего секуляризма и нравственного релятивизма, глубоко пропитавшего западное общество. Но мы верим, что это объединение может произойти только в результате возврата заблудших братьев и сестер наших в лоно Апостольской Православной Церкви. В противном случае мерзкие и богопротивные мероприятия вроде упомянутых вами парадов могут

приносить меньше вреда душам человеческим, чем уверение людей, что на них нисходит Дух Святой вне покаяния и спасительных церковных таинств. Потому что в первом случае соращение явное, а во втором — тайное.

Принимая во внимание все сказанное, нам трудно выполнить вашу просьбу и принести публичные извинения. Как они будут выглядеть? «Мы приносим извинения, что опубликовали статью о Пятидесятниках в разделе Сектоведение?» А о ком нам писать в этом разделе? Или мы вообще должны закрыть этот раздел?

Мы просим прощения, что опечалили вас, но мы не можем иначе. Признание или игнорирование сектантства может погубить ростки веры, пронесенной сквозь тысячелетия.

Вы можете позволить себе утверждать, что все церкви равны перед Богом, мы — не можем.

Мы бы с огромной радостью общались с вами и пытались бы объяснить наше видение мира, поделились бы с вами учениями наших Святых Отцов и двухтысячелетним опытом православия. Мы бы углубились в корни протестантизма, да и католичества, и увидели бы, где произошел досадный раскол во Вселенской Апостольской церкви, и вы бы безусловно убедились, что единственный путь его устранить — это вернуться в Ее лоно.

Храни вас Бог».

Были и приятные письма: «...Хотим поблагодарить вас за доброе дело, которое Вы делаете для людей, приехавших на Запад уже в пожилом возрасте.

К великому сожалению, в нашей родной стране мы сподобились пройти лишь начальную школу веры в Господа. Здесь же печаль и скорбь о нашей Родине способствовала тому, что сердце открылось для настоящей любви к Богу и ближнему. Спаси Вас Господи за ту радость и знания, которые Ваша газета нам дарует...»

«Хочу выразить слова огромной благодарности за ваше дело! Ваша газета помогает духовному развитию

православных людей, оказавшихся вдали от родного края, вдали от родных и близких. С вашей газетой в руках легче переносятся жизненные тяготы, да и относится к ним лично я стала совсем по-другому.

Хочу поделиться так же своим опытом. Практически ежедневно читая вашу газету, я несколько раз обращала внимание на просьбу редакции о материальной поддержке газеты. Я поначалу ловила себя на мысли, что надо действительно помочь, но как-то дальше мысли, к моему стыду, дело не доходило. Пока однажды, после чтения вечерних молитв и Евангелия я, как обычно, не взяла в руки газету и по-другому увидела это объявление. Я вдруг поняла, насколько мы должны быть благодарны Господу за возможность просвещаться, но ведь есть и другие люди, которые не имеют такой возможности из-за ограниченной материальной возможности редакции. И действительно, на данный момент газета распространяется только в 50 из 700 православных приходов. Уважаемые читатели, вдумайтесь в эти цифры — 650 православных приходов не имеют такой возможности! После осознания этого я сразу же внесла свою посильную лепту и призываю всех читателей помочь распространению православия и поддержать материально издание газеты!»

«Спасибо вам за ваше благое дело. Это очень важно, что существует газета, где каждый может найти для себя ответ, что же такое христианство, где объясняются постулаты веры и подвиг нашего Господа Иисуса Христа.

Я думаю, многие крещеные люди через вашу газету укрепятся в вере, потому что поймут ее и умом и сердцем...»

«Не знаю, как у вас хватает сил на такой большой труд. Помогай Вам Господь в вашем благом деле — и Вам, и жертвователям, и тем, кто так или иначе участвует в этом деле. Газета, которая сейчас издается, невероятно нужна. Я верю, что это тот живительный колодец, который поможет спастись многим...»

“Много лет назад я, девочка из еврейской семьи, впервые задумалась о Боге. Нет, это не были размышления ребенка, росшего в религиозном окружении. Слово «Бог» употреблялось очень редко и в обычном для советских людей контексте, без какой-либо религиозной подоплеки. Моим родителям, выросшим при Сталине, и в голову не приходило говорить на такие темы вслух. Тем более поднимать тему иудаизма, будучи партийцами... Несколько раз в году отмечались праздники, но то была, скорее, дань прошлому, далекому детству, отзвуки которого мои мама и папа слышали, несмотря на заглушавший их «коммунистический задор» строителей светлого Всего. Сомневаюсь, что суть этих праздников была им до конца ясна...

Помню свое удивление и радость, когда впервые оказалось в моей детской руке крашеное яичко, подаренное православной соседкой, сладковатый вкус кулича. Видимо, тогда впервые закрался в мою душу вопрос о различии праздников у разных народов и об их смысле... И, видимо, тогда же начался неосознанный поиск, растянувшийся на много-много лет...

Сочельник, Рождество, Святки, Крещение — эти слова из книг школьной программы почему-то завораживали меня. Было в них что-то таинственное и до боли знакомое! Как после долгой потери памяти — проблески воспоминаний. Иногда возникало пронзительное щемящее чувство; так бывает, когда потеряешь что-то очень дорогое, ищешь, ищешь и не можешь найти.

Первый мой приход в храм запомнился навсегда. Маленькая церквушка у русского кладбища, уютный дворик с колодцем, не слишком много людей, чтобы за ними спрятаться. Стояла я позади всех, ближе к двери. Боялась, что вот-вот выведут на чистую воду, уличат в том, что не по праву стою и слушаю их тихие молитвы, не для меня они звучат под этими сводами. Батюшка поманил. Подошла и дрожащим голосом призналась: «Батюшка, я

еврейка...». Молодой рыжеволосый батюшка всплеснул руками: «Иудейка? Что же, приходи, молись с нами. Это неважно, в каком храме молиться...». Кто знает, как сложилась бы судьба, не скажи он тогда этих слов, которые словно путеводная нить вели меня по жизненной колее, неровной, ухабистой, словно размытая проливными дождями проселочная дорога...

Еще однажды пришла в эту церковь. А потом появился страх, что об этом узнают мои родители, мой брат, преданный всей душой иудейским заветам. Что они скажут, как переживут мое «предательство»?

Вскоре мы с мужем решили уехать в Израиль. Я поставила точку на своих исканиях. Решила повернуться лицом к своим традициям, обрести веру там, где предписано предками.

Первое время на Святой Земле я очень старалась следовать обычаям. Мне был нужен Б-г, был нужен путь к Нему. Но отклика в душе мои старания не находили. Не было счастья ожидания, радости приближения. Лишь механическое выполнение обрядов, проникнуться которыми я так и не смогла...

Каждый человек ищет Б-га, но не каждый отдает себе в этом отчет. И чем менее он это осознает, тем более несчастным себя чувствует. Потому что если болит душа и не знаешь причины боли, как же сможешь исцелить свою душу?

И я искала! Гуру, ведантизм, астрология...

Душа моя молчала. Я так запуталась! Все потеряло смысл. Мне нужно было найти Б-га — не погруженного в медитацию, не отгородившегося от живого копошащегося мира, не говорящего, что нет ни добра, ни зла, а жизнь человеческая — лишь бесконечно вращающееся колесо... Как мой муж, мои дети могут быть лишь временными спутниками на одном из его витков?! Мои родные, любимые — лишь призраки, о которых я забуду, вновь придя на Землю?!

Мне нужно было найти Б-га, в Котором Любовь к человеку затмевает боль, страх, горечь чужих предательств! Который учит такой Любви и к ближнему, и к врагу! К Которому можно подбежать, вырвавшись из толпы, прикоснуться к краю плащаницы, упасть на колени, оплакивая всю свою неправильную, несправедливую жизнь! И знать, что Он не велит побить камнями, не оттолкнет презрительно, не уйдет, не оглянувшись! Б-га, который ждет моего прозрения, моего раскаяния и прощает!..

И я нашла. Я поняла это с первой секунды, когда спустя 15(!) лет снова переступила порог православного храма. Этот запах! Словно вдыхала его всю жизнь — запах воска и ладана! Запах дома. Хотелось упасть на холодный каменный пол и плакать, пока все старое, чужое, лишнее не исторгнется этими слезами из души, расчищая место для настоящего и неизменно светлого. Я смотрела на образа, еще не решаясь приблизиться, прикоснуться, но уже понимая, что долгий путь блуждания в темноте окончен, и теперь начинается другой — путь Познания. Пусть бесконечный, но единственно мой.

Мы крестились в небольшой церкви на берегу Тибериатского моря. В той же церкви венчались. Папа не застал этого. Мама постепенно приняла. А брат, по-прежнему верный своему народу, ничего об этом не знает. Безусловно, он никогда не понял бы и не простил мне моего решения. Какая разница? Я же все равно не перестану его любить.

«Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (Ев. От Матфея).

Две тысячи лет назад израильтяне разделились на тех, кто пошел за Мессией, и тех, что остались и ждут до сих пор Его прихода. Каждый поступил так, как повелело ему сердце. Две тысячи лет назад, и сегодня...”

Неделя для Андрея промелькнула незаметно. Каждое утро он ездил на службу, где работал курьером, а оттуда с бумагами — пешком до налоговой. С бомжом, живущим на лавке около метро, он начал здороваться. В выходные отсиживался дома за своей раздолбанной клавиатурой.

«В Интернете наткнулся на информацию об отвергнувшей меня Вете. «Вета Нефедова, секретарша из Литинститута, на досуге тягает штангу, курит гашиш в центре Барселоны и смотрит кино про кровь». Почему-то жутко разволновался, спустился вниз, стрельнул «Парламент» у какого-то мужика. Хорошо, видимо, осведомлен тот, кто это написал.

Одно только и было существо, которое я был готов любить без задних мыслей, среди плохо оштукатуренных декораций невнятного бытия. Настя — другое дело. Там была влюбленность. С Ветой была любовь! Зачем она отказалась от меня, даже не попробовав на вкус мои непозволительно искренние слова? Да, я видел ее мельком, и благоразумные советы толстосума Герберта не способствовали моей откровенности. Он говорил, что такие порывы кажутся неестественными. Что любая новая женщина, которая появится на моей орбите, — это очередная жертва на алтарь моей нетрезвой гордыни. Полезно ли иметь такое сокровище, как я, в семействе? Конечно, нет, особенно когда деньги на исходе и я окончательно испорчен одиночеством. Еще это православное животное, бесчувственный богач говорил, что все, что я хочу, это позабавить себя очередной молодой и что без церкви жизни мне не будет... Однако я живу, и, вопреки теориям Герберта Адлера, по-прежнему мыслю и существую без церкви.

Я выбросил с моста в реку подаренный им крестик, освященный на Гробе Господнем. Так что Его

Превосходительство Герберт Адлер может отдыхать. Никаких последствий столь кощунственных и губительных действий, как надругательство над нательным крестом, я не наблюдаю. Скорее наоборот. Без креста, который он вынудил меня носить, я чувствую себя гораздо свободнее и не стесняюсь возможных недостатков своей натуры, воплощаясь, каждый день в человека, имеющего настойчивое тщеславное желание обедать. Я — веселое двуногое, ищущее пищи и любви. И не надо меня учить жить сызнова, пытаюсь перечесать мои грехи. Таковых я у себя не нахожу, вопреки безобразной репутации.

В субботу встретился на Арбате со знакомым литератором в летнем кафе рядом с Российско-украинским культурным центром, где он работает. Приятный высокий молодой человек с почти волевым лицом, которое, наверное, и пристало иметь поклоннику и последователю Владимира Набокова. Просидели с ним без малого два часа, вокруг неумолчно галдели итальянцы. «Невоспитанная нация», — заметил он. О времени учебы в Литинституте он вспоминает как о напрасно потерянном. Посредственности преподаватели, студенты, изо всех сил старающиеся изобразить из себя богему, и т. д. Выяснилось, что он даже не знает, кто там сейчас ректор. Так что тот факт, что единственное мое законченное образование — пищевой техникум по специальности «оператор колбасного оборудования», вовсе не мешает мне быть талантливым писателем в коконе. Пусть я и не намерен себя раскрывать и у меня не очень хорошо выходят диалоги, но мне есть о чем мечтать, хотя за всю свою жизнь выжал из себя всего восемь стихотворений, три критических статьи и полстраницы утраченного перевода Набокова из романа о его соблазнительной нимфетке...

Мне давно приходило в голову, что Герберт Адлер был для меня почти тем же, что миллионер Питер Спрэг для Эдуарда Лимонова. Об этом я в шутку говорил Гафту еще в ноябре, когда водитель-бомбила вез нас к нему на Арбат.

Какая разница, что Лимонов работал хаускипером (читай — слугой), а я — литагентом. Это не мешало мне заниматься физической работой: после разгрузки машины с его книгами Адлер сказал, что теперь я в буквальном смысле ощутил на себе всю тяжесть писательского труда. Меня притягивают лимоновские места. В Уланском переулке, где мы записывали аудиокнигу с Гафтом, Лимонов жил дважды, а на Нижней Сыромятнической, неподалеку от которой работает Вета, он обосновался после саратовской отсидки. Ну и что, что у Гафта пятикомнатная квартира ценой, наверное, в миллион, а я снимаю угол в бомжатнике. У нас явное сродство душ, которому не помешал даже сомнительный талант Герберта Адлера.

Правда, теперь, благодаря моему изгнанию из рая, приходится довольствоваться общением с людьми иного сорта. Занятная у нас в квартире подобралась компания: бакинский армянин с российским гражданством, русский с гражданством украинским, парень из-под Пензы и я, наследник Левши. Кроме меня, все плотно сидят на стакане. Ну а я, эстетствующий ренегат, променял алкоголь на модный на Западе прозак, который, кажется, мне не помогает. Нет даже побочных эффектов. Вспомнилась сегодня запись из дневника Бунина: «Проснулся от юношески сильной эр». Литературовед, готовивший текст к печати, с целомудренным простодушием расшифровал «эр» как «эротика». Как говорится, несмотря ни на что, мой револьвер всегда при мне. Интересно, что думают обо мне соседи — не пьет, девок не водит, стучит себе и стучит по клавиатуре. Не иначе как мормон. Впрочем, мормоны лекарств не принимают. Где-то сейчас девушка моих жестоких грез? Ангел, фея, тварь, паскуда... У нее отпуск, она собиралась за границу. В моем телефоне любовно хранится ее эсэмэска: «Idi nah». Выглядит как надпись по латыни... Совершенно неподобающая фраза для студентки Литинститута, ибо это словцо в современном сленге

используется исключительно для усиления смысла, но никак не для указания пути: «Выйдем флэш-мобом к Останкину нах, / с водкой-селедкой и песней протеста» (В. Степанцов).

На Новом Арбате, куда я ездил по поручению, меня встретила не виденная мной ранее высокая девушка с волной длинных светлых волос, льющихся на плечи. Так и хотелось сказать ей: я не то, что вы думаете, я совсем другое. Гафт называл меня самородком и талантливым мальчиком, дата рождения в моем паспорте — ошибка, мне меньше, намного меньше, но хотя я такой юный, я уже целовался с девушками, во всяком случае, с одной, и на губах ее был вкус четвертого «Кента», и она была такой же высокой, как и вы, а звали ее Вета, гибкая, как ветка акации над несуществующим пристанционным прудом в ста километрах к югу от Москвы, на глади которого колышутся (значит, не совсем на глади, раз колышутся) лилии, она узнала бы этот стиль, эту интонацию, ведь ей нравится этот автор, ведь и ее собственная проза — это тоже нанизывание вереницы слов на бесконечную нитку фразы, а еще я сочинил для нее за много лет до нашего знакомства изящное двустипшие: «Зимой и осенью, весной и летом //

твержу я, как молитву, имя Вета», которое прочитал ей в ГУМе за глянцеви́то-черным, как стремительно дешевевшая той весной нефть, кофе, и она улыбалась и щурила свои карие глаза, в полном неведении о значении слова *adoration* и бескорыстности любования.

Но сколько можно разглядывать в увеличительное стекло обольстительные мечты!

И отчего я так оробел, сам не знаю. Видимо, смелость — привилегия капитала. В литературе — как в жизни. Первой половине всякой фразы позавидует даже безмозглый оратор, а вот концовку поди подбери... Вся ведь соль именно в концовке! И здесь ни при чем высокомерное нежелание принимать челобитную от собственного либидо.

Я давно уже стал затворять дверь собственному любопытству и не смотрю в ту сторону, где слащаво разверзаются женские прелести. Зачем мне ждать, когда через годы любимая задаст очередной экзистенциальный вопрос:

— Я очень подурнела?

— Нет, — с откровенностью, не лишенною благородства, отвечу я, лишь после опомнившись и смутно заметив, что она легко раскусила мою ложь.

А так я — одинок. Мне остались безденежье и безделье. Работка у меня, конечно, не бей лежачего. До здравствуют безденежье и безделье!

Странствуя по городу, думал о Ветиной прозе. Бессюжетность, отсутствие характеров, нарочитое совмещение разных временных пластов, псевдобылинная интонация, обилие вычурных или самодельных слов — все это лишь маскирует внутреннюю бессодержательность и духовную пустоту. Поражаюсь, как можно написать столько страниц абсолютно ни о чем. Сделано все ладно, живо, с некоторым даже изяществом, производить такую прозу при ее словесном умении можно в промышленных масштабах. Впрочем, оценить все достоинства и изъяны мне мешают *jealousy, despair, remorse, tenderness* и многие

другие чувства, вызываемые ее произведениями, которые мне почему-то неприятно называть по-русски.

А роман Герберта Адлера — ниже всякой критики. Напыщенность, претенциозность, философские потуги, высоколобая эротика. Из сцены орального секса: «зубастенькие тюрьмы». Ужас! От этой книги за версту разит не только творческой, но и половой несостоятельностью автора, уже много лет сидящего на антидепрессантах.

Я по-прежнему ищу работу в издательстве. Мешает отсутствие образования. Побывал на двух собеседованиях и рассказывать о них совсем не хочется. Много лишних, не относящихся к делу вопросов, подробностей, околичностей. На «Водном стадионе» некто Армен дошел до того, что принялся читать мне стихи Иосифа Бродского в собственном переводе на армянский.

Вновь бесцельные одинокие странствия по своему любимому городу, в который стремился столько лет и вот наконец в нем оказался. Не слишком ли поздно?

21

Однажды апостолу Андрею явился Иисус Христос и сказал: «Спешి опять в Вифанию и не бойся, Я с тобою состранствую; еще же и земля Скифов тебя ожидает». Жители города Никеи встретили евангельскую проповедь враждебно; с целью их обращения апостол совершил многие знамения, крестил уверовавших жителей, на месте синагоги воздвиг церковь Христову и пребывал в Нике два года.

В Синопе апостол был жестоко избит и брошен замертво, но явился Спаситель и исцелил его. В другой раз святой Андрей со спутниками достиг Грузии, апостол Матфей остался проповедовать в Сванетии, апостол Симон Кананит — в Севасте, а апостол Андрей пошел далее в Скифию и Киммерию (земли между Черным и Азовским морями), в

города Пантикапей (ныне Керчь), Феодосию и Корсунь (Херсонес).

Преподобный Нестор в Лаврентьевской летописи, в разделе «Откуда есть пошла Русская земля», свидетельствует, что апостол Андрей Первозванный был и апостолом Руси, и благословение первого ученика Христова положило начало зарождению Российской земли и будущему просвещению ее православной христианской верой. Потом по Днепру поднялся на север и дошел до места, где впоследствии возник город Киев. Здесь он останавливался у Киевских гор на ночлег. Встав утром, он сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет великий город, и Бог воздвигнет много церквей».

Апостол Андрей поднялся на горы, благословил их и водрузил на одной из них крест, предвозвещая принятие веры будущими обитателями Руси. Помолившись, он поднялся еще выше по Днепру и дошел до поселения славян, где был основан Новгород.

Проходил апостол Андрей и по тем местам, где сидел и стучал по клавиатуре его отдаленный тезка Андрей Виригин.

Неужели усилия апостола были напрасны? Обратить Андрея Виригина в христианство невозможно. Не всем суждено спастись... Но ведь если время в очах Бога являет собой единый конгломерат, состоящий из начала и конца, то апостол Андрей проходит и теперь где-то под окнами Виригина. Он и теперь проповедует и учит. Чтобы это почувствовать, не надо обладать сверхъестественным воображением...

А что, если бы эти два Андрея повстречались? Наш Виригин предложил бы Апостолу бутылку пива? Сказал, бы, что не верит в Бога и любит одну только Вету, но она лесба и его недостойна...

Еще посоветовал бы Апостолу бросить его неблагодарное занятие и взяться за что-нибудь полезное обществу, например за торговлю наркотой.

22

Герберту позвонила мать. Было условлено, что он будет звонить ей раз в неделю. Эта повинность стала для него мучительной, он все оттягивал ее и вот наконец дождался раздраженного звонка.

— Ты что, совсем мать забыл? Что-то, как наш сын стал христианином, так и вовсе родителей забросил. Что ты молчишь?

— Я не забросил. У нас ветреная погода. Много снега, — Герберт пытался вести себя нейтрально.

— Ты что, подрядился сообщать погоду по радио? Что ты мне вещаешь про переменную облачность? Совсем спятил со своей церковью, — не унималась мать на другом конце провода, и трудно было представить, что этот желчный, сочный, самоуверенный голос принадлежит совершенно больной женщине.

— А о чем ты хочешь, чтобы я говорил? — стараясь не раздражаться, спросил Герберт.

— Расскажи о детях. Как Патрик? Не болеет?

— Не болеет.

— А ты все добиваешься стать священником? Зачем тебе это надо? Что тебе, своих забот не хватает?

— Ммм... — Герберт не нашел в человеческом языке подходящего слова, чтобы ответить.

— Ну что ты мычишь, как теленок?

Разговор еще долго крутился вокруг одного и того же. Мать никак не желала вести беседу в рамках приличия и каждой фразой, каждым словом пыталась спровоцировать

скандал. Герберт остался невозмутим, но, положив трубку, почувствовал тошноту.

— Хорошо поговорили... — пробормотал он, хотя с каждым обидным словом матери в нем поднималось чувство удовлетворения. — Ну вот же и оправдание. Вот почему я не могу ничего с ней поделаться, ни вразумить, ни обиходить. При таком разрушительном нраве ничего нельзя поделаться. Только молиться...

Герберт написал стихотворение:

Я смотрю на этот лик,
Милый и простой.
И мне кажется на миг,
Что Он только мой.
Что нет в мире никого,
Кто бы знал Его.
Что о Нем нет разных книг,
Песен и кино.
Я не знаю, почему
Жадный я такой, —
Меня люди не поймут
И махнут рукой.
Но гляжу в Его глаза —
Верь или не верь, —
Точно знаю: это взгляд
Бабушки моей.

Бабушку Герберт помнил и любил. Но по правде, он давно практически ни за кого не молился. Едва успевал просить помощи себе, изредка благодарил Бога, чаще всего повторял: «помилуй мя, грешного». Вот чем в общих чертах ограничивались его молитвы. Бизнес, едва поправившись, снова свалился в тартарары, и Герберту уже до головной боли не хотелось ничего пытаться в нем

подправить. Снова зазвонил телефон. Это был отец Никифор, духовный отец Герберта.

— Вы станете священником, но через вас ко мне придет искушение. Об одном прошу вас: не восставайте тогда против меня и не атакуйте.

— С чего вы взяли, что я буду вас атаковать? — смущенно спросил Герберт, хотя прекрасно знал, что при стечении определенных обстоятельств вполне на это способен. Это ведь по-прежнему был тот самый неумолимый борец Герберт Адлер, лишь слегка подправленный и затушеванный христианскими принципами... — Отец Никифор, послушайте, я вовсе не добиваюсь священства. Святой Герман Аляскинский не был священником, а все же крестил тысячи алеутов. Я не думаю, что, став священником, я мог бы сделать намного больше того, что и так делаю... — Герберт кривил душой. Конечно, ему хотелось бы стать наконец священником... — С чего вы взяли, что я буду выступать против вас?

— Не надо никаких вопросов. Просто пообещайте мне, что когда вас заставят сделать выбор, вы останетесь нейтральным.

— Обещаю, — неуверенно вымолвил Герберт. — Но все-таки что произошло?

— Меня вызывают к архиепископу... Видимо, дадут разнос. Я, видите ли, не люблю подчиняться. Не переносу начальства.

«Донесли», — подумал Герберт, который сам несколько раз именно так охарактеризовал на людях отца Никифора.

— Вам сказали, что я плохо о вас говорил?

— Пока нет, но пообещайте мне...

«Мало ли, отец Никифор монах, молитвенник, может, ему что и открылось по молитве...» — подумал Герберт.

Отец Никифор попрощался. Герберту припомнились стихи этого одинокого человека, всецело посвятившего себя Богу:

Порою в минуты души просветления,
Заглянешь глубоко, глубоко в себя...
И стон из груди, прозвучит как моление:
«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

И лень, и немощь, и мало усердия...
Вся жизнь в суете истощает себя!
Одна лишь надежда — Твое милосердие:
«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

Рассеянье мысли, ума ослепленье,
Забвение цели сего бытия,
Какое безумство не жаждать спасения?
«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

Как слабо, бесплодно бывает раскаянье!..
Лишь только пробьется живая струя, —
Как снова низводят грехи до отчаянья...
«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

Помыслию о часе с земным разлучения,
Какая загробная участь моя?
Увы мне! Страшусь я суда и мучения...
«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

« Ни тепел, ни хладен»...и нет оправданья
Заветы Спасителя ведаю я!
О вера, велики твои упования!
«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

Болезнует сердце, а Дух разгорается....
И с жадой святой благодати огня, —
Молитвенный стон из груди вырывается:
«Помилуй мя, Боже, помилуй меня!»

Герберт в задумчивости прошел в кабинет. Из мусорного ведра доносилась рождественская песенка. Сотрудники подарили ему неисправную играющую открытку, и он в шутку всем жаловался, что вот до чего дошел бизнес, что даже музыкальные открытки не играют. Дома открытку схватил маленький Патрик и как-то так сжал, что вдруг она заиграла, но теперь наоборот: уже никто и ничто не могло ее заткнуть. Выброшенная в ведро, открытка все равно не унималась. Герберт отправился спать, но и на следующее утро открытка продолжала — правда, уже немного фальшивым голосом — напевать все ту же песенку. Он разворошил бумаги в корзине, нашел непокорную открытку и перерезал бунтарке проводок ножницами. Музыка смолкла. Герберт стало грустно. Показалось, что он лишил жизни нечто живое, пусть раздражающее, но невинное...

— Поганный я человек. Вот и открытку убил... — огласил он себе приговор.

В комнату вошла Эльза.

— Все-таки пообещай, что ты не будешь больше жаловаться на отца Матвея!

— Кто тебе сказал, что ты должна быть моей ходячей совестью? — неожиданно вспылил он. — Да, я пожаловался благочинному, что он причащал без исповеди. Это, если хочешь знать, мой долг.

— Прежде чем жаловаться, ты должен был обсудить это с ним...

— Я пытался, но он рассердился из-за менее значительной вещи и ушел, хлопнув дверью. Ты хочешь, чтобы я стал священником, но совершенно не собираешься меня уважать... а ведь так не бывает!

— Я уже не хочу, чтобы ты стал священником...

— Чего еще ты более не хочешь?

— Мне нравятся твои цели, но мне противны твои средства...

— Когда на моих глазах нарушают каноны и от этого страдает наша миссия, я не могу и не буду молчать. А тебе нужно привыкать не вмешиваться в подобные дела. Ты не можешь одновременно стать матушкой, женой православного священника, и при этом оставаться мегерой на уровне эмансипированной фемины!

— Герберт, я достаточно хорошо тебя знаю. Ты протаскиваешь свои деловые методы в православие. Я не хочу сказать, что этих методов до тебя в нем не было, но я просто не хочу, чтобы ты занимался интригами... И еще не хочу, чтобы ты все время угрожал уйти от меня.

— То, что ты называешь «уйти», — это плод твоего воображения. «Уйти» — это значит связаться с другой женщиной, завести семью на стороне и вернуться лет через пять... То, что я заперся в своей комнате, не называется словом «уйти».

— Но ты жил три дня на даче...

— Но у нас больше нет дачи и мне некуда больше уходить. У меня нет своего автомобиля и нет денег на гостиницу.

— Я не хочу, чтобы ты оставался только потому, что тебе некуда уйти...

— Оставь меня в покое. Пожалуйста... Тобой бес крутит, которому очень не нравится все, что я делаю. Ты стоишь надо мной, когда мне надо делать рождественский номер газеты. А вчера ты приставала ко мне перед самой службой, чтобы лишить меня молитвенного настроения и воспрепятствовать моей проповеди!

— Я не думаю, что я делаю это с теми намерениями, о которых ты говоришь.

— Между тем это очевидный факт.

— Ты хочешь стать священником, чтобы окончательно покорить меня своей воле!

— Нет, ты хочешь, чтобы я стал священником, а ты будешь диктовать мне каждый шаг и указывать, кому отпускать грехи, а кому нет. Почему бы тебе самой не стать

священником? Только тебе нужно будет сменить конфессию. У англикан, например, модно возводить в сан священника женщин!

— Может быть, ты прав, и я лезу не в свои дела... — на глазах Эльзы показались слезы.

— Ну что мне ей на это сказать? Отче! — Герберт посмотрел на иконы. — Мне так тяжело с тобой. Легче справиться с сотней еретиков, чем провести одну беседу с собственной женой. Разве это нормально?

— Поверь, мне тоже с тобой нелегко.

— Отчего же?

— С тобой все происходит слишком стремительно. То ты бизнесмен, то ты священник. Согласись, перепады высот очень чувствительные.

— Давай помиримся, — неожиданно предложил Герберт.

— Хорошо, — согласилась Эльза, тем более, что продолжать разговор стало совершенно невозможно. Маленький Патрик лез из кожи вон, чтобы привлечь к себе внимание. Он разбросал целый ворох бумаг по полу и, валяясь на них, орал во весь голос. Когда родители не обратили на это должного внимания, он принялся рвать бумажки, среди которых были и документы со стола Герберта, и аккуратно складывать их в мусорное ведро, где покоилась убитая Гербертом рождественская музыкальная открытка.

23

Герберт отвечал в своей газете на набившие оскомину однообразные вопросы читателей. Почему бы Богу не явить Себя таким очевидным образом, что люди были бы просто вынуждены поверить в Его существование? Один из христианских авторов размышляет: «Моя вера страдает от избытка свободы, от множества искушений не доверять Ему. Временами я хочу, чтобы Бог настиг меня, превозмог мои сомнения полной определенностью, дал окончательные доказательства Своего существования и Своей заботы. Я хочу иметь дело с Богом, не вызывающим и тени сомнений, на Которого я могу уверенно указать моим сомневающимся друзьям». Однако далее продолжает: «Чем больше я познаю Иисуса, тем большее впечатление на меня производит то, что Достоевский назвал чудом Божьей сдержанности».

Иисус мог бы совершить такие внушительные, впечатляющие чудеса, что люди были бы просто вынуждены поверить в Него. Он мог бы исцелять целые города одним публичным провозглашением. Он мог бы совершить много других чудес, от которых захватило бы дух, и этим принудить людей поверить в Него. Но Бог

всегда сохраняет свободу воли, которую Он нам дал, когда сотворил нас.

Удивителен отказ Бога творить показательные и принуждающие чудеса. Ужасающее Божье уважение человеческой свободы так абсолютно, что Он дал нам силу жить так, как будто Его не существует, плевать Ему в лицо, распять Его. Бог настаивает на таком ограничении, потому что никакая пиротехническая демонстрация всемогущества не приведет к желаемому ответу нашего сердца. Хотя послушания можно добиться силой, только любовь может вызвать ответную любовь в нас, а ведь это как раз то, чего Бог хочет от нас. По этой причине Он и создал людей.

Если бы Бог показал нам всю Свою безграничную мощь, Он мог бы вынудить нас поверить в Него. Ему ничего не стоит заставить нас повиноваться Ему. Он мог бы приказать нам всё, что угодно. Но то, чего Бог действительно желает, — чтобы мы познали Его как Отца, Друга, Утешителя, Советника и Господа добровольно, а не по принуждению.

Он уже дал нам более чем вескую причину верить в Него, но Он не принуждает нас. Это видно из слов Иисуса: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною».

Он входит в нашу жизнь, если мы позволяем Ему. И если мы искренне хотим узнать, каков Бог, Он поможет нам найти Его и познать Его.

Православное христианство, или, точнее, Бог и Его Христос присутствуют среди нас, чтобы дать нам свидетельство. Возможность для людей осуществить свободу быть чадами Божиими им дана, сохраняется, гарантируется и осуществляется живым Богом, Который привел людей в этот мир, как сказал преподобный Максим Исповедник, по Своей милости, которой Он и является по своей природе... если только они имеют глаза, чтобы

видеть, уши, чтобы слышать, и разум и сердца, чтобы понимать.

На чем мы строим свою жизнь? Каждый человек, независимо от того, верующий ли он, строит жизнь на определенном основании. Основание нашей жизни — это то, на что мы возлагаем надежду и во что мы верим. Может быть, это мы сами. Мы утверждаем: «Я знаю, как добиться успеха в жизни, просто мне нужно приложить достаточно усилий». Это может быть наш стиль жизни: «Если я заработаю столько-то денег, жизнь будет просто превосходна». Или даже промежуток времени: «Ближайшие годы принесут позитивные перемены в мою жизнь».

У Бога другая точка зрения. Он говорит, что напрасно возлагать надежду на себя, на других людей или на что-либо, предлагаемое нам этим миром.

Напротив, Бог хочет, чтобы мы возлагали свое упование на Него. Он говорит: «Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое».

Есть мудрость в том, чтобы призывать Бога вмешаться в нашу жизнь во время бедствия. Но Божье намерение по отношению к нам состоит в том, чтобы мы жили умиротворенно и полноценно в любых обстоятельствах. Он хочет внести добро и плодотворность во все сферы нашей жизни. Когда мы полагаемся на Него, мы строим свою жизнь на Скале.

Некоторые люди чувствуют себя безопасно, будучи детьми мультимиллионеров, некоторые спокойны, потому

что научились управлять и манипулировать другими людьми для извлечения личной выгоды. Есть безопасность прочнее, она в том, чтобы иметь личные взаимоотношения с Богом.

Бог всемогущ. В отличие от нас, Бог знает, что произойдет завтра, на следующей неделе, в следующем году, в следующем десятилетии. Он говорит: «Я Бог, и нет иного Бога, и нет подобного Мне. Я возвещаю от начала, что будет в конце». Он знает, что произойдет в новом тысячелетии. Что более важно, он знает, что произойдет в вашей жизни, Он будет с вами, когда это произойдет, если вы пригласите Его в свою жизнь. Он говорит, что может быть «нашим прибежищем и силой, скорым помощником в бедах».

Но мы должны искренне стремиться найти Его. Он говорит: «Взыщите Меня и найдете, если взыщете Меня всем сердцем вашим».

Это не значит, что те, кто знает Бога, не столкнутся с трудностями в жизни. Обязательно столкнутся. Если страна будет переживать экономический кризис и бедность, то страдания затронут и тех, кто знает Бога. Но присутствие Бога приносит мир и силу. Один последователь Христа когда-то сказал: «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем». Реальность говорит нам, что мы столкнемся с проблемами. Однако если мы будем проходить через них вместе с Богом, мы можем реагировать на них с иным отношением и проявлять силу, которая далеко превосходит нашу собственную. Нет проблем, которые были бы непреодолимы для Бога. Он больше всех проблем, которые могут настичь нас в жизни, и мы не оставлены с ними один на один.

Великая Божья сила, которая может быть явлена в наших жизнях, сопровождается Его глубокой любовью. Новое тысячелетие может стать временем полного мира на земле

или принести множество конфликтов и насилия. В любом случае никто не сможет любить нас так, как любит Бог. Никто не будет заботиться о нас так сильно, как Бог. Его Слово говорит нам: «Благ Господь, убежище в день скорби, и знает надеющихся на Него». «Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас». И еще: «Праведен Господь во всех путях Своих и благ во всех делах Своих. Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его в истине. Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их».

Иисус Христос сказал своим последователям утешительные слова: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц». Если вы обратитесь к Богу, он будет заботиться о вас, как никто другой.

24

Несмотря на то что дело Герберта болело всеми возможными недугами, все-таки оно являло собой практически единственный источник средств. Бог, видимо, в отличие от Герберта Адлера относящийся к деньгам со всею Божественной серьезностью, не желал отпустить своего подопечного в пампасы внефинансовых идиллий. Неожиданно он прислал к Герберту индуса Лакшми Вишну Мишра, с которым тот встречался несколько раз за последние два с половиной года и потерял уже всякую надежду получить хоть какую-нибудь материальную выгоду. Лакшми дарил Адлерам свадебные костюмы, сшитые в индийском стиле. Привозил много литературы от Сатья Бабы и увесистые мешочки с прахом, материализованным этим индийским пророком из воздуха. Герберт принялся просто дружить с ним и уже ничего не

ожидал от этого немолодого человека с другой планеты под названием Индия, с вызывающе темным цветом кожи, переходящим из коричневого в вовсе уж черный.

Для Герберта оставалось загадкой, почему деловые партнеры из Индии активизируются именно зимой и приезжают встречаться с ним в лютые холода, хотя ведь для индуса и минус пять — очень холодно.

Лакшми был старомоден. Он обещал прибыть на поезде со своим молодым партнером, который и должен был подписать с Гербертом договор и заплатить деньги. Герберт настолько уже привык к пустым обещаниям Лакшми, что, в общем, не ждал никакой выгоды и от этой встречи.

Приехав на вокзал за десять минут до прибытия поезда, он вышел на платформу. Было холодно. Начало побаливать горло. Герберт порылся в карманах красивой куртки, которую не надевал с конца прошлой зимы. Там он нашел листочек с девяностым псалмом. Видимо, он положил его в карман на Пасху. Герберт машинально пробежал глазами написанное и внезапно понял, что стоит и молится. «Живый в помощи Вышняго... Речет Господев: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна...»

Наконец, как уродливый монстр, подкатил локомотив, совершенно потерявший благородный облик паровозов прошлого. «Оружием обыдет тя истина Его, не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая, от сряща и беса полуденнаго...» Странно, почему Бог подложил ему в карман именно этот псалом?

Поезд оказался практически пустым. Никого даже с отдаленно индусской внешностью на нем не прибыло. «Скорби, изму его, и прослаблю его; долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое...» На душе у Герберта, как ни странно, стало легче. Он аккуратно сложил листочек с псалмом и положил его обратно в карман. Честно говоря, его напрягали эти встречи. Он

давно подписал бумаги и получил деньги от другой группы индусов. Деньги были потрачены. И то, что Лакшми пытался купить у него, Герберту сейчас было трудно обрисовать даже самому себе. Право на заключение сделок от лица компании, которую Герберт когда-то создал, чтобы конкурировать с самим собой, во времена борьбы с пресловутой Анной на шее, той самой директрисой в бизнесе Адлера, которую он совершенно изничтожил, победил, простил и уже даже не преследовал за судебные долги. Невозможно же каждый день повторять «и остави нам... как и мы оставляем должникам», и не оставлять таки буквально... Так что Герберт продавал даже не воздух, а вакуум, но поскольку Лакшми, похоже, ничего и не собирався покупать, то и говорить было не о чем, кроме как об индийской философии и религии.

Герберт устало, исключительно для галочки, заехал в офис сообщить, что «эти погонщики слонов снова его подставили», но был резко оборван секретаршей.

— Они тут. Прибыли на такси.

Герберт прошел в комнату для деловых встреч. Время не меняло посланника таинственных махараджей. Лакшми по-прежнему покачивал головой из стороны в сторону так, словно пародировал сам себя. С ним был еще более темнокожий молодой человек по имени Кумар. Герберт вспомнил, что Лакшми уже привозил с собой этого человека. Тогда с ним был и третий — его солидный покровитель с напыщенным видом индийского министра. Кажется, его представили как директора сети больниц. Теперь именно он послал Кумара на встречу с Адлером.

Герберт, как и в прежние разы, устало, но достойно изложил свое видение сделки, что было просто, поскольку договора давно были готовы и напечатаны. Прежде чем читать бумаги и выплясывать перед потенциальными партнерами, Герберт как бы невзначай спросил, как они собираются платить.

— Трэвел-чеки, — ответил Кумар и достал огромную пачку дорожных чеков Американ-экспресс с индийскими письменами на них.

«Такими детскими денежками можно Патрику дать поиграть», — подумал Герберт, но несказанно обрадовался: похоже, перед ним замаячила перспектива получить весьма крупную сумму.

— Вы их поменяйте на доллары... — мимоходом попросил Герберт, который и представить не мог, как это он явится в свой банк с ворохом индийских дорожных чеков. Кумар согласился. Герберт оживился пуще прежнего. Теперь он снова был на коне. В считанные часы была создана программа, которая действительно могла обогатить и его, и партнеров. Договора были подписаны, и индусы в сопровождении секретарши отправились менять чеки. Герберт остался в офисе готовить дополнительные документы. Теперь вместо вакуума, который он продавал утром, в его сознании вертелась прекрасная бизнес-идея, и ему не терпелось ее осуществить. По сути, он получил контракт с сетью индийских госпиталей. Пусть Индия не пользуется прекрасной репутацией, но теперь он мог начать конкурировать сам с собой, чего ему уже очень давно хотелось, то есть получать деньги за себя и за конкурента, которым, прикрываясь новыми партнерами, был бы он сам.

— Все законно и очень остроумно, — похвалил он себя и заказал вегетарианскую пиццу, поскольку спутник некроважного Лакшми тоже оказался вегетарианцем.

Опытный взор Герберта сразу определил, что индийские гости вернулись с деньгами. Последовала напряженная сцена пересчета купюр. Герберт пересчитал дважды — получалось, что Кумар переплатил ему полторы тысячи. Он учтиво отдал излишек растерянному индусу.

— А печать у вас есть? — немного взволнованно спросил Кумар, рассматривая расписку в получении десяти тысяч долларов.

— Вы спрашиваете, есть ли у нас печать? — весело переспросил Герберт и попросил секретаршу принести золотые наклейки для печатей, которые контора Герберта использовала исключительно для сертификатов. Торжественно пропечатав по золоту, Герберт выдал расписку Кумару. Теперь все было в порядке, и, сославшись на неотложные дела, Герберт потихоньку смылся из офиса.

Дома он нетерпеливо пригласил к себе в кабинет Эльзу, Джейка и даже маленького Патрика, который терпеть не мог, когда от него запирались, и разложил на столе сокровище. Джейк одолжил свой переносной несгораемый сейф, и они, пересчитав деньги, погрузили их в уютное хранилище и заперли на ключ, потом принялись искать место, куда спрятать сейф и наконец решили оставить его на самом видном месте, чтоб никто и не подумал, будто он представляет какую-либо ценность.

— Пусть это будет наш фонд на всякий пожарный случай, — предложил Герберт и стал перечислять случаи, которые могли заставить их немедленно потратить эти деньги. Основную часть списка составляли невыплаченные долги, которых набралось в пятнадцать раз больше заныканной суммы.

Эльза погрузилась.

— Ну а если нам удастся избежать всех этих пожарных случаев, мы построим на эти деньги золоченую луковку с крестом на нашей церкви...

— Угу... — скучно поддакнул Джейк.

— А как ты предлагаешь их использовать, если все мои опасения о требованиях немедленной выплаты долгов рассеются? Ты бы поехал на Карибы? — задиристо спросил Герберт.

— Почему, я тоже заказал бы золоченую чесноковинку для нашей церкви, — ответил Джейк, который, как домашнее дитя, был крайне рассеян и не следил за тем, какие именно золоченые овощи нужно водружать на

крышу самозванной церкви, занявшей место обеденного зала, где Джейк так любил смотреть огромный плоский телевизор...

Острое осознание себя белой вороной пронзило Герберта. «Лишь легкий звук сопения нарушает мою пустопорожность!» — внезапно подумал он.

25

Внезапно после почти полугодового молчания Герберт получил письмо от Андрея Виригина. «Никак не уймется! Неужели знакомство со мной было для него вершиной жизни, Джомолунгмой...»

Герберт неохотно пробежал текст глазами.

«Как видишь, я не забыл... Поздравляю тебя с Рождеством твоего сомнительного Бога. Надеюсь, твой бизнес пошел на поправку. «Денег нет совсем» из твоего последнего письма звучало вовсе тоскливо. Вспоминается Довлатов: американцы думают, что голод — это питаться консервами. У меня вот деньги есть: пятнадцать тысяч рублей в месяц, из которых больше трети я отдаю за угол в бомжатнике. Живу, не жалуюсь. Бывали времена и похуже. Не всем же курить гашиш в Барселоне, кому-то надо дымить коноплей в Кузьминках.

Главное, что вопреки всему я в Москве. Спасибо чудесной риэлторше, у которой, кстати, было куда больше оснований отказать мне в помощи, чем у Веты. С восторгом узнал, что ты присылал Насте начало романа, который ты сейчас пишешь, предупредив при этом, что главный герой — алкоголик, изменяющий беременной жене, — списан с меня. Grand merci. Ты даже имя не поменял.

Ты чудесный в своем простодушии человек, Герберт. Даже странно, что при твоей наивности ты сумел добиться

успехов в бизнесе. Ты мог навести обо мне справки, и тебе бы сказали, что с деградантом Андреем Виригиным не следует иметь никаких дел. (В свое время я был уволен из небольшого столичного издательства после проверки на детекторе лжи, показавшей мою склонность к алкоголизму, воровству, игромании и сверх того — наличие у меня опасной для окружающих болезни. Полный бред, конечно...) Вместо этого ты без раздумья доверил совершенно незнакомому человеку значительные суммы. С четырьмя нулями, в североамериканских долларах. А ведь у тебя уже был печальный опыт с гением мультипликации, скрывшимся с авансом. Мне, кстати, не составляло труда найти его (сумел же я узнать, что в России ты в розыске), но это тебя, кажется, мало интересовало. Честно говоря, не верится, что ты способен на преступление, хотя факты говорят об обратном. Скорее всего, ты попросту не хотел топтать сапоги в советской армии и попал в уклонисты.

То, что произошло между нами в начале мая, я имею все основания считать предательством. Ты называл меня своим другом, но это не помешало тебе поступить так, как ты поступил. В начале мая я жил в долг в неоплаченной квартире, письма мои ты игнорировал. Даже если бы нас связывала лишь вертикаль «начальник — подчиненный», у меня были бы все основания иметь к тебе претензии. Тебя совершенно не интересовало, как, не имея за душой ни копейки, я выбрался из Москвы. Ты попросил американский банк перевести деньги с моего счета на твой, — дескать, парень совсем без денег, не может ждать восстановления карточки, я ему сделаю перевод. Полностью я эти деньги не получил до сих пор. Ладно, к черту «о грусти этих дней»... Удачи тебе, Герберт. Я и вправду думал, что ты особенный, я огорчился твоим книгам, безуспешно стараясь найти в них отблески настоящей литературы. Я уберег тебя от слов Сергея Юрьевича Юрского (насколько жестких, настолько и верных), зная, что они тебя больно ранят. Я придумал

формулировку «достойный писатель», которую слышали от меня и Сергей Юрьевич (человек с безупречным вкусом и чутьем на фальшь), и Валентин Иосифович Гафт, и Настя, и Вета, и многие-многие другие. Наверное, я был не самым хорошим литагентом, но упрекнуть себя мне не в чем — я старался делать все, что было в моих силах.

А. В.»

Отвечать на письмо бесполезно. Тем более он теперь опять пустился в запой. Как тонко написано... Совершенно игнорируется тот факт, что большую часть мая мой литагент провел в бессознательном состоянии алкогольной дезориентации, валяясь в московской квартире, оплачиваемой мною же... Еще поразительней, что этому типу все время хочется высморкаться на мои литературные дарования...

Конечно, он прав. Богатый на бедняка не похож. Но, похожему, я с ним расплатился. И даже если и не додал ему каких-то денег — ну пришло я ему еще, а он только больше упьется... Когда судьба человека стала неузнаваемой даже им самим, ее нужно переписывать начисто. Напрасно я гордо показал себя со своими книгами славянам. Эти Виригины представляют собой удивительную смесь высокой тоски и низменной дряни. Ежеминутно судорожно ищут друг друга, чтобы напиться и начистить напарнику рыло. Вечное перещелкивание, перестукивание, легкая воспламеняемость, в присутствии которой мне всякий раз становилось не по себе...

Редактору Герберта Андрей прислал такую записку: «Можете, конечно, мне не верить. Но вот что пишет один из других, обманутых Адлером, людей. Пройдите по ссылке, почитайте. Герберт Адлер — мошенник и лжец». Далее следовала ссылка на некую Сару из Израиля, которой Герберт не доплатил денег за исследовательский проект, потому что ему самому не заплатили спонсоры...

Дело было путаное. Пострадали двое: сотрудницы из Бельгии и со Святой Земли. Дама из Бельгии прислала Герберту коробку отличного бельгийского шоколада, открыв ему глаза, что все, что до сих пор ему подсовывалось под названием «бельгийский шоколад», было сущим надувательством. Герберт с трудом вынул из собственного кармана долг и расплатился с бельгийкой. Сара же принялась угрожать Герберту чуть ли не рэкетом, какими-то криминальными русскими, которые выбьют из него долг. Герберт усмехнулся, пожелал ей «хорошего приговора на страшном Суде», как у израильтян принято желать в канун кипура. Ничего он ей не заплатил, тем более что был более чем уверен, что она, как водится, раздувала счета и наворовала у Герберта раза в два больше, чем ей полагалось. Вот на Сарину злую реплику в Интернете и прислал ссылку Андрей. «За свою деловую карьеру я имел дела с сотнями, может, тысячами людей. И вот только двое недовольных: Сара из Израиля и Андрей из бомжатника...» — подумал Герберт.

Редактор ответила и прислала копию ответа Герберту:

«Андрей, весь день о вас думаю, думаю. И до сих пор не понимаю, чем уж он вас так обидел, Адлер? Почему столько эпитетов негативных? Ну работали вы на него. Ну перестали. Простились. Бывает. Что он так болит в вас до сих пор? Авторы имеют право нас осуждать, а мы их — нет, мы какое-то время были их помощниками (работа у нас такая) и никогда не врагами. А вы вдруг так агрессивно склоняете (не когда работали, а уже потом, потом...) Герберта Адлера — а и за что? Что он вам плохого сделал? Благодаря ему в Москву переехали, с Гафтом подружились, к Юрскому ходили и т. д. И разве вы не гордились своим диском (режиссер и продюсер)? И все это было прожито вместе с Гербертом Адлером. Андрей, мне кажется, вам нужно учиться быть благодарным. А вы зачем-то теперь так глумитесь над своим не только работодателем, но и другом бывшим. Что это? Вот вы пишете в живом журнале:

“Будущее окутано мраком. Наконец-то забрал с Петровско-Разумовской семь дисков с аудио-книгой бездарного, как обоссанный матрас, Герберта Адлера. Все-таки моя фамилия на обложке: режиссер и продюсер. Взял вот грех на душу, уговорил замечательного артиста читать эту дрянь”.

Вы считаете, что сравнение человека с матрасом делает вам честь как литературоведу? Что вами движет? Может быть, раскаянье, что запятнали свое доброе имя общением с недостойным, на ваш взгляд, человеком? Но ведь никто вас не заставлял, это был ваш выбор, Андрюша. И это был выбор Гафта — читать или не читать текст Адлера. И ведь вы теребили, тормозили, правили еще не вычитанный текст, то есть вам хотелось ведь работать? И почему вдруг во всем Адлер виноват? Ату его? (“Мариену Стюарт зовутся все мои несчастья”?)

Андрей, а может, именно с Адлером и состоялся самый творческий, светлый и созидательный период вашей жизни?

И вот еще, вы пишете: “взял грех на душу...”. Разве не грех на вашей душе то, что вы завалили Адлеру всю работу в России? Андрей, ведь это не секрет. Вы пьете, и в мае были в длительном запое. У Герберта из-за вас пропало много денег и связей. Между тем доходы от продажи его романов и дисков, какие-никакие, а приходят к вам, и вы не собираетесь ему их перечислять.

Андрей, я понимаю, что писать вам бесполезно, но все же я должна была ответить.

Мне искренне вас жаль».

Редактору Герберт посвятил стихотворение:

Скупая вязь чуть узловатых букв
 Похожа на признание виноватых.
 И хочется поплакать просто вслух,

Без суеты, без смуты, без утраты...

И так, стремясь к полночному ростку,
Предвосхищая хлеб грядущей ночи,
Мы все в какой-то мере на виду,
И вышедшие ростом, и не очень...

Устав изрядно от истертых фраз,
Мы надеваем новые оковы,
И прорастаем в свой иконостас
Из узловатых букв Молитвослова.

Не потревожив незнакомых птиц,
Плетущих гнезда в аккуратных строчках,
Мы извлекаем из святых страниц
Всё то, что утаили многоточья...

А по углам струится наша быль.
Как хорошо, что воскурился ладан!
Ведь под кроватью бес, глотая пыль,
Не спит, не ест (ведь бесам есть не надо)...

А мы ему на хвост святой водой.
И пусть изыдет, чертовое войско!
Я так искал в религии покой,
А в ней нашел борьбу и беспокойство...

Я так искал в религии мечту,
Но обнаружил отягченный трепет.
Хочу молитв — молитвы перечту,
А сам скажу — так выйдет жалкий лепет.

Мой милый друг, скучаю по тебе,
По нашим шуткам и гульбе веселой.
Ты отдалился, — или просто мне
Немного давят новые оковы.

Вернись ко мне, мой милый шалопай,
И побежим по лужам, точно прежде...
И нас оденет непутевый май
В свои простые внешние одежды...

26

«Пока все идет хорошо, особенно так кажется в сумерках, где царствуют спокойствие и прохлада...» — с удовольствием рассудил Герберт, любивший проводить время в полумраке своей часовни. Потянув воздух носом, он подумал, что хорошо бы покадить, а то запах ладана совершенно выветрился.

Вообще чтецы не кадят, пока их не рукоположат во диаконы, но мирянину можно покадить свой дом, а поскольку часовня домовая, Герберт заключил, что не велик грех, если он покадит. Тем более было совершенно необходимо испытать новое кадило. Неуклюжий Герберт плохо справлялся со всем, что требует минимальной аккуратности.

Для солидности он облачился в подрясник и взял свое новое кадило, гораздо большего размера, чем старое. Подцепив угольный кружочек щипчиками для сахара, Герберт поднес его к зажженной свече. Сначала уголек не реагировал на жар, но вдруг словно по цепной реакции по его поверхности забрызгали искорки и стремительно принялись осваивать черное пространство уголька. Запахло теплом, и Герберт аккуратно положил уголек в кадило. Затем он теми же щипчиками взял три комочка ладана и бросил на уголек.

Герберт принялся кадить иконы. Дым валил, как из паровоза. Он явно не рассчитал, что новое кадило имеет гораздо более эффективную конструкцию, и через минуту небольшое пространство часовни было заполнено ароматом

ладана. Поскольку кадило и не думало гаснуть, Герберт решил покадить весь дом. Силы злокозненные опасаются этого благотворного дыма и бегут прочь, недаром говорят: «Боится, как черт ладана».

В кухне Герберту повстречалась китайская нянечка, все еще не отказавшаяся от комсомольских замашек. Правда, она как-то даже изъявила желание принять крещение, и Герберт послушно нашел в Интернете и распечатал для нее молитвослов по-китайски и Евангелие, однако, когда в связи с кризисом пришлось снизить зарплату, у китайки интерес к православию пропал.

Герберт дружелюбно похвастался кадилом и порадовался, что Патрик спит и не выхватывает у него из рук опасный предмет с раскаленным угольком. Затем он ввалился в рабочую комнату Эльзы, где та занималась кройкой и шитьем. Эльза разговаривала по телефону. Там же сидел и Джейк, недружелюбно отреагировавший на появившегося отца в черном одеянии с кадилом. «Опять крыша поехала», — прочел Герберт во взгляде карих глаз сыновний приговор.

Герберт безуспешно попытался заинтересовать Джейка пиротехническими перспективами повозиться с кадилом с далеким прицелом, поскольку сам этого не любил и искал, на кого бы сбавить обязанность подготавливать и подавать кадило священнику во время литургии.

Потом постарался привлечь внимание Эльзы, но та была слишком увлечена телефонным разговором.

— Мама, успокойся, — говорила Эльза. — Ты никому ничего не должна...

По обрывкам фраз Герберт понял, что речь идет об очередных разборках и вышел из комнаты. В коридоре он натолкнулся на Энжелу, которая только что привезла машину, потому что Джейку хотелось всей семьей поехать в кино. Энжела недружелюбно посмотрела на кадило и, поприветствовав Герберта легким кивком, прошла мимо.

Герберт отправился тушить уголек.

Украдкой он по-прежнему сочинял стихи.

Если вы спросите: «В чем же тут дело?
Что тебе нужно от жизни еще?»
Я не отвечу, а лишь неумело
В вас запущу я в ответ кирпичом.

Если вы спросите: «Что тебе надо?
Разве не всё тебе дали сполна?»
Я не отвечу, а только парадно
Выпью свой кубок молчанья до дна.

Здесь нет вопросов, как возле раздачи,
Мы не пропойцы, и нету пивной...
Я представлял эту жизнь чуть иначе —
Нет, не цветистей, а просто другой.

На суету не меняется мода,
Тихо струится над памятью дым,
Я не ропщу, становясь год от года
То ли светлее, а то ли седым.

Я извлекаю из пыльных альбомов
Давние фото и шурюсь на них...
Жизнь и тогда ведь текла невесомо,
Как перед утром приснившийся стих.

Господи, Боже, прости меня, милый.
Я не хочу Тебя вовсе гневить.
Всё хорошо, и до самой могилы
Я как-нибудь постараюсь дожить.

Я буду верить в Тебя непременно
И отслужу много тысяч молитв,
Ты ж за мое поведение примерное

Дашь мне немного на небе пожить.

Я буду волю Твою без простоя
С тихим смиреньем всегда исполнять.
Бог, говорят, существо препростое.
Что ж препростое так сложно понять?

Вдруг все засобирались. Эльза закончила разговор, и оказалось, что они опаздывают в кино.

По дороге Эльза рассказала суть конфликта, бушующего по новому месту жительства ее родителей.

— Папа сломал ребра. Упал в гололед. У них морозы — сорок градусов. «Жигули» его не завелись... Баба Маня...

— Сколько ей лет? — спросил Герберт об Эльзиной бабушке, которая, ко всеобщему удивлению, все еще была жива.

— Девяносто два года... Так вот, баба Маня в очередной раз собралась умирать. Они забрали ее из однокомнатной квартиры в городе и увезли к себе в деревню, к черту на кулички. Но бабулька выжила, причем всех достала чрезвычайно. В результате они отвезли ее обратно, но тут она снова сообщила, что умирает. Мама сказала, что так не может, и собралась ехать к ней на автобусе, до которого нужно брести три километра по морозу, и ловить его на трассе, причем еще неизвестно, остановится ли он. А мама только из больницы выписалась, где лежала с аритмией. Папа, который перенес третий инфаркт, полез чинить машину и все-таки ее завел. Но было поздно. Мама уже уехала на автобусе. Он поехал следом на машине. До города сто километров. Они приехали к бабушке, вымыли ее, накормили, и она перестала умирать. У нее есть нянечка, но ей было важно, чтобы сын лично проявил заботу. Поскольку остановиться негде, они тыркнулись к моему брату, с которым не разговаривают уже полгода. Если верить их словам, он их обматерил и не пустил. Ночевали чуть ли не в подъезде.

— Как всё это мне напоминает их славное пребывание у нас... — вздохнул Герберт. — И чего им здесь не сиделось?

— Беспокойные души, — подвела итог Эльза, стараясь оставаться спокойной.

Несколько недель спустя Эльзе придет сообщение от брата: «Сегодня после обеда умерла баба Маня...»

Герберт скажет: «Невозможно поверить... Столько лет мы провели под сенью шуток о вечноживущей бабе Мане».

«Ничего нет вечного...» — тяжело вздохнет Эльза и закажет панихиду...

А пока они опаздывали в кино минут на десять и поэтому решили поехать в японский ресторан и там полакомиться суши, отпраздновать успешное заключение сделки с индусами. Энжелу на всякий случай посвятили в тайну, где спрятаны деньги. В общем, наверное, это была по-прежнему очень крепкая семья.

В ресторане, где Адлеры давно не были из-за финансовых сложностей, они с непривычки заказали больше, чем могли съесть. Разговор зашел о Энжеле и ее разлуке с мужем.

— Мы вчера поссорилась. Сказала, что не хочу ехать к нему на Рождество. И что я там буду делать? Сидеть в однокомнатной квартире и ждать его с работы? И вообще сказала, что вся эта затея его мамы насчет его отъезда яйца выеденного не стоит. Такую же работу можно было найти и здесь, незачем было бросать дом и мчаться на край света. А он сказал: если мне не нравится, то можно развестись.

— Ну. Я говорил, что этот брак вряд ли продлится дольше двух-трех лет. Но тебе ведь очень хотелось выйти замуж? — спросил Герберт. — Да, — согласилась Энжела, — особенно мне хотелось свадьбы...

— У тебя было два свадебных платья... — напомнила Эльза.

— А теперь мне с ним скучно...

— С платьем? — уточнил Герберт.

— С мужем, — ответила Энжела.

— Но ты же просила найти тебе принца. Вот он — типичный прынец, — заявил Герберт, которого радовало, что разговор не вызывает у Энжелы раздражения. — Так ты не хочешь к нему переезжать?

— Нет.

— А чего ты хочешь? — настаивал Герберт.

— Куда-нибудь поехать... Например, в Италию...

— В Италии сейчас холодно. Дожди...

— Ну, тогда в Испанию...

— Там тоже дожди, наверное... Зима все-таки... — рассудила Эльза.

— Короче, все вернулось на круги своя, — вздохнув, подытожил Герберт. — Как тогда, после разрыва со Стюардом... Ты тоже хотела путешествовать...

— Ну, что же, остается скорбеть об этом... — задумчиво промолвила Энжела, чей русский язык значительно исправился после длительного общения с русским мужем.

— Хочешь, я выделю тебе тысячи три и поедешь куда хочешь? — устало спросил Герберт.

— Нет... У меня не хватит смелости.

— Ну. Соверши какой-нибудь поступок, на который у тебя хватит смелости.

— Я, пожалуй, закажу себе мартини. Это поступок?

— Безусловно, — согласились все.

— Так тебя везти в воскресенье в аэропорт или нет?

— Конечно, ведь его мама заплатила за билет, чтобы я съездила на случку...

Энжела не поняла, почему родители рассмеялись. Она все-таки не очень хорошо знала значение некоторых русских слов. Чета Адлеров не стала пояснять. Просто сказали, что она смешно выразилась.

На обратном пути Энжела включила свою музыку. Герберта раздражала эта дребедень. Он риторически вопрошал:

— Ну что это за музыка? Где Бетховен? Где Шопен? Где Моцарт?

— Они умерли, — лаконично ответил Джейк.

Им было хорошо и легко, они смеялись всю дорогу и чувствовали себя счастливыми, как встарь. Дети уехали к Энжеле, а Эльза пошла купать Патрика. Тому очень нравилось зеленое мыло, и он не захотел с ним расставаться и после ванны. Любая попытка отобрать у него кусочек мыла заканчивалась громогласным ревом.

Так он и заснул в обнимку с мылом.

Человек, который хочет, чтобы вы знали о его чувствах и мыслях, всегда рассказывает вам о них. Так же поступает и Бог, с той только разницей, что Он всегда говорит правду.

Всё, что Он говорит о Себе или о нас — абсолютная истина. Его слова заслуживают больше доверия, чем все наши чувства, мысли и ощущения. Всё, что говорит Бог, истинно и непреложно. Мы смело можем положиться на каждое Его обещание. Каждое Его слово верно.

Хотели ли бы мы никогда не совершать ошибок? Можете ли вы себе такое представить? Бог никогда не ошибается. Его мудрость безгранична. Он знает всё, что происходит в нашей жизни, как и почему это происходит. Он знает всё и о прошлом, и о будущем. Нам не нужно сообщать Ему «свежие новости», советовать или убеждать поступить правильно. Он безусловно сделает это, потому что Он свят и благ во всем.

Если мы доверимся Ему, Он никогда не сделает ошибки из нашей жизни, никогда не оставит и не предаст. Во все времена, во всех обстоятельствах Его решения благи и достойны доверия. «Да не постыдятся и все надеющиеся на Тебя...».

Бог доказал Свою любовь к нам. «Ведь Бог так полюбил этот мир, что отдал своего единственного Сына, чтобы каждый верующий в Него не погиб, но имел вечную жизнь». Бог даровал нам жизнь вечную. Что такое вечная жизнь? «Ведь вечная жизнь состоит в познании Тебя, единственного истинного Бога, и Иисуса Христа, Которого Ты послал».

Если мы выбрали свой собственный путь — жизнь без Бога, в этом повинен каждый. Мы предпочитаем жить по своим законам, а не так, как угодно Богу. Мы либо открыто не повинемся Богу, либо просто не обращаем на Него внимания. Такую жизненную позицию Библия именует грехом. Мы все находимся в одинаковом положении «Все согрешили, и лишены славы Божьей». Каждый из нас

страдает от последствий своего греха, «ведь возмездие за грех — смерть».

Бог свят, а мы грешны, поэтому нас разделяет огромная пропасть. Никакие попытки заполнить пустоту в душе работой, отношениями с людьми, деньгами, спортом не могут увенчаться успехом, поскольку причина проблемы — наш отход от Бога — остается без должного внимания.

Есть ли решение этой проблемы греха? Пожертвовав ради нас Своей жизнью, Иисус Христос открыл нам путь к общению с Богом. Иисус Христос — личность, равной которой не знала история. «Иисус говорил: “Я — есть путь, истина и жизнь. Никто не приходит к Отцу, как только через Меня”». Он может примирить нас с Богом. «Когда-то вы были далеки от Бога и враждебны Ему в своем разуме, направленном на злые дела. Но сейчас Бог примирил вас с собой тем, что Христос в своем земном теле прошел через смерть». Иисус Христос имеет власть над смертью: «После своего страдания Он предстал перед людьми живым со многими доказательствами. Иисус являлся им еще в течение сорока дней и говорил о Божьем Царстве». Иисус принял на Себя наказание за наш грех, отдав Свою жизнь на кресте. Воскреснув из мертвых, Он лишил грех смертоносной силы. Иисус Христос предлагает нам вернуться к Богу и освобождает от власти греха. Чтобы узнать Бога и начать общение с Ним, необходимо принять Христа. Нам нужно принять Бога. «Но всем тем, кто Его принял и кто поверил в Его имя, Он дал власть стать детьми Божьими».

Принять Бога — значит признать перед Богом свою вину за то, что отвернулись от Него; поверить в то, что Бог полностью простит нам эгоцентризм на том основании, что Христос уже заплатил за наш грех Своей смертью; принять решение следовать за Христом и признать Его своим Господом.

Среди дюн во Фландрии стоит массивный деревянный крест с образом Спасителя и почерневшей от времени резной надписью:

Я — Свет, а вы не видите Меня.
Я — Путь, а вы не следуете за Мной.
Я — Истина, а вы не верите Мне.
Я — Жизнь, а вы не ищете Меня.
Я — Учитель, а вы не слушаете Меня.
Я — Господь, а вы не повинуетесь Мне.
Я — ваш Бог, а вы не молитесь Мне.
Я — ваш лучший Друг, а вы не любите Меня.
Если вы несчастны, то не вините Меня.

Если что-то в этом мире обретает бытие, это, как правило, вызвано чем-то еще. У книги есть автор. Музыка написана композитором. Всё, что имеет начало, точку отсчета, имеет причину, по которой оно начало существовать.

Возьмем, к примеру, Вселенную. Когда-то ученые придерживались теории о том, что Вселенная существовала всегда и не имела начала.

Космологический аргумент сейчас называет «большой взрыв» точкой отсчета, началом существования Вселенной. Наша Вселенная с пространством — временем — материей — энергией, по мнению большинства современных ученых, имела определенный и единственный начальный момент своего существования.

Так как она существовала не всегда, а когда-то появилась (была уникальная точка отсчета ее начала), значит, другая реальность вызвала ее появление или стала причиной ее создания.

Всё, что мы видим вокруг, имеет начало. Бог, однако, принадлежит к другой категории, и так и должно быть. Бог отличается от всего в природе и в жизни людей, от всего, что есть в мире, тем, что Он всегда существовал, и существовал независимо от всего, что Он создал. Бог —

бытие, не зависящее ни от кого и ни от чего, самодостаточное. Именно таким Бог изображен в Библии, именно таким открывается Бог людям. Почему Бог должен быть таким?

Нашу Вселенную нельзя объяснить никак иначе. Сама себя она не могла вызвать к существованию. Она не существовала вечно. И она не могла бы быть сотворена чем-то, что само было сотворено. Было бы непоследовательным утверждать, что Вселенная была сотворена Богом, но Бог в свою очередь был сотворен Богом, обладающим силой второго порядка, кто, в свою очередь, был создан Богом, обладающим силой третьего порядка и так далее. Как убедительно утверждал Аристотель, должна быть реальность, служащая первопричиной, сама же в первопричине не нуждающаяся (вызывающая движение, сама же остающаяся неподвижной). Почему? Потому, что если есть бесконечное обратное движение первопричин, тогда, по определению, весь процесс не начался бы никогда.

Рассмотрите основные религии мира и найдете, что Будда, Мухаммед, Конфуций и Моисей называли себя учителями и пророками. Никто из них не приравнивал себя к Богу. Ко всеобщему удивлению, это было сделано Иисусом. Это и отличает Иисуса от всех остальных. Он сказал: Бог существует и вы видите Его. И хотя Он говорил о Своем Небесном Отце, делал Он это, находясь не в положении разделения с Ним, но единства, уникального для всего человечества. Иисус сказал, что любой, кто видел Его, видел Отца: любой, кто верит в Него, верит и в Отца.

Он произнес: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни». Он заявлял, что имеет качества, свойственные только Богу: способность прощать людям их грехи, освобождать их от греховных привычек, давать людям жизнь с избытком и вечную жизнь на Небесах. В отличие от других учителей, которые пытались привлечь внимание людей к своим

словам, Иисус указывал людям на Себя. Он не говорил: «Следуй моим словам, и познаешь истину». Он сказал: «Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня».

Что нам открыто о Божьих мыслях, ожиданиях, чувствах по отношению к человечеству? Иисус Христос показал, что Бог нежен и любящ, Он знает о нашем эгоизме и недостатках. И тем не менее он глубоко желает иметь отношения с нами. Иисус открыл, что, хотя Бог видит нас грешниками, заслуживающими Его наказания, Его любовь к нам взяла верх, и Бог решил послать Своего Сына принять наказание за наши грехи. Иисуса мучили, избивая плетью с девятью острыми наконечниками. «Венец» с двухдюймовыми шипами вонзили Ему в голову. Затем пригвоздили Его к кресту, вонзив в деревянный крест гвозди, которые прокололи Его руки и ноги. Учитывая все Его чудеса, эти гвозди не могли удержать Его на кресте; Его любовь к нам сделала это. Иисус умер за нас, ради того, чтобы мы получили прощение. Из всех религий, известных человечеству, только через Иисуса вы увидите, как Бог пытается достигнуть человечества, проложив путь для наших отношений с Ним. Иисус являет Божье сердце, исполненное любви, отвечает на наши нужды и привлекает нас к Себе. Благодаря смерти Иисуса мы можем иметь прощение, быть полностью принятыми Богом и искренне любимыми Им. Бог говорит: «Любовью вечною Я возлюбил тебя и потому простер к тебе благоволение».

— Даже в халтуре я стараюсь не опускаться ниже своего уровня, — Андрей Виригин снова и снова возвращался к временам своей работы литагентом.

— В свое время книготорговая фирма «У Сытина» попросила меня предоставить аннотацию к компакт-диску

Адлера. Юноша я ленивый, аннотаций никогда не писал. Дотянул до крайнего срока, а потом выдал вот этот перл:

«На диске несколько произведений Герберта Адлера, написанных изысканной, ажурной прозой. Автор делится со слушателями своим немалым жизненным опытом. Обаяние с детства знакомого голоса всенародно любимого актера Валентина Гафта привносит в тексты Адлера дополнительное словесное волшебство. Повествуя о вещах привычных, автор заставляет взглянуть на них под другим углом и осознать необычайную прелесть мира, в котором главной ценностью во все времена будет любовь».

Честно признаюсь, что это «словесное волшебство» я позаимствовал из чужого отзыва на чью-то прозу. Изысканная, ажурная? А дубовую, топорную не хотите? А ты, Андрюха, бесстыжий циничный халтурщик, коли строчишь такие аннотации. Но писать ты умеешь, этого у тебя не отнять. Вот чего об адлеровском романе наплел, пристегнул к нему Виктора Пелевина:

«В сущности, Герберт Адлер в своей книге делает то же самое, что и Виктор Пелевин — писатель, без которого нельзя представить русскую литературу на рубеже двух веков. Пелевин в своем творчестве не просто причудливо перемешал западную и восточную философию, но и перепачкал ее (слово из его недавнего романа «Empire V») на язык, понятный не обремененным знаниями широким люмпен-интеллигентским массам, которые воспринимают наркотически-алкогольные экзерсисы культового писателя почти как религиозные откровения. Адлер же переводит опыт, приобретенный человечеством за тысячи лет, на другой язык — язык наших душ. Вот почему этот роман, написанный, в общем-то, для всех, так любят женщины. Постоянная адлеровская самоирония, отсутствие снобизма и отношение к собственным писаниям как к чему-то не слишком значительному вызывают у многочисленных поклонников его книг искреннюю симпатию».

Теперь мне осталось традиционное ничегонеделание. Отправил скромненький алимент Лиле с Центрального телеграфа. К вечеру погода испортилась. Прятался от снегопада в Храме Христа Спасителя, где оказался впервые. Странно, но изнутри он мне показался меньше, чем снаружи. На входе запищала рамка, пришлось сдать электрошокер.

У меня тоже внутри словно сработал микровыключатель и зазвучал голос: «Прыгни с моста».

«Ага, сейчас, разбежался. Всему свое время. К тому же внизу лед, хоть и тонкий пока, но больно можно ушибиться».

Вот такой я человек, падкий ассенизировать по любому поводу.

Помню, в последний день на работе землячка Лена была в глубокой депрессии, вызванной вчерашней алкогольной интоксикацией. Без косметики. Попросил у ее соседки авторучку. «Ну вот, лишаешь меня последней ручки». Лена: «Скажи спасибо, что не чести». Я: «Как раз хотел это сказать, но поостерегся». Лена: «И правильно. Мне-то можно, я блондинка». Огромное отличие от провинциального жлобства и высокомерия. Дистанции между начальником и подчиненными почти нет. А может, мне просто повезло с коллективом. Все ребята и девчонки нормальные, веселые, ненапряжные.

В тот же день к нам в офис заявила девушка-курьер, имеющая отдаленное сходство с Ветой, — рослая, пышущая здоровьем и молодостью и, что называется, спортивная. «На лесбиянку похожа», — сказала Лена, едва за той закрылась дверь. «Симпатичная», — сказал я. Как, однако, изменились мои вкусы. А ведь до знакомства с Ветой я полагал, что женственность не менее важна, чем красота как таковая. Более того, мне казалось, что женственность — важнейшая ее составляющая. Не сведи я Вету с Адлером, я до сих пор работал бы литагентом у этого обаятельного бездаря, пошляка и невежды. Сейчас бы

не дул себе в ус, а дул бы дорогое пиво. Но я ни о чем не жалею. Кстати, трогательно влюбленной в Вету подружке в женственности никак не откажешь.

Вместо прозака уже несколько дней утром и вечером пью флуоксетин, что, в сущности, одно и то же, отличается только цена. Прозак — патентованное название флуоксетина, подобно тому как аспирин — зарегистрированное название ацетилсалициловой кислоты.

Вспоминается мне что-то в последнее время телекомпания, в которой работал журналистом, несмотря на мое колбасное образование. Какие были люди! Глубины, мастодонты! О журналистике они имели лишь отдаленные представления, русского языка не знали и не любили, зато были убеждены в собственном профессионализме и звездности. Главный редактор, писавший «асфальт» через «в», запивал, бывало, на неделю, а то и больше. С раннего утра он похмелялся джин-тоником и нередко к полудню уже не вязал лыка, клал ноги на стол и закуривал мерзейшую сигарету «LD». Не забуду, как поутру мы с ним, оба с сильного похмелья, уступая друг другу дорогу, столкнулись головами в дверях туалета. Жаль, нас никто не видел. Корреспондент Митя, спяну дважды терявший микрофоны на съемках. Тот считал себя знатоком культуры во всех ее проявлениях и узурпировал все сюжеты на эту тематику. Ну а я частенько делал репортажи о спорте. Давно дело было...

Напоследок я притащил на работу в контору «Рога и Копыта» две бутылки вина (красного и белого) и коробку конфет. Сидели впятером. Я почти не пил. Если так пойдет дальше, то, неровен час, за моей спиной развернутся сизые крылья, а вокруг головы засветится ореол. Таня, оказывается, работала в цирке.

Жаль, что маргиналам не платят зарплату за их маргинальность. Я бы стал штатным сотрудником...

Пьяный кореш вчера привязался с предложением покурить коноплю. Ну покурили. Наверное, мало, потому

что я ни черта не почувствовал. Вета курит в Барселоне гашиш, а я по-простецки коноплю.

Устроился на диване и стал читать перед сном. Поймал себя на мысли, что невольно оцениваю текст с профессиональной точки зрения.

«Было уже совсем темно, только вечернее небо еще чуть пропускало свет. Блестел мазут на шпалах, светились гладкие рельсы».

Залюбовался ямбическим зачином последней фразы, а потом понял, что так бы не написал. Если совсем темно, то почему мазут на шпалах блестит? Скорее уж темнеет. А вот рельсы да, светятся. Мне ли, выросшему в железнодорожном городке в сотне километров от Москвы, этого не знать. Перестук колес, запах креозота, объявления по станции, которые в тихие летние ночи слышны на самых дальних окраинах города, старые вагоны, брошенные на запасных путях, где рельсы заржавели, а меж шпалами пробивается трава, — всё это мне знакомо с раннего детства.

Короче, получил последнюю зарплату, феноменально смешную по сравнению с моими былыми доходами в эпоху работы на Адлера... Помню, он как-то меня спросил: «Послушайте, Андрюша, что же еще я могу вам дать?» Козел, да и только... Вот вам и все данные, полученные из разведывания адлеровской сущности и проведения аутентификации его души. Так и представляю его, заядлого обжору с прыгающими щеками, отыскивающего на столе очередной деликатес. Он все время не дослушивал меня по телефону (я, особенно если в запое, люблю выражаться обстоятельно), говорил, что ему пора обедать или ужинать. Или что там еще бывает у состоятельных людей? Я всегда досадовал на себя поутру и пребывал в крайнем недоумении после разговоров с ним. Эх, Герберт, Герберт. Ты — голодоморный деспот. Где ты был, когда я по пьяни был ограблен и сжался от отчаяния, поняв, что моя банковская карточка пропала, а там все мои сбережения —

полторы тысячи долларов. Да, Герберт деньжата спас, но прикарманил себе. Точнее, он перевел сразу только шестьсот, да и то моей матери. Недавно перевел еще шестьсот. Оправдание? Ты, говорит, упьешься до смерти... Ты, говорит, пьешь, пока у тебя не кончатся деньги. Это правда. Хотя тоже мне, нейрохирург моего алкоголизма. Но какое ему дело? Надо было всё с карты снять... Хотя если бы деньги были налом, то он не смог бы их спасти... А обещал меня не бросать... Как оценить постоянство, которое сильнее всякой любви? Просветил бы меня хоть на йоту, господин толстосум. А то я тут ношусь как кометовидный, медленно бегающий заяц экс-чемпион в вечно дурном расположении духа. И Бог не сотворил никакого чуда, не открыл вентилек, а просто обшнырял... Тоже мне, по образу и подобию моему, двугубый...

29

Аморфная эмульсия пространства плотно облежала жизнь Герберта. Ему не нравилась его жизнь. Эльза призналась, что и она не в восторге от своей. Прошлая их жизнь казалась им почти смешной, но и она, эта самая прошлая жизнь, им не нравилась. А вот какая бы жизнь им понравилась, Адлеры не знали. То есть гораздо легче создать себе любую жизнь, чем понять, какую именно ты действительно хочешь.

— Почему у всех других жизнь сбалансирована и спокойна, а у нас нет? — вопрошала Эльза.

— Ну, во-первых, это нам только кажется, потому что мы знаем мало подробностей о жизни других. К тому же все, кого мы более или менее знаем, либо наши родственники, которым мы помогаем, либо наши работники, которых именно мы тоже финансово поддерживаем, что бы они себе ни думали и ни говорили... Вон как я из кожи вон лезу, чтобы наскрести им на рождественские бонусы.

— Почему нам бонусы никто не дает? Почему нас никто не поддерживает?

— Это наш с тобой выбор. Мы всегда занимаем в жизни такое место, что прежде всего помогаем решать проблемы других. Вон твоя подруга... на всех отряхнула и поехала с мужем отдыхать на Карибские острова. А на нас сколько всего висит? Вот мы и не были в отпуске уже три года.

— Значит, мы особенно хорошие? — обиженно спросила Эльза.

— Да, зато в райских садах будем сладкие плоды вкушать... Мне так отец Никифор пообещал. — то ли пошутил, то ли серьезно заявил Герберт и, подумав, добавил: — Так или иначе, трудно себе представить, какую жизнь мы действительно хотели бы вести. Ну, а твои родители, что ли, счастливы? Ведут сбалансированную жизнь?

— Да... Хотя, конечно, наверное, нет, — промолвила Эльза нехотя. — Отец сказал про бабушку Маню: «Я ненавижу мою мать. Когда твою, Эльза, маму положили в больницу с аритмией и я вернулся домой, она радостно соскочила с кровати и спросила: ну что, умерла?» В таком возрасте пережить другого становится своего рода спортивным состязанием. «И молодые умирают», — обычно с удовлетворением отмечают старики...

— Да... Смерть каждого считает своим земляком... — философски заметил Герберт.

— Ты любишь молиться? — неожиданно спросила Эльза.

— Честно говоря, не очень, — признался Герберт. — Во-первых, страшно это... Тут я, а там Он. Чувствуешь масштаб? Потом, молитва — момент, когда ощущаешь себя слишком самовольным, прося Господа о чем-либо. А твердить «да свершится воля твоя...» что толку? Она и так свершится, наверное...

— Так какой же ты будешь священник? Ты еще совсем не готов...

— А может, я им не буду.

— А если я умру, что ты будешь делать?

— Уйду в монахи...

Эльза задумалась.

— О чем ты думаешь? — спросил Герберт.

— Как бы тебя поскорее развязать... чтобы ты смог уйти в монахи. — Эльза вовсе не шутила и не говорила со зла.

Герберт поморщился.

— Дура ты, — сказал он. Я тебя люблю. Не надо никогда меня развязывать.

Наступало время католического Рождества. Несмотря на то что обычный бизнес Герберта очень страдал, вдруг неожиданно появилась надежда получить деньги не откуда-нибудь, а из Зимбабве. Два года назад Герберт оказал услугу одной африканке из этой страны бесплатно, и вот теперь она привела несколько клиентов, которые были готовы заплатить. Перевод был отправлен, но на счет компании Герберта никак не поступал. Он рассчитывал на эти деньги, и ему пришлось очень попотеть, чтобы выкроить зарплату и бонусы. Но когда всё было уплачено, вдруг позвонили из банка.

— Вы знаете, что против Зимбабве существуют экономические санкции? — спросила заведующая отделением.

— Так что же, мы не получим денег? — подавленным голосом спросил Адлер.

— Ну почему, просто нужно будет пояснить, что ваши услуги не связаны с разработкой оружия...

— Фантазмагория какая-то, — пробурчал Герберт и принялся объяснять, что он не торгует оружием.

На следующий день деньги наконец пришли и Герберт смог дать Энжеле тысячу долларов на дорогу. В эти выходные она должна была лететь к Альберту.

— Ты не говори ему, что я дал тебе денег, а то он у тебя их выпросит и всё спустит... Лучше спрячь...

— Куда? — засмеялась Энжела. Хорошо, я спрячу в трусы...

— Как раз там он скорее найдет, — вздохнул Герберт, но Энжела пропустила скабрезность мимо ушей. Казалось, она невинна, как десятиклассница.

Герберт с удивлением заметил, что его романы не прошли незамеченными. Несмотря на то что он буквально документально записывал свою жизнь, все единодушно считали, что всё в его повествованиях сушая выдумка... Более того, осуждали главного героя и хвалили автора, который так беспощадно выписал все его недостатки. Герберт и не подозревал, что он писал столь исповедально и самокритично...

— Милости просим пригулять славу, — мурлыкал Герберт, обнаружив в Интернете более пятисот различных цитат и отзывов на его произведения. Один читатель даже написал:

«Может быть, многие не согласятся с моим мнением, но я думаю: Герберт Адлер для мировой литературы — такое же открытие, каким, в той же самой традиции (постмодернистов прошу не волноваться!) в том же самом мироощущении, в том же самом ощущении времени был (почему был? есть) Марсель Пруст. Еще раз повторяю — очень субъективно. Но мне очень нравится. Я не один. Поговаривают, что его роман номинировали на Букера...»

И чего этому Андрею от меня надо? Что он меня все в аналфabetизме уличает... В своем ли он уме?

Заканчивается мой первый год в Москве, который должен был стать единственным, если бы судьба в очередной раз не пренебрегла спецэффектами и не доверилась чудесам. — Андрей Виригин по-прежнему был в отвратительном настроении. — Весь год я работал создателем иллюзий, надувателем мыльных пузырей с радужно-переливающимся солнечным бликом на боку.

Сперва я пытался создать иллюзию того, что Герберт Адлер — это не невежественный бородатый *быдлохуй*, не способный написать две строчки без грамматической ошибки, а изысканный писатель бунинско-набоковской школы, чья ажурная, как чулок дорогой проститутки, проза способствует умягчению людских сердец.

А затем, работая в «Рогах и копытах консалтинг», я регистрировал несуществующие фирмы, создавая видимость того, что Россия держится не только на оптовой продаже самой себя.

Ладно, хватит рассуждений, пора идти за чудесным пивом «Лювенбрау», которое на время примиряет меня с действительностью. «Алкоголь временно примиряет меня с действительностью», — эта фраза принадлежит Довлатову, но я придумал ее до того, как познакомился с его прозой, в ответ на вопрос девушки одного моего друга: «Андрюш, а почему ты пьешь?»

— Я пью, потому что пытаюсь покинуть инкубатор своего тщедушного тела. Воспарить над брызжущей слюной обыденностью, преодолеть ежедневное закармливание самого себя иллюзиями. Я пью — потому что пришел черед пить, потому что невыносимо думать о предстоящем, потому что необходимо заполнить свой позументовый грушевидный мозг чем-нибудь еще, кроме анфилады ярко освещенных нечистых пустот, или пустых нечистот... Это уж кому как больше нравится. И я буду раскисать еще лютее прежнего; буду метаться на обрыганной постели, и даже сны, сопровождаемые легкой качкой, не освободят меня от ежедневных послеполуденных воспеваний простоты и естественности моего бытия. Я буду пьянствовать и беспокоить окружающих... И когда я окончательно допьюсь и уже не смогу принять внутрь твердую пищу, я увижу Ветины глаза, к величайшему моему удивлению покрытые росой, я потяну руку, чтобы снять фигуру противника с доски, заместив ее на свою, но всё, что мне будет нужно, это

только видеть ее фигуру, гибкую, не вызывающую размышлений. И ее спотыкающаяся биография, и мое оставленное в прошлом учрежденческое паникерство... Кажется, Паниковский тоже служил курьером?

Я пью, чтобы оставаться полюсным персонажем, чтобы моя речь вызывала волнение по комнате. А Вета не идет за мной, в то время как весь мир идет за Ним. Я — Его прямая противоположность. А Вета пусть расскажет всё своему папе (как она советовалась, ехать ко мне пьяному или нет, и папа отсоветовал). Правильно, что за манера русской лесбийской барышне иметь секреты от отца? «Папа, я лесбиянка!» — «Ничего, доченька, а я в беззакониях зачат есмь!»

Вон как Адлеру плевать, кому он доверяет. Ему хорош первый встречный. Он хоть и живет в миру, давно заперся в свой домашний монастырь. А я пьян пуще прежнего и равнодушно-задумчив. Умственный труд — это восхитительно! Когда полупьяные, полусумасшедшие мысли улыбаются друг другу своей покорной рассеянной улыбкой...

Проснулся сегодня от звуков похмельного соития Антона и Люды. Ахам-вздохам вторил богатырский храп третьего соседа, чей тембр меняется в зависимости от степени его опьянения. Накануне он изрядно выпил и звучал зловеще. В общем, начиналась обычная жизнь бомжатника, оказавшаяся не такой уж и обычной.

Заявившись почти в пять вечера в офис с «Биг ланчем» в руках (мне нужно было забрать кое-какие вещи), я обнаружил там несколько очень молодых и очень наглых людей с пистолетами на боку. Выяснилось, что мусора накрыли нашу контору. Офис опечатан, оргтехника изъята. Всех девчонок увезли на допрос к следователю. Между прочим, сегодня я должен был получить последнюю зарплату. Сдается мне, что этих денег я не дождусь никогда. У меня изъяли все документы, а заодно с ними корректуру детектива, мне ее в понедельник сдавать в

издательство. Корректуру, правда, вернули. Хорошо, что меня не обыскивали. В этом случае нашли бы электрошокер. Я с самого начала знал о том, что творилось в нашей фирме, однако мне, наивному, не приходил в голову такой финал.

Я был удивлен в той же мере, как когда Герберт Адлер неожиданно выслал моей матери большую часть суммы, которую был мне должен. Оставшуюся часть пообещал отправить в ближайшее время. Удивительно! Я ведь от этих денег отказался, написав ему об этом еще в июне. Дескать, от такого человека, как ты, мне не нужно ни копейки. Он оказался все-таки лучше, чем я думал...

В прошлые выходные ездил на родину. Копаясь там в компьютере, наткнулся на постановление мирового судьи, обязавшее меня выплачивать алименты в фиксированном размере. К моему удивлению, он носит ту же фамилию, что и Вета. А ведь они не Ивановы и не Кузнецовы... В общем, судьба чертила предостерегающие знаки задолго до моего с ней знакомства. Документ поистине шедевральный, все слова моей бывшей жены приводятся как доказанные факты: «Истец обратилась в суд с указанным иском, ссылаясь на то, что она вступила в зарегистрированный брак с ответчиком. Ответчик в течение совместного проживания не работал, злоупотреблял спиртными напитками, оскорблял и избивал ее». Чудовище он, этот Андрей Виригин, беременную жену избивал. Недаром дядя Митя Набоков, сын великого писателя, назвал его «аморальной личностью», а Герберт Адлер — «одержимым гордыней эгоистом».

«Idite nah...» — отвечаю я им, как лесбиянка Вета по латыни, упреждая экзальтированное охмеление гортани. Скоро меня не станет. И какая разница, завтра или через вечность? Всё равно...

На своем пути Первозванный апостол Андрей претерпел много печалей и мук от язычников: его изгоняли из городов, избивали. В Синопе его побили камнями, но, оставшись невредимым, верный ученик Христов неустанно нес людям проповедь о Спасителе. По молитвам апостола, Господь совершал чудеса.

Чудеса суть дела, которые не могут быть сделаны ни силой, ни искусством человеческим, но только всемогущею силою Божией. Священное Писание исполнено сказаний о различных чудесах от Господа или совершенных всемогуществом Божиим избранными от Господа мужами. Чудеса происходят и в настоящее время, хотя и не в таком обилии, как в первые века христианства, частью по маловерию, а частью по недостойнству и нашим грехам. Главнейшее условие для получения чудесной помощи от Бога есть горячая, усердная молитва ко Господу, Пречистой Его Матери, св. угодникам Божиим, и соединенная с нею глубокая вера и сознание своего недостойнства перед Богом.

«Истинное чудо, — писал отец Павел Флоренский, — совершается в духе верующего, когда усматривает он в видимо случайном волю Бога». В жизни человека всегда есть место для необъяснимого, непредвидимого, непонятного, поэтому человек никогда не сможет исчерпывающе понять и объяснить свою же собственную жизнь. «Всего чудеснее бывает часто то, что происходит в действительности, — писал в своем дневнике Ф. М. Достоевский. — Мы видим действительность всегда почти так, как сами предвзято хотим растолковать ее себе. Если разберем и в видимом увидим не то, что хотели бы видеть, а то, что есть на самом деле, то принимаем то, что увидели, за чудо».

Иногда эта простейшая очевидность может глубоко удивлять, но порой она невыносима и трудна для восприятия человека.

Молитва — это не сверхъестественный механизм решения проблем, о котором мы вспоминаем тогда, когда остается надеяться только на чудо. Смысл жизни невозможно четко сформулировать в своем сознании, он открывается сердцу как чудо присутствия Божия в жизни человека. Но для того чтобы увидеть Бога и Его участие в нашей жизни, нужен труд, а не напряженное ожидание чего-то необычного. Чудо — не сенсационное известие о каком-то очередном «явлении» или «знамении». Скорее всего, это радость и удивление Промыслу Божию, который управляет все к лучшему в каждое мгновение нашей жизни вопреки нашим близоруким прогнозам и ожиданиям. В этом смысле чудо — это торжество веры в мире холодного рассудка.

Человек требует быстрого и безболезненного решения своих проблем и с таким настроением безучастно ожидает чуда: Спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди с креста (Мф. 27: 40). Но Господь ответил молчанием на это требование человека, и совершилось истинное чудо из чудес — Воскресение Христово. В свете Воскресения Христово чудесно, когда человек меняется, становится лучше. Но меняется человек, как известно, не в одно мгновение, а путем медленного перерождения.

Всё, что произошло чудесного в пределах планеты Земля, — это появление человека в его первоизданном образе. В какой-то исторический момент человек, принадлежащий по природе своей иному миру, отказывается жить по законам Царствия Небесного. И Господь, уходя из его жизни, попускает ему жить по законам природы. Человек оказался эмигрантом в чужой стране, — эмигрантом, который не может полностью реализовать свои возможности, раскрыться как личность. Поэтому то, что мы воспринимаем как нечто сверхъестественное в жизни святых и Самого Христа, в действительности просто и естественно для человека: Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит

(Ин. 14: 12). Просто оно давно потеряно и забыто, как твердая поступь для человека с параличом ног.

Истинное чудо — «не приобретение сверхъестественных или чуждых человеку качеств, — писал Максим Исповедник, — но восстановление тех качеств, которые были нам свойственны со времени творения». И это, конечно же, не способность ходить по воде как по суше или одним словом иссушать смоковницу. Только Бог смог стать настоящим Человеком. И только в Нем во всей полноте проявились те чудесные свойства, которые характеризуют человека как существо, принадлежащее иному измерению: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание.

А как же быть с теми сверхъестественными изменениями в стихиях, которыми повелевал Господь, с чудесами, которые Он творил? Некоторые святые отцы говорят, что если бы человек не согрешил, то обладал бы такими же способностями. Но всё же в Евангелии не на этом ставится акцент. Господь воплотился не для того, чтобы бесконечно являть чудеса, но для того, чтобы спасти человека. В этом свете, в контексте спасения, мы и веруем тому сверхъестественному, что творил и творит Господь в Своей Церкви. Но не это, конечно же, является признаком истинности Православия: у нас, мол, Благодатный огонь, значит, у нас и Христос. Чудо в данном случае, скорее всего, наоборот, должно послужить поводом к смирению и обличению нашей глухоты: «Слово Его было преисполнено силы, — писал святитель Игнатий (Брянчанинов). — Но человеки ниспали глубоко во мрак и мглу плотского мудрования; сердца и умы их ослепли. Оказалось нужным особенное снисхождение к болезненному состоянию человеков. В помощь слову Божию даны Божии чудеса».

Поэтому нельзя верить в чудо само по себе, вне контекста жизни человека, народа, человечества. В истинных чудесах нет никакой загадочности. Они всегда что-либо объясняют, подсказывают, к чему-то лучшему направляют.

«Настоящее чудо, — писал Павел Флоренский, — и должно состоять именно в таком, рационально объяснимом в широком смысле явлении». В этом смысле чудо в православной духовной традиции называют знамением, то есть признаком присутствия Господа в жизни человека. Но особенно ярко Его участие чувствуется в трудные минуты жизни людей.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Наверное, в этом и заключается то главное условие, при котором возможно увидеть истинное, Божие чудо.

Не только чудесами, но и трудами святого апостола Андрея Первозванного возникали христианские Церкви, которым он ставил епископов и священство.

Именно поэтому по своему внутреннему упованию православие мыслит себя христианством в его изначальной полноте и неповрежденной целостности, возникнув непосредственно от апостолов Христовых.

32

Эльза пожаловалась матери Альберта, что тот угрожает Энжеле разводом. Герберт предупредил дочь, что свекровь может позвонить ей с утешениями и наставлениями.

— А ты скажи ей, как есть... Отобрали у меня мужа и так далее.

— Ну почему я должна говорить то, что думаю? Гораздо удобнее соглашаться с ней. В противном случае она мне все мозги процедит... — зафыркала Энжела.

— Вот, ты с ней соглашаешься и имеешь то, что имеешь...

— А что? Чем плохо? Меня всё устраивает... Деньги она присылает. Хотя немного, зато исправно. — Энжела старалась показаться прагматичной, но у нее это плохо получалось.

— А то, что теперь тебе, как декабристке, нужно тащиться зимой на другой конец страны.

— Значит, я увижу нашу страну с другой стороны.

— Может быть, ты знаешь ее с лучшей стороны, зачем же подвергать себя опасности разочароваться? — пошутил Герберт.

— Я не боюсь разочароваться. Трудно разочаровать разочарованную. Если этот край страны и есть ее лучшая сторона, значит, я в этом убежусь!

— Ты сильно расстроилась, что мама рассказала твоей свекрови, как Альберт угрожал тебе разводом?

— Ну и как она это восприняла?

— Нельзя сказать, что она была в шоке...

— И мне кажется, она с сыном заодно. Надоели они мне.

— Она сказала, что вы тут подле нас как принц с принцессой жили. А на возражение, что вы и есть принц с принцессой и родились не в свое время, ответила, что вам надо «вкалывать». Я на заднем плане пытался повопить, что это, мол, за сталинские методы, ей тут не архипелаг ГУЛАГ!

— Правда?

— Да, но она, конечно, ничего не слышала...

— Вот, блин, досада. Сейчас она позвонит и будет вправлять мне мозги... Знаешь, мне безразлично. Пусть делают, что хотят...

В комнату вошла Эльза. Она прочла в Интернете грязь о Герберте и просто кипела.

— Почему этот Андрей Виригин не унимается? Ведь по сути дела это настоящая травля!

— По-моему, отгадка проста. Там он где-то сознается, что по-прежнему получает деньги от издательства за мои книги, получает и от магазинов. Суммы небольшие, но в конечном итоге составят около тысячи долларов. Ну, сама посчитай... Тираж примерно тысяча экземпляров. Даже доллар за книгу — это уже тысяча. Беснуясь и кликушествуя, что я якобы его ограбил, он пытается затушевать свое воровство. Плюс таким образом шантажирует меня, пытаясь вытянуть еще денег. Всему,

конечно же, причина гордость и зависть. Но долго ли это продлится? Скоро он на эти самые деньги упьется так, что уже не сможет добраться до издательства, чтобы получить очередной расчет.

— Ты мне только одно объясни, мы гонимы за правду или наоборот?

— Ну, если принимать во внимание, что конфликт с Андреем зиждется на моих попытках проповедовать ему православие, то можно с натяжкой сказать, что да, мы гонимы за правду.

— Тогда нечего роптать. Ведь это то, что нам обещано...Будем молиться за ненавидящих нас! Вся подлость происходит от трусости. А почему он тебя боится?

— Судит обо мне по себе. Думает, что я мстительный и влиятельный. Другой на моем месте заткнул бы ему рот в самом начале. Ты не забывай, ведь это Россия. Там такие штучки не сходят с рук просто так, а найти его в Москве не составит труда, не говоря уже о его родном поселке. Но мне это только полезно. Пусть напоминает моей гордыне, какое я ничтожество.

— Просто поразительно, как много неприятного нынче может сделать бродяга, проживающий на другом конце света. И хорошо, что он вздумал на тебя лаять теперь, а не прежде. Убить, конечно, ты его не убил бы, но пострадал бы он крепко за свои разглагольствования.

— Одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу, — ответил Герберт.

— Ты очень изменился с тех пор, как я попросила тебя стать священником.

— В лучшую или худшую сторону?

— В лучшую, так что ты уже можешь им и не становиться.

— И я теперь начинаю чувствовать себя спокойнее и счастливее! Одна проблемка... Джейк сказал, что уже

привык видеть меня в черном подряснике, но мне не хватает на груди большого креста.

— Ну, если Джейк так сказал, то, конечно, надо становиться священником.

Джейк, услышавший краем уха этот разговор, засмеялся.

— Что же, если я папу представляю в блестящих доспехах на коне, то ему надо стать рыцарем?

— Ты правда представляешь меня в латах и с мечом? — Герберт сделал вид, что растроган этим до глубины души.

— А вот я представляю тебя лохматым чудовищем, — заявила Эльза. — Тебе обязательно нужно постричься.

33

Индюшка, начиненная имбирем и черносливом, стояла на столе. Адлеры праздновали Рождество и по-западному, и по-православному. Двадцать пятого декабря они уселись за семейный стол, потому что весь западный мир поступал так же, и им не хотелось лишать себя ощущения общего праздника. Гостей не было, только свои. Смотрели фильм. Во время сцены роскошной свадьбы Герберт сказал Энжеле:

— Смотри, свадьба красивая, как у тебя. Мы больше не сможем такую себе позволить. Может, останешься с Альбертом? Ты не пробовала лупить его скалкой по голове? Говорят, это помогает вправить мозги...

Энжела устало поглядела на отца.

— Я сейчас настолько раздражена, что не хотела бы слышать подобные шутки.

А после просмотра фильма внезапно призналась:

— Я не хочу к нему ехать.

— Ну так не едь! — воскликнул Джейк со свойственной его возрасту горячностью.

— И правда, ты не обязана! — поддержал Герберт. — Если не хочешь его видеть, можешь сказать, что заболела.

— Но он расстроится... — деланно захныкала Энжела.

— Ты не хочешь ехать, потому что он тебе стал неприятен и тебе не хочется, чтобы он к тебе приставал!

Энжела состроила мину, по которой невозможно было понять, прав Герберт или нет.

— Я, пожалуй, пойду домой. Билет уже куплен. Всё на мази...

— Думаешь, вы поссоритесь? — спросила Эльза.

— Возможно...

— Так стоит ли для этого лететь на другой конец страны?

— В крайнем случае поменяю билет и вернусь раньше.

— А он извинился за то, что угрожал разводом? — спросил Герберт.

— Нет.

— И его маменька тебе не звонила?

— Не звонила...

— Странно...

— Может, не хотела тебя лишний раз раздражать, — предположила Эльза. — Ты уже собрала вещи? Хочешь, я дам тебе кастрюлю?

— Я не собираюсь везти ему полдома. Не повезу ему кастрюлю. И не повезу ему одеяло.

— Так сама же и замерзнешь!

— Почему, почему я должна все это везти?

— Может быть, потому, что ты уже два года наперебой с ним собиралась туда переехать? — задиристо спросил Джейк.

— Спасибо! Это замечание мне очень помогло! — Энжела надулась. — Пусть сам приезжает и перевозит всё это барахло. У меня отпуск. Я еду отдыхать.

— У нас больна душа — расслаблена. А чем больна? Гордыней, похотью плоти, похотью очей наших, нашей привязанностью к земному миру и его благам, нашим поклонением разуму... — принялся за свое Герберт.

— Но я молода, и мне не хочется думать обо всем этом. Я, пожалуй, пойду домой. Простите, что я всем испортила настроение в праздник.

— Нам ты не испортила, — поспешно отмахнулись родители.

— А мне испортила! — не унимался Джейк. — Сначала ты морочишь родителям голову: «Найдите мне принца». Потом не знаешь, что с ним делать, с принцем этим... А теперь разыгрываешь из себя уязвленное достоинство.

Никто не ожидал, что Джейк выскажет то, что каждый в глубине подспудно думал, но боялся выразить. Над столом повисла тишина. Герберт даже зажмурился, думая, что сейчас разразится большой скандал.

— Ну, значит, у тебя такая неудачная сестра, — только и ответила Энжела. Она обняла сначала ершистого брата, потом потрепала волосики Патрику, который с серьезным личиком наблюдал всю эту драму и, наконец, обняла отца и мать.

— Мне тяжело будет отвезти тебя в аэропорт, — вздохнул Герберт. — Ты знаешь, как я ко всему этому отношусь...

— Я знаю, — вздохнула дочь, — я знаю... Бог поможет...

Герберт аккуратно перекрестил дочь.

— Надо потрудиться самому, а не только возлагать всё на Бога, без всякого личного участия. Вот блудный сын пришел в себя, встал и пошел к Отцу сам (не только сказал, но и сделал, исполнил), тогда и Отец пошел сейчас же навстречу, на помощь; так и нам надобно делать: самим потрудиться, решиться, приступить, — тогда и благодать Божья

поможет...

Свою жизнь Герберт считал афористичной, то есть столь же насыщенной, как и тексты его сочинений. Его мысль,

свободно переходя от предмета к предмету, не напоминала рассуждений богомольных тихонь. И зря о нем поговаривали: «Богу стал чаще молиться... Надо полагать, совесть нечиста...». Герберту казалось, что он всё менее и менее, что называется, жил по-свински. И радостные лучики прозрения все чаще навещали его, вызывая тихую улыбку, точно, как сказано у Чехова: «Бывает так, что в темную келию постника, погруженного в молитву, вдруг нечаянно заглянет луч или сядет у окна келии птичка и запоет свою песню; суровый постник невольно улыбается, и в его груди из-под тяжелой скорби о грехах, как из-под камня, вдруг польется ручьем тихая, безгрешная радость».

Вот такая тихая радость все чаще навещала мятущегося Герберта. Все-таки его упорство на пути веры не оставалось без награды. Одной из таких наград стала его притихшая, задумчивая Эльза. Бес упрямства и озлобленности покинул ее, отправился бродить в места иные, пустынные, и теперь нужно было чем-то наполнить чисто выметенное жилище, пока он туда не вернулся.

Если бы было позволено проникать в чужую душу, Герберт наверняка поселился бы в душе у Эльзы. Он любил ее настолько, что иногда забывал, где кончается он и начинается она. Бывали, однако, случаи, когда размолвки прерывали это чувство неразрывности. Наверное, поэтому они запоминались надолго и создавали ложное впечатление, что у этой пары есть непримиримые противоречия. Чтобы убедиться в обратном, было достаточно послушать их ночные разговоры. Когда Герберту не спалось и он самозабвенно строчил свои романы, а Эльза спускалась с внезапно пробудившимся Патриком в четыре часа ночи из спальни в кухню, и бой часов, обрывисто немногочисленный, вызывал законную зевоту у этой полуночной троицы, им было хорошо. Пили чай. Патрик сидел на своем детском стульчике и бормотал что-то невнятное, изредка покрикивая: «Гугали-гугали-гу!» Совсем другое дело было, когда Герберт читал Эльзе

только что написанное. Патрик выходил из себя и орал так, словно ему только что разом открылись все преступления человечества. Герберт останавливался, терял строку, морщился, злился. Патрик замолкал. Но стоило отцу снова открыть рот, как всё повторялось. В конце концов, Герберт смирялся и продолжал, несмотря на шумовую завесу. Эльза, казалось, не слушала. Она как бы подсматривала за творчеством мужа исподтишка. Тем более, что писал он и о ней, и обо всей окружающей ее жизни. Не всем легко глядеть на себя в зеркало, отражающее не столько внешнюю, сколько внутреннюю сущность населяющих его зазеркалье существ.

— Дочь у нас актриса, — заметил Герберт, отхлебывая чай из стакана в подстаканнике. В таких мелочах, как наличие подстаканников, легко была заметна ностальгия иммигрантов со стажем по утерянному прошлому.

— Да, актриса, у нее этого не отнимешь, — согласилась Эльза. — Странно, что теперь нам совершенно все равно...

— Мы настолько недовольны всем, что происходит, что уже не имеем никакой позиции. Поэтому нам уже все равно. Хочет — пусть едет. Не хочет — пусть остается. Она нам вполне доказала, что проку не будет ни от нее, ни от ее супруга... Причем заметить, ведь Джейк посмотрел в самую суть. Сначала она громче всех заявляла, что не желает всю жизнь провести в нашем захолустье, а теперь, когда ее принц из кожи лезет обосноваться на новом месте, так сказать, натурально вкалывает, она на него в обиде, — рассудил Герберт.

— Она играет людьми, как марионетками... Вся в тебя! Ну а насчет Альберта, ты и сам понимаешь: неизвестно, как он там вкалывает и из какой кожи лезет. Может, у него и работы-то нет. Может, снова к кому-нибудь присосался и альфонсичает! Ведь мы думаем о нем лучше только потому, что мало знаем о подробностях его тамошней жизни. Но по старому опыту можно с уверенностью сказать, что наверняка большая часть из того, что он о себе

сообщает, — ложь. А истина состоит в неизбывной глупости, громоздящейся на глупости. Ведь перемена места не меняет человека.

— Что ж... наша дочь упустила шанс его воспитать, — вздохнул Герберт.

— А тебе очень-то удалось воспитать меня? — задиристо спросила Эльза.

— Интересно, какой станет наша дочь, когда повзрослеет? — неожиданно спросил Герберт и с сомнением добавил: — А может, она уже выросла?

— Нет, характер у нее еще не сформировался... Где эти золотые годы с трех до шести лет? В таком возрасте нам и с Альбертом было бы легче справиться. Наверняка он был замечательным шалуном.

— Он таким и остался.

— Нет, теперь, судя по его поведению, ему лет десять...

— Бог с ними... Наверняка Энжела нас дурит, впрочем, сама не отдавая себе отчет. Она вернется загадочная и будет снова нести нам его глупости, а точнее глупости его мамы, так, словно и не имела иного мнения. Главное, наверное, перестать обращать на них внимание. Заметь, теперь от них уже ничего не требуется. Ни детей, ни творчества, ни веры... Все только с замиранием сердца наблюдают, чем закончится этот конфликт... Большая артистка наша дочь, надо сказать... — повторил Герберт.

— Да, но самое главное, на нее невозможно обзлиться. Единственное, что я ценю в теперешнем состоянии, так это то, что у нас снова полный мир и гармония с детьми. Я очень этим дорожу! Постарайся этого не портить, — немного капризно и обеспокоенно промолвила Эльза.

— Я просто рассуждаю... — Герберт пропустил напряженный тон мимо ушей. — Ты заметь, отношения исправились, как только уехал Альберт. Неужели ему удавалось настолько влиять на наших детей? Он не столь уж умен...

— Для этого ума не надо. Он заражал их своей гордыней. Ты помнишь, Джейк совершенно свихнулся тогда... Как он тебя отучал от церкви, и мне говорил: «Мама, тебе этого тоже не нужно!», как требовал уважать себя за будущие успехи!

— Дьявол всех заражает своей гордыней. Да, именно так! Гордыня опасна тем, что она заразна!

— Снова ты изобрел афоризм... Хорошо бы всю жизнь просидеть с тобой на кухне... — неожиданно сказала Эльза и ласково коснулась руки Герберта, в которой тот держал бутерброд со словно бы простреленным навывлет швейцарским сыром.

— Я — причина того, что у нас нет спокойной жизни, — признался Герберт. — Именно афористичность моего мышления... Поэтому и жизнь наша становится слишком насыщенной. Уплотненной до предела. Ни слова просто так. Ни пустого разговорчика, ни простой болтовни...

— Вот и твоя гордыня проснулась. Не рановато ли? В полпятого утра!

— Да нет же... Дело в том, что я слишком насыщенно живу, хотя со стороны поглядеть — ничего такого особенного не делаю. Сажу целыми днями дома, словно на пенсии. Пробовал ходить в офис, но в очередной раз убедился, что от этого только хуже всем: мне, работникам и бизнесу.

— Успокойся, никто тебя не гонит на работу, афористичный ты наш! — вздохнула Эльза.

— Моя афористичность проявляется вот в чем. Я иногда подслушиваю ваши разговоры со стороны — они совершенно бессодержательны. Их невозможно передать! Но стоит мне в них вступить, как из каждого разговора можно сделать главу романа!

— Ну, ты совершенно расхвастался!

— Одно только неясно... Интересно, почему Бог постоянно желает держать нас на границе финансового краха?

— Значит, так нужно...

— А постоянные поношения и этот привязавшийся Виригин...

— Напоминают твоей гордыне, что она забыла выключить свет в кладовке твоего самомнения...

— Этот бомж воображает, что может влиять на мою судьбу, в то время как я пишу о нем роман, и по сути дела могу сделать с ним всё, что мне заблагорассудится. Могу убить, могу помиловать... Кстати, когда мы еще дружили, он просил не убивать его в романе. Но теперь мне не представляется возможным оставить такого героя в живых! И ведь именно то, что будет написано в романе, останется, а истинная его судьба, как и он сам, будут забыты. Причем мой герой гораздо глубже и многогранней своего прототипа... Именно таким он не будет забыт!

— Твой роман тоже будет забыт... Не беспокойся...

— Да, забвение — это самый распространенный приговор, который всем нам подписывает время.

— Ты — неисправимый поэт.

— А ты — поэтесса. Как жаль, что ты ничего больше не пишешь. Ты очень талантлива!

— Зачем тебе нужна поэтесса? Они все неврастенички.

— Ты и так неврастеничка, но при этом от тебя и стихов не дождешься, — запротестовал Герберт. — Это как держать корову, которая и бодается, и молока не дает.

— Ты тоже бодаешься. Ну а молока с тебя как с козла, по определению... Да, мы оба больны, а я все время об этом забываю. У нас совершенно расстроены нервы... — вздохнула Эльза. — Что делать? Мы должны с покорностью переносить самих себя. Без воли Божьей ни один волос не падает с головы человека.

— В этом отношении лысый имеет преимущество...

— Не кошунствуй.

— Ночью можно. Пока еще всё в мире спит...

— Бог — как Нью-Йорк. Он никогда не спит! — в свою очередь пошутила Эльза.

— Если хочешь насмешить Бога, поделись с ним своими планами на завтра! Ладно... Об этом можно говорить бесконечно. Как ты думаешь, то, что я пишу, привлечет людей к Церкви или оттолкнет от нее?

— Редко кто перемешивает в одной и той же книге грязные ругательства и изречения святых отцов. Трудно сказать, какой это произведет эффект, — высказала свои сомнения Эльза.

— Думаю, обычный эффект. Святоши проклянут за матерщину, а матерщинники обматерят за святость. Все остальные просто не обратят внимания. Слишком много у человечества дел между очередным отпуском и могилой.

— Тогда зачем ты пишешь?

— А как быть? Замолчать? Вера не совместима с литературой? Неужели пером может водить только гордыня, а смирение всегда должно оставаться немым?

— Многие верующие описывают плоды своей веры, пасхальную радость и так далее. Очень немногие откровенно пишут о страданиях и неровностях своего пути. Может быть, поэтому стоит писать? Пиши, Герберт, писать, конечно же, стоит...

— Будут ли кому-нибудь интересны мои переживания?

— Ну, те, кому станет скучно, смогут вполне насладиться включенными в роман обильными излияниями Андрея Виригина в стиле «Москва — Петушки». «Ах, что ты еще пил, Веничка, и после которого стакана ты блеванул?»

— Он наверняка обвинит меня в плагиате...

— Ну, мы-то знаем, что ты его увековечиваешь.

— Достойно ли это увековечивания? Что же, всякой кашке теперь памятник ставить? — хмыкнул Герберт.

— Ага! Вот и попался. Ты признаешь, что считаешь его кашкой! Теперь ты прямо сказал, что он за фрукт.

— Он — не фрукт, он — орех, разве что гнилой внутри. Не разгрызть, а разгрызешь — отпрянешь!

— Он конский каштан, — пояснила Эльза.

— А что это такое?

— Какашка, только конская.

35

Напрасно я пытаюсь покрывать сусальным золотом собственные нечистоты... Да, Андрюша, нечего тебе стыдиться. Пусть твоя блевотина будет открыта для обозрения в выставочном зале современных искусств! Ошибок в моей жизни было много, но, собственно, главная из них, по моему мнению, — это нездоровый дух, который царит в моем бытии.

Сегодня был у моей благодетельницы Насти, попросившей пособить с компьютером. Ехать хотелось не слишком, но отказать не мог. Она, впрочем, вскоре укатила по своим делам и вернулась только к моему уходу. В ее отсутствие мило поболтал с ее подругой, увядающей красавицей аристократической разновидности. Еще один персонаж из бульварного романа, в который, как я уже писал, выродилась моя жизнь. Мне определенно пришлось по душе ее блестящая пустоватость, улыбчивая доброжелательность, жизнеутверждающий матерок. Бывшая рублевская жена, не носившая, по ее словам, украшений дешевле тысячи баксов и бывший представитель творческой полубогемы (как меня туда занесло, пусть и ненадолго?). Я ведь — юноша без возраста и без каких бы то ни было убеждений и принципов. Если бы я был напыщенным представителем пишущего люда, стадами пасущегося на чахлых нивах разнообразных провинциальных СМИ, я бы непременно завернул что-нибудь в духе: она продала за деньги свою красоту, он — свой талант. Оба оказались у разбитого корыта. Но к счастью, я всегда относился к себе с самоиронией. В тот же день я провел с ней в постели незабываемую ночь. В данном случае это не эвфемизм занятия сексом, мы с ней просто спали в одной кровати. Просто спали, и всё.

Никогда бы не подумал, что смогу безмятежно лежать рядом с красивой, пусть и немолодой, нетрезвой женщиной, не только не испытывая желания, но и не допуская самой мысли о его возникновении. А ведь могло бы быть... Уж не стал ли я импотентом? Перед сном она, помнится, рассказывала мне о своих ощущениях от кокаина.

А что же, нам, «только детские книги читать, только детские думы лелеять»? Я говорил в постели горячо, но моя соспальница уснула, не дослушав. Поделом тебе, Андрюша. Не суйся ты судить и рядить о красоте. Всякий по-своему наслаждается и художественным шедевром, и статуей, и живой красотой женщины.

Мне повезло — со своим любимым современным писателем я знаком лично. Или, скажем так, любимым из ныне живущих, ибо Владимира Набокова тоже есть основания считать нашим современником. Более того, мы некоторое время работали в одной газете. В общем-то, и оказался я там не без его участия. Зовут этого писателя Остап Агатович Арсилов. Ничего, что о нем никто слыхом не слыхивал. Таланты обычно проявляют себя посмертно. Узнал я о нем в разгар девяностых. Как-то раз попался мне на глаза его рассказ в «Молодом коммунаре», который я покупал исключительно из-за отчетов о матчах моей любимой футбольной команды. Из рассказа в моей памяти осталась только зловредная теща, выставившая зятю лыжи за дверь. Дескать, забирай и проваливай.

В разном градусе подпития я любил цитировать эти фразы: «Я как-то взялся считать, сколько у меня было женщин по имени Света, и уснул без света. Я всегда так делаю, когда бессонница». Ну не гениально ли?

«Я же нормальный мужик: конечно, Лолита. Ведь только зрелая женщина с горьким опытом страсти в постели истинная львица».

«Один порядочный энергетик стоит одиннадцати паршивых импресарио со всем выводком их вертлявых педерастов».

«Сорокалетнему мужчине почти любое шестнадцатилетнее тело кажется привлекательным».

Самое большое упущение в моей жизни — в том, что я до сих пор ни разу не выпивал с ним. Но мы это с Вами, Остап Агатович, обязательно исправим. Однажды Вы написали мне в ответ на перечисление неувязок в Вашем романе, вышедшем в «Гелеосе»: «Ваша взяла! Пишу фигово, считаю еще хуже». Так вот, пишете Вы, Олег Агатович, не фигово, а офигительно. И спасибо Вам за это, Ваша проза помогала мне выжить в жутком промышленном городке, где меня угораздило родиться. Как же здорово, что Ваши две пьесы и поэма понравились Валентину Иосифовичу Гафту не меньше, чем мне самому! И как жаль, что не получилось записать поэму в его исполнении!

Может, мне пора устаканиться, бросить пить, жениться? Тогда и творчество пойдет! С другой стороны, ведь жениться можно много раз: ужели я не могу наслаждаться красотой так, как бы наслаждался красотой в статуе? Дон-Жуан наслаждался прежде всего эстетически, но грубо: сын своего века, воспитания, нравов, он увлекался за пределы этого поклонения — вот и всё. А я бы мог нарисовать в своем воображении истинный идеал!

В подходящие к концу нулевые Арсилова стали регулярно печатать толстые журналы. Его блистательная поэма, на мой взгляд, — лучшая короткая проза уходящего десятилетия. Остап — едва ли не единственный нынешний прозаик, умеющий писать по-настоящему смешно. Так, чтобы смеяться до колик. Немолодой и небедный энергетик из Ханты-Мансийска приезжает в вымышленный южный город Сиктым (обсценное слово во многих восточных языках) в поисках сексуальных приключений. Однако его ждет череда досадных обломов, которые приводят его к выводу, что «за деньги можно приобрести всё, что угодно, кроме романтических грез». (Добавлю, что нельзя, слава богу, купить еще талант и доброе имя. NB для Герберта Адлера.) Энергетик пишет поэму о своих неудачах и с пространными комментариями читает ее в летнем кафе случайному знакомому, от лица которого ведется

повествование. Совершенно восхитительный сюжет. После прочтения этого произведения на стеклянной тверди моего нетрезвого сознания словно бы написано: «За радость тихую дышать и жить, Кого, скажите, мне благодарить?» Конечно же, великого писателя Остапа Агатовича Арсилова.

36

Утром явилась Энжела. Машину ей пришлось оставить внизу дорожки, поднимающейся к дому Адлеров, — гололед не позволил добраться до верха подъема. Теперь в их семье был только один автомобиль и поэтому Герберт должен был отвезти дочь на работу в магазин одежды, а вечером забрать ее оттуда.

— Я не отпущу тебя на нашей единственной машине в гололед и сам не поеду. — заявил отец. — Если мы ее разобьем, останемся без машины.

Поскольку автомобиль Альберты снимали по лизингу, в случае серьезной аварии страховку выплатили бы не им. А новую машину им не выдали бы, поскольку в последнее время Герберт серьезно испортил свой кредит тем, что, нарушив договора, до срока вернул лизинговой компании два других автомобиля, а третий разбила Эльза, выйдя из страшной аварии без единой царапины.

Да, еще недавно у этой семьи было в распоряжении четыре автомашины. Теперь же Герберт трясся, чтобы не потерять последнюю. Хотя втайне был доволен: ведь чем меньше машин, тем легче контролировать передвижение домочадцев. Тем более теперь, как в старые времена, все ездили вместе и можно было беспрепятственно общаться; когда машина несется по шоссе, собеседнику некуда уйти, и волей-неволей приходится дослушать до конца.

Однако сегодня у Герберта не было настроения бороться с гололедом. Он выдал дочери пятьдесят долларов на такси

туда и обратно. Это было совершенно глупой в экономическом плане затеей, поскольку Энжеле в магазине платили только десять долларов в час, и ехала она работать как раз на пять часов.

— Какая разница. Всё, что связано либо с ней, либо с Альбертом — сплошная глупость или безумие. Чего ей не работалось в нашем бизнесе, где она за два дня в неделю получала в четыре раза больше, чем в магазине за пять дней работы? — привычно проворчал Герберт.

Энжела не слышала этих замечаний. Она продолжала ходить по комнатам и вопрошать, что ей делать, «не тратить же пятьдесят долларов на такси!» Казалось, она посоветовалась даже с собаками и котом.

Джейк порывался вызволить машину из ледяного плена, но Герберт раздраженно его остановил и еще раз доступно объяснил, почему он не хочет, сэкономив пятьдесят долларов на такси, потерять автомобиль ценой в пятьдесят тысяч (машина у Адлеров была хорошая, новый джип «хайлендер»).

На дворе стояла талая суббота, и несмотря на то, что Герберт предупредил прихожан, что рождественская служба будет завтра, в воскресенье (так постановил отец Матвей — и не по новому и не по старому стилю, а как ему было удобно), Адлеры опасались, что кто-нибудь все-таки придет, потому что все привыкли, что в их домашней Преображенской церкви службы совершаются по субботам в десять утра.

— Ну, придут, я облачусь в подрясник и прочитаю часы, — успокаивал не в меру суетливую с утра супругу Герберт. — Нельзя сказать, что наша церковь приносит только хлопоты. Радость всё же тоже имеется и производит свое неприметное действие на нас и наши души. А как иначе? Без радости никак нельзя! Так что ты не суетись! Ведь если кто-то стучится к нам в дверь, чтобы помолиться Богу, значит, Бог присутствует в нашем доме. А разве это не радость?

И действительно, выглянув в окно, чета Адлеров заметила, что в хвост их застрявшей в начале дорожки машине пристроился повидавший виды белый фольцваген-фургон. Герберт схватил свой подрясник, и уже было нарядился, как оказалось, что в этом нет надобности. Приехал мужчина, который помогал Эльзе петь в хоре, иногда состоящем из нее самой и этого мужчины... Он, не предупреждая, решил порепетировать, чем и вызвал небольшой переполох. Певчие отправились к роялю. Герберт вышел с подрясником в руках, поздоровался и не без приветливой учтивости спросил:

— Вы, собственно, желаете помолиться или порепетировать? Маму вашу не привезли? Как ее здоровье?

Его смутило то, что мужчина был одет в черный костюм, белую рубашку и галстук. В таком виде он обычно появлялся только на литургии.

— Не беспокойтесь. Я без мамы. Мы просто порепетируем.

Герберт кротко улыбнулся и удалился. Ему стало немного обидно. Хотелось почитать часы, но делать это только для себя было неловко. Он пробовал одно время вести по возможности суточный круг богослужений, доступных ему по чину, но вскоре бросил, потому что никто из домашних к нему не присоединялся. Конечно, Герберт понимал, что он молится не для себя самого, а для Бога, но что поделаешь, люди, начавшие молиться в зрелом возрасте, с трудом привыкают к этому занятию.

После почти бессонной ночи Герберта клонило в сон. Он прилег не раздеваясь на кровать и принялся смотреть на внезапно осунувшийся снег в окне. Его мысли вторили капли, которая занялась с первыми лучами солнца. Постукивание капель талой воды отдавалось морзянкой у него в голове...

«Как же мне не писать? — размышлял он, — Если мы уйдем, не оставив после себя ни наших мыслей, ни наших сомнений, — считай, это поколение отжило напрасно.

Пусть не для Бога. Для него все живы. Напрасно и без пользы для других людей! Сколько было за всю историю таких безмолвных поколений? Стоит нам замолчать хоть на минуту, и наше место тотчас же займут шуты в колпаках с бубенчиками, приписав нашей эпохе очередное шутовское название и искаженный смысл. Ведь нет совершенно бессмысленных эпох, как не существует совершенно лишенных смысла человеческих жизней! А какой смысл, скажем, в жизни Андрея Виригина? Он обязательно есть, просто не очевиден ни окружающим, ни уж тем паче ему самому. Но смысл должен быть. По крайней мере, этот смысл введом Богу. И нам нельзя молчать. Ведь мы были на этой земле, существовали, страдали... и наши живые голоса нужнее, чем нудные лекции плохих профессоров истории, склонных описывать любовные похождения лидеров наций да кровавые стычки на стыке времен, а не тайный смысл наших жизней, которого для истории словно бы не существует.

Не важно, что по большей части то, что мы пишем, останется неосознанным, более того, непонятым не только другими, но и нами самими. Понимание не так уж важно... Ведь бывает, что слово понято неверно, а смысл уловлен даже больший, чем в него, в это слово, был вложен. Похожую историю, вполне реальную, рассказывал митрополит Антоний Сурожский: «Иногда люди даже умиляются такими вещами, которых нет в богослужении; люди превратно понимают слова, хотя до них все равно кое-что доходит. Помню старушку, которая мне говорила: “Как замечательно, что в православии всякая тварь Божия как бы держится перед лицом Божиим, — я всегда плачу, плачу, когда поют: “Господи, воззвах к Тебе, я крокодила пред Тобою ...”, когда священник на самом деле произносил: “Господи воззвах к Тебе, услыши мя... Да ся исправит молитва моя, яко кадило пред Тобою”. Она умилялась, потому что чувствовала: вот, всякая тварь, и животные тут, и я тут... Она умилялась вполне

справедливо, то есть я хочу сказать, что ничего плохого в этом не было, она уносилась душой к Богу, но, конечно, не на том основании, которое ей давала Церковь».

Конечно, нелегко говорить и тем более писать, когда повсеместно поношения всякие претерпеваешь. Не успеешь рта отверзнуть, как тебе уже и про обоссанный матрац, и про быдлохуя пишут. Но ведь так и должно быть. Что же, если бы на месте хулителя был сущий бес, то он поступал бы иначе? Разве что, может быть, не так явно выражался бы, чтобы его не уличили и не разоблачили. Зачем Андрюша так меня поносит? От скуки, видимо, а может, для удовольствия... С расчетом или без расчета. Какая разница? Когда мерилom всего является человек, а не Бог, в мире вообще отсутствует какая бы то ни было правда. Каждый волен судить на свой вкус, и таким образом человеческие законы — всего лишь выражение главенствующих тенденций... Победят на выборах людоеды — будем есть друг друга на совершенно законном основании. В том-то и дело, что гуманизм да демократия не являются достаточно прочной защитой от людоедства. Вера — является. Не пошлая политизированная религия, а именно искренняя вера. Как я наслаждаюсь красотой и стройностью Евангелия, так Андрюша наслаждается грязными откровениями его босса — окаянного беса... А я что, святой? Во мне мой собственный бес сидит и его бесу непрестанно подмигивает. Так и живем мы со своими бесами во гнев себе и Богу — вот и всё. Ведь есть же те, кто молится страстно, а иные не знают этой потребности... Хотя что есть страсть? Разве не от страсти мы пытаемся избавиться, молясь?

Отец Никифор как-то рассказывал, что в девяностые видел братков, которые пришли в храм, где отпевали их безвременно убиенного кореша. Они молились страстно! У одного, говорит, лицо от ненависти было мертвеннее полотна зимнего неба... А мне припомнилось мандельштамовское «и небо мертвенней холста»... А

молились они так: «Господи, дай нам угондошить эту суку, что убила нашего кореша!!!»

Так что в страстности молитвы еще не всё... Когда же придет нам время наконец покинуть развратный Вавилон? Только по милости Божьей это возможно! Никакие наши заслуги, добрые дела, поступки — ничто не исцелит нас, не оправдает вполне... Помню такую поучительную историю, тоже, кажется рассказанную отцом Никифором.

Является праведник к воротам рая, ему ангел объясняет правила: «Нужно набрать сто баллов, чтоб попасть в рай. Ну, поведай мне, что ты сотворил хорошего?»

— Молился усердно всю жизнь.

— Хорошо. Вот тебе за это полбалла.

— Любил ближних.

— За это балл.

— Пожертвовал собой за други своя!

— Это очень хорошо. Еще два балла!

— Так кто ж спасется? Только по милости Божьей!

— Говоришь, по милости Божьей? Тогда проходи!

Трудно оставить в этой жизни суетные заботы да тщетные надежды и вознестись мыслями к небу. Тяжело поверить, что принцип воздаяния и кары и правда лежат в основе Вселенной. Я ведь так долго боролся против этого принципа! Может, его и нет. Может, он выдуман людьми для простоты усвоения библейских истин. Но с меня довольно одиночного поиска... Я больше не желаю шараться впотьмах, не только без маяков, но и без фонаря обыкновенного. А ведь для не принявшего Евангелие — жизнь именно и превращается в такое вот шатание. Нет другого альтернативного, в той же мере удовлетворяющего объяснения нашей жизни. И не к философам мне хочется бежать, а к батюшке, молить его; как говорится, будьте столь достолюбезны и снисходительны отпустить мне грехи, причастить меня Святых Великих Тайн!

Наконец певчие умолкли. Вне контекста службы Герберт не любил, когда поют церковные напевы. Ему казалось это кощунственным и нелепым. Но репетировать же надо!

Уже засыпая, убаюканный собственными мыслями, Герберт вдруг увидел перед собой лицо Эльзы.

— Виталий хочет пожертвовать на газету, но у него какие-то вопросы. Спустись к нему и поговори, пожалуйста.

— Боже, как неудобно... — деланно запричитал Герберт, хотя был очень доволен.

Виталий стал путано объяснять что-то о банковском переводе. Герберт, не дослушав его, спросил:

— А сколько вы хотите пожертвовать?

— Долларов сто пятьдесят.

— Почему бы не дать наличными?

— Хорошо, завтра я принесу на службу.

— Только положите, пожалуйста, в конверт и подпишите «на газету», а то отец Матвей может отобрать... — полущутя-полусерьезно предложил Герберт.

Виталий не смутился и согласно кивнул.

Повисла неприятная тишина. Герберт не знал, что еще сказать.

— Несколько священников пожертвовали, и теперь с вашими деньгами хватит напечатать следующий номер.

Было видно, что Виталию приятно это слышать. Однако из приличия он перевел разговор на другую тему.

— У вас в доме так много книг... Почти все стены покрыты книжными стеллажами.

— Да, я очень люблю книги.

— И у вас есть время их читать?

— У меня даже есть время их писать...

— Занимательно...

— Пройдемте в заветный уголок моей библиотеки... Я подарю вам несколько своих книжек.

Они поговорили о книгах Герберта, обсудили газету. Виталия удивило, что Герберт издает ее не только порусски и по-английски, но и по-французски.

— А что поделаешь... — не без гордости промурлыкал Герберт. — С тех пор как французы потеряли доверие к католичеству, у них в душе образовалась дыра величиной в Бога.

Он попытался изобразить руками величину дыры, но почувствовал, что так широко, как требуется, развести руки он не может.

Отдохнуть Герберту так и не удалось. Не успел уехать Виталий, как позвонил давний друг из Кельна с рассказом о невзгодах в личной жизни.

— Я к тебе как к будущему попу обращаюсь, помоги советом, только учти — креститься я не буду.

Герберт выслушал долгий рассказ о цепочке, каждое звено которой представляло собой несчастную любовь буквально полувселенского масштаба. Последнее порванное звено оказалось безответной любовью размером с целую вселенную, и друг не знал, как теперь жить. Герберт занудил свои обычные наставления, и друг остался не очень доволен.

Так толком и не выпавшись, Герберт поднялся на следующее утро разбитым и, с трудом натянув на себя облачение, пошел встречать прихожан. Должна была состояться рождественская служба. Первым прибыл хмурый отец Матвей. Герберт ответил на его приветствие взглядом Иуды и не попросил благословения. Однажды он попытался поцеловать руку этого нервного батюшки, а тот ее как-то неловко дернул вверх и больно стукнул Герберта костяшкой по губе. С тех пор Герберт опасался брать у него благословение.

Пришли немцы. Фрау фон Паули привела дочь лет пятидесяти пяти и сына лет сорока. Они гостили у

престарелой четы, и рождественская служба в православной часовне, по всей видимости, входила в список осмотра местных достопримечательностей. Жаль, что посещение церквей теперь становится своеобразным туризмом.

Немного опоздала чета сербов. Пришел и Виталий в своем неизменном костюме.

Пока Герберт читал часы, Джейка послали бить в подвешенный на место колокол, и звон получился знатный. Морозный воздух словно бы лопался от звона, и у всех собравшихся появилось ощущение настоящего храма, что так необходимо в еще ненамоленных местах.

Служба прошла на удивление складно и спокойно. Только новое кадило напустило столько дыму, что жена серба не выдержала и вышла подышать морозным воздухом.

Когда пришло время обходить собравшихся с тарелкой, Герберт с удивлением увидел, что на тарелке уже лежало восемьдесят долларов, и он решил больше денег не кланчить, поскольку, по всей видимости, прихожане сами положили деньги еще до службы, когда брали свечи.

После целования креста все прошли в столовую, а Герберт подошел к отцу Матвею, который всё еще возился в алтаре, и протянул конверт с деньгами за службу.

— Отец Матвей, вы сможете отслужить литургию в последнюю субботу следующего месяца? — спросил он холодно, хотя и почтительно.

— Пока не знаю, уточним позже. Я ведь вынужден искать работу. Мой основной приход не дает достаточно денег.

— Хорошо, — раздраженно сказал Герберт. — Ничего страшного.

Его одновременно охватили радость и обида. С одной стороны, он почувствовал себя свободным пригласить другого священника, с другой, было очевидно, что отец Матвей специально пытается уязвить Герберта, ведь получить двести пятьдесят долларов за службу ему выгодно и никакой поиск работы не может этому

воспрепятствовать. Своим ответом отец Матвей еще раз подтвердил Герберту, что шансов сработаться у них нет.

В коридоре к Герберту подошла дочь фрау фон Паули с богословскими вопросами, чем приятно его удивила.

— Вы считаете, что ваша Церковь единственно истинная и отрицаете все другие церкви, конфессии, религии?

— Ну, Иисус Христос ведь не сказал нам, что на земле будет много истинных религий. Он пообещал, что только его Церковь будет стоять до скончания века и ее не одолеют врата ада.

— И эта Церковь — ваша?

— По крайней мере, на земле должна быть хотя бы одна Церковь, которая является истиной Церковью Христовой. Если мы верим в Христа, то мы же не можем допустить, что вочеловеченный Бог ошибся. Мы также не можем допустить, что он не воскрес и не исполняет своего обещания не оставить нас до конца времен, и что где двое-трое соберутся во имя его, там и он будет посреди них.

— Итак, как же вы знаете, что именно ваша Церковь — это истинная Церковь Христова?

— Очень просто. Христос основал свою Церковь, передав полномочия апостолам. Именно апостолы создали нашу православную Церковь и через поставленных ими епископов передали Божью благодать через рукоположение каждому последнему православному священнику.

— А как же католики? Разве их церковь не была основана апостолом Петром?

— Православная и католическая церковь были едины в течение тысячи лет! Но потом папа римский возомнил себя единственным верховным викарием Христа на земле, то есть снова пустился в спор, кто из всех больший, а кто меньший... Ну а там уж пошло-поехало...

— А как же мусульмане?

— Христос предупреждал нас, как узнать истинного пророка — по плодам его...

— А буддисты?

— Они вообще стоят особняком, вдали от Библии и, несмотря на некоторую привлекательность их учения, во многом противоречат христианству.

— Но вы верите, что отдельному человеку может быть откровение?

— Да, но чаще всего это откровение приходит не с небес, а наоборот...

— Как же отличить...

— Человек должен быть малогрешен, чтобы удостоиться Божественного откровения...

— А как же апостол Павел? Ведь он не был безгрешен, более того, он преследовал христиан, а удостоился узреть самого воскресшего Христа!

Герберт не нашелся и пробормотал, что Дух святой веет, где захочет...

Наконец всех пригласили за стол. Герберт сразу переадресовал вопрос об апостоле Павле отцу Матвею, и тот ответил весьма убедительно.

— Апостол Павел не был случайным грешником. Он свято верил, что исполняет Божью волю, преследуя христиан. Поэтому Иисус явился ему...

Далее заговорили о Рождестве. Заговорили о смысле вочеловечивания Бога и почему люди нуждаются в искуплении.

— Спаситель мира, — ответил отец Матвей, — вочеловечился для того, чтобы разрушить преграду между тварью и Творцом, положенную грехопадением, и даровал обновленному человечеству Вечную жизнь и радость Богообщения. Сын Божий стал Человеком, чтобы человек мог стать сыном Божиим. В Своем воплощении Бог отдает миру Самого Себя безраздельно и без остатка. В этом проявляется акт высочайшей Любви, которая не ищет своего, но ради другого жертвует собою.

— А почему православное приветствие: «Христос рождается! Славите!»? Он ведь родился две тысячи лет

назад, как Он может родиться ныне? — задал вопрос сын фрау фон Паули.

На это, с позволения отца Матвея, ответил Герберт.

— Христианство — это не вчерашний день и не только воспоминание событий, происшедших когда-то. Христианство — это нынешний день, это живая Божественная, действенная сила. Всё, что совершается в Церкви Христовой, это не только светлое воспоминание, это каждый раз новое и живое событие, без которого не существовала бы Церковь на земле. Для Бога нет времени в нашем человеческом представлении. Христос действительно постоянно рождается, и местом Его рождения, той самой пещерой, в которой он родился, является наше сердце!

37

За окнами джипа мелькали голые пальцы лесов. Адлеры везли дочь в аэропорт. Утром Энжела невзначай сообщила отцу, что родители Альберта со временем собираются приехать и поселиться с ними на новом месте на другом конце страны. Как обычно, Энжела не понимала значения того, что передавала. Герберта же словно осенило. Всё стало на свои места.

— Ты зря собираешься скандалить с мужем, — уже в машине сказал он дочери.

— Почему?

— Потому что его переезд был, по всей видимости, частью большого плана, а не случайным капризом его матери. Пока вы жили рядом с нами, как принц и принцесса, ни о какой самостоятельности не могло быть и речи. Его родители давно собирались уехать из России, как подойдет пенсионный возраст. Что ж, их можно понять... Пенсионерам на Руси не сладко! Известный факт...

— Ну и какое отношение это имеет ко мне? — недовольно спросила Энжела.

— Абсолютно никакого. Они завершат свой план, с тобой или без тебя — без разницы. Альберт получил вид на жительство в результате женитьбы. Теперь он может, что называется, «спонсировать» приезд своих родителей. А для этого ему нужно официально устроиться на более или менее постоянную работу, чтобы можно было доказать властям свою финансовую состоятельность хотя бы в течение одного года.

— Так что же с того?

— А то, что ты собираешься обвинять Альберта, что он маменькин сынок, а он тебе ответит, что он просто заодно со своей матерью, и именно так и должен вести себя настоящий сын.

— Но почему они не могли все это осуществить, оставив детей жить рядом с нами? — спросила Эльза.

— Потому что они считают, что мы, во-первых, могли бы воспрепятствовать их приезду, а во-вторых, и по всей видимости это главное — в нашем присутствии они невольно чувствовали бы себя обязанными нам за помощь в их переезде. Родители Альберта не такие люди. Они ни за что не желают быть обязанными... Поскольку наши дети не телились, и у них ничего не происходило, родители Альберта вмешались и выслали его туда, где впоследствии собираются обосноваться. Вот почему они поддерживают их финансово... Ну что ж, нас это, в общем устраивает!

— Меня это не устраивает! Я не хочу жить с его матерью!

— Ну, тогда они выдадут тебя нам обратно. Не подумай, они тебя любят и ценят, ты нравишься им, как невинная, хорошо воспитанная барышня, но если будешь брыкаться — тебя выставят в два счета.

— Я так не хочу!

— Боюсь, что тебя уже и не спрашивают... Видишь ли... У тебя было три пути. Первый — по которому ты и пошла —

это полностью перейти на сторону семьи мужа, во всем им потакать и так далее. Ты громче всех кричала, что тебе надоела эта лесная тюрьма, в которой стоит ваш дом. Кстати, это почти точные слова его матери. А теперь, когда он поехал осуществлять и твою мечту о переезде, ты начинаешь перечить.

— Что же я могла сделать?

— У тебя был второй путь — поддерживать свою семью, продолжать работать в нашем бизнесе, помогать нам с Патриком, чтобы мы могли сэкономить на няньках, и требовать от мужа, чтобы он тоже работал у нас. Ты же полностью порвала с нами всякие деловые связи, чем и создала удачную ситуацию, которой его родители не преминули воспользоваться. Теперь всю твою жизнь можно предсказать с точностью до года... Летом ты переедешь к мужу. Когда цены на недвижимость вернутся на прежний уровень или станут выше, чем во время покупки вашего дома, вы его продадите и отдадите деньги нам и его родителям, потому что они хотят, чтобы нам нечем было вас попрекнуть. Лет через пять-шесть, когда его родители переедут к вам, тебе разрешат завести ребенка, чтобы им можно было понынчиться с внуком или с внучкой. Не думаю, что тебе позволят родить больше одного. Ведь ваша семья в точности должна повторить семью его родителей. Ты будешь работать учительницей младших классов, а он так и будет болтаться с места на место, но это не важно, потому что его родители пока очень прилично зарабатывают, а выйдя на пенсию, продадут квартиру в центре Москвы, дачу и так далее, и приедут с небольшим состоянием. Мы, к вам, естественно, совать нос не будем. Мы и здесь-то не очень к вам лезли, а на другой конец страны и подавно не попремся... А через десять лет ты станешь точной копией своей свекрови! Но она милая женщина. Неконфликтная, интеллигентная. Так что нас это устраивает!

— Но моя жизнь будет совершенно бессмысленной! — заплакала Энжела.

— Ну почему? — возмутилась Эльза.

— А в чем ты видишь смысл жизни? — спросил Герберт.
— Смысл жизни — помогать тем, кто в тебе нуждается. Твой муж один, он плохо питается, а ты не желаешь везти ему сковородку и готовить обеды... Смысл жизни — дети, их воспитание, вера в Бога, наконец! А хочешь, я скажу тебе, в чем ты видишь смысл жизни? Хочешь, опишу твою идеальную жизнь?

— Угу... — хлюпала носом Энжела.

— Нигде не работать. Детей не рожать. По дому все делает прислуга. Вставать к полудню, завтракать в дорогом ресторане, покупать шмотки и побрякушки не считая денег, а после обеда до самого сна играть в компьютерные игры и смотреть телесериалы. Отчасти мы сами виноваты. Сами тебя так воспитали...

— А искусство? Она любит рисовать! — обиделась Эльза.

— Ах, да... Еще ты периодически будешь рисовать натюрморты, составленные из собственных туфель! Правда, я не уверен, что у тебя будет много работ, которые ты доведешь до конца! — Герберт задел за живое, потому что последняя незаконченная картина Энжелы имела именно такое содержание. — Я прав? Такой образ жизни тебя больше всего устраивает?

— Да, — простодушно призналась Энжела, и Герберту показалось, что дочь не видит в таком образе жизни ничего предосудительного.

— Такой образ жизни, во всяком случае, наиболее близкий к нему, ты могла бы вести только оставаясь с нами, да и то периодически, когда бизнес приходит в упадок, нужно работать всей семьей... Кроме того, теперь мы не стали бы выделять тебе столько денег на праздный образ жизни. Излишки, если таковые у нас обнаружились бы, мы отдавали бы нуждающимся, жертвовали на церковь,

на издание православных газет и литературы. Так что если нам выдадут тебя обратно, мы больше не будем подыскивать тебе мужа, а привлечем к благотворительной деятельности, помощи больным и бедным. А может, тебе уйти в монастырь? Неподалеку в греческом монастыре живет одна русская монашка, вот и будешь ей подругой. Ты же всегда шутила, что если не выйдешь замуж, то уйдешь в монастырь? Теперь нам это кажется замечательной и очень похвальной идеей.

В машине повисло молчание. Было слышно только мерное жужжание мотора.

— А какой третий путь? — поинтересовалась Энжела.

— Третий — всех послать подальше и начать жить самостоятельно. Построить свою жизнь независимо ни от кого.

— Все знают, что я на это не способна!

— Ничего страшного. Значит, в тебе не так уж много гордыни. Но чего бы ты ни достигла, удовлетворения тебе это не принесет, потому что женщина счастлива только в семье и в Боге. Холодная одинокая карьера — это путь к депрессии.

— Так что же мне делать?

— Люби мужа, и он ответит тебе тем же. Какой бы он ни был. Другой может оказаться не лучше. Тем более Альберт — добрый. Он нам нравится. А то, что он так вел себя с нами, — видимо, боялся, что мы будем препятствовать его планам насчет родителей, и пытался доказать, что толку от него нам не будет!

— То есть вас все устраивает? Сплавили дочку, и порядок? — неожиданно заносчиво прошипела Энжела.

— Ты сама сделала свой выбор, — ответила мать. — Люби мужа, постарайся быть полезной другим, и в этом и будет смысл твоей жизни. Посмотри на нас отцом. Мы практически не занимаемся собой. Церковь, газета, Патрик...

Незаметно машина подкатила к входу в нужный терминал аэропорта. Пришло время прощаться.

Герберт помог выгрузить из багажника ярко-красный чемодан, подаренный Адлерам индусом вместе с индийскими одеяниями. Во втором, зеленом чемодане, было пуховое одеяло и сковородка. Герберту хотелось плакать. Он крепко обнял дочь и долго не отпускал. Потом резко отвернулся и сел за руль.

Ночью позвонила Энжела и сообщила, что долетела.

Герберт спросонья вместо телефонной трубки схватил с ночного столика стакан воды и поднес его к уху. Вода неприятно обдала его. Герберт невольно рассердился.

— Куда долетела? В Париж? — саркастически вымолвил он.

— Нет, к мужу, — почему-то веселым, наглым, даже немного развратным голосом сказала Энжела.

— Ну и слава Богу, будьте счастливы, — пробормотал Герберт и положил трубку. Забавы Герберта Адлера плавно перетекли в забавы свекрови. Это была уже не его игра.

38

Печальное событие в нашей жизни. Не выходя из запоя, от нас съехал Верховный Мурковод Крыма, мой добрый собутыльник, который решил пожить вместе со своей чувихой в съемной комнате. Жаль, с тобой не знаком Герберт Адлер. Миленький Герберт, ты всегда был озабочен поиском материала для своих нетленных творений. Так вот, я предлагаю тебе приехать в Москву и занять освободившееся место в бомжатнике высокой культуры им. Н. К. Крупской. Надеюсь, двести баксов в месяц у тебя найдутся. Будешь жить в Москве, подобно Гаруну аль-Рашиду, и наслаждаться пестрой круговертью гастарбайтерской жизни. Правда, не знаю, берут ли на

работу без московской прописки. А я, так уж и быть, поручу вместо тебя твой бизнес.

Ты узнаешь много нового, ребята научат тебя пользоваться тридцатидолларовыми проститутками и пить из горла «Балтику» третий номер. Заживешь наконец полнокровной жизнью. А потом напишешь роман, который обессмертит твое имя в веках.

Сосед, торговец диванами, вчера сетовал, что слишком дорого брать двух девушек за раз. Пришлось отказаться, хотя это «мечта каждого мужчины». Странно, у меня таких «мечт» никогда не было. Наверное, я ненастоящий мужчина.

Чем я только не занимался на своей последней работе. Как-то весь день просидел в офисе в ожидании проверяющего из банка, в котором у одной из наших липовых фирм открыт счет. Кому принадлежит этот офис, мне неизвестно. Я должен был сыграть роль сотрудника фирмы и создать у проверяющего иллюзию кипучей деятельности на ниве закупок мебели и стройматериалов. Банковский юноша подъехал только в четыре. Наши «Рога и копыта» ему, кажется, забашляли, так что проверка превратилась в пустую формальность.

Уехал из Москвы на родину, в мой Быдлоград. По приезду выпил две бутылки «Туборга» (третья на подходе) и заскучал. Уехать, что ли, обратно, не дожидаясь Нового года... Видел сегодня своего одноклассника. Залысины, морщины, выглядит лет на десять старше меня. По городу невозможно нормально ходить, улицы покрыты ледяным панцирем. А я в своих «Umbro» с шипами. Город чугунного дьявола. Хочется нажраться вдохновенно, сокрушительно, по-нашему.

С грустью вспоминаю, как втроем в бомжатнике в Москве смотрели клип Кристины Софьиной на песню «Я полюбила бомбилу». Сэм назвал ее гимном нашей квартиры. В моем плеере она вертится в режиме нон-стоп. Какая же красotka эта Кристина! Мы все на нее... гм... молимся (честно

признаюсь, фразу украл). Итак, «Бомбила» — наш гимн. В одной из сцен Кристина толкает «Жигуль» своего возлюбленного. У соседа по этому поводу была припасена история. Однажды он купил проститутку, которую его друзья характеризовали как волшебницу любви. В свое время у него было две машины (как не вспомнить «всё проебать — ведь это тоже дар!»). Когда ехали на его тачке, кончился бензин. «Давай, вылезай, дотолкаем до заправки». Так и толкали вдвоем. Как женщина перетрудившаяся, она его разочаровала. «А распиарили-то!» Не знаю ни одного жителя столицы, хотя бы однажды не прибегавшего к услугам корыстных девушек. Жуткие подозрения терзают меня. Скучаю по тебе — мое московское обиталище. Пузырящиеся обои, сорванные газовые краны. Бомжатник.

Да, Москва подарила мне немало чудесных встреч. Как-то я пил кофе с Ксюшей, тяжело труждающейся в борделе. Тогда я был закодированный, в завязке... Поэтому вернее так — я пил кофе, а она шампанское, причем на мои деньги. Как вы думаете, чего вожделем Андрей Виригин с его алкоголизмом второй стадии из трех возможных — Ксюшу или шампанское? Но нельзя. Ей двадцать четыре года, из-под Костромы, ума ни унции. Выдула почти целую бутылку в один обаяльник. Рассказывала о постоянном клиенте на «лексусе», предлагающем жить вместе. А она, дескать, не хочет. Это еще раз доказывает, что на путь проституции женщин толкают не социальные условия, а темперамент. Впрочем, скорее всего, рассказ о влюбленном богаче — одна из тех сказок, которые есть в заглавнике у каждой девушки нетвердого поведения.

За последний год я познакомился со многими чудесными людьми. Один из них отец Василий, настоятель церкви, названия которой не помню. Возможно, я никогда его и не знал. Эта церковь находится в Подмоскowie. Был я там, кажется, дважды, когда привозил от Герберта Адлера православные книги и небольшие пожертвования. Перечисления на эти цели были в долларах, но деньги я

отдавал в рублях, округляя сумму в большую сторону и компенсируя разницу из собственного кармана. У отца Василия с отцом Никифором (духовник Герберта) есть общий знакомый — бизнесмен, который помогал этому храму, а впоследствии сквозанул за океан. Отец Василий — вылитый Бандитский Батюшка. Те же манеры, та же лексика. Иномарка, хороший мобильный, дома — спутниковый интернет. Побрить бы его и переодеть — ничем бы не отличался от обитателей нехорошей квартиры-бомжатника, в которой я имею честь проживать. Хитромордый низкорослый служка пригласил нас к себе в дом, а там классическая русская жратва: соленые огурчики, квашеная капуста, вареная дымящаяся картошечка в кружках лука. И, конечно, самогон. Пить я отказался. «Отец Василий, будете?» — «Обижаешь. Что я, не православный батюшка, что ли?» И всё бы ничего, долбанул и долбанул, но... Батюшке предстояло везти меня на своей иномарке обратно на вокзал. С пьяным гаишником я однажды ездил, а вот с пьяным священнослужителем как-то не доводилось. Вернувшись в Москву, я, что называется, пробил батюшку по базам, и оказалось, что с ГИБДД у него были серьезные нелады, но прав его не лишили. Может, у них взаимозачет — батюшка им грехи отпускает, а гаишники прощают ему прегрешения на дороге? Хороший мужик, мог бы заняться трудом на благо народа: стать торговцем наркотой, сутенером или на худой конец водителем-бомбилкой, но вот предпочел торговать опиумом для народа. Что ж, каждый сам выбирает дорогу, по которой ему идти.

Не знаю, за что можно любить христианство? За его учение любви к убогому? Или за то, что оно говорит то, что люди рабы Господни? И за это мне любить христианство? Нет уж, увольте, но мне такая вера не по сердцу, язычество и то мне больше по душе, там хотя бы про природу строки есть. А чего в христианстве? Снова грязью тебя обливают, а

ты должен ноги икон целовать, уж извините меня, но больно убого это!

Несуществование Бога доказано, равно как и лживость Библии (особенно Ветхого Завета), все современные христиане просто дикари и дегенераты.

Это дерьмо извращает историю, заставляет людей становиться быдлом. Презренные верующие есмь тупые идиоты, верят во всякую библейскую ложь, игнорируя факты, они забивают себе свои тупые головы враньем, потому как с ним живется легче...

«Бог умер!». Это религия рабов. Я могу долго разглагольствовать на эту тему, но не вижу смысла. Я не могу понять, как можно опять-таки насиловать себя в угоду кому-то. Как может всепрощающий Бог требовать покаяния в грехах, иначе не простит! Лучше всего сказал Ницше в «Антихристе»: «Как можно поклоняться разложившемуся телу на полуистлевшем куске дерева?»

Христианство, по-моему, самая глупая и опасная для человеческой духовности религия. Вообще религия — это способ контроля над людьми и вбивание им в голову тупых догм. Христианство с самого начала тормозило прогресс на Земле. Оно предлагает пассивно прожить жизнь, чтобы потом попасть в рай... Какая глупость.. Нет никакого рая и быть не может. А Библия — это вообще книга для баранов. Когда прочитал, у меня волосы дыбом встали... Такой ерунды никогда не видел и не увижу, наверно... Мне очень жаль христиан. Особенно если они фанатики... Тогда можно сказать, что жизнь потеряна...

Крепко задумался над фразой Герберта Адлера из его последнего романа: «Сосочки оказались тоже малюсенькими, ярко-розовыми и обворожительно выступали над овалами, как пипки на куполах церквушки». Под овалом Герберт имел в виду ареолу (пигментированную кожу вокруг соска)? Или все-таки грудь в целом? Ареола, как известно, овальной быть никак не может. Но ведь и грудь никакой не овал, а полукружие.

Кажется, недоглядели здесь редактора, а заодно с ними и я, грешный... Православного писателя сразу видно: «пипки на куполах церквушки».

39

После возвращения в Грецию апостол Андрей остановился в городе Патрос (Патра), расположенном у Коринфского залива. Многие чудеса явил Господь через ученика Своего в этом городе. Недужные исцелялись, слепые прозревали. По молитве апостола выздоровел тяжело больной знатный горожанин; наложением апостольских рук исцелилась жена правителя Патрского, которая от всего сердца уверовала во Христа и стала ученицей апостола. Его пламенное слово просветило истинной верой почти всех граждан города Патры, а язычник, местный правитель, возгорелся ненавистью против апостола Андрея и приговорил его к распятию на кресте. Апостол Андрей не раз обращался к нему со словами Благовестия. Но даже чудеса апостола не вразумляли тирана. Святой апостол с любовью и смирением взывал к его душе, стремясь открыть ему христианскую тайну вечной жизни, чудотворную силу Святого Креста Господня.

Мир ненавидит христиан, от которых он не терпит никакой обиды, за то, что они вооружаются против его удовольствий. Христиане же любят тех, кто их ненавидит. Душа заключена в теле, но в сущности она сама содержит тело. Так и христиане, заключенные в мире, как в темнице, сами сохраняют мир. Бессмертная душа обитает в смертном жилище; так и христиане обитают, как пришельцы в тленном мире, ожидая нетления на небесах. Душа, претерпевая голод и жажду, становится лучше; и христиане, несмотря на наказания, всё больше умножаются

с каждым днем. Вот какое славное положение определил им Бог, и от него им нельзя отказаться.

Тех, кто отрицает христианство, должно быть просто жаль. Это большое несчастье — не знать ничего об истинном Боге, его Законе и счастливой жизни православных христиан. Может, кто-то не согласится и скажет, что жизнь у них не такая счастливая, но в сердцах всегда живут и крепнут надежда и упование. И не стоит думать, что жить на Земле будем вечно... Да и вообще — как можно ненавидеть христианство?

40

На следующий день после проводов дочери Герберт проснулся в отвратительном настроении. Его внезапно осенило, что история с насилием со стороны родителей повторяется из поколения в поколение. Совсем недавно его собственная мать вывернула его наизнанку, практически довела до разорения и расстроила ему всю жизнь. Невероятно! Он, который считал себя независимым, попался на точно такую же удочку... Родители, переезд за границу... Его мать терпеливо, десятилетиями словно бы выжидала удобного момента. И дождалась! Почувствовала слабость, когда Герберт свихнулся на христианстве. Причем Герберт помогал родителям все эти годы, обеспечивая их настолько, что они постоянно пользовались прислугой и даже откладывали деньги. А приехав к нему, они начали вести себя так, словно во что бы то ни стало желали разрушить жизнь своего сына. Может быть, неосознанно, хотя Герберту казалось, что мать вела себя как фурия вполне осмысленно.

С родителями Эльзы — та же история, причем повторявшаяся уже несколько раз: переезд за границу, попытка поселиться с детьми, скандал... А у самих ведь то же самое: девяностодвухлетняя баба Маня довела

семидесятитрехлетнего сына до того, что он провозгласил: «Я ненавижу мать!» Но теперь она умерла и он, должно быть, казнит себя нещадно.

Переплеты поколений... Разорвать эту магическую заколдованную связь, этот проклятый круг... Ничего не получилось! Герберт навязывал своим детям работу в своем бизнесе, свое видение жизни... То есть он продолжал тот же самый почин!

Недаром Иисус сказал, что враги человека домашние его. И еще: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч; ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее...»

В одном доме не могут быть две головы. Мужу глава — Христос, а не отец и мать. Жене глава — муж. Строительство новой семьи меньше всего нуждается в том, чтобы кто-то контролировал ее или опекал. Значит, то, что произошло с Энжелой, — неправильно! И я не прав, и родители мои... И родители Эльзы. Мы все не по-христиански живем. Видим только свою выгоду, лелеем только свое самомнение, молимся сами на себя. Видим в избранниках детей наших только средство к исполнению наших планов или же препятствие, и таким образом и действуем. В соответствии с этим и относимся к зятям и невесткам нашим. О ужас! Как вырваться из этого круга? Как не забывать, что это вязкая, липкая, бесовская страсть — понукать своими детьми! Конечно, легче всего вздохнуть и развести руками — мол, что поделаешь? Заповедано нам уважать родителей своих... но ведь не сказано, что родители должны руководить жизнями своих отпрысков. Более того. Христос явно противится этому.

Когда Энжела вернулась, Герберт не выдержал и стал расспрашивать ее. Она не хотела отвечать, жалуясь матери: «Ну почему он задает вопросы?», что означало, как обычно, мольбу оставить ее в покое. Наконец Энжела созналась, что Альберт спит на полу в какой-то совершенно

невозможной каморке, а в честь ее приезда стащил где-то матрас. Так что она по тамошним меркам почивала, как королева...

Энжелу не устраивало многое. Альберт опустился, выглядел как бродяга, исхудал до невозможности... Герберт от острой жалости тут же предложил дочери отправиться отдохнуть в тропики. Энжела согласилась.

Это разозлило и Альберта, и его родителей. Альберт сначала дипломатично сказал жене, что не возражает, но потом его прорвало.

— Если ты мне изменишь, я тебя никогда не прощу!

— Тогда бросай всё и поезжай со мной! — заученно требовала Энжела.

— Я не могу, ты же знаешь... У меня работа!

— На которой ты получаешь в два раза меньше, чем до отъезда!

— В тропических странах опасно! Ты — наивная!

— Ты всё сказал?

— Мне нечего больше сказать.

— Тогда пожелай мне счастливого пути...

Поначалу Адлеры добились желаемого эффекта. Альберт был вне себя от ревности и раздражения, что Энжела вышла из-под его контроля. Но в тропиках Энжела сразу же заскучала и стала каждый день ждать его звонка. Чего же ей надо? Герберт пытался понять этих людей. В них было нечто общее. Нельзя сказать, что они были глупы. В каждый отдельный момент времени они могли рассуждать вполне трезво, но так часто меняли свои взгляды, ничуть не находя в этих переменах несоответствий и внутренних противоречий. Многие пересматривают свои взгляды в течение жизни, но по крайней мере не меняют их по десять раз на неделе. А именно это и происходило с их детьми. Особенно с Энжелой. Она и любила Альберта, и не любила его, она хотела путешествовать, но в то же время хотела оставаться дома, ей не хотелось слушаться свекрови, но она

боялась ей противоречить. Надо сказать, родители Альберта скрыли свое неудовольствие отъездом Энжелы.

— Во всяком случае, что бы мы ни предпринимали, мы всегда будем оставаться с Энжелой в дураках! Она просто не видит внутренних противоречий в себе самой, и поэтому все вокруг нее чувствуют себя в дураках: родители мужа, которые оплачивают ее жилье и учебу, в то время как она отправляется на юга; Альберт, который ждет ее к себе спать на полу а-ля рай в шалаше; мы, которые тратимся на ее поездку только для того, чтобы она вдруг осознала, что хочет домой, а на следующий день решила, что вовсе не домой хочет, а к мужу, — рассуждал Герберт. — Хотя мы слишком скоры на осуждение! Как легко выносим приговоры... Боже, что же с нами происходит? Почему, как дети неразумные, мы не можем усвоить таких простых и непреложных правил: «Не суди... Возлюби...» И ведь это не только сейчас, не только здесь, во мраке нашей нынешней пустопорожности... Это во все времена... Не можем... Не умеем...

Эльза не слушала и сердилась. Она не была настроена на философско-сентиментальный лад.

— Все-таки надо было послать ее ко всем чертям... — кипела она.

— Мы не можем, мы ее любим, — возражал Герберт.

— Что же нам делать?

— Поддакивать и не раздражаться... Помнишь, в притче о блудном сыне... Когда сын просит отдать часть его наследства и отправляется кутить, отец его отпускает. Когда же нищий блудный сын возвращается, он принимает его с радостью...

— Видимо, я плохая христианка... — вздохнула Эльза. Было видно, что у нее разболелась голова. Она терла левый глаз и на лице ее, как бледная лилия, расцветала гримаса страдания.

— Я не думаю, что у нас есть иной выход. «Что отлучит нас от Любви Божией? скорбь, теснота, гонение, голод,

нагота, опасность, меч?» Вроде бы мы ничем не стеснены... Мы не можем оставить дочь без нашей любви, и мы будем поддерживать ее в том направлении, куда будет дуть ее беспорядочный ветер, пусть он меняет свое направление хоть по тридцать раз на дню.

— Не создаем ли мы из нее чудовище?

— Напротив, поступать иначе чудовищно... Мы пытались! Пусть тщетно, но все же при всяком случае разъясняли... Если бы мы не пытались вразумить ее все эти годы, тогда другое дело Ты же видишь, что всё было бесполезно... Нужно принимать ее такой, какая она есть, всегда с улыбкой, приязнью, любовью, терпением... Как больную... Ведь все мы в той или иной мере хронически больны. Наши болезни духа превращаются в такую привычку, что их уже не отличить от черт характера...

— И теперь она спрашивает, не разочаровала ли она нас... — не унималась Эльза.

— Думаю, что и мы ее разочаровали...

— Чем же?

— Тем, что к чужим относимся лучше, чем к своим... Этот парадокс так знаком и неизбежен! Родных мы всегда судим строже и наказываем сильнее... Вечные неумные прокураторы Иудеи...

С Никой Герберт познакомился еще в бытность свою чтецом при церкви отца Никифора. Она смущала его своим математическим умом, таким неженским и в то же время склонным к слепоте в постижении элементарных душеспасительных истин. Недаром именно математикам было суждено извечно погружаться в вопросы

богопознания. Если Бог — явление простое, то именно математикам и следует его объяснить. Единичен, троичен... звучит как математическое откровение...

— В университете, когда мы, еще совсем зеленые, пришли на первую лекцию, нам сказали; вот стоят три березы. Докажите, что их три! — часто вспоминала Ника.

У нее была взрослая дочь, хотя сама она выглядела настолько молодо, что нельзя было сказать, тридцать ей или сорок. Едва заметная седина на висках придавала утонченную прелесть ее лицу.

Герберт часто доводил Нику до слез, едва речь заходила о вере. Он уже пытался избегать этих разговоров. Почему-то стоило ему указать Нике на ее маловерие, что в православных кругах является обычной практикой, как она приходила в отчаяние и выбегала прочь со слезами.

— Вот тебе и математик, не по-женски логичный и остроумный... — вздыхал Герберт и зарекался беседовать с ней на эти темы, но потом снова забывался и всё повторялось, как в дурном водевиле, с претензией на вечную театральность, духовность и возвышенность.

Нику выводил из себя метод доказательств, применяемый Гербертом. «Пока ты не уверуешь, не убедишься». Но как же можно уверовать, не убедившись? Что-то мешало Нике в этой разорванной геометрии богословия и неизменно вызывало приступ чуть ли не истерики. Возможно, было нечто более глубинное и неизвестное в отношениях Ники с Богом, в чем можно было бы попробовать разобраться в личной беседе, но Герберт опасался Ники, потому что она, будучи математиком, была всё же слишком женщиной, и Герберту казалось, что ему постоянно приходится погружаться в губительную зону ее притяжения. Он не хотел двусмысленности и старался держаться подальше.

Дочь Ники собралась замуж за молодого человека, убежденного в своей гениальности, и сначала словно бы шутя, но потом вполне серьезно встал вопрос о их венчании в церкви Герберта Адлера. Юношу привели к

нему для беседы, поскольку он, по всей видимости, не принадлежал ни к одной из известных религиозных конфессий, что нередко случается с людьми неординарными, к которым некогда причислял себя и сам Герберт Адлер.

У Эрвина были слегка выпученные глаза, которые он любил пучить пуще натуральной их выпученности, чем, по мнению дочери Ники, напоминал своих предков — итальянских князей.

— Стоит ли мне принять православие? — по-деловому начал Эрвин.

— Верите ли вы в Бога? — ответил вопросом на вопрос Герберт.

— В какой-то мере я допускаю, что существует некая разумная сила над всеми нами... Но мне кажется маловероятным, что ей есть какое-либо дело до нас...

— Вот как? — Герберт улыбался. Ему казалось смешным, что каждый думает, будто занимает блестяще оригинальную позицию в основных вопросах мироздания, а потом оказывается, что это не более чем очередная ересь, давно известная и побежденная.

— Что вы можете посоветовать разумному человеку? Зачем нужна вера в Бога?

— Как раз на это, пожалуй, ответить несложно. Как раз для таких случаев известно пари Паскаля — предложенный математиком и философом Блезом Паскалем аргумент для демонстрации рациональности религиозной веры. В своей посмертно изданной работе «Мысли о религии и других предметах» (фр. *Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets*), написанной в 1657—1658 годах, Паскаль рассуждал, есть Бог или нет.

На какую сторону мы склонимся? Разум тут ничего решить не может. Нас разделяет бесконечный хаос. На краю этой бесконечности разыгрывается игра, исход которой неизвестен. На что вы будете ставить? Для поиска ответа Паскаль предположил, что шансы существования

или отсутствия Бога примерно равны или, по крайней мере, конечны. Тогда возможны два варианта: жить без веры крайне опасно, так как возможный «проигрыш» в случае существования бога бесконечно велик — вечные муки. Если же его не существует, то цена «выигрыша» невелика — безверие нам ничего не дает и от нас ничего не требует. Реальным выигрышем атеистического выбора будет уменьшение затрат на религиозные обряды. Жить по канонам веры неопасно, хотя и чуть более затруднительно из-за постов, всяческих ограничений, обрядов и связанных с этим затрат средств и времени. Цена «проигрыша» в случае отсутствия Бога невелика — затраты на обряды. Зато возможный «выигрыш» в случае Его существования бесконечно велик — спасение души, вечная жизнь. Какова же оценка рассматриваемых вариантов? Паскаль делает вывод о том, что второй вариант предпочтительнее, что глупо хвататься за конечные величины, если можно приобрести бесконечные. Чем вы рискуете, сделав такой выбор? Вы станете верным, честным, смиренным, благодарным, творящим добро человеком, способным к искренней, истинной дружбе. Да, разумеется, для вас будут заказаны низменные наслаждения — слава, сладострастие, — но разве вы ничего не получите взамен? Говорю вам, вы много выиграете даже в этой жизни, и с каждым шагом по избранному пути всё несомненное будет для вас выигрыш и всё ничтожнее то, против чего вы поставили на несомненное и бесконечное, ничем при этом не пожертвовав.

— Убедительно. Но мне кажется этот ваш догмат о Святой Троице представляет собой нечто несуразное. Зачем вам это надо? Верили бы в единого Бога...

— Очень трудно что-либо объяснить человеку, который спорит не с истинами веры, а со своими собственными представлениями о них. Причем всякий считает, что, услышав что-нибудь краем уха, он вполне созрел вести

богословские споры. Когда, например, вы последний раз перечитывали Евангелие?

— Я его, честно признаться, не читал, но вполне имею представление о том, что там написано.

— Блестяще... Почему вам не приходит в голову поступать так же, когда разговор касается других предметов. Например: «Я Канта не читал, но знаю, что он неправ.»

— Как раз Канта я читал...

— Вот именно!

— И все же, не уклоняясь от темы, почему вам так необходима вера в Троицу?

— Мы не выбираем, во что верить. «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу» — вот слова, которые постоянно повторяются в Церкви. «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа» — возглашает священнослужитель в начале Божественной Литургии. Это не чья-то прихоть. Просто вера в Троицу вытекает из всего того, что нам поведал Иисус Христос.

— Что, Он так и заявил? Мол, мы с Отцом и Святым Духом — триединый Бог?

— Во всяком случае, такой вывод неизбежно вытекает из всего сказанного Им. Почитайте сами.

— Я обязательно прочту...

— Ах, если бы прочтение Евангелия решало вопрос... Прочел книжечку — и уверовал...

— А разве не так?

— Увы... Вера — тоже дар Божий. Ее тоже нужно вымаливать...

— Как же это?

— А вот так: «Верую, Господи! Помоги моему неверию!»

— Понимаю... То есть если неверующий обратится с мольбой к Богу дать ему веру, то тем самым он уже превращается в верующего, ибо почему бы неверующему вообще обращаться к Богу?

— Если отместить мистическую сущность молитвы...

— Не подтасовочка ли это?

— Во всяком случае, иного пути нам не известно. Если кто-то страдает неверием, никакая логика его не убедит. Глас с неба услышит — решит, что галлюцинация.

— А разве логике учит вера?

— Как это ни покажется странным, именно так. Вера основывается на логике. Да и сам Спаситель нередко взывал к разуму человеческому, а не к сердцу. «Всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке...»

— Так почему же вы говорите, что логика не может убедить человека поверить?

— Потому что неверующий будет приводить свои доводы снова и снова, по кругу, до бесконечности. И, один раз согласившись с нами, через минуту снова станет талдычить свое.

— Почему?

— Да потому что «имеющий уши да услышит». А человек, не готовый внимать, — глух. Он хуже глухого. Глухой, по крайней мере, осознает свой изъян... В Святой Церкви мы живем в Царстве Пресвятой Троицы. И в Пресвятой Троице — наша жизнь. Поэтому неудивительно, что наша высшая радость, ощущение и сознание полноты жизни выражаются хвалою Пресвятой Троице. Если же мы не всегда радуемся, вознося эту хвалу, то потому, что мы далеки от полноты совершенной жизни и недостаточно сознаем, что источник ее есть Пресвятая Троица.

— Для меня это пустые слова... Как может быть, что Бог одновременно троичен и един?

— Как солнце существует само по себе, но при этом проявляется в свете и тепле, так и Бог проявляется в Слове, сыне своем едиnorodном, и в Святом Духе... Единому Богу поклоняются многие, в частности иудеи и магометане, а Богу — Пресвятой Троице — только христиане, и в этом их великое преимущество. Тайну, что Бог, хотя и один, но

Троичен в Лицах, открыл нам Иисус Христос. Он открыл нам и то, что Бог есть любовь. Одна великая тайна помогает нам приблизиться к другой: Бог есть любовь, потому что Он Троичен в Лицах; и Бог Троичен в Лицах, потому что Он — любовь.

— Мне кажется, это — всего лишь слова... Но, впрочем, вы сказали, что так мне и должно казаться. Я почитаю...

— Только приступайте к чтению со смирением.

— Это как?

— Ну, вы же считаете себя одаренным человеком, весьма талантливым?

— Разумеется...

— И вы думаете, что в этом ваша заслуга?

— А чья же?

— Вдумайтесь в значение слова «одаренный». Одаренный кем?

— Это просто форма языка... анахронизм с тех пор, когда считалось, что все дается от Бога.

— А вы так не считаете? Разве вы не могли родиться идиотом?

— Мог...

— Вы же родились не сами по своей воле. Значит, всё, что у вас есть, — не ваша заслуга... Вот с таким смирением и следует приступать к чтению, в противном случае Евангелие будет вас раздражать...

— Ну, если Бог — Любовь, то почему же это мне не должно нравиться?

— Потому что на свете есть Зло, которое не желает, чтобы вы тянулись к Богу.

— Я думаю, что зло относительно.

— Вы так считаете? Не думаю... Вспомните о кошмарах в истории человечества...

— Значит, Божественная любовь несовершенна?

— Даже человеческая несовершенная любовь соединяет людей между собой как бы в одно существо, например супругов, семью, друзей. Относительно людей — это

больше слова, чем действительность. Но любовь Божественная безмерна и потому Лица Пресвятой Троицы, по всемогуществу Их взаимной любви, суть действительно один Бог, имеющий одну сущность и живущий одной жизнью.

— Опять же звучит легковесно... Ну хорошо, пусть будет Троица...

— Вера в Пресвятую Троицу — это не просто догмат о вечно осуществляемом и осуществленном торжестве любви. Она дает нам твердое основание верить, что, стремясь к единству всех на земле, мы, христиане, гонимся не за утопической мечтой, а стремимся к тому, что от века существует и что есть самый принцип подлинной жизни. Зная, что Сам Бог есть высшее единство в любви, бояться ли нам кого-либо, кто ненавидит, кто разъединяет, кто хочет убить или разлучить? Таково жизненное значение для нас догмата о троичности Бога.

— Заманчиво, но не вполне убедительно.

— Не убедительно потому, что вы считаете себя, человека, мерой всех вещей. Познать Бога по-настоящему, проникнуть до конца в тайну Пресвятой Троицы мы не можем. Если сердце человека и загорается на время чистой любовью, ему не вместить в полной мере пламени Божественной любви, которая пылает неослабно и вечно. Бог познается сердцем, потому что сердцем познается любовь. Но если сердце не может до конца вместить и познать Божественную любовь, это может сделать разум; он разбирается только в том, в чем уже удостоверилось сердце. Если всё же мы знаем что-либо о Боге, то потому только, что Бог Сам нам открывается. Мы знаем о Боге из Божественного Откровения, которое есть излучение Божественной любви, ее свет.

— То есть вы мне предлагаете расслабиться, снять круговую оборону и внимать. Давайте представим, что я готов слушать. Что же мне откроет Бог о себе?

— Из Божественного Откровения мы постигаем, что Бог есть «Сущий». Это означает, что только Бог существует самым полным и совершенным образом.

— Хорошо... Как же Он совершенен, если Ему нужны люди?

— Совершенство Божие означает, прежде всего, что Бог ни в чем не нуждается, что Он ничего не лишен. Бог — это полнота всех качеств и каждое Его качество совершенно, а все вместе они сочетаются в полной гармонии. В этом заключается полное единство Божие, Божия простота. Святые люди, в сердце своем переживавшие близость Божию, единогласно утверждают, что Бог прост. Однако простота Бога не означает отсутствие в Нем богатства или множества свойств. В сотворенном мире предметы, как образы Прекрасного, дают нам примеры такого единства во множестве, или простоты при богатстве...

— Ну а какое всё это имеет практическое приложение? Как всё это должно влиять на мою жизнь?

— Для жизни в Боге необходимо помнить заповеди... Первая заповедь: «Аз есмь Господь Бог твой: да не будут тебе бози иные разве Мене...» Подумай: действительно ли ты не любишь никого и ничего столько, как Бога, никого более Бога не чтишь и не слушаешь; относишься ли к Богу с полным доверием, не роптал ли никогда на Бога? Вторая заповедь не велит поклоняться идолам. Не служишь ли ты более мамоне (капиталу), чем Богу? Своему чреву, своему самолюбию, своей гордости, любостыжанию, объедению, пьянству, сильным мира сего до забвения Бога? Третья заповедь гласит: не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно. А ты не употребляешь ли Имя Божие часто в шуточных разговорах и вообще без всякого благоговения? Не осеяешь ли себя крестным знамением безо всякой мысли о распятом за нас Господе, кое-как и иногда шутя? Не молишься ли Богу одними устами — холодно, рассеянно, а не сердцем и всею душою? Четвертая заповедь повелевает чтить праздничные и выходные дни и

посвящать их Богу и душеспасительным делам. Как же ты их проводишь? Не имеешь ли привычки работать по праздникам? Но в праздничные дни мало того, что не надо работать, а и проводить их следует в святости, в богомыслии, в чтении слова Божия и духовных книг, в молитве, в творении милостыни, в посещениях больных и облегчении их участи и т. п. Наблюдаешь ли за этим? Пятая заповедь: чти отца твоего и мать твою. ... Здесь припомни всю твою семейную жизнь с родителями, братьями, детьми, затем перейди к общественной и церковной жизни, насколько ты исправен в исполнении обязанностей, предан духовным отцам, в отношении к крестному отцу и матери и своим крестникам исполняешь ли свои обязанности? Широка эта заповедь. Не виновен ли ты в чем против нее? Шестая заповедь: «Не убий». «Не виновен я против нее», — говоришь ты себе. Да, пусть ты не убил никого. Но разве только делом можно убить человека? Бывает и слово клеветы, осуждения, ненависти и презрения хуже ножа. Можно сделаться убийцей другого и таким образом: человек страдает в нужде, мучится, рвется изо всех сил, и уже больной всё же идет на работу. Ты мог бы помочь ему, но не помог, и он от перенапряжения умер. Кто его убийца? По закону совести и ты виновен в его смерти. Ты должен был если не сам, то через людей помочь ему — и он жил бы еще. Итак, если ты не оказал сострадания несчастному, не утешил печальных, не помог ближнему, не наставил на путь истины и добра заблуждающихся, не отвратил от соблазна, а, может быть, и сам погубил чью-либо душу грехом соблазна, то ты, без сомнения, к великому несчастью, виновен и против шестой заповеди закона Божия, запрещающей убийство. Можешь ли сказать, что ты не согрешил против нее? Седьмая заповедь запрещает всякую плотскую нечистоту... Сюда же относятся разные нескромные игры и шутки, непристойные песни, вредное чтение, страсть к нарядам и театральным зрелищам. Не виновен ли ты в этом? Восьмая заповедь: «Не укради». Ты

не вор, это так. Но всякий обман, подлог, утайка — тоже воровство. Скажу более, к разряду воров должны быть причислены и все, кто, так или иначе, живет на чужой счет, тунеядцы, люди, промышляющие разной легкой наживой, немилосердные, скупые всех родов и видов, расточительные домохозяева, разоряющие через то свои семьи и так далее. Не виновен ли ты в этом? А против девятой заповеди и тем более кто из нас не безответен? «Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна», — говорит Господь. Кто из нас не сказал ни разу лишнего слова про другого? А двоедушие, сплетни, пересуды? И против десятой заповеди кто из нас чист? Кто чужд зависти? Кто чужд нечистых, корыстолюбивых и прелюбодейных желаний? Не согрешил ли ты и против этой заповеди? Кроме десяти ветхозаветных, нужно припомнить и девять евангельских заповедей. Стараются ли воспитывать в себе чувство смирения, сознание собственной недостойности? Скорбите ли слезно о своих грехах и слабостях? В обращении с ближними всегда ли были и стараетесь быть кроткими? Жаждете ли святости и высшей праведности? Внимательны ли к нуждам ближних? Считаете ли себя обязанными помогать нуждающимся, утешать печальных, посещать больных, вразумлять неразумных и вообще быть ко всем милосердными? О чистоте сердца прилагаете ли старание? Не питаете ли в сердце зависти и дурных пожеланий? Заботитесь ли об умиротворении враждующих? Готовы ли претерпеть за правду хотя бы легкие скорби? Любите ли вы Господа Иисуса настолько, чтобы за Него пожертвовать собой?

— Ну, хорошо... Скажем я нашел в себе грехи и покался...

— Если твое раскаяние искренно и священник отпустил грехи — можешь приступать к причащению. Причащение — самое важное и непостижимое Таинство Православной Церкви, в котором верующий принимает Тело и Кровь Спасителя под видом хлеба и вина. О Своих Святых Дарах

Господь так говорит в Святом Евангелии: «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6: 56). Таинство Причащения подает человеку силы для благодатной жизни во Христе. Причащаясь, мы становимся сами частью Его Тела как члены Его Церкви.

— Так или иначе, я сделал два вывода. Я попрошу у Бога дать мне веру и прочту Евангелие, — утомленно промолвил Эрвин.

42

У нового священника были светлые глаза. Несмотря на пожилой возраст, они светились какой-то совершенно необъяснимой и, может быть, даже неуместной для иеромонаха молодостью. Всегда веселый семидесятипятилетний отец Иннокентий сменил сорокалетнего хмурого отца Матвея, который, сказавшись нездоровым, по сути бросил приход Герберта Адлера. «Имя Иннокентий означает невинный...» — пронеслось в голове у Герберта. После службы, прошедшей спокойно и в то же время волнительно, все уселись за стол. Прихожане принялись представлять себя новому батюшке. Немцы снова повторили свои истории. Уже как по заученному герр фон Паули отчитался — русские освободители изнасиловали сестер, братьев убили, отец погиб при бомбежке в Берлине, его самого чуть не расстреляли за попытку воровства овощей с собственного огорода. Фрау добавила о своих родственниках, раздавленных русскими танками. Потом жена серба призналась, что отец ее — немец и был фашистским солдатом. Русские за столом оказались из бывших власовцев. Герберт Адлер сам был из обрусевших немцев, прибывших в Россию задолго до обеих

мировых войн. Ему претило прошлое Германии. Теперь же у него за столом собрались сплошные фашисты! Пусть полураскаявшиеся, но всё же... Он с надеждой посмотрел на серба. Ну этот-то, по крайней мере, не фашист, настоящий православный. Не тут-то было. Серб оказался гораздо старше, чем выглядел. В свои восемьдесят пять он держался молодцом.

— В Югославии тогда за каждого убитого немецкого солдата расстреливали сто мирных жителей. Ну... Я пошел служить в отряд, который отлавливал партизан по лесам... Когда война кончилась — я бежал через всю Европу... Освободители таких, как я, расстреливали на месте, без суда...

Герберт поморщился и снова заговорил о том, что после окончания войны прошло уже шестьдесят лет, что по сути всё это — история и что нужно покаяться и забыть. Не смотреть в прошлое. Не давать старым грехам заслонять путь к Богу.

— Забыть? Забыть тех, кого мы любили? — сверкнула слезами фрау фон Паули.

— Нет, забыть нужно раскаянные грехи, — в который устало раз пояснил он.

За столом повисло молчание. Все ждали, что отец Иннокентий расскажет о себе. Он же добродушно посматривал на собравшихся и скромно жевал корочку. Как многие монашествующие, отец Иннокентий постничал и в обычные дни.

— Отец Иннокентий, расскажите о себе, — предложил Герберт, зная, что новый священник поляк и надеясь, что хотя бы в его случае не выйдет какого-нибудь рассказа о сотрудничестве с фашистами.

— Я родился в Польше... Учился в Духовной Академии в Варшаве.

— А как на вас отразилась война? — спросил фон Паули.

— Мне кажется, вас смутят подробности моей жизни, — уклончиво ответил отец Иннокентий и отхлебнул чаю.

Все решили, что отцу Иннокентию есть что скрывать и оставили его в покое.

Отец Иннокентий заговорил совсем о другом.

— Я хотел бы сказать относительно исповеди и Святого Причастия. Мне задали вопрос, как часто следует прибегать к этим таинствам... — отец Иннокентий посмотрел на серба, и всем стало ясно, от кого поступил этот вопрос. Серб исповедоваться не любил и всё время пытался увильнуть. — Чем чаще, тем полезнее для души исполнять сей долг наш духовный по нынешним временам, но, разумеется, всегда надо подходить ко Святой Чаше с полным сознанием своего недостойнства и греховности, с сердечным сокрушением и с мытаревым смирением и молитвою: «Боже, милостив буди нам, грешным!» Вот и в сегодняшнем чтении Евангелия мы читали притчу о мытаре и фарисее... — отец Иннокентий посмотрел на Герберта.

Герберт заговорил о притче, а отец Иннокентий слушал и кивал. Потом заговорили о скором Великом посте, и отец Иннокентий снова взял слово.

— Помышляйте больше о посте духовном, который выше и ценнее телесного. Чтобы войти в Царствие Небесное, надо сдерживать греховные порывы свои, утишать разбушевавшиеся страсти, словом, употреблять над собой усилие. Но это усилие не должно ограничиваться одним воздержанием от страстей, пищи, но должно простираться на все внутренние и внешние действия наши. «Если мы воистину станем искать Бога, то Он Сам придет к нам и мы увидим Его, и если чистым житием удержим Его, то Он Сам пребудет с нами», — закончил он свою мысль словами преподобного Арсения Великого.

Затем инициативу в разговоре снова захватил неугомонный герр фон Паули. Вспомнив, что отец Иннокентий из Польши, он к всеобщему смущению поведал, что один из его родственников руководил концлагерем в этой стране. Герр фон Паули рассказывал об этом одновременно со стыдом и с гордостью.

— Да, что говорить... Ведь мой дядя — штурмбанфюрер СС Макс Йохан Фридрих Паули был повешен как военный преступник. Да! Хотя выполнял долг, присягу... В 1939-м он был в составе эйнзатцгруппы, наводившей порядок на захваченных территориях Польши. Потом участвовал в создании близ Данцига концентрационного лагеря Штутгоф... Навел и там идеальный порядок...

— Хватит, — прервала его фрау фон Паули, — тут гордиться нечем...

— Ну что ты! Я раскаиваюсь...

— Разве можно каяться за грехи, совершенные другими? — наигранно возмутилась фрау фон Паули, поглядывая на отца Иннокентия. Тот посмотрел на нее своими обворожительными светлыми глазами.

— Единственное истинное настоящее счастье на земле — это жить для Бога. А это невозможно без полного и всецелого покаяния. Да укрепит вас Господь в этом убеждении и настроении, — мягко сказал он.

Трапеза закончилась тем, что немцы пригласили Герберта, Эльзу и отца Иннокентия на обед в конце следующей недели. Батюшка охотно согласился.

Когда отец Иннокентий уехал, Герберт принялся возмущаться, что у него получился не приход, а какой-то рассадник фашизма, что все его прихожане так или иначе были связаны с коричневым Змеем. Когда через пару дней его навестил отец Никифор, Герберт продолжил свои жалобы.

— Ну и чувство юмора у Господа Бога! Собрал ко мне сплошных фашистов. Отец Иннокентий вообще отказался рассказывать о себе. Представляю, что у него там припасено. Небось, тоже какой-нибудь бывший староста...

— Быть страдальцем за правду — высшая честь и слава, какая только может быть на земле, — уклончиво ответил отец Никифор и, помолчав, добавил: — Православные священники-евреи — редкое явление, но люди эти всегда

глубоки, необычны и искренни. Многие заканчивают жизнь, приняв мученическую смерть...

— Вы это к чему? — Герберт не скрывал свое недоумение.

— Отец Иннокентий — еврей. Крещеный еврей.

— Да... у Господа Бога действительно исключительное чувство юмора.

— Тут юмором и не пахнет... Вся его семья погибла в концлагере. Спасся только он и его отец. Ребенком его всю войну прятал на чердаке местный православный священник. А отец защищал Польшу, попал в плен, спасся, потому что не похож на еврея... У него тоже были светлые глаза и русые волосы. Но потом, узнав, что Иннокентий принял православие, проклял его как предателя еврейского народа, отслужил по нему — по живому как по мертвому — еврейский кадиш и заявил, что у него нет больше сына. Так они до самой смерти отца и не разговаривали.

У Герберта потемнело в глазах.

— Вот так история... А он согласился прийти на обед к фон Паули, племяннику начальника концлагеря!

— Что ж... В этом нет ничего удивительного. Православный еврей-священник — удивительное явление... Вот эта двойственность, конфликт внешнего с внутренним и порождает необыкновенные качества человека, углубляет его способности, заостряет ум, возвышает духовность и искренность. Такие люди притягивают к себе... даже потомков фашистов!

Герберт во что бы то ни стало решил предупредить герра фон Паули, чтобы тот прекратил свои разглагольствования на скользкие темы. Приехав на обед за полчаса до назначенного времени, он извинился за бестактность и сухо рассказал чете фон Паули историю отца Иннокентия. Те схватились за головы.

Времени для охов и вздохов было предостаточно. Отец Иннокентий опоздал минут на двадцать. Он сердечно попросил извинения: был на требах, не мог прервать молитву.

— Мы понимаем, — бормотал смущенный герр фон Паули, хотя ненавидел любые проявления беспорядка и никому не прощал даже пятиминутных опозданий. Между тем по понятным причинам батюшке Иннокентию он был готов простить что угодно.

— Конечно, Бог важнее любой пунктуальности, — неловко подвел итог немец.

На обед подавали рыбу. За столом старались не говорить о войне, хотя старики с трудом представляли себе иную тему для разговора. Поэтому хозяин был необычно молчалив и застенчив. Разлив всем по бокалам розовое вино, он забыл налить Герберту. Тот промолчал и, отодвинув пустую рюмку, взял инициативу на себя. Он обстоятельно принялся разъяснять притчу о блудном сыне, тем более, что эта тема теперь была ему близка.

На сладкое подали желеобразный пудинг. Он вздрагивал, как бесплотная медуза в водах студеного океана. Герр фон Паули поведал, что в его аристократической семье такой пудинг называли «Бррр пудинг». Когда все с недоумением посмотрели на него, он пояснил, что до того, как пришли русские, они имели собственный дом в Пруссии и у них была не только кухарка, но и конюх. Однажды конюха попросили помочь подавать к столу. И вот он принес огромный пудинг, который вибрировал и норovil вывалиться из блюда. «Бррр!» — закричал конюх, словно обращался к лошади и, поставив блюдо на стол, прижал пудинг сверху пятерней...

Все рассмеялись. Отец Иннокентий поел немного пудинга и, поблагодарив, отодвинул тарелку.

— Притча о блудном сыне — прежде всего о неосуждении... — сказал он. — Никогда не надо отходить ко сну, не простив всех, так как не знаешь — не последняя ли сия ночь твоя? Не должен ли будешь внезапно явиться пред Судиею? А кто другим не прощает, сам не будет прощен.

— Но вам-то за что молить о прощении? — внезапно всхлипнула фрау фон Паули, и отец Иннокентий понял, что его прошлое уже не секрет для собравшихся.

— Мне? Да хотя бы за предательство моего народа... — неожиданно ответил он. — Пусть мой народ не принял Христа, пусть он ошибался и продолжает ошибаться... Но он, подобно Христу, всем народом взошел на Голгофу. А я выжил, и за это должен молить о прощении...

— А нам что же делать? — растерянно спросил герр Паули. — Если вам следует просить прощения, что же тогда нам? Мы, дети, не знали, кто такие евреи. Нам говорили, что они очень плохие. Мы верили. Нам говорили, что Христос — жидовский Бог. Мы верили и этому... Что же нам делать? О чем молить Бога? Каково же объяснение того, что произошло?

— Успокойтесь. Ведь Бог не поставил вас судьей над эпохами! — воскликнул отец Иннокентий. — Смирение — это дар Божий; надо усердно просить Господа о даровании сего дара. Если мы чувствуем и помним старые обиды, оскорбления, возмущение, значит, в нас гордость, самолюбие, тщеславие... Смирения — две степени: когда я считаю себя хуже, грешнее всех и когда все сделанное доброе всецело приписываю Богу. Чтобы приобрести смирение, надо и молиться о сем, и исполнять заповеди. Чем больше соблюдаешь заповедей, тем ближе к Богу, как дерево тем ниже наклоняется к земле, чем больше на нем плодов; так и святые: чем смиреннее себя считают, тем больше добродетелей у них и тем ближе к Богу. Смирение — основа всякой добродетели. Вот мой отец так меня и не простил за то, что я предал еврейский народ. Но вот теперь, когда он уже там, по другую сторону жизни, мне кажется, он понял, что я был прав. Я больше не чувствую осуждения со стороны моих погибших родных. Теперь они знают, что всем нам следует принять Христа и покаяться. И убийцам, и убиенным... Покайтесь и забудьте. Смотрите вперед, в будущее, в будущую жизнь вечную. Простите обидчиков ваших и сами попросите у всех прощения. Нет ни фашистов, ни евреев... Есть Добро, которое Бог, и зло, попускаемое нам в назидание. Вот и всё нам объяснение...

43

Герберт, конечно, не преминул вставить рассказ об отце Иннокентии в свой незаконченный роман и отослал его своему литагенту Елене Мах. По прочтении у них завязался диалог.

— Я потрясена до глубины души. Читала ночью, с часу до пяти утра — не могла оторваться. Ваш герой беспристрастно препарирует свой собственный мозг, мысли, мировоззрение. И с сарказмом и беспощадностью

анализирует собственные поступки. Полнейшая обнаженность душевная и духовная. А ведь следовало бы давно уже себе на носу зарубить: «Молчи, если не уверен! Молчи, если не в духе! Молчи, если нет мира в сердце! Молчи, если это принесет кому-то вред!» Так ведь это не вам сказано! Это постмодернистам разным... От ваших книг вреда нет! А польза есть. Они нужны миру (хотя мир об этом мало знает — ну так это уже проблема мира!).

— Вы слишком добры ко мне и моим книгам, — ответил Герберт. — Мне просто необходимо существовать сразу в нескольких мирах — реальном, если таковой вообще имеет место, и литературном, который представляет собой его несмелое, но столь неизбежное отражение. Там я чувствую себя спокойней и ровнее. Я могу экспериментировать, подводить итоги, молиться, прежде всего об исцелении моего маловерия, неверия...

— По поводу молитв неверующих. В какой-то газете встретила следующее духовное напутствие- растолкование: «Нельзя молиться (ставить свечи.....) просто так, на всякий случай. Если не веришь и ходишь в церковь, то это

еще хуже грех. Это схоже с суеверием». Может быть, не очень точно изложила. Но приблизительный смысл был именно такой. Ваш Андрей Веригин говорит: «Я же лицемерить не умею, даже за деньги пишу и говорю то, что думаю». Со своей стороны могу сказать, что я тоже лицемерить не умею: ни за какие деньги не могу написать или сказать то, что не думаю. Максимум — могу промолчать (иногда). В вашем романе два самых ярких героя — вы и ваш бывший литагент. Так вот над бездной кружат оба! Причем Андрея Виригина не жалко. Потому что он сам виноват в той ситуации, в которой оказался. Он сам туда пришел... А вот вас хочется спасти, помогать вам.

Главы о вас полны боли, надрыва. Каждый человек должен давать миру то, что именно он может дать миру. И вы

можете дать книги, мысли, свое творчество, тепло, свет для друзей. И именно это нужно миру от вас. Иногда у вас не хватает сил. А иногда вы забредаете в пещеру. И вам приходится очень тяжело. Вам нужно научиться прощать себя, а не просить прощения у Бога. Бог, конечно, простит. Да и как не простить вас? Вы сами себя судите намного жестче и серьезнее, чем вас мог бы за что-то осудить Бог или кто-нибудь еще.

— Ну что вы, Елена... Как же можно. Вы путаете мою гордыню с талантом, а отсутствие смирения — с порывом к небесам... Не противоречьте Святым отцам. Вы же сами говорите, что и я кружусь над бездной. Не толкайте же меня в эту пропасть своими похвалами!

— Герберт! Вы ставите себе чрезмерно высокую планку. И может быть, ваша гордыня так себя проявляет? Так вот, такая гордыня — действительно грех. Потому что она наносит вред именно вашей душе. Я сейчас предельно откровенна. Вам надо спасать себя, спасать собственную мятущуюся душу. А для этого — писать, писать, продолжать анализировать себя.

Сами себя пожалейте! Попробую дать вам дурацкий совет. Точнее — простейший, примитивнейший. На вас столько всего навалилось. И вы сами на себя столько всего взвалили. А вам надо просто отдохнуть, взять отпуск. От всего мира. Вам надо куда-то уехать. Одному. Побывать наедине с собственной душой. С природой. Может быть, неделю, может — две. Как можно меньше всякой информации от человеческого мира. Вы и природа! Ну а для вас, Герберт, наверное, надо добавить еще один ингредиент — бумагу и ручку (ну или компьютер, только без Интернета).

Молиться — наедине с Богом и с самим собой. Только при желании и внутренней потребности. Эльзе надо это понять и отпустить вас ненадолго. К самому себе. Она же мудрая женщина. Она поймет. Она ведь знает, как

Вы ее любите. Вам действительно нужно отдохнуть немножко от мира.

И вот еще важный аргумент в пользу этого совета (думаю, что Эльза тоже поймет этот аргумент). Иисус Христос ушел в пустыню на сорок дней. Правильно? А потом вернулся — и...! Магомет тоже уходил в пещеру, уединялся.

Будда — медитировал под смоковницей. Это список можно продолжать очень долго.

И еще один, наверное, тоже дурацкий рецепт. Если вдруг решитесь последовать примеру пророков, то обратите внимание: они же обходились без прозака!

Простите за прямоту. Возможно, я чего-то недопонимаю, в том числе — и смысла, важности, нужности этого лекарства (не приходилось сталкиваться — и слава Богу!). В данном случае — поймите правильно. Я ни капельки ни в чем вас не осуждаю. Я только пытаюсь подсказать. Конечно, это решать только вам. Но некоторые решения только кажутся простыми и правильными. А в перспективе, возможно, оказываются проигрышными. Может, лучше и правильнее было пережить все бури в тот период, на который они выпадали?.. Но это, конечно, вопросы, а не ответы.

— Елена, вы слишком добры ко мне. Мне не от чего отдыхать. Да я и ненавижу одиночество и совершенно опускаюсь, когда один... Я принимаю достаточную дозу одиночества по ночам, когда ничто не мешает мне писать... Только вот теперь я не уверен, следует ли мне продолжать... Помните: «А как быть? Замолчать? Вера не совместима с литературой? Неужели пером может водить только гордыня, а смирение всегда должно оставаться немым?»

— Герберт, пером водит не гордыня, а ваша собственная внутренняя потребность. А смирение остается немым потому, что такой потребности у него нет. Никакого противоречия. И никакого греха в литературе нет и быть не

может.

Пером Чехова, Гоголя, Толстого Бетховена, Баха... водила их собственная внутренняя потребность. Для вас литература — это тоже род молитвы. Разве не так? В литературе вы находите успокоение и радость. Есть книги-вопросы и книги-ответы. И те, и другие важны. И те, и другие нужны человеку в разный жизненный период. Так вот, ваши книги, Герберт, — это книги-вопросы. Они сильны именно заданными вопросами. Библия — это книга-ответ. Она сильна своими во многом универсальными ответами. Но некоторые из этих ответов еще нуждаются в расшифровке. Причем достаточно часто — каждый должен расшифровывать эти ответы для себя сам. По поводу религии. Я ни в коем случае не спорю с верой в Бога. Тем более — с верой конкретного человека. Это ваш духовный опыт. Он важен и ценен именно для вас.

Я не могу принять религиозные обряды. Ну не могу я поверить в то, что Создателю Вселенной действительно нужны эти наши иконы, свечи, кадила, всяческие ритуалы и так далее... Вот эта сторона религии нужна каждому конкретному человеку и его собственной душе (или не нужна). Напомню ваше же определение религии как заменителя психотерапии. Поэтому опять же — в ваших книгах я очень ценю заданные вопросы, в том числе по поводу религии. Я ни в коем случае не осуждаю ваше стремление к вере. Стремление к обрядам — раз это требуется вашей душе — тоже важно и нужно. И плохо, если кто-то в вашем окружении этого не понимает и не осознает. Вы пишете, что «для не принявшего Евангелие жизнь именно и превращается шатание». Герберт, я боюсь поставить вам диагноз,

но мне кажется, что именно вашей умнейшей и вопрошающей душе ответов Евангелия будет недостаточно. Причем вы сами это частью души осознаете. Только прячете сами от себя это осознание. И скорее всего, весь нынешний

конфликт в вашей душе — именно от того, что вы не хотите это сами для себя осознать и признать. Для огромного количества людей ответов Евангелия вполне достаточно для нормальной и спокойной жизни, для умиротворения и примирения с собственной душой. Но... я не думаю, что вы, Герберт, входите в число этих счастливыхцев.

Ох! Извините. Ну вот такой плохой я психоаналитик. Но это всё от чистого сердца и стремления помочь. Извините, если влезла куда не следует. Уверена, что этот душевный кризис — он куда-то вас обязательно приведет. Куда и когда?

44

Герберт Адлер часто возвращался в своей газете к истокам христианства. Десятилетия, отделяющие апостольское «начало» Церкви от середины II века, оставили очень мало памятников. Мы почти ничего не знаем о росте Церкви, о первоначальном развитии ее организации, учения, богослужения. Это дало возможность всевозможным «реформаторам» христианства или же «научной» критике строить всевозможные гипотезы, по-своему восстанавливать и толковать эту эпоху. В ней обязательно хотели усмотреть какую-то метаморфозу Церкви, разрыв с первоначальной «идеей» христианства, отраженной в Евангелии. Организованная Церковь с иерархией, учением, дисциплиной — какой мы снова видим ее в середине II века — есть-де продукт всех этих кризисов, «применения» к социальным условиям. Расплавленная, расплывчатая вера волей-неволей отлилась будто бы в формы мысли той эпохи, «эллинизировалась»,

отразила в себе влияние и потребности принявшего ее общества.

Но в последнее время все эти теории всё очевиднее вскрывают свою несостоятельность. И со все большим вниманием вслушиваются ученые в голос предания Церкви, еще так недавно представлявшегося им тенденциозной, почти злонамеренной выдумкой. Евангелие невозможно, оказывается, отделить от Церкви: оно в ней и для нее написано, есть свидетельство о вере Церкви, о ее живом опыте, и вне этого опыта его нельзя понять. Отрывки молитв, знаки и символы на стенах катакомб, несколько посланий одних Церквей к другим — всё это оживает сейчас в новом свете, раскрывается как единое развитие, а не чередование кризисов и разрывов. Незаписанное могло таинственно жить и сохраняться в непрерывной памяти Церкви, в самой ее жизни, и быть записанным иногда лишь столетиями позже. Так всё очевиднее становится, что Церковь и есть первичная сущность христианства, что не ее нужно «восстанавливать» и «оправдывать» на основании дошедших до нас отрывков, а что только в ней, то есть в признании ее «первичности», сами эти отрывки приобретают смысл и могут быть правильно истолкованы. Начав с разрушительной критики церковного Предания, наука постепенно приходит к обратному результату: утверждает это Предание как самый надежный, самый авторитетный источник наших знаний о прошлом христианства.

Что же мы знаем об этих первых десятилетиях, об этих церквах, рассеянных теперь по всей Римской Империи?

Опять, как и в самый первый день в Иерусалиме, мы прежде всего видим христиан, «собранных в Церковь» для Крещения и Евхаристии. Этой двуединой мистерией: рождением от воды и Духа и преломлением хлеба определяется вся жизнь Церкви и жизнь каждого из ее членов. Это не один из «аспектов» церковной жизни, не

просто богослужение, — это источник, содержание и вершина всего в Церкви, само сердце «первохристианства».

«Христианами не рождаются, а становятся», — эти слова Тертуллиана объясняют нам, почему о крещении и евхаристии больше всего говорят редкие памятники той эпохи. Христианами становились. А это значит, что в памяти каждого из них не мог не быть запечатлен тот день, когда после таинственного роста семени, брошенного в душу проповедью, после сомнений, проверок, мучений он подходил, наконец, к воде Таинства. В ней должна была умереть старая жизнь, чтобы началась новая. В ней давалось сразу всё: прощение грехов, соединение со Христом, уверенность в смерти самой смерти, опыт воскресения и вечной радости, которой никто уже не мог отнять. И всё это было не абстракцией, не «идеологией», а действительностью: выйдя из святой воды, новокрещенный не оставался один. Она вводила его в братство, в единство любви, в непрестанное общение с Богом.

45

Бес бродил за Гербертом по пятам. Во всяком случае, так ему казалось, и когда в темноте вокруг него уже не оставалось ни души, он знал, что его упрямое альтер эго по-прежнему рядом, никуда не ушло... Говорят, так бывает, когда силы тьмы особенно недовольны нашими порывами и пытаются погрузить нас в зыбкие пески соблазнов... Можно смеяться и не верить, но от этого не становится ни легче, ни проще... Бесам важно спровоцировать своих подопечных на вечную кровешную войну...

Герберт снова наткнулся на гадости о себе, расставленные Андреем Виригиным в Интернете. На этот раз впервые за столько времени он решил ответить: «Андрей не будет отрицать, что он хронический алкоголик (посмотрите его блог), и мы с ним расстались во время его третьего запоя за полгода. Обливая меня грязью, он пытается таким образом

вымогать деньги, поскольку опять пустился в запой... Я бы не сказал, что Андрей Виригин меня раздражает, скорее, расстраивает. Так или иначе, скоро он углубится в запой, и мы еще долго о нем не услышим. Бедный парень. Простите его».

Это наконец вывело соперников на прямой диалог.

— Герберт, скажи, пожалуйста, что ты прокомментировал? Как твои слова соотносятся с текстом моих записей? Что до денег, то ты прекрасно знаешь, что я отверг те еженедельные выплаты, которые ты мне предлагал. Не всё продается, Герберт. Нельзя купить талант и доброе имя. А по-русски ты так писать и не научился...

— Андрюша, я рад, что ты все еще вяжешь лыко. (Что странно. На моем пайке ты обычно отрубался гораздо быстрее. Видимо, сказывается экономический фактор.) Береги себя. Не растрачивай себя понапрасну. Я — ничтожество, недостойное твоего болезненного внимания. Твои зеленые чертики — объекты гораздо более достойные. Обязательно ешь молочные продукты. Ты — великий моралист, высоко ценящий доброе имя, а главное, хорошо разбирающийся в талантах. Именно поэтому тебе просто совершенно необходимы молочные продукты.

Андрюшенька, обвинять человека, прожившего двадцать лет в дальнем зарубежье, в слабом знании русского языка по крайней мере смешно. Интересно, знаешь ли ты, что я покинул Советский Союз, когда мне было восемнадцать лет? То есть ты утверждаешь, что я успел натворить нечто такое, за что я в розыске более двадцати лет? Несмотря на неоднократную смену режима... Что же я, военный преступник? Андрей, ты сам находишься в вечном розыске самого себя... Бедная душа. Неужели ты полагаешь, что влияешь на мою судьбу? Хотя, возможно, ты влияешь. Ты — вечное напоминание о том, что добро наказуемо, а кроме того, ты для меня символизируешь Россию. Не пропадай. Продолжай пердеть из своего угла. Ведь это так важно: не давать нам всем забывать, что вы из себя представляете —

загадочные рязанско-тульские души. Научи меня писать по-русски! Научи меня, как правильно писать слова «быдлохуй» (как ты меня называешь) и прочее. Только молочные продукты смогут излечить твою черную, как рельсы твоей родной станции, душу. Ах, извини. Ты, конечно же, скажешь, что рельсы не черные... Что я не знаю жизни. Ты прав. За что ты меня ненавидишь? Может, боишься?

— У меня нет ненависти к тебе. Ненавидеть тебя — слишком много чести. И я тебя не боюсь, несмотря на то, что твои слова нередко содержат скрытые угрозы. Ну найди, попробуй! А? Мне что, уже следует писать нечто подобное: «В случае моей насильственной смерти или причинения мне увечий знайте — заказчиком является Герберт Адлер»?

— Да что ты, бог с тобой. Я не угрожаю, я просто за тебя боюсь. Круто ты выступаешь. Не дай бог, не на того нарвешься. А я — тот. На меня можно. Я — хороший. Ты же знаешь. Я за тебя молился усердно, но, видать, уж больно ты напакостничал в жизни. Не пускает тебя бес на волю.

— И откуда ты такой, Герберт, взялся? Проповедник... Слушать тебя — много чести... Уши вянут...

— Насчет «много чести» это как раз, скорее, наоборот. Ты сам прикинь на трезвую голову. А? И вообще, Андрей, ты хотя бы в редкие просветы между бутылками пива понимаешь, как ты выглядишь со стороны? Я знаю, что тебе наплевать. Мне, в общем, тоже. Хотя ведь если по совести, тебе вовсе не наплевать. Ты тут уже полгода красуешься: Гафт ему то, Юрский ему это. Постыдился бы. Тебе и сейчас лестно, что я с тобой общаюсь. Ты напоминаешь назойливую муху. Пей уж свое пиво и не лезь к людям.

— Слушай, Герберт... Правда, отстань, а? Нам друг друга не понять. Слишком разный социальный статус...

— Конечно, ты прав. Богатый на бедняка не похож. Но по-моему, я с тобой расплатился. И даже если и не додал тебе каких-то денег — ну пришлю я тебе еще, а ты только больше упьешься... Очень часто, Андрюша, когда у тебя появляется чувство, что ты держишь Бога за одно место, оказывается, что тебя за это место держит Сатана.

— Я просто остаюсь честным до конца...

— Вот как? Почему же, например, ты не поведаешь миру, что многократно пользовался моим списком адресов, который попал к тебе, когда ты со мной работал? Ты по этим адресам рассылал обо мне несусветные гадости. О какой морали ты говоришь? Большая часть твоих действий легко описывается статьями уголовного кодекса. Кстати, это идея. Я, пожалуй, подам на тебя заявление. Ты ведь не любишь сидеть в тюрьме? Поищи хорошего адвоката. Тебе это пригодится.

— И чем же это я провинился?

— Травил повсеместно такого злого-презлого Адлера. Посылал прихожанам его церкви сообщения с ложными обвинениями, вымогал деньги... Ты же читал мои романы... На что ты рассчитывал? Что Герберт нынче с ума спендрил от приступа православия? И поэтому ты посылаешь его прихожанам грязь? Так вот, они требуют, чтобы я на тебя пожаловался вашим властям. Ты не оставил мне выхода...

— Ну и сволочь же ты, Герберт...

— Давай, Андрюша, повыступай еще. Подбрось мне еще матерьяльчик. Ты же сам говоришь, что я богач. Беспринципный подонок. Ну и получи по полной программе. Каждому, как говорится, свое... Обычно, кто от человека ждет зла, тот его и получает. Вот уж, воистину, не думай ни о ком дурно... Короче, и меня ты направил на стезю шантажиста. Иди и убирай все гадости, что написал обо мне в Интернете. Мне стоит сделать один звонок в следственный отдел и прислать им один факс, и ты окажешься в тюрьме. Так что убирай, говорю... Не знаю, как будешь, хоть языком вылизывай. И докладывай о

проделанной работе. Не нравилось тебе мое православие — так вот тебе по-твоему, по-атеистически. Мне безразлично, что ты собрался скоро сдохнуть... Но остаток твоей никчемной жизни я легко превращу в ад, чтобы ты привыкал. Причем всё абсолютно законно и по заслугам. На судьбу он мою взялся влиять...

— Ну, что ж... Герберт Адлер — православный писатель угрожает сделать мою жизнь адом. Что и требовалось доказать! Представляешь, какой скандал поднимется в желтой прессе? Православный писатель заложил своего литературного агента.

После некоторого перерыва Герберт написал:

— Слушай, а ведь я уже всё отослал. Настроил жалобу. Кстати, мне написала твоя бывшая жена, предлагает помощь. Она будет сажать тебя за укрывание алиментов. А скандал в желтой прессе мне только на руку. Какой мне вред? Какое мне дело до русской желтой прессы? А вот тем, что ты затеял играть с моим паспортом и выставил его под заголовком «разыскивается», ты подписал себе приговор. Ты поставил ссылку на английский сайт, с которым мы судимся. Мой адвокат потребовал принять против тебя меры. Кстати, по закону паспорт является собственностью государства, а не ее гражданина. Выставив паспорт, ты способствуешь возможности его подделки, а значит, терроризму и шпионажу. Ты, Андрюша, — пьяный дурак. Видать, ты очень пьяный. Убери мой паспорт, идиот. К тебе вот-вот заявится ФСБ. Мой адвокат уже связался с Министерством иностранных дел, и они связываются с Интерполом. Кроме того, я посмотрел, за время твоей работы я перевел тебе в общей сложности сорок тысяч долларов. Вся работа тобой завалена. Диски пропали. Книги не продаются. Все контакты провалены. Козел ты, Андрюша, и почему-то мне, твоему Быдлохую, как ты меня называешь, кажется, что на этот раз ты обязательно попадешь в тюрьму. Как ты не можешь понять, что это у вас в России пить — круто, а у нас на Западе это — позор. У

вас нельзя закладывать, а у нас так должен поступать всякий честный гражданин

— Герберт, я не хотел тебе отвечать. Но я пью пиво, а посему так и быть. Нет порядочности западной и российской. Есть порядочность и бесчестие. Это во-первых. Во-вторых. В случае негативных последствий для меня я устрою такой феерический скандал, что история Билла и Моники покажется тебе рождественской сказкой. У меня есть мобильный шеф-редактора одной из самых желтых российских газет с многомиллионным тиражом.

— Андрюша, твои угрозы звучат смешно. Ты еще от своей жены попробуй обороняться желтой прессой.

— Она тебе неспроста написала, а с моей наводки. Прикольно. С ней вы подружитесь на почве национального сродства. Фрицы недобитые! Неужели ты не понимаешь, что если бы ты сразу перевел мне все мои деньги, ничего бы не было? Без них я не мог рассчитывать на возвращение в Москву. Да и не остался бы я в столице, если бы одна чудесная женщина не помогла... Что тебе говорила обо мне Вета? Почему она взялась поливать меня грязью, как ты думаешь? И, кстати, понимаешь ли ты, что это была единственная девушка, которую я любил?

— Понимаю...

— Ничего ты не понимаешь! Теперь с Ветой всё кончено... Мне ничего не надо. Помоги одной хорошей девушке, проститутке, выбраться из этой грязи... Я знаю только ее «рабочий» телефон. Ответят другие девушки. Помоги именно этой. Я всё плохое о тебе в Интернете сотру. Ее зовут Ксюша. Спроси у девчонок, солги, что это именно ты на «лексусе» к ней подъезжал. Сейчас она у себя, под Костромой. Разузнай личный телефон. Помоги. Обо мне не вспоминай до поры. Снимаю все гадости про тебя после личной встречи с ней, после того, как она трудоустроена. Она мне никто. Отношений никаких не было и не будет. Только помоги. Мне ее жалко. Она очень

трогательная. Ей бы детей рожать, любить своего мужа, а она... Меня не переделать, ты прав. А ее можно.

— Ты хочешь, чтобы я помог проститутке? Пожалуйста. У нас в христианстве это часто случается. Только вот захочет ли она, чтобы я ей помог, да и что я могу сделать? Судя по той фотографии, что ты мне прислал, она вполне довольна собой. Кстати, воздержись присылать мне фото своих протеже в обнаженном виде... У меня тут полный дом священников!

— Извини, другой фотографии не нашлось...

— Ну да...

— А знаешь что? Глупости все это. Не надо никому помогать... Я ничего не уберу, Герберт. Хоть тресни. Врагу не сдастся, как говорится...

46

Бывшая жена Андрея Виригина охотно рассказала Герберту Адлеру о своей жизни. Ее дед по отцу был сосланным в Сибирь поволжским немцем. Однако в результате метаний по стране двух предыдущих поколений Лиля родилась в Краснодарском крае. Через некоторое время она с родителями переехала в Заполярье. Эта планета затягивает, буквально душит своих обитателей петлями широт, заставляет, вырываясь из этих пут, скитаться в извечном поиске тихой обители, но в конце концов выталкивает в иные миры без срока, не внимая упрекам...

Тогда многие думали, что достаточно поработать на Крайнем Севере года три и можно вернуться к той жизни, к которой привыкли. Однако правы те, кто утверждал: «Север затягивает». Они прожили там двадцать лет вместо трех. Двадцать долгих лет, двадцать бесконечных зим,

когда «июнь — еще не лето, июль — уже не лето»... Но Лиля считала, что именно на Севере проявляются все лучшие качества человека — выносливость, сострадание, милосердие, доброта, отзывчивость...

Она была единственной дочерью. Когда подошел срок, она, как и миллионы советских детей, пошла в школу, эту кузницу молодых сердец, где процессковки неизбежно подразумевает мерные удары молота. Учеба не представляла для нее особой трудности. В четвертом классе Лилька в первый раз влюбилась. В сына классной руководительницы. Девочки свою первую любовь обычно скрывают, Лили же, наоборот, с младых ногтей была убеждена, что любовь — великое чувство, и скрывать его не имеет смысла. Она любила, а его друзья, ее одноклассники, этим пользовались. Обычно накануне контрольной работы возлюбленный подходил к Лиле и просил у нее разрешения на уроке сесть с ней за одну парту. Лили приходила в безразмерный восторг. «Моя! Любовь! Просит! У меня! Сесть! Со мной!» А вокруг Лили садились те, кому надо списать, — ведь именно они просили ее избранника пойти на хитрость, спросить разрешения подсесть. А любил он Лилу или нет, было не важно. Главное, он был любим... Однако к концу пятого класса ее любовь как-то сама собой утихла.

У Лили было обостренное чувство справедливости. Кто, кроме Лили, на всех классных и школьных собраниях мог прямо в лицо критиковать учителя или одноклассника? Все боялись, а Лили — нет. Именно поэтому у Лили почти не было подруг. Были просто одноклассницы, а если подруги и появлялись, то только затем, чтобы воспользоваться отзывчивостью Лили и потом снова о ней забыть до следующего «удобного случая».

Родители Лили были в городе людьми «не из последних», почти всё время на виду. Мать — начальник одного из отделов администрации города, отец — ведущий специалист на «блатном» предприятии. Единственную дочь

они любили и, как могли, оберегали от реалий внешнего мира. Для них Лиля оставалась несмышленищем, которого надо водить за ручку, всё время предугадывать плохое, чтобы дочь, не дай бог, не влипла в какую-нибудь неприятную ситуацию. Так прошло еще три года.

Когда Лиле исполнилось четырнадцать, появился настоящий ухажер — мальчик из параллельного класса. Дарил ей конфеты (и где он их брал, на Севере-то?), морочил ей голову комплиментами. А школа выжидающе ждала: чем закончится этот роман? Все ожидали от Лили чего-то нового, необычного, яркого, незабываемого. И дождались! «Да я с друзьями поспорил, что ты согласишься!» — эти слова Лиля вместе с родителями услышала в милиции. Несмотря на переполнявшие ее эмоции, Лиля выдержала свой первый в жизни удар: «Я знаю, что у тебя есть сестра. Посмотрим, что ты скажешь, когда такое случится с ней...» Как родители пережили это всё, Лиля видела — мать ходила как в воду опущенная, семья была по сути опозорена — в те годы «это» было позором для девушки и ее семьи!. Как такового изнасилования не было, был «спор на Лильку» и выигрыш спора, преданный огласке... Все смеялись над Лилей, оскорбляли ее, предлагали ей «продолжить». Следователь как-то сказал Лилиной маме: «Ваша дочь — потенциальная проститутка. Она погибла...» А спустя полтора года сам погиб в перестрелке.

Лилия поняла, что любовь не всегда приносит радость, поэтому случившееся глубоко переживала, а внешне была все так же весела и беззаботна. С ней знакомились, ей предлагали дружбу, но дальше поцелуев она идти не позволяла. Да и сколько было тех «друзей» и слюнявых неприятных поцелуев? За два года — не более семи. Лилия уж и имен-то дружков не помнит.

В шестнадцать Лилия впервые попробовала ласки взрослого мужчины. Ему было за сорок. Пригласил к себе, налил ей вина, она слегка пригубила бокал и

заинтересовалась коллекцией книг в шкафу. Подошла, наклонила голову, стала читать названия. Хозяин подошел сзади, взял бокал из ее рук, поставил на столик, наклонился и прикоснулся к ее уху. Тогда Лиля не читала бульварные любовные романы, но могла бы описать чувство, как «меня словно бы пронзило током, и я поплыла...». Далее события развернулись стремительно, и через несколько минут полностью обнаженная Лиля сидела у него на коленях, целовала мужчину в губы, а он ласкал ее еще не созревшие грудки... Только вернувшись домой, Лиля спросила себя, почему же этот мужчина не уложил ее в постель?

Потом Лиля училась в педагогическом училище, все так же не имела подруг. Молодые люди мелькали как однообразный пейзаж за окном вагона поезда. За секс с одним из них Лилька буквально платила! Саша был у нее вроде проститутки, и за сто-двести рублей она получала все, что хотела. Закончилась эта история печально — Сашка «на стороне» развлекся с другой и заразил свою благодетельницу триппером. Лилька, боясь, что родители узнают (ведь ей было семнадцать), пережив унижение от слов злобной врачихи «Трахаетесь, а кто предохраняться-то будет?», вылечившись, при встрече бросила ему пятьсот рублей «на лечение» и навсегда вычеркнула его из памяти. Тогда же она начала выпивать, курить. Возвращалась домой, прокуренная дешевыми вонючими сигаретами, пропахшая кислым вином и горькой водкой. Но несмотря на свое состояние, когда после граненого стакана вина хотелось лечь, поспать, Лилька возвращалась домой. Только два раза сил не хватило — тогда ей просто «сделали ершик». Мать пыталась ее остановить — впереди оставалось всего полгода учебы. Запирала дома, забирала деньги, возила в училище... Но преддипломную практику Лилька все же провалила. Однако когда мать узнала об этом, все уже было исправлено — Лилька сквозь мутную пелену алкоголя поняла, что ей грозит отчисление и договорилась о пересдаче. Таким образом, у нее в руках

оказался диплом учителя начальных классов. В тот же год она умудрилась поступить заочно в два разных университета. Многие считали, что дипломы были уже «куплены», а Лилия училась для виду. Она никому ничего не доказывала, а на подобные вопросы отвечала: «В таком случае желаю и тебе так же купить дипломы». Встречалась с несколькими мужчинами сразу, но спала не со всеми, уже осознав, что имеет право выбирать, чем и пользовалась... А летом встретила настоящую любовь.

И снова закрутилось, понеслось! Встречи, объятия, поцелуи и недовольство родителей: «Он тебе не пара!». Пять лет продолжалась любовная история... Он ее ревновал ко всему — даже к столбам. Именно с ним Лилька бросила курить и выпивать. Навсегда. Никакой «ломки», никакого лечения, просто сказала: «зачем мне это все?». Пять лет Лилька летала в облаках, пять лет ходила в синяках как результат недоверия к ней. «Флиртовать я могу, но ведь сплю с тобой! И люблю только тебя!» Родители ее возлюбленного приезжали в гости, хотели посватать своего сына за Лильку, но Лилька как отрезала: «Мне надо закончить учебу!». Через месяц он уехал к родителям. Второй удар Лилька переживала более болезненно — ночами не спала, рыдала, звонила в Челябинск. На сессии однажды вместе с ним съездила к родителям. Потом поняла — уехал навсегда. Приняла этот факт. Закончила учебу, получила два диплома.

Студенчество — прекрасная пора. Что там эти сессии, зачеты, экзамены? Пустяки. Лилька знала все минимум на «четверку», а большей оценки она и не хотела. Любой зачет, экзамен сдавался легко. Сокурсники удивлялись: «Как? Ты же ни на одном занятии не была, ничего не знаешь, конспекты не брала...». Секрет успеха был прост: оказывается, ночь перед экзаменом надо провести с мужчиной (коих было достаточно — на каждую сессию по одному-два). Лилька эту закономерность выявила только на последней сессии, когда познакомилась с молодым

человеком, ночи с которым были супернезабываемыми и который посвятил ей свой рассказ. Благодаря ему она на «отлично» защитила свой дипломный проект — именно он заставлял ее снова и снова дополнять, переписывать от руки текст выступления, читать его вслух, пока Лиля не заучила этот текст наизусть. «Леня, я уже не могу! Я хочу тебя!» — «Нет, пока не закончим с текстом, никакого секса!» А потом было такое! Соседи, наверное, спать не могли от звуков скрипучего дивана и характерных стонов... Но сказка закончилась, и Лиля вернулась домой.

Через несколько месяцев молодой специалист Лиля познакомилась с вахтовиком из Белгородской области. Знала о нем мало; женат, есть двое мальчишек, любит жену. Последнее обстоятельство не мешало ему иметь в лице Лили «вторую, северную, жену». А ей стал нравиться экстремальный секс — на столе, на работающей стиральной машинке, на полу, в ванной, на его работе, когда рядом гудят агрегаты и в любой момент может зайти кто-то из бригады. Это ее «заводило», особенно последнее. Он называл Лильку не по имени, а прозвищем «аборигенка». Научил играть в нарды, что стало еще одним поводом для секса: «кто проиграет, тот начинает». И Лилька проигрывала специально.

Когда Лиля купила себе машину (тогда она работала в двух местах), они под предлогом «в лес, за грибами» часто уезжали за город, на «дорогу любви», где Лилька познала еще один вид экстрима — «на природе». Грибы и ягоды в лесу они, конечно, потом собирали, поэтому Лилька обеспечила свою семью засолами на всю зиму. Две недели каждого месяца Лиля, забыв о многом, ублажала своего вахтовика и получала за это, наверное, такое же удовольствие. Он часто говорил ей: «Замуж бы тебе надо! Я же не для тебя!»

Новое тысячелетие Лиля встретила с родителями и, чуть-чуть выпив шампанского, заявила: «Выйду замуж за того, кто первый в этом году предложит!» Естественно, никто не придавал этим словам никакого значения. В феврале того же года по электронной почте она получила письмо: «Привет! Меня зовут Андрей. Наши дни рождения совпадают. Будем общаться?». Лилия ответила согласием. Стали переписываться, перезваниваться. В сентябре Андрей Виригин приехал к Лиле. Родителям он не понравился — был какой-то странный, с откровенно женскими манерами и речью. Кроме литературы и сортов алкоголя, ничего не знал и знать не хотел. Сыпал фразами, стихами поэтов и своих знакомых.

«Лилия! Ну куда ты смотришь? Он же гораздо ниже тебя по образованию, достатку, образу жизни! Не работает! Пьет!» — «Ну и что? Он исправится...». За время его пребывания в доме родителей Лилия не позволяла ему перешагнуть грань допустимого, да и не смогла бы при

всем желании — «болела». А через неделю оказалась в его городе. Устроилась на работу, а Андрей продолжал сидеть дома, тем более уже знал, что пока Лилька с ним, ее родители будут им помогать. Секс с ним был для Лили чем-то вроде каторги — ей было с кем и с чем сравнивать. Но и изменить своему сожителю она не могла — не «позволяло воспитание»... А Андрей, видимо, чувствуя ее холодность, пил беспробудно, третировал сожительницу рассказом о своих подружках и неизменным вопросом «Сколько у тебя до меня было мужчин?», часто не приходил ночевать. Виригин надеялся вызвать в ней подобие ревности и злился, потому что ревности и близко не было, ведь она-то его не любила. Показал ей видеозапись со скотским сношением с двумя своими подружками — безрезультатно. Чтобы «добить» ее, пригласил в дом девчонку. Предполагал, что «вот сейчас она проявит себя». Лилия от этой выходки была в шоке. Терпела, мучилась и ждала хоть каких-то изменений в поведении сожителя, но в ближайшем будущем никакого просвета не предвиделось. Скоро терпение у нее лопнуло, и как-то утром она со злости заявила: «В понедельник идем в ЗАГС», на что получила автоматический, неосознанный ответ: «А почему не сегодня?». Автор ответа решил, видимо, поставить на этом точку, но Лильку уже понесло: «Собирайся, идем сейчас!» И, взяв паспорта, повела своего сожителя в ЗАГС. Собственно, Андрей и не сопротивлялся, считая все это неким сном, и только возле ЗАГСа притормозил: «Я же должен сделать тебе предложение!». «Ну, так делай, в ЗАГСе скоро обед!». Через полчаса сожители вышли из ЗАГСа с уведомлением о дате регистрации брака. Лилька была околована и стала законной женой Андрея Виригина. Все расходы по свадьбе — одежда жениху, невесте, ресторан и прочее — полностью легли на родных Лили. Со стороны жениха было довольно много народу — свекровь пригласила своих подружек, дабы показать им, кого ее сын берет в жены. Со стороны невесты было

несколько человек из родни — мать, отец, двоюродная сестра из Кемеровской области, тетка и троюродный брат из Подмосковья. К концу свадьбы сердце отчима свекрови не выдержало — скончался. Вот тогда Виригин и показал себя во всей красе, за час вылакав запас заготовленного тещей и тестем на несколько дней спиртного. Только присутствие тестя спасло Андрея от разъяренной супруги — схватив пустую бутылку, она занесла ее над головой мужа и, если бы не ее отец, Виригин вряд ли выжил бы от удара.

У Виригина был друг «по бутылке», молодой человек с образованием, учитель в школе. Лилия недоумевала: грамотный, умный человек, а дружит с ничтожеством. Да и отсутствие у него девушки наводило на определенные предположения о сексуальной ориентации. Но спустя месяц у друга появилась женщина, на пять лет старше, с двумя детьми, и Лилия поняла, что ошибалась. Его избранница Лиле очень понравилась — хозяйственная, спокойная, терпеливая, опытная. Как стало известно позже, ее дети приняли нового «папу», более того, даже советовали своей матери держаться за него. Однако обстоятельства превыше нас, и спустя пару лет они расстались.

Отношения Лили со свекровью были нормальными. Она не вмешивалась в жизнь молодых. Работала, так как надо было заботиться о дочери. Сестра Виригина оказалась умной, симпатичной и доброй девчушкой. Приняла Лильку как подругу, водила ее по городу, получала подарки — сумочку детскую, куклу, книжку. Лиле было приятно делать подарки своей золовке. Мысли о «подкупе ребенка» даже не допускались — всё было от души. Хотя нет, корысть все же была: Лильке нравилось, как девочка радуется подаркам.

Молодая жена Новый год встретила огорченной — ее родители отправили ей посылку с подарками, а вместо подарков она получила пакеты с крупой. Украшения на

елку, подарки ей и мужу (кстати, Лилька расшифровывала это слово как «мужчина у женщины», что в ее семейной жизни полностью соответствовало действительности), свекрови и золовке были вытащены и заменены хламом. С Лилькой случилась самая настоящая женская истерика. Впервые в жизни она позволила себе выплеск эмоций. Андрей, зная сильный характер жены, был растерян и не знал, как утешить, поэтому промолчал. На звонок тещи ответил: «У Лильки истерика... говорить не может...».

Через полмесяца Лилька почувствовала, что не может ни есть, ни пить, ее стало тошнить, нарушился сон, не хотелось жить. Андрей не замечал состояния жены, ему за непрекращающейся чередой «состояния нестояния» было не до нее. Врачи твердили: «Нервы!». Лилька уже подумывала о временном отъезде и отдыхе на природе, но очередной врач посоветовал ей сходить к соответствующему специалисту. Так Лилька узнала о беременности. По возвращении домой от врача она заявила мужу, что хочет с ним развестись, на что Виригин дал «добро», однако Лиля допустила ошибку, добавив: «Не хочу удерживать тебя ребенком. Разведемся, и будешь свободен!». Виригин, вспомнив, что он все-таки цивилизованный мужчина, заявил, что в этом случае согласие на развод не даст.

Почти всю беременность Лиля провела в больницах. В выходные сбегала, чтобы на рынке купить продуктов, приготовить мужу еду. А летом вместе с приехавшим отцом уехала в Сибирь, где в сентябре родила прекрасную дочку. В октябре подала на развод. В ноябре все родственники поздравили Лилю с «бумажной» годовщиной свадьбы, подарили много цветов. А через четыре дня под предлогом «хочу видеть свою дочь» без приглашения приехал Виригин. Предлог визита был уместный, да только дочь ему была не нужна. Он на нее даже не смотрел, ему было некогда. «Ушибленный парами спиртного» Виригин орал на жену, оскорблял ее и ее родных, припоминал

количество мужчин у Лили до него. Чтобы не разбудить дочь, Лиля ушла в кухню, приготовила себе чашку чая и стала ножом подрезать стебли подаренных родственниками цветов. Виригин вбежал с пьяными воплями: «Да твой отец меня купил! Да твой отец платит мне, чтобы я спал с тобой!..» Потом увидела кровь и побелевшее лицо мужа: «Ты меня убила!». По словам Виригина, она размахнулась и ударила его в живот ножом. Пришлось вызвать «скорую помощь», затем пришел участковый. Лиля уже пришла в себя и поняла: она ни при чем и, если понадобится, расскажет всё, после чего ее действия будут признаны как «действия в состоянии аффекта». Однако Виригин сказал участковому, что сам где-то упал, находясь в состоянии алкогольного опьянения, — сделал «широкий жест» и защитил жену от наказания. Хотя слова Лильки запомнил: «Я трезвая, у меня грудной ребенок, а ты пьяный. Как ты думаешь, кому поверят?».

В тот же день родные Лили выставили Виригина, дав ему «на первое время» около трех тысяч рублей. Через несколько дней проживания в дешевой гостинице он уехал.

С тех пор жизнью дочери Виригин не интересовался, а дочь видела своего отца только на фотографиях. Сейчас ей семь лет, учится в первом классе. О своем родном папе знает очень мало: знает имя, фамилию и то, что она ему не нужна. До последнего дочь додумалась сама.

Лиля крещеная. В Бога верит, хотя есть сомнения (читала книгу «Библия для верующих и неверующих»). Считает, что, если Он и есть, то Его жизнь описана неправдиво — не так всё начиналось. А вообще Лиля, как и многие другие, слышала «что-то там» о каких-то правилах типа «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй»... Как-то давно читала настоящую Библию, точнее пыталась читать, но, решив, что всё написанное там просто выдуманно, перестала. Знакомые предлагали ей посетить какие-то непонятные собрания, где можно получить ответ на любой вопрос, но Лиля сразу предположила, что это своеобразное

зомбирование и поэтому не ходила. Нет, вообще на одно собрание ее все же уговорила сходить однокурсница; ей там, можно сказать, понравилось — доброжелательная атмосфера, танцевальные «лекции», но когда «пастор» прямым текстом попросил «прихожан» сдать по десять рублей на аренду помещения, Лиля не выдержала и при всех напрямую спросила: «А вы всегда требуете деньги с ваших гостей? Это же равносильно тому, что я вас приглашу в гости, угощу чаем, тортом, пообщаюсь, а перед вашим уходом потребую с вас деньги за общение со мной!».

Вообще Лиля уважает любую религию, даже сектантскую, но до момента, когда взгляды определенной религии не начинают навязываться. В любой религии есть свои постулаты, которые выполнить просто невозможно. Если следовать постулатам того же христианства, то человек грешен уже со младенчества: «не возводи себе кумира» — а как же любовь к матери, к отцу, к родным? «Шесть дней работай и делай всякие дела твои» — а как же российское законодательство, предписывающее работать пять дней? Многое непонятно Лиле, поэтому она особо и не заморачивается. «Не прелюбодействуй» — эта заповедь больше всего злит Лилю. Ведь давно известно, что удовлетворенная женщина, получившая наслаждение, счастлива, а если муж не удовлетворяет, что делать? Идти на сторону. Так считают многие, вроде как «хороший левак укрепляет брак». Но Лиля воспитана в духе верности мужу, как бы там ни было. Но ведь хочется любви, радости секса! Да и заповедь эта непонятная: прелюбодейство — это что, физическая измена или просто мысли об удовольствии? С Виригиным Лиля не получала никакого удовольствия, просто притворялась, чтобы муж быстрее уснул. Секс Лиля считает продолжением общения с мужчиной, хотя чаще всего «допуском к телу» любое общение и заканчивалось. И потом, несправедливо, что только женщина должна предусматривать возможные последствия. В общем, когда

Лиля чувствовала нестерпимое желание получить удовольствие, а мужчины рядом нет, она обходилась собственными силами. Впрочем, почему «обходилась»? Данное действие она практикует до сих пор. Это — прелюбодеяние? Рукоблудие?

В церковь Лиля ходит редко, в среднем один раз в год, обычно для того, чтобы набрать «крещенской» воды, поставить свечи. Не любитель она стоять, слушать непонятные песнопения. Но обоих своих детей крестила — скорее, отдав дань некоей моде, нежели по велению души.

Теперь Лиля замужем. Муж работает на севере Свердловской области. Вахтовик. У них сынишка. Супруг никогда не препятствует общению приемной дочери с ее родным отцом; более того, даже в меру поощряет. В общение Лили с бывшим мужем он не вмешивается, считая свою супругу умной женщиной. Только однажды он стал подозревать ее — когда Лиля ездила в суд, в город, где жил бывший муж, чтобы лишить его родительских прав. «Ну, что, как дела? Тебе было хорошо с этим ничтожеством Виригиным?» Лиля не стала оправдываться, она спокойно ответила: «Если подозреваешь — лучше уходи». Муж, в 38 лет впервые ставший отцом, не ушел. Более того, извинился и на следующий день принес ей букет из двадцати пяти желтых хризантем. И, кстати, на многие письма Виригина отвечал нынешний муж Лили.

Полтора года назад, когда нынешнего супруга и дочери Лили не было дома, под благовидным предлогом «хочу пообщаться с дочкой» приехал Виригин. Как всегда, пьяный, но с «подарком» — тремя бутылками пива. Всю ночь Лиля слушала его разглагольствования, пытаясь понять, что же она нашла в нем в свое время. В пять часов утра она его выгнала — ей просто надоело слушать рассказы о том, с кем он пил, с кем спал, да и его оскорбления на тему «какая ты дрянь»... Как выяснилось, Виригин соврал своей матери, сказав ей, что это Лилька его позвала, и в телефонном разговоре она обвинила Лильку в

том, что та сначала зовет в гости, а потом выгоняет. О визите Виригина Лиля сообщила мужу, на что он ответил: «Зачем ты вообще его впустила?» — и ни слова о возможных отношениях. Ибо — верит.

Счастлива ли Лиля? Трудно сказать. Скорее, все-таки да. Вспоминая жизнь с Виригиным, она понимает — это было своеобразное испытание. Но не понимает, за что и зачем. Родные Виригина терпели жену своего родственника, не более того. Свекровь, правда, вопреки сложившемуся мнению, в жизнь молодых почти не вмешивалась. Лиля лично не была знакома с отцом Виригина, о его жизни знает только со слов бывшего мужа и свекрови, поэтому отношение к убийству свекра двоякое: с одной стороны, по словам свекрови, он был гуленой, не пропускал ни одной юбки, бесцеремонно влезая в размеренную жизнь порядочных людей; с другой стороны, по словам Виригина, был домоседом, жене не изменял, о семье заботился. Но как бы там ни было, что случилось — то случилось. Как сказал один человек, «все мы смертны, вопрос только в способе».

Зачем ей алименты и суды с бывшим мужем? Не проще плюнуть и забыть? Чисто мужское непонимание! Лиля родила дочь в браке, Виригин знал о рождении ребенка. Почему она должна одна содержать дочь? Почему родители Лили содержат свою внучку? Как-то Виригину было предложено добровольно отказаться от ребенка. Он не захотел. Суд «вошел в трудное материальное положение» Виригина (просто не хотел работать!), и бывший муж платит не одну четвертую, а всего одну пятую часть установленного в России минимального размера оплаты труда. Да и то не ежемесячно.

Был случай: Лиля тогда жила со вторым мужем на Урале, ждала рождения сына, дочка осталась на время с ее родителями в Твери. И вдруг звонит ее мама и рыдает в трубку. Оказывается, родителям предложили путевку в Чехию, и они решили взять с собой внучку. Лилькина мать позвонила Виригину и попросила оформить согласие на

выезд ребенка за пределы России, гарантировав оплату нотариальной услуги и пересылки документа, на что бывший заявил: «И еще тридцать тысяч за то, что я дам это согласие». Мать Лили в шоке: «Ведь мы его дочь за свой счет везем отдыхать!!!» Естественно, родители никуда не поехали... Короче, Лили наняла адвоката, и через шесть месяцев суд лишил Виригина родительских прав.

Зачем Лили и сейчас общается с ним? Лили общается с ним тогда, когда никого нет дома. Просто Лили человек, который без общения чахнет. Обычный треп, без всякой цели... А наказывать бывшего мужа Лиле не за что — он уже наказан: семьи нет, настоящих друзей нет. На пути попадаются не те люди. И прочее, и прочее, и прочее. Короче, весь мир против него — это разве не наказание? Лили никогда не любила своего бывшего мужа. Как и он — ее. Он постоянно изменял ей, чем и «убил только зарождавшееся чувство» жены. Последней каплей терпения Лили был очередной скандал в семье Виригиных, когда безработный, финансово зависимый и оттого злой на весь мир «глава семьи» ударил Лилю. Собственно, бил он ее и до этого, но, зная характер своей супруги, старался все же сдерживаться. А тогда он сломал ей нос, после чего понял — это конец всему: обеспеченной жизни, заботы и внимания со стороны жены. Так оно и случилось: спустя несколько месяцев Лили переехала в другую квартиру; правда, и там не чувствовала себя свободной: муж мог в любое время суток вломиться квартиру и потребовать еды.

За все время совместного проживания Виригин только один раз сказал ей «спасибо»: она разрешила ему съездить в Москву к переводчику Набокова. Однако поездке предшествовала долгая «обработка» жены, обещание исправиться. Лили заявила: «Неделю ты мне помогаешь по дому и ведешь себя нормально». Неделю дома было чисто, пыль вытерта, ковры выбиты, пол чистый, неделю Виригин молчал, ночевал дома, на любое свое действие спрашивал

позволения... И выдержал испытательный срок, после чего получил определенную сумму и на два дня укатил.

Хотя что-то хорошее все же есть — дочь. Виригин до сих пор думает, что она не его дочь. А Лиля не тот человек, чтобы что-то доказывать: не твоя? да, не твоя...

Отношения с родителями у Лили достаточно тактичные. Иногда помогают — с детьми посидеть, добавить средств. Хотя дочка фактически находится на полном их содержании. Молодость Лили, конечно, иногда вспоминает, но ведь уже ничего не исправишь...

Сейчас Лили уже дважды мама, что, как ей кажется, придает ей спокойствия, оптимизма и восхищенных взглядов мужчин. Работает она на «бумажной» работе (документооборот, кадры, архивная работа и др.). В свободное время читает книги, классику и современные. Имея доступ в Интернет и свободное от подозрений мужа общение, Лили нашла многих знакомых, обзавелась друзьями.

В общих чертах, сожаления о прожитой жизни нет. Да и жалеть о прошлом не имеет смысла. Лили изредка вспоминает свою жизнь, но нет мыслей, что могла бы прожить ее по-другому, если бы не...(познакомилась с..., не переспала с..., не согласилась бы на... и тому подобные «не»)...

47

Словно белочка, несущая всякий орешек к себе в норку, Герберт не преминул историю жены Виригина вставить в роман, даже не снабдив ее умеренными комментариями. Ему казалось, что всё очевидно. Несчастливая падшая душа, запутавшаяся в собственной слепоте, поставившая страсть телесную превыше спасения душевного... Чем я могу ей помочь? Она уверена в своей правоте. Разве что молиться, чтобы созрела, чтобы взглянула на себя очами правды...

Тут и часы бесед не помогут, и чтение ничего не изменит... Ведь низменная похоть вовсе не часть нашего характера. Она растравляется по мере падения в бездну и угасает по мере воспарения к небесам. Просто не нужно относиться к себе как к каменной данности... Где же найти путеводный свет? Нет другого альтернативного, в той же мере удовлетворяющего объяснения нашей жизни, кроме Евангелия. Люди думают, что они умнее этой книги, что там сказано не про них, что они выбирают какой-то новый путь. А всё дело в том, что уши и глаза их закрыты... Евангелие такая великая книга, и хотя мы столько лет ее изучаем, всё не знаем. Когда приступаешь к чтению Евангелия, помолись сначала: «Господи Иисусе! сподоби мя услышати святое Евангелие Твое и уразумети его...» Нет иного пути...

— Есть! — настаивала литагентша, прочитав роман. — Я недавно чисто случайно наткнулась на одну книгу. Никогда в жизни не осмелилась бы Вам ее советовать (хотя книга в целом хорошая — просто ну как я могу советовать вам читать современных писателей-философов, когда вы проштудировали и Сократа, и так далее?).... Но, похоже, именно эта книга — из серии книг-ответов. И я очень надеюсь, что она поможет вам, вашей душе. А может быть, вы даже и читали... Михаил Веллер. «Кассандра». Я взялась за книгу из-за названия. Но там почти ни слова нет о древнегреческой прорицательнице. Там Михаил Веллер выдвигает новую философскую теорию. Там нет вообще моральных оценок различных явлений в современном (и не только в современном) мире в стиле «плохо или хорошо». Но подано таким образом, что сразу становится понятно: «Да, так это и есть». И никаких дополнительных вопросов уже не возникает. Вторая часть «Кассандры» — политологическая, и эту часть даже не обязательно читать. Там уже есть интерпретации, с которыми можно спорить. Но вот с тезисами первой части

спорить совершенно невозможно. И кроме того. Опять же — кроме книг-ответов (типа Библии и «Кассандры» Веллера) нужны и книги-вопросы. Нужны ваши книги...

— Боже мой, как можно сравнивать что-либо со Святым Евангелием? — недоумевал Герберт. — Тем более с Веллером. Разве я не говорил, что считаю Веллера грубияном. Топорная работа... А чем я лучше?

— В общем и целом, вот мой «приговор». Ваш новый роман — сильнейший! Потрясающий. Необычный. Ни капельки нестандартный. Не дает свободно вздохнуть. Написан не то что кровью — клочками рвущейся души. Задаёт столько вопросов, — похоже, ни в одной книге я не встречала столько серьезных вопросов, сколько в вашей... И заставляет размышлять. Может быть, не в тему, но давайте я вам небольшую историю из своего окружения расскажу. Вам точно понравится. И возможно, даже пригодится.

Описываю в точности, как слышала от знакомого. Много сотрудничаем по работе. Он известный деятель — глава местной общественной организации, занимающейся вопросами культуры, языка, и немножко писатель-журналист. Ну, жизнь провинциального общественного деятеля и журналиста понятна.... Со всеми вытекающими (или втекающими) последствиями. То есть пить приходится. часто. И вдруг замечаю, что с ним стало гораздо удобнее сотрудничать.

Он пить бросил. Совсем. Я его хвалю:

— Вот молодец, сейчас намного приятнее работать с вами.

И он рассказывает следующую историю:

— Я перед Богом поклялся. Завязал. В очередной раз (после очередного «заседания») потерял «дипломат». С документами организации, со своими дипломами об образовании... И куча важных документов еще. Шок полный. Всё. Жизнь буквально кончена. Абсолютный крах. Разглашать нельзя: документы организации — мгновенно

перестану быть главой. Другую работу без дипломов не найдешь. А восстанавливать — тоже мороки не оберешься. И по-тихому не удастся это сделать. Ну и так далее... Что делать? Выхода нет. Иду в церковь молиться. Днем. Пустая церковь. Стал на колени. Прошу у Господа: «Господи, помоги! Верни. Брошу пить. Клянусь!» Выходит батюшка: «И как же это вы так согрешили, что вот так грехи замаливаете?...»

Вышел из церкви. Вдруг сестра звонит на мобилку: «Приди, забери!» Еду к сестре. Она рассказывает: зашел водитель маршрутки, занес «дипломат». Сказал: «Э-эээх! По-нормальному надо бы за это хорошие деньги взять! Ну заберите так». (Водитель знал лично этого деятеля и его сестру.)

Вот такая история о молитвах и помощи Господа. Так что, может, и ваша правда? Молиться Богу надо в церкви?

— Что сказал премудрый царь Соломон, испытанный все блага земные? Он пришел к убеждению, что всё это суета и томление духа; душа остается пустой. А что сказал Иисус Христос? Читай святое Евангелие и найдешь ответ, для чего нам жизнь дана.

— Так и сказал: «читай»?

— Не надо придирается к словам... Путь узкий, тесный, путь борьбы с грехом, соблазном, путь креста ведет к душевному миру, спасению, радости, счастью... Чаше ходите в церковь; сами не молитесь, так хоть священник за вас молится: мир всем, благодать Господа на вас. Врата Небесного Рая открыты для всех последователей Христовых; надо лишь постараться быть достойными вхождения туда, а для сего наблюдать за собой, за своей совестью, сердцем и душой и очищаться покаянием...

— Церковь, обряд, покаяние... это не мое!

— Покаяние необходимо для любого: грехи отдаляют человека от Бога — источника всякого добра, делают его чужим Христу, Который является Главой Церкви. Грех — рана для человеческой души, и сокрытые и неисповеданные

грехи неизбежно приводят к болезням душевным и телесным.

— Ну, я же как-то живу и вполне счастлива...

— Когда почувствуете себя несчастной, может оказаться слишком поздно...

— Что же мне, выдумывать эти грехи? Я у себя их не нахожу.

— Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас, говорил Иоанн Богослов.

— В чем заключается истинное покаяние?

— Сущность покаяния не только в признании себя грешником — это было бы слишком просто, — но и в оставлении греха, в изменении самого образа жизни, приводящего к греху. Священник молится за всех кающихся. По окончании этих молитв он произносит следующее напутственное слово: «Се, чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое...»

— И все-таки... Религия — это не мое.

— А представьте себе, что на вас действует некая сила, убеждающая вас в этом... Вы не воспринимайте себя как нечто стойкое. Наша душа словно поверхность вод — пребывает в вечной зыбкости. Забудьте, что вам твердит внутренний голос. Это чаще всего не ваш голос... Идите в церковь. Стойте. Слушайте молитвы. Возносите сами вместе с дымом кадил и свечей... Вы увидите, что скоро в вас заговорит совсем другой внутренний голос...

Любовь к Богу тогда только бывает настоящей, когда она основана на смирении, когда человек устраняет из своего сердца плотскую воображаемую любовь. В чем же выражается плотская любовь? Она выражается в необыкновенном самопроизводимом восторге. Человек

напрягает в себе все свои силы к восторгу, возбуждает свою нервную систему, и при этом происходит вскипение крови, возникает необыкновенное воображение, пылкость. Пылкость и горячность крови и нервов — это и есть плотская любовь. Такая любовь не бывает угодной Богу, ибо она приносится на жертвенник гордости. Такая любовь недолговечна, она быстро исчезает.

Герберт Адлер неумоимо писал об этом в своей газете.

Чтобы иметь постоянную духовную любовь, необходимо любить Бога смиренно, кротко и стремиться к достижению любви духовной, которая успокаивает нервную систему, охлаждает порывы крови нашей и дает внутреннее успокоение в смиренном и кротком духе.

Вот какова должна быть Божественная, или духовная, любовь. Как же нам научиться такой любви? Научиться любить Бога можно при том условии, если мы будем в меру своих сил и возможностей исполнять всё то, что заповедал нам Спаситель мира Иисус Христос.

И не только исполнять, но и внутри своего сердца возбуждать вражду ко всякому греху, удаляющему нас от любви Божией. Вот это и будет началом любви к Богу.

Но только началом. Чтобы эта любовь утверждалась и крепла, необходимо постоянно следить за собой. И если когда-либо по немощи своей мы впадем в тот или иной грех, то быстро должны встать и принести искреннее слезное покаяние.

Для того чтобы сердце наше постоянно пребывало в любви, необходимо изучать в Евангелии ту волю Божию, которую открывает нам Спаситель мира, познавать, чего хочет от нас Господь, познавать Его благую и совершенную волю и исполнять ее до конца своей жизни.

Только при постоянной верности Богу в нас сохраняется настоящая Божественная любовь. И если в какой-то момент нашей жизни мы нарушим эту верность, то тем самым нарушим и любовь к Богу. Прервется эта внутренняя взаимосвязь любви Божией и любви нашей.

Любовь наша к Богу должна совершенствоваться изо дня в день. Она получает непосредственную связь с Богом, входит в единение с Ним и посредством этого единения получает утешение, просвещение, возвышение.

Но мы должны хорошо понимать, что в достижении или укреплении этой любви к Богу необходимо пройти известный путь испытания, путь борьбы — и прежде всего с самим собою. Почему? Потому что внутри нас находится ветхий человек, тлеющий в похотях своих. Потому что необходимо убить в себе этого ветхого человека — убить все греховное. А когда мы начнем это совершать, то, естественно, диавол, отец греха, восстанет на нас, чтобы защитить свое достояние, и тогда возникнет борьба. Нелегкая борьба.

К примеру, для того, чтобы обуздать наш язык, сколько же нужно силы, внимания, энергии! А разве легко победить в себе гордость, самолюбие, тщеславие, любовь к похвале или любой другой грех? Конечно, всё это требует с нашей стороны немалых усилий, постоянной брани.

Но не только во внутренних искушениях проходит наш путь. Вспомните, каким испытаниям подвергся апостол Петр от людей! Разве мы не испытываем подобного страха, когда некоторые люди приступают к нам с вопросами: «Ты веруешь во Христа? Ты христианин? Ты ходишь в церковь?» А мы что отвечаем? Разве порой мы не допускаем малодушия? Разве не боимся подчас исповедовать Христа? Мы бываем жалкими, не имея мужества заявить, что мы действительно христиане, чтущие заповеди Божьи.

Итак, проверим самих себя, по-настоящему ли мы любим Бога? Не бывает ли так, что мы стараемся любить Бога от плотского своего мудрования? Возбуждаем свои нервы, горячимся даже в молитве и в посте. Да, это происходит в нашей жизни, особенно в начале нашего обращения к Богу, когда мы, возбужденные той или иной красотой Божественной, восхищаемся, возбуждаемся, готовы на

любой подвиг: и чрезмерно поститься, и помногу молиться, и милостыню творить, и за ближними ухаживать. Всё как будто бы нам легко! Но потом проходит этот порыв, и наступает период, когда мы остаемся один на один со своими естественными возможностями. И вот тут-то уже сил ни на какие подвиги не хватает, потому что нет еще у нас Божественной любви, которая достигается постоянством и смирением. Помните о том, что любовь к Богу обязательно соединяется с любовью к ближнему. Припоминаются стихи иеромонаха Романа:

Вновь наступает пора покаянная,
И запожарилась осень вокруг,
Нет ничего на земле постоянного,
Радость моя, мой единственный друг...

Желтое, красное — все разноцветное,
Золотом, золотом устланы рвы.
Прямо в лицо роднику безответному
Ветер швыряет монетки листвы.

Затосковали деревья бесправные,
В ризах растерзанных гибели ждут.
Лишь золотые Кресты Православные,
Радость моя, нас в бессмертье зовут.

Радость моя, эта суетность грешная
Даже на паперть швыряет листы.
Но не отвлечь от покоя нездешнего
Белые Церкви, Святые Кресты.

Их не прельщают монеты фальшивые,
Не привлекает поток золотой,
Нужно ли Вам это золото лживое,
Вам, что нашли уже вечный покой?!

Белых Церквей звон доносится издали,
То благовест нам о мире ином,
Живы еще Проповедники Истины,
Радость моя, не скорби ни о чем!

Белые Церкви исполнены кротости,
Той, что по сей день спасает наш свет.
Радость моя, что кручинишься попусту,
Белым Церквам уже тысяча лет!

Выжили Вы, бессловесные Зрители,
Бури прошли, расточились врази.
Сколько всего за века перевидели
Белые Церкви, Осколки Руси?

Белые Церкви плывут в Бесконечности,
О, Кладенцы неземной Чистоты!
Непокоренные Граждане Вечности,
Белые Церкви, Святые Кресты.

Вас не смутить листопадами тленными,
В этот осенний отчаянный пир.
Белые Церкви — на вас вся Вселенная!
Не устоите — развалится мир.

Звон колокольный летит сквозь столетия,
Встретим же в Храме молитвенный час:
Радость моя, мы с тобой не заметили;
Осень уже за порогом у нас.

Как узнать, что мы любим ближних своих и Господа?
Если мы чувствуем, что в нас угасло памятозлобие, то мы
уже на пути любви к ближнему. Если у нас породилось в
сердце мирное, сострадательное отношение к ближнему
своему при любых обстоятельствах, то знайте, что мы уже

у самых дверей любви к ближнему и к Богу. Вот так и необходимо нам совершенствоваться в духовной любви.

49

Змейка бессонного запоя все-таки выманила Андрея на улицу. У него закончилось пиво. Пивной ларек рядом с домом оказался закрыт, и пришлось бежать на другую сторону реки. Чтобы сократить путь, он спустился на лед и неверной походкой зашагал, пересекая реку наискосок. Вот зачернели сваи моста. Здесь он когда-то выбросил крестик, освященный на Гробе Господнем. Как раз в том месте была полынья. Андрей осторожно обошел ее, стараясь не ступить на тонкий лед у краев чернеющего отверстия.

— Как он там, миленький, на дне полеживает? — усмехнулся Андрей, с удовлетворением проведя рукой по шее, свободной от креста.

Денег хватило только на три бутылки пива. Одну он выпил сразу, вышвырнув пустышку, а две бутылки аккуратно держал за пазухой. Их нужно растянуть до утра, а сейчас только около полуночи... Андрею страшно хотелось курить и, завидев темный мужской силуэт на льду, он громко окликнул незнакомца.

— Сударь, у вас закурить не найдется?

Мужчина обернулся и, не ответив, прибавил шаг.

Андрей ради интереса решил нагнать нахала, не знакомого с утонченными манерами, принятыми у эстетствующих маргиналов. Уже совсем приблизившись, в латуневом свете луны он узнал убийцу отца.

— Вы?

Человек, не отвечая, побежал в сторону полыньи. «Сейчас или никогда! — мелькнуло в голове у Андрея. — Такой шанс отомстить за отца!» — Он выхватил бутылку с пивом и, легко нагнав беглеца, огрел его по голове. Жертва громко вскрикнула и повалилась на снег. Ничего не

соображая, Андрей отбросил бутылку в сторону и, схватив тело за ноги, поволок к полынье. Едва добравшись до края, принялся сталкивать тело в воду, но тут человек очнулся и попытался высвободиться. Завязалась борьба. Сын, мстящий за отца, и убийца покатились по тонкому льду, пытаясь схватить друг друга за горло. «Он ненавидит меня за то, что я такой же», — пронеслось в голове Андрея.

Внезапно лед под ними треснул, и оба провалились в обжигающе-холодную воду. Андрею повезло. Ему удалось сразу выбраться. Более грузный соперник только судорожно обламывал кромку льда. Андрей лежал на льду и боялся пошевелиться. Ему казалось, что лед вот-вот снова под ним проломится. Через пару минут борьба с полыньей должна была закончиться, но вдруг из черноты послышался стон:

— Андрюша, спаси Христа ради! Я не хотел его убивать, так получилось... Андрюша!

Сам не зная почему, Андрей подполз к краю и протянул руку. Немедленно в его запястье вцепилась клешня утопающего.

— Тяни, тяни, миленький...

Андрей осторожно принялся пятиться назад и постепенно рядом с ним на льду растянулось тело его противника.

— Давай теперь осторожно отползем от полыньи, — прохрипел спасенный и пополз прочь. Андрей не раздумывая последовал за ним, и лишь через мгновение, снова очутившись в воде, понял свою ошибку. Лед под тяжестью первого тела трескался, и он, попадая след в след, провалился.

— Помогите мне! — застонал Андрей, но черная тень удалялась: сначала ползком, а потом, поднявшись на ноги в безопасном месте, побежала прочь.

Холод мгновенно прожег Андрея до самого сердца. Он отчаянно пытался выбраться, но кромка льда превращалась в ледяное варево. Неведомая сила тянула Андрея на дно. Последней его мыслью было: «Напрасно я выбросил крестик... Господи, помилуй!»

...В половодье тело Андрея нашли на берегу, в двух километрах вниз по течению. Следователь при описи личных вещей покойного бесстрастно записал: маленький серебряный нательный крестик. Он был надет на шею Андрея.

Мать утопленника заказала отпевание и похоронила сына по православному обряду. Его могила находится рядом с могилой отца.

Герберт послал роман Виригину.

— Герберт, ты в своем уме ли? Я старался не читать тебя, когда был твоим литагентом, неужели ты думаешь, что я буду читать тебя сейчас? Ты не писатель, ты мелкий ничтожный авантюрист. Я сравнил тебя с Остапом Бендером, но когда я рассказал об этом сравнении Юрскому, тот сказал: «О, нет. У Бендера был вкус. У вашего Адлера его ни на грош».

— Не хочешь — не читай... Я не настаиваю. Просто забавно. Я допишу роман и забуду тебя, как шорох прошлогодних листьев. Кстати, в романе ты очень красиво умираешь. Пролистай до конца. Сцена гибели впечатляет. Я тебе не для публики скажу: ты ничего не смыслишь в литературе. Так что я не надеюсь на твою оценку. Просто приятно послать тебе мои очередные забавы, на которые ты купился... Я думаю, тебе все-таки достанется на этот раз.

— Это еще как знать...

— А о Юрском, Гафте и прочем ты все круто сочиняешь. Надо сказать, артисты не великие ценители сами. Тоже мне, литературные гении. Ну не понравилось Юрскому. Ну и что? Ты пластинку смени... Натерло уже. И кто тебе с колбасным образованием вообще дал право судить да рядить? Особо меня позабавило в твоих записках, как ты, сидя на прозаке, клеймишь меня за то, что я на прозаке. Знаешь, Андрей, у меня чувство, что я препарировал лягушку — а она вся червивая изнутри. Зря ты крестик выкинул, зря. Дядечка Христос за тебя на кресте висел, а ты Его не уважил... Достанется тебе, вот увидишь. Может, все-таки покаешься?

— А ведь вру, посмотрел, Герберт, посмотрел я твой роман. Очень местами смешно. Но если ты не заменишь имена Юрского и Гафта, будут проблемы. Как бы то ни было, помни, что когда у тебя в рукаве туз, у меня будет джокер. Уж извини.

— Смешно там, где про тебя, конечно. Да? А помнишь, я предлагал тебе написать этот роман вместе... Да, у меня туз, у тебя джокер. Только мы играем в подкидного дурака, где дурак — ты, а джокер выброшен из колоды. Понимаешь? И почему ты думаешь, что будут проблемы с Гафтом и Юрским? У Минаева в романе Путин по небу летает. У него же нет проблем. Мало ли, может, фантазия такая... Нет, нельзя менять: самый смак... мне, кстати, понравилась история про проститутку, толкавшую машину, а потом себя не проявившую... Видишь, мне совсем необязательно занимать твою койку в бомжатнике. Ты у меня корреспондентом поработал. Но не обольщайся. Большая часть того, что ты изрыгаешь, очень противна, очень, честное слово. Я двадцать лет не был в обоссанном подъезде, понимаешь? А от тебя им прямо разит...

— Ты попал, ты, Герберт, еще сам не знаешь, как попал. Ты уже стал руконеподаваемым человеком в литературном и деловом мире. Выражение моего любимого писателя «я ли ляля в одеяле» стоит всего, что ты написал и напишешь.

— Почему руконеподаваемым? С чего ты взял? Ты видел, как меня такие же англоязычные каналы честят годами! От тебя мне ни прибавилось ни убавилось... А рук я и сам никому не подаю. Брезгую...

— Расслабься, Герберт, я просто прикалываюсь...

— Ты не прикалываешься. Ты там живешь, в России. Я прикалываюсь. Я тут живу, на Западе. Ты всё время об этом забываешь. Здесь совсем другая реальность. Я в твоей реальности хозяйничаю, а ты в моей — нет. И даже если у тебя пупок лопнет — все равно хозяйничать не сможешь...

— Ну, это мы еще посмотрим, долго ли ты будешь таким самодовольным...

— Ты, Андрюша, ведь мое внимание хотел привлечь. Ну, привлек. Доволен? Получилось, как ночь с Клеопатрой... удовольствия на одну ночь, а наутро голова с плеч. Кстати, в романе я к себе отношусь завидно... Так что не такой уж я самодовольный.

— Что, Герберт, гордынька душит. Душит, а?

— Андрей, ты — бес. Слушай, а ты когда-нибудь сомневался в своей правоте? Ты правильно сказал... Всё потерять тоже талант нужен... Сидел бы на зарплате, тихонько по поручениям моим бегал бы... Все равно ведь потом полгода трезвый был... за просто так. Измучился небось, пивосос. Дурак. Ладно, я на тебя уже не сержусь. Только будет тебе по полной программе. Мне кажется, российские власти от тебя не отвяжутся. Давай, не сдавайся, варяг. Да и толку сдаваться? Теперь это уже не поможет.

— Душит гордынька...

— Ты, самоуверенный придурок, за границей ни разу в жизни не был... И зачем ты, Андрюша, связываешься? Мы же живем в уютной безопасной стране, в полном достатке, в трехэтажных домах (в которых все этажи наши), а ты елозишь в канаве. И чего ты добился? Подведем итоги. Я — получил запись Гафта. Это так или иначе останется в истории. И это его лучшая запись. Я написал роман, пользуясь тобой как ярчайшим антагонистом. Я живу как жил, издаю газету, печатаю книги, родил третьего ребенка. Поверь, даже если ты накакаешь себе на экран, мне это повредит не больше, чем экономический кризис всем нам. Ты — потерял лучшую в своей жизни работу. Доскакался так, что мне пришлось на тебя жаловаться, и, очень возможно, будешь доживать свои дни в тюрьме. А я ведь даже не напрягался... Вспомни мои романы... Я ведь могу придумать и получше. И главное... Насчет судьбы. Помоему, теперь я действительно поневоле повлияю на твою судьбу, еще больше, чем когда я тебя вышвырнул из московской квартиры... Ну и чего ты добился? И ты считаешь себя умным, талантливым, честным, гордым? Ох, бог с тобой...

«Эльза, Эльза... — думала Эльза, — Марфа, Марфа...» Евангельское предание о Марфе и Марии настойчиво преследовало Эльзу не первый месяц.

Приняв Иисуса с учениками, старшая сестра Марфа стала суетиться с приготовлением угощения для гостей, а Мария села у ног Иисуса и слушала Его. Сознывая, что одной трудно услужить всем гостям, Марфа обращается к Иисусу как бы с упреком: «Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне».

Не с укором, а с чувством глубокого сожаления ответил Христос озабоченной Марфе: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, и считаешь это многое необходимым; но ты ошибаешься: твоя забота, твое усердие направлены к тому, без чего можно обойтись и что составляет лишь житейскую, скоропреходящую суету. А нужно только одно — внимание к Слову Божию и исполнение воли Его. Мария, которую ты упрекаешь, избрала лучшее дело, и то, что она приобретает, слушая Меня, никогда не отнимется от нее, всегда останется при ней как в этой, так и в будущей жизни».

Марфа любила Иисуса не менее Марии, любила слушать Его и, конечно, исполняла Его главнейшие заповеди, но она признавала необходимым прежде заняться житейскими делами, а потом уже внимать Слову Божию; в заботах и суете она забывала ранее сказанное Иисусом: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам».

«Суетность — самый распространенный женский грех, — рассуждала Эльза, мелко кроша вареные овощи в неизменный, как лунный свет, салат «оливье» к новогоднему столу. — Поди-ка, сядь у ног Господа, когда и каша на плите горит, и вода кончилась, и дите за юбку

дергает, — то ли голодное, то ли уделалось... А вот в том и суть, чтоб и подгузник менять, Господа славя», — сама себе возражала Эльза. Такое пререкание с самой собой с недавних пор вошло у Эльзы в привычку.

События истекающего года не только перетряхнули весь внешний уклад Эльзиной жизни, но и перевернули весь ее внутренний мир, показав, что важно, а что нет, что в ней совершенно напускное, а без чего она не может существовать даже на элементарном уровне.

Конечно же, все началось с крещения. Эльза так долго ждала и шла к нему, и в то же время и до крещения православие было настолько родным, неотделимым от нее самой, что, крестившись, она испытала феерическую радость странника, вернувшегося в родной дом, радость сказочной ценности и чистоты.

Человеку взрослому, и даже уже стареющему, известна щемящая тоска по родительскому дому, какому-то своему уголку, маме, папе, любимой бабушке, какими они представлялись нам тогда, когда мы только что начинали осознавать себя. Разумом сорока-пятидесятилетнего и далее-летнего человека мы осознаем, что это тоска не по месту и людям, а по времени, а еще глубже, середкой своей души, понимаем, что это тоска по собственной невинности, безгрешию, чистоте. Поэтому и сидит в нас безумная надежда возвращения, и многие принимают ее слишком конкретно — не мудрствуя лукаво, бросают всё, едут к родным местам и людям, а там вроде всё то же, но совсем-совсем другое. Или еще смешнее: в поисках утекших попусту лет разводятся, бросают постаревших жен и подросших детей, женятся на молоденьких и рожают новеньких, толстопузых, глянцевого, розовых младенцев, которые прекрасны и очаровательны, но от тоски не спасают, разве что только отвлекают необходимостью соответствовать. А душа продолжает ныть и плакать по ночам. И чувствует человек себя связанным по рукам и по

ногам и осознает наконец, что же значит расхожее «И рад бы в рай, да грехи не пускают».

Крестившись в зрелом, уже даже в забальзаковском возрасте, Эльза испытала счастье колодника с тридцатилетним стажем, вдруг по амнистии отпущенного с каторги, и первые месяцы летала ее душа упоенным жаворонком в глубине небесной, в сиянии солнечном. А спустя некоторое время заметила она, что сама себе снова связывает крылья: когда ниточкой, а когда и веревочкой. Потому что привычки сорока прожитых лет остались, а привычка — вторая натура, и поди-ка еще за второй этой натурой первую разгляди...

Грозы ссор с Гербертом сначала почти до основания, до полной опустошенности, разрушили Эльзу, а потом постепенно, по капельке, сперва доводами разума, потом привычной привязанностью, а вскоре и возрождающимся заново чувством любви и особенно нежности (ах, нежность эта, жалость и умиление сердечное, ничего слаще тебя нет, никакой новомодный секс, никакой разумнейший психолог, никакое равноправие и разработанные пути социального обеспечения не дотянутся до тебя, не намудрят и песчинки из тех городов золотых, надоблачных, что ты строишь одним взмахом своих несмелых ресниц...) привязали Эльзу, приклеили, растворили и скрепили с мужем. Это как когда объезжают коня: сначала седок еле удерживается в седле, а конь и брыкается, и встает на дыбы, и несет, но утихает, и через какое-то время всадник и конь в скачке сливаются друг с другом в нераздельное целое, как кентавр, так, что, попадая в ритм копыт, всадник из лука поражает цель. Только в случае с Гербертом и Эльзой оба были наездники, оба были кони.

После всего пережитого сместился сам центр их жизни. Да, остались неприятности и неразрешенные и неразрешимые вопросы. Но раньше они занимали весь небосвод их жизни, оставляя им крохотный уголок для самих себя, а сейчас Эльза чувствовала, что они стоят на

земле пусть и острова, омываемого океаном невзгод, но земле крепкой, надежной, в родном убежище. Пропало ощущение щепки, носимой по воле волн, хотя внешние обстоятельства их жизни переменялись скорее к худшему, чем к лучшему.

Оберегая это новоприобретенное счастье, Эльза училась по-новому быть внимательной к себе, своим поступкам, а более мыслям и чувствам, так как на этом уровне гораздо легче предотвратить несчастье — не подумал, не почувствовал, тем паче и не сделал. Отсюда и появилась эта привычка к многословному спору-рассуждению с самой собой.

На первом месте, конечно же, стояла проблема смысла жизни. Теперь Эльза видела смысл своей жизни в вечной жизни в Боге, иначе называемой спасением... Во-первых, она пришла к окончательному убеждению в том, что Бог есть и что Он является не только источником бытия, но и самим бытием, в Котором лишь возможно благо бытия всего существующего, возможно полноценное постижение Истины и познание сотворенного Им мира. Во-вторых, Эльза начала понимать, что земная жизнь является не самодовлеющей ценностью, а лишь необходимым условием, формой бытия для достижения совершенной жизни в Боге. Христианскому сознанию поэтому противоестественен атеистический призыв: «Верь, человек, тебя ожидает вечная смерть!». Теперь Эльза могла бы выразить существо христианской веры всего двумя словами: «ХРИСТОС ВОСКРЕС!», — так как в них заключена вся бесконечная и одновременно вполне очевидная перспектива нашей жизни. Ее смысл — в уподоблении Христу и единении с Ним. Что это значит? Это совершенство в любви, основанной на самопожертвовании, составляющей само существо Бога, ибо «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем». Человек, духовно очистившийся, исцеленный от страстей, пребывает в глубокой радости,

любви и мире души, говоря на повседневном языке — счастлив, но не мимолетно, случайно, а постоянно, сделав счастье свойством своей души «нового» человека, и потому свойством неотъемлемым, вечным. Но вовсе не это состояние само по себе являлось целью и смыслом Эльзиной жизни. Оно лишь одно из следствий достижения истинной цели — спасения, единения с Богом, в котором личность человека достигает полноты раскрытия, богоподобия. Совершенство в любви — это не только нравственное и эмоциональное благо человека. Любовь не в меньшей степени является совершенным «инструментом» познания Истины. Не случайно те, которых Церковь в силу их особой духовной чистоты именует преподобными, называли духовную жизнь истинной философией, искусством из искусств, наукой из наук. Они потому ее так именовали, что правильный образ жизни, восстанавливая единство души с Богом, открывает человеку и ведение Истины, и созерцание Ее нетленной Красоты, и познание существа всех творений. Опыт Церкви со всей очевидностью свидетельствует, что духовное совершенство человека, к которому призывает Евангелие, — не фантазия разгоряченных мечтателей, а реальность, факт, бесконечное число раз практически проверенный в истории жизни мира и донныне предлагаемый ищущему человеку в качестве единственно разумной цели бытия.

Христианство предлагает человеку идеал, большего или равного которому не знала ни одна религия мира, — чистую, бескорыстную любовь. Эта любовь, по образу Христа, является высшим состоянием блага, блаженства духовного человека, и одновременно средством истинного познания Бога и всего сотворенного им бытия. О том, что этот идеал совершенной любви достижим реально,

говорится в истории Церкви, жизни ее святых. Почему же в таком случае он не только отрицается миром, но и часто с ожесточением, огнем и мечом, «вычищается» из сознания человеческого? Само это ожесточение разве не является показателем истинного источника отрицания миром христианского идеала жизни?

От этих размышлений Герберта отвлек Андрюша Виригин. Он дочитал до сцены своей гибели и решил ответить публично, опубликовав в Интернете следующее заявление.

— Герберт Адлер убил меня в своем романе. Утопил. Пелевин в «Generation П» утопил своего хулителя, известного критика, в выгребной яме, Герберт меня — в полынье. И на том спасибо.

Давай, Герберт, я научу тебя, как писать.

«“Ну вот и всё”, — пронеслось в голове Андрея. От ледяной воды он забился в судорогах, мокрая одежда облепила тело и потянула ко дну. Перед его мысленным взором замелькали яркие пестрые картины из прошлого: сетка ворот команды города Донского, раздувающаяся после его точного удара, голубые глаза и улыбка дочери, приближающиеся губы Веты, ее полуприкрытые веки в бирюзовых прожилках и многое, многое иное.

...Синий разбухший труп Андрея, обглоданный раками, нашли только весной. В кармане его спортивной куртки в полиэтиленовом пакете лежал паспорт, по которому его опознали. Согласно завещанию, Андрей был сожжен в Митинском крематории. Под шершавые звуки скрипки гроб с его телом медленно въехал в печь... То, что когда-то было Андреем, стало кучкой серого пепла, который, как он и просил задолго до гибели, был развеян над Москвой-рекой с Крымского моста».

— Удивительный эпатаж... Ну, что ж, придется и правда исполнить волю покойного... Вот и твоя бывшая жена возмутилась возвышенной концовкой. Говорит, что ты — скотина, и ни за что не расскаешься, потому что в Бога не

веришь... Ты, кстати, так и не ответил, за что ты меня так возненавидел, — написал Герберт.

— Ну, во-первых, как юноша воспитанный, верну комплимент — от скотины слышу. Мои главные претензии к тебе, что ты назвал мою любимую девушку заморышем, после чего я просто обязан был послать тебя...

— То есть материальных претензий не было...

— Были, но не в этом дело...

— Кстати, я так и не понял. Тебе же должны были другую карточку прислать взамен отобранной у тебя по пьяни. Не прислали? Я клал бы на нее немного денег в качестве гуманитарной помощи. Видишь ли, у меня таких, как ты, вагон и маленькая тележка. Вон я совершенно незнакомой эпилептичке на такую карточку деньги каждую неделю кладу, и еще одному инвалиду. Вы все думаете, что занимаете такое же место в моей жизни, как я в вашей, с полнебосклона. А по-настоящему ты, Андрюша, лишь маленькая частичка всего того, о чем я беспокоюсь. Тебе, бездельнику, этого не понять. О, вспомнил! Я еще шлю деньги четверем негритятам в Африке. Может, тебе нужно было лицо измазать сажей? Короче, Андрюша, попал ты под раздой... рылом не вышел. У меня был очень трудный период экономически, и совершенно не до тебя было, кстати. А вот после Нового года как-то получше стало, можно и тобой заняться вплотную. Так что мы делаем? Воюем? Ты уже надел каску? Или, может, помиримся?

— Ты предлагаешь мне деньги?

— Нет, я не предлагаю тебе денег. И не дай бог тебе согласиться. Это будет доказательство, что ты вымогал у меня деньги. Я просто прикалываюсь над твоей нищетой... я же беспринципный. Приятно... Сегодня мы в офисе заработали шесть тысяч долларов, несмотря на кризис. А я кайфую над тобой... бездарным вымогателем семечек. У вас шпана все еще говорит: «Деньги, семечки на стол!»? В мое время так говорили... Я еще удивлялся: на какой стол выкладывать?.. Вымогали ведь на улице... Слушай, а тебя

часто бьют? Или ты в личном общении трусливый и только по Интернету такой смелый?

— И все-таки ты предлагаешь мне деньги...

— Я предлагаю тебе достичь просветления в голове. О какой любимой девушке ты пишешь? О Вете? Ты же ее облил грязью с головы до ног на своем блоге, и не как-нибудь анонимно, а как положено, по фамилии, имени, отчеству... Заявил, что она лесбиянка и вообще.... Ну уж если она у тебя любимая девушка, то я еще имею шанс стать твоим любимым парнем. А чего ж ты не признался публично, что майку с моим портретом, или, как ты говоришь, быдлохуйством, носил? А? Какой-то ты, Андрюша, убогий, что ли? У тебя она любимой становится после какой бутылки? Кстати, заморышем ты первый ее назвал, с самого начала она тебе не понравилась. И еще... Признайся, ты ведь наврал про СПИД. Кому ты мозги паришь... Если правда, пришли справку — я тебя сразу прощу... только неподдельную. Кстати, Вете ты никогда и не нравился. Она сама мне это сказала. Может быть, немного нравился в самом начале, пока целоваться не полез. Ну а потом ты ведь вообще пьяным быдлом стал. Ну какая девушка поедет на квартиру к пьяному быдлу, даже организовавшему лучшую запись Гафта?

— Зря я связался с лесбой, тем более с самого начала знал, что она такова. Лучшая запись Гафта? Ха-ха! Пообщайся с моей экс-женушкой, она тебе расскажет удивительные вещи. Только, пожалуйста, не верь, если она скажет, что я ем на завтрак христианских младенцев. Роман твой — фуфло. Правда, кое-что в нем написал я... Точнее, то, что ты у меня стибрил... Любимая девушка... Тебе этого не понять. Ты никогда не нравился женщинам так, как я. И, в отличие от тебя, Андрей Виригин знает русский язык и умеет писать, а не лепит горбушки где попало. Чего ты достиг? Остап Агатович Арсилов публиковался во всех толстых журналах. Я его литагент. От него без ума Гафт: «Вот кого бы надо читать!»

— Это ты можешь рассказывать собутыльникам в обоссанном подъезде... Арсилов твой — бездарность.

— В обоссанном подъезде... Ты, кстати, знаешь, что твой аполитичный литагент выходил на «Марш несогласных» вместе с лимоновцами в ту пору, когда у тебя работал? Это была единственная возможность протестовать против режима. А ты сидел у себя в особняке и рассуждал со мной о мерзости российской власти, когда я за несколько часов до того протестовал против нее. Это ты тоже в ФСБ отправь.

— Так ты Нацбол, что ли? Ого! Вот так поворот романа! Я окружен фашистами со всех сторон! «Марш несогласных»... С чем ты не согласен? Ну, правда, с чем?

— Я не согласен — с тобой, Герберт... Тебя знают в основном в русскоязычном мире. И я тебе устрою такой блэк пиар, что не отмоешься. Ты будешь растерзан российскими СМИ. Когда-то ты называл меня отличным журналистом. Кстати, что ты прочитал Арсилова, что тебе так не понравилось? Ведь хоть что-то ты прочитал?

— Ну, я прочитал те четыре цитаты про Свет, с которыми он спал, и то, что тело любой шестнадцатилетней девушки нравится сорокалетнему мужчине. Если это лучшее, что он сказал, — увы... Кстати, я пробовал читать его рассказы. Серость... Плоско, скучно, язык никакой... Мало ли кого печатали в толстых журналах. У меня более пятисот афоризмов, и их цитируют по всему Интернету... Десятки, сотни раз. Я думаю, ты сталкивался не раз, когда искал, где бы еще нагадить. Вон возьми Минаева — самый популярный... Ну это же конфуз, да и только. Я бы промолчал про Арсилова, он мне ничего не сделал, но ты меня с ним достал. Признайся, что Гафт тебе не говорил ничего плохого о моих текстах. Зачем ты врешь? Юрский, может, и говорил. А Гафт — нет. Я же слышал его голос. Он меня хвалил по телефону. А тебе с твоим Арсиловым просто поддакивал, зачем — не знаю, однако так ничего из его творчества не записал. А теперь скажи... Ну и какая

запись Гафта современного писателя лучше? Прочел он восхитительно. Хотя некоторые тексты неудачные, не спорю. Ну так сам виноват. Был бы хорошим агентом, нашел бы из моих книг чего-нибудь получше. Только не лги опять, что я бездарность. Ты просто многого не понимаешь из того, что я пишу. Просто мозги у тебя слабые, поэтому тебе и кажется, что бездарность. Я с такими случаями сталкивался. И вот еще. Не умеешь ты критиковать совершенно. То, к чему ты привязываешься вроде овалов груди и еще не помню чего, либо вырвано из контекста, либо ты просто не понял прикола. Привязываешься же ты потому, что сам ничего стоящего создать не можешь по узости ума. Хотя кое-что яркое в твоих блогах проскакивало, но чаще ворованное или цитаты. Ты страдаешь страшным комплексом неполноценности из-за никакого образования. Ну и что, что ты знаешь каких-то там писателей, о которых я или кто другой никогда не слышал? Толстой тоже не знал современных ему писателей... Не интересовался. Зато я знаю целые науки, о которых ты слыхом не слыхивал, и говорю весьма бегло на шести языках. А ты, кажется, кроме русского и русского матерного ни на каких языках не изъясняешься и на слух не понимаешь... Потом, что за гигантомания? Мои книги издавались и во Франции, и в Англии, и в Германии, и там я тоже их продвигал. Россия — это мой, что называется, *pet project* — так... тоска души. Устрой мне скандал в СМИ. Только настоящий. Знаешь, как прославился Северянин после того, как его обругал Толстой? Только вот боюсь, у тебя кишка все-таки тонка... Ты же там будешь опять рассказывать те же самые истории... что я бездарность, что Юрский то, а Гафт это, и потом еще будешь раскрывать тайны моей личной жизни, вычитанные в моих романах! Кстати, насчет розыска. Ну с чего ты взял, что я в розыске? Ну с каких фиггов? Мне было восемнадцать лет, и уезжал я из Советского Союза. И потом, ну и что, что в розыске? Что ты заладил... в розыске

да в розыске... Вот ты точно будешь в розыске. И зачем ты меня до греха довел? Теперь мне тебя уже жалко. Это ты меня вынудил так вынудил... Я ведь, правда, тебя заложил и ФСБ, и МВД. А ты надеялся, что я блефанул... Ты мой паспорт с блога убери. Хотя эти проблемы снимешь. Мне, правда, все равно. Тебя жалко. Этого, правда, нельзя делать. Это как детская порнография. Ну не понимаешь ты, так послушай старших. И за что я тебя, подлеца, все равно люблю? Наверное, это у меня христианское... А?

— Это у тебя от бездарности...

— Андрюша, ну ты ведь лазал по Интернету. Полно цитат из меня, а одна женщина прямо прослезилась над моим текстом про Россию. Людям нравится. Ну кто ты такой, чтобы так меня судить? Ну не нравится тебе, ну и успокойся. Лебезил, терся вокруг меня... Отсосал хорошую дозу денег. Ну и чего тебе еще надо-то? Сейчас ведь будешь получать сплошные тумачи. И Гафт меня лично хвалил!

— По поводу Гафта, ведь там как произошло. Он сперва мне сказал: что за «херню ты мне подсунил» (цитата). А потом вроде как вчитался. Трудно с ним было, трудно. Но да, что-то хорошее говорил. Потом говорил что-то плохое.

— Тоже мне, удивил... Помнишь эпиграмму на него Герда... Что-то вроде: «Утром скажет что ты бог, а к вечеру — дерьмо...»

— Мне гораздо дороже, что ко мне так отнесся Юрский. Этого не проведешь... Герберт, я наверно, раскрываю чужой секрет, но тем не менее. Блистательный Арсиров хочет ввести тебя в свой новый роман. И это будет куда лучше, чем унылый плагиат в твоём романе. Мои отточенные, выверенные фразы с твоими вставками.

— Это не плагиат, а наша с тобой переписка... Разные вещи. А что, Арсиров на меня тоже зуб держит? Ему-то я чего недодал? Ну правильно, давайте все писать романы друг про друга. Будем все вместе водить хоромы над бездной...

— Мы с Арсиловым талантливые люди, а ты, Герберт, бездарь! И роман твой — чушь. Только и есть там ценного то, что написано мной.

— Ну как можно так себя любить? Ну это же просто неприлично... Все, кто читал мой роман, наоборот, требуют, чтобы я выбросил всё, что ты набазлал... Правда, молодежи до пятнадцати твоя писанина больше нравится. Может, ты просто пацан невыросший? Недоразвитый. Отточенная фигня, вот что это. Я и вставил на суд читателя, чтобы его стошнило так же, как меня. Ладно, друг... давай воевать. То есть ты воюй, а я займусь другими делами. Я по тебе залп уже выпустил. Будем ждать результатов. Что ты за свою жизнь такого сделал, что дает тебе такую самоуверенность и гордыню? Мне и угрожать-то тебе совестно. Как лежачего бить.

— Не говори гоп... бездарь...

— Извинился бы... Хотя, впрочем, если бы ты внимательно читал мои романы, ты знал бы, что я не считаю себя высоконравственным человеком. Это сейчас я стал исправляться, да вот ты опять меня до греха довел. А насчет моих талантов — заткнись. Ну надоел уже. Ничего ты не смыслишь. Сам ведь узколобенький, как карась!

— Сентиментален я стал. Всё, что я тебе написал, вовсе не отменяет того простого факта, что я тебя, Герберт, закопаю. Вспомни Броневого: «Война — это вам не покер. Война — это война». Так что готовься.

— То есть ты все еще не уgomонился? Я думал, что ты по максимуму поработал. Ну смотри, Андрюша, я пока тебя ласково отметил. Ты хоть почитал бы, что я раньше с недругами делал... Что ты хвастаешься на пустом месте. Кого ты урыл? Убийца отца у тебя до сих пор по городу ходит. Козел ты малодушный, Андрюша. Самое время тебе заткнуться и попросить прощения, я — добрый. Хотя проблемы у тебя будут, чует мое сердце... Причем ты и без меня загнешься со своими проблемами. Ну не любишь ты такой стиль. Ладно. Я не люблю твой. Ну и разошлись.

Чего ты пристал, как банный лист, выпускник колбасного техникума? Литературовед хренов. Ты у меня не один такой. А вот я у тебя — единственный. Ты, похоже, больше ни о чем последние полгода ни говорить ни думать не можешь, в каждой записи блога поминаешь. А скандал — это хорошо. Ты правда нравишься женщинам? Я посмотрел на твои последние фото — страх божий. То ли лицо распухло, то ли ты в весе прибавил. И никаким мальчиком ты не выглядишь. Для Гафта все мальчишки. Ему же семьдесят с гаком. Не приплетай старика к своим проблемам. Хотя он к этому, наверное, привык. А раз Юрский тебя так любит, ты ему свою писанину отнеси — он ее со сцены читать будет!

— Герберт, просматриваю эту фигню, зовущуюся твоим романом, и думаю... Ты шулер, это передергивания. О чем я писал и что ты вставляешь в мои фразы. Жалкий бездарь. Записи из моего дневника выглядят прекрасными царевнами на фоне тех шлюх, которые составляют ткань твоего романа.

— Ну что может сказать Нацбол о литературе?

— Нацбол — нет, я не Нацбол, конечно, просто сочувствующий. Гафт, кстати, знал Лимонова в шестидесятые. Называет он его «бесспорно талантливым человеком». Лимонов когда-то пытался покончить с собой из-за того, что друг Гафта Кваша пришел к его возлюбленной Лене.

— Боже, почему он не покончил с собой! Ну если ты сочувствуешь таким ублюдкам, как Нацболы, то о чем мы с тобой говорим? Лимонов — это даже не литературное дно, это литизнанка. Нацболы — это же русифицированная версия раннего немецкого национал-социализма, то есть фашизма. Если бы Гитлер сказал, что ему не нравятся мои произведения, я воспринял бы это как высшую похвалу! То же касается и Лимонова. Короче, всё с тобой ясно. Давай, сочувствуй Нацболу. Нацболы всё еще ходят под

лозунгами: «Завершим реформы так: Сталин! Берия! ГУЛАГ!». Так они ж тебя первого к стенке поставят!

— Лимонов в шестидесятые — это не Лимонов сейчас, при всем при том.

— Так же, как Адлер в девяностые — это не Адлер сейчас... Попался бы ты мне раньше...

— Пошел на фиг, встретимся в аду и так далее. Это какую же ты мою фотку видел? Проституточка Ксюша призналась мне, что сделала для меня исключение. С другим не целуюсь, а с тобой — да. И это, поверь, была не их профессиональная лажа. Понимаешь, большинство молоденьких проституток не целуют клиента в губы. После фильма «Красотка», что ли. Если только он им очень не понравится. Я ей понравился. Эта девушка куда красивее Веты. До встреч в окопах!

— То есть в ад ты веришь, а в рай нет... Молодец. Ты хвастаешься, что целовался с проституткой? Ты, Андрюха, сам настоящая проститутка. Только плохая. Деньги берешь, а сам норовишь клиента между ног пнуть. Поэтому мне и приходится жаловаться твоим сутенерам.

— Герберт, не хотел тебе отвечать. Но я пью пиво, а посему так и быть. Большинство Нацболов — это те, кто разочаровался в футбольном хулиганстве, но есть и другие. В любом случае это единственная оппозиция той омерзительной власти, что есть сейчас в России. Это тоже сообще в ФСБ, друг африканцев.

— Андрюша, ты фашист.

— Найми, что ли, киллеров, избавь меня от необходимости самого себя лишать жизни. Я люблю Вету. Понимаешь? Я не могу без нее... Я уже вскрывал себе вены осколком стекла...

Ветхозаветное Божественное Откровение говорило о милости Божией к падшему человеку. Новозаветное Откровение говорит о великой любви Божией, явленной миру.

«Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего едиnorodного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3: 16).

«Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас, и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом; благодатью мы спасены» (Еф. 2: 4–5).

В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши. Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас (1 Ин. 4: 10 и 19).

Бог, в предвидении падения человека, predetermined спасти людей еще прежде создания мира (Еф. 1: 4). Слово Божие называет Спасителя Агнцем Божиим, Предназначенным еще прежде создания мира (1 Пет. 1: 20).

Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление (Гал. 4: 4–5).

В чем состояла эта кончина лета, или «полнота времени», определенная для дела искупления? В стихах, предшествующих этим словам ап. Павла из послания к Галатам, апостол так выражается о времени перед пришествием Спасителя. Таким образом, он называет период Ветхого Завета детством, временем воспитания, детоводительства Моисеевым законом; пришествие Спасителя — конец детства.

Значение этого пригготовительного периода мы можем уяснить себе, руководствуясь притчей о блудном сыне.

Отец скорбел об уходе из дома любимого сына. Но не нарушая его сыновнего достоинства и сыновней свободы, он ждал, пока его сын, познав всю горечь зла и вспомнив благо жизни в отцовском доме, сам затоскует об отчем доме и откроет свою душу для отцовской любви. Так было с человеческим родом. «Душа моя, как земля безводная Тебе» (Пс. 142: 6), — могло сказать человечество в его лучшей части, оно стало «землей жаждущей», испытал до конца горечь отчуждения от Бога.

И Господь не оставил людей, не отвернулся до конца и с первого дня грехопадения вел их к будущему спасению.

Прекратив преступность первобытного человечества потопом, Господь избрал из потомства спасшегося Ноя сначала один род для хранения благочестия и веры в единого истинного Бога, а также веры в грядущего Спасителя именно род Авраама, Исаака и Иакова, а затем целый народ иудейский. В попечении о Своем избранном народе Бог вывел его из рабства, сохранил в пустыне, поселил на земле, текущей молоком и медом; заключал заветы: завет обрезания и завет Синайского законодательства; посылал ему судей, пророков, предостерегал, наказывал и снова миловал, возвратил из плена Вавилонского и, наконец, приуготовил из его среды Избранницу, ставшей Матерью Сына Божия.

Избранность иудейского народа подтверждает Господь Иисус Христос, указывая в беседе с самарянкой, что «спасение от иудеев» (Ин. 4: 22). О том же многократно свидетельствуют Писания апостолов: речи св. первомученика Стефана и ап. Петра в книге Деяний, послания ап. Павла к Римлянам и Галатам и другие места Священного Писания.

Далее, приготовление к принятию Спасителя состояло в утешительных обетованиях Божиих и предсказаниях пророков о Его пришествии.

Обетования Божии начинаются еще в раю. Таинственный смысл уже имели слова Господа змею о «семени жены»:

«Вражду положу между тобой и между женой, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт. 3: 15). Данное здесь обетование о семени жены становилось все более ясным для избранников веры по мере умножения дальнейших пророчеств о Спасителе, Который Сам испытает страдания от насилия дьявола (Пс. 21), но поразит его самого «И извержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной» (Откр. 12: 9).

Далее идет обетование Адаму — благословятся в семени твоём всем земные народы (Быт. 22: 18), — повторенное потом Исааку и Иакову (Быт. 26: 4; 28: 14); оно также постепенно раскрывалось в своем подлинном значении для иудеев — как обетование о Спасителе мира — в периоды пленений и других бедствий.

Патриарх Иаков в предсмертном благословении одного из своих сыновей изрекает уже более определенное пророчество о Спасителе в словах: «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов» (Быт. 49: 10). Дотоле не прекратится власть из колена Иуды, пока не придет Примиритель — чаяние народов — и, следовательно, прекращение власти колена Иудова будет ясным признаком пришествия Спасителя. Древние иудейские учителя видели в Примирителе ожидаемого Мессию, Которому и давали это имя (Шило — Примиритель).

Дальнейшим пророчеством являются слова Моисея своему народу: «Пророка же из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, Его слушайте» (Втор. 18: 15). Много после Моисея было великих пророков у евреев, но ни к кому из них они не относили этих слов; и то же Второзаконие свидетельствует о времени, близком Моисею: «И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей» (Втор. 34: 10). Сам Господь Иисус Христос отнес слова Моисея к Себе: «Ибо если бы верили Моисею, то

поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне» (Ин. 5: 46).

Затем идут многочисленные пророчества-прообразы в псалмах, из которых наиболее выразителен псалом 21-й, признаваемый древними раввинами за песнь Мессии. Он содержит в себе изображение тяжких и мучительных страданий, таких, какие были перенесены Спасителем на кресте: «Боже, Боже мой, услышь меня, для чего Ты оставил меня... Все видящие меня, ругаются надо мною, говорят устами, кивают головой: Он уповал на Господа, пусть избавит Его... я пролился как вода, все кости мои рассыпались... делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий...» В конце псалма — о торжестве Церкви: «посреди собрания восхвалят Тебя... да едят бедные и насыщаются... и будут называться Господними во век».

К пророчествам-прообразам относится и ряд других псалмов. Из них одни возвещают страдания (8, 15, 39, 40, 68, 108); а другие — славу Спасителя (2, 94, 96, 109, 117).

Наконец, еще ближе к концу ветхозаветного периода появляются в книгах пророков (больших и малых) многочисленные предсказания, все более и полнее раскрывающие грядущее пришествие Сына Божия. Они говорят о предтече Господнем, о времени, месте и обстоятельствах рождения Спасителя, о Его духовно-телесном образе (о кротости, смирении и других чертах), о событиях, предшествующих преданию Господа, о Его страданиях, воскресении, о сошествии Святого Духа, о характере Нового Завета и о других сторонах пришествия Господня.

Среди этих пророчеств особое место занимает 53-я глава пророка Исаии, дающая образ крестных страданий Мессии Христа: «Господи! кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня? Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который

привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязаем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь... Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем» (Ис. 53:1–8, 12).

У пророка Даниила читаем откровение, данное ему архангелом Гавриилом о семидесяти седминах (490 лет) как о сроке, определенном от указа о восстановлении Иерусалима до Христа, до Его смерти и прекращении Ветхого Завета, т. е. прекращения жертв в Иерусалимском храме (Дан. 9: 2–27).

Обетования и пророчества, во-первых, поддерживали дух избранного народа, особенно в трудные периоды его жизни, поддерживали стойкость, веру, надежду; во-вторых, подготавливали народ к тому, чтобы он мог узнать по этим предсказаниям приближение времени обетования и узнать Самого Спасителя в данном пророками Его образе.

Благодаря этим предсказаниям ко времени пришествия Спасителя ожидание Его было у благочестивых людей среди иудеев напряженным и бодрственным. Видим это из Евангелия. Таково ожидание Симеона Богоприимца,

которому возвещено, что он не увидит смерти, доколе не узрит Христа Господня (Лк. 2: 26). Таков ответ самарянки Спасителю: «Знаю, что придет Мессия, то есть Христос: когда Он придет, то возвестит нам все» (Ин. 4: 25). Таковы вопросы иудеев, пришедших к Иоанну Крестителю: «Ты ли Христос?» (Ин. 1: 20–25); слова Андрея, первозванного апостола, после его первой встречи со Христом, обращенные к своему брату Симону: «мы нашли Мессию» (Ин. 1: 41), а равно и подобные слова Филиппа Нафанаилу в Евангелии об их призвании к апостольству (ст. 44–45). О том же свидетельствует и настроение народа во время входа Господня в Иерусалим.

К сказанному нужно прибавить, что к принятию Спасителя был приготавливаем не только народ иудейский, но и весь мир, хотя и в меньшей степени.

Сохранялись и в языческом мире — правда, в искаженном виде — предания о происхождении и первобытном счастливом состоянии человека (о Золотом веке), о падении прародителей в раю, о потопе как следствии развращения людей и, что важнее всего, предание о грядущем Искупителе рода человеческого и ожидание Его пришествия, как это видим из сочинений Платона, Плутарха, Вергилия, Овидия, Страбона, а также из истории религий Древнего мира (предсказание Сивиллы, о котором читаем у Цицерона и Вергилия).

Язычники находились в общении с избранным народом при помощи взаимных посещений, мореплавания, войн, отвода в плен иудеев, особенно в годы ассирийского и вавилонского плена, через торговлю и благодаря рассеянию иудеев по разным странам частей старого света к концу ветхозаветного периода. При всех условиях свет веры в Единого Бога и надежды на Искупителя мог распространяться и на другие народы.

За два с лишним столетия до Рождества Христова был сделан перевод священных еврейских книг на греческий язык, и многие из языческих ученых, писателей и вообще

образованных лиц пользовались ими, о чем имеются разнообразные свидетельства, в частности древнехристианских писателей.

Знаем из Священного Писания, что и вне избранного народа были люди, хранившие веру в Единого Бога и стоявшие на пути к принятию благовестия. Это видно из книги Бытия о Мелхиседеке, истории Иова, рассказа о Моисеевом тесте Иофоре мадиамском, о Валааме, который пророчествовал о Мессии («вижу Его, но Его еще нет, зрю Его, но не близко...»), покаяния ниневитян после проповеди Ионы. О готовности лучших людей языческого мира к принятию благовествования о Спасителе говорит то, что проповедью апостолов Христова Церковь была быстро насаждена во всех странах языческого мира, и Сам Христос иногда встречал в язычниках такую веру, какой не находил в самих иудеях.

«Когда пришла полнота времени» (Гал. 4: 4), — когда род человеческий, вслед за Адамом, в полной мере вкусил (в духовном смысле) от древа познания добра и зла и узнал на опыте сладость добродетели и горечь злодеяний; когда преобладающая часть людей достигла крайней степени нечестия и развращения; когда в лучшей, хотя меньшей его части стала особенно сильна жажда (тоска) — видеть обещанного Избавителя, Примирителя, Спасителя, Мессию; когда, наконец, по воле Божией, были подготовлены политические обстоятельства: объединение в одно целое цивилизованной части человечества под властью Рима, что весьма благоприятствовало распространению веры и Церкви Христовой, — тогда пришел на землю Обетованный и Ожидаемый Сын Божий.

Люди отвергают христианство, конечно, не в силу каких-то его принципиальных противоречий человеческой природе и жизни. Причина совсем в другом. Оно отвергается из-за своей полной противоположности целям и характеру жизни языческого мира. Для мира наслаждения богатство и слава являются существом жизни, для христианства же — это страсти, неминуемо влекущие за собой страдания, разочарования и неизбежную телесную и духовную смерть.

Герберт построил свою жизнь так, что все средства направлял либо на церковь, либо на благо ближнего. Даже его обширный дом стал прибежищем странников и паломников. Теперь он не мог считаться богачом, потому что по сути у него ничего не было. Он жил при храме. Он жил для храма. Герберт более не был язычником. Ведь для язычества смысл жизни — земные блага, для христианства же — блага духовные: любовь, мир души, радость, чистота совести, великодушие, то есть то, чем человек, по милости Божьей, может владеть вечно.

Между тем соблазны не оставляли его. Андрей Виригин настойчиво врывается в его жизнь. Почему? Потому что для таких, как он, сама святость христианская невыносима, она для них как укор совести в душе нераскаянной, как звон колокольный, напоминающий о вечной правде. Наш век такого рода, что когда мы с чем-то соприкасаемся или что-то нам предлагают, то мы, иногда сознательно, иногда подсознательно, но спрашиваем себя — а что нам это даст? Тот же Запад приучает смотреть на вещи прагматически. Хватит витать в облаках.

Точно с таким же подходом нередко можно встретиться и когда мы говорим о православии. А действительно, что оно может мне дать? Что оно дает человеку? Существует же

много мировоззрений, и мы на них смотрим, как на что-то прикладное. Вот есть жизнь — это наша жизнь. Это наши заботы, это наши беды, если хотите, скорби, радости. Это наша жизнь. Мы знаем нашу работу, знаем, чем живем, к чему стремимся. А мировоззрение и религия — это только некий придаток. Религия стала придатком к жизни! Жизнь — одно, религия — другое! Самое большее, на что согласен современный человек, — это в воскресенье или на праздники сходить в церковь. Или вон, как бывшая жена Виригина — раз в год набрать крещенской воды... И зачем она ей?

Дело в том, что вера — это не придаток к нашей практической жизни, а то, что определяет нашу жизнь, определяет ее в самых важных вещах. Самое важное для нас — чтобы на душе было хорошо. Пусть в шалаше — да по душе! Давно затертая банальность — можно жить в дворцах и быть несчастным человеком...

Но как научиться не осуждать ближнего? Хотя Господь и учит нас не осуждать ближних, говоря: «Не судите, да не судимы будете», мы как-то мало или вовсе не слушаем слов Спасителя и продолжаем осуждать других постоянно, и грех осуждения, пожалуй, самый распространенный грех. Мы зачастую не обращаем внимания на самих себя и на свои недостатки, никак не хотим вникнуть в то, что часто можем ошибаться и на самом деле ошибаемся в своих суждениях о других. И, наконец, мы забываем, что судить других есть не наше дело, а дело Божие. Преподобный Серафим Саровский говорил: «Отчего мы осуждаем братьев своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя и перестанешь осуждать других. Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай. Самих себя должно нам считать грешнейшими, всякое дурное дело ближнего считать за свое и ненавидеть дьявола, который прельстил его».

Но что же делать, когда ближний неотличим от этого самого дьявола? Провоцирует тебя, заставляет стать с ним на одну планку — ненависти и осуждения?

Герберт твердо решил прервать общение с Андреем Виригиным, но не прошло и дня, как разговор возобновился. Причем Герберт написал ему сам.

— Всё, что ты написал обо мне плохого, родилось в твоём воображении от обиды, я — очень хороший. Ты это знаешь. Я — добрый, щедрый и так далее. И на тебя совсем не сержусь. Нельзя сказать, что твой блог очень мне мешает — его мало кто читает, но иногда он появляется в поиске, и это неприятно. Ты сильно пил тогда, и с тобой совершенно невозможно было продолжать общаться. Наверное, ты опять пьешь. Я сейчас не очень богат, хотя по твоим меркам это, конечно, не имеет значения. Когда ты полез в английский Интернет со своим «Герберт Адлер разыскивается полицией», ты стал доставлять неприятность моим сотрудникам и они потребовали наехать на тебя, что я и сделал. То же самое произошло с церковью, когда ты послал на меня клевету всем моим прихожанам. Я не имею никаких связей с твоей возлюбленной Ветой и не думаю, что она по своей гордости захочет от меня какой-то помощи. Я пожаловался администраторам твоего блога, и они уже удалили выставленный тобой мой паспорт. Думаю, со временем они удалят всё и заблокируют тебя. Но это, конечно, ерунда — ты можешь продолжать гадить и в других местах, и тогда мне придется продолжать с тобой бороться — неактивно, а вяло. Только зачем? Твоя бывшая жена тут предлагает всяческую помощь. Да, ты неуязвим в своей нищете и бомжовстве. Ну и чем тут гордиться? Мне кажется, для тебя было бы лучше постараться поправить наши с тобой отношения. Ты сам себя убедил, что должен со мной бороться. А ведь мое фото на майку переводил. Зачем? Ну не нравится тебе моя литература. Есть многие, кому нравится. Да и если бы никому не нравилась. Ну и что? Короче, давай мириться. Давай еще раз проведем

анализ того, кто что получил от сложившейся ситуации. Я получил от тебя запись Гафта, издание своих романов в России и большую рекламную компанию, которая сделала меня более или менее известным. В Интернете более пятисот мест, где люди цитируют мои книги и т. д. На все это я потратил около сорока тысяч долларов, что по старым временам составляло мой двухнедельный оборот. Ты получал от меня хорошие деньги — но все профукал и ничего не скопил. Возможность набрать других авторов потерял, устроив такую грязную бодягу в Интернете на своего бывшего автора. Любой другой писатель ни за что не пойдет к агенту, который может потом устроить такое... Я с твоей помощью приобрел целую библиотеку для нашего прихода. Прочел большую часть святых книг и встал на путь священника, то есть так или иначе обзавелся еще одним занятием в жизни, приносящим мне удовлетворение, покой и радость. Я создал православную газету и церковь в своем доме. Ты, несмотря на то, что терся с моей подачи в православных кругах и через тебя прошли книги — двухтысячелетнее богатство святых отцов — ничего от этого не взял, наоборот, озлобился, и если представить, что в глубине души ты чувствуешь, что Бог все же существует, то совершил ты грехов немерено: клеветал на церковнослужителей и выбросил крест. То есть, по нашим представлениям, если у тебя и был шанс спастись, то теперь ты проклят навеки... Ты не обрел ни покоя, ни радости, а только еще более впал в депрессию и озлобление. Я в процессе общения с тобой создал роман. Ты послужил мне исключительным ярким героем, олицетворяющим почти в чистом виде ЗЛО, и ни при каких обстоятельствах не желающим раскаяться. Я не смог смягчить тебя в жизни, пытался в романе — но и там это не получится. Я вставлю написанную тобой сцену смерти как реальную, а мной — как выдуманную. Так что твоя воля будет соблюдена. Ты оставил след в литературе как антигерой, вызывающий отвращение, во всяком случае, у

читателя, на которого рассчитан мой роман. Хороша ли моя литература, или нет — это другой вопрос, но роман прочтут тысячи людей, и ты об этом хорошо знаешь. Я как пребывал в материальном благополучии, окруженный любовью многих людей, близких и дальних, так и остался. Ты одинок, тебя НИКТО не любит. Кроме того, ты совершенно обнищал. Если ты служишь диаволу — то он должен быть доволен тем, чего он достиг. Если ты сам по себе — то извини, Андрюша, ты — идиот в самом неприглядном значении этого слова. И нет у тебя никакой правды и НИКТО тебя не поддерживает. Даже твои собутыльники, если бы вникли, как ты лоханулся, первые тебя избили бы за то, что нельзя так относиться к шансам, которые предоставляет тебе жизнь. Я предлагаю тебе поддержку — дружбу, любовь, деньги и надежду на будущее. Ты отталкиваешь все это. Я у тебя единственный такой. У меня таких, как ты, — сотни тысяч, начиная от негритят в Африке и кончая жертвами землетрясения в Гаити. Я и правда тебя люблю, Андрюша, и мне тебя очень жалко. Возможно, я единственный человек на земле, кто тебя все еще любит. Но ты плюешь и на эту любовь...

Виригин ответил не сразу.

— Ты прав. Меня действительно никто не любит. Господи, ну что же далась тебе эта майка! Есть такое слово «китч». Я и майку с Путиным носил, ну и что? Да, ты щедрый и сентиментальный, и в этом похож на меня. А Вета гордая, ты это, слава богу, заметил. Ты понимаешь, что это единственная девушка, которую я любил? Что я хотел быть с ней всегда, навеки. Стареть вместе с ней. Любить наших детей. Неужели ты думаешь, что я не мог найти себе другую? Но мне полюбилась именно Вета, хотя я с самого начала знал, что она лесба. Может, я и в самом деле не разобрался в твоей прозе. Знаменитый переводчик Набокова, Сергей Ильин, очень хвалил твои романы, а это

величина в литературном мире нехилая. Один рассказ очень даже Гафту понравился. Да мне наплевать было, в конце концов, какой ты писатель! Мне казалось, что ты хороший человек. Это, поверь, важнее. Я Гафту говорил, что вот, дескать, не блядей в Куршавель возит, а трогательно любит свою жену и книжки пишет. А тот кивал, а после поутру рассказывал Остроумовой, думая, что я не слышу, о том, что не встречал таких замечательных молодых людей.

— Я выслал тебе долг, и даже больше. Ты принял эти деньги. Теперь мы квиты?

— Да.

— Давай тогда допишем роман и устроим тебе happy end в романе и жизни?

— Это как? То есть не убьем меня, что ли? Ты знаешь, что хеппи-энда у меня без Веты быть не может?

— Очень просто. Пиво пить можно. Но только хорошее и в малых дозах. В остальное время суток пить нужно компот. Есть варенье. Пить чай. Быть добрым! Смотришь, какой-нибудь человек чужой — а он мил твоему сердцу, и всё такое милое кругом становится... И тогда к тебе набьется всякой живности, все будут тебя любить, шастать туда-сюда... Первый шаг — посмотреть в зеркало и прыснуть со смеха!

— Мне уже и так смешно. До слез. У меня нет возможности остаться в Москве, я съезжаю. Хеппи-энд в романе будет неестественным. Там всё правда, эти вставки из моего дневника. После расставания с Ветой я пролил столько слез, что мог бы утопить себя в них. Но не получилось. И еще. За быдлохуя извини. Это не мой стиль.

— А ты меня извини за ругательства в твой адрес. На фига тебе эта Москва? Поезжай в Питер. Или лучше еще куда-нибудь. Только не на свою станцию... Ее надо переименовать в «станция Гордиев Узел», следующая станция «Абзац», конечная. Давай я тебе пришлю денег. Съезди на юг, развейся, отдохни. Поезжай, где у вас

приличная погода сейчас. А лучше за границу. Съезди в Грецию. Тебя это взбодрит. Ну а вернешься, и с новыми силами за пьянство. Иди в турагенство. Дашь мне их данные, я напрямую им заплачу. Возьми тур недельки на две. Или в Египет. Тебе нужно солнца. Нездоровая погода. навевает хандру. Энжелу я услал в тропики на две недели. Только не говори, что я тебя покупаю. Можешь свой блог так и оставить. Зачем мне тебя покупать? Просто в России сейчас зима и тоскливо, а тебе нужно солнце, море и витамины.

— Зачем мне ехать?

— Поменяй обстановку! Пусть каждый день служит для пользы твоей души. Если ты не сделаешь это, то будешь скомкан, как тряпка, и отброшен во мрак. В земной жизни мы тратим несущееся время или на спасение, или на погибель — так бурный поток воды, который не удалось направить на жернова мельницы, утащит несчастных к обрыву, к бездне. Одним время служит, над другими оно господствует. Одним время — седло, другим — наездник.

— Герберт, нет у меня и никогда не будет мира в душе.

— Мир и спокойствие есть великая награда, но как воины получают награду за подвиги и пролитие крови, так и мы должны прежде претерпеть многие искушения и скорби со смирением, обвинять себя, а не других, и только победив страсти наши, а паче гордость и гнев, удостоимся мира душевного... Это просто: подними зад , пойди в турагенство и закажи тур...

— Я в запое...

— Пить можно и за границей. Так даже интереснее...

— Какой же ты наивный. От тебя я ничего не приму, а у меня самого нет денег даже на билет до Питера. Ты мне когда-то рассказывал, что у тебя тоже было нечто подобное. Может, ты забыл об этих временах. И пьянство тут совершенно ни при чем.

— Гордыня — вот причина, а пьянство — только средство. У нас на Западе почти не пьют, а к жизни

скотской весьма расположены по той же гордыне. Просто меньше видно, потому что фасад чистенький, а заглянешь — уродство не хуже русского.

— Герберт, а где ты был, когда я осколком бутылочного стекла себе вены резал?

— Из-за меня?

— Господи, ну при чем тут наш разрыв? Не льсти себе. Но разрыв с тобой лишил меня возможности видаться с Ветой. Всё из-за нее, только из-за нее. Я до сих пор схожу по ней с ума. Всё, что я могу от тебя принять, — это помощь проститутке Ксюше. Единственный компромисс, на который я способен пойти. Но ведь у тебя нет никаких связей в Москве. А засим распрощаемся. Ты правда меня очень разочаровал.

55

Герберта разочаровали читатели его газеты. Он обратился к ним, прикрывшись подписью «От редакции»...

Нужно ли проповедовать Евангелие Христово в наше время? И какой должна быть православная проповедь сегодня? Эти вопросы волнуют многих верующих. Остро стоят они и в Северной Америке, население которой хотя и придерживается традиционных христианских ценностей в большей степени, нежели в Западной Европе, но исповедует в основном протестантизм.

Проповедь православия, распространение его ценностей — безусловный долг каждого православного христианина. Почему же некоторые отдают за это свою жизнь, а другие не готовы пожертвовать даже малым?

В Евангелии сосредоточена суть христианской веры. Это добрая весть о том, что Христос спас человечество от вечного рабства греху, что Он победил главное зло мира — смерть — телесно, душевно и духовно через Свои воплощение, смерть и воскресение.

Известно, что евангельской проповедью давно и успешно занимаются протестанты. Ими разработаны особые проповеднические программы. Организуются своего рода крестовые походы. Их проповедники выступают на стадионах перед многотысячной аудиторией. У них есть мегацеркви, телевизионные каналы, христианские книжные лавки. На них работает христианская музыкальная индустрия. Они располагают значительными финансовыми средствами. Почему бы не оставить протестантам дело проповеди Евангелия неверующим?

По мнению иеромонаха Дамаскина (Кристенсена), насельника монастыря преподобного Германа Аляскинского, ответ на этот вопрос прост: протестантской проповеди Евангелия недостаточно. Ведь протестанты и католики проповедуют не полное, совершенное и неискаженное Евангелие Христово. Только Православная Церковь существует до сего дня в непрерывной, никогда не пресекавшейся цепочке святой апостольской традиции. Это Церковь, которую, по словам Христа, «врата адовы не одолеют» (Мф. 16: 18). Непосредственно перед распятием Христос сказал своим ученикам, что Святой Дух придет и приведет их к полноте истины (см.: Ин. 14: 26). Это обетование полностью исполнилось после воскресения Христова. Оно не отменилось и после того, как преставились апостолы. Христос сохраняет это обетование в течение двух тысячелетий. Обетование остается доньше и пребудет до Второго пришествия. На протяжении всей истории Церкви еретические императоры, священники, епископы и даже патриархи стремились нарушить чистоту православной веры, но под водительством Духа Святого Церковь сохранила истину, а еретики были посрамлены.

Неправославные христианские Церкви сохранили часть истины первоначальной христианской веры. И не важно, что они сохраняют лишь какую-то часть истины, будь это Священное Писание, догмат о Святой Троице или догмат о Христовом воплощении. Они приняли это от

первоначальной апостольской Церкви — Православной Церкви, признают они это или нет. Но все же Церкви эти владеют только частью истины, а остальное в их учении искажено. Искажено потому, что они отделены от той Церкви, что основал Христос. Только Православная Церковь является хранительницей неискаженного Евангелия и незамутненного образа Христа.

Вот потому православные христиане призваны проповедовать Евангелие Христово. Они могут дать то, что вне церковной ограды никто дать не может. Поскольку христианская вера — истинная вера, а православная вера — истинная форма этой истинной веры, православные христиане одни могут дать полноту истины ищущему человечеству наших дней. Да, каждый православный должен заботиться о службах, составляющих для православного христианина центральную часть его жизни как служения Телу Христову. Необходимо также нести социальное служение. Православный христианин прежде всего должен пребывать в братолюбии с другими членами Тела Христова. Но в то же время каждый православный призван делиться своей верой и предлагать ее тем, кто еще не принял великий дар быть частью истинной Христовой Церкви. Это величайшая ответственность, и отраднo, что православные Америки теперь понимают это. Конечно, много уже сделано и многое делается. Так, за последние двадцать пять лет наблюдается мощный рост православной миссии в Америке. Но многое еще только предстоит сделать.

Ваша помощь газете «Православная Вера» является мощным средством распространения православия на американском континенте и в Западной Европе. Наша газета издается тиражом 7500–10 000 экземпляров на русском, английском и французском языках и распространяется теперь в более 300 церквях и общественных местах. Только три церкви периодически оказывают нам материальную помощь.

Не думайте, что ваши чеки на 50 или 100 долларов являются незначительной лептой. Они представляют собой основу существования нашей газеты. Нет православной семьи, которая, как бы она ни была бедна, хотя бы раз в несколько месяцев не могла бы прислать такое пожертвование. Однако из почти десяти тысяч читателей каждого выпуска газеты пожертвования присылают только семь-восемь человек. Вдумайтесь в эту печальную цифру... Что нам прикажете делать? Закрыть газету? Значит, она не нужна? Один читатель вместо пожертвования прислал раздраженное письмо, что наша газета не отвечает потребностям русской общины, что церкви нужно превратить в клубы по интересам, а вместо поучений святых отцов мы должны печатать рецепты русской кухни... Неужели это мнение большинства читателей?

С момента появления газеты ее получило более четверти миллиона человек, и только полсотни из них прислали материальную помощь... Как это объяснить?

Нам не хватает средств на издание молитвословов на английском языке и на прочие важнейшие миссионерские проекты.

Как вы могли заметить, теперь газета выходит только раз в месяц. Те, кто стоял у истоков газеты, уже потратили все свои личные сбережения — более пятидесяти тысяч долларов на издание 34-х выпусков в прошлом году, когда газета выходила каждую неделю. Теперь мы всецело полагаемся на вашу поддержку. Мы молим Бога, чтобы он вразумил наших читателей не дать пропасть такому важному начинанию.

Христа ради и ради всех тех, кто ждет целительного слова Православной Истины, распространяемой нашей газетой, не дайте ей погибнуть, не оставляйте нас, окажите вашу помощь, пока не поздно!

Гордость, самолюбие, тщеславие — всё это разные виды одного основного явления — «обращенности на себя». Зачем Герберт продолжал развращать своим вниманием этого падшего человека, Андрея Виригина? Они всё кружили и кружили над порядком обмелевшей бездной. Неужели Герберт действительно его любил? Или просто было затронуто его тщеславие, нетерпение упреков, жажда похвал, поиск легких путей, непрерывное ориентирование на других — что они скажут, как это покажется, что подумают? Тщеславие издали видит приближающегося зрителя и гневливых делает ласковыми, легкомысленных — серьезными, рассеянных — сосредоточенными, обжорливых — воздержанными, — всё это, пока есть зрители. Тем же объясняется грех самооправдания, который часто вкрадывается незаметно даже в нашу исповедь: «Грешен, как и все... только мелкие грехи... никого не убил, не украл». Может быть, только для этого самооправдания и принялся Герберт за свой роман?

Бес тщеславия радуется, видя умножение наших добродетелей: чем больше у нас успехов, тем больше пищи для тщеславия. Усилившееся тщеславие рождает гордость — крайнюю самоуверенность, с отвержением всего, что не свое, источник гнева, жестокости и злобы, отказ от Божьей помощи, «демонская твердыня». Она — «медная стена» между нами и Богом; она — вражда к Богу, начало всякого греха, она — во всяком грехе. Ведь всякий грех есть вольная отдача себя своей страсти, сознательное попрание Божьего закона, дерзость против Бога, хотя гордости подверженный как раз имеет крайнюю нужду в Боге, ибо люди спасти такого не могут.

Может быть, Герберт Адлер не так уж отличается от Андрея Виригина? Они страдают от одной и той же

страсти... Откуда же она берется? Как она начинается? Чем питается? По каким признакам можно узнать ее? Последнее особенно важно, поскольку гордый обычно не видит своего греха. Некий разумный старец увещевал на духу одного брата, чтобы тот не гордился; а тот, ослепленный умом своим, отвечал ему: «Прости меня, отче, во мне нет гордости». Мудрый старец ему ответил: «Да чем же ты, чадо, мог лучше доказать свою гордость, как не этим ответом!». Во всяком случае, если человеку трудно просить прощения, если он обидчив и мнителен, если помнит зло и осуждает других, то это всё, несомненно, признаки гордости.

Но Герберт уже запутался, где кончалась его гордыня и начиналась гордыня его возлюбленного врага. Герберт чувствовал, что Андрей попрощался не окончательно, и не ошибся.

— Я понимаю, что помочь с работой в Москве ты не можешь. Хотя ты говорил, что попытаешься помочь Ксюше. Ты ей, наверное, так и не позвонил? Ответь, пожалуйста. Я говорю же, Герберт, — для себя просить не умею.

— Нет. Не звонил. Открой свой бизнес. Стань настоящим литагентом. Что может быть лучше? Построй себе сайт в Интернете — это ведь можно сделать бесплатно. Иди на сайты, где авторы публикуют свои произведения. Выбирай новых талантливых писателей, тех, что тебе нравятся. Пиши им рецензии. Они будут в восторге. Пристраивай их книги, пусть даже за их счет. Выбирай тех, кто за границей — то есть всегда с деньгами. Для начала могу свести тебя с моим издателем. Он как раз, написав Пятое Евангелие, вернулся из сумасшедшего дома, завязал пить и снова издает книги и даже публикует литературный журнал. Полно возможностей. Сам начини издавать литературный журнал малым тиражом на деньги авторов. Многие так начинают... С твоей энергией, направленной в доброе русло, можно горы своротить! На своем сайте напиши, как

ты нашел и перевел утерянный текст Набокова, про Гафта, про Юрского. Можешь в качестве примера показать, как ты раскрутил меня. Потихоньку соберешь коллектив авторов. Я буду поддерживать твои издания понемножку, если, конечно, ты сможешь преодолеть свое отвращение ко мне и моему творчеству. Нет — так и суда нет.

Последовав моим советам, расцвести можно в считанные месяцы. Там, глядишь, на тебя обратят внимание в издательствах. Может, и устроишься куда, не прекращая свою литагентскую деятельность. Или еще... Учреди литературный конкурс. Найди спонсоров. Пусть будет премия символическая. Зато в жюри — сплошные знаменитости. Те же Гафт и Юрский, раз ты им так полюбился... Назови как-нибудь пышно. Премия «Золотое Слово», или «Алмазная запятая»... или еще как. Организовывай литературные вечера, где знаменитости вперемешку с молодыми авторами будут читать свои произведения. Кстати, чтобы начать все это делать, денег совсем не надо. Можно пить. Только говори всем, что уехал за границу встречаться со спонсорами или издателями. А сам в запой. Потом проспался — и опять работать. Так и с Ветой свяжешься в конце концов — предложишь ее напечатать... Глядишь, отношения и наладятся! Хотя куда там... Тебе же все равно помирать от СПИДа... А будущей жизни у тебя не будет — православие тебя раздражает...

— Все-таки ты безнадежный мечтатель. Есть люди, совершенно неспособные начинать с нуля. Но деньги никакие и ни под каким видом я от тебя не приму. Написал вот гражданин Германии неплохой роман. Я ему предложил свои услуги. А он — у меня ни гроша, живу в немецком бомжатнике. Единственная женщина, которую любил, его бросила. Короче, я ему начал редактировать бесплатно. Правда, работу так и не закончил. А насчет твоего издателя я не знал. По поводу алкоголизма, психиатрической клиники. Я как-то справлялся о его

здоровье. «Плохо», — был ответ. Его однокурсник в сумасшедший дом попал еще до Литинститута, а уж до «белочки» допился после его окончания. Ничего страшного — я за три дня восстанавливался полностью. История с Ветой давно закончена. Навсегда. Она принимала мою помощь так, будто делала одолжение. Она говорила мне в июне, что в апреле собиралась переезжать ко мне. Приехать сразу с вещами и остаться. Может, по обыкновению лгала. Вете, знаешь ли, верить нельзя. Тем более, я целоваться к ней не лез. Как так? А вот так. «Вета, можно я тебя поцелую?» А вместо ответа ее губы — вот и все. Станция «Театральная»,
приехали.

Ладно, открою тебе тайну... Сделал я анализ крови на СПИД. «Вам необходимо сдать анализ еще раз». К тому времени я уже знал, что это значит. При положительном анализе всегда так говорят. Ничего не сдаю. Проходит неделя или около. Встречаю девушку, с которой спал, в слезах. Что случилось? У меня анализ на ВИЧ положительный. Что я еще мог подумать? Только осенью решился и сдал подряд два анализа на Кутузовском. Отрицательные. Кстати, православие меня не раздражает. С глубочайшим уважением отношусь к своей прабабушке, постом и молитвой дожившей почти до ста лет. Но я загнусь и без СПИДа. Цитирую пастернаковскую строчку: «Мы будем гибнуть откровенно». Да, да — именно откровенно, еще как откровенно...

— Ну, так за чем же дело стало? И обязательно ли гибнуть? Может, стоит что-нибудь попытаться изменить?

— На свете есть множество людей, которые, несмотря на ум, знания и талант, не способны ничего изменить в своей биографии. Подчас такова ЖЗЛ. Знаешь, наверное, кем работал Венедикт Ерофеев на протяжении своей жизни.

— Я, Андрюша, всё всегда начинал с нуля. Ерофеев жил в советское время. Нынче другие возможности!

— Я тут, как ты догадался,пил несколько дней. Оттого мои послания были чуть более эмоциональными и

сумбурными, чем обычно. Спасибо, что развлекал меня перепиской, иначе было бы совсем скучно. Неужели ты и впрямь думал, что я приму от тебя тур в Египет? Я не только собутыльникам в глаза после этого смотреть бы не смог, — в зеркало заглядывать бы перестал. Была у Владимира Войновича такая ранняя повесть «Хочу быть честным». Я, наверное, прискорбный продукт советской эпохи, в которой честность, бескорыстие и жертвенность были одними из главных добродетелей. Главное — быть честным перед самим собой. Я не сделаю дурной поступок, даже если об этом никто и никогда не узнает. В ту пору, когда я у тебя работал, на разнице курсов, скакавших, как цирковая лошадь, можно было неплохо наварить. Ты ведь меня, по сути, не контролировал. Но я не присвоил себе ни одного цента. И после этого я для тебя олицетворяю Россию, где не воруют только мертвые! На твоём месте я бы не слишком верил откровениям моей бывшей жены. Это прямая противоположность Вете: низкорослая, не умеющая вести себя в обществе, малообразованная баба (полагает, что Церетели — это сорт грузинского вина), к тридцати трем годам полностью утратившая женскую притягательность, которой, впрочем, вряд ли когда обладала. На Вету она похожа только лживостью. Но если ложь Веты искусна и преследует определенные цели, то ложь моей бывшей женушки, как правило, немотивирована. Жаль, что ты так и не догадался извиниться передо мной за май. Нет, не за увольнение, конечно. Догадайся сам за что.

— Как же не попросил прощения? Вот, я же отослал тебе еще в мае: «Прости меня, Андрюша. Я согрешил, ибо не оказал тебе сострадания несчастному, не утешил тебя печального, не наставил на путь истины и добра тебя заблуждающего, не отвратил от соблазна, а, может быть, и сам погубил твою душу грехом соблазна. Прости меня, грешного, Христа ради. Твой Герберт...»

— Этот мэйл меня дико возмутил. Извинения вместо денег. Что тебе мешало перевести все деньги?

— Андрюша, мы все уже обсудили. Прости меня, если можешь, если не можешь — не прощай.

— Есть вещи, которые не прощаются. Кстати, твой паспорт я вернул на место. Снова красуется. А то подумашь, что я удалил его за окончательно погашенный тобой на днях долг. Ты послал мне сто долларов, а был должен семьдесят... Ты обязан был сделать это еще в мае. Может, отдать твои деньги Нацболам? Мол, скромный вклад в дело освобождения России, сделанный западным бизнесменом Гербертом Адлером.

— Ты меня не удивишь. Меня последнее время окружают сплошные фашисты. Так как насчет хеппи-энда? Отказываешься?

— Все-таки чудак ты редкий. Сначала грозишь мне адом, а потом предлагаешь устроить хеппи-энд. Но мне почему-то кажется, что с эндами мы еще повременим. Как с хеппи, так и не с очень. Я ничего не боюсь.

— А по-человечески жить тебе не хочется?

— Мне почему-то стихи вспомнились: «Жизнь моя удалась, но конец ее близко. А когда я был свеж, легковерен и юн, полюбилась мне девушка-кокаиистка, озорная хохлушка из города Сум». Думаю, что ничего уже не исправить. Тут что-то непоправимое в судьбе. Несмотря на то что я симпатичный и умею вести себя с барышнями, ни одна из тех, кто был мне дорог, не отвечала мне взаимностью. А по-настоящему была дорога только одна. «Она была так дорога ему чертой любою, как морю близки берега всей линией прибоя». Я ведь и в самом деле был бы тебе признателен за всё, если бы не такой конец. Помнишь: «Спасибо за сказку, за боль, за отчаяние»? Так я тебе писал в мае. И это было искренне. А теперь подышаю в этом бомжатнике. Радуйся. Мне довольно много лет, нет образования и нет никаких шансов на работу, связанную со словом. Может, тебя повеселит то обстоятельство, что

владельцу крупного питерского издательства понравился твой роман о нас. И жалко блудницу Ксюшу. Очень жалко...

57

Герберт не переносил неопределенности и, улучшив момент, написал Альберту и его родителям письмо. По заведенному у него обычаю он сначала холодно изложил факты, свидетельствующие, что Альберт обманул его дочь и женился на ней исключительно с целью получения вида на жительство. Далее шел ультиматум: если Альберт не вернется, последуют враждебные меры против него. Конечно, Герберт не собирался ничего предпринимать, но не видел другого пути поставить точку в сложившемся парадоксе – дочь вроде замужем, но муж отсутствует и приезжать не собирается.

Ответ пришел не от Альберта, как можно было ожидать, а от его отца. Причем он был адресован не Герберту, а его дочери.

«Энжела!

Пишу тебе это откровенное личное письмо на правах некогда близкого родственника и человека, который когда-то тепло к тебе относился.

Еще недавно я был уверен, что тебя ждет захватывающее и блестящее будущее. Альберт любил тебя так, как тебя уже никогда никто любить не будет, перед вами открывался новый интересный мир в одном из красивейших городов мира, в котором вместе вы могли бы добиться многого...

И что же в результате? Ты предала бесконечно любящего тебя человека в самый трудный для него период, когда он только начинал строить ваше будущее и ему больше всего нужны были твоя забота и поддержка. И ты предала его самым оскорбительным образом, предпочтя развлечения заботам о муже. Также ты по-подленькому хитрила с людьми, которые относились к тебе как к родной дочери,

отдавали свои последние средства для твоей учебы, строили планы ваших будущих путешествий по миру...

Теперь ты, как заезженная пластинка, повторяешь чужие слова о том, что «муж меня бросил... у нас в городе полно работы...». Ты прекрасно знаешь, что в течение многих месяцев Альберт перерыл всю округу в поисках постоянной и квалифицированной работы. Но в ваших болотах достойной работы нет ни для него, ни для тебя.

Совершенно ясно, кто и зачем навязывает тебе эти мысли. Для твоего отца идеальным существованием было бы такое, когда он восседает барином, а вокруг толпится обслуживающая его челядь, покорно ожидающая, пока он смахнет им крошки со стола. И ты в его доме нужна только как прислуга: нянька для ребенка и девочка на телефоне. Таковую же роль разнорабочего он уготовил и Альберту. Недаром человек, выбрасывающий на свою блажь десятки тысяч долларов, не хочет дать ни цента на твое образование. Несмотря на все его заверения о «семейном бизнесе», первое, что он сделал после нашего отъезда, – выгнал из своей конторы тебя и Альберта.

Ну и что теперь тебя ждет? Твою мать – умную, привлекательную, одаренную женщину он превратил в богомольную бабку, не видящую ничего в жизни, кроме кур и огорода. Ну, она хоть может оправдать свои загубленные способности тем, что преданно последовала за мужем в полную неизвестность и безропотно помогала ему горшки в больнице таскать, когда он начинал свою карьеру. А что оправдает то, что ты – весьма способная девочка, очень скоро превратишься в провинциальную пустышку? Неужели только то, что тебе теперь можно будет ничего не делать и смиренно ждать, пока между бранью и криками тебе будут бросать несколько долларовых бумажек? И ради этого с твоего согласия было отправлено гнусное лживое письмо с угрозами людям, которые искренне и нежно заботились о тебе, как о собственной дочери?

Сквозь нагромождения лжи и передергивания фактов в этом письме отчетливо видна подлинная цель твоего отчима – захватить себе все наши сбережения, которые мы отдали для вашего с Альберта будущего. И вот ради этих денег он подло и расчетливо сломал твою жизнь.

Но подлость, даже приправленная деньгами, еще никого не сделала счастливым. Сейчас твое предательство подпитывается подачками, но очень скоро ты убедишься, что вся эта афера была затеяна только для того, чтобы заполучить назад прислугу в дом. Наверное, в вашем болоте у тебя будет недостаток, ты будешь вволю есть и спать, но счастливой по-настоящему ты уже не будешь никогда!

Прощай...»

Герберт не ответил на это письмо, тем более оно было адресовано не ему. Он написал матери Альберта:

«Здравствуйте.

Не могу удержаться, чтобы не поделиться с Вами новостью. Сегодня я был в офисе, и наша сотрудница рассказала мне, что Альберт брал у нее ее диплом из ее университета и, наклеив свое имя и название программы, использовал его, по всей видимости, чтобы послать вам, а также при устройстве на работу.

Альберт не учился в этом заведении, хотя заплатил вашими деньгами за весь курс.

Может быть, вы сначала разберетесь со своим сыном-лжецом, а потом будете учить мою дочь, как ей жить?

Если Вам интересно, пошлите запрос в университет, и они подтвердят, что диплом подделан.

Ничего не могу сказать о его прежних дипломах, но если они получены тем же путем, не удивительно, что его не брали здесь на работу, потому что на Западе принято проверять дипломы, посылая письма в учебные заведения.

Мы готовы любить Вашего сына таким, каков он есть – лгунишка, безответственный, ни на что не способный. Потому что мы любим его безусловно, а не за что-то.

Но вы настаиваете на своем видении своего сына, представляя себе совершенно другого человека. Он был счастлив у нас, пока Вы не влили яд в наши отношения, с чем Вас

и поздравляю.

Я одно хочу понять. Вы действительно не знаете, что Альберт постоянно врет всем – и Вам, и нам, или вы прибываете в невинном неведении? На какой работе он может удержаться с такими качествами? Я не обращал на это внимание, но если хотите, могу восстановить целый список его вранья во всех областях его деятельности.

Бедный мальчик. Вы его, видимо настолько затюкали, что он не может не врать.

А у нас он уютно спал на диване у огня, и от него никто ничего не требовал. Продолжая швырять его по миру, где он морит себя голодом, Вы его погубите. Помяните мое слово.

А я действительно его очень люблю, и мне его жалко. Почему Вы не дали ему жить счастливо и беззаботно с молодой женой? Куда Вы лезете со своими коммунистическими принципами? Вкалывать... Кто не работает – тот не ест. А меня Вы не любите классовой ненавистью, как буржуя.

Отлично... Бог Вам судья...

Кстати, Вы в курсе, что Энжела поймала Альберта на том, что он до сих пор

переписывается со своей старой подружкой и зовет ее приехать сюда? Кстати, об этом он сообщил моей жене сам до отъезда. Альберт – очень наивный...

А недели три назад моя дочь узнала, что он снова выставил себя на сайт знакомств и активно общался с новыми девушками, и сделала ему замечание.

Я спросил Энжелу: «Так может, он уже нашел себе новую подружку?»

Она ответила: «Да кому он нужен... Ты видел, что с ним стало...»

Вы вообще видели, как он исхудал? На фотографиях – фигура из концлагеря.

Вам действительно его совершенно не жалко?

Во имя чего Вы решили замучить собственного сына? Во имя Ваших идей 60-70-х

годов прошлого века? Господи... Вы хоть когда-нибудь сомневаетесь в своей правоте?

Энжела сказала, что он и ей не нужен... Она очень обиделась. А мне его жалко, и я его люблю. Может, посоветуете ему вернуться, мы все помиримся и заживем по-прежнему счастливо?

Ну, ведь до слез жалко парня...

Он и собаку свою замучил. Совершенный скелет и пуганая. Теперь она у нас стала сытая, спокойная, счастливая...

Ну, что Корчагины, может, помиримся? Пусть возвращается. Вышибут его с этой работы, если уже не вышибли... И со следующей... Потом он влипнет в очередную историю... Погибель, да и только. Единственное место, где этот парень мог бы быть счастлив, это у нас.

Пожалейте его. Он же болен на всю голову. ну, Вы ведь это знаете...

И что нам делать с его восемью единицами огнестрельного оружия? Это незаконно – держать оружие здесь, а перевезти его никто не может, кроме него.

Он тратил все деньги на приобретение этих ружей, арбалетов – целый арсенал.

Если хотите, пусть продаст этот дом, и заберите все, что сможете. Нам этот дом не нужен.

Энжела может вернуться на съемную квартиру – где, кстати, у нее было уютней...

Альберт настолько “хозяйственный” что загадил весь дом и территорию. Зимой вместо того чтобы вывозить мусор, он прятал его в сугробы...

Короче, продавайте дом, забирайте деньги. Но все-таки, если в Вас есть хоть капелька родительской любви, – отправьте его обратно, пусть и дальше пускает фейерверки, валяет дурака и т. д. Он был очень веселый и смешной, пока Вы не приехали...

Ваш Герберт».

Через некоторое время пришел ответ от матери. Сам же Альберт ничего не ответил.

Мать писала:

«Прошло несколько дней с момента получения вашего письма, которое совершенно выбило меня из колеи. Не потому, что я испугалась угроз (признаюсь, что я боюсь только смерти близких и своей собственной, – все остальное можно пережить), а потому, что я самоуверенно не допускала, что отношения двух наших семей когда-нибудь опустятся до уровня вульгарной склоки. И я всеми силами буду бороться за то, чтобы этого все-таки не случилось.

Я сейчас очень плохо себя чувствую, а любое неформальное письмо неизбежно приводит к эмоциональной перегрузке с чисто медицинскими последствиями. Мне, конечно, было что ответить по каждому пункту, я просто хотела себя пощадить и побережь (я сейчас, как вы знаете, живу одна и побаиваюсь оказаться без помощи). Однако крик души моего мужа (я пишу это без кавычек, потому что это действительно был выплеск мучительной душевной боли) спровоцировал продолжение, и вот я села писать ответ. Приготовьтесь к долгому разговору и, пожалуйста, дочитайте все до конца.

Вы не могли не заметить, что я чрезвычайно консервативна. Может быть, это не самое лучшее свойство, но у него есть одна положительная сторона: если я к кому-

то прониклась расположением и уважением, меня трудно сдвинуть с этой точки зрения. И это касается персонально вас. Люди умные, талантливые, творческие и артистичные (а вы именно такой) вызывают у меня особую приязнь. Мне всегда было интересно и с вами, и с вашими книгами. Поэтому я сознательно игнорирую оскорбительный тон последних писем. Я не желаю верить, что мы опустимся до уровня людей, которые, очнувшись, будут сами себе противны. Мне кажется, мы не должны дальше продолжать общение в таком же духе. С тех пор, как поженились дети, я наблюдаю за вами, я размышляла о вас, я составила о вас мнение, и это благоприятное мнение. Поэтому сейчас я пытаюсь отсечь все оскорбительное и разглядеть за этим суть проблемы. Я хочу восстановить взаимопонимание, которое, как мне кажется, между нами до сих пор существовало.

Мы с мужем не сходимся в мнениях относительно побудительных мотивов, подвигнувших вас написать письмо. Я уверена, что меньше всего вы были движимы корыстными соображениями. Я многократно была свидетельницей вашей щедрости, доходившей порой до расточительности. Однако в том, что вы не мелочны, в том, что вы глубоко добры, меня навсегда убедили два обстоятельства. Дело касается вашего отношения к вашей служанке (не помню, как зовут молодую женщину, которая помогает вам по дому). Вы не только бескорыстно спасали и поддерживали ее в тяжелую минуту. Самое ценное, что вы, насколько я слышала, продолжаете поддерживать ее и сейчас, даже тогда, когда собственные ваши дела идут не так хорошо, как прежде. И еще. вы «ничтоже сумняшеся» потратили огромные деньги (вероятно, сопоставимые с теми, что мы вложили дом детей), когда привезли к себе своих родителей и изо всех сил пытались создать им удобную жизнь. Из этого я делаю вывод, что дело не в проклятом доме и не в деньгах. Что касается долгов, оставленных Альбертом, то связанные с этим финансовые

вопросы легко решаются в процессе переговоров, а потери компенсируются. Дело, по-моему, не в этом.

Я почти убеждена, что не ударь по всем нам экономический кризис, не было бы и почвы для возникших между нами противоречий. Альберт наверняка, нашел бы работу по специальности где-то поблизости (благо местность у вас курортная), и ребята, имея крышу над головой, худо-бедно находили бы возможности ее оплачивать. Однако жизнь внесла коррективы, и, похоже, мы еще долго не выкарабкаемся из проблем. По крайней мере, наши информированные московские родственники из крупного бизнеса предрекают еще не одну волну и срочно принимают меры. Я уже говорила как-то Эльзе в телефонном разговоре, что сложившаяся ситуация не позволяет больше детям играть в Барби и Кена, а подталкивает к освоению жанра под названием «борьба за выживание». Именно поэтому мы были очень рады, что Альберт после восьми месяцев рассылки резюме получил хоть одно-единственное предложение. Так случилось, что оно поступило с другого конца страны.

Теперь, Герберт, я думаю, пришло время разрешить еще одно недоразумение и ответить на некоторые пункты обвинений из вашего письма. К вопросу о нашей иммиграции и страстном желании руководить жизнью детей. Борис, припомните, пожалуйста: разве мы, когда были у вас, хоть раз намекнули на то, что вынашиваем подобные планы? Мы и сейчас не собираемся иммигрировать. Мой муж, хвала Господу, востребован, как никогда прежде. Его главной проблемой является только нехватка времени для работы по всем возможным направлениям. У него тьма планов на будущее, аспиранты и студенты-дипломники, с которыми он обожает возиться. Он включен в несколько международных проектов, рассчитанных на несколько лет вперед, и приглашен для участия в конференциях и чтения лекций. К несчастью для меня (я бы его с удовольствием сопровождала), он

вынужден был в этом году отказаться в пользу более значимых конференций от поездок в Швейцарию и в Израиль.

Герберт, вы же умница и понимаете, что у вас он никому не нужен в данном качестве. Тут своих физиков хватает. Если уж ехать, то надо было делать это лет 30 назад. Без занятия наукой, да и без места, которое он в ней занял с годами, мой муж жить уже не сможет. А потеря качества, снижение социального статуса для активного мужчины – путь к стремительному угасанию.

Моя жизнь не менее интересна и насыщена работой, которая мне нравится, а также такими событиями и впечатлениями, которые я вряд ли смогу обеспечить себе на новом месте. Ближний круг создается годами, а у меня потрясающе интересные друзья и родственники, без которых я не смогу обходиться! Наш быт налажен, средства к существованию пока, слава Богу, есть. Нефти и газа на наш век хватит – это, к сожалению, не гарантировано будущим поколениям. Именно поэтому мы в свое время «выдавливали» Альберта из страны, пока он не женился, не обзавелся друзьями, не успел прирасти накрепко.

Второе обвинение, которое меня задело в тексте письма, касалось моего постоянного вмешательства в жизнь молодой семьи. Аргумент – оплата мной авиационных билетов. Герберт, я не мачеха Золушки, а старая сентиментальная идиотка, свято убежденная в том, что дети обязательно должны быть вместе в новогоднюю ночь, а отсутствие денег может им в этом помешать.

Теперь позвольте мне, Борис, коснуться других тем, затронутых вами. Во всем, что касается поведения, характера, психологических особенностей моего сына, я с вами полностью согласна. Тот факт, что он бросил университет, был обнаружен мной не сразу, но довольно давно. Свое, мягко говоря, негативное отношение к этому поступку я ему обозначила. Поступок был

легкомысленный, в чем он, конечно, отдавал себе отчет. Он ведь надеялся скрыть его от родителей. А уж как велико было искушение: нежная Энжела, хлебосольный и гостеприимный дом, красная машинка, лошадка и, главное, вновь обретенное и необходимое всем слабохарактерным людям ощущение себя под защитой семьи.

Герберт, вы написали: «Альберт – лгунишка, безответственный, ни на что не способный». И это мне тоже известно. Альберт не просто лгунишка, но и фантазер. Особенно тогда, когда осознает, что не дотягивает до требуемого уровня и хочет казаться лучше и значительнее, чем он есть на самом деле. Поверьте мне, мы с этим боремся с детства. Психологи утверждают, что у инфантильных мужчин этот порок компенсируется с достижением зрелости. Хочется верить, что и с Альбертом это случится.

Теперь о его безответственности. Вы снова правы. Я знаю об этом качестве, ибо оно проявляется и на работе, и в быту. Он не способен к самоконтролю. Однако безответственность полностью исчезает, когда Альберт знает, что, в связи со спецификой работы, над ним установлен жесткий внешний контроль. Это проверено. Вы, Герберт, жесткий бизнесмен, наделенный природной деловой хваткой, и не можете не понимать, что легкомыслие, безалаберность и безответственность несовместимы с собственным бизнесом. Это значит, что Альберту рано (или вовсе противопоказано) начинать собственное дело. С другой стороны, он способен хорошо работать в команде. Это тоже проверено и об этом стоит думать.

Как мудрый человек и психолог, да и как опытный манипулятор, вы ведь, Герберт, сразу распознали в Альберте доброго, наивного, неконфликтного и бесконечно доброжелательного (а, значит, неопасного) человека, которого не страшно впустить в семью. Да, вы правы, он вечный мальчишка, обожающий взрывать петарды,

стрелять, лихо кататься на сноуборде и т. п. И он таким будет до старости (что, кстати, хорошо сплачивает подобных отцов с их детьми). Герберт, вы можете на меня обидеться, но ведь и в вас много от мальчишки. Я на 20 лет вас старше и наблюдала вас с материнской точки зрения. Однако, в отличие от Альберта, обычного мальчишки, в вас живет другой мальчишка – ранимый мальчик-вундеркинд, редко находящий братьев по разуму.

Герберт, вы пишете, что Альберта «вышибут» с работы, которую он нашел. Я этого не исключаю. Я не ослеплена родительской любовью и знаю ему цену. Однако я все же обращаюсь к вам с просьбой и очень надеюсь на понимание. Давайте на некоторое время оставим его в покое. Пусть он попробует все-таки поработать на том месте, которое нашел сам. Пусть он с мая месяца попробует взять на себя оплату их с Энжелой дома. Это дисциплинирует его и позволит «сохранить лицо», когда он вернется. Если у него все-таки ничего не получится, то ему суждено пережить тяжелые минуты, и вот тогда он уже сознательно опустит планку своих амбиций. Если же мы не дадим ему даже сделать попытку, в своей несостоятельности он всегда будет обвинять окружающих. Я очень надеюсь, Герберт, найти в вас союзника в этом. Альберт понимает, что допустил много ошибок, и хочет вам доказать, что чего-то стоит сам по себе. Вместе со всеми своими недостатками он все-таки не самое безнадежное воплощение человека на земле? Давайте подождем немного. Давайте не забывать о том, что экономический кризис еще не миновал. Жизнь сама расставит все по своим местам. Если вы со мной согласитесь, то я прошу вас, не обрывайте с ним контактов. Он очень привязан к вашей семье.

И, наконец, мне хотелось бы поговорить о том, что на самом деле волнует меня больше всего. Я имею в виду ухудшившиеся отношения между ребятами. Это очень тревожно. В их годы абсолютно все принимает

гипертрофированные размеры: любят «навсегда», расстаются «навсегда», «никогда» не прощают, бешено ревнуют, а когда наступает отрезвление, бывает поздно что-то исправить. Для того чтобы «поздно» не наступило, существуют доброжелательные родители. Давайте поможем этой семье пережить тяжелые времена. Герберт, вы как большой поклонник Интернета и опытный юзер, знаете, что контакты в социальных сетях к дурным болезням не приводят. Я не проверяла, разумеется, почту Альберта, но думаю, что кроме совершенно безопасных одноклассниц и однокурсниц, у которых уже давно своя собственная семейная жизнь, там никого быть не может. Ручаюсь, что и Энжела, как всякая современная девочка, поддерживает контакты с бывшими школьными товарищами, среди которых, думаю, есть и мальчишки. Спросите у нее сами, насколько серьезно она к этому относится? А пугать друг друга и пытаться вызвать ревность они могут сколько угодно.

Герберт, я хочу сделать вам предложение. Давайте все немного успокоимся. Давайте последуем восточной мудрости: «Если хочешь сотворить глупость, послушайся голоса гнева». Обдумайте, пожалуйста, не торопясь, то, что я вам написала.

Мы накануне Великого поста. Скоро будет Прощеное воскресенье. Давайте постараемся смирить накопившиеся обиды, умиротворить души и попросим друг у друга прощения за все причиненные обиды и несправедливости. Тогда мы сможем надеяться, что Бог нас простит».

Семья Адлеров не оставила Альберта в покое. Однажды им удалось вызвать его на телефонный разговор, который состоялся только после большого скандала, устроенного Эльзой и его матерью. Альберт четко заявил, что не вернется ни при каких обстоятельствах. Энжела в свою очередь сказала, что к нему не поедет, да и тут он ей не нужен.

Герберт подвел итог отношений в своем последнем письме Альберту:

«Спасибо за разъясненную тобой позицию, полностью совпадающую с позицией твоих родителей. Наши разногласия наиболее ярко были выражены в письме твоего отца, но именно разговор с тобой не оставил надежды на уступки с твоей стороны.

Я не буду более беспокоить тебя своими предложениями. Более того, постараюсь тебя и твою семью вообще более не беспокоить. Разрыв в твоём сегодняшнем понимании мира и то, как его видим мы, слишком велик, чтобы пытаться навести мосты. Когда ты пришел в нашу семью, ты вполне разделял наши взгляды. Мы провели вместе незабываемые месяцы до приезда твоих родителей. Нам было хорошо и весело с тобой. Так что если говорить о перемене, то она произошла в тебе, и, как я вижу, эта перемена необратима.

Энжела выходила замуж за совершенно другого человека. С хорошим и очень уступчивым характером. Все время спрашивающего: «Энжелочка, с тобой все в порядке?», забиячного и веселого.

Конечно, не менее мрачный, чем она сама, строитель по кирпичику «светлого будущего» ей, скорее всего, не нужен. Кроме того, не приходило ли тебе в голову, что она мрачна только с тобой, а в твое отсутствие весела и счастлива?

Я не думаю, что ты на самом деле стал таким серьезным строителем светлого будущего. Наверняка с друзьями ты, как и прежде, приветлив, дурашлив и болтлив. Но по какой-то причине ты и твои родители пришли к выводу, что с нами надо общаться именно в стиле строителя коммунизма.

Прощай, мой любимый веселый Альбертик.

Если Энжела пожелает, она напишет тебе сама.

Твой Герберт».

Разрыв был очевиден, однако каково же было всеобщее удивление, когда на день рождения Энжелы Альберт прислал подарок и цветы, а его мать – двести долларов.

– Они и правда считают меня безмозглой куклой, – возмутилась она, однако не скоро решила, как же ей поступить. Наконец она написала Альберту холодное письмо, в котором благодарила за подарки, но просила больше ей их не присылать, потому что «то, что произошло между нашими семьями, не позволяет принимать от вас подарки».

На это, как водится, Альберт ответил не Энжеле, а Герберту. Причем по стилю Герберту показалось, что с ним переписывается мама зятя.

«Дорогой Герберт!

Я только что получил письмо от Энжелы. Оно меня очень удивило, почему-то она решила писать мне по-английски и очень официально. После почти 3-х часовой телефонной конференции с вами всеми пару недель назад у меня сложилось мнение, что мы начали искать путь к примирению. Теперь мне кажется, что это была только Ваша инициатива. Поэтому я хочу ответить Энжеле через Вас. Свой подарок я выбирал от души, помня о ее коллекции. С мамиными деньгами она может делать все, что хочет.

Надеюсь, вы все здоровы и готовитесь отмечать Пасху. Заранее поздравляю вас всех с Вербным воскресеньем. Ваш Альберт».

Герберт ответил:

«Дорогой Альберт.

Первая и главная наша проблема – коммуникация. Нельзя на письмо Энжелы отвечать мне. Нельзя на письмо моей жены отвечать не ей, а мне. На мое письмо отвечать Энжеле, и так далее.

Так что тебе придется ответить Энжеле на ее письмо и все выяснить у нее.

С нашей стороны есть четыре человека. У каждого своя позиция. Тем более теперь, после нашего разговора с тобой, они изменились.

Моя позиция. Мне нужно, чтобы моя дочь была счастлива, любима и обеспечена. Если ее муж не желает или не способен дать ей все это – я охотно буду ей это давать. Поэтому когда она грустна, я посылаю ее в тропики, обеспечиваю деньгами, и на днях купил ей новую «тойоту». Она выглядит совершенно счастливой, спокойной и довольной жизнью.

Собирается поступать университет на искусствоведение. Попытки твои и твоей семьи доказать нам, что мы живем неправильно, – безуспешны. Мы так жили десятилетиями и с Божьей помощью продолжим так жить и в будущем.

Поскольку ты твердо заявил, что не собираешься делать каких-либо уступок в направлении нашего образа жизни, то, с моей точки зрения, отношения между нами прекратились, о чем я и написал, и сказал по телефону. Я сказал: «Будешь в наших краях – заходи», что означало: «Ты не согласен ни на какие уступки. Ты не хочешь нас понимать. Я вычеркиваю тебя из своей жизни».

Позиция моей жены. Она любила тебя всей душой. Ты ее предал тем, что бросил, перестал общаться и особенно обидел тем, что на ее письмо ответил, что считаешь, будто его написал я. Именно она плакала в телефон и звучала наиболее расстроенной. После трехчасового разговора с тобой, увидев, что ты ее совершенно не понимаешь и не желаешь идти на какие-либо уступки, она полностью успокоилась и вычеркнула тебя из своей жизни.

Позиция Джейка. Он с тобой дружил. Теперь у него осталось глубокое ощущение предательства. Ни общаться, ни дружить он более не хочет.

Наконец, позиция Энжелы. Она глубоко обижена. Твоя реакция на ее поездку в тропики, твои нападки на нашу семью и наш образ жизни привели к тому, что ты ей глубоко опротивел. Ты не собираешься ее понимать, разбираться в том, что ей действительно хочется и так далее. Письмо твоего отца (за которое никто не извинился), подвело черту. Наконец, твой формальный подход к вашим отношениям – неспособность расположить ее к себе, извиниться, принять ее позицию и желания – полностью перечеркнули хорошее отношение к тебе.

Теперь она твердо уверена, что вы в фактическом разводе, и утверждает, что не примет тебя обратно ни при каких условиях.

Вот, собственно, и все, что я могу сказать о результатах того разговора. Мы решили не производить никаких враждебных действий, но ввиду твоего упрямого нежелания идти на какие-либо компромиссы, попыток твоих и твоей семьи нагло учить нас жить, мы вычеркнули вас из своей жизни, с чем вас и поздравляю.

Твой Герберт».

На это незамедлительно пришел ответ, по стилю еще больше похожий на стиль матери Альберта.

«Дорогой Герберт!

Большое спасибо за ответ, рад, что вы все в добром здравии. Также хотел бы поблагодарить лично Вас за разъяснение вашей позиции в письменном виде. Однако мне кажется, что ясности мы все-таки не добились.

Во время нашего последнего разговора мы договорились принять Status Quo. Более того, я принял Ваше личное предложение приехать на некоторое время к вам и обсудить наши дела. Я сказал, что смогу это сделать, но

только тогда, когда у меня будет отпуск. Теперь мне совсем не понятна фраза из Вашего письма: «Будешь в наших краях – заходи», что означало: Ты не согласен ни на какие уступки. Ты не хочешь нас понимать. Я вычеркиваю тебя из своей жизни». Я не понимаю, как приглашение может означать – «ступай с глаз долой». Как бы там ни было, приехать я все равно планирую.

Если внимательно приглядеться к Вашему письму, становится заметно, что все четыре мнения совпадают. И не просто совпадают, а идентичны, вплоть до построения фраз. Все меня вычеркивают. Это наводит на единственный вывод: Вы лично оркестрируете и озвучиваете мнения всех членов семьи. Поэтому на сегодняшний день я принимаю только Ваше мнение, которое я уважаю, хотя и не разделяю. Что касается остальных, у них есть свой голос, свои компьютеры, свои e-mail-ы, свои мобильные телефоны. Я буду очень рад пообщаться с ними лично.

Вы упорно повторяете: «Попытки твои и твоей семьи доказать нам, что мы живем неправильно, – безуспешны». Вы также пишете о попытках «твоих и твоей семьи нагло учить нас жить». Ни я, ни я мои родители никогда таких попыток не предпринимали. Образ жизни вашей семьи – это ваше личное дело. Чтобы вести такую жизнь, нужно иметь очень солидную материальную базу и особый тип мышления. У Вас есть и то и другое. А у меня нет ни того, ни другого. Поэтому навязывать мне подобный образ жизни и выдавать его за единственно возможный и правильный мне представляется несправедливым. Помоему, это то же самое, что «нагло учить жить».

Вы все время пишете о моем упрямом нежелании «идти на какие-либо компромиссы». А ведь вопрос не о компромиссах, а об ультиматумах – либо ты возвращаешься, либо я, моя жена и дети вычеркиваем тебя из нашей жизни. Вы прекрасно знаете, что в ваших краях я не могу найти ту работу, на которую способен и которая

сулила бы какие-либо перспективы в будущем. Когда Вы со мной только познакомились, Вы прекрасно понимали, что в ближайшее время я не смогу купить своей жене «тойоту» и отправить отдыхать ее в тропики, когда ей грустно. Что же изменилось теперь? Вы пишете: «Если ее муж не желает или не способен ей дать все это – я охотно буду ей это давать». Пожалуйста, балуйте ее сколько хотите, а мне дайте только возможность со временем Вас заменить.

Здесь мне удалось найти место, которое меня на сегодняшний день устраивает. После почти полутора лет случайных подработок мне наконец-то удалось добиться стабильности. И я считаю, что передо мной вырисовываются перспективы. Главным стимулом для меня является желание в течение ближайших лет начать обеспечивать свою жену. Почему бы Вам просто не поддержать меня в желании твердо стоять на собственных ногах? Неужели вместо этого лучше вычеркнуть меня из своей жизни?

Я уже очень давно пытаюсь выяснить многие вопросы именно с Энжелой. Но она не желает вести со мной конструктивный диалог. Вы мне пишете: «твой формальный подход к вашим отношениям – неспособность расположить ее к себе, извиниться, принять ее позицию и желания – полностью перечеркнули хорошее отношение к тебе». А у меня сложилось впечатление, что Вы очень сильно повлияли на ее отношение ко мне. Вы специально ее против меня настраивали. И, надо сказать, добились успеха. Есть такое выражение: «Против кого дружим?». Вы сейчас всей семьей «дружите» против меня. Я думаю, что вы даже сплотились на этой почве. Но вы почему-то забываете, что в каждом конфликте не может быть виноватой только одна сторона.

Вы пишете: «Первая и главная проблема – коммуникация». Я обязательно напишу Энжеле большое, подробное письмо. Но есть ли гарантия, что она станет его

читать? Есть ли у меня шанс получить от нее лично подробный и вразумительный ответ? После ее поездки ко мне она становилась со мной все более и более грубой. Вы пишете, что, я не собираюсь «ее понимать, разбираться в том, что ей действительно хочется» и так далее. Все время, пока мы жили вместе, я искал пути к взаимопониманию. Что касается Энжелы, то она разговаривает со мной исключительно в ультимативном тоне. Так с мужем разговаривать нельзя! Я не знаю, является ли это следствием Вашего влияния, или она живет только сегодняшним днем и не желает думать о будущем.

Вы пишете, что Энжела «твердо уверена что вы в фактическом разводе и утверждает, что не примет тебя обратно ни при каких условиях». Со своей стороны я категорически заявляю, что не считаю себя в разводе. Что бы Вы на мой счет ни придумывали, я веду исключительно праведный образ жизни. Для меня сейчас существует только работа.

Хочу, чтобы Вы знали: я никого из вас вычеркивать из своей жизни не собираюсь.

По-прежнему ваш Альберт».

Герберт ответил:

«Дорогой Альберт.

Вы не учите, как жить? А письмо твоего папика? Оно отражает позицию вашей семьи, чтобы вы ни говорили. Наглую и грубую. Мы топчемся на одном месте. Разбирайся с Энжелой сам. Звони ей, приезжай, делай что хочешь. Больше не пиши. Это глупо.

Я не заставляю ее посылать тебя подальше. Завтра она придет и скажет:

«Я снова люблю его, папа», и я с легким сердцем ее благословлю, пускай едет.

Если я тебе скажу, что ты ведешь себя как дурак, ты не поверишь.

Во всяком случае, так ты с ней разговариваешь (а мы слышали):

– Ты своему дружку прежнему на наркоту мои деньги потратила!

– Какая же ты свинья! – единственная фраза Энжелы за весь наш трехчасовой разговор. Так что общайся со своей женой сам. Оставь меня в покое. Потом сообщите, что вы там себе наобщаетесь. Ты также не поверишь, что в данный момент ты не являешься центральной фигурой моих забот и устремлений, и мне скучно настраивать всех против тебя. Любила, теперь не любит. Как мне сказали, так я и реагирую. А вот почему любила и почему не любит, выясняй у нее. Надеюсь, что ты меня освободишь от дальнейшей переписки от которой сильно пахнет перепиской с твоей мамой. Твой Герберт».

59

Энжела рыдала, сидя на полу в гостиной своего пустого дома. Она то принималась браниться, то хваталась за голову обеими руками и стенала душераздирающе, истошно, безутешно. Все, что было достигнуто с таким трудом, рухнуло. Ничто не могло ее утешить. Ее принц, которого она лелеяла с таким тщанием, лишился головы.

Она только закончила его красить, как он упал со стола и у него отлетела башка и сломался шарфик.

Энжела лепила глиняную статуэтку маленького принца с барашком в руках.

Вчера она спокойно и даже с некоторым удовольствием сообщила своему супругу, что твердо решила развестись. Тот воспринял это невозмутимо. Продолжал свысока учить ее жизни.

«Ах, если бы он не был идиотом... Это можно было бы еще хоть как-то переносить», – жаловалась девушка своим родителям. Она не проронила и слезки по своему завершившемуся браку. Она рыдала по глиняному принцу, лишившемуся головы.

Бог милостив. Голову удалось приклеить, и принц поселился в коробке, специально раскрашенной под ландшафт его маленькой планеты, всецело поглощенной темно-синим небом в звездную крапинку.

Давнишняя просьба, обращенная к родителям: «Найдите мне принца», была ими выполнена неудовлетворительно. Пришлось вылепить себе принца самой.

Герберт больше не вмешивался. Да и что он мог теперь поделать? Энжела выглядела счастливой, погруженной пусть и в неприхотливое, творчество.

Его «непротивление счастью» распалось само собой. Зря он думал, что восторжествовал над мрачными образами Достоевского. Теперь он понимал, что его хриstopодобные герои учили смирению и чувству вины за чужой грех, за все грехи, за грехи всего человечества. А он, желторотый устроитель земного счастья, попытался восстать против Божественного мироустройства, в котором своя собственная воля – грех, и нет иного пути к спасению, кроме смирения и добровольной муки.

Герберт проиграл Достоевскому, православию, а вместе с ним и всему мирозданию.

Ему ничего не оставалось более, как покорно склонить голову.

Если кому-то покажется, что только в семье Адлеров был неполадок, он ошибется.

Пучеглазый Эрвин, которого Герберт обращал в истинную веру, отказался венчаться. Молодые поссорились на той же почве. Деньги, ответственность, работа... Жених начал сильно выпивать. Все кончилось тем, что невеста

исцарапала пьяному жениху лицо. Они расстались окончательно...

Андрей Виригин, вопреки ожиданиям, не утонул в проруби и не покончил с собой. На его записи в Интернете, где он поносил творчество Адлера, наткнулся корреспондент центрального телевидения, искавший факты использования детектора лжи при приеме на работу. Там, между прочим, Андрей жаловался, что однажды его не приняли на работу в редакцию после того, как детектор лжи показал, что он склонен к алкоголизму.

Телевидение не приняло во внимание, что детектор оказался прав, в тех же записях Андрей вовсе не отрицал, что он алкоголик. Про него сделали передачу, где Андрей оказался несправедливо пострадавшим.

Через некоторое время Андрей похвастался Герберту, что его приняли на работу заместителем редактора крупного московского журнала. В его обязанности входит принимать или отвергать присылаемые материалы. Он продолжает пить, но не запоями, а каждый день, по вечерам. Мечтает, чтобы Вета узнала о его успехе...

Герберт, как ни странно, был за него рад, хотя и ворчал: «На сколько его хватит, неизвестно, но надо заметить, что неверующему алкоголику и НацБолу нет лучшего места, чем кресло зама редактора журнала. Кому еще быть властителем дум?»

Герберт продолжал облагораживать свой маленький храм. Установил купол с крестом, принимал паломников, продолжал обхаживать своих прихожан. Жена его счастливо шила покровы для алтаря и аналоев на Пасху...

Для того чтобы уверовать в библейское объяснение мира через первородный грех, не нужно подыматься к звездам. Достаточно взглянуть внимательным взглядом на любого человека. Мы все уязвлены, смертельно ранены грехом. Грехом не в его лубочном, затасканном веками понятии, а именно грехом в простом значении слова — изъяном

непомерным. Ведь так легко представить себе идеальные отношения, простую бесхитростную жизни. Люди любят друг друга больше, чем самих себя, скромно, бережно и трепетно отживают свои дни на благодатной земле. Зори сменяют закаты. Альберт нежно любит Энжелу, не оставляет ее ни на минуту, во всем ей становится подмогой. Энжела души в Альберте не чает. Они живут счастливо, и ничто не омрачает их светлой спокойной жизни. Появляются детки, и они возятся с ними, умиляются их первым словечкам...

Ничего этого не будет. Только змеиный клубок гордынь...

Или вот Андрей Виригин забывает вкус спиртного, обращается всей душой к Богу. Находит свою любовь и лелеет ее беззаветно...

А Герберт освобождается от своего вечно грызущего его червя сомнений и отживает дни в мире и благоденствии, любви и смирении...

Куда там! Все мы словно изъязвлены, смертельно ранены гордыней, гнетущей наши мятежные души...

Герберт издал свой роман, но отзывы читателей были ужасны. Так еще не ругали ни одно его произведение: «Вот отстой. Судьба премии “Полный абзац” предрешена. Совершенно бездарно».

Только одна добрая душа заступилась: «В каждом человеке сплелось воедино столько мыслей, тревог, забот, переживаний, радостей, добра и зла. Не каждый может вынести на Суд Человеческий свою обнаженную душу и открытое сердце. Смелости не хватает. А Адлер о своих сомнениях и метаниях пишет открыто. Его кружение над бездной видно и чувствуется. Может, пора задуматься и каждому из нас?»

Боже, как же трудно было обращать в христианство языческие народы! Герберт битый час сидел над Евангелием на китайском, подаренным китаянке, нянечке его младшего сына. Он выучил китайский ровно настолько, чтобы ориентироваться в Святых Писаниях.

— Вот, пятая глава Евангелия от Матвея... Нагорная проповедь. Видите, Бог говорит вам — вы соль земли, вы свет мира.

— Я не понимаю.

— Ну, вам же китайским языком написано...

— Разве люди могут быть солью и светом?

— Это значит, что мир создан для вас, что мы, люди, самое ценное в нем и мы призваны стать свидетелями Бога в этом мире...

— ...голодные станут счастливыми... — китаянка недоумевала.

— Голодные до правды!

Китаянка вгляделась в иероглифы.

— Да... голодные до правды...

Китайка читала, коверкая смысл...

Герберт пояснял так, как надо это понимать... Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще. Вы — свет мира...

Боже, как же трудно... Как невероятно трудно нести свет учения Христова во все языки, всем народам до краев земли...

Язычники думали опорочить проповедь святого Андрея Первозванного, предав его смерти на кресте, который прославлял апостол. С радостью принял святой Андрей Первозванный решение правителя и с молитвой ко Господу сам взшел на место казни. Чтобы продлить мучения апостола, тиран приказал не прибивать руки и ноги святого, а привязать их ко кресту Три дня и три ночи с креста апостол проповедовал собравшимся вокруг. Люди, слушавшие его, всей душой сострадали ему и потребовали снять святого апостола с креста. Испугавшись народного возмущения, правитель приказал прекратить казнь. Но святой апостол Андрей стал молиться, чтобы Господь удостоил его крестной смерти. Как ни пытались воины снять апостола Андрея с креста, руки им не повиновались.

Распятый апостол, воздав Богу хвалу, произнес: «Господи, Иисусе Христе, прими дух мой». Тогда яркое сияние Божественного света осветило крест и распятого на нем мученика. Когда сияние исчезло, святой апостол Андрей Первозванный уже предал свою святую душу Господу. Правитель, мучимый совестью за смерть апостола, лишил себя жизни.

Русская Церковь, приняв веру из Византии, епископы которой ведут преемство от апостола Андрея, является его преемницей.

В мире нет совпадений,
Есть только тростиночки судеб.
Их сплетая в венки,
Время цепко нас держит в руках.
В мире есть только тени,
И тени в нем, видимо, будут.
Даже если они
Вызывают у светочей страх.

В мире нет простоты,
Как бы нам простоты ни хотелось.
И излучины рек
Разлучают навек берега.
В мире есть просто ты,
Твое милое млечное тело.
И внезапный побег
В темноту твоих сомкнутых глаз.

Я от терний венков
Отказаться, наверно, обязан.
И от лавров мирских,
С сожаленьем вздохнув, откажусь.
Мой нехитрый улов —
Свет свечи и воскуренный ладан.
И объятья твои,

Во Христа обращенная Русь.

Нам многое дано, но мы не берем и того, что можем. Когда не хватает слов, остается проповедовать только восходя на крест...

ЭПИЛОГ

1

— Я не утратил веры! Нет... Вера утратила меня! — поведал Герберт невразумительный каламбур своему невидимому другу. Эта женщина бессменным редактором его текстов сопровождала Герберта всю его пятилетнюю писательскую одиссею. Они никогда не встречались, только переписка и редкие телефонные разговоры, но никто так не был знаком с внутренним миром Герберта, как этот человек, проживавший на другом конце земли, в России.

— Боже мой! — услышал Герберт в трубке знакомый прокуренный голос. Было чему удивляться. Герберт вот уже два года ничего не писал и почти не общался со своим ангелом-хранителем от литературы, хотя и скучал по тем временам, когда исписанные страницы с шелестом крыльев рвались из-под его руки прямиком под ее зоркий взгляд...

— Да, представьте себе... Не могу, рвусь писать, но сажусь — и руки опускаются... И жена не велит, говорит: лучшее, что ты можешь сделать для православной веры, — это ничего про это не писать!

— Жену нужно слушать. Если она не велит, тогда, может, и не стоит?

— Не могу! Набух, как зрелая бомба... Я не потерял веры, но все, что происходило вокруг в последнее время, совершенно выбило из колеи...

— Ну, не томите... Что случилось?

— Явилась ко мне некая дама, которую мой духовный отец представлял всем как свою племянницу. И вот представьте, является вся в слезах: никакая, дескать, не племянница я ему, а любовница. Да и Бог им судья, но этот мой монах ее, оказывается, бьет и обижает, а теперь и вовсе выгнал из дома. Ведет двойную жизнь, церковные деньги тратит на роскошь, которую тщательно скрывает... Я было не поверил, но все сходится, и буквально доказательства налицо... Последние сомнения развеялись, когда мой пустынный тут же примчался и со слабо замаскированным презрением всучил мне пачку купюр якобы на издание моей газеты, а сам тихонько увез свою «племянницу», которая не сопротивляясь отправилась за ним, как овца.

— Страсти какие!

— Это еще что... Тут мы пригласили другого монаха, из России. Он устроил нам настоящий монастырский режим, строгий пост и молитвы по четыре раза на дню... А через месяц так напился, что стоять на ногах не мог, мы с сыном за ним ходили, удерживали, а он все на пол порывался помочиться... Ну а перед тем как в такое невменяемое состояние впасть, успел поведать, что та, что его нам порекомендовала, оказывается, была его любовницей, и теперь он напился не иначе как из ревности, поскольку она сподобилась наконец познакомиться с другим мужчиной. Опять же Бог им судья, но зачем же в запой, да еще в такой беспробудный, да еще при моем сыне? Теперь он, насмотревшись на все это, заявляет, что стал атеистом...

— Прямо как в романе! Нет, вы не подумайте, я это без сарказма!

— А архиепископ наш и вовсе под судом. Отстранен от должности. Обвиняется в растлении малолетних — случай тридцатилетней давности и отчасти, возможно, результат внутрицерковных интриг, но все же... Развращал он их или нет, не ясно. Оправдывается он вяло, все больше помалкивает, а суд, сами понимаете, дело долгое... Опять же Бог ему судья, если бы он при этом по-человечески к

своим братьям по вере относился... Я написал ему письмо на шести страницах, крик души. Мол, работать не с кем. Дайте мне сан, я буду сам служить... Ну не направлять же мне прихожан к моему «отцу-молодцу»! Он не ответил. А серый кардинал, который всем у них заправляет, сказал мне: « Ты десять лет на коленях сана должен просить». Я отвечаю, мол, пожалуйста, я не против... Но если десять лет просить, то служить когда? Я же не конфетку выпрашиваю... Я же — «все раздай и следуй...» А они надо мной словно бы потешаются. Потом подослали ко мне моего духовного отца, ну, видно меня увещевать. Я ему в лицо про его любовницу и высказал... Грубо как-то мой рассказ звучит, но все-таки совершенно сил нет. Помните, «и если мой — свет тьма, то какова моя тьма?» Так и ждешь, что про кого-нибудь из честных отцов еще что-нибудь узнаешь. И не то чтобы я считал себя святошей... Просто по-человечески невозможно!

— Так, может быть, книгу? Церковь тот же социум, всюду люди, всюду свет и тьма, всюду страсти, всюду прелести.

— Книгу нельзя. Меня и за прошлую духовенство осудило, а за такое и вовсе предаст анафеме.

— А разве дурное дело — говорить о пороках и искоренять? Своеобразная чистка, белые одежды...

Духовные отцы это же как врачи: о хороших хорошая молва и очереди к ним на прием, о худых худая, и каждый делает выбор, к какому идти, и безусловно идет к хорошему. А плохого почему не ослабить?

— Эльза говорит: не пиши, это может отвратить человека от веры. А разве можно отвратить от веры? От фарисейства — да. От преклонения перед земными авторитетами — да. Но не от веры... Никак не от веры! Да и зачем бы Господь все это моим глазам представил, да еще в такой сжатый отрезок времени? Я — издатель «Православной газеты», какой-никакой писатель... Может, и Ему хотелось бы вскрыть этот нарыв? «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения». Увы, некоторые

иерархии точно такие же князи земные... За ними можно и Бога не заметить...

— Да, и у нас подобных историй о духовенстве полно. Не надо только соблазняться и веру терять...

— Ох, тяжело...

— А Эльза как?

— А Эльза верует и варит на кухне манную кашу.

— Это здорово. Пока вы мучительно решаете глобальные вопросы, Эльза просто верует и просто варит кашу, и пока она это делает, в мире будет гармония и порядок. А остальные домочадцы что поделявают?

— Домочадцы? — Герберт усмехнулся, предвкушая, как удивит собеседницу, которая, хотя и была в курсе всех тонкостей его семейной жизни, читая его рукописи и книги, но вот реальной развязки нескольких сюжетных линий еще не слыхала... — Дочь развелась и сошлась с молодым человеком, который был у нее до замужества.

— Со Стюардом? Не может быть!

— Да, да... С тем самым, которого мы так дружно изгоняли и от кого хотели уберечь Энжелу, выдавая ее замуж.

— И как же вы это приняли?

— По-христиански. В воскресенье он пришел к нам в храм, и я открыл ему свои объятия со словами: «Прости! Я был не прав!» Он обнял меня и тоже попросил прощения. Теперь все ведут себя, как ни в чем не бывало. А главное, Энжела теперь стала вполне самостоятельной и, похоже, ей все это очень нравится: и Стюард, и жизнь!

— А Анна на шее? Ну, та начальница вашего бизнеса, с которой вы судились?

— Тоже полное примирение. Прошло ведь уже несколько лет. Судебные дела все еще тянулись, и тут она взмолилась, мол, нет здоровья, нет денег, со всех сторон обижают-обманывают, со всеми в ссоре... И даже родители ее с ней не ужились и вернулись в Россию. Я простил и сам попросил прощения. Все закрыл... А на днях сижу в кабинете, слышу, кто-то вошел в комнату. Обернулся —

она! Оказывается, ей не с кем провести свой день рождения, такое пустое пространство вокруг, и она приехала к нам... Посидели, поговорили. Так что со всеми помирился!

— Так уж и со всеми? А ваш закадычный враг?

— Литагент, что ли? Теперь все позади. Судите сами. Вот что он пишет:

«Герберт, я не знаю, кто ты. Но могу сказать определенно — ты мой добрый гений. Тогда, в Царицыне, я был страшно на тебя зол. Я не смог остаться в Москве, а значит, не смог рассчитывать на встречу с Ветой. Теперь я знаю, что такое любовь. Помнишь, как в "Гранатовом браслете" у Куприна?

Но ведь ничего не было. Помнишь, как булгаковские Иешуа и Пилат идут и беседуют? Ничего не было. Я жутко скучал по нашим разговорам. Конечно, не так, как по ней. Но это и понятно.

Знаешь, есть такая певица Земфира? У нее есть строчка "Я стала старше на жизнь". В Москве-2009 я стал старше на жизнь.

Спасибо тебе за те церкви, что я посетил. Иначе бы я их никогда не увидел. И прости за выброшенный крестик.

Боже мой, что только не случилось с тех пор, как мы перестали общаться. Я познакомился с бомжом, живущим в коробке у Храма Христа. Он мой земляк. И хотя у меня не было ничего у самого, я старался ему помогать.

Я непременно закодируюсь. На несколько лет. Я столько пропустил и растратил. Но ведь можно начать все сначала и в 33, не так ли? Я думаю, что ты об этом напишешь.

Андрей Виригин»

Гербрет отправил Виригина в монастырь к тому монаху, который у него гостил. Но Виригин вернулся обратно на

следующий день. Едва зародившаяся вера снова сменилась стоном: «я верю только в движение белковых тел... все остальное бутафория.

— «Герберт, я не знаю, кто ты», — повторили на другом конце провода. — Хорошее начало диалога. Хотя всем известно, кто вы. Вы писатель.

— Да, если чем-то мы себя и обнаруживаем в этом мире, то только этим скользким свечением атласа слов. Но я давно ничего не пишу, вы же знаете.

— А надежду на возведение в сан оставили?

— Не совсем. Кое-какие варианты крутятся. То к одной меня церкви прибывает, то к другой... Но теперь я их боюсь! Чтобы еще чего-нибудь эдакого не узнать! А то, как в истории про царя Мидаса... Хоть ямку выкапывай и туда тайну рассказывай!

— Зачем же в ямку? Садитесь и пишите!

— Вы думаете?

— И думать нечего, коли у царя Мидаса ослиные уши.

2

Отчего, только достигнув края, начинаешь понимать, что в мире нет ничего прекрасней бытия и что для равновесия небытие должно быть, по крайней мере, не менее прекрасным? Не нужно излишнего осмысления. То, что доносится снизу из мрачных кладовых, недостойно осмысления. Лучше, заполнив провал, завалив его ветвями, решить раз и навсегда, что без стержня, без ствола, без смысла можно разве что резвиться в песке. Невозможно без покрытого умудренной корой стебля ни доделать, ни довершить, ни даже осознать глубину вопреки всему здравствующей мысли.

Кто является этим первопричинным столпом — не секрет. Он очевиден, едва глаза впервые завидят мир, в котором ищут и находят раболепие цветов и прочих тварей,

подчиненных нам сызмальства, когда зрачки, как гладиаторы, мечутся в безвольной схватке и наконец цепляются за первые, едва прикрытые пеленой признаки грядущего света и покоя. Я жизнь мою прожил, но не видел ни света, ни покоя, хотя они были рядом, как вечно присутствующая мелодичная зарница наших позабытых, но вовсе не медлительных сердец, словно бы упрятанных в ращелинах царских гробниц, теплых трущоб нашего средостения. Я дремал и продолжаю дремать. Но теперь эта дремота иная. Мое ложе надежно, и надежная стремительная птица несет меня если не в небо, то хотя бы туда, к самым верхушкам веками не оставляющих своих полномочий дубов. Взяв меня в ладонь, меня бережно выносит прочь из тьмы лесов невидимая, но совершенно ощутимая длань. Чего ж еще надо? Отчего не довериться, не уснуть, словно в тени безмолвного, но верного сфинкса, и пробудиться без вскрика, радостно потирая глаза? Словно ждешь нужной станции, и вот внезапно она пред тобою, омытая дождем, и вот уже твой дом. Войди же в него и будь душой спокоен! Но не тут-то было. Из-под отеческого крова выползает варан сомнения. Он неприятно устремляет на меня свой окостеневший череп, и я уже не помню длани, птица и сфинкс проваливаются в зыбкие пески. По вытянутому телу варана проходит дрожь. Он сделал свое дело. Я снова слаб, я снова не могу принять подвижное сочленение судьбы. Мне снова страшно. Вытянутая голова сидит на длинной шее, переходящей в удлиненное мощное тело. Варан пытается напугать меня еще больше. Вот он уже примеряется, как лучше использовать свой хвост, чтобы, нанося им, словно кнутом, сильные удары, заставить меня сникнуть и, прижавшись к его чешуе, более не помышлять о покое и спасении. Он тащит меня в перевернутую башню. Винтом извивается удушливый башенный ход. Но я зову, и в лучах, изнемогая от жалости ко мне, трепещет распятая тень птицы, и снова я спасен. Взор мой, пусть не ангельский, но светится, я трепещу, и

над шлемами гладиаторов-зрачков полощутся вздуваемые перья приподнятых в восторге бровей. И вот уже готов я снова излиться в сиянии, веселье без душевного вина лелеет меня в радужном нежгучем огне. Я снова счастлив, и так до следующего падения. Что же, разве только у древних благородство и добропорядочность, культурные манеры и правильные понятия, а у нас — колотушки прокаженных и полное отсутствие смысла? Его отсутствие уподобляет жизнь придирчиво осматриваемой в темноте белоснежной скатерти, на поверку оказывающейся порядочно изъеденной мышами. Или вот еще, представьте, кругом зыбкая плоскость мирового моря. Вдали — непонятно, то ли тени облаков, то ли суша. Без маяка никогда не выбраться из тесных объятий морского простора. Но стоит появиться огоньку, слабенькому намеку — и вот уже все обретает смысл. Я набираю воздух в свои парусиновые легкие и стремлюсь туда, к нечеткому серому очертанию горизонта, который уверенно и вязко уплотняется в дальний, давно зовущий меня берег. И вот уже водяная мгла забыта. Поразительно, с каким упорством слепые на один глаз пытаются выколоть себе второй. Вера в самого себя подчас становится сильнее нежелания брать на себя ответственность за что-либо. Это обычно заканчивается гулким эхом краткого по своей глубинной сути проклятия. Но все это позади. Вокруг меня уже нет ничего, кроме выросшего до эквивалента бытия мирного луга, а томное путешествие забыто, и воспоминание о нем уже не несет в себе ни самопалов всхлипов, ни луков, ошестиненных частоколом отчаянных стрел.

Что всем этим я желаю сказать? Отчего не прибегнуть к обычной белизне и прочности обыденного слова? В тонкой капсуле своих предубеждений мы не можем более воспринимать слова в их первозданный янтарной зрелости, среди пелен, укутавших строки мерно пустеющих книг, парча туманных превращений становится тряпьем, смысл — рухлядью, откровение — банальностью.

Какие-то люди ползут в высоту, приставляя лестницы к зыбким испарениям облачной влаги. Кто-то стремглав падает вниз, собираясь когда-нибудь потом использовать нераскрытый парашют в качестве пододеяльника, а не на шитье дешевого, а потому совсем уж пошлого савана.

Почему дальнейшее рыдание напоминает смех, и почему смех напоминает дальнейшее рыдание?

Терпите же, не принявшие клинопись шумеров виноградаря! В необозримый мир я отправляю такие сочетания слов, к которым трудно привыкнуть. Я освобождаю их от камнепадной силы, с которой рушатся на нас штампы, не то костей не соберешь. Стоит выдать себя полупонамеком, стоит только прикоснуться к известному понятию, как сразу всего меня, как нога мастодонта, расплющит привычное клеймо. Ведь это так замечательно просто. Стоит обучить детей обрывкам сути невзрачных мыслей, неуверенно пришедшим на смену огню и железу, — и считай, дело сделано. Мир отравлен пропитанными мышьяком ярлыками, и в их гигантских лопуховых листах никак нельзя найти приюта уму.

Итак, лишив себя возможности проводить дни в домике с верандой, устланной удобными дощечками знакомых понятий, я вынужден искать себе соратников в беспощадной व्यюге подноготных слов, вырывающихся из кладовых младенческого первознания, из кажущегося безмолвным мрака могил, в которых безвременно упокоились забытые наречия. Молчание же — томление пустое. Пусть ваши уши станут выпуклыми линзами, вперенными в эти буквы, — я научу вас не верить своим урожаем, не надеяться на свой столь привычный и незамысловатый ум. Считайте, что он сгинул в диком поле. Вы отправились его искать — и не нашли даже самих себя. И вот я со своими выскальзывающими друг из-под друга словами, словно крупье с колодой карт, пытаюсь дать вам то, что вы могли бы взять многократно совершенно безболезненно, но не взяли. Не позволяйте своему

воображению играть ночью или в неудобное для вас время, а также пресекайте его вредные привычки, например погрызть вам совесть... И если чем-то мы себя и обнаруживаем в этом мире — то вот этим скользким свечением атласа слов. Не нужно искать ненадежную благодать там, где ее нет и быть не может, и с лампой в комнате отслеживать мили процеженных строк. Если вытянуть любую книгу в одну строку — получится длина не меньше мили! Только раньше книги были с деревянными берегами, как каналы, несущие влагу в знойный край, а теперь они ведут себя словно роса полей — едва выпадая, высыхают, будто им и дела нет до орошения наших сердец.

Почему реки, как, впрочем, и каналы так редко текут туда, куда бы нам хотелось?

Редко, но все-таки иногда текут.

3

Несмотря ни на что, еще какое-то время Герберт Адлер продолжал проживать в своем зачарованом мире. Подмигивающая всем без разбора электронными огоньками современность обтекала его стороной. Он служил в своей церкви, проповедовал древние истины. К нему в дом стекались толпы: кто просто поглазеть на наивное житие на природе, кто поделиться своими баулами с несчастьями, а кто и приколоться. Ведь это смешно, когда в наш век пытаются жить по правилам.

Звоном похоронным ворвался телефонный звонок брата Герберта. Голос его был непривычно сдержан и глух.

— Тут такое дело... Папа умер.

Все существо Герберта неотвратимо наполнилось тошнотой. Он позвонил маме.

Она ошарашила его риторическим вопросом, казалось бы, не подходящим в таком положении.

— Ну, как тебе это нравится? — пыша отчаянным раздражением, а может быть, с таким особым юмором

вопрошала мать. — Сбежал... Теперь узнает, что там, на том свете... — тут она заплакала. — Нет больше нашего папки!

Вот так — собачились всю жизнь, а теперь « наш папка »!

Герберт молчал. Ему было плохо. Нет, он не плакал. Уже после, в уборной, он дал волю рыданиям. Домашние его жалели. От этого ему было еще больнее, но он ревностно следил, чтобы обязательно жалели, сочувствовали. Нельзя сказать, что Герберт не ожидал смерти отца. Он знал, что на днях папа попал в больницу, но в отличие от прошлых случаев, в этот раз все заботы переложил на брата. Никто ничего не успел сделать. Как потом оказалось, отец перед этим пролежал неделю в душевной комнате, отказываясь от еды и питья. Об этом мама никому не сообщила, а может и говорила, но Герберт пропустил мимо ушей. Потом отца увезли в больницу, и в ту же ночь его не стало.

Герберт предчувствовал недоброе. На утренней молитве, когда он неуверенно попросил Пантелеймона Целителя о выздоровлении отца, тот непонимающе посмотрел с иконы. Еще бы. Ведь к тому времени отец был уже мертв.

Герберт не поехал на похороны, сославшись на опасения, что его арестуют на границе за старые грехи. Поехал старший брат и все устроил.

Тяжесть, свинцовая тяжесть поселилась в душе Герберта — утки в дудки, тараканы в барабаны... Он исповедовался, признавшись, что одолжил у отца большую сумму, которую потратил на их же с матерью пребывание у себя, лечение и прочее... Отдавать ему оказалось не из чего, поскольку бизнес теперь едва покрывал самые насущные нужды... Хотя нет! Герберт не так уж безденежествовал. Он ведь приобрел колокола. Заплатил дорого. Конечно, частично вроде бы из церковных денег... Но последний разговор с отцом по телефону именно и был об этих колоколах.

— И откуда у тебя деньги на колокола? — недовольно буркнул отец.

— Всем миром собирали, — неуверенно ответил Герберт. Отец спросил о долге. Герберт ответил нагло и раздраженно, мол, как смогу, — отдам. Отец сник.

Больше они с отцом не разговаривали.

Конечно, Герберт во всем винил себя. Зачем он отпустил отца? Почему не настоял, чтобы он остался жить с ним? Герберт понимал, что все это вряд ли было возможно, но что поделаешь, совесть наша слепа. Она не желает вникать в обстоятельства. Более того, совесть неразумна, она не привыкла внимать гласу разума.

На то и есть исповедь. Все рассказал, раскаялся, священник прочел разрешительную молитву — и дело с концом.

Отец был некрещеный, но Герберт проигнорировал этот факт. Он отслужил заупокойную службу у себя в церкви, причем вопреки традиции установил там траурный портрет отца, окружив его цветами.

Везя на переднем пассажирском сидении портрет из фотоателье, где его вставили в черную рамку, Герберт спросил:

— Тебе не дует?

Отец молчал. Герберт подумал, что в жизни папа был крайне неразговорчивый, и если бы он сейчас ехал с ним живой, то вполне возможно, Герберт тоже не дождался бы ответа.

Отцовское *«почему ты не выучил уроки?»*, доносившееся из зыбкого детства, теперь растворилось, рассеялось, как прах, несмотря на то что он в конце концов так разочаровал отца...

Через некоторое время мать прислала фотографию могилы отца. Было непривычно наблюдать нечто новое, красивое, блестящее, связанное с отцом. Тот был скупец и ходил в обносках. Могильная плита черного цвета лаконично сообщала имя и даты... Рядом — кусочек земли, оставленный для будущей могилы матери. Герберт напряг глаза и всмотрелся в изображение сухих комьев. «Вот сюда закопают маму», — подумал он и поморщился.

Ровно в срок, когда он обещал вернуть отцу деньги, нужная сумма откуда ни возьмись оказалась в руках Герберта, и он положил деньги на счет отца. Теперь он сам распоряжался этим счетом, но что бы там ни говорили – долг он отдал. Маму закопали в другом месте, но на том же кладбище. Она пережила папу на полтора года. Предпоследними ее словами были: «Я вас люблю!», а последними: «Идите все к черту». Она умерла в пасхальную ночь. Герберт так и нашел ответа, что же это значит...

4

Гонения на церковь, построенную Гербертом, начались с луковки. Небольшой куполок с крестом теперь славно возвышался над крышей этого строения. Было не просто отыскать такой элемент архитектуры отжившего века, тем более на чужбине. Но Герберт во всем старался доходить до черты, за которой бушевали волны океана чрезмерности и даже вычурности.

Итак, луковка была найдена, привезена и освящена. Когда же пришло время водрузить ее на крышу, сосед Герберта пожаловался в городскую управу. Инспектор явился без проволочек, не снимая белой каски, вошел в храм и без приглашения уселся на единственную лавку.

— Поймите, — начал инспектор обстоятельно, — запрещено устраивать у себя дома приход.

— Отчего же? — приветливо улыбнулся Герберт. «Кажется, начинаются настоящие гонения, о которых предупреждал Христос», — подумал он с некоторым удовлетворением, если не удовольствием.

— Ну, во-первых, ваша система канализации не рассчитана на скопление людей!

Герберт не смог сдержать смеха.

— Что же, вы полагаете, они приходят в церковь, чтобы сходить в туалет?

— Наш долг наблюдать за выполнением строительных норм.

— Согласен, ваша работа важна и даже необходима. Вот в древнем Риме строили как вздумается, и рушились дома! — то ли с издевкой, а может, и вполне серьезно отметил Герберт. Он ведь так умел объединяться в мысленном порыве с властями, когда речь шла о всяческой пользе населения...

— Так или иначе, по нашим правилам, имеющим силу закону, вы не можете устраивать церковь у себя дома. Но если у вас собирается совсем немного людей и вы не будете афишировать эти ваши собрания — мы на это закроем глаза. Однако луковку придется убрать, а также отменить ваши объявления в газетах, и, разумеется, прекратить звонить в колокола, — инспектор старался выглядеть дружелюбным и даже доверительно добавил, что сам ведет кружок библейских чтений у себя дома.

«Ах, вот оно что!». Герберт понял, что перед ним был никто иной, как руководитель местной секты. Он вспомнил, что встречал его объявления в газетах. Поскольку сам Герберт нередко публиковал там статьи, прославляющие православие, это, несомненно, должно было обеспокоить местных сектантов, да и не только их!

— Да, наша группа стремится к росту, — признался инспектор. — Ну, а если вы желаете, чтобы ваш приход рос, вам нужно перенести свою деятельность в какое-нибудь другое место.

— Нет, мы не стремимся к росту, — ответил Герберт уклончиво, — просто моя жена очень религиозна... Она хотела посещать храм каждое воскресенье, а ближайшая православная церковь очень далеко...

Герберт сам удивился такому простому объяснению своих действий. Как часто великие намерения, облеченные в слова, превращаются в пошленькие, блеклые и незначительные действия... Весь смысл своей сегодняшней жизни «раздай все и следуй за Христом» Герберт выразил в утилитарном оправдании, мол, в церковь далеко ездить, вот и основали свою собственную, домовую, так сказать.

Инспектор поднялся с лавки и оглядел иконостас. Византийские лики взирали на сектанта спокойно и словно бы сквозь него, не замечая его присутствия.

— Да, я верую в Христа, — с некоторой торжественностью заявил он, но сквозь его мутноватый взгляд Герберт прочел дополнение к этому утверждению: верую да только несколько иначе, без всей этой мишуры и картинок...

Наконец покинули церковь. Инспектор напоследок придрался и к русской бане, выстроенной несколько лет назад во дворе дома Адлеров. Она оказалась на два метра больше, чем допускалось возводить без особого разрешения градоправления. Точнее, сама баня была даже меньше допустимых пределов, но вот верандочка при входе в баню как раз эти допустимые границы и нарушала.

Инспектор выписал штраф и потребовал подать все необходимые бумаги и планы, которых, разумеется, и в помине не было. Герберт не спорил. Он понимал, что начались гонения, и почему-то это его по-настоящему радовало.

«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» ...

Как это нередко бывает, конфликт, начавшийся спокойным визитом инспектора, через некоторое время стал перерастать в полномасштабную войну. Сначала Герберт пытался умиротворить инспектора, подавал ему бумаги и какие-то наскоро изготовленные планы, но тот корректно и безмятежно все отвергал. Теперь становилось ясно, что за показной вежливостью не было и следа доброжелательства к братьям во Христе. Сектант явно жаждал полного уничтожения церкви.

Он обклеил красными приказами о закрытии входную дверь, и прихожане с опаской рассматривали эти бумаги, прежде чем войти в храм Божий.

Там значилось, что помещение церкви небезопасно, и только вчитавшись можно было понять, что небезопасность этого строения заключается в отсутствии достаточной системы канализации, которая могла бы обслужить собрание людей.

Герберт, поняв, что примирение невозможно, заказал огромные алюминиевые иконы на внешние стены церкви и установил большой указатель на дороге: «Храм Преображения Господня».

Из-за указателя разразился новый скандал. Сосед, который жаловался на луковку, снова сообщил о самовольстве Герберта в городскую управу. Снова явился инспектор и потребовал указатель убрать.

— На нем изображена икона, — ответил Герберт, — это мое право иметь икону при въезде во двор.

Нужно отметить, что собственность Адлеров простиралась на два с половиной гектара, и не следует забывать, что жил Герберт практически в лесу и с соседом последний раз виделся лет пять назад.

На порог выскочила Эльза.

— Вы передали свою бумажку? Теперь убирайтесь! — закричала она.

Герберт попытался ее успокоить, но инспектор обиделся и возжаждал крови. Он намеренно не уходил и провоцировал расстроенную женщину.

— Что мне вас, застрелить, чтобы вы исчезли? — Эльза была вне себя.

— Ну, это совсем уже другая история, — с хмурым удовлетворением заметил инспектор. — Вы угрожаете мне насилием! Я вынужден пожаловаться в полицию! — и он чинно удалился.

Полицейский появился только на следующий день. Он, как воспитатель детского сада, разъяснил супругам Адлерам, что угрожать инспектору городской управы не следует, с чем Герберт практически сразу согласился, а Эльза, одетая в старомодное платье, попыталась спорить, но

полицейскому стало смешно, как такое наивное и смешное существо в кружевах может составлять угрозу борову-инспектору, и он удалился, ограничившись внушениями. Герберт написал жалобу мэру города, что инспектор — сектант, и притесняет его по религиозным соображениям. В ответ на это пришел ответ от городских адвокатов, где они угрожали Герберту судом и утверждали, что он клеветает на честного, исполняющего свой долг инспектора.

Через некоторое время пришел судебный иск от города, требующий снести церковь и примерно наказать Герберта, — а именно оштрафовать, и если он не выплатит штраф и судебные издержки, то отобрать у него дом в счет долга. Иск представлял собой внушительных размеров том и содержал огромное количество фотографий — свидетельствах деятельности храма и Герберту было приятно рассматривать результаты своей работы: вот свадьба, вот крестины, вот престольный праздник...

Прихожане-немцы испугались конфликта с городом и покинули приход, а оставшиеся сплотились и даже собрали небольшую сумму на адвоката. Остальное заплатил Герберт. Началась судебная канитель.

Архиепископ, сам находящийся под судом, ничем помочь не смог или не пожелал, а просто сказал — все разберите и спрячьте по подвалам до лучших времен. Герберт не подчинился и принялся искать другую каноническую Православную церковь, которая согласилась бы принять его приход в свое лоно, благо на чужбине существует множество различных юрисдикций Православных церквей...

Его приняла Болгарская Православная Церковь и где он и был рукоположен во диакона. На ближайшее лето назначили рукоположение во священники.

Духовный отец Герберта прогнал епископа из своей церкви и ушел в раскол. Тут уж Герберт не выдержал и склонил битую им и оставленную любовницу, на которой он обещал

жениться, пожаловаться епископу. Нашлась и вторая пострадавшая, тоже бывшая любовница монаха. Ей оказалась крестная мать Герберта. Назначили духовный суд. Церковь может сама себя отчистить. Монаха запретили в служении и, видимо, лишат сана. Однако это не остановило и его и он по-прежнему изображает из себя канонического священника и ведет безблагодатные службы. Больше половины прихода его покинуло и основало свой приход. Когда Герберт опубликовал обо всём этом открытое письмо епископа в газете, ему стали угрожать судом и даже покушением на его жизнь.

Опасаясь дополнительных судебных преследований, Герберт опубликовал в своей газете общую статью, посвященную всяческим гонениям на христиан, описанным словами Христа: «Блажени есте, егда поносят вам, и изженут, и рекут всяк зол глагол на вы, лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех (Мф. 5: 11–12)».

5

«Православному христианину не стоит удивляться, если он сталкивается с таким же отношением к себе, как и к нашему Господу Иисусу Христу. Чем более похож он на своего Учителя и чем более свята и духовна его жизнь, тем больше вероятность того, что он будет терпеть ненависть, подвергнется ложным обвинениям и преследованиям.

Не стоит ожидать, что какой-либо степенью праведности можно избавить себя от этого креста. Тут нечего винить христианина за ошибки: не они, а именно праведность вызывает вражду людей. Мир ненавидит всё, что стремится принять образ Божий. Сынам мира досадно видеть других, старающихся

стать лучше, чем они. Почему Каин ненавидел своего брата Авеля и убил его? Потому, говорит Иоанн, что «дела его были злы, а дела брата его праведны» (1 Ин 3: 12). Почему фарисеи ненавидели Христа?

Потому что Он обличал их грехи и ложные учения, а они знали в своих сердцах, что Он был прав, а они не правы. «Мир, — сказал наш Господь, — ненавидит меня, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы» (Ин. 7: 7). Православным христианам пристало пить ту же чашу терпеливо и без смущения духа. Господь сказал: «Если мир вас ненавидит, знайте, что он ненавидел меня прежде чем возненавидел вас» (Ин. 15: 18). Пусть же мы помним это и приободримся. Приближается день, когда каждому воздастся по трудам его. Преследования и ненависть к детям Бога на земле были здесь с самого начала и будут до скончания века.

Иногда случаются передышки, и мы живем в спокойствии, но мир ненавидит Бога, и поэтому война будет продолжаться. Мы молимся о временах мирных, но меч неизбежен. Нам необходимо укрепляться в вере, что подобные испытания есть посещение Господне, призванное до конца исцелить наши души от связи с миром. Практически всем святым в конце жизни приходится перенести поругание и поношение.

Истинная христианская радость — это не земное счастье, удовольствие или приятное времяпрепровождение, но ни с чем не сравнимая радость в вере (Рим. 15: 13), радость знания Божией любви, радость достойно, по слову ап. Петра, участвовать в Христовых страданиях (1 Пт. 4: 13). Духовная радость тесно связана с духовным страданием. Неверно думать, что радость приходит только после страдания: радость во Христе приходит вместе со страданием во Христе. Они сосуществуют и зависят одно от другого в своей силе и власти. Как скорбь над грехом приходит вместе с радостью спасения, так и страдания в этом мире созвучны и даже прямо вызывают эту же неизреченную радость спасения. Поэтому, как говорит апостол Иаков, христиане должны считать великой радостью, когда они впадают в различные искушения, зная, что совершённое

действие их непоколебимой веры выражается в том, чтобы они могли стать совершенны во всей полноте, без всякого недостатка (Иак. 1: 2–3). Таково же твердое убеждение апостола Павла, писавшего: «...Хвалимся надеждою славы Божией. И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. 5: 2–5). Такова духовная радость христиан, радость мучеников, которая более чем что-либо свидетельствует об истинности христианской веры и подлинности христианской духовной жизни. Давайте же восхвалим Господа, когда нам ниспосылается такое испытание, ибо Он сподобил нас шагнуть на Его крестный путь!»

6

Стюард прожил с Энжелой еще два года, и снова был прогнан ей за бездеятельность и курение марихуаны. На этот раз Герберт не только не вмешивался, но и наоборот всячески препятствовал этому. Он теперь считал, что нельзя выбрасывать людей, как старые вещи. Стюард проникся теплыми чувствами к Герберту и крестился. У Герберта проживал жилец, молодой китаец. Он тоже крестился, потому что хотел попасть в рай. Кто посмеет сказать, что это не достаточное основание для крещения? Герберт стал обоим крестным отцом, а Эльза – крестной матерью.

Энжела так и осталась жить одна. Может быть до поры, до времени?

КТО ВИНОВАТ В ТОМ, ЧТО МЫ ОДИНОКИ?

В соитии земли и неба
Рождаются зеркала крупицы,
Дождя угрюмая телега

Опять стремится сном забыться.

И непослушные аккорды
Дрожащих в неге струйных капель
Вдруг населяют словно орды
Пространства сероглазый кафель.

И растравив внезапно душу
Стремглав ревет безликий ливень,
И мертвой хваткой впившись в сушу
Безбрежных вод прилив обилен...

В движеньи их нет пищи мысле
Как нет в них жизни оправданья,
Над нами небеса зависли
Как ткань знакомого преданья.

Мы различаем в молний свете
Намеки, знаки, судьбы, сроки...
Но только сами мы в ответе,
За то что вечно одиноки...

Силой знаков
Древних знаков
Мы напрасно дорожим.

Пред судьбою
Мы с тобою,
Ни трепещим, ни дрожим.

Видно нет скорбей напрасных,
Видно нет напрасных ран,
И для нас тоской безгласной
Неспроста наполнен храм.

Суждено нам оставаться
В этой пристальной тоске,
Словно давний голос раций
Нам напомнил о войне.

Сколько соли и сомнений
Нам пришлось с тобой вкусить,
И в свои пустые сени
Вновь и вновь тоску пустить

Видно скорби нам даются
Лишь затем чтоб исцелить
Буйной страсти злого блюда
Переполненную прыть

Но кричат мне: «Это – бредни!
Не узнать тебя теперь!»
Ну а я спешу к обедне
Отворяя настежь дверь.

В храм вхожу, таюсь, люблюсь
На безбрежный глас небес.
Мне ж кричат: «Не тренируясь
В небеса бы ты не лез!»

Потерявшийся в кропиве,
Заблудившийся в песках
Сам себе я стал противен
Как мозоли на руках.

Как разнузданные язвы

В потайных зрачках души,
Я измученный и грязный
В храм спешу и ты спеши.

* * *

Не я избрал Тебя, но Ты меня!
И я стремлюсь отправиться в дорогу,
Как пение седого соловья
Стремится ввысь к внимательному Богу.

И всякий град, что станет на пути,
Допустит пусть меня в свою утробу.
И средь волков, как агнец средь толпы,
Я помолюсь внимательному Богу.

Пусть жатвы много, делателей — нет,
Пусть песнь поют тяжёлые колосья,
От них струятся как нетварный свет
Святых молитв живые отголосья!

Войдя же в дом, я пожелаю мир.
И мир почиет иль метнёт к порогу.
Как много званых на роскошный пир,
Но не спешат к внимательному Богу.

Пусть не приемлют нас, пусть гонят нас
И расточают собранное нами.
Пусть ждут знамений и суровый глас,
Гремящий с неба грозными словами.

Я буду верить, ждать без суеты,
Без буйных криков, без шаганья в ногу.
«Не я Тебя, но выбрал меня Ты», —
Я всё шепчу внимательному Богу.

* * *

Не верь уму. Ум слишком часто лжёт.
Ему привычны лживые советы.
А поступай всегда наоборот:
Ищи всегда Евангельского света.

И посетит Господь не раз тебя,
И исцелив, возляжет для беседы,
Ты драгоценным миром, не скорбя,
Омой Его и позабудь все беды.

Ведь нищих много, хватит им щедрот.
А Бог один, отдай Ему всё сразу.
И поступай всегда наоборот,
Чем поступать велит лукавый разум.

Мы верим странно, сторожась утрат,
Все подсчитав расчётливей Иуды.
Спешим к Каифе, не дождаь утра,
И не дождаь дождя, целуем в губы.

Наш ум — не светоч. Немошный маяк!
Не светит он, а лишь чадит и мает,
И сам понять не может он никак,
Что ничего, увы, не понимает!

Итак, прошедших дней нам не вернуть,
Дней без молитв, растрченных напрасно.
И погребая веры нашей суть,
Мы погребаем Бога ежечасно.

Но каждый миг нам дан повторный шанс
И воскрешает в нас живого Бога
Живой молитвы непрестанной глас,
Живой молитвы до конца, до гроба!

В БЕЗДНЕ

...Нет ничего тайного,
что не сделалось бы явным...

Евангелие от Луки 8:17

ПРЕДИСЛОВИЕ

Православный священник решил открыть двери своего дома всем нуждающимся. Много лет там жили несчастные. Он любил их по мере сил и всем обеспечивал, старался всегда поступать по-евангельски. Люди отмечали, что в церкви при этом доме царила особая благодать и умиротворение, а атмосфера, создаваемая священником, была доброй и ласковой.

Многие полюбили этот дом. Туда приезжали не только несчастные, но и те, кто хотел им помочь. Жили вместе, весело и уютно. Конечно, случались и эксцессы, но в основном этот уголок был успешной попыткой жить по-евангельски.

Даже те, кто не бывал в этом доме, слышал о том, как много людей он принимает и как щедро получают в нём те, кто, вероятно, уже и не надеялся на человеческое отношение к себе. Дом, способный впустить и приютить самых разных людей: от интеллигенции, писателей, паломников до тех, кого люди редко подпускают к себе, – больных, обездоленных, никому порой не нужных. И это радовало и удивляло всякое христианское сердце. То, что христиане носят в сердце как некий неисполнимый идеал, в этом доме было воплощено в реальность. Вот где живое христианство, действенное, очевидное и непревзойдённое. Это не игра в христиан, не мимикрия под благочестие.

Цепь гонений не смогла разрушить этот дом и храм. Но оказалось, что разрушение таилось внутри дома. Матушка, внешне поддерживая супруга, скрыто и люто ненавидела

его и всё, что он делал, а также всех, кто жил в этом доме. Ненависть разъедала её душу, пока не произошёл взрыв.

Дом и храм были разрушены. Матушка ушла от мужа и забрала детей. Батюшка, не ведая истинных причин таких действий самого родного ему человека, впал в отчаяние, подал прошение о снятии сана и отошёл от веры.

Супруги не виделись полгода. Бывшая жена стала очень жестокой и циничной и при встрече, чтобы окончательно добить бывшего батюшку, нагло при свидетеле призналась раздавленному мужу и даже представила доказательства, что всегда страдала скрытой сексуальной зависимостью. Она пыталась с помощью церкви подавить свою пагубную страсть, но её муж ничего об этом не знал и потому не мог ей помочь. Тогда она разрушила церковь и приют, а также прогнала мужа, чтобы получить свободу и предаваться пагубной страсти со многими женатыми мужчинами и даже принимать от них деньги.

Супруга полностью отошла от веры и пользовалась в этом поддержкой остальных членов семьи. Дети отвернулись от бывшего батюшки и всеми силами пытались выдать мать замуж за богатого человека, люто ненавидя отца.

Звучит совершенно невероятно. Потеря такого дома, – безусловно, трагедия, однако доброе сердце осталось, а значит, и впредь оно будет всеми возможными путями помогать всякому, кто обратится за помощью. Но настоящая трагедия – это потерять такое сердце, возненавидеть людей и Бога; истинное несчастье – обесмыслить всё, что было в прошлом, всё, что было сделано с огромным трудом, ибо такой подвиг созвучен Христу, а значит, усилия прошлого наполнены самым высоким смыслом. Можно спросить у всех тех людей, что согрелись и получили любовь и пищу в этом доме: были ли они спасены и обрели ли надежду? Все они в один голос благословят того, кто окружил их заботой и неравнодушием.

Батюшка, узнав истинную причину произошедшего, покаялся в своём отходе от веры, вернулся в церковь обычным прихожанином и стал молиться о бывшей матушке, продолжающей разрушать себя и близких. Всех потрясли события, описанные в этом романе.

ПРОКЛЯТИЕ

«Будь ты проклята за то, что ты наделала!». Слова имеют силу яда. Хорошо настоящего, крепкого. Но чем ещё отплатить за разрушение всего? Взорваться раскатом грома, испариться, рассыпаться прахом?

В канун Рождества бывший православный священник, вернувший себе мирское имя Герберт, не хотел ехать на встречу с младшим сыном. Жена оставила его, забрав ребёнка. Герберт не понимал причин происходящего. Супруга обвиняла его в том, что он любил чужих людей больше, чем родную семью, и во многих других вещах. Однако Герберт чувствовал, что есть истинная причина всего событий, но не мог её понять.

Десятилетний сын материл Герберта по телефону, обвиняя во всём случившемся и упражняясь в словах, не свойственных десятилетним детям. Мать его не сдерживала и этим лишь явно поощряла.

Но Рождество – особый случай. Герберт выбрал игрушку – коробку с каким-то пластиковым трансформером – и явился на место встречи в затрапезный «Макдоналдс».

Сначала Герберт заметил её. Она была совершенно чужой, внешне невозмутимой, но всё равно как-то неприятно взволнованной. На некотором расстоянии он увидел и остальных членов семьи. Повзрослевший двадцатитрёхлетний Джейк играл кислой усмешкой на самодовольной физиономии, рядом вилась его подружка. Через минуту Герберт заметил новоиспечённого мужа своей старшей приёмной дочери Энжелы. Отцом зятя был

инспектор местного муниципалитета – официальный разрушитель приюта и церкви. Все члены семьи источали мощные волны неприязни, и Герберт не решился подойти к ним, невольно бросив со своего места: «Вся банда в сборе». Ему не ответили.

Вдруг появился Патрик – лебединая песня, последняя любовь Герберта, его милый сынишка, на которого он с самого рождения смотрел с умилением. Герберт никогда не сердился на мальчика, не ругал его всерьёз. Любил он сына неимоверно и, как оказалось, обречённо.

Патрик заметно волновался. Сначала мальчик не решался сесть и как бы покачивался в нерешительности, словно неспелый пшеничный колос. Его светлые волосики только подчёркивали это сходство.

– Боже, как я его люблю, – Герберт щурился от головной боли, – как же я скучаю по моему малышу!

Эти мысли вызвали у Герберта вязкую боль в левом виске. Он потёр лоб и висок и с трудом снова взглянул на Патрика. Сын мялся в нерешительности, словно собирался дать пощёчину, но никак не мог собраться с духом.

Герберт написал сыну стихотворение:

Малыш! Коль стал б я королём, то отдал б королевство,
Карету, скипетр, народ и царский свой наряд!
Корону я б свою отдал и царское наследство,
Чтоб только тихо наблюдать, как длится твоё детство,
И за один твой взгляд.

А если стал бы Богом я, то небеса и землю
Отдал бы, ангелов, чертей, потоки райских струй,
Пространство, время и людей, которым я не внемлю,
За то, чтоб просто рядом быть, и счастлив был бы тем я;
За твой лишь поцелуй!

Герберт пододвинул мальчику подарок. Патрик неуверенно осмотрел коробку, из которой выглядывал

трансформер; было видно, что игрушка ему понравилась. В век электроники Патрик очень любил осязаемые игрушки и мог подолгу разглядывать и ощупывать их в магазине, не решаясь остановить свой выбор на чём-то конкретном, – скорее, он получал удовольствие от самого процесса.

Патрик несмело отодвинул подарок и посмотрел на мать.

– Не смей ни в чём обвинять маму! – внезапно резко, не по-детски чётко произнёс сын. – Если ты посмеешь её обвинять, то я... я не знаю, что!.. тогда я вообще!.. Понятно? – продолжил он сумбурно. – Это я сам решил. Я не хочу, чтобы ты со мной виделся, и не звони мне. Никогда!

– Хорошо, не буду, – резко ответил Герберт, словно бы ждал этого демарша.

– Я не хочу с тобой...

– Я тоже не хочу, – добавил Герберт. Сначала его охватила непривычная злоба на сына, но потом он вдруг поперхнулся гамбургером и зарыдал. Продолжая жевать ненавистный фарш, Герберт застрочил пульками горьких слов.

– Не ожидал от вас такого предательства. Вышвырнули меня из своей жизни, ластиком стёрли! Что мне, помереть теперь? Исчезнуть?

– Ну, прости, не плачь! – испуганно произнёс Патрик и погладил своей совсем ещё детской ручонкой большую папину руку, беспомощно лежащую на грязном столе. Другой рукой Герберт, бросив гамбургер, интенсивно тёр глаза, как будто в них что-то попало. Патрик не помнил отца плачущим.

– Герберт, не надо так говорить, – вмешалась Эльза.

– Я сам решаю, как и что мне говорить! – взвился Герберт. Слезы внезапно сменились едва приглушённой яростью. – Иди, погуляй!

Эльза приподнялась, но сразу передумала.

– Ты хочешь, чтобы я ушла? – притворно мягко спросила она Патрика. Тот на мгновение задумался и пробормотал «нет». Эльза тут же села на место.

– Что я вам сделал? Я тридцать лет жил только для вас. А тебе, чем я досадил тебе? Разве я не любил тебя больше всех на свете? Не принял тебя на руки, когда ты родился? Не провёл бок о бок с тобой всю твою жизнь? Не баловал тебя? Не покупал всего, чего тебе хотелось?

Патрик задумался и упрямо повторил «нет».

– Что нет? Что я тебе сделал?

– Ты приводил в дом жить наркоманов и алкоголиков, и мама сказала, что теперь у тебя другая женщина!

Герберту эта фраза, вырвавшаяся из детского ротика, показалась какой-то неестественной, вызубренной. Неужели Эльза дала малыцу подробные инструкции о том, как надо себя вести?

Герберт, оставшись без семьи и дома, лишившись сана, встретил милую женщину и надеялся на счастье с ней, хотя связь эта была душевная, дружеская, а не плотская. Но кто в наше время в это поверит?

– Ну и зачем тогда надо было увлекаться христианством?

– Герберт проигнорировал слова о женщине, ответив только на обвинение в открытии приюта в собственном доме. – Всё это прежде всего было инициативой твоей мамы. Мы должны были помогать тем, кто нуждается, и сейчас у нас дома живут несчастные. Мне выгнать их на улицу?

– А там всё ещё кто-то живёт? – вдруг с неподдельным интересом и уже вполне мирно спросил Патрик.

– Да, в твоей спальне живёт женщина с ребёнком, которой мы собирали деньги на кесарево сечение.

– Ой, она родила? – Патрик явно радовался, что разговор потихоньку поворачивал в примирительное русло.

– Да, – улыбнулся Герберт.

– И ты за всё платишь?

– Конечно! – соврал он, хотя давно уже не мог делать взносы по ипотеке, а сумма неоплаченных счетов за электричество достигла угрожающих размеров. По его расчётам, дом не успеют продать через публичные торги до весны и ещё не отключат свет – гуманное общество! Появился закон, согласно которому нельзя отключать электроэнергию до конца марта.

– Почему все твои дети тебя ненавидят? – вдруг дерзко спросил Патрик.

– Это надо спросить у мамы! Мама со мной развелась.

– Ты первый начал и ты ведь больше уже не священник! У тебя уже всё хорошо! – обиженно сказал Патрик.

– Неправда! Она начала первая. Если от священника уходит жена, то он должен снять сан – это очень древняя традиция. Твоя мама заставила меня подписать бумаги на развод в мой день рождения! И там указала, что я не могу даже привести тебя в наш дом, не могу с тобой никуда поехать!

– Это правда? – спросил мальчик маму. Та молчала.

– Ну, скажи, что это не так, – настаивал Герберт, надеясь, что Эльза хоть как-то отреагирует.

Но женщина лишь подала Патрику еле заметный знак. Малыш сначала не понял, но потом догадался. «Наверное, Эльза имеет в виду, что, если ребёнок хочет уйти, пусть скажет, и свидание немедленно прекратится», – подумал Герберт. Однако сын не торопился.

– Почему ты не продашь дом? – было видно, что Патрик любил дом, в котором родился и где прошло его детство. А вот Эльза этот дом ненавидела, поэтому Патрик спросил о продаже, с опаской поглядывая на мать. Та неодобрительно хмыкнула. «Как бы не так, продаст он!» – читалось на её лице.

– Да кому он нужен, кто его купит? Цена меньше долга, – промямлил Герберт и быстро сменил тему. – А вы всё ещё живёте в другом приюте?

– Нет, нам дали дешёвую государственную квартиру, – опять совсем не своими словами ответил Патрик.

– Я даже не знаю, где вы живёте...

– Не знаешь? – вдруг оживился Патрик и неожиданно для Герберта отрезал:

– Вот и не ходи к нам и не звони. Никогда. Ты ведь тоже неплохо устроился с новой женщиной.

Патрик резко вскочил и убежал. Мать облегчённо вздохнула и поднялась. Тут, неожиданно для всех, мальчик вернулся и посмотрел отцу в глаза; до сих пор он постоянно отводил взгляд.

Герберт пододвинул к нему игрушку, хотя чувствовал, какая будет реакция.

– Засунь её себе в задницу, – тихо прошипел мальчик и удалился. За ним поднялась и ушла мать, встали и быстро исчезли наблюдавшие за происходящим остальные члены семьи.

Герберт остался сидеть один. Головная боль прошла. Он резко поднялся, оставив игрушку и недоеденный гамбургер на столе, вышел на морозный воздух, надеясь ещё раз увидеть своих близких, уже ставших чужими. Но они словно растворились в морозной дымке.

Герберт достал мобильный телефон и внезапно написал Эльзе сообщение: «Будь ты проклята за то, что ты наделала!».

ДОМ У ОСЕННЕГО ЛЕСА

Одна писательница часто вспоминала своё сумбурное путешествие в гости к Герберту Адлеру. В те годы он ещё был священником, и этот сан ему необычайно шёл. Герберт выглядел как огромный и добродушный хозяин большого дома, эдакий плюшевый медведь.

Она, честно говоря, не ожидала, что священник, у которого было небольшое издательство, заберётся в такие

далёкие места, где иногда на подворье приходит из леса медведица. Ехать пришлось несколько часов. Дом стоял у дороги, в пристройке располагалась церковь, а рядом раскинулся роскошный осенний лес.

Писательница ехала к совершенно незнакомым людям. Надо же было вдруг собраться туда, где никогда не была и куда лететь больше одиннадцати часов! Да, там её книгу выбрали для издания, потом решили провести презентацию, но прежде люди друг друга никогда не видели. Да и сами Адлеры в её лице могли получить особу с какой-нибудь жуткой придурью. Но почему-то женщина была уверена, что всё будет нормально, и не ошиблась.

В аэропорту её встречали двое – Хелен и Димка. Но приезд оказался на грани срыва, потому что сотрудники паспортного контроля долго и дотошно выясняли, зачем она приехала, куда именно, к кому и на какой срок. Когда гостя уже почти утратила надежду, ей всё-таки разрешили пройти в зал встречающих. Но к тому времени там осталась лишь жалкая кучка людей, среди которых не было никого с нужной табличкой. Писательница растерянно прошлась туда-сюда, обдумывая ситуацию, как вдруг её заметили, и она тотчас же попала в эпицентр какого-то конфликта.

– Ох, простите, а мы тут! – воскликнула Хелен, уничтожающе глянув на Димку. – Это всё твоё ротозейство!

– Конечно, я во всём виноват! Это я, что ли, уходил отдохнуть, потому что табличку держать спина болит?!

– А ты где был?! Сравнил меня, пожилую женщину, с собой, молодым мужиком!

– Вот именно, я бы и один справился, хоть никто бы настроение не испортил!

– Уже видели, как ты справился! Со своими-то проблемами не справляешься!

– Гос-с-поди, а это-то тут при чём?! – Димка в отчаянии закатил глаза.

– Ещё как при том! Когда безответственность – жизненное кредо...

В ответ Димка скорчил кислую гримасу и тяжело вздохнул.

Не требовалось много времени, чтобы понять: эти двое – гремучая смесь, и за время ожидания их взаимная неприязнь достигла критической точки.

– Надеюсь, этот тип довезёт вас в целости и сохранности, – произнесла на прощанье Хелен, бросив в сторону Димки испепеляющий взгляд. – Не вздумай лихачить! Батюшка доверил тебе машину!

Ох, если бы Хелен не вышла у своего дома, гостье пришлось бы всю длинную дорогу находиться между двух несовместимых миров.

Хелен – друг семьи, ну а Димка – безалаберное существо, прозевавшее срок подачи документов для продления визы и рискующее вот-вот оказаться в нелегальном положении. Батюшка обещал помочь, и Димка уже не впервые оказался под его опекой.

– Уф, вот мегера! С ней живым уж точно не доедешь, заклюёт! – фыркнул Димка с облегчением.

Весёлая же компания собралась вокруг батюшки! Однако Димка оказался хорошим водителем и по дороге успел изложить свою жизненную позицию, политические взгляды, презрение к масонам и много другой интересной информации, из которой, например, следовало, что от Северной Америки вскоре может ничего не остаться, потому что крупнейшему в мире вулкану в национальном парке «Йеллоустон» пришла пора просыпаться. Следовательно, надо жить на всю катушку, пока живётся. Или спастись бегством. Описывая ужасы предстоящего апокалипсиса, Димка без приключений довёз гостью до места.

Это был восторг: дом окружала природа и именно то, что писательница в ней больше всего любила, – лесная тишина. Стоял разгар золотой осени, самое поэтическое время. Правда, с желтеющей листвой в эти края приходят и дожди.

Классическая осень, навевающая грусть! Конечно, не сразу, но женщина заметила, что к невинной грусти примешивается какая-то другая, вовсе не поэтическая, больше похожая на уныние. С чего бы?..

Может быть, не очень радовало отсутствие прихожан в церкви? Куда приятнее, теплее, когда служба проходит при хоть каком-то скоплении народа. Но кто придёт в такой-то глуши? Тут и там – редко разбросанные дома, частная собственность, разделённая лесными угодьями. Похоже, здесь не принято по-соседски общаться. Полное безлюдье.

Добротный дом верно хранил тепло недавно ушедшего лета, поэтому камин в главной и самой просторной комнате пока пустовал без огня. Комната эта служила гостиной, но все её стены, как в заправской библиотеке, заполняли книги. Ими были забиты и многие другие места, и сама библиотека – смежная комната с письменным столом. Гостье вспомнилась её российская квартира, где книги простирались по стенам до самой прихожей. Да, были времена!.. Но тут было ясно, что этот дом, подобно старому интеллигенту, расставаться со своей обширной коллекцией книг не намерен, несмотря на повсеместный Интернет и прочие возможности тотальной компьютеризации. Ну и хорошо.

Гостиная казалась какой-то сумрачной, может быть, из-за пасмурной погоды. Не спасали и огромные окна, перед которыми раскинулся заброшенный бассейн, внося в лесной пейзаж досадный фрагмент запустения. А тут ещё Димка успел поведать, что жизнь в стране тяжёлая, местные – сволочи, а иммигранты все неустроенные и несчастные. Правда, он и в других странах успел пожить, но там тоже плохо.

Такие разговоры как-то не способствовали безмятежности. Да ещё молодая женщина, которую тоже временно приютили в этом доме, рассказала свою невесёлую историю о неудачном замужестве и скандальном разводе. Теперь она вынуждена хвататься здесь за любую

работу, даже самую непристойную, чтобы содержать ребёнка, которого успела вывезти за границу от отца, грозящего лишить её родительских прав и заточить в психушку. «Надо же, как кругом всё плохо! – думала гостья. – И дом почему-то кажется пустым. Где все?»).

Однако дом, производивший впечатление почти пустого, был вполне себе наполнен людьми. Они изредка мелькали в кухне, тихо спускаясь с верхнего этажа, а потом надолго исчезали в своих небольших комнатах и затихали. Как выяснилось, это бездомные, которым некуда деться. Чем они живут, что делают целыми днями?

Как часто бывает в гостях, свободного времени оказалось с избытком, и писательница, помимо прогулок, иногда праздно слонялась по дому и двору. Но не она одна предавалась такому занятию. Ещё слонялись две кошки, собака и мальчик по имени Патрик, сын Герберта и Эльзы. Он находился на домашнем обучении, и каждый вечер Эльза добросовестно отрабатывала с ним школьную программу. Чем ребёнок занимался всё остальное время, было непонятно. Его гостья видела чаще других. Они с мальчиком о чём-то беседовали и даже пытались декламировать какие-то стихи, но...

– Было время, когда мы ни в чём не нуждались, имели достаточно денег, чтобы позволить себе такой большой дом, – объяснил гостье Герберт. – А теперь, можно сказать, отрабатываем это наше бывшее чрезмерное материальное благополучие и разделяем свой дом с теми, кто оказался в бедственном положении. Для моей семьи из трёх человек такое жильё слишком велико. А старшие дети, Энжела и Джейк, уже живут отдельно.

Ясно, что перед гостьей был человек неординарный, склонный глубоко погружаться во всё, за что бы ни взялся. Он принял сан священника и решил реально творить добро. Вот только добро это оборачивается неприятностями. По законам предоставить свою жилплощадь совершенно посторонним людям и остаться безнаказанным не так-то

просто. Посыпались административные письма, потом начались суды и даже аресты. Одно из писем пришло как раз в то время, когда писательница гостила у Адлеров:

«На какие средства живут в вашем так называемом приюте эти бомжи? Если на выделяемое им государственное пособие, то как знать, не сдаёте ли вы часть жилплощади этим людям в аренду и не уклоняетесь ли таким образом от налогов? А если они проживают у вас на ваши средства и вы содержите их сами, то не является ли это основанием для прекращения выплаты пособия данным лицам?».

– Вы видите, какая логика? – возмущался батюшка. – Да, мы действительно из личных средств оплачиваем все коммунальные услуги, закупаем продукты для этих бедолаг, потому что с них взять нечего. Нет бы поощрить, помочь в нашей деятельности, так вот вам, пожалуйста!

Гостья была поражена: человек из благих побуждений взвалил на себя такую миссию, а его травят. Если сдавать жильё внаём ради бизнеса, то уж, конечно, не каким-то неблагополучным и подозрительным лицам, среди которых попадаются и пьяницы, и наркоманы, и ещё неизвестно кто. Какой здравомыслящий пойдёт на это ради наживы? Первое, что приходит в голову, что в таком роскошном поместье можно было сделать пансион для людей с достатком, желающих отдохнуть на природе, попариться в баньке, (благо, она в этом доме имелась) и поплавать в бассейне. А тут ведь, оказывается, и бассейн не без причины заброшен – на эту роскошь уже нет средств.

Но настоящий служитель церкви должен быть далёк от суеты с целью набить себе карманы, и батюшка увлечённо следовал этому принципу.

Матушка, радушно встретив гостью в день приезда, даже не присела со всеми за стол, похлопотала на кухне и исчезла. Как вскоре выяснилось, каждый здесь мог обслужить себя сам, залезть в холодильник, достать... Вот тут вопрос! Что достать, своё или общее? Оказалось, что

своего там не было, всё было общим. И это загадка. Если каждый из постояльцев что-то возьмёт из холодильника или положит туда, как планируется приготовление еды? Впрочем, гостя как-то не замечала строго отведённого времени на завтрак, обед и ужин. Она решила не вдаваться в подробности существования обитателей такого необычного дома.

Батюшка всегда оставался приветливым, невозмутимым, с неизменным чувством юмора:

– В этом доме не всякий день встретишь всех, кто тут есть, но попадётся мне на глаза – получите душеспасительную беседу.

Наверное, это нормальная семья, они живут так, как считают нужным, ведь состоят в браке с самой юности. Значит, ладят. И всё-таки сохраняется странное чувство какой-то недосказанности. На фоне видимого благополучия гостя совершенно бессознательно, поневоле проникалась истинным настроением семьи. Угадывалось какое-то неуловимое беспокойство, невидимая щель, куда потихоньку ускользала радость бытия.

Писательнице отвели прекрасную комнату, и было заметно, что самой хозяйке приятно доставить госте удовольствие. Лишь в это время удалось застать матушку в состоянии оживления, и то на какой-то миг. А в основном ей была свойственна замкнутая озабоченность, если не сказать подавленность.

Такое лицо гостя уже где-то видела. Да, видела – у жены одного раввина, как-то пригласившего её к себе на субботнее застолье. Скромная квартира, просто тесная для такой большой семьи с пятью детьми, по всей видимости, родившихся друг за другом. Странная для неё кухня, разделённая на две части – молочную и мясную – по всей строгости Галахи. Углы, заваленные тряпьем, до которого у многодетной матери не доходят руки... Но главное – какое-то тусклое настроение хозяйки дома. Она молчит, раздаёт еду, но не хватает чего-то в человеке, и всё тут. Может,

раввин на самом деле муж-диктатор? Или виной всему хронически однообразная жизнь? Если однообразно счастливая, тогда ладно, но тут, похоже, с однообразием всё в порядке, а вот со счастьем туго. Почему? Ну, в случае с женой раввина можно допустить, что причина – бытовая замороченность, когда жизнь как движение робота, чётко и бесконечно производящего одни и те же действия. Так живут многие, но не все это осознают, а вот для творческих натур подобный образ жизни губителен. Так может быть, в матушке подавлено творческое начало, которому некогда голову поднять в вечных заботах о таком большом и многолюдном доме? Гостья слышала, что матушка пишет стихи, любит рукодельничать.

Наступил День благодарения с традиционной индейкой. Среди постояльцев дома один оказался бывшим поваром, и его чрезвычайно увлекал процесс приготовления этой птицы. Когда откормленную великаншу разморозили, жилец буквально вцепился в неё, так что индейка сейчас же попала в опытные, жадные до привычного дела руки. Приятно смотреть, а главное – забота с плеч. Но в матушке почему-то не замечалось никакого праздничного подъёма:

– Ох, батюшка меня просто задолбал этой индейкой! Можно подумать, без неё конец света настанет.

Но хозяин просто хотел раз в год сделать своим постояльцам приятное на праздник.

Индейка получилась превосходная. Вечером гостья впервые увидела всех жильцов одновременно за большим кухонным столом, и у неё отлегло от сердца. Нет, всё в этом доме нормально, просто что-то показалось. Наверное, и правда всего лишь осень, дожди...

В дальнейшем писательница с сожалением узнала, что тревожное предчувствие её не обмануло. На этот дом всё-таки свалились большие неприятности. Но самое печальное, что утверждалось, якобы благотворительная деятельность батюшки довела семью до распада, в то время как реальная причина крылась совсем в другом. И вовсе не

благими намерениями устлана дорога в ад; ад пожирает всякие благие намерения.

ПЛЮШЕВЫЙ МЕДВЕДЬ

Всякий человек, наверное, должен представлять или хотя бы догадываться, кто он такой на самом деле. Из всех многочисленных ролей есть одна самая главная, глубинная, неподдельная. Тут уж и правда не имеет значения чужое мнение. Раз говорит человек, что он видит себя так, а не иначе – значит, так и есть!

Герберт не хотел взрослеть. Помните, как было в «Маленьком принце» у Экзюпери? «Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше».

Ему не нравился этот мир разводов и браков, шантажа и лести, заводов и фабрик, тюрем, больниц, кладбищ, притонов, парламентов, а также районных игровых домов.

Он говорил: «Я плюшевый медведь». Конечно, при этом за свою жизнь он успел побывать многим. Кем бы он ни был – подлецом ли, хоть и не чуждым щедрости и благородства; лицемером ли, хоть и откровенным до основания; священником, хоть и отчасти безбожником; бесом, святым, бизнесменом, учёным, профаном, специалистом, шарлатаном, философом, выскочкой, писателем, плагиатором, поэтом, графоманом и много, много ещё кем, но сам-то он считал и верил, что прежде всего он плюшевый медведь. Грязнуля, обжора, но милый и ласковый, как Винни-Пух.

На этом и зиждился величайший диссонанс его бытия. Потому что плюшевый медведь не может быть ни подлецом, ни лицемером, ни святым, ни священником – да вообще никем, кроме себя самого. Плюшевый медведь может быть только плюшевым медведем и никем другим.

Но мир не соглашался с таким определением Герберта, и поэтому тот был обречён на неразрешимый и вечный конфликт.

Никто не мог сказать Герберту, что он не плюшевый медведь – ласковый, наивный, милый. Потому что он сам видел себя именно таким.

Конечно, ему никто не верил. В реальном мире нет места плюшевым медведям.

Он превратил свою избранницу Эльзу в плюшевого зайчонка и любил её так, как не может любить человек. Он боготворил её, создал из неё себе кумира и поплатился за это.

И в этом была самая страшная, самая пронзительная трагедия его жизни.

ЕВАНГЕЛИЕ НЕ ДЛЯ ТЕБЯ

Эльза вполне внятно выражала своё недовольство:

– Послушай, Герберт, что ты от меня хочешь? Ты даже блядью меня назвал (совершенно непонятно, за что) и мокрицей, и плесенью, и ничтожеством, что вообще являлось и является твоим самым откровенным мнением обо мне.

– Прости меня, но ты сказала, что хочешь найти себе другого мужа.

– И вся эпопея с твоим священством – в том же ключе: жажда власти, жажда руководить во что бы то ни стало и всех нас держать в кулаке. И ещё как можно больше народа туда засунуть. Только кроме нас никто не торопился – приход твой был пуст.

– Приход – не бизнес и не должен славиться количеством прихожан. И власти я никакой не хочу. Нас многие знают, и с тобой не согласятся.

– То, что у тебя четыре тысячи друзей в «Фейсбуке», ничего не говорит, кроме плохого. Виртуально морочить

людям голову гораздо легче. Ну, несколько лет попритворялся и хватит.

– О чём ты? За эти годы у нас побывало более тысячи человек, и жили у нас в доме совсем не виртуально. Уж они бы точно заметили, что я хочу власти, и говорили бы об этом. Но так говоришь только ты!

– Как ты мне сказал? Религия была создана, чтобы держать народ (то есть меня, видимо) в узде.

– Я говорил об этом с сожалением... И вовсе не хотел держать тебя в узде.

– Не получилось с уздой – в помойку её. Всё забыл, что от священства поимел когда-то: и чудеса, и возможности бесов гнать в самом начале «карьеры». Всё прекратилось, когда другой священник, который помог тебе принять сан, стал врагом номер один. Даже уже вспомнить не могу, за что ты с ним поссорился.

– Он не стал врагом. Просто по своей прихоти решил развалить приход, наживался на всём что можно, а когда я возразил, подмётными письмами пытался лишить меня сана.

– С ним ты не сохранил отношений даже после примирения в алтаре, через митрополита.

– Да я бы рад, но он и сам не пожелал со мной общаться. Украл у нас двенадцать томов богослужебных книг! Пришлось их покупать заново.

– Какой бы он ни был человек и священник, он твой брат во Христе. Но для тебя это пустой, ничего не значащий звук. Евангелие написано для других, чтобы ты им растолковывал. Когда оно касается тебя, ты находишь себе тысячу оправданий, можно даже отказаться от венчанной жены.

– Я не отказывался от тебя. Ты сама ушла!

– И ты не постыдишься сказать это в церкви другому священнику, которому так или иначе исповедовался несколько лет. Вернее, писал списки своих грехов мелким почерком на нескольких страницах.

– Я старался как мог.

– Может, для Патрика и особенно для Джейка ты создал вокруг себя духовную атмосферу?

– Но Джейк сам вёл себя ужасающе, приводил пьяные компании в наш дом при храме, а я только тихо возражал, не гнал его. Как тут создать духовную атмосферу?

– Ты очень любишь Патрика. Что ты сделал для сына в его интересах? Построил ли дом, где он может спокойно жить, чтобы к нему никто не приставал ежеминутно, чтобы он не наблюдал пьяные драки и разборки день за днём?

– Если бы ты не провоцировала постояльцев, у нас бы и драк не было. Эльза, ты сводила жильцов с ума своей желчностью.

– Тебя интересовал только уровень твоей жизни, свобода для авантюры, ширина твоей аудитории и глубина власти. Ты жил, исходя исключительно из этих параметров. И требовал, чтобы все мы – и я, и дети – слепо и покорно шли за тобой. Потому что ты – капитан. У матросов права голоса нет и быть не может. И уволиться с твоего корабля нельзя – это предательство. А то, что ты творил, – это не предательство?

– Я всегда предлагал снять отдельную квартиру для семьи. Но тебе эта идея не нравилась. Почему-то тебе обязательно нужно было разрушить приют и храм вместо того, чтобы просто тихо отойти в сторону, жить отдельно со мной нашей обычной семейной жизнью. А в приют я ходил бы как на работу, а ты вообще могла бы там не появляться. И теперь ты меня лишаешь возможности общаться с сыном. За что?

– С Патриком ты будешь общаться, только если он захочет. Его отчуждение – дело твоих собственных рук, я говорила тебе это давным-давно, ещё когда мы вместе жили в твоём доме, когда ты заходил в его комнату и орал на меня и на него заодно часами.

– Если я и говорил что-то резким тоном, то от отчаяния. Я не мог понять, почему всё, что бы я ни делал, ты считала

неверным. Сама же ничего делать не желала, только возмущалась и критиковала.

– Патрик пытался что-то сделать, чтобы прекратить твои наставления и этот кошмар, но ты был на коне, тебе было не до нас. Ты точно знал, как надо жить: кого приводить в дом, как я должна угождать тебе и всем бродягам под чёткую дробь твоих распоряжений. И после того как мы ушли, ты не сделал ни одного движения, чтобы договориться. Ты поехал в монастырь, наверное, становиться игуменом, ведь для простого монаха корона великовата. С игуменством не прошло, там сами все игумены. Альтернативой были только проститутки.

– Я не спал с проститутками! У меня вообще никогда не было женщин, кроме тебя! Я пытался спасти падших женщин, и многих отвратил от этих занятий.

– Вернуться обратно, служить на месте, попытаться всё сохранить и вернуть – невозможно. Ничего ведь не произошло, всё можно было восстановить. Я у тебя под мышкой, дом твой не унесла. Даже если бы там проживало мало людей, тебе бы продолжали помогать.

– Дом был разрушен тобой, о чём ты говоришь!

– А со мной договариваться – гордыня из ушей лезет: как это я, твоё домашнее животное, мокрица и ничтожество, поломойка и доярка, смела тебя, такого талантливого и неотразимого, бросить. Я должна была ниже грязи сидеть и ждать, когда ты себя и меня окончательно засадишь в тюрьму своими авантюрами, а Патрика – в приют. Или свечку держать тебе с какой-нибудь бабой, а сын будет это наблюдать. Или на улицу вышвырнешь – ты ведь хозяин всех и вся и всегда делал только то, что хотел.

– Ну, странно так говорить при твоём сегодняшнем образе жизни. Сама рассказывала, как ты с тремя разными мужчинами, без любви, только по воли похоти...

– Потраhalась, получила свою дозу счастья и живу дальше. Не так, как ты, с твоим лицемерием. С одной стороны, ты всех заглаживал и задаривал, чтобы они были

довольны. Потом меня и старших детей посадил на антидепрессанты и держал так много лет, хотя препараты изначально выписывали тебе, когда ты уже ходить не мог от внутренних противоречий.

– Да, но оказалось, что эти лекарства снижали твоё либидо и хоть как-то сдерживали развратную страсть. Ты ведь обманывала меня, что интим тебя не интересует!

– Интим с тобой меня не интересовал.

– Ты отказалась от таблеток и слетела с катушек.

– Но и тебе тоже прикрывать уже нечего, ты чётко выбрал свой любимый шаблон поведения а-ля твоя мама – всех материть и требовать любви, послушания и благодарности. Так что не только моя семья такая страшная: они, мой отец и дед, хотя бы разошлись по разным углам и не тиранили друг друга всю оставшуюся жизнь. Твои же ненавидели друг друга на близком расстоянии. Одной ненависти твоей мамы к свекрови или собственному брату хватило бы на небольшой город, не говоря уже о ненависти между ней и твоим отцом. Ей, как и тебе, всё время необходим был враг, она никогда не брала на себя ответственности за свои взбрыки, всех колотила и физически, и словесно без остановки. Я думаю, диагноз у вас общий, и факт, что я столько лет прожила в мире с вами обоими, не говорит об его отсутствии. Когда власть оказывается не такой сладкой или вовсе ускользает из рук, вы сжираете всех вокруг без разбора. Она – своих детей и мужа, ты – своих детей и меня. Отец твой ещё у нас в доме орал со слезами, что ему надо было с ней сорок лет назад развестись. Так что у тебя наследственность тоже ещё та, есть чем похвастаться.

– С этим я не спору, родители у меня были сложные. Но я, ей-богу, не ищу себе врагов!

– Ты говоришь мне, чтобы я не питала иллюзий, что ни о каком восстановлении супружеских отношений со мной не может быть и речи.

– А ты предлагаешь мне стать твоим четвёртым мужчиной?

– Ты говоришь о том, что желаешь добра и о восстановлении отношений если не со старшими детьми, то хотя бы с Патриком.

– А что же в этом плохого? Я не думаю, что твоё влияние пойдёт сыну на пользу, особенно учитывая твою личную жизнь.

– Моя личная жизнь – совершенно не твоё дело. И уж тем более никак не дело десятилетнего мальчика, которому вообще рано знать о близких отношениях между мужчинами и женщинами. Ты говоришь, что я манипулирую системой, детьми, твоим братом, общими знакомыми, чтобы манипулировать тобой. Послушай, что я тебе отвечу. У меня никогда не было к тебе ревности, включая твою женщину, с которой ты живёшь сейчас. Наличие или отсутствие у вас интима никак не меняет дела. Я охотно поверю, что вы живёте как брат и сестра. Хотелось просто понаблюдать, как ты будешь себя вести и чего от меня требовать в случае восстановления отношений. Все вокруг мне говорили, что будет намного хуже, чем было до разрыва. Я не верила. Думала, что в тебе есть что-то хорошее, что-то доброе и справедливое, остатки если не любви, то милости. Но их нет! И видимо, и не было никогда. Одно враньё длиной в двадцать написанных тобой томов и тридцать лет.

– Враньём занималась как раз ты все эти годы.

– То, что ты пытаешься создать сейчас – это новая аудитория из твоей женщины и Патрика. Так вот, Патрику морочить голову тридцать лет, как мне, у тебя не получится. Он будет видеть тебя таким, какой ты есть, сразу. Остановись на варианте аудитории поклонников из одной твоей женщины, насколько у неё терпения хватит, конечно. А теперь можешь вредить и мстить мне, сколько тебе заблагорассудится.

– Я вовсе не собираюсь тебе мстить.

ТЫ РАЗРУШИЛА НАШ МИР

– Эльза, ты разрушила наш мир, мой мир до основания и невозстановимо. Ты разрушила меня, словно с дулом у виска принудила рухнуть в бездну. Придала кислый, тошнотный вкус всему, что было до сих пор в моей жизни. О, лучше б ты меня убила, отравила или как угодно!

Наш ласковый лес опустел и обуглился.

Не знаю, какая дьявольская сила могла подвигнуть тебя на такую безжалостную подлость, настоящее насилие. Ты лишила меня дома, семьи, детей, смысла жизни – всего, чего только можно было меня лишить. Ты меня лишила меня самого. Меня больше нет. Ты не просто уничтожила семью, ты стёрла саму идею меня, сам принцип, саму мою первооснову.

Все самые страшные преступления, самые отвратительные гнусности оправдываются самозащитой – например, как комитет общественного спасения, как высшая мера социальной защиты. И это неудивительно.

С чего ты взяла, что я собираюсь причинить вам какой-нибудь вред? С самого начала истории я ничем не выказывал таких намерений, я послушно подписывал документы и выполнял все твои просьбы. Пока что вред причиняла мне только ты. Зачем так жестоко, так неотвратимо поступать с человеком? Особенно если учесть, что воображаемые тобой действия, от которых ты себя защищаешь, никогда не произойдут.

С чего ты взяла, что я собираюсь вам мстить? Ведь вы – мои кровинушки. Как же я могу желать вам вреда?

Но ты не веришь и оправдываешь этим свою жестокость, применяя ко мне высшую меру социальной защиты, практически уничтожая меня. И самое обидное – я не помню, чтобы за тридцать лет ты была настолько жестока с кем-либо ещё.

Да, твои опасения можно понять. Стоит допустить меня, дать мне возможность говорить, как все твои доводы рассыплются, словно карточный домик. Поэтому нужно заставить меня молчать. Но не даром говорят: если любишь – отпусти. Значит, таким образом я проявляю наивысшую степень своей любви к тебе. Я тебя отпускаю.

Ты имеешь дело с выдуманным тобой фантомом. Более того, что бы сейчас ни случилось в твоей жизни, ты будешь подозревать, что это результат моих злых намерений или проклятий. Ты глуха на своём пьедестале самозащиты.

Конечно, в молодые годы я был довольно мстительным человеком, безжалостным в бизнесе, преследующим своих обидчиков и конкурентов. И теперь ты предположила, что, отойдя от Церкви, я вернусь к своим старым взглядам. Но к вам это не относится! Впрочем, для меня в любом случае не будет возврата к прежнему: идея мести мне опротивела, хотя твоя клика во главе с вашим новым родственником – инспектором, разрушившим нашу церковь и жизнь, – более чем заслуживает отмщения. И всё же вам нечего опасаться.

Ты приняла мою веру за слабость, как это часто бывает. Тебе было плевать, что людям, жившим у нас в доме, наша помощь была нужна как воздух; в свою очередь, люди, жившие у нас в доме, сами были необходимы мне как воздух. Потому что увлекаясь бедами чужих, я забывал собственные несчастья. Теперь мне этого сильно не хватает, хотя и кажется, что многое сделанное нами было абсолютным безумием. И действительно, без крепкой веры всё совершённое не имеет никакого смысла. Даже больше: как оказалось, это не имеет смысла и с верой.

В прежние годы я прилагал максимум усилий, чтобы обеспечить родных всем, в чём они только могли нуждаться, исполнять их самые сложные фантазии. Но что бы ни делалось, что бы ни происходило, всё оказывалось ненужным, излишним, не востребованным. Стоило чему-нибудь пойти не так, и я всегда оказывался в этом виноват.

Впрочем, вы были недовольны, даже когда дела шли как надо.

По твоей логике получается, что в своей новой прихоти обратиться к церковной жизни я вновь попытался дойти до некоего безумия и, соответственно, опять оказался неправ, теперь уже навсегда.

Но главным обвинением против меня можно считать утверждение, что я не способен на любовь, что всё испытываемое мною по отношению к жене и детям – не глубокое чувство, а холодный расчёт или некая иллюзия. Однако утверждать такие вещи нельзя, потому что у любви нет стандарта. Конечно, есть Божественная любовь, но о ней мы сейчас говорить не будем (потому что она требует добровольного самораспятия и настолько граничит с оголтелым садизмом по отношению к тем, кого любит Бог, что тут недалеко и до ереси).

Я говорю о любви обыкновенной. Заявление, что человек не может и не умеет любить, мне кажется бессмысленным. Только сам человек может сказать, что в его понимании есть любовь, испытывает он это чувство или нет. Я верю, что любил всецело, всепоглощающе. Я отдавал себя всего, испытывал самую ласковую нежность, какую только возможно вообразить. Я придумывал чудные названия своим домочадцам, всячески баловал их, ласково внимал каждому их слову. В чём ещё должна проявляться любовь?

В свою очередь, члены семьи тоже заявляли, что любят меня. Любят, но ненавидят всё, что связано со мной, – моё священство, моё творчество, мой дом, библиотеку, моих друзей, бизнес, моё прошлое, настоящее и будущее – всю мою жизнь.

В этой ситуации взаимные обвинения в нелюбви не имеют никакого смысла. Конечно, если применить светские мерки, я кажусь безумным фанатиком: пустил к себе наркоманов, разрушил дом. А если оценивать по меркам христианства, то как же поступать иначе? Разве можно проповедовать одно, а совершать другое? Как может

уживаться любовь к ближнему вместе с лютой ненавистью к нему?

В этом и есть наше с тобой различие, Эльза: я не могу жить, когда меня раздражают противоречия, а ты даже не замечаешь этих расхождений и несоответствий.

По твоему мнению, я сделал всё это, чтобы довести ситуацию до абсурда и тем самым сбросить с себя бремя семьи. По твоим словам, я использовал христианство, чтобы наносить им удары тебе по голове, доводя все предписания до буквального исполнения: «Раздай всё, возьми крест и следуй за мной». Я создал для тебя невыносимые условия существования, приводил в дом наркоманов, алкоголиков, сумасшедших, подвергал тебя и ребёнка опасности. Я будто сошёл с ума; но в действительности совершал эти действия намеренно и целенаправленно, чтобы избавиться от жены.

Конечно, можно принять к рассмотрению и такой вариант. По твоему мнению, во мне никогда не было веры, я просто уцепился за православие как за средство освобождения себя. Но зачем нужно было выбирать такой сложный, долгий путь длиной в девять лет? Путь страданий, лишений, ощущения себя абсолютным идиотом? Наверное, это всё-таки была настоящая вера.

Не зря апостол Павел говорил, что вера наша для эллинов – безумие, а для иудеев – соблазн. Наша вера – безумие. Нужно либо придерживаться её, либо вообще не ступать на этот путь.

Но что тут можно поделать? Трудно представить себе более пошлого положения, чем то, в котором оказался я. Наверное, поэтому католическим священникам запрещено жениться. Ведь семья – это всегда своеобразная группка людей, тянущая всё себе в коробочку, откладывающая только для себя, неспособная на самопожертвование. И как бы православные ни клеймили и ни ругали католиков, видимо, те приняли правильное решение о безбрачии своего священства.

Теперь ты освободилась от меня и теперь ты – солнце в своей вселенной. Если говорить о власти, то ты её получила сполна. Отныне всё исходит и возвращается к тебе. Сейчас ничто не мешает тебе жить так, как ты считаешь верным. И я не буду критиковать плоды этой жизни, хотя они весьма очевидны. Младший сынишка увлекается играми, где чудовища вырывают друг другу сердца, а старший посещает психиатров, и живёте вы в таком же районе среди наркоманов и их детей – мало что изменилось! И это только то, что мне известно. О том же, что от меня сокрыто, мне остаётся только догадываться.

Казалось, что между нами никогда в полной мере не было понятия «вместе», понятия «мы». Другие пары переживали войны, голод, тюрьмы, концлагеря, эпидемии, нашествия инопланетян – что угодно и при этом оставались вместе. Тебя же сломила обыкновенная зависть к тому, что другим незаслуженно хорошо в твоём доме. Ты сама говорила о себе в минуты прозрения: «Я разрушила нашу церковь! Я старая завистливая дура!».

Для меня ты и дети составляли стержень моего существования. И когда я лишился его, жизнь потеряла всякий смысл.

А ты всегда блюла некий собственный интерес, мало мне доступный, непонятный. Богомолочка! Не зря ту пакостную козявку называли самкой богомола. Вот ты и загрызла своего самца.

Ты вышла победителем в войне, которую я не вёл. Я не боролся и не жаждал власти. Просто кто-то должен был что-то делать. И этим кем-то всегда оказывался я. Я делал всё, но только не воевал с тобой. Нетрудно выиграть, когда противник не нападает и не оказывает сопротивления. За исключением нескольких приступов бешенства, которые можно пересчитать по пальцам, я не сделал ничего дурного – так, немного покричал в телефонную трубку да написал дюжину сердитых стихов. Произошло это в момент, когда твои действия и слова стали настолько вопиющими, что

никакое ангельское терпение не помогло бы их выдержать. Даже когда я тщетно пытался спасти церковь и нужна была твоя подпись, ты по-прежнему блюла свою пользу.

Впрочем, всё равно, после того как ты переступила порог нашего дома и ушла, уже ничего нельзя было изменить. Все мои усилия были напрасны. Также я отчётливо понимал, что и остановить тебя мне не удастся.

Договариваться с тобой было бесполезно. Ты бы обманула меня и, приблизив, добила бы окончательно. И ты это знаешь.

Вера и любовь несовместимы с лицемерием. Ты обвиняешь меня во лжи, но я говорю то, что думаю, – до самой подноготной, самой правдивой сути. Я же не обвиняю тебя ни в чём и не надеюсь на суд Божий. Тот, кто так несправедливо поступил со мной при жизни, вряд ли рассудит лучше после смерти. Да, и хороша ложка к обеду.

Любовь делает человека слабым, но в то же время и сильным; беззащитным и в то же время защищённым.

Беззащитным – оттого, что человеку всегда есть о чём беспокоиться – о предмете своей любви. Любящему человеку всегда есть что потерять. Защищённым – потому что у человека всегда есть тот, кто все свои молитвы и заботы обращает ему на благо.

Человеческий разум оправдает и объяснит что угодно. Поэтому ни оправдания, ни объяснения не имеют никакой ценности. Ещё меньше смысла несут слова о любви и желании примириться в то время, как действия говорят совсем о другом.

Я никак не ожидал, что ты так поступишь со мной. Конечно, в ответ мне тоже следовало совершить неожиданные для тебя поступки, и я сделал это. Но если все твои действия оказались направлены против меня, то я всего лишь пытался сохранить свою жизнь и построить её заново.

Отсутствие любви делает человека неуязвимым и совершенно беззащитным.

Неуязвимым – потому что нечего бояться потерять; беззащитным – потому что незачем жить.

ТЕМНИЦА, О КОТОРОЙ ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ

Старшему сыну Джейку тоже было что сказать Герберту:

– Какой бы ты ни решил сделать следующую главу своей жизни, знай, что ты остаёшься моим отцом. Если ты объявишь себя банкротом, найдёшь работу на полную ставку и запишешься на приём к психиатру, я помогу тебе снять квартиру и купить подержанный автомобиль. В противном случае будь осторожен и знай, что в моём сердце нет ненависти к тебе. Мне жаль тебя и я тебя люблю.

– Послушай, Джейк, я всю жизнь работал так, как тебе и не снилось, у меня три работы, и помогать мне искать четвертую не надо. Ты предлагаешь устроить мою жизнь при том, что до сих пор тебе ни разу не удавалось устроить свою! Если всё дело заключалось бы в жилищном вопросе, то это было решаемо! Я не мог жить в трёхэтажном доме только с моей семьёй из трёх человек, зная, что другие нуждаются в еде и приюте. Этот дом я построил для вас. Я надеялся, что вы с сестрой приведёте в него своих супругов, и мы будем жить каждый на своём этаже, но в то же время вместе. Мы с Эльзой нянчили бы внуков, и ей не нужно было бы заводить зверьков, чтобы утолить материнский инстинкт. Тогда не нужно было бы никого приглашать жить в наш дом. Но помнишь, как было в Евангелии? Когда на пир не пришли друзья, хозяин дома позвал бродяг!

Но с Эльзой дело оказалось совсем в другом. Она никогда не хотела такого дома и отвадила вас от него. Я не мог продать дом, потому что при нём уже была построена церковь, а священники не продают церковь! Это святое место, которое имеет свою собственную жизнь! Хотя из-за вас церкви больше нет. Я пытался отделить семью от

приюта. Как ты помнишь, мы переезжали в отдельную квартиру и жили там восемь месяцев. Но твоя сестра, достойная последовательница матери, устроила скандал в приюте и всех разогнала. А отдельной квартирой мама тоже была всё время недовольна. Между прочим, туда ты привёл девочку с улицы, поселил её на полу. Достойный поступок! Если бы ты с ней не переспал.

– При чём тут это?

– А при том, что ты относишься ко мне с двойными стандартами. Тебе можно блудить, пить, курить дурь, а меня ты осуждаешь за то, что я попытался устроить свою жизнь, когда мама бросила меня. По-твоему, это нормально, что мама и Патрик оставили меня, к тому же вот так, обманом? А должны были взять меня с собой. И это ты называешь духовностью?

– Я помню, как ты послал меня вместо себя на всецерковную конференцию. Я очень не хотел ехать, но это оказалось очень важно для меня. Я встретил таких людей и пережил такое, что не мог себе и представить. Это именно то, что мне было нужно, и я благодарен, что был удостоен такой чести, что ты и мама позволили мне выступить с отчётом о вашей церкви и приюте. Так много любви и хороших слов было сказано о тебе и маме! Так много людей вспоминает вас и восхищается! Я понимаю, во что ты веришь. Я понимаю безусловную любовь, которую ты проповедуешь. Я понимаю, на чём основывалась идея твоего приюта. Но ни один отчёт, представленный на конференции, не говорил о том, что кто-то ещё делал то же самое, что и ты. Думаю, потому, что совершённое тобою – невозможно. Невозможно принять и любить всех в твоём доме, потому что только святые способны на это.

– Как ты можешь говорить, что это невозможно, если я прожил так девять долгих лет? Тогда скажи, что и явление Христа на три евангельских года было невозможным! А мы продержались в три раза дольше!

– Ты уподобляешь себя Христу?

– А разве ты не знаешь, что священник должен стремиться к подобию с Христом, и потому к нему в былые времена обращались «ваше преподобие»? Преподобие кому, как не Христу?

– Я считаю, что любовь, о которой ты говоришь, – это только половина любви. Я думаю, что любовь, о которой рассказывал Иисус, заключалась не только в том, чтобы позволить прокажённому поселиться в вашем доме, но и в том, чтобы очистить его кожу от проказы. Я думаю, если бы какой-нибудь священник сделал бы то же самое, что и ты, – открыл приют в своём доме – у него были бы такие же слёзы и разлад в семье. Потому что мы не святые. Мы грешники. Я думаю, что стиль жизни, который ты установил в своём доме, не только мешал твоему младшему сыну и жене; полагаю, это также наносило ущерб и твоей душе. Да, Бог послал тебе этих людей. Но ты звал их через газеты! Ты кричал буквально с крыши во все стороны, что двери твоего дома открыты. Да, Бог послал эту женщину с ребёнком в неоплаченном такси, за которое ты рассчитался, и из-за неё мама поссорилась с тобой. Но ты же когда-то помог ей, проститутке, вернуть ребёнка, не зная, кем она была.

– Я отвратил её от занятия проституцией.

– Поэтому она и не могла оплатить проезд! Ты спасал жизни. Да, ты многим помог. Но эти жизни спасены волей Бога. Не твоей волей. Мы не святые. И Бог будет показывать нам, что мы не святые, через людей, с которыми мы не справляемся, через стихийные бедствия; через Патрика, ставшего свидетелем тех ужасов, которых не должен видеть ребёнок.

– Ты думаешь, что дети, живущие в обычных семьях, никогда не сталкиваются с пьянством?

– Как наша мама, которая была нежной, терпеливой, милой женщиной, превращается в опустошённого человека и пробивает в ярости дыры в стенах! И будет становиться только хуже. Всё для одного урока: ты не святой!

- Я не считаю себя святым!
- Ты был молодым священником, который изучил всё по книгам.
- Я изучил Евангелие не только по книгам, но и на собственной шкуре!
- Твоя гордость ослепляет тебя и заставляет думать, что ты знаешь вещи лучше, чем Бог.
- А ты считаешь, что это не твоя гордыня заставляет тебя говорить с отцом так, будто ты митрополит, а я молодой священник?
- Разве Бог просил тебя приглашать регентшу ещё и второй раз, когда с первой не получилось?
- Правильно, ты заморочил первой регентше голову, а когда не удалось переспать с честной девушкой, унизил её и нашёл другую, более сговорчивую.
- Бог показывает, что тебе предстояло пройти долгий путь. Он показывает тебе это, когда ты теряешь семью.
- Я люблю свою семью и не понимаю, почему должен её терять!
- Вопрос не в том, как ты можешь любить незнакомцев больше на и не в том, почему ты выбираешь их, а не нас. Вопрос в другом: как ты любишь незнакомца, когда твоей любви не хватает даже на то, чтобы сохранить свою семью?
- Я вас люблю!
- Твоя жена не верит, что ты её любишь. Почему она должна в это верить? Потому что ты заводишь животных, когда ей хочется с ними возиться, и избавляешься от них, когда она устаёт? Она больше, чем просто женщина, которая нуждается в домашнем животном, чтобы было чем заняться. Она была твоим инструментом, твоей правой рукой.
- Ну и оставили бы меня в покое в моём приюте! Зачем надо было всё разрушать?
- Ты говоришь, что мы не выживем без тебя. Думаешь, ты выживешь без нас? Она любит тебя. И доказательство состоит в том, что она прошла с тобой через всё это.

Проблема в том, что ты не умеешь любить. Потому что думаешь, что исцеляешь от проказы, а на самом деле заражаешь проказой себя и всю свою семью и притворяешься, что наш дом не прокажён.

– Твой пример с проказой неверный. Ты исходишь из того, что мы изначально были не прокажённые, потому что считаешь нас лучше тех, кто приходит к нам жить. Это не так. Они не могут нас заразить проказой, потому что у нас она уже есть. Разве мы не совершаем те же самые грехи, что и они? Или если наши грехи другие, разве это меняет дело? На протяжении веков все прокажённые собирались вместе, чтобы жить в лепрозории, так что в этом нет ничего плохого. Зря вы с мамой думаете, что эти люди грязные, а вы чистые, поэтому вы их избегаете, это неправильно. Потому что каждый, кто приходил к нашему порогу, был сам Христос. И, презирая и избегая их, вы избегали Христа.

– Я страдаю от тех же грехов, что и ты. Я – это ты. Я говорю, что люблю, но не чувствую этого в своём сердце. Моя гордость ослепляет меня. И когда это происходит, я не вижу, что же делаю неправильно. Самая опасная темница – та, о которой мы не подозреваем. Я знаю, что ты это знаешь. Я знаю, что мы говорили об этом раньше. У тебя такая же гордость, но по-другому. Ты не святой и никогда им не будешь!

– Ещё одна ошибка – говорить, что мы грешники, а есть святые, и это совсем другие люди. И святые, и грешники сделаны из одного теста. Святыми не рождаются, святыми становятся. Все святые – тоже грешники. Разница в том, что святые могут видеть свои грехи и пытаются избавиться от них. Жизнь во Христе – это путь к святости. На небесах нет неслепых. Там одни святые. Говоря, что грешники не должны стремиться достичь святости, ты лишаешь их неба и готовишь им ад, в котором, впрочем, мы с тобой и очутились. И последнее, но не менее важное: ты был очень далёк от того, что я делал, очень редко говорил со мной. А я ведь был как-никак священником. Ты просто съездил на

церковную конференцию в мир, совершенно тебе чуждый, и сделал целую кучу ложных выводов. Да, я горд, да, я грешен, я ничтожество, но ты не в состоянии давать мне духовные советы, это не хорошо ни для меня, ни для тебя. Всякий, кто утверждает, что следовать за Христом можно в чистой рубашке, без боли, без стонов – лжец. Ты должен был искать духовного совета, а не давать его. Но теперь поздно об этом говорить. Ты и мама не любите меня.

– Я люблю тебя. Я люблю тебя так сильно, как грешник вообще способен любить, – ответил Джейк холодно, и это был их последний разговор.

БЕДНАЯ ЭЛЬЗА

Описывая жизнь, как ни старайся, всё равно получишь пошлую анкету: родился, побрился, умер. Чтобы разобраться в происходящем, необходимо углубиться в историю.

Супруга Герберта Эльза Адлер родилась в семье так называемой рабочей интеллигенции. Её отец всего в жизни достиг сам, был трудовым садистом, доводил себя и других до иступления, выбился в люди и стал весьма успешным человеком. Немалую долю его успеха можно было объяснить лицемерной способностью уживаться с системой, делая при этом вид, что остаёшься принципиальным до истеричности человеком. Заграничные командировки, руководящая должность и очень высокая зарплата сделали своё дело: отец задрал нос, тогда как мама Эльзы паслась на вторых ролях. Дочка росла избалованной, хотя родители были чрезвычайно придиричивы к ней и её старшему брату. Сегодня лучшим и правильным для них был сын, а дочь – плохой и негодной, завтра же всё оказывалось наоборот. Эта традиция осталась на всю жизнь.

Эльза была довольно смазливой девочкой и не избежала насилия. Весьма рано познав вкус чувственных утех, она

охотно им предавалась. За первые двадцать лет жизни девушка попробовала минимум полтора десятка мужчин. Её первая любовь, как это часто случается, завершилась предательством со стороны парня, и, когда попытка свести счёты с жизнью не увенчалась успехом, Эльза пустилась во все тяжкие. Попойки в разнузданных компаниях нередко заканчивались дурно. Впрочем, в России того времени это было нормальным.

Странно, что, будучи матушкой, она горячо осуждала других за пристрастие к алкоголю и разнузданному поведению. А какими мы сами были в молодости? Нет святее святош, чем бывшие блудницы. Но ещё большие святоши – блудницы будущие.

Эльза рано забеременела и, по сути, вышла замуж за первого подвернувшегося парня. Брак был заключён уже на энном месяце беременности. Эльзе пришлось уйти из института, который для неё выбрала мама по причине близости расположения от дома. Началась нескончаемая череда пелёнок и стирок. Мужа девушка не любила.

Ей удалось вырваться в другой институт, где Эльза и прибрала к рукам наивного, неопытного Герберта. Молодому человеку было всего семнадцать лет, в то время как Эльза уже стала матерью полугодовалой Энжелы.

Герберт влюбился в Эльзу без памяти. Будучи инфантильным мечтателем, на простое предложение переспать он зачастил:

– Нет. Я могу только навсегда! Если я полюблю, то не хочу, чтобы это когда-нибудь кончилось! Я этого не перенесу.

Эльзу умиляла эта наивность. Ведь Герберт пытался хорохориться, а тут оказался таким смешным.

Эльзу ничуть не смущал тот факт, что она изменила первому мужу, а Герберту всё было безразлично. Он мог влюбиться в любую, которая поманила бы пальцем.

Тумаки родителей и сверстников развили в юном Герберте такой комплекс неполноценности, что он мёртвой

хваткой вцепился в свой первый чувственный опыт, словно других вариантов и не могло быть, и не ослаблял её тридцать лет. Но если обернуться назад, Герберт и Эльза, наверное, плохо подходили друг другу.

Герберту была нужна наивная девочка. Он подумал, что Эльза такая. И как-то в пылу признания поклялся: «Я тебя никогда не предаю!». К его удивлению, Эльза рассердилась. «Никогда не говори никогда!» – раздражённо ответила она.

Герберт принял за аксиому слова, сказанные Эльзой о её первом муже: он, дескать, ни рыба, ни мясо, потому что не пришёл забрать молодую жену из роддома и не смог купить шкаф, и девушке пришлось приобретать мебель самой.

Герберта не смутила ни скудность обвинений, ни тот факт, что гуляли они с Эльзой исключительно на деньги мужа.

Трудно сказать, что Эльзу привлекло в Герберте. Он был увальнем, хоть и остроумным. Едва ли девушка поначалу имела на него серьёзные виды. Герберт же, хоть и был влюблён, совершенно не представлял себе брака, в особенности с замужней женщиной, имевшей ребёнка.

Трудно не заметить параллели между судьбой Герберта и тем, что случилось с первым мужем Эльзы. Герберт никогда не задумывался, как же тот, должно быть, страдал, когда его ребёнка увезли и не оставили надежды вновь увидеть! Его дочери на тот момент было всего три года.

Герберт знал первого мужа Эльзы и помнил, как мужчина держал девочку на руках, учил слову то ли «шимпанзе», то ли «гамадрил» и очень смеялся. Потом строго взглянул Герберту в глаза и сказал, что за жену и дочь убьёт кого угодно. Эльза упоминала ранее, что однажды супруг от ревности чуть насмерть не покалечил кого-то отвёрткой, которая потом стала предметом страхов и шуток об обманутом муже.

С первым супругом Эльзы Герберт познакомился и несколько раз встречался на общих вечерах в компаниях. Тот заведовал местным клубом, или домом, культуры,

занимался переписыванием кассет, копированием книг и документов. Тогда в Советском Союзе с ксерокопиями была проблема, и человек таким образом зарабатывал.

Сейчас Герберту было странно, что он никогда не задумывался, какую боль причинил человеку своим поступком, тем более на тот момент чужой ребёнок ему был совершенно не нужен. Герберт отобрал то, в чём абсолютно не нуждался, а человек потерял то, за что был готов убить. Все годы жизни Герберт не осознавал этого, а к пониманию пришёл совсем недавно, перед случившимся. Стоило осмыслить события, как то же самое произошло и с ним.

Христианство предполагает очень серьёзную работу над собой, выявление грехов, осознание обиды, нанесённой ближнему. Это непрерывный процесс, в ходе которого приходишь к пониманию, как же сильно ты был неправ, считая какие-то вещи совершенно неважными, незначительными. Иногда это лишь иллюзия. Когда отходишь от такого чувства и состояния, то возвращаешься к прежним взглядам. Может быть, это самокопание и самоедство иллюзорно.

Сейчас, когда у Герберта отобрали ребёнка, он испытал такие же эмоции, как первый муж Эльзы. И, остыв, вдруг осознал, что сам послужил тому причиной. Конечно, можно во всём обвинить жену. Но он отчётливо помнил, что чрезвычайно враждебно относился к бывшему супругу Эльзы.

Воспоминания девочки о папе были очень свежи, когда она говорила о нём, Герберт злился, запрещал. Она пыталась прибегнуть к шантажу: «А папа покупал мне это, делал то». Конечно, тогда Герберту было всего 18–19 лет, но всё равно это не оправдание.

После этого осознания Герберт постоянно поражался удивительной мстительности Бога. Господь ничего не готов спустить, сделать в лёгкой степени. Герберт осознал свою

вину – необязательно же было так его наказывать, снова тыкать носом. Разве понимания не достаточно?

Но дело в том, что наши искушения – это операция, которая необходима, чтобы нас спасти. Операция неизбежна. Тот, кто проходит её с молитвой и верой, словно получает болеутоляющее, а тот, кто без – страдает неимоверно.

Герберт думал: не правда, когда говорят, что тем, кто крестится, прощаются все грехи. Памятуя об этом, Герберт с супругой считали, что грехи им автоматически списываются. Более того, если кто-то случайно нарушил заповеди ещё раз или не осознал чего-то, потом можно исповедаться, и грехи снова будут отпущены, Бог не поставит их в вину!

Но бесконечная школа жизни заставляет побывать во всех положениях. Если ты кого-то угнетал, то обязательно будут угнетать тебя; если был богатым – станешь нищим. Если ты был плохим сыном, предал отца, то и твой ребёнок поступит так же. Зачем такая скрупулёзная мелочность?

Итак, в какой-то момент Эльза решила, что всё же выйдет за Герберта замуж, и, преодолев невероятные сложности, молодые парень и девушка стали одной семьёй.

Родители с обеих сторон упорно раскачивали лодку, тянули каждого супруга в свою сторону. Особенно старались родители Эльзы. Они истово ненавидели как жену своего сына, так и мужа своей дочери. Для них не существовало на свете людей хуже.

Иногда отношения между Гербертом и Эльзой висели на волоске, но всё же любовь преодолевала преграды. Основным противоречием пары был спор следующего характера. Эльза считала, что жить надо обыкновенной жизнью, в ней без труда угадывалась психология поломойки: едва закончился рабочий день, нужно отложить швабру в сторону, а дальше хоть трава не расти. Герберт же, наоборот, терпеть не мог стандартных путей и всегда искал необычные дороги, набивая немало шишек.

Герберт был сама противоречивость. Он создал ласковый мир своей фантазии, в которой его возлюбленная была плюшевой зайкой, а он милым медвежонком. Его убеждённость, что он не мужчина, а плюшевый медведь, не мешала ему быть цепким и довольно рациональным.

Надо признать, Герберт оказался весьма успешен и к тридцати годам создал бизнес, сколотил состояние и обосновался в собственном поместье в благополучной стране.

Как многие другие люди, вокруг Герберта имелся ряд частных и государственных лиц, считавших, что по нему, сукиному сыну, давно плачет тюрьма, однако ничего особенного за мужчиной не числилось – было больше шума, чем огня. Эльза поневоле вовлекалась в эти дразги, и нервная система обоих супругов, несмотря на молодой возраст пары, была истощена. Жена имела привычку полностью терять рассудок в критические дни, превращаясь в безжалостную фурию. У Герберта же наблюдались мощные перепады настроения, однако их периодичность не была столь очевидна.

Эльза была как оборотень. В обычном своём состоянии это милый и ласковый ангел, заботливый и готовый к самопожертвованию. Но в какой-то момент она превращалась в желчную, завистливую, полную ненависти женщину, причём без видимых внешних причин.

Герберт знал о приближении ужасной метаморфозы по тому, что накануне Эльза обычно принималась безо всякой причины извиняться, словно чувствовала своё грядущее озлобление.

Вот и в последний раз Эльза сказала:

– Прости!

– За что?

– Просто прости.

И на следующий день началось...

Последние несколько лет перед приближением своего дня рождения Эльза входила в особо тяжёлую форму

озлобленности. Позже Герберт осознал, что Эльза считала, будто в с каждым годом становится сё менее привлекательной и удаляется от осуществления своих подспудных желаний. Как оказалось, Герберт не интересовал Эльзу как мужчина. И поэтому она всё больше опускалась, превращаясь в старуху, не следила за собой. Она часто жаловалась Герберту, что хочет и не может похудеть, чтобы стать привлекательной. Герберт искренне отвечал, что любит её и такой! И недоумевал: для кого ей хочется стать привлекательной?

Герберт надолго уезжал по делам, чтобы избежать скандалов с Эльзой. Но это ещё больше её злило, и в последний раз она не дала Герберту уехать, пригрозив: «Только попробуй, я разгоню всю твою кодлу».

Герберту было жалко своих домочадцев, и он остался. Впрочем, как бы он ни поступил, разрушительная ненависть Эльзы всё равно довела бы дело до конца.

Противодействие Эльзы всему, чем бы Герберт ни занимался, не было явным и открытым, но зато оказывалось весьма действенным. Муж пускался в продолжительные увещевания жены, но толку было мало. Не дай бог, если он осмеливался заявлять, что причин для разногласий нет, что жизнь прекрасна и хорошо устроена и что дело в пресловутых критических днях или климаксе! Эльза приходила в ярость, и в какой-то момент каждый из дней жизни стремился стать критическим!

Однажды Герберт заболел, а если быть точным, вообразил себе, что смертельно болен. Целый год оба супруга безрезультатно посещали психолога и в итоге обзавелись стойкой привычкой к приёму антидепрессантов. Если Герберт использовал препараты аккуратно, ограждая страшного себя от окружающих, то Эльза употребляла их бессистемно и урывками. Попытки объяснить жене, что её очередное недовольство связано не с реальностью, а с химическими процессами в мозге, приводили к тем же результатам, что и в ситуации с критическими днями.

Герберт был неопытен в отношениях с женщинами, и ему казалось, что всё так и должно быть. Он бесконечно уступал, мирился, извинялся, а отношение к нему жены и детей с годами становилось всё хуже.

ЛОЖЬ, ОБВИНЯЮЩАЯ ВО ЛЖИ

Оба супруга обвиняли друг друга во лжи, хотя считали, что ведут себя и говорят абсолютно искренне. Оба супруга страдали лицемерием, но у каждого из них оно имело свои отличия. Лицемерие Герберта было осознанной необходимостью, он прекрасно понимал разницу между тем, что говорит, и тем, что в действительности думает, это позволяло ему каяться в лицемерии и бороться с ним; лицемерие Эльзы было неосознанным. Каждый момент существования она лгала сама себе и потому никогда не могла понять в полной мере, что на самом деле с ней происходит.

Эльза незаметно оказывала на детей огромное влияние, а Герберт, как ни старался, в их глазах был неким подобием шута. Герберт пытался действовать предельно демократично. Он уважительно выслушивал любое мнение малыша, не перебивал и относился к детям как к взрослым. Плоды такого поведения оказались горькими: дети стали воспринимать отца как дурного и бесполезного ребёнка. Они переняли у матери привычку считать всё совершаемое отцом глупостью. Приёмная дочь Энжела впоследствии даже обвинила Герберта в том, что он напрасно подарил ей на свадьбу сто тысяч долларов. Да, и такое бывает.

Старший сын Джейк предъявлял отцу претензии, что нанятые для него в качестве гувернёров профессора из Кембриджа оставили пробелы в его образовании. Услуги профессоров оплачивались отдельно, за счёт других ста тысяч.

У Герберта не получалось оказаться правым; чтобы он ни делал, всё было плохо. К этому привычному для себя

презрению он относился с горькой усмешкой: мол, это такая игра, но в действительности семья меня любит и уважает. Оказалось, что это не так.

Герберт открыл выгодный бизнес, позволил детям войти в него и отлично зарабатывать, но Энжела и Джейк развалили дело отца до основания. Их ненависть и неуважение ко всему, связанному с отцом, были настолько сильными, что дети не желали участвовать в его бизнесе вплоть до нервических припадков. Ни купленные машины, ни квартиры, ни отличные заработки – ничто не могло изменить их мнения. Дети принимали это как должное, но вели себя так, что далее оставлять их в бизнесе было невозможно.

Герберт говорил себе: так и надо, это нормально – и со вздохом наблюдал, как в других семьях дети становятся продолжателями дела отцов.

КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН

Эльза долго не верила, что, уйдя из дома, потеряла мужа. Хотя сама давно и страстно хотела его потерять.

Супруг и раньше безуспешно пытался привлечь внимание жены тем, что вокруг него крутились хорошенькие девушки, но – упаси боже – даже в мыслях ничего себе не позволял. Духовная жизнь притупляет страсти, и человек начинает любоваться юной красотой без похоти, а с восторгом от совершенства Божьих творений. Да и девочки были намного моложе Герберта, а материальным положением он, разорённый держатель приюта, никого привлечь не мог. Так что его не соблазняли, видов на него не имели, и к тому же статус священника обязывал всех держаться пристойно.

Герберт напрасно старался привлечь к себе внимание супруги. Эльза его не ревновала.

Раньше, всю свою жизнь, она боялась его потерять; мама внушала Эльзе, что муж её обязательно бросит. Герберт и

не помышлял ни о чём таком. После обращения в христианство супружескую пару стали разрывать скандалы. Это довольно частое и хорошо описанное явление в духовной жизни. Эльза вела себя вызывающе и не оставляла Герберту никакого другого выхода, как временно удалиться. Так учили и святые отцы: не скандаль, удались.

Герберт сообщил детям, что его всю жизнь используют и никто не любит, что, в общем, было недалеко от истины. Потом он ушёл из дома и поселился в коттедже на озере. Все знали, где он, но никто не торопился звать его назад.

Прошло три дня. Эльза тяжело пережила этот момент. Потом Герберт вернулся, его встретили неприязненно, и примирения не произошло. С тех пор Эльза всегда вспоминала тот случай. Любое выяснение отношений начиналось с упрёка: «Восемь лет назад ты от меня ушёл!». Самое страшное, что она повторяла это и всем окружающим, да так, что все думали, что человек и правда ушёл от жены.

Эльза своим безразличием провоцировала Герберта, а когда вдруг действительно поняла, что потеряла его, то поспешно предлагала встретиться, говорила ласковые слова, будто Герберт ей всюду мерещится и кажется, что он пришёл к ней.

Герберту хотелось прийти, но он уже не мог верить. После требования Эльзы развестись Герберт считал, что стоит ему приблизиться, и она постарается сознательно или бессознательно окончательно его уничтожить. Сработал элементарный инстинкт самосохранения.

Конфликт с женой имел несколько плоскостей – прежде всего практическую и экономическую, а именно – недовольство существующими условиями проживания. Можно было ограничиться этим, однако Эльза стремилась перевести конфликт в личностную плоскость, показать, что разрыв происходит на всех уровнях одновременно.

Как-то супруги задержались в церкви, и перед самым уходом Герберт повернулся и задумчиво спросил жену: «Хорошо, ты собираешься со мной разводиться. Наверное, ты будешь искать другого мужа?». «Почему это должно тебя волновать?» – был её ответ. Герберт произнёс: «Как ты была блядью, так ею и осталась». Потом он оправдывался, что на церковном языке слово «блядь» считается допустимым, его использовал даже Кураев применительно к Мадонне. Однажды Кураев употребил резкое слово в телефонном разговоре, и посыпались претензии: как же духовное лицо может так выражаться? Проповедник ответил: «Блядь – это тот, кто занимается блудом, а «блуд» означает заблудившегося, потерявшего правильное направление человека». Поэтому в церковно-славянском сознании слово «блядь» вполне допустимо. Герберт не помнил, присутствует ли оно в святых книгах, но он его употребил.

Эльза же, умолчав о предыстории и основе, стала кричать на каждом углу, что батюшка в церкви обозвал её блядью.

Герберту почему-то пришло на память, что устроенный им и Эльзой первый брак дочери Энжелы распался, и, конечно, Герберт оказался во всём виноват. Он просто устал быть во всём виноватым.

Первый молодой человек дочери, Стюард, ранее с позором изгнанный, водворился на прежнее место. Герберт, обратив его в православие, уже надеялся венчать молодых, но тут Эльза, вступив в сговор с Энжелой, снова изгнала Стюарда за его никчёмность. Дочь сошлась с сыном инспектора, который преследовал Герберта за устроенные в доме церковь и приют.

Злость инспектора возникла из-за провокаций со стороны Эльзы, которая угрожала его убить, если тот не оставит в покое их дом. Инспектор даже вызывал полицию, но блюстители закона только посмеялись, увидев Эльзу в платье со смешным узором. Она не походила на преступницу.

Герберт при этом по-христиански благодушествовал. Сын врага, который разорял Адлеров постоянными судебными процессами и настаивал на уничтожении церкви, жил в его доме, спал с его дочерью, а Герберт наивно терпел такое положение вещей и даже внутренне был рад своей незлобivosti. Вот, мол, какой я совершенный христианин!

Со временем ситуация только усложнилась. По доносу инспектора муниципалитета Эльзу и Герберта обвинили в мошенничестве, так как из-за полного разорения супруги стали получать пособие по бедности. В вину им ставился обман государства – только поглядите на них!

Супруги были арестованы на Пасху. Семья пребывала в шоковом состоянии, при этом сын инспектора продолжал проживать с Энжелой в доме Герберта и сохранял прекрасные отношения со своим отцом. Муж дочери регулярно и в подробностях доносил инспектору обо всём, что происходило в доме Адлеров.

Когда дело у пары подошло к свадьбе, преследования приостановились, и Герберт вздохнул свободно. Мог ли он в тот момент предполагать, что попал в настоящую западню?

Эльза сблизилась с семьёй инспектора, и новые родственники стали весьма методично внушать ей определённые вещи: мол, Герберт – религиозный фанатик, он доведёт всех до тюрьмы. Он приводит в дом кого ни попадя! Семена пали на благодатную почву.

Вдобавок из длительной отлучки вернулся Джейк – друг сына инспектора. Поражённый эдиповым комплексом, он яростно ненавидел отца, его так трясло, что парень даже не мог говорить со своим родителем.

Так сложился заговор против Герберта. Карфаген должен был быть разрушен.

ГРАНИ НЕНАВИСТИ

Ненависть к Герберту пульсировала где-то глубоко внутри, прорываясь изредка злыми всполохами слёз. Эльза

возненавидела мужа, возможно, сама того не сознавая и боясь признаться себе в этом. Такое часто случается в продолжительных браках. Иногда один из супругов или оба внезапно либо постепенно принимаются усердно друг друга ненавидеть. Если процесс происходит обоюдно, это ещё половина беды. Но в данном случае Герберт и не подозревал, что стал ненавистен жене. Да, ему приходило в голову, что Эльзе не нравятся его действия, слова и вообще любые темы, связанные с ним. Но ведь она была его первой и единственной женщиной, и Герберт не смог уловить признаков приближающейся катастрофы.

Он давно заметил, что, став на путь христианства, потерял свойственное ему везение. Материальная жизнь стала непомерно тяжела. Семья, привыкшая, что у Герберта всё получалось как по волшебству, начала ещё интенсивнее критиковать его за неудачи, не удовлетворяясь объяснениями, что в происходящем нет его вины. Несмотря на то, что это явление хорошо известно в православных кругах, его редко принимают во внимание. Действительно, в других областях деятельности человек более или менее преуспевает в соответствии со своими усилиями. Но стоит ему стать по-настоящему православным, то есть, по сути, стать на путь борьбы с Сатаной – почти всё, за что он берётся в материальном мире, рассыпается. Можно даже оценить искренность веры по устроенности прихода. Если в приходе толпы, у батюшки всё под контролем – считай, все ровным строем идут в ад. У настоящих батюшек сплошные неурядицы, и в приходах пусто. Потому что им активно препятствует сам Сатана, а Бог не вмешивается, так как считает: чем человек несчастнее в материальном плане, тем это спасительнее для его души.

Герберт был просто в шоке, когда осознал, что его предприимчивая натура, обычно приносившая ему успех за успехом, наткнётся на непреодолимую стену, как только он встанет на евангельский путь. Ему казалось, что когда другие священники жаловались на бесконечную цепь

невзгод, то просто были сами виноваты, а он, такой умный и удачливый, будет жить совсем по-другому. Но не тут-то было. Такой бесконечной и неотступной вереницы проблем Герберт и вообразить не мог.

Но и в успешные годы Герберта осуждали. Эльзу раздражало в муже всё. Готовность Герберта выполнить любое взбалмошное желание жены, нередко приводившее к конфузу, умение смешить, давно переставшее действовать на неё, стремление быть любимым, а потому вечно хвастающимся самыми разнообразными вещами – всё в нём казалось ей отвратительным настолько, что она даже переселилась из спальни в комнату сына. Отговоркой был храп Герберта. Но кто сейчас не храпит? Сытая жизнь и бесполезное существование способствуют храпу.

Любила ли Эльза Герберта когда-нибудь? В начале отношений, завязавшихся ещё в юности, ей казалось, что любила. После, спустя годы, Эльза уже не была в этом так уверена.

Иногда после ссор Эльза истово и с воодушевлением молилась, призывая Бога вмешаться в их брак и дать ей то счастье, которого она заслуживала. Каким образом Богу предлагалось вмешаться, какого именно счастья она желала, Эльза не знала, но боялась даже подумать, что скоро этот кошмар, называемый семейной жизнью, закончится.

Она пыталась отвлечься на посторонние занятия, но Герберт во всё совал свой нос, постоянно присутствовал рядом со своим непобедимым рассудочным мнением, и деться от него было некуда. Платья из нелепой ткани с мишками, зайками, морковками и цветочками, неизменно выбранной по вкусам Герберта, оставались недошитыми. Картины, которые она принималась рисовать – недописанными, стихи – неопубликованными.

Раскатистые волны храпа звучали реквиемом по её загубленным талантам. Эльзе казалось, что Герберт

подавлял её всецело, и потому был ей ещё более ненавистен.

А там, где есть ненависть, всегда присутствует и месть. Супруга мстила Герберту с упоением, науськивая против него детей. С самого детства внушала она им, что, чем бы папа ни занимался, всё это не более чем бредни и глупости, что существует нормальная, обычная жизнь, где все могут быть счастливы. А он, грузный мечтатель, вечно воображал себе неведомо что, и от этого струилось вязкое и непрерывное несчастье всей её семьи, даже на фоне полного, безоблачного благополучия.

Так бывает, когда встречаются две ярко выраженные противоположности. Один витает меж звёздных россыпей, другая ищет смысл в кастрюльке вермишели. То, что было важно для Эльзы, Герберту казалось ребячеством, достойным снисхождения, – огород, корова, козы, куры, разведение собак и кошек. Любая блажь исполнялась мужем со снисхождением, полным серьёзного внимания, за что супруга ненавидела его ещё сильнее.

Христианство для Эльзы тоже превратилось в очередную блажь, доведённую Гербертом до крайней точки, до последней прожилки распятого тела. Женщина хотела некой отдушины, просила тайно креститься сама и крестить детей, создать духовную оппозицию мужу, но он, узнав о её желании, возглавил и этот каприз.

– Я хочу, чтобы ты стал священником, – однажды ночью сказала жена.

Герберт принял православие всем сердцем, буквально, без компромиссов. Эльзе нравилась в церкви внешняя сторона. Она, как и большинство прихожанок, любила возиться с поминальными записками и свечками, рассуждать, какой иконке надо помолиться, чтобы куры лучше неслись, а груши плодоносили. Но груши, посаженные в соответствии с очередной Эльзиной блажью, никак не желали плодоносить. Герберт вполне серьёзно читал им отрывки из

Евангелия о неплодоносящей смоковнице, которая засохла после встречи с Христом.

Герберт вообще всё воспринимал серьёзно, а Эльзе показалось, что он ухватился за веру как за средство подавления и угнетения её свободы. И тогда прозвучало иное желание.

– Я хочу развестись, – однажды утром, едва заметно плача, промолвила она. Герберту стало ясно, что придётся выполнить и это желание, хотя оно было несовместимо с предыдущим. Священник, которого бросает жена, должен либо удалиться в монастырь, либо отказаться от сана. Герберт писал горькие стихи:

1

Большая ненависть случается внезапно,
Бескомпромиссно и не поэтапно,
А просто, словно ураган в ночи.
И не помогут тут, увы, врачи,
Как ни страдай, как выпью ни кричи.
И как ни вой сражённой дробью дичью,
Она плюёт на всякие приличья
И, принимая разные обличья,
На части рвёт, и если не убьёт,
То изувечит вплоть до обезличья.

2

Большая ненависть случается с любимой,
И я до дна пью эту чашу с дымом,
Что поднимается от чаши с кислотой.
Не верил я, что можешь стать такой,
Но, видно, горько в этом заблуждался.
Причин не нужно. Прутик оборвался,
И вот я в бездну рухнул без следа.
Я знал, что так бывает иногда,
Но ни за что бы не поверил, право,
Что не любовь в той чаше, а отравы,
Что выпью я её один до дна;
Ты наконец останешься одна.

3

Возможно, тот, кто с разумом не дружит,
Потом на склоне лет ужасно тужит,
Но оправданий ворох под рукой,
Упрёки льются пламенной рекой.
А посему вполне гнездится ад
Средь доводов, кто прав, кто виноват...

КТО В ТЕРЕМЕ ЖИВЁТ?

Дом, в котором семейство Адлеров прожило около двадцати лет, располагался на покрытом густым лесом участке в полтора гектара. Весь участок Герберт огородить не сумел и окружил железным решётчатым забором только обширный задний двор. Там располагался вышеупомянутый огромный бассейн, выкопанный Гербертом в богатые годы, когда-то полноводный и зовущий плескаться, теперь же превратившийся в унылую клоаку. Бассейн Герберт вырыл для Джейка, но в нём успел порезвиться и маленький Патрик. Затем средства на содержание искусственного водоёма иссякли, и он пришёл в запустение.

Посреди двора стояла добротная сколоченная баня, выстроенная в соответствии с мечтами Эльзы. Но супруги в ней не парились – там получали удовольствие многочисленные гости. За баней располагалось место для пионерского костра. Рядом с ним был разбит небольшой фруктовый сад, несколько яблонь и груш. В углу двора стояли коровник, козлятник, крольчатник и курятник. Но живности там давно не было. Эльза, наигравшись в деревенскую жизнь, утратила к ней интерес, да и воинственный муниципалитет противился этой спонтанно возникшей ферме.

Рядом с фермой был огород. Его окружала изящная белая изгородь, а ворота, ведущие на участок, были выполнены в китайском стиле. Туда Герберт в своё время заказал привезти семьдесят тонн чернозёма, но толку от огорода тоже было немного.

На первом этаже располагалась гостиная с огромным камином. Библиотека размещалась на всех этажах, книги были страстью Герберта. Далее роскошные двери вели в кабинет Герберта. На том же этаже были кухня и столовая. Весь основной этаж Герберт заселил бездомными, выделив четыре крохотные спальни, а кабинет предоставил в распоряжение профессора.

В подвальном этаже было ещё пять спален для бездомных, а на верхнем в основном располагались семья Герберта и самый главный бездомный по имени Дэйв, проживший в этом доме дольше всех.

Из огромного кирпичного гаража на три машины была отстроена прекрасная церковь, внутри которой стены были обложены камнями, а на крыше красовалась луковка с крестом.

Герберту постоянно не хватало места для страждущих, и он перекраивал дом, чтобы выделить ещё угол.

Когда кто-то творит добро, то другим это почему-то становится неприятно. Они раздражаются на творящего добро, клеветают, обвиняют его в лицемерии, своекорыстии и недобрых намерениях. Им словно бы самим стыдно, что они не творят добро, хотя призваны это делать. Таким образом они пытаются, дабы оправдать себя, очернить того, кто воистину творит добро.

Мы встречаем это и в нашей современной жизни. Сколько вокруг историй и случаев, когда люди искренне пытаются помочь другим – тем, кто в беде, кто болен, в заключении, страдает тяжёлыми депрессиями, кто остался на улице без крова. При этом службы и люди, действительно призванные оказывать помощь по своему предназначению или профессии, ставят палки в колёса желающим помочь,

обвиняют их, пытаются прекратить их деятельность. Известно, что это происходит и в России, и на Западе. Социальные службы, призванные обеспечить всем необходимым человека, попавшего в трудную жизненную ситуацию, считают, что достаточно бросить ему деньги для того, чтобы он мог терпимо существовать.

Но не деньги нужны человеку. Человеку нужны внимание и любовь; нужны неосуждение и поддержка, вера в то, что он сам кому-то нужен. Человеку нужна надежда! Этого всего социальные службы давать не желают, они не предназначены для такого. Они словно бы сняли со всего населения обязанность помогать нищим, а сами свели эту помощь к распределению жалких копеек, которых едва хватает, чтобы вести очень плачевное существование. Когда же они видят, что кто-то другой пытается от чистого сердца, по-доброму своему намерению помочь несчастным, то приходят в ярость. Они пытаются такого помощника уничтожить и остановить вместо того, чтоб хотя бы не мешать. Уж о том, чтобы просто помочь, нет даже и речи.

Дело в том, что общество, полагая, что решило проблему нищеты, лишило людскую помощь несчастным такой составляющей, как любовь и сердце. А без любви и сердца, без призвания помощи Божьей никакое дело не может преуспеть, какие бы благие намерения ни лежали в его основе. Лишая людей Христа, активно борясь со всяким проявлением религии, наше общество приходит к тому, что, сколько бы оно ни пыталось помочь несчастным, счастливее от этого оно не становится. Это вредит и тем, кому помогают, потому что такая помощь не приходится ко двору; это вредит и тем, кого освободили от обязанностей помогать, сказав: «Раз вы платите налоги, вы больше ничего не должны. Теперь вы можете не подавать нищим, не кормить голодного, не принимать у себя бездомного, не посещать человека в тюрьме – мы займёмся этим за вас». Сказали – и обманули. Потому что не занялись.

Кроме того, Господу Богу не важна материальная сторона вопроса. Творцу Вселенной и всех галактик наверняка хватает средств, чтобы всех обеспечить чем только угодно. Ему надо, чтобы мы в доброте сердца своего любили ближнего, как самого себя. Чтобы мы, любя Бога, видели в каждом приходящем к нам образ Божий; чтобы мы каждый день творили добро для тех, кто нуждается в нашей помощи.

Но общество словно лишило нас этой возможности. Герберт нередко встречал людей, которые говорили: «Да, я хочу помогать, но как?». Они обращались в волонтерские учреждения, в благотворительные фонды, а там налагались специальные ограничения, выдвигались разные требования: вы должны подать свою автобиографию, вы должны представить справку из полиции, вы должны принести рекомендации из других мест. И только тогда, возможно, вас примут. Да и то, ваша деятельность окажется, скорее всего, всего лишь винтиком в огромной системе раздачи мнимых благ. В лучшем случае ваши действия будут идти непосредственно в помощь кому-то, если вы, например, кого-то кормите; в худшем случае вы будете рассылать открытки с просьбами о пожертвовании, причём большая часть полученных средств будет уходить как вода в песок, на рассылку ещё большего количества открыток с просьбами пожертвовать ещё больше.

Вот так общество превратило нас в бездушных и бездумных существ, которые даже при возникшем желании исполнить завет Божий не могут найти такой возможности: не могут накормить голодного, принять бездомного, напоить жаждущего, посетить человека в больнице и темнице, одеть нагого. Не можем мы! Мы словно изолированы друг от друга, находимся в каких-то пузырях, из которых не получается выбраться. Общество будто рассадило нас по каким-то ячейкам, в каждой из которых мы абсолютно одиноки, хотя и находимся в толпе. В шумящей, грязной и беснующейся толпе, где мы чувствуем

себя совершенно ненужными, абсолютно одинокими и покинутыми. Между тем, будь у нас такая возможность, мы могли бы следовать заветам Христа; мы могли бы каждым своим днём служить тому, кому необходима наша помощь.

Вот и получилось то, что получилось. Хотя мы и создали социальное общество и очень гордимся тем, что у нас теоретически не может быть нищих, что система гарантирует каждому из своих членов кров над головой и пищу, минимальное медицинское обслуживание и прочие необходимые блага для поддержания физического существования, – но о душе-то в этой системе совершенно забыто. Отняв у нас возможность служить Христу, забыв и запретив имя Христово, лишив сотрудников социальных ведомств умения любить, не осуждать, сострадать, общество практически свело на нет весь смысл веры и человеколюбия.

Посмотрите на несчастных людей, живущих на пособия! Они влачат мрачное, бессмысленное, тяжёлое существование. И если имеют какие-то средства, то вместо того, чтобы тратить их на скудную пищу, расходуют на алкоголь, наркотики и прочие безумия, тщетно пытаюсь притупить боль своего невыносимого существования. И теряя таким образом скудные средства, они всё равно остаются такими же нищими, какими бы они были, не получая никакой помощи. Возможно даже, эта помощь и вовсе идёт им во вред. Без неё они бы купили меньше наркотиков и алкоголя.

Как же можно переломить это? Мы должны понять, что социальные службы – сами по себе, а мы – сами по себе. Господь, обращаясь к нам со словами накормить голодного и принять бездомного, не имел в виду, чтобы мы переложили эту обязанность на кого-то ещё. Потому что Господу не нужны от нас финансовые отчисления. Ему нужно наше живое участие в судьбах других людей. Ему нужно, чтобы мы обрели подобие Богу тем, что научились бы сочувствовать друг другу и искренне любить; тем, что

научились не быть эгоистами, а могли жертвовать хоть чем-нибудь ради ближнего. Если Господь явил нам пример бесконечной жертвы ради грехов всего человечества, то от нас Он ожидает хотя бы малой жертвы: чтобы мы потерпели неприятного человека рядом с собой, отдали свой кусок пищи нуждающемуся и накормили бы его, ведь он действительно голоден; чтобы мы проявили как-нибудь любовь к человеку и, главное, чтобы мы помолились о нём.

Это самая большая помощь! Потому что кусок хлеба Господь даст любому и без нашего участия. Он обладает всеми богатствами мира, Ему не нужно наше материальное подаяние. Это материальное участие нужно нам самим как доказательство того, что мы способны хоть чем-то пожертвовать ради другого. Говорят, самая ценная наша жертва ради ближнего – это молитва. Потому что мы и о себе-то не молимся. Ведь чтобы молиться искренне, надо и любить искренне, надо испытывать неподдельный интерес к человеку. А мы не только к ближнему, но и к себе-то не имеем искреннего интереса. А тут ещё надо молиться о чужом! Более того, о неприятном нам человеке, может, даже и о враге нашем; о несправедливо обличающем и обвиняющем нас.

Вот чего Герберт так и не научился делать. Даже будучи священником, он так и не научился молиться – не технично повторять заумные слова, а молиться всем сердцем, всем умом и всей душой своей. На литургиях он, кажется, приближался к чему-то подобному, к некому предстоянию в блаженной благодати. Но о людях, да и о себе, молиться не научился.

Вот в чём есть настоящее человеколюбие и милосердие – научиться молиться о ближнем. И каждый раз, когда люди проходили через его дом и снова уходили в никуда (одни продолжали дальше жизнь, другие, как потом оказывалось, погибали), Герберт считал, что главная его вина не в том, что он недодал им хлеба или внимания, а в том, что он не молился о них. Ведь если бы умел молиться, то Господь

совершал бы для этих людей чудеса. Ибо сами о себе они молиться не могут. Сами они не могут ни устроить свою жизнь, ни наладить отношения с Богом.

Вот что требуется от нас более всего на свете – научиться любить так, чтобы наша молитва о ближнем и дальнем, о друге и враге была искренним криком нашей души, истинным желанием, дабы Господь ниспослал благодать на тех людей. И это будет наше самое главное исполнение Божьей заповеди.

Герберт считал, что в упорных поисках счастья они с Эльзой наконец преуспели, причём нашли его в весьма неожиданной форме. Оказалось, что избавиться от собственных страданий можно, лишь полностью окунувшись в чужие страдания.

В течение девяти лет дом Адлеров был открыт для всех, кто нуждался в жилье и пище, внимании и любви. За этот период там побывало множество людей, некоторые жили в приюте по четыре года и более.

Так случается, что обычный человек оказывается выброшенным из жизни. Неудачный развод, конфликт с мачехой, ссора с невесткой – и вот альтернатив нет. Нужно где-то срочно переждать кризис, собраться с силами, построить новую жизнь.

То, чем занимались жильцы, не представляло собой ничего нового. Всем с детства известна сказка про теремок. Стоял в поле теремок. Прискакала блоха-попрыгуха:

– Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

– Я, муха-горюха, – и так далее.

Доброжелательное отношение к странникам (в широком смысле странниками могут именоваться и люди, лишённые постоянного крова) было свойственно многим христианским подвижникам, открывавшим приюты и больницы для бездомных и сирот. И это неудивительно, ведь необходимость заботы о незнакомом человеке, оказавшемся в нужде, согласуется с милосердием и заповедью Христа о любви к ближним.

Пренебрежительное же или, что хуже, жестокое отношение к страннику может стать причиной низведения Божьего гнева, ибо страждущий послан Господом.

Каждый день приют Адлеров сталкивался с недостатком жизненно необходимых продуктов и безденежьем. Но это не превращалось в непреодолимое препятствие; всё устраивалось как-то само собой, можно сказать, чудом.

Бывало, что в доме проживало по четырнадцать человек в возрасте от трёх до девяноста трёх лет. В основном это были больные и несчастные люди с самыми разными судьбами.

Бог творит чудеса руками людей! Чудеса случаются, нужно просто внимательно посмотреть вокруг себя.

Таким своего рода чудом являлся этот приют. Адлеры подвергались всяким гонениям, как и все, кто пытается творить нечто благое: «...будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить» (Евангелие от Матфея, глава 5:11). Их и расселяли, и пытались снести церковь, таскали по судам и даже держали под домашним арестом. Но всё это не погубило благое начинание. Приют жил и принимал много людей. Конец ему пришёл не из-за внешней угрозы: матушка Эльза, действуя тайно и беспощадно, как раковая опухоль, погубила этот дом.

На весь район с населением в пятьдесят тысяч человек не было ни одного приюта для бездомных. Несколько лет ушло на то, чтобы наконец открылся один официальный приют на восемь человек, но там разрешали провести только две недели и пускали только в ночное время. У Адлеров же всякий, кто приходил, мог жить бесплатно сколь угодно времени.

Кроме того, официальный приют разрешили открыть только после того, как случилась трагедия: молодой бездомный, которого туда не пустили, потому что никак не могли получить разрешение на открытие, сгорел заживо, пытаясь согреться. Это событие потрясло местную общину, и власти наконец сподобились снизить до нужд самых

несчастных. Тогда приют Адлеров, по мнению властей, стал и вовсе не нужен.

Этот приют существовал спонтанно, без бюрократических препон. Но русская община оказалась очень отзывчива на призывы о помощи. Приюту постоянно помогали едой, одеждой и деньгами.

И так Адлеры жили день ото дня, от чуда к чуду. Люди помогали чрезвычайно. Вот пример: в приюте не хватало фруктов, витаминов, несчастным грозила цинга. Ведь жили у них в основном больные люди, хотя некоторые старались работать и приносить пользу. Судьбы встречались самые разные, но все люди действительно нуждались в помощи, и им некуда было деться.

Итак, четырнадцать человек. Каждый взял по яблочку – считай, мешка яблок нет. Тогда Герберт предложил поставить вместо вазы для яблок большую стиральную корзину. И что же? За выходные приехавшие к ним паломники, не сговариваясь, наполнили эту корзину яблоками.

Это ли не чудо из того же сорта, как превращение воды в вино или насыщение пяти тысяч человек пятью хлебами? Только чудеса эти Господь творит руками людей.

Скажет Эльза, мол, кто бы стог сена для коровы передвинул ближе к коровнику – и в тот же день приезжают три молодца, с утра делают работу и уезжают. Разумеется, бесплатно, ещё и пожертвования оставят. Совпадения... А может, всё-таки чудеса?

Неожиданно приюту жертвуют три тысячи долларов. Герберт уже догадывается, что это не просто так, и правда: ломается микроавтобус, на котором он возит больных по врачам, и требуется именно такая сумма, чтобы его починить.

Обещание Господа «Не заботьтесь...» исполнялось постоянно. Жили как в раю, всё, что было необходимо, оказывалось под рукой. Но стоило попытаться получить больше, подстраховаться – тут же натыкались на стену.

Герберт и Эльза полностью посвящали свои дни заботе о своих домочадцах: одному нужно к врачу, другому в школу. Так и проходил день за днём. Герберт готовил им еду, проводил с ними время, бывали периоды, когда ежедневно совершались богослужения. Господь же заботился о том, чтобы им не было ни в чём недостатка в точном соответствии со своим обещанием: «Итак, не ищите, что вам есть или что пить, и не беспокойтесь, потому что всего этого ищут люди мира сего; ваш же Отец знает, что вы имеете нужду в том; наипаче ищите Царствия Божия, и это всё приложится вам» (Евангелие от Луки 12: 29–31).

И совершалось именно так! Апостол Павел писал: «Не заботьтесь ни о чём, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом» (Послание к Филиппийцам 4:6).

Вот ещё одна, казалось бы, тривиальная история. Не было в приюте пылесоса. Вдруг люди привезли им новый пылесос. Они не просили – откуда людям было знать? А они привезли, потому что у них оказался лишний. И так постоянно – чудо за чудом.

Снова скажете: совпадения. Хорошо, пусть так. Этот мир чудесен именно потому, что он объясним. Всякое чудо можно, пусть и с натяжкой, растолковать как следствие каких-то объективных причин. Но в этом и заключается чудесная сторона мира. Создатель не вмешивается в установленные Им законы бытия и творит чудеса руками людей. Порой это сложнее, чем явно низвести огонь с небес. Ведь отношения между людьми так сложны и многогранны, их намерения так непостоянны, а поступки зиждутся на весьма зыбких побуждениях. Как сделать так, чтобы многие люди действовали сонаправленно с единым промыслом? Это под силу только Богу!

Герберту думалось, что, растворившись в чужих заботах, супруги познали полноту жизни. Конечно, не обходилось без эксцессов – жильцы злоупотребляли алкоголем,

дрались, угрожали. Но для христианина это вполне нормальная жизнь.

Казалось бы, кому будет мешать приют, особенно если ближайшие соседи находятся чуть ли не в четверти километра от него? Но нет! Стоило только водрузить на крышу луковку с крестом, как сразу же сосед, с которым Адлеры когда-то поссорились, вызвал инспектора из муниципалитета. Чиновник явился и сообщил, что приглашать людей в их церковь запрещено, потому что система канализации не предусматривает такое использование жилья.

Герберт и Эльза с этим не согласились. Как водится, стали обивать пороги, жаловаться местным властям и политикам – всё напрасно. Канализация – дело нешуточное. Через три года амбициозный инспектор не только полностью разорил супружескую чету судами, но и пожаловался в полицию. Было выдвинуто обвинение в том, что супруги считаются разорившимися и получают пособие по бедности, однако при этом в доме проживают жильцы, а значит, съёмщики – налицо явный обман государства. Но ведь большинство живших в доме людей не вносило никакой платы, и только некоторые помогали по мере своих сил. Началось расследование, и на Пасху (да, именно на Пасху) Герберта и Эльзу арестовали, затем отпустили до суда. Следствие и суд длились ещё несколько лет. В конце концов супругам вынесли приговор – лишение свободы сроком на три месяца, однако он был заменён на домашний арест. Такая издевательская замена, наверное, объяснялась тем, что это особенно интересно – назначить священнику в качестве наказания домашний арест; если он выйдет из дома, его поймают и отправят в тюрьму до конца срока. А если священнослужителю нужно пойти к умирающему? Пускай идёт под страхом тюрьмы! И это происходило в двадцать первом веке в свободной цивилизованной стране.

Как только человек на фоне нормальной человеческой жизни становится искренним христианином, с ним

начинают происходить события, подобные евангельским историям двухтысячелетней давности. Его гонители в большинстве своём тоже считают себя христианами, но не видят вопиющего противоречия.

Стоит отметить, что обычный городской приют в городе был рассчитан только на женщин с детьми. Бездомным мужчинам некуда было обратиться. Как было сказано выше, муниципалитет запрещал открытие приюта, который уже имел возможность принимать несчастных, потому что соседи были против. И вот зимней ночью бездомный молодой человек сторел заживо прямо у ворот этого официального закрытого приюта, пытаясь согреться. Только тогда конкуренты Адлеров получили разрешение на открытие приюта, но с рядом оговорок: принимать-то можно всего восемь человек, да и то с ограничением срока пребывания. И уж после этого приют Герберта Адлера преследовали всеми силами.

Оба судебных дела были полны фотографий церковных служб и икон из дома Адлеров как доказательств преступной деятельности Герберта. Да, его судили за церковь! Но в чём же здесь преступление?

Первое заявленное нарушение – это использование собственного дома для совместной молитвы с соседями и игнорирование правила, что канализация не рассчитана на такое количество людей. Значит, если позвать сорок человек и употреблять с ними крепкие спиртные напитки, это будет считаться нормальным – это же частная вечеринка. Приглашение же трёх местных старичков для того, чтобы вместе помолиться, переходило в категорию общественного собрания и являлось преступлением.

Обвинения во втором преступлении тоже оказались максимально надуманы. За первое нарушение Герберта разорили, и теперь, когда человек пытался предоставить свой кров бездомным, чтобы вместе выживать, его обвинили в мошенничестве и обмане государства. Дальше к делу присоединилась налоговая служба и предприняла

попытку отобрать у Герберта последнюю верёвку, на которой от всей замечательной кутерьмы можно было бы повеситься.

Суд потребовал выплатить всё полученное за год пособие, в противном случае семью ожидало бы тюремное заключение. Помог Адлерам нищий жилец Дэйв, бывший вышибала и отчаянный курильщик марихуаны. Он получил крохотное наследство и отдал всю сумму за выкуп Герберта и Эльзы с условием, что следующие два года будет бесплатно проживать в приюте. Вместо двух лет он не оплачивал пребывание в доме целых четыре года. Кроме того, он принялся активно помогать Эльзе и Джейку в заговоре против Герберта.

В итоге дом был продан. Перепилив сук, на котором сам же и сидел, Дэйв не прожил и четырёх месяцев после потери жилья. Его нашли мёртвым: голод, наркотики и больное сердце сделали своё дело. Некого было позвать на помощь! Останься он в доме Герберта, ему могли бы вызвать скорую помощь и спасти.

Дэйв всегда говорил, что является атеистом; когда умрёт, он вернётся в этот дом, где единственный раз за всё своё существование жил счастливо и беззаботно. «Я буду являться приведением новым хозяевам этого дома!» – усмехался Дейв. Он был при жизни весьма уродлив, с лицом, с которого не испить воды; его характер также не отличался приятностью.

После потери дома Герберт пытался помогать людям, но его помощь оказалась никому не нужна. Нужен был его дом, а сам по себе Герберт никому не был нужен.

ОСТРОВ ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ

Герберт называл свой приют островом лишних людей – как на свалку, им сбрасывали неугодных и неудобных. Кто-то избавлялся от не в меру сварливых родителей, кто-то – от опостылевших супругов, а кто-то – от надоевших детей.

И ведь не было ни одного по-настоящему осиротевшего. Обязательно кто-то у человека имелся, но этот кто-то и знать его не желал. Это и понятно: люди-то тяжёлые, неприятные, проблемные, пьющие и дерущиеся, лживые и бессовестные, блудливые и опустившиеся, но при этом глубоко одинокие и несчастные, и вечно балансирующие на краю гибели.

То, что было немыслимо на нашей родине (где это слыхано, чтобы в Союзе пьющего выгнала на улицу жена или мать? терпели, мучились), холодный западный рассудок вполне допускает и поддерживает. Как удобно жить в своих чистеньких домах, похожих на дворцы, сбросив родных, как ненужный сор, выставив их на улицу так, будто сами родственники ни капельки не виноваты, что эти люди стали такими!

Самое удивительное, приюту помогали вовсе не те, кто избавился от своих неудобных родителей, супругов и чад, а совершенно другие, незнакомые или мало знакомые люди, не замеченные в подобных радикальных чистках собственных семей.

Казалось бы, женился, родил, воспитал, вырастил алкоголика, вора, наркомана, лгуна, подлеца – ну и живи с ним. Какой-никакой, а свой сын, своя дочь, родной муж или жена. Не будем никого винить, со всеми бывает. В семье, как говорится, не без уroda.

Но нет же! Выставляют за дверь и даже не думают копеечкой посодействовать. А люди ведь в приют попадали больные, часто с травмами головы, неспособные ни отвечать за себя, ни себя содержать. С ними возиться надо – каждый день, каждый час. И толку от того, что некоторым из них положена пенсия по инвалидности? Без присмотра они её за два дня пропивают и потом валяются без сознания по паркам, изнасилованные и в синяках на полтела, того гляди в морг попадут. А потом всё будет чистенько: был человек – и нет. Красота!

А тот, кто его, по сути дела, предал, вышвырнул на все четыре стороны, будет с этим вполне счастливо жить дальше, говоря: мол, сам человек виноват, уже взрослый был, а жить с ним или с ней я не мог. А Герберт мог? А ему это счастье было надо? За это он поплатился собственной семьёй и чуть не поплатился жизнью.

Да, нам Бог велел терпеть всех, любить всех, кормить всех. А родственникам обитателей приюта, Бог, видимо, велел икорки красной откусывать, ручки чистенько вымыть и почивать в своих постельках.

Кукушки и то порядочнее поступают, подкидывая своих кукушат. Кукушата-то у них непьющие и без криминальной истории на три тома.

Но все как раз тыкали в Адлеров пальцем – мол, идиоты. И зачем вам это надо – пускать к себе в дом всякую шваль, жить в вечном страхе поножовщины на кухне? Закройте свою богадельню! Вот и закрыли. Не без дружной и настойчивой помощи со всех сторон – закрыли.

Раз нет совести, так хоть бы денег давали, чтобы такие люди, как Герберт и Эльза, с пустыми карманами не тащили на себе больше дюжины людей, чтобы у батюшки днём и ночью не болела голова, как достать еду и оплатить жильё и коммунальные услуги!

Глас вопиющего в пустыни!

А В БОГА-ТО ТЫ ВЕРИШЬ?

Дочь Энжела вышла замуж за сына инспектора, преследовавшего церковь четы Адлеров. Новый член семьи долгое время жил в доме Герберта и доносил своему отцу обо всем происходящем. Вероятно, инспектор стал внушать Эльзе, что Герберт – религиозный фанатик, что уже нет никакой возможности сдерживать поступающие на их дом жалобы. На приют жаловались, потому что местные органы соцобеспечения отказывали в выплате пособий несчастным, которых повсюду собирал и привозил к себе

жить Герберт. Содержать же четырнадцать человек без какой-либо финансовой помощи, на одни только пожертвования в виде картофеля, риса и вещей, было весьма непросто. Приближалась зима, а с ней и огромные затраты на отопление. В муниципалитет не переставали поступать жалобы на то, что у Герберта проживает слишком много людей. Но ведь дом был огромным и легко мог вместить и пару десятков человек!

Пока шли приготовления к свадьбе дочери, Герберт радовался. Никто не предупредил его, чем всё это закончится. Он начал ремонтировать и обустраивать дом для несчастных.

В один прекрасный день жена сказала, что хочет развестись.

– Развестись? А в Бога-то ты веришь? – осторожно уточнил Герберт.

– Считаю, что нет, – резко ответила Эльза. – Ты бьёшь своей религией меня и детей по голове.

– Я вовсе не хочу никого бить. Ты позвала меня к Христу, я пошёл, возглавил это шествие, стал священником, и вот теперь ты разворачиваешься назад?

– Я тебя ни о чём не просила, тем более возглавлять. Ты применяешь религию для подавления всех вокруг себя.

Герберт был искренне удивлён. Никого он вроде бы и не хотел подавлять. Есть учение, есть каноны, есть правила... В его доме и так практически ни одно из этих правил не соблюдалось. И вот теперь оказывалось, что он тиран и деспот, который насаждает чуть ли не теократическую тиранию.

Но ведь Эльза сама выбрала путь православия! Как же она хотела одновременно быть матушкой и при этом плевать на своего батюшку? Причём тот ничего и не требовал. Обычно на всё в таком доме должны брать благословение у священника. В доме Адлеров и близко ничего подобного не было. Герберт, наоборот, думал, что по доброте или

пагубному человекоугодию слишком всех распустил. А тут такая новость: тиран!

Официальным мотивом её желания развестись были невозможные условия жизни. Герберт предложил: «Давай изменим жизнь. Прихожане хотят купить для нас другой дом поменьше, а этот оставить под приют», – но Эльза позвонила им и велела не делать этого. Герберт озвучил другой вариант: «Если хочешь, давай снимем отдельную квартиру и будем в ней жить», – но и на это получил отказ. Любые попытки что-либо изменить пресекались на корню. Эльза жаждала мести и крови за свою, по её мнению, неудавшуюся жизнь.

Впоследствии выяснилось, что она ушла в государственное заведение, ведь в этой стране всё происходило по правилам: если женщину с ребёнком обижали, она имела право на соцобеспечение и недорогое субсидированное жильё. Герберт много раз наблюдал ситуацию, когда женщины используют систему, чтобы получить от государства жилплощадь по очень низкой цене.

Эльза начала провоцировать жильцов, рассчитывая, что они нанесут ей обиду. На Герберта в этом плане было мало надежды, он в то время являл собой самую кротость, поэтому женщина переключилась на живших в доме людей. В свою очередь, эти бывшие бездомные были очень нервными.

В один прекрасный день жена пришла домой со стеклянными глазами. Видимо, она с кем-то обсуждала, что в случае отсутствия доказательств того, что её обижают в собственном трёхэтажном доме, ей не дадут субсидированного жилья. Эльза сцепилась с одной женщиной, никто даже не слышал, что они друг другу сказали. Супруга немедленно позвонила в полицию и заявила, что её обижают, просила приехать и спасти её. В приюте не хватало только полиции!

Герберт взял трубку и заверил: «Эта женщина сейчас уедет». В это время жена уронила кастрюлю. Полицейские

на том конце провода закричали: «Что у вас происходит?! У вас драка, мы срочно выезжаем!». Герберт уговорил жену взять трубку и ответить: «Нет, ничего не происходит, можно не приезжать».

Это произошло в выходной, ни в одной гостинице не было мест, и отправить женщину было совершенно некуда. Герберту пришлось два с половиной часа везти её к знакомым, чтобы где-то поселить. На обратном пути он понял, что добром это не кончится, жена обязательно привлечёт к делу полицию или сотворит что-то худшее. Тогда Герберт снял себе комнату, приехал и сообщил, что будет жить отдельно, на что Эльза ответила: «Не надо, я уйду сама». Через несколько дней она с детьми куда-то исчезла, солгав, что едет жить к прихожанам, у которых больной ребёнок.

Герберт подумал: «Хорошо, пусть ухаживает за ребёнком, это не так уж страшно». В дальнейшем оказалось, что ни к каким прихожанам Эльза не поехала, а заявила властям, что её обижают, и поселилась в государственном приюте. Через некоторое время ей предоставили великолепную двухэтажную квартиру, за которую практически не нужно было платить. Люди давно привыкли к этой системе, для большинства ожидание в очереди на жилплощадь занимало пять-шесть лет. Но если человека обижали, он получал жильё гораздо быстрее. В случае с Эльзой дело было вовсе не в везении – ей посодействовал работающий в муниципалитете инспектор, возможно, даже не поставив женщину в известность.

Итак, жена легко и просто обменяла Герберта на квартиру, имея трёхэтажный дом. Такому ходу её научили проживающие в доме Адлеров люди; они и сами всё время прибегали к подобному методу.

Как же Эльза объясняла и представляла себе этот расклад? Она полагала, что всё останется как прежде: батюшка будет продолжать служить, она станет приезжать и петь в хоре. Здесь отчётливо проявилось всё её лицемерие: как же

Герберт теперь сможет служить, если ему стало противно жить? Как она сможет петь в хоре, когда предала мужа?

Герберт больше не мог совершать литургию, не мог стоять перед престолом Божьим. Он был слишком ошарашен происходящим и понимал, что вернуть прежнее благоговение уже не сможет. Эти чувства выливались в стихи:

1

Опять моих былых видений след
Не кажется мне мрачным, в самом деле.
Как позабыть вас, грёзы прежних лет,
Когда моим вы сердцем овладели?
Я словно запасал вас долго впрок
И вот теперь я вижу, как в тумане,
Моих надежд несбыточных поток,
Волшебный ветерок моих желаний.
Собой картины вы счастливых дней
Напомните, как отголосок мифа,
И снова в сладкий хоровод теней
Любви и дружбы уведёте тихо.
А хоровод тот – сущий лабиринт,
Где не найти ни выхода, ни входа...
И снова сердце горько заболит
О прежнем счастье, плача без исхода.
Поёте мне вы песни, что я пел,
Когда не мог ещё представить даже
Всё то, что я потом перетерпел
И душу что оставило мне в саже.
Угас, увы, мой пламенный восторг,
Как первое конца напominанье,
Когда ещё представить я не мог,
Что сбудется и это предсказанье.
И длинная упрямая тоска
Стянула душу, словно бы удавка,
И мыслью тяжкой шепчет у виска,

Что мне былого якобы не жалко.
Ещё как жалко! Средь духовных царств
Я заплутал, увы, вполне серьёзно.
И моё сердце превратилось в кварц,
И жизнь моя переродилась в фарс!
Что невозможным было, то возможно!
И, содрогаясь и давясь слезой,
Я променял святыню на банальность,
И всё, что ныне, – словно не со мной,
А то, что было, – словно бы реальность...

2

Когда расстались мы
В молчаньи и слезах,
Убитые мечты
В сердцах разбили в прах.
И в холоде лица,
И в бледности щеки
Постиг я до конца
Всю глубину тоски.

И поцелуй росы,
Что в предрассветный час,
Предупрежденьем был,
Что чувствую сейчас.
Как от стальной косы,
Опали клятв листы.
Не пало на весы
Последнее «прости».
И в имени твоём
Уже намёка нет
На то, что мы вдвоём
Прожили много лет,
На то, как я рыдал
И как рыдала ты,
Похоронив в подвал

Убитые мечты.
Запретная любовь
Закончилась тоской.
И лучше больше вновь
Не видеться с тобой.
Лишь через много лет,
Отбросив стыд и страх,
Послать тебе привет
В молчаньи и слезах.

Больше не было его ласковой и кроткой Эльзы. Не было милой и доброй матушки. Украли инопланетяне, бесы – думайте что хотите. Да, именно инопланетяне! Украли и подменили, всё, нет её больше. Герберт любил собственную фантазию и теперь горько её оплакивал.

Полями в звонкой рани, как побледнеют тучи,
Уйти мне будет проще. Ты ждёшь давно меня.
Промчусь я через рощи, взлечу я через кручи,
О, как разлука ранит! Не вытерпеть ни дня.

Но тяжким думам тесно от ноющей разлуки.
Не слышно мне ни звука, и некому помочь.
Мой путь – сплошная мука. Согбенный, скрестив руки,
Бреду в край неизвестный, и день мне стал как ночь.

Меж звёздными мирами читаю твоё имя,
И парус не белеет над бездной грозовой.
Не встречусь я губами с ресницами твоими,
А положу фиалки на камень гробовой.

ШУТ, МАТЬ ТЕРЕЗА И КУ-СЮ

Во всякой истории, даже самой грустной и непоправимой, нужен какой-никакой шут, как у короля Лира. Чтобы таскаться за ним и протяжно канючить: «Дя-я-я-я-денька, дя-я-я-я-я-денька, войди в разум! Никакой ты не король, а дурак! Лучше быть королём дураков, чем королём-дураком!». Цитата, конечно, не точная, но сейчас не до цитат. Лир не был жертвой, он донимал своих дочерей по полной программе. Гостил у каждой по месяцу со свитой из ста дебоширивших рыцарей, которые обижали местную прислугу; самодурствовал и требовал к себе полного почтения, немедленного исполнения любых взбалмошностей, хотя реальную власть отдал дочерям. Хотя мало кто обращает на это внимание, но Шекспир правдиво описал характерные черты многих родителей. Так, родители Эльзы, например, были чистой воды короли лиры с заламыванием рук и призыванием бури дуть во всю буйную дурь.

Герберт не был королём Лиром ни в какой степени. Да, его безусловно все предали, но всё-таки король был взбалмошным негодяем, а Герберт, может, и взбалмошный, может, по мнению Эльзы, и негодяй, но по-другому. Лир был нелиричный, а Герберт – лиричный и поэтому не Лир. Вот такая несправедливость иногда случается даже с самыми трагическими героями. Герберт ведь и сам был шут ещё тот. Как сказала одна прихожанка, он хоть и внешне вполне смахивал на классического попа с богато украшенным бородой ликом, но взгляд у него, дескать, был слишком живой, шутки вольными, а где свобода высказываний, там и когнитивный диссонанс в полной мере. Всё это усугубляло неуважительное отношение к авторитетам, которое Герберт с трудом скрывал, хотя оно и весьма выпячивало.

По закону жанра земного спектакля главный герой не мог быть сам себе шутом, и поэтому наш ласковый и,

несомненно, полный любви к нам Громовержец, хоть и с сомнительным театральным вкусом, подыскал слишком живому священнику шута от души – как говорится, не обидел, отвалил в полной мере, чтобы мало не показалось!

Злого шута звали Савий. Он появился в доме Адлеров, как водится, внезапно. Будучи профессиональным, идейным бездомным, он тёрся возле протестантской церкви и порядочно замучил служителей. А наш батюшка, славившийся широтой религиозной и прочей терпимости, принял его даже от протестантов, не побрезговал. Ведь прочие православные убеждены, что другие деноминации никакие им не братья во Христе: как говорится, чёрт им – брат во Христе! Правильно веровать нужно, без всякий зыбких, скользких ересей.

Савий явился на велосипеде, балансируя, как эквилибрист, огромным тюком на спине, где шатко покоился весь его многообразный скарб, включая палатку. Савий селиться у Адлеров не пожелал, а разбил лагерь на лужайке перед домом. Питался отдельно, исключительно здоровым образом, а в дом наведывался по хозяйственным нуждам и позадирать домочадцев.

– Батянечка, – придурочно обращался он к Герберту, – в вашем притоне, простите, приюте побольше бы девчонок. А то у вас только всякая нелюдь кишит. Никакого удовольствия! Я это не от сладострастия, а по-дружески рекомендую. Вы так себя, ваше преподобие, совсем от красоты и пригожести отучите. Хотя матушка скоро всё равно всех разгонит.

– Это почему? Так уж и разгонит? – Герберт смеялся над лжеюродивым. Ему казалось, что шут несёт бред, но ведь тот попал в точку. Разогнала, ещё как разогнала!

– Так виданное ли дело, батянечка, в дом всякую шваль тащить?! – кричал Савий, и кишачья вокруг шваль злобно огрызалась на такие неуважительные слова о ней.

– А мы сами-то с вами не шваль, что ли? – по-философски обобщал Герберт. Но Савий гнул своё.

– Вот вы, батянечка, духовно сибаритничаете, а кончится всё несуразно, помяните моё слово. Слезами умоетесь. Выть будете!

– Так уж и выть! И это почему ещё сибаритствую? – заинтересовывался Герберт. – Сибаритствуют – это вроде живут в роскоши и неге? Эка загнул – «сибаритствовать»!

Савий, несмотря на образ дурачка и любимую присказку: «Что-то вы, батянечка, мудрёно изъясняетесь, непонятное чавой-то говорите», – часто выстреливал заумным словечком, словно приоткрывая очередную страшную тайну своей биографии (коих, впрочем, было немало). Дескать, он не простачок, а может, даже какой-то философ бродячий или метафизик с обширными мнениями в весьма хитросочинённых вещах.

– Так, батянечка, я и говорю – сибаритничаете, но духовно. Нельзя на таком помёте, как мы, опыты ставить, коммуны образовывать, строгую анархию вводить. Вы же, батянечка, поплатитесь за эдакие вольности. Мы вам всю плешь проедем, а потом голым и босым гулять отправим.

Герберт смеялся и не верил. Стоило ответить шуту что-нибудь в православном духе, как Савий приходил в нешуточное негодование.

– Я верую в Колобка, – возвещал Савий победоносно. Он этой верой в колобка ещё протестантов довел до нервной тряски.

– Это почему же в Колобка?

– Его невозможно поставить на колени! Ему не выкрутишь руки! – Савий становился в торжественную позу и принимался декламировать: «Верую и исповедую, яко Колобок еси воистину круглый, пришедший в мир голодных накормить, от них же первый есмь аз». Этим богомерзким словоблудием Савий приоткрывал очередную свою тайну: его необычная осведомлённость в церковном жаргоне говорила о том, что за свою жизнь он обжёгся и об эту жаровню.

Савий юродствовал от души, с охотой и со вкусом. Когда в приют звонили, он брал трубку и совершенно придурочным голоском с придыханием возвещал:

– Аллё! Чаво надо? Батюшку? А они давеча пришли-с домой выпимши, почивают и будить не велели! – и это при том, что совершенно трезвый Герберт сидел напротив Савия, когда тот так паясничал. Но батюшка только благодушно веселился и поощрял шута, чем выводил из себя всех жителей приюта и особенно матушку.

– Какой он юродивый? Юродивые – святые, а он же атеист, – говорила с нескрываемой неприязнью Эльза, – креста на нём нет.

– Да многие с крестом хуже безбожников, а у него, может, такая форма юродства, – размышлял Герберт. – Может, он надел на себя такую личину... Или, может, он святой атеист?

Но Савий не был святым. Святые ведь не должны ненавидеть, а он самозабвенно на дух не переносил подавляющее большинство жителей приюта, и ему охотно платили той же монетой. Самая страшная, можно сказать, животная вражда у Савия была с регентшей, которую Герберт выписал с Украины взамен молоденькой певчей, не выдержавшей в приюте и пары месяцев.

Одесситка регентша Алефтина была куда крепче. Она продержалась почти год и уехала от греха подальше уже под самый конец, когда матушка Эльза принялась опасно злобствовать направо и налево.

Регентша Алефтина тоже не понимала батюшку.

– И шо вы разоряетесь без копейки денег? – частенько говорила она ему. – Разгоните всю эту кодлу.

– Так в том-то и дело, что каждый житель приюта предлагает всех выгнать и оставить только его. Все хотят индивидуальный приют! Чтобы заботились и кормили только его одного.

– Ну, это уже таки брак называется, когда приют для одного. Батюшка, я всё понимаю. Вы такой верующий, но не до такой же степени!

– А до какой степени нужно быть верующим? – вопрошал Герберт. Тут вмешивался Савий:

– Батянечка, регентшу первую гнать надо. Она консервы общие ворует и у себя в комнате прячет.

– Мужчина, а тебя что, спрашивали? Я пару банок скумбрии с благословения батюшки взяла, чтобы на родину послать.

– Батянечка, гони её. Она ведьма!

– Шоб я видела тебя на одной ноге, а ты меня одним глазом!

– Ви уходите с кухни, слава богу, или остаётесь, не дай бог? – Савий подстраивался под одесситский говор, хотя заметно злился.

– Да шо ви уже такое говорите, чего я вам ещё не слышала? – напирала Алефтина. – В Украине эта скумбрия нужнее. У меня там дочь и мать!

– Шоб ви так жили, как прибедняетесь!

– На тебе дулю, купи себе саван, а на сдачу застрелись!

– Не крутите мне мои фаберже!

– Да будь я на родине, я бы твои фаберже тебе на уши натянула! Тебе скучно? Сейчас я сделаю тебе скандал, и будет весело!

– Иди ты на ...

– Я там чаще бываю, чем ты на свежем воздухе! – отвечала Алефтина, хоть прожила год в вынужденном воздержании, и это при том, что Савий постоянно жил в палатке, и воздух вокруг его нехитрого жилья был вполне свежий, за исключением самой палатки.

Ох, как они друг друга ненавидели! А Герберт потешался над смачной перебранкой. Наивный идиот.

Герберт пытался увещевать Алефтину:

– Вы же не жительница приюта, а наоборот, представитель церкви.

– Да она стерва: и жалование получает, и скумбрию ворует, – вмешивался Савий.

– Да вот те крест, убила бы вахлака! – замахивалась Алефтина на Савия. Вот поверите ли, батюшка, этот поц всю жизнь мне тут отравил. А вы ведь меня, почитай, спасли. Я уж и не знала, в проститутки пойти или к вам ехать.

– Да какая из тебя проститутка? – возмущался Савий как истинный знаток. – Тебе самой доплачивать придётся, чтобы кобель какой затрапезный позарился!

– Убью засранца, батюшка, вот тебе Святой Боже, убью!

И Алефтина нешуточно зыркала на Савия так, что даже в соседних комнатах у многих холодело на сердце.

Вообще, кухня в доме Адлеров была истинным полем брани. Изящно оформленная за немалые деньги, с игривыми завитушками и витражными стёклышками в шкафчиках она грубо диссонировала со страстями, невольной свидетельницей которых ей приходилось быть. В доме Адлеров всё вызывало это ментальное несоответствие между изысками декора и дикостью житейских сцен. Возможно, только после революции, когда чернь нахлынула во дворцы, можно было наблюдать такую фантазмагорию. Но здесь прежнее богатство таким образом, в соответствии с безумием Христа, было отдано на всеобщее поругание.

– Разваливают дом, а ему хоть бы что, – сетовала Эльза, хотя дом не любила. Может, Герберт назло ей разрушал свой самый дорогой подарок, сделанный жене. Этот дом, как, впрочем, и всю свою жизнь, он посвятил ей, но та не желала его даров. И вот теперь он измывался над домом и тем самым неосознанно мстил за отвергнутый дар, за отвергнутую любовь. Вот такая сложная комбинация вполне могла, как говорится, иметь место.

Савий особенно любил издеваться над батюшкиным домом. Он частенько говорил:

– Не ожидал я от вас такой пошлой меркантильности. Всё-таки лицо духовное, а барахла, как у последнего барыги.

Но Герберт всё принимал с незлобивой усмешкой.

Когда на очередной моцион выходил ещё один персонаж приюта – величавый профессор, который приехал к Герберту на недельку, а задержался на два года, – Савий неизменно повторял:

– Ну что, утомились, пися?

Профессор писал исторические поэмы и морщился при слове «пися», а Савий много раз на дню повторял эту фразу.

– Дайте-ка я Вам яишенку сварганю, – примирительно предлагал Савий, и профессор благосклонно позволял себя угостить. Питался он в основном яичницами, которые жарил себе в любое время дня.

Савий утверждал, что когда-то служил поваром в ирландской харчевне, видимо, после того как, по его же словам, его выгнали из садовников в Англии.

У него весьма ловко выходили супчики и омлеты. Но готовил он их только профессору и батянечке. Больше никому.

Ещё жила в приюте старая грузинка Тереза, и поэтому, разумеется, её прозвали не иначе как мать Тереза. Жила она не от нужды, а потому что дома ей в её почтенные девяносто три года было скучно, и сын на лето привозил её пожить с людьми, пообщаться.

Мать Тереза была красавицей даже в свои годы. Её благородные черты лица указывали на принадлежность к гордому народу. Тонкие жилистые руки неизменно несли на пальцах целый капитал, состоящий из разнообразных алмазов и яхонтов невообразимой каратности.

Она обладала короткой памятью и постоянно повторяла одни и те же истории, но, поскольку в приюте жило четырнадцать человек и приезжало много гостей, ей всегда была уготовлена благодарная аудитория.

– Ваабшэ, я винодэлка, – в очередной раз начинала свой рассказ мать Тереза, хотя все знали, что она выпускница консерватории.

– Как же так, – тут же встревал Савий, – вроде же вы служительница музыкальных муз?

– Ой, маладэц! Дагадался! – обворожительно улыбалась Тереза. – Но сначала я была винодэлка. Ми хадили на практику с грэлками и туда сливали молодое вино. Патом всэ удивлялись, пачему практиканты такие вэсёлые!

– Ой, матушка Тереза, куда ж вы на старости лет попали! – причитал подлец Савий.

– А што? Разве тут плохое место?

– Ой, плохое, – передразнивал её Савий.

– Сынок, ты што, картвели? Грузин?

– Да, конечно! – врал Савий, хотя часто представлялся полным именем – то Самуил Моисеевич, то Моисей Самуилович. Настоящее его имя так никто и не узнал.

Мать Тереза верила и тут же переходила с ним на грузинский. Савий настолько манерно реагировал на якобы родную речь, что мать Тереза верила, а более подробно разобраться в национальных корнях шутника не могла, потому что через минуту всё забывала.

Герберт сажился за разбитое фортепиано и принимался аккомпанировать, мать Тереза устраивалась рядом и пела по-грузински «Сулико». В одном месте Герберт всегда фальшивил, и мать Тереза резко шлёпала его по пальцам, приговаривая: «Нэ так!» – и заставляла сыграть правильно.

Но и тут Савий не оставался в стороне. Он затягивал захватывающую песню:

«Дэнги есть – Уфа гуляю,

Дэнги нэт – турма сижу!»

И тюрьма не заставила себя долго ждать. Савия арестовали на складе, где он хранил то, что не мог возить на своём велосипеде. Его обвинили в том, что он обчистил пять соседей по складу и украл двести турецких ковриков, всякую утварь и картины малоизвестного индийского

художника, причём, по утверждениям родственников, на сумму в двенадцать миллионов долларов.

Савию конкретно грозил срок. А ведь он бездомничал именно потому, что панически боялся государства и всяческих сношений с властями.

Савия выпустили до суда, и только после восьми месяцев напряжённого следствия оказалось, что картины индусы украли у себя сами, чтобы получить страховку.

Но и тут полиция не уgomонилась, желая записать его в сообщники. Два суровых следователя явились к Герберту в дом. Герберт отметил, что так можно любого обвинить в причастности к этой краже, да хотя бы и его самого. Сыщики внимательно посмотрели на Герберта и спросили наполовину в шутку, наполовину всерьёз: мол, если хотите, мы вам это устроим...

Герберт предоставил такие неоспоримые доказательства убогости Савия, а также его бронебойного кухонного алиби (ибо с успехом заезжего актёра он выступал на кухне сутки напролёт), что дело против него рассыпалось и с несчастного сняли все подозрения. А ведь хотели дать пять лет. Куда же делись двести ковриков, так и осталось тайной.

В доме шутили, что рано или поздно коврики найдутся у Савия, потому что он всё тащил к себе либо на склад, либо прятал в палатку.

Следователи, уходя, с заметной подозрительностью посмотрели на коврик у двери – не турецкий ли? – но коврик был настолько многострадально нетурецкий, что ввёл следствие в тупик, из которого оно так и не вышло.

После того как угроза тюрьмы миновала, Савий неожиданно принялся за устройство личной жизни. В приюте проживала тихая женщина, у которой муж сошёл с ума и, видимо, немного её этим заразил. Ей очень хотелось, чтобы её считали больной и сумасшедшей. Савий звал её Ку-Сю, охотно всякий раз склоняя её имя. Стоило ей появиться на кухне, как он говорил:

– А, вот она, Куся! Никак проснулась. Шейка тоненькая, а жить-то хочется!

Куся улыбалась благосклонно. Её муж пропал бесследно, и теперь она была не прочь наладить личную жизнь, несмотря на болезненную скромность поведения.

Герберт и не предполагал, что у Савия с Ку-Сю может выйти что-то серьёзное. Ведь мужчине было уже под шестьдесят, а Ку-Сю едва исполнилось сорок. Но в приюте все возрасты в любви были проворны, как ни смущало это нашего чистосердечного наивного батюшку.

Он всё понял, только когда Савий принялся готовить яишенку и для Ку-Сю. Большого доказательства интимности их отношений не требовалось.

Хотя и раньше регентша Алефтина докладывала, что её враг Савий уединяется и блудит с только с виду невинной Ку-Сю. Да и правда, та показывала в качестве рекламы свои фотокарточки в молодом возрасте и приговаривала, что была ещё той звездушкой. Савий с видом знатока причмокивал губами, а Герберт качал головой. Что делает с красотой жизнь! Каких-то полтора десятка лет, и от звездушки не осталось и следа.

Но Савия это не смущало, и он игриво продолжал повторять о тонкой шейке, о том, что наконец-то в приюте появилась крутая девчонка, хоть и слабая на головной конец.

Потом оба решили, что близость была ошибкой. Савий стал снова груб, перестал делать яишенку и как-то обидно сказал пробудившейся молчальнице:

– Ку-Сю проснулась, отложила каку и села пить чай.

На это бывший литературовед Ку-Сю обиделась и решила порвать с охальником. Видимо, слово «кака» сыграло в этом приговоре решающую роль.

Однако чувствам не прикажешь, и потрепанные жизнью молодые съехали на отдельную квартиру, где прожили недолгую семейную жизнь, уже навсегда прервавшуюся очередной госпитализацией бедной Ку-Сю.

СВЯТАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

Духовенство города не любило Герберта, его церковь и приют. Батюшку весьма технично очерняли и эффективно изолировали от православной общины, посылали к нему самых опасных сумасшедших и создавали такую репутацию, что деятельность его сводилась к нулю.

Причём всё это делалось за глаза, а при встрече священники улыбались, троекратно лобзались, охотно твердили «Христос посреди нас».

Конечно, буквальное следование евангельским заповедям бросало вызов самодовольному духовенству. Герберт не ставил себе цели бросать ему вызов, но так получалось, что, открывая собственный дом всем страждущим и бездомным, он делал болезненный и очевидный упрёк всем тем священникам, которые не только не делали ничего подобного, но и вели себя по-хамски и ханжески со своими прихожанами. Разумеется, противодействие не заставило себя долго ждать.

За всем этим лежала не только зависть к добрым делам, но и простая грубая конкуренция за пожертвования. Зачем православные будут подавать Герберту на каких-то нищих, когда нужно давать на позолоту купола храма и на содержание честного духовенства, а не какого-то выскочки с его оборванцами?

Причём чаще всего до Герберта доходили такие вещи.

Спрашивает кто-нибудь у другого батюшки, что он думает о церкви Герберта, а тот грустно улыбается и тяжело вздыхает. Больше ничего не надо, этим всё сказано.

В более тесном кругу распространялась явная ложь, что Болгарская церковь, к которой принадлежал Герберт, не совсем каноническая. Это было неправдой, во всяком случае, на тот момент. В наше беспокойное время противостояния Московского Патриархата с Константинопольским вот-вот возникнет новый раскол, и трудно сказать, кто на чьей стороне окажется.

Герберт привечал протестантов и прочих еретиков, даже принимал от них пожертвования. Когда четырнадцать голодных ртов, как не принять мешки с рисом от добрых людей? Ну и что, что от протестантов, тут не важно, от кого. Принимали и от атеистов.

Герберт думал, что сменится старое поколение духовенства, и эти наветы за глаза прекратятся. Но не тут-то было. Эстафету приняли молодые священники. Они уже не знали точно, в чём обвинить Герберта, и просто говорили прихожанам, что, мол, с этим батюшкой что-то не в порядке.

Главной же причиной для обвинений всегда была Эльза. Герберта рукоположили при том, что он был женат на разведённой.

Герберт обошёл эту проблему тем, что перед рукоположением написал заявление, что никто из супругов не был раньше венчан. Гражданский брак не принимался в счёт. Священноначалие обо всём догадывалось, но решило, что будет правильно такого ревностного верующего, как Герберт, рукоположить.

Именно Эльза впоследствии своим уходом и сделала священство Герберта невозможным. предавший раз, предаст и снова...

ДУХОВНАЯ БЕСЕДА

Герберт всё потерял, но не как испытываемый Богом бедный Иов, лишённый семьи и стада, а в гораздо худшем варианте. Он потерял нить, по которой бродил в лабиринте. Его жена забрала десятилетнего сынишку Патрика и ушла в государственный приют. Эльзе казалось недостаточным просто лишить мужа всего, она вдобавок унижала его как мужчину, говорила, что он никому не нужен.

Герберт, пытаясь разрядить обстановку, рассказал Эльзе анекдот: «Когда жена ушла, мне сначала было грустно и тоскливо. Но потом я завёл собаку, купил мотоцикл, о

котором всегда мечтал, и наконец-то вдул соседке! Жизнь сразу наладилась, вот только теперь думаю, что, когда жена с работы вернётся – мне конец!».

Но вместо смеха от Эльзы он получил в ответ: «Иди, вдуй соседке!» – хотя она прекрасно знала, что у Герберта никогда в жизни не было никаких женщин, кроме неё.

Ах, так? Ну хорошо! Через пять дней после развода Герберт сообщил Эльзе, что нашёл другую женщину и предложил ей руку и сердце. Эльза не поверила. Звучало достаточно интригующе для обычного человека, а ведь Герберт был ещё и православным батюшкой. Он хотел отказаться от священства, убеждённый Эльзой, что является плохим служителем церкви. А поскольку многие разведённые священники вопреки традиции продолжают служить, то Герберт заявил о намерении вступить во второй брак и тем автоматически получил освобождение от сана.

Тогда Эльза пригласила бывшего супруга на беседу к духовнику отцу Алипию. Формально она искала примирения, но Герберт, увидев её совсем изменившуюся, отстранённо взволнованную, недобрую, понял, что в душе жена и не помышляет о прекращении войны. Тогда он затеял разборки на отвлечённую тему:

– Джейк убил нашего кота, – предъявил Герберт.

– Кот болел, и его увезли на усыпление к ветеринару, – парировала Эльза.

– А у меня есть сведения, что наш сын застрелил его из духового ружья! – скандально взвился он. Эльза раздосадовалась.

– С чего ты взял?

– В коридоре была кровь, а жильцы слышали выстрел и приглушённое мяуканье.

– Чего ты хочешь?

– Понять, какой монстр твой сын, – Герберт намеренно произнёс слово «твой», имея в виду «ты воспитала чудовище».

Джейк давно отстранился от отца без видимой причины, ещё задолго до последних событий, когда поводов для ненависти не могло и быть. Зато сын трогательно любил мать. В его поведении чётко прослеживался эдипов комплекс – классика жанра.

Эльза пришла в покалывающее негодование:

– Ты совсем сошёл с ума!

– Пусть представит справку из ветлечебницы.

– Не сомневайся.

– И я подам в суд на ветеринара, который усыпил моего кота без моего согласия.

– Как же здорово! – злилась Эльза. – Не представь мы тебе справку – сын окажется монстром, а представь – подашь в суд! Ты со своими жильцами совсем повредился рассудком.

Перебранку прервало появление деловито шуршащей рясы.

Отец Алипий одарил бывших супругов рассеянным взглядом. Было ясно, что ему совершенно не хочется участвовать в разборках, вот-вот должна была начаться служба. Повисло характерное для подобной сцены молчание. Тогда Герберт взял быка за рога.

– Я предлагаю такой формат встречи, – с едва заметной иронией начал он, – пусть своё видение сложившейся ситуации сначала изложит Эльза, потом я, а потом Вы, отец Алипий, выскажете своё мнение.

Эльза помолчала и чуть слышно прошептала, что ей нечего излагать, пусть говорит Герберт. Тот ухмыльнулся так, будто бы противник на дуэли предложил ему первый выстрел.

– Ну что ж, тогда я попытаюсь объяснить, что произошло. Вы, отец Алипий, являетесь для нас обоих авторитетом. Правда, когда я обратился к вам с просьбой повлиять на Эльзу, мне было заявлено, что вы не станете брать ничью сторону. Я на вас обиделся. Всё же потом оказалось, что вы

дали Эльзе совет ничего не рушить и просто отстраниться, если ей что-то не нравится.

Итак, девять лет назад, почти сразу после крещения, мы открыли свой дом для всех нуждающихся в крове, пище, внимании и любви. Дом наш неприлично велик, в нём три этажа, жить там одной семьёй просто нецелесообразно. Этот дом – след моих амбиций, когда я был довольно успешным бизнесменом. Следуя завету Христа раздать всё и следовать за Ним, я посчитал, что открытые для всех двери моего дома станут самым подходящим первым шагом в этом направлении. Также с благословения архиепископа мы построили при доме часовню, куда стали приглашать священников. Мы издавали православную газету и приглашали через неё людей. Сначала к нам приезжали более или менее благополучные посетители, но потом мы скатились на некое подобие приюта для бездомных, наркоманов, алкоголиков и инвалидов. Я учился всех их терпеть, относиться к ним со вниманием, по возможности прощать, любить и ни в коем случае не осуждать.

После того как Эльза ушла, я попытался удалиться в монастырь, для чего проехал пять тысяч километров. Но матушка позвонила епископу, митрополиту, настоятелю монастыря и отправила им отвратительные письма. В монастыре я пробыл всего семь дней, меня очень технично оттуда выжили. Я пустился в обратный путь длиной пять тысяч километров. Эльза разогнала бездомных и преследовала меня, куда бы я ни поехал.

Отец Алипий молчал. Эльза смотрела в сторону отсутствующим взглядом. Герберт продолжил:

– Теперь я повстречал женщину и собираюсь на ней жениться. От сана я откажусь. Ведь если я с ней венчаюсь, то останусь частью Церкви? Ведь так можно? Ведь у меня будет шанс на Царствие Небесное, если я потом буду каяться?

Герберт явно наслаждался, он говорил так, как часто говорили ему. Церковь всё покрывает, всё терпит, лишь бы были пожертвования.

– Вы и сами всё знаете, – ответил отец Алипий и выжидающе посмотрел на Эльзу. – А зачем, собственно, вы настаивали на встрече со мной?

Эльза сказала:

– Что тут говорить! Вы же понимаете: он меня ненавидит.

Я НЕ СВЯТОЙ

Герберт рассуждал:

– В моей ситуации нет ничего нового. Она прекрасно ложится на историю с Иовом несчастным или Иудой. Господь испытывает нас до самой смерти. В вере я не только не ослаб, но, наоборот, очень укрепился. Вера подобна попытке скакать на разъярённом быке-сатане, который несётся во весь опор и бешено пытается сбросить нас со спины. Рано или поздно ему это удаётся, это только вопрос времени.

И лишь святые удерживаются на нём. Но я не святой. Я упал с быка. Герберт писал:

1

Я не святой.

А впрочем, кто же свят?

Живой святой –

То нонсенс жалкой блажи.

Живой – не свят,

А мёртвый не докажет,

Что дотянулся

Он до райских врат.

Как этот путь покат!

Как нас толкают в спину,

Как видят в каждом грех,

И как же много тех,

Кто на пути том сгинул!
Жестоко, Боже, требовать от нас
Какого-то святого совершенства:
Нам даже зуб за зуб
И глаз за глаз
Даются трудно.
Это ль не блаженство —
С размаху дать
Обидчику по роже?
Святыми стать
Ты требуешь, о Боже,
Суля в той святости найти покой.
Что, если кто-то вовсе не такой,
Что, если естество иное:
Ему не хочется покоя, —
Он разве в этом виноват?

2

Бог, хватит валить всё на дьявола,
Хозяин в доме — Ты.
Изволь навести порядок,
И так жизнь нас не радовала,
Заклочены мечты
В могильные ограды.

Ты — символ простоты.
Ну и сделай нам жизнь проще,
Да чтоб поменьше яда.
Крути чертям хвосты
Так, чтоб им стало тошно
Высовываться из ада.
Трагедия на трагедии.
Куда Ты смотришь?
При чём тут свобода воли?
Или Ты во святом неведении?
Или за нос нас водишь

И любишь побольше боли?
Зачем Тебе раболепие?
Зачем хвала льстивая?
Зачем воздыхания?
Вечность проведу во склепе я.
Такая смерть некрасивая –
Лежать и гнить без дыхания.

Зачем это уродство?
Ничего не поправить?
Зачем обижаешь праведников?
Смерть лишена благородства,
Как рэкетирский паяльник,
Которым пришли порадовать.

Плохо тебе было,
Что я тихонько жил.
Надо из себя вывести
И после что есть силы
Рвать до последних жил
Душу мою, до могилы.
Что за вселенский садизм?
Ты хотел откровенно –
Нате!
Ты сорвал с меня крест и ризы,
Хоть я был слугой отменным
Даже в домашнем халате.

В Евангелии от Матфея говорится: если исполнять заповеди Божьи, служить ближнему своему, любить его и Бога, посвящать все дни свои служению Богу и ближнему, то людям не о чем беспокоиться – ни о том, что им есть и пить, ни о том, во что одеться. И Господь повторяет это, приводя в пример траву, которую Он так красиво одевает, что она становится полевыми цветами.

Говорит Он: «Уж если эти полевые цветы так красивы, что красивее риз самого царя Соломона, то неужели вы, маловеры, не верите, что Господь может одеть вас? Если птицы небесные не сеют, не жнут, однако кормит их Господь, неужели вы боитесь, что не накормят вас?».

Это обетование звучит уже две тысячи лет, но до сих пор очень мало людей ему верит. Человек хочет гарантий, стремится сам себе зарабатывать, жаждет припрятать что-нибудь на чёрный день, чтобы был запас. Не верят люди Господу, не верят даже тогда, когда Его благодеяния очевидно проявляются. А посему жалка и отвратительна жизнь большинства из нас.

Верят люди больше копеечке, денежке – вот истинный бог. Его лелеют, любят, ему доверяют. Какое там Евангелие, какие ещё обетования, жертвы Христовы, высшие сферы – вот она, копеечка! Копеечка – это наш настоящий идол. Это то, во что можно верить, на что можно положиться; то, что всегда спасёт, согреет, будет самым главным другом, помощником, единственно верным и надёжным родственником – словом, самым что ни на есть лучшим оплотом человеческого бытия.

Но Господь говорит: «Нельзя служить двум господам – и Господу, и маммоне». Маммона и есть та самая копеечка, которой люди готовы служить и за которую согласны продать свою жизнь. Вместо счастья бытия и удовольствия общения с ближними, вместо радости служения Богу, наслаждения чудесной природой и красками скоротечного лета люди готовы залезть в глубокий подвал и целыми сутками тереть там какие-то посудины, тяжело работать не покладая рук, даже не понимая, во имя чего. Потому что людской бог – это копеечка. Она идол и потому важнее всего – бытия, жизни, спасения. Человек усердно на неё работает и готов рад неё на всё: предать и ближнего своего, и Бога, и собственную жизнь.

Именно об этом говорит Господь: «Если око ваше чисто и просто, то и вся ваша душа чиста и проста. А если око ваше

нечисто, то вся ваша душа, всё нутро наполняются тьмой. А если то, что вы считаете светом, есть тьма, то какова же ваша тьма?» — и ужасается. Какова же тьма человека, который отрекается от Господа ради копеечки, ради тридцати серебряников, которые были заплачены за жизнь и за Господа нашего?

Не надо повторяться, называя всех иудами, — это всё мы уже слышали и проходили. Поклоняясь копеечке, будучи готовыми ради неё предать Бога, Христа, мать и брата, любовь и жизнь, люди идут в ад. Ибо тот, кто любит копеечку больше Бога, больше жизни, не может сопребывать с Господом в раю. Не получится купить себе пропуск в рай, этакий увеселительный билет, за который можно заплатить и иметь гарантию, что окажешься в раю. А каков будет рай человека, если кроме сребролюбия у него ничего нет — ни истинной любви, ни искреннего прощения, ни подлинного умиления перед престолом Божиим?

Да, у нас ничего нет. Есть только любовь к этим копеечкам: лишь бы их было больше, лишь бы собрать их и упрятать. Какой же тогда будет рай? Что он из себя представляет? Горы копеечек, в которых мы станем купаться? Может, это будут горы бумажных денег или каких-то векселей? Каков он, рай для сребролюбца?

Увы, для сребролюбца нет рая. Этого никто из людей не понимает. Они готовы всё продать за копеечки, и нет никакой возможности прекратить это. А копеечки тем временем превращаются в страшные, горящие угли. И чем больше человек набивает их себе за пазуху, в подмышки, карманы, тем больше они будут его жечь и мучить. Это камешки на дороге в ад, это свидетельство по капельке проданного и преданного себя и Бога.

Это очень серьёзный вопрос. Конечно, любовь Божья велика, каждый сидит и думает: «Что бы он там себе ни говорил, а я свои копеечки буду беречь». Да, Господь милостив и будет вразумлять людей в течение жизни, снова

и снова лишая копеечек, показывая всю тщетность попытки предать Бога и заменить его золотым тельцом.

Рано или поздно эта борьба закончится. Вопрос лишь в том, что победит: золотой телец, маммона, ад, деньги, превратившиеся в угли, или покаяние и спасение.

НЕ В КОНЯ ОВЁС

– Просто удивительно, насколько люди не умеют договариваться! – негодовал Герберт. – Скажи, объясни, чего ты хочешь; я подумаю, и может быть, это не окажется настолько уж невыполнимым. Но нет! Театр всё время продолжается, каждый пытается изображать из себя нечто отличное от того, чем является на самом деле. А кем человек является, он и сам не знает и неизменно прибегает к предательству как лучшему финалу любых отношений, венцу! Венец Иуды...

Предательство. Излюбленный исход!
Как часто ты красуешься пред нами,
Простое, как обманутый народ,
И гордое, как брошенное знамя.

Предательство. Как весело звучит!
И хочется, не шевеля губами,
Бросаться на копье, откинув щит,
И на щите быть принесённым к маме.

Предательство. Ты светоч и маяк,
Движение, доказанное прозой.
Нам без тебя прожить нельзя никак.
Отбросим стыд, прикрывшись мудрой позой!

Предательство. Как узок твой изгиб,
Как неподкупна ненависть измены!
И в тот момент, когда почти погиб,
Вдруг начинаешь верить в перемены.

Предательство. Как лицемерны те,
Кто не слагал в экстазе дифирамбы!
Я б волю дал твоей простой мечте –
Прорвать на свете все речные дамбы.

Предательство. Ты как ночной потоп:
Внезапно и бесстыже, прямо в утро!
Увы, напрасно старый хитрый поп
Скрывал от нас, что быть Иудой – круто!

Предательство. Глоток вина – там яд.
Предательство. Нож в спину. Иль в затылок.
О, как тебе я буду даже рад,
Когда войдёшь без стука утром сивым!

Предательство. И я тебя предам!
И возведу порок в дурную степень.
Я – мёртв, смержу, я – сцена не для дам.
Я – жук. Я – червь. Я – неотступный слепень.

Предательство. Смириться и забыть,
И, бог с ним, не заметить поруганья –
Да! – как икон потресканная зыбь
Не замечает лживость покаянья.

Когда семья решила пожаловаться на Герберта духовнику, Адлер позвонил ему и сказал: «Отец Алипий, бывает всякое. Может, и ваша жена когда-нибудь будет жаловаться мне на вас. Объясните моей семье: нужно либо быть христианами, либо вообще не связываться с верой. Объясните, что не существует служения в чистых рубашках, невозможно в чистой рубашке взойти на крест. Служение Христу – это кровь, пот, унижения, а всякий проповедующий иначе – просто лжец».

Отец Алипий ответил, что не хочет становиться ни на чью сторону и не будет вмешиваться.

– Но ведь это ваш долг – вразумлять, не так ли? Сколько же можно пускать всё на самотёк? – спросил Герберт.

– Знаете, – ответил отец Алипий, – конечно, я сделаю всё возможное, но будь как будет. Всё-таки я не стану брать ничью сторону.

– Даже сторону Христа? – возразил Герберт.

– Кто его знает, – пробормотал отец Алипий и напомнил Герберту Понтия Пилата, вопрошающего Христа, что же есть истина, в то время как истина стояла перед ним.

Так и случилось. Герберт не знал, о чём шёл разговор у семьи и духовника, но в итоге ему показалось, что никакой помощи от отца Алипия он не получил. В дальнейшем, после примирительной духовной беседы, которая никого не примирила, Герберт встал, обнял священника и произнёс:

– Так ли уж это правильно – не брать ничьих сторон? Очень надеюсь, что вам не будет совестно за то, что вы сделали или не стали делать.

Герберт напрасно сердился на отца Алипия. Впоследствии выяснилось, что тот, в общем-то, ничего не мог поделать.

Хотя Герберт всегда удивлялся, встречая того или иного священника: зачем он этим занимается? Существует его фасадная сторона, которая известна и хорошо знакома прихожанам и окружающим, а есть некая внутренняя, где священнослужитель, если способен, честен с собой и со своими близкими. Эти стороны совершенно разные, абсолютно непохожие друг на друга. Та праздничная, лакированная известна многим. Но внутри у человека совсем иное: да, Бог жесток, а вера слаба; да, люди Церкви ведут себя отвратительно, всё гниёт и разлагается.

Казалось бы, зачем тогда всё это нужно? Неужели из-за того, что священники больше ничего не могут, кроме как махать кадилом? Кому они приносят облегчение? Кому принёс облегчение Герберт? Мир как был жесток и отвратителен, так прежним и остался.

Пока с человеком этого не происходит, кажется, что всё гармонично и правильно, а все объяснения – безусловно верные и единственно истинные. Если что-то не сходится, всегда думается: «Наверное, я не знаю каких-то подробностей; это из-за них с человеком произошло то или иное несчастье». Но семьи распадаются, люди предаются друг друга, несмотря на то, что им даже нечего делить. Дети гибнут.

Кто должен нести за это ответственность? Конечно, священники объясняют своим прихожанам: во всём виноваты вы сами, вы грешные, отвратительные, погрязшие в своих несовершенствах. Но, с другой стороны, если в детском саду воспитанники вдруг начинают шалить, доставлять друг другу различные неприятности, ранят, обижают, кто несёт ответственность за их действия? Сами дети? Нет, воспитатель.

Тогда как же можно перекладывать ответственность на простых людей, которые едва появились, открыли глаза и совсем не смыслят, куда двигаться и что делать?

После многократных попыток уйти от мучившего Герберта служения, он не нашёл иного пути, кроме как окончательно порвать с ним. Казалось, что в земной Церкви он не встретил ничего, кроме лицемерия, наглого вранья и убийственного предательства. Если какой-то человек и казался более или менее приемлемым, то лишь потому, что Герберт слишком поверхностно его знал.

Он и сам был источником всяческого греха, пошлости, гордости и не видел больше смысла продолжать эту деятельность. Когда же ему стали известны истинные мотивы действий, совершаемых матушкой, он горько пожалел, что отказался от сана.

В своей последней проповеди Герберт, ещё не зная о готовящемся против него заговоре, упомянул, что матушка – единственный человек, оказывающий ему поддержку. Кого он только ни призывал за эти девять лет! Но никто даже не хотел сделать вид, что согласен следовать за

Христом. И когда матушка оказалась главным гонителем и разрушителем храма, то более оставаться в Церкви не имело смысла.

Не случайно последняя проповедь Герберта стала именно такой:

«Дорогие братья и сестры! Сегодня мы прочитали отрывок из Евангелия от Матфея, где Господь призывает двух рыбаков – Петра и Андрея – и ещё двоих братьев Зеведеевых, и они бросают отца, оставляют мрежи (сети) и следуют за Ним.

Как всё просто! Когда в начале своего пути я читал Евангелие, то именно так и думал: всё будет очень просто. Я приду, объясню, что Христос есть истинный Бог, что Он Мессия, скажу: «Бросайте все свои дела, пойдём за Христом», – и все побросают и пойдут. Пожалуй, одним из самых больших сюрпризов духовной жизни для меня оказалось то, что найти себе единомышленников практически невозможно. Людей много, они приходят и уходят, некоторые остаются. Но они ни в коей мере не считают себя единомышленниками, не собираются ничего бросать, хотя, в общем-то, ничем особенным и не занимаются; они не желают следовать ни за каким Христом.

Вот уже девять лет я неустанно призываю: «Давайте все вместе будем служить людям и Христу». Однако результаты моих усилий плачевны – сказать прямо, они нулевые. Никто не последовал за Христом; во всяком случае, ни один человек не оставил прежнюю жизнь и ничем не занялся.

Конечно, я понимал, что не смогу никого воскрешать – я не апостол, не святой, не Христос; исцелять тоже вряд ли буду; но думал, что своей горячей проповедью хотя бы позову за собой последователей – чего это стоит? Тем более в прежние времена мне удавалось убеждать людей во многих более сложных вещах.

Но нет! Христианство оказалось самым тяжёлым товаром. Даётся оно бесплатно, но люди не хотят его брать. Так, в качестве красивой традиции – пожалуйста! В качестве дани уважения своим предкам – пожалуйста! Зажгут свечу, оставят монеты на содержание церкви. Но в ракурсе того, чтобы поменять себя внутренне, чтобы бросить какие-то старые привычки и занятия, действительно взять и хотя бы попробовать погрузиться в христианство – нет, оно им не нужно!

И ладно бы, они потом разбегались. Я всегда думал: должны же быть какие-нибудь молодые, неоперённые, глупенькие девочки и мальчики, которым можно поднять душу своей проповедью. Или дедушки с трясущимися руками и дряхлые бабушки, которым особо нечего терять, сказавшие: «Хорошо, батюшка, мы пойдём за тобой!». Но ничего подобного не произошло. Ни старики, ни молодёжь, ни женщины, ни мужчины – никто не последовал за мной.

Все люди разные: есть глупые и умные, есть хитрые и бесхитростные, добрые и злые, но все они действуют одинаково. Никто не желает пойти на такой шаг и бросить свои мрежи, свою мирскую деятельность.

Самое обидное, что многие из тех, кто оказывается рядом со мной, не имеют в реальности никакого занятия: им и бросать-то, по сути, нечего. Человек ничем в жизни не занимается, ему просто не от чего отказываться. Ведь для начала достаточно согласиться даже на словах, хотя бы так: «Да! Давай служить Христу Богу, давай соблюдать заповеди вместе. Давай будем вместе кормить голодных, предоставлять приют бездомным».

Кстати, это мог бы сделать даже атеист: не обязательно следовать за Христом, чтобы творить элементарное добро. Но нет! Едва человек понимает, что придётся немного поработать, как сразу требует денег или каких-нибудь дополнительных благ. Нужно кормить нуждающихся? – Извольте заплатить, я буду поваром! Ещё что-нибудь

делать? – Предложите оплату. Люди говорят так, будто я наниматель и мне это больше всех надо.

Я читаю это место в Евангелии и не могу понять: как это так, почему раньше люди вставали и шли за Церковью? Значит, я плохой проповедник и человек. Люди чувствуют гниль и не хотят за мной идти. Но я-то иду – факт налицо. Я иду, но за мной никто не следует.

Вот таким сложным явлением я хотел с вами поделиться. И главное, что оно становится препятствием. Нельзя сказать, что со мной совсем никого нет – со мной есть матушка. Она, конечно, поначалу сопротивлялась, тоже не хотела бросать свои сети – у неё в них рыба, и всё прочее. Но через несколько лет она уже стала смиряться и сейчас, к моему великому счастью, является моим единомышленником. Но этого мало – она моя супруга, что тут удивительного? Наверное, ваши супруги тоже бы стали вашими единомышленниками. Да, такая странная вещь!.. Аминь».

Эльза, Эльза!.. Вот тебе и единомышленник, вот тебе и помощница!..

Выходит, что враги человека – это его домашние, самые близкие люди, которые могли бы его поддержать и похвалить: «Молодец, что ты ступил на путь веры. И спаси Господи, что ты у нас такой замечательный!». Нет! Чаше всего родственники его осуждают, обличают. Особенно любят изобличать в лицемерии и двоедушии. Но человека можно обвинить в чём угодно. Дьявол невообразимо хитёр, и самого что ни на есть святого человека (даже Христа) он обвинит так, что ни у кого не найдётся ответных слов. Лукавый очень изворотлив, он лжец от начала мира.

Получается, люди пребывают в постоянной борьбе. Действительно, Герберт часто слышал, как на почве веры распадаются семьи, жёны расстаются с мужьями, отцы ссорятся с сыновьями, дочери – с матерями. Одни посещают церковь, другие – нет. Но ведь тот факт, что одни любят зефир в шоколаде, а другие – без него, не

вызывает столько разводов и борьбы. Лишь вечный вопрос веры не даёт покоя верующим и атеистам.

Герберт замечал, что, когда человек проявляет свою веру (не дай бог, перекрестится в разношёрстной компании, прочитает «Отче наш» перед едой), вероятность того, что его атакуют и будут пытаться сбить с истинного пути, сильно возрастает.

Ещё пусты страницы книг,
Ещё молчат слова Писанья.
Ещё не смолк последний крик,
Ещё свежи Его страдания.

Ещё живём в тени голгоф,
Ещё не внемлем сути вещей,
Ещё чужда нам Его кровь,
Пролитая с горы зловещей.

На стыке эр, на стыке стран
Писали то, что мы обрящем,
Матвей, Лука, Марк, Иоанн –
Весть о кресте душедробящем.

Вы – ангел, лев, телец, орёл;
Вас четверо. Не нужен пятый.
Несите нам то, что обрёл,
Бог-человек, крестом распятый.

Вы словно раны тех гвоздей,
Пронзивших тело, впились в душу!
И даже, кажется, теперь
И я перед крестом не струшу.

Благая весть, меня готовь
Взойти на крест, где, как и прежде –

Крестом распятая любовь,
Крестом воскресшая надежда!

Люди – очень лёгкая жертва для бесовских внушений. Они словно сажают себе беса на левое плечо и, как радио, вещают всё, что тот шепчет на ухо. Всё это люди считают очень остроумным и замечательным, думают, что изобрели это сами, что это исходит от них самих. По-настоящему человек просто является проводником бесовской пропаганды. Когда нужно промолчать, он говорит какую-нибудь гадость о Церкви, Боге, монахах, священниках; когда нужно сказать что-нибудь доброе о них, человек их поносит, уничтожает, издевается и находит это чрезвычайно развлекательным и приятным занятием.

Поэтому Герберт всё время чувствовал себя как сапёр на минном поле. С одной стороны, ему нужно было сохранить свою веру, сказать ободрительное слово другим, а с другой стороны, не смутить, не стать причиной раздора, ненависти, крика, драки.

Для Герберта главным было, чтобы между людьми сохранялся мир. Пусть всё идёт хоть вверх дном – главное, чтобы был мир. Но вместо этого Герберт получил самую страшную за всю свою жизнь войну. Он и не предполагал, что столкнётся с такой жгучей ненавистью к своей персоне от самого близкого человека. Ах, лучше бы он умер!..

Мне подписали смертный приговор
Изящным росчерком помады на салфетке.
Тот, кто всегда готов к внезапной смерти,
Поймёт, о чём ведётся разговор.

Средь конфетти и мишуры беспечной,
И лицемерной вечной суеты
Вдруг в спину нож. Ах, это, Брут, и ты?
Кто избежал сей пытки бесконечной –

Быть преданным не зверем, не врагом,

А сыном или верною супругой?
Мне ведь и в прошлом приходилось туго,
Но раньше, смерть оставив на потом,

Я был всего лишь предаваем другом,
А тут гораздо крепче припекло,
Как будто в спину битое стекло
Они мне втёрли, торопя друг друга.

Прощаю, сам прошу прощенья я.
Убить ведь можно и без приговоров,
Без лезвий, бритв, химических растворов.
Убить ведь можно, просто не любя!

Герберт считал, что повседневно перед нами всегда стоит выбор между духовной жизнью и серыми буднями, обычными заботами, которыми мы можем занять себя в полной мере, от начала дня до заката солнца (да и ночами можем себя утруждать всяческими помышлениями о мирских заботах). Мы можем настолько погрузиться в заботы мира сего, что забыть о духовном вовсе. И будут течь наши дни в постоянном забвении о Боге, совести, справедливости, любви, спасении, существовании вечной жизни. Конечно, мы не можем полностью оставить заботы о доме нашем, о ближних. Если поступим так, тоже превратимся в нехороших людей. Если придёт к нам голодный, а мы станем ему проповедовать вместо того, чтобы дать кусок хлеба; если придёт больной, а мы вместо того, чтобы лечить его раны, начнём снова проповедовать ему; если человек находится в темнице, жаждущий и поруганный, а мы вновь не пожалеем его, а станем проповедовать, то уподобимся фарисеям и лжецам. Ведь говорят Святые Отцы: «Прежде всего полюбите человека, потом дождитесь, чтобы он полюбил вас, и только потом говорите ему о Христе».

Сказано и в другом месте Священного Писания, что абсолютным нашим долгом и условием спасения,

условием, чтобы Господь принял нас к Себе и посчитал своими, являются следующие поступки: накормить голодного, посетить больного, утешить плачущего, одеть раздетого.

В этом и заключается основная сложность принятия верного выбора, правильной пропорции духовного и земного в нашей жизни. Господь не требует от нас стопроцентной преданности в течение всего нашего времени. Ещё со времён первородного греха должны мы в поте и крови, в непосильных трудах зарабатывать себе на хлеб. Потому и заповедь Моисеева говорит: «Шесть дней работай и только седьмой посвящай молитве и Богу всецело».

Однако разные люди предназначены для разного соотношения земного и духовного. Есть люди, которые посвящают служению Богу всю свою жизнь. Они отказываются от всего земного, материального, мирского и целыми днями полностью посвящают себя молитве, чтению Евангелия, служению Господу. Они выбирают благую часть.

Истинное спасение души заключается в нашей способности слышать слова Божьи. Нередко говорит Господь в Евангелии: «Имеющий уши да услышит!». Самая главная проблема наша в том, что не видим и не слышим мы ничего. А ведь совершенно очевидные, мистические совпадения ведут нас чётким, однозначным путём к Господу, Церкви, спасению. Но мы умудряемся закрывать на них глаза.

Поэтому Господь стучится в сердца наши, делает в жизни очевидными события, когда призывает нас и говорит: «Идите за Мной, слушайте, выбирайте благую часть!». Но мы не слышим и не хотим Его слышать. Нам удобно и спокойно в мареве повседневных суетливых забот, где не нужно прилагать усилий сердца, использовать потаённые уголки своей души, предназначенные для истинного спасения и веры.

Поэтому мы не должны жить в чутком ожидании посещения Господня. Во всяком событии жизни, во всяком слове, казалось бы, случайно сказанном нам, во всяком совпадении кроется Его послание нам. И это послание ведёт к Евангелию, а значит, и к кресту.

Вот и дождался Герберт на свою голову посещения Господня, да ещё какого! Всего ожидал, но только не предательства жены.

СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ

– Батянечка, спасите наши души!

– Ну, слава богу! Это же мой долг, – обрадовался Герберт.

– Не, не так. Я имею в виду SOS! – затрещал притворный голос Савия в телефонной трубке. – Потопла наша Ку-Сю.

Только по весёлым ноткам в его голосе Герберт понял, что, видимо, потопла не окончательно.

– Куся изволила на лодочке покататься. А я поспособствовал.

– Откуда вы взяли лодку? Украли?

– У соседа взяли.

– Значит, украли?

– Экий вы меркантильный, я вам об утопленнице, а вы мне о лодке. Сосед не заметил, а значит, не украли.

– Так лодка-то утонула?

– Не, её вытащили вместе с утопшей, и мы назад приплыли.

– А как же утопленница? Жива?

– Да, вот сидит обсыхает.

– Вода ж ледяная, пневмонию не подхватила?

– Не, только слегка порозовела. Им это на пользу пошло.

– Как же это случилось?

– Ну, сели мы на вёсла, отплыли на середину озера, и тут я, чтобы показать, что она мне всё ещё небезразлична, чуток её веслом огрел. А она, охальница, меня своим

веслом так припечатала, что я из лодки оловянным солдатиком сиганул, а равновесие, знаете ли, не выдержало. Остов у Ку-Сю несмотря на стройность, мощный. Сам проверял.

– И что же дальше?

– Ну, как водится, лодочка перевернулась. А Куся-то плавать не умеет. Ну я подумал, если мы вместе выплывать будем, то оба и потонем. Поэтому я поплыл к берегу один.

– А она что?

– А она за перевёрнутую лодку держалась, пока та не пошла ко дну.

– Ну?

– Баранки гну! На берегу мужики повстречались. Я говорю, спасайте-помогайте. А они по кромке воды прогуливаются, щупают водичку и морщатся. Говорят, опасно плыть, как бы хуже не получилось.

– Куда ж хуже-то?

– Ну не знаю... Говорят, спасателей надо вызывать. С вертолётном.

– Вызвали?

– Не, не успели. Ку-Сю на дно пошла. Я говорю им, поздно вертолёт, пора подводную лодку вызывать. Ну, тогда один мужик вспомнил, что у него моторка в кустах заныкана. Поплыл и успел лодку багром подцепить. Так что не волнуйтесь, батянечка, лодка в сохранности.

– А девушка?

– Куся? А чё с ней будет!

– Достали её из воды?

– Зачем? Она так на буксире, держась за лодочку, и выплыла. Живучая – жуть! Вот только беда, ножик я свой обронил.

– Куплю я тебе новый!

– Не надо. Такой не купите. Тем более мой достали.

– Как?

– Так мужик с багром потом ещё раз сплавал и пошерудил по дну. Много чего достал.

– Неужели турецкие коврики нашлись?
– Какие?
– Ну те, что ты украл?
– Нет, их не нашли.
– А что звонишь?
– Ставлю в известность. Если сосед спросит, то это не мы.
– Так говоришь, лодка в сохранности?
– Ну, мужики её малость багром покорёжили, и одно весло мы так и не нашли...

НЕНАВИЖУ И ВСЁ ЖЕ ЛЮБЛЮ...

Odi et amo. Quare id faciam, fortasse requiris. Nescio, sed fieri sentio et excrucior. «Ненавижу и всё же люблю. “Как такое возможно?”– спросишь ты. – Сам не знаю, но чувствую так, распинаясь и горько томясь».

Так сказал Катулл, и его давние слова до сих пор очень актуальны.

Какое таинственное явление или состояние могло бы объяснить поведение Эльзы? Оно не было обусловлено физической болезнью, но Эльза одновременно любила и ненавидела. Видимая теплота и искренность выливалась в бессердечие, наигранная участливость скрывала неспособность к сопереживанию, внешнее показное дружелюбие переходило в беспочвенный гнев, импульсивность мешала обстоятельности, а притворное «прости» заменяло неспособность к раскаянию и чувству вины, когда другим причинялся вред. В довершение, весь этот набор зиждился на лживости и неслыханном эгоцентризме.

Как легко разрушать

Тем, кто не строит!

Как легко угадать,

Кто кого доит,

Выдоив до синяты.

Как разрушила ты

То, что не строила?
Ведь строил всё вроде я.
Медлительная мелодия
Похоронного марша
Не сделала нас старше.
Уродливая колдобина,
Называемая пропастью,
Поглотила все буквы,
Обрюзгшие, как брюквы, —
Даже те, что прописью,
Буквы моих вирш.
Что молчишь?
Тонко возненавидела
Того, в ком души не чаяла.
Ты меня не обидела,
Ты меня не отчаяла,
А просто убила обухом.
Я теперь сансарю срок второй,
Подрабатывая пьяным в пивной
Или даже смертью с косой —
Той, что совсем не выдумана,
А вполне осязаема.
Как семя, извергаема
Душа на морозный бриз,
И даже стальной карниз
Не удержит знамени,
Предназначенного к спуску.
Теперь я тоскую тускло,
Неярко, как наглая лампа
Накаливания, а скромно,
Как светлячок на выпасе,
А их, светлячков, сонмы.
Попробуй их всех выброси
Тоже под старую задницу!
Как тебя угораздило?
Променяла меня на похлёбку,

Да и та дразнится,
Что в ней мало навару.
И теперь нашу славную пару
Можно считать наёбкой.
Сюрприз за сюрпризом,
А я всё не знаю,
Откуда, мучаясь оптимизмом,
Полна жизнь неожиданностей,
Как гробница – костей;
Костям не больно.
Не материться
Помогают только
Присутствие адвоката
И слабость мата
На фоне воя.
Я приветствую стоя
Руками-вѣтвями
Очевидные преимущества
Первобытного строя:
Завалишь мамонта –
И никаких налогов,
Разводов, подвохов.
Разве это плохо?
А тут только срамота,
Сработанная в мраморе,
Память истеричная
О прежней жизни,
Которой, в сущности, не было,
Если быть вполне критичным.
Сиплая отравы
Злого родника!
Не родной родник мне,
И наверняка
Знаю, кто подсыпал
Яду в струи вод.
Я не идиот,

Из гнезда не выпал
В ловле червяка –
Хорошо, не выпил
Я из родника.
Чудная досада,
Что нельзя понять,
И чему ж ты рада,
Рада, твою мать?
Всё ты истоптала,
Истоптала ты,
А теперь в наряде
Суперправоты...

Эльза была мастером маскировки. Герберт долгое время не подозревал, что его дружелюбная, улыбчивая и всегда приветливая жена на самом деле совсем другая.

И типичной реакцией друзей, узнававших о зверском предательстве Эльзы, было удивление: «Этого не может быть! Никогда бы не подумали, что такое может случиться!».

Да, она умела надевать маску, быть очаровательной и казаться таковой другим людям. И никто, даже сам Герберт, не знал, какая она в действительности. Тридцать лет он прожил под одной крышей с настоящим хамелеоном.

Девиз Эльзы звучал так: люблю тебя, пока ты мне нужен. Будучи отличным манипулятором, она умело использовала в общении самые разные трюки, чтобы добиться желаемого. Если не помогала лесть, она применяла угрозы и шантаж, уничтожая таким образом любые препятствия на пути к цели. Эта женщина была мастером игры. Для людей, которые по каким-то причинам были ей нужны, Эльза становилась самым любезным и милым человеком на свете. Но стоило по какой-то причине стать для неё лишним, как мгновенно открывалось её истинное лицо.

О лживости Эльзы можно было слагать легенды. Она врала умело, веря в собственную ложь. А ведь ложь – сильное оружие. Если человек к тому же убеждён в собственной искренности, то обман очень сложно раскусить. Эльза совсем не стыдилась своей лжи и даже гордилась ею, сохраняя спокойный и уверенный вид. Поэтому легче было поверить жене, чем уличить во вранье.

Корень проблемы крылся в том, что Эльза была эмоционально холодна и даже пуста. Она совсем не испытывала эмоций, не чувствовала сожалений. Это была безжалостная, холодная машина в образе человека, без стыда и угрызений совести.

Буду предельно ёмким:
Есть если чем, то крой.
По ямам на самой каёмке,
На самом краешке ямы,
В слепоте спеша,
Всё кругом круша,
В стену головой
Всё стучимся – я, мы...
Как добро ни сей,
Словно речку, пей
От низов до устья.
Господа и дамы
Не оценят мой
Жест, тупой, как вой.
Как крутой ковбой,
Бьюсь я головой.

Сам бы на постой
Не пустил себя бы.
Обо мне твердят,
Что вдвойне урод,
Делаю что – всё
Задом наперёд;
Что ищу детей
Всё ещё в капусте
И живу, скорбя,
Там их не найдя,
Потеряв себя,
Светлого меня
В ломкости гроша,
В заунывной грусти.
В тьме зловонной ямы –
Где моя душа?
Не хватает воли, как
У алкоголика.
Неужели сдохну
Без наследника?!
Не по крови чтоб,
А по сути в точь,
Чтобы легче в гроб
Удалиться в ночь –
Или что там, после?
Пусть там будет стоп:
Седовласый поп
Обещал мне кущи.
А пока на стол
Шлют одни доносы,
Спасают наши души
Наихудшим
Из известных зол.
Считаю я вопросы:
Почему Бог зол?
С Богом без посредника?

Отрастите уши
Хотя бы,
Как у кошки,
Лучше, как у кролика.
Сутками
Считайте свои дни.
Ах, мы не одни?
Нет, мы не одни!
И не только
По могилам и колыбелям,
Но и в гиблых пробелах
Ветреной судьбы,
Кишащих кобелями
И суками.
Что случилось с нами?
Да то же, что и было:
Повсюду то же быдло,
И это не кажется жутким,
А раньше казалось,
Потому что быдло каялось.
И от этого покаяния
Нам до сих пор икается.
А теперь быдло вступило в право
И не то что не кланяется,
Даже не нагнётся
Поднять золотник —
Слишком мал им,
И страждущий лик не нравится,
Уже не тот накал им!
Нет бывшего дрожания в голосе
И щекотанья в подложечной области.
Теперь всё сосредоточено
Не только между ног.
И Фрейд им не помог:
Сексуальная революция
Захлебнулась поллюцией.

Теперь вся мразь зиждется в черепе –
Не в мозгах, а там, где их негусто.
Там и гнездится
Вялая жажда
Напиться
Кислоты и щёлочи.
Прав был отец:
Все люди – сволочи.
А тот, кто не сволочь, – того распяли,
А он им простил без злобы.
А они с головами воблы
До сих пор на это лыбятся:
Мол, обманули Бога...

Эльза была амбициозна, однако слаба и уныла, редко доводила начатое до конца, боялась ответственности и всегда пыталась переложить её на Герберта. Для неё было важно иметь возможность обвинить мужа во всём, что бы ни случилось.

Поэтому, когда Эльза решила, что Герберт ей больше не нужен, какие-либо моральные устои и табу просто перестали для неё существовать. Женщина шла к своим целям напролом, совершала поступки, выгодные только ей, не придавая никакого значения тому, что кто-то может пострадать.

Трудно сказать, почему Эльза стала такой – возможно, из-за пережитых ею жизненных травм. В детстве она испытала жестокость и даже насилие. Её родители были довольно подлыми, садистичными людьми. В юности её бросил парень, и она пыталась покончить жизнь самоубийством. После всего пережитого Эльза превратилась в замкнутую девушку с огромным количеством психологических проблем.

К сожалению, всё это было реальностью жизни Герберта. Три десятилетия ему удавалось каким-то образом дружить

с Эльзой, поддерживать контакт, пока обстоятельства не сложились так, что он оказался больше не нужен жене.

Женщина должна быть тихим ангелом, хранительницей очага и дома – это очень важное свойство. Хороший пастырь, любящий муж никогда не будет никого неволить.

Человек, живущий с Богом, ни в чём не нуждается. Можно вспомнить примеры святых отшельников, которые уходили в пустыни и годами существовали, каким-то образом не умирая от голода и холода. Не встречалось в житиях святых случаев, когда кто-то, молясь, умер от голода или холода. Обычно отшельников убивали злые люди, которым претил такой святой образ жизни. Однако Господь, пусть и скромно, но обеспечивал монахов всем необходимым, даже если это был мёд диких пчёл. Возможно, они питались Духом Святым; так или иначе, Господь напоял их. Христос всюду подчёркивает: «Если вы со Мной, вам абсолютно не о чем беспокоиться. Я всюду вас защищу, обеспечу всем, что вам действительно необходимо и не является для вас вредным».

Поэтому вера в Господа заведомо является антигосударственной. Яркий тому пример –страшные гонения на новомучеников: насчитывались целые десятки и сотни тысяч истерзанных и убиенных верующих в 20-30-х годах. С точки зрения Божественного домостроительства, это есть вещь полезная. Если бы не произошла революция, эти люди могли бы никогда не пострадать и не проявить свою веру, умерев среди мелких грехов. Господь вызвал колоссальный целительный огонь, который привёл к венцу мученичества огромный сонм новых святых.

Получается, что даже богопротивная власть всё равно была дана от Бога. Господь попустил сие, видя состояние Церкви перед революцией: она погрязла в самодовольстве, формализме, регализме, в каком-то бюрократизме и бесчувственности. Он низвёл её в состояние гонимой Церкви Христовой, где эти свойства смогли проявиться: предатели отказались от Церкви, отошли от неё, иуды

проявили себя в полной мере. Сам Иуда тоже не показывал свою сущность в течение всего времени служения Христу, до тех пор, пока не начались серьёзные гонения.

Так же и здесь произошло отделение плевел от чего-то полезного. И поскольку всякая власть дана от Бога, поскольку разрешается Им для пользы человеческой души, то любая ситуация должна рассматриваться именно с точки зрения пользы или вреда для души.

Герберт оказался тем самым Иудой. Впрочем, он всегда полагал, что его вера не выдержит испытания.

ВЕСЁЛАЯ КОМПАНИЯ

«И некто сказал Иисусу: “Вот мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою”. Он же сказал в ответ говорившему: “Кто мать Моя и кто братья?”. И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: “Вот мать Моя и братья Мои, ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра, и мать”» (Евангелие от Матфея 12: 46–50).

Герберт сидел за столом на кухне, а вокруг вместо его жены и детей сидели бывшая проститутка, два бывших вора, наркоман, алкоголичка во временной завязке и шизофреник в ремиссии. Им было хорошо. Они ели нехитрую пищу и степенно беседовали.

– Ты, батюшка, не хандри. Конечно, ты не так зарабатываешь, как в моей профессии, но тоже тебе ведь чего-то капает за то, что ты кадиллом машешь, – сказала проститутка.

– Дядя, – обращался к Герберту вор, специалист по краже баранины из гастрономов, которую у него охотно покупали в кавказских ресторанах, – профессия у тебя, конечно, менее хлебная, чем у нас, но жить тоже можно.

– Нет. То, что он делает, это невозможно, – возражал шизофреник, – это даже для меня слишком безумно.

– Ты о чём? – уточнял Герберт.

– Что всех нас тут привечаешь.
– Ну как же невозможно, ведь уже девять лет так живём.
– А хоть тысячу лет, – возразил шизофреник, – невозможно, и точка, – он состроил уморительную гримасу, изображая точку. За столом все покатались со смеху.

Им было хорошо там вместе. Мимо прошлёпал в туалет инвалид с костылём.

Герберт был счастлив.

ОТЦЫ И ДЕТИ

В жизни Герберту выпало два «подарка»: характер его отца и характер старшего сына. Оба родственника обладали очень похожей тяжёлой натурой.

Герберт до сих пор не мог найти ответа на вопрос, почему ему всегда было так трудно с Джейком. Конечно, можно списать это на эдипов комплекс. Ещё можно обвинить мать в том, что она не поддерживала уважение к Герберту на достаточном уровне, и любые его действия выдавались за глупость, необязательность, ненужность, взбалмошность. Так или иначе, чем старше становился Джейк, тем тяжелее он переносил отца, хотя Герберт всегда относился к нему с любовью, вниманием и уважением.

Однажды сын заявил: «Ты должен уважать меня за то, что я ещё только сделаю, за то, чего я ещё достигну!». Герберт и так его уважал, мужчину это удивило: мало того, что человек требует уважения, которое и без того получает, так ещё и уважать его нужно за то, чего ещё не совершено. Этаким Наполеон, который, будучи капралом, требует по отношению к себе императорских почестей.

Несмотря на то, что никто особенно не вступал в споры с Джейком и не принижал его достоинства, он всегда хотел делать всё вопреки семье. Герберт стремился познакомить сына с культурой, приглашал профессоров из Англии, тратил на его образование неслыханные суммы, содержал в

роскоши. У Джейка же, наоборот, возникло стремление быть вечно оборванным, грязным. Если водить машины, то обязательно какие-нибудь развалины; если одеваться, то во что-нибудь поношенное. Так выражалось презрение ко всему, что делал Герберт.

Безусловно, налицо эдипов комплекс, будь проклят Фрейд! Хотя психолог ни в чём не виноват, он всего лишь описал болезненное стремление ребёнка к смерти родителя своего пола: девочки ненавидят матерей, мальчики – отцов. Это безумие, подобные вещи нужно подавлять, разъяснять, однако никто этого не делает.

Человеческая жизнь вообще весьма занимательный предмет. Сколько на неё ни смотришь, невозможно понять, что же это. Словно какая-то мокрая гусеница, она всё время выскальзывает из рук. В жизни нет и не будет конкретики, всё происходящее больше похоже на зыбкий, назойливый, отвратительный сон. Совершенно не успеваешь ни уследить за ним, ни понять, ни узнать что-либо.

Так же произошло и в отношениях отца со старшим сыном. Герберт действительно всегда уважал Джейка. Когда тот был маленьким и говорил что-нибудь, отец замолкал и внимательно слушал. Но сын всегда шёл поперёк Герберту. Он постоянно боролся, несмотря на то что с ним никто не вёл войну. В итоге его просто начало трясти от одного присутствия отца, и произошёл полный разрыв каких бы то ни было отношений.

Второй сын, десятилетний Патрик, был ещё слишком мал, чтобы о чём-то говорить. В таком возрасте ничего особенного не скажешь. Старшему же сыну было уже двадцать три года.

Такие отношения обычно складываются надолго, и с этим нельзя ничего сделать.

Самым обидным для Герберта было наблюдать, как старший сын общается с чужими людьми. Джейк прекрасно владел собой, был уважителен, интересен, весел – недаром он работал на радио и выступал перед публикой

ежедневно по три часа. Перед Гербертом стоял совсем не тот человек, которого он знал. Как это было горько! Герберт хотел бы быть чужим своему сыну, тогда Джейк относился бы к нему как к постороннему – хорошо. К родному же отцу парень относился ужасно. Этот эдипов комплекс бесконечен и абсолютно неизбежен.

Во всей этой истории Джейк сыграл далеко не последнюю и весьма интересную роль. Он заявил, что называет себя верующим только для того, чтобы позлить сверстников-атеистов. Ничего в его жизни не напоминало о вере. Он устраивал шумные оргии в доме отца, не смущаясь присутствием церкви, собирал молодых людей и девушек по всему городу, а затем компания, употребляя алкоголь и марихуану, шумно резвилась до самого утра. Конечно, можно выдвинуть Герберту обвинение, что он всё это терпел, а должен был запретить. Но тогда разрыв отношений с сыном произошёл бы значительно раньше.

Герберт вспомнил, как однажды шестнадцатилетний Джейк начал дерзить, и тогда он сказал сыну: «Может быть, тебе лучше пойти жить к сестре?». У сестры на тот момент был свой дом, приобретённый, между прочим, на деньги Герберта. Сын задумчиво произнёс: «Так что же, это начало конца?». Как он был прав! Наверное, сын чувствовал гораздо больше, чем отец. Герберту тогда показалось это странным: что тут такого, почему конец? Но это действительно было начало конца.

Очень трудно, когда за спиной одного игрока с открытыми картами все мухлюют и жульничают и за этой спиной творится целый мир удивительных событий, о которых человек ничего не знает. Как царь последним узнаёт о заговоре, а муж – об измене жены, так и Герберт последним понял, что вся его жизнь движется к краху. Чужие люди, жившие в его доме, видели происходящее, слышали разговоры, ведущиеся за его спиной. Даже маленький Патрик всё время спрашивал родителей: «А вы не разведётесь?». И Герберту казалось, что это нонсенс,

какая-то глупость. Но, видимо, ребёнок всё знал, слышал, чувствовал.

Итак, Джейк всегда вёл себя провокационно и в итоге уехал в другой город. Однако там он неожиданно подался в православие, стал посещать церковь, петь в хоре, исповедоваться. Однажды Джейк рассказал местному священнику, что его отец – тоже священнослужитель и содержит приют. Видимо, спросив совета, молодой человек получил ответ: «А что же ты тут делаешь? Поезжай и помогай отцу».

И вот «помощник» приехал. Герберт служил литургию, повернулся благословить народ и увидел старшего сына, возвратившегося в церковь. Отец обнял Джейка, благословил и решил: «Наконец-то у меня есть наследник, который продолжит хотя бы это моё начинание». Потому что все остальные направления, в которых Герберт хотел бы видеть сына продолжателем, были успешно погребены.

Но к удивлению Герберта, как только парень вернулся домой, он потерял интерес к церкви. Редко появляясь на службах, он что-то натужно пел, делал вид, что исповедуется – скорее, чтобы провоцировать священника, а не для того, чтобы вести реальную духовную работу. Он устроился на молодёжное радио, где по три часа в день проповедовал культуру наркотиков и свободной любви. Молодой человек по второму или третьему разу переспал со всеми девочками в городе, после чего холодно заявил, что пребывает не в себе, и даже обращался к психиатру. Похоже, марихуана сильно подействовала на его психику. Во всяком случае, Джейк вёл себя как угодно, но только не как человек, желающий помочь отцу.

В момент возвращения Джейка Герберт подумал: «Наверное, Бог желает, чтобы мой сын стал священником», – и решил послать его в семинарию. В Церкви есть правило: если сын планирует стать священником, необходимо подобрать ему правильную невесту.

Церковь, в хор которой Джейк ходил в другом городе, пригласила из Белоруссии певчую, и подобная идея знакомства пришлась по душе и Герберту. Он тоже пригласил милую девочку с Украины в качестве певчей. Внезапно ворвавшись в жизнь семьи Адлеров, она влюбилась в Джейка. Но молодой человек даже не подумал обратить на неё внимания. Конечно, она была властной, у неё были свои недостатки, но у кого их нет?

Джейк пригласил певчую на свидание в бар, где исполнял собственные песни, прославляющие наркотики и свободную любовь, но одновременно позвал и другую девушку, с которой в результате и сошёлся. Расстроенная певчая отправилась восвояси, а Джейк, возгордившись новой победой над планами отца, снова ушёл из дома и поселился у родителей новой девушки.

Надо отметить, что дети Герберта создавали даже не любовные треугольники, а любовные ромбы или фигуры с ещё большим количеством углов. Даже пересказать их отношения, не запутавшись, было бы непросто.

Итак, дочь собиралась выйти замуж за сына инспектора и поселилась с ним в отдельной квартире. Вместе с ними жил бывший молодой человек девушки, с которой сошёлся Джейк. Его и полюбила Энжела, дочь Герберта.

И вот свадьба стала очень интересным зрелищем. На ней присутствовали и возлюбленная Джейка, и её бывший молодой человек, который, как оказалось, был влюблён в Энжелу и которого та любила. Естественно, пришёл и сам Джейк, который свою девушку не любил, а тайно посматривал на спутницу Стюарда – бывшего молодого человека Энжелы, также приглашённого на свадьбу.

Герберт произносил речь о безусловной любви перед теми, кто уже принял решение его предать, натываясь на пустые глаза уже неродных родных. Он думал, что свадьба закончится дракой, особенно если принять во внимание тот факт, что перед самым торжеством Энжела жаловалась маме на нежелание выходить замуж за сына инспектора и

любовь к парню, жившему с ними в квартире. Мама, уже имевшая чёткие планы на то, чтобы использовать инспектора муниципалитета для получения собственной субсидированной квартиры, направила на дочь: «Что за глупости! Зачем тебе это надо? Выходи замуж за того, кто есть». И Энжела уже второй раз в жизни вышла замуж не за того мужчину.

Интересно, что же останется от благополучия Эльзы, когда её дочь родит ребёнка и уйдёт от мужа к тому, кого действительно любит или к кому-нибудь ещё? Месть инспектора окажется страшной. Но Герберта это не радовало.

Куда улетают младенчества души?
Неправда, что в каждом ребёнок живёт.
С годами едва ль мы становимся лучше,
Скорее, становимся наоборот.

В светящихся сферах, в лазури и неге
Мы были счастливей, и кажется нам,
Что в детской души этом самом побеге
Таится какой-то вселенский обман,

И мы умираем как будто бы с ними.
Как были прекрасны и свежи цветы!
И небо бездонное куполом синим
Хранило невинные наши мечты.

Мы мчались, как ветер, над жёлтой листвою,
Искали жуков в каменистой стене.
Насколько же лучше мы были с тобою
В том солнечном дне, словно в ласковом сне?
И смех разливался по ветреной глуши,
Искрящийся смех – тот, что слышен в раю.
Куда улетают детей наших души?
Что случилось с ними, никак не пойму!

Лишь Господу детства понятны границы,
Куда без возврата упрямо летят
Душ наших детей перелётные птицы –
Те, что никогда не вернутся назад.

КОНФЛИКТ С БОГОМ

– Почему Господь не дал мне мученической смерти? – вопрошал Герберт. Он хорошо помнил этот вечер, когда должен был умереть. Матушка в очередной раз что-то прошипела шизофренику, гостившему у них, и скрылась в своей комнате.

Шизофреник взял нож и отправился вслед за ней со словами: «Я хочу убить матушку!». На его пути встал Герберт, подставив под нож свою грудь.

– Убей меня, а моих родных не трогай! – доброжелательно произнёс он, словно предлагал нападавшему отведать тарелку борща. У Герберта было так легко и спокойно на душе, как во время самой торжественной и светлой литургии.

Но несостоявшийся убийца опустил нож и позволил вызвать себе врачей. Обошлось даже без полиции.

– Как часто мы предаём Господа, но ещё чаще нам кажется, что Он предаёт нас, – думал Герберт, не понимая, почему ему выпало продолжать жизнь после того рокового и торжественного вечера, когда он был совершенно готов к смерти. Почему ему пришлось пережить позор и прочие невзгоды? Неужели, подставляя грудь под нож, он лицемерил? Это его удручало. Только впоследствии он нашёл ответ: да, он был готов к смерти. Но Господь хотел, чтобы Герберт ещё раз пал и поднялся, и смог поведать об этом миру. Перестав быть священником, он не перестал быть Его слугой.

Всё написанное в Евангелии легко переносится на нашу жизнь, на наши дела, мысли и поступки. Как часто мы

получаем от Господа всяческие благодеяния – молодость, красоту, силу, энергию! Как виноградники, мы получаем виноград для того, чтобы процветать. Но сами употребляем его во зло и во вред себе и всем окружающим. А когда Господь посещает нас, мы предаём и распинаем Его, топчем Его и ненавидим; в страхе своём боимся и тем самым убиваем Его в своём сердце.

Как уподобляемся мы книжникам и фарисеям, которые так же торжественно шли и служили, однако жизнью своей перечёркивали своё служение! Всеми своими мыслями и делами они были устремлены к земному: к обогащению, удовольствиям, к преследованию тех, кого считали недостаточно чистыми и святыми, при этом почитая самих себя за чистых и святых, за самых что ни на есть искренних приверженцев Бога. Притом не замечали, что попирают и распинают самого Бога всеми своими поступками, делами и мыслями.

Так и мы незаметно для себя уничтожаем связь с Творцом, которая существует в нашей душе. Так же и мы почитаем всяческие земные дела превыше дел небесных, оставляем небесное напоследок, и это «напоследок» никогда не наступает. Так же и мы готовы праздновать нашего Господа внешне, но забывать и распинать Его внутренне. И Бог в Евангелии обличает нас. Каждое слово относится не к кому-то вообще, а конкретно к нам. И даёт нам Господь после всего, что мы наделали, после того, как сораспали с другими распинателями Сына Его Единородного; после того, как предали и попрали Его, расхитили, развратили, растратили и уничтожили наследие Его – после всего этого вместо праведного гнева Он даёт нам любовь и прощение. Он даёт нам ещё один шанс покаяться, ещё одну возможность прийти к Нему.

Выберем ли мы это или не выберем? От этого выбора зависит душа наша в вечности. Самое важное в нашей жизни – это наши отношения с Господом. Люди приходят и уходят, события сменяют друг друга, всё превращается в

прах. Но основной золотой нитью через всю нашу жизнь проходит наше отношение к Господу.

До ухода жены Герберт верил, что Бог есть любовь, хотя люди, проходившие мимо то рассеянного, то сосредоточенного взгляда священника, многократно доказывали обратное. Господь жестоко обходился с ними. Герберту казалось, что он просто не ведает полноты их историй, и если бы мог знать подробности, то, несомненно, всему бы нашлось объяснение, удовлетворяющее его православному мировоззрению.

Но тут беда приключилась с ним самим – большая, в виде безусловной западни, словно расставленной жестоким демиургом. Конечно, виной всему бес, дьявол; всё можно валить на него.

Ярким поворотным моментом этой трагедии стала история, которую Джейк упоминал в разговоре с Гербертом как основную причину ухода Эльзы и её обозлённости на мужа.

В дом постучалась растрёпанная рыдающая женщина. Герберт её знал. Она оказывалась страшной проблемой для всякого, с кем пересекалась её жизнь. С одной стороны, Герберту надлежало проявить любовь к ближнему и не прогнать с порога внешне кающуюся проститутку с недавно возвращённым ей ребёнком. Она приехала к дверям его дома, не заплатив за услуги такси огромную сумму. С другой стороны, матушка Эльза требовала прогнать несчастную гостью.

Даже если бы Герберт отказал женщине в помощи и у той бы снова отобрали ребёнка, он не избежал бы распада собственной семьи. Бомба была заложена под его домом уже давно.

Но что можно сказать? Если Бог со временем всё чаще ставит своих слуг в неразрешимые и безвыходные положения, то конец этому настанет только на кресте, где даже сам Христос вопрошал Небесного Отца: «Почто оставил меня?».

Кажется, архиепископ Антоний Храповицкий писал, обращаясь с наставлением к молодым священникам: «Если Бог не пожалел своих самых любимых пророков и праведников, жестоко испытывал Авраама, Иосифа, Моисея, Иону, Иова, самого Христа, то неужели вы думаете, что Он сделает исключение для вас?».

Мы слушаем вполуха
О дарах Святого Духа,
Сами ж всё в оконце
Смотрим и следим,
Как нежно гуляет
По самому краю
Бесстыжее солнце
По краю седин.

Мы верим вполверы
И любим вполсилы,
А чаще не любим,
Не верим совсем.
А солнце игриво
В слоях атмосферы
Рисует нам нимбы
С усмешкою всем.

Уйдём мы внезапно,
Как водится, утром,
В безмолвную полночь,
Наставшую днём.
И солнце на запад
Засядет сутуло,
Потом ляжет навзничь
Могильным холмом.
И что мы всё мучили
Жадно друг друга,

И что мы всё пили
Родимую кровь?
Вокруг вялой кучею
Теплится дымом
Убитая напрочь
Святая любовь.

Прошли мы по жизни
Как два пилигрима –
Без цели, без смысла,
С заходом в бордель.
И как наша жизнь
Всё это вместила:
Небесные ризы
И пропасти щель?

Герберт очутился на дне пропасти. В бездне.

Поначалу он силился сохранить целостность своих убеждений, потом просто отошёл от религии, не трогая её основ, а по прошествии времени впал в ярость.

Для Эльзы же это было не временным помрачением, а планомерным и направленным действием.

Вот такое назойливое бессмысленное хождение по кругу. Перечитывая написанное двадцать, тридцать лет назад, понимаешь: там всё то же самое. Нередко спросишь пожилого человека, и оказывается, что и он ничего не понял в этой жизни. Это так жестоко – дать людям возможность воспринимать мир, мыслить, искать ответы, но никогда их не находить! Сколько могут повторяться эти кружения – бесполезные, навязчивые, неосознанные?

Каждый раз открывая глаза, люди будто заново строят мир из маленьких, крошечных, скрупулёзно нарезанных деталей огромной мозаики. Но одна из них вечно выпадает, и человек снова что-то переставливает. Постепенно все воспоминания превращаются в сплошную ложь. Уже кажется, что надо было поступать иначе, что был вполне

очевидный выход, что напрасно совершено то или иное действие. Но это лишь ещё одна грань самообмана, которая ведёт в никуда.

У Герберта был давний приятель, бенедиктинский монах. Когда-то они вместе учились в школе, но потом их пути разошлись. Однако через три десятка лет монах снова, будто специально, отыскался, чтобы поддержать беседу с другом на волнующую тему.

Герберт пожаловался на все свои сомнения и жизненные неурядицы. Монах, как водится, выслушал речь бесстрастно.

– Да, вот такой у нас Бог, – сказал он, – с характером.

– Но я не хочу верить в такого Бога! Я хочу верить в того, что есть любовь, а не обман.

– Мне кажется, лучше верить в того Бога, который есть, чем в того, которого хочется. Ведь мы мало что можем изменить, – задумчиво, со своей неизменной улыбкой ответил монах. – Я и сам вечно чувствую себя заложником, всю жизнь заложником. Несвобода что-то изменить, несвобода понять – нет никакой возможности избежать этого чувства, словно я пленник в собственном теле в этом мире. Да, с этим ничего не поделать.

Монах потупил взгляд, но Герберт поддержал его:

– Да, я чувствую то же самое, и как бы ни старался избежать этого ощущения, оно не отступает. Ведь нет никакого доказательства, что наш разговор в данный момент – это не сон. И довольно странно, что последний раз мы общались три десятка лет назад, а теперь снова разговариваем. Это больше похоже на сон, чем на реальность.

– Да, – согласился монах, – невозможно отличить реальность ото сна.

– А может быть, есть другой сон, параллельный, прошедший или будущий, в котором Христа не распяли, да и не надо было этого делать? В котором люди не

рождаются и не умирают, не болеют и не страдают – сон, в котором действительно царствует любовь?

– Возможно, так и будет, когда мы умрём, – ответил монах.

Герберт продолжил:

– Это тоже ещё не известно. Да и как мы сможем понять, чем отличается сон жизни ото сна смерти? Разве тебе никогда не снилось, что ты уже умер?

– Снилось. Я носился со своим мёртвым телом и не знал, куда его деть, – рассмеялся монах.

Герберт задумался, но ничего не сказал. Ему не хотелось спорить и что-то доказывать.

К сожалению, возможность разговаривать с давним приятелем не облегчила душу Герберта. Почему нельзя решить вопрос раз и навсегда и не перемалывать в своей несчастной голове всё вновь и вновь, до бесконечности, до изнеможения? Каждый день и каждый час, и каждый вздох Герберт снова и снова думал, что же с ним произошло. Он находил подсказки во всём, что его окружало. Стоило ему взяться за книгу – и в ней были напоминания; слышал ли он чей-то разговор – и там находил намёк на то, что жизнь его пришла к полному краху.

Вообще, человеческий разум – весьма занудная и бесполезная субстанция. Непонятно, зачем он в принципе дан людям. Казалось бы, он должен упрощать жизнь, но на деле только усложняет её.

И действительно, важно лишь то, как человек ощущает себя здесь и сейчас, потому что всё остальное – чрезвычайная и упрямая иллюзия. Память людская нестойка, будущего человек не знает. Выходит, ценность имеет только происходящее здесь и сейчас. Но именно это здесь и сейчас превратилось для Герберта в настоящий ад. Никак не мог он освободиться от тягучих назойливых мыслей. И даже когда давал себе слово более не думать об этом, всё равно тут же его нарушал и пускался в безжалостный круговорот колющих воспоминаний.

1

Кромешный крах – таков всему итог.
И жизнь за гранью, словно жажда мести.
Я жил как мог, не умер, видит Бог,
Хоть, впрочем, слеп Он или не на месте.

Туманом боль растает поутру,
И мрачный мир наполнится восторгом.
Расслабься, Бог, я снова не умру,
Ведь смерть всегда была предметом торга.

А это значит, мы повременим,
Тем отложив немного нашу встречу.
Ведь если я живу, Тобой храним,
То потому Тебе и не перечу.

Тебе видней, зачем и почему,
Хоть, впрочем, выбор Твой едва ли ясен.
Ты позволяешь утонуть Муму,
Хотя уж лучше б утонул Герасим.

Перечить хочется. И хочется кричать
Тебе на ухо и слезами брызжа:
Какого чёрта нужно мне опять
Существовать безвольно и бесстыже?

Зачем в безмерном сумраке Твоём
Я, пролетев, погас звездой-беглянкой?
И почему не можем мы вдвоём
Просто уйти, поднявшись спозаранку?

Мне непонятны замысел и суть,
Хоть очевиден, впрочем, крах итога.
И Ты за дерзость уж не обессудь,
Но у кого спросить, как не у Бога?

Зачем, любя, Ты требуешь страдать?
Зачем, любя, Ты видишь в нас ничтожеств?
Зачем всё это вечно повторять
И бесконечно боль людскую множить?

2

Меня под руки дьяконы вели,
И плыл я в белом длинном одеянии.
И мерный хор в глубины высоты
Взлетал, как будто верил в состоянье
Потусторонней лёгкости своей.
За мной по кругу, словно сонм светил,
В тончайших нитях ладана и воска
Плыл строгий храм, и светлая полоска
Сочилась сквозь витраж на пол.
Как было всё и правильно, и веско.
У алтаря разверзлась занавеска,
И вот Божественный престол!
Я опустил на колени,
И, словно ласковые тени,
Коснулись меня пальцы рук,
И всё свершилось как-то вдруг,
И долго «аксиос» гремел,
И хор небесным гласом пел.

Скажи, Господь, мне, как же это
Мне совместить с проклятьем лет,

Пришедших после? Где ответ?
Когда-нибудь ответишь мне Ты?
Не надо только: «Виноват
Ты сам!» – то просто отговорка.
Зачем провёл меня сквозь ад?
Зачем общественная порка?
Уж слишком силы неравны:
Творец вселенной и ничтожный
Твой дерзкий раб изнеможённый.

Не надо «Виноват лишь ты!».
 Ты ставишь часто в положенье,
 Откуда, что не выход, – бред.
 Зачем? Когда-нибудь ответ
 Ты дашь мне без пренебреженья,
 Без благозвучного вранья:
 За что не любишь Ты меня?

3

Все, кого я крестил, оставались безбожны,
 Все, кого я венчал, разводились, ударившись в блуд.
 Мои книги и мысли прослыли удушливой ложью.
 Никого не исправил основанный мною приют.

Все, кого я прощал, ничего никому не прощали.
 Все, кого я любил, ненавидели всех и меня.
 Понапрасну уста им мои о Всевышнем вещали:
 До Всевышнего им было попросту до фонаря.

Я-то верил всерьёз и себе тем выматывал душу,
 А кругом все играли, дурачились, пили, дрались.
 И ведь думал уже: пред крестом я, наверно, не струшу,
 Пьяным грудь подставлял под ножи, чтоб они напились

Не привычного поила, а крови горячей и пенной.
 Я считал это подвигом, точно, во имя Христа,
 Ну а звёзды в моей сердцу милой домашней вселенной
 За спиной всё роптали, шепчась неспроста.

В храме бунт; это так по-старинному мило –
 Жечь иконы и к стенке поставить попов!
 Думал я, что запала на это б хватило,
 Если б я не ушёл без особых проклятий и слов.

Но и этого мало. Гоняли меня десять тысяч
 Разлинованных миль по изъезженной в муках стране,

Бесновались, в безумии жалобы тыча,
И достали уже даже в монастыре.

4

А что, если всё это кажется только,
Что важные вещи случаются с нами?
А что, если мы – отставные букашки,
И что это всё растворится клубами
Безмозглого дыма в расщелине мира?
А что, если просто мы станем другими,
Жующими взрывы истерзанной плоти?
А что, если Бог пристрастился к охоте
За странными случаями в подворотнях
Прокуренных истин и траурных празднеств?
А что, если в храмах поют не о том нам?
А что, если пение сделалось тёмным?
А что, если мы, удавившись упряжкой,
Нащупаем прыщик на собственной ляжке,
И в этом прыще различим непременно
Намёк на присутствие целой вселенной,
Наличие вечного гнусного плена,
В котором содержит нас всех мирозданье?
А может, мы просто боимся признанья,
Отсутствия смысла и верных ответов
Для нас, для бродяг и невольных поэтов?
А что, если всё только кажется нужным
И если любовь не нужна обоюдно
Ни тем, кто её прославляет в потёмках,
Ни тем, кто готов поперхнуться издёвкой
И верить беспечно в своё постоянство,
Пометив рукой ключевое пространство,
Где скважин замочных роится проклятье?!
Ну как вам такое моё восприятие?
Волнительно? Да, безусловно, и тошно
От вечной взъерошенности и подошвы,
Которой нам смерть наступает на горло.

Мы любим её, безусловно, притворно.
 Закончивши дни так бесславно, позорно,
 Без счастья, без дум, просто выпалив слёзно:
 «Нам хватит осмысленной боли!» – и поздно
 Вернуться назад, где бушует сомнение,
 Где – нет, не горят! – только тлеют поленья,
 Где в каждой улыбке теперь и сначала
 Укромно укрыто змеиное жало.

5

Мне кажется, что я добрее Бога.
 Когда я мог, то многим я помог.
 За доброту мне, видно, в ад дорога,
 Туда меня отправит добрый Бог.
 Коль каждый получает во что верит,
 То мне достался б точно Бог добрей,
 Который не предаст и не изменит,
 И не предложит мне поесть камней.
 Я недоволен. Да, я недоволен,
 Мне неприятен нашей крови цвет.
 И среди звона громких колоколен
 Я так искал, но не нашёл ответ:
 Зачем всё это тучное безумство,
 Водоворот из пошлых сточных вод?
 Кто хочет верить в высшее искусство,
 Меня едва ли до конца поймёт.
 Я не могу привыкнуть откровенно
 Молчать и верить в царственность могил!
 Я никого ведь так и не простил,
 Как не прощают все обыкновенно.
 И бархат пальцев мне зияет, как
 Пустой вопрос на крене изголовья.
 Я не люблю поповское сословье,
 Самодовольство рясы и кулак,
 Которым бьёт в затылок поп-дурак
 Подростка, уязвлённого безбожьем.

Отвратно как-то всё это, и рожи,
Увы, мне эти не забыть никак.

6

Игриво чувства меняют знак,
Меняют вымя на пустопорожность.
У каждого третьего будет рак,
Несмотря на предосторожность.
А каждый второй получит знак
И будет носиться с ним устало.
И каждый четвёртый у нас дурак,
А всех остальных уже всё достало.
У каждого пятого будет сюрприз,
У каждого первого будет вечность.
И жаль, что предметы падают вниз,
Лишь ускоряя свою скоротечность.
А если бы все мы падали вверх,
Уж если, как водится, падать надо?
Это касается даже тех,
Кто вовсе и не собирается падать.
Неописуемый каламбур
Можно постигнуть на пике безумства.
И, покидая застенки кобур,
Иконы наганами в руки берутся.
И метят нам в каждое место, любя
Сам смысл прицеливаний, с прищуром.
Многого ждал я, увы, от себя!
Абсурдно, однако, прослыть балагуром
Немому. О, как я хочу немоты,
Не скальной и хладной,
А мерной и мудрой!
О, сколько готов я платить за мечты,
Монетой обильной соря безрассудно!
Но всё разлиновано жёлтой петлёй
Исчерченных вдрызг бесконечных парковок.
Мне жизнь представлялась какой-то другой,

Без пошлой причуды упавшей подковы
 Слепому на темя. Хочу слепоты!
 Но только не той, что играется в жмурки,
 А мерной и мудрой, как мерно часы
 Грозят нам впотьмах неперменной побудкой.
 Иссаек я настолько, что в пору занять
 От тысячи жизней чужое дыхание.
 Я больше не в силах на граблях стоять,
 Упорно раскачиваясь в ожидании,
 Что станет светло, что воротятся дни,
 Которых и не было, нет и не будет,
 Что снова забрезжат в туманах огни,
 И ночью никто никого не разбудит.

7

Поглумились, и Бог с ними...

Дело даже не в том, что Сатана правит миром; суть в том, что люди слишком уж радуются его присутствию – с ним уютно. Он потакает самым разным человеческим страстям – гордыни, жадности, разврату, пошлости, наглости, злобе. Людям так сладко, так хорошо с Сатаной! Поэтому любое, мельчайшее проявление Божьего вмешательства в жизнь ставит это дьявольское, сатанинское счастье под угрозу: боже мой, оказывается, есть Бог! Боже мой, оказывается, будет Суд! Боже мой, оказывается, мы и правда служим Сатане, а не Господу.

Но человек будет отрицать это до бесконечности.

Мир лежит во власти дьявола не по вине того, что демон так уж силен, а потому, что каждый с огромным рвением, увлечением и преданностью служит своим страстям, а через них служит самому Сатане. Без людской поддержки лукавый был бы очень слаб и едва ли мог бы что-то творить.

Сотворив страшные вещи, люди начинают порицать Бога: «Как же Он это допускает? Как же это Он допускает

страдания младенцев? Как же Он допускает несправедливость! Как же Он допускает то и это!». Но при этом человек гонит Господа при любом Его проявлении, не даёт Ему исправить жизнь.

Герберт часто наблюдал, что у него в приюте люди спасаются от героиновой зависимости – бывает, они не употребляют наркотики по полгода. Как часто видел он раскаивающихся преступников, которые длительное время больше не совершают преступлений! Однако рано или поздно люди снова срываются и бросаются в этот сатанинский мир, потому что всякого проявления Бога недостаточно для того, чтобы укрепить их на благом пути.

Теперь настало время, когда и сам Герберт потерял и церковь, и дом, и душу.

Я покидаю дом, как покидает тело
Уставшая душа от тяготы мирской.
Я покидаю дом, где ближе стало Небо,
Но так и не нашёл в котором я покой.

Я покидаю дом, больной и безвозвратный,
Где восемнадцать лет ушли коту под хвост.
Я покидаю дом, и не вернуть обратно,
Как не вернуть родных, снесённых на погост.

Я покидаю дом, где каждая ступенька
Воспоминаний груз безропотно хранит.
Я покидаю дом, как призрак или тень как,
И дом мой, как культя, назойливо болит.

Я покидаю дом, как будто в нём и не жил,
Как будто не звучал в нём звонкий детский крик.
Я покидаю дом, где, как в углу медвежьем,
Жила больная мать и мой отец-старик.

Я покидаю дом, напрасно разорённый,

С текущей вечно крышей, трещиной в стене.
Я покидаю дом, и я едва ли помню,
Чтоб так безумно больно когда-то было мне.

Я покидаю дом, где я едва ли ведал,
Что все мои тома — «одна сплошная ложь».
Я покидаю дом и знаю тех, кто предал,
Но только вот зачем, едва ли их поймёшь.

СТРАШНАЯ КАРТИНА

Христос стоял к нам спиной, тело Его было мертвенно-синим.

Картину написал художник Игорь Мунк, в основу сюжета легла Тайная вечеря. Но это совсем не тот момент, когда Иисус, окружённый апостолами, преломляет с ними хлеб и благословляет вино.

На полотне Христос распят в воздухе и повёрнут к нам спиной. Он обращён туда, за пределы горницы, где среди колонн царствует то ли небо в золочёной ауре, то ли

безжизненная пустыня, а может, и то и другое. Оттуда, из этого Небесного Царствия, к нам неуверенно заглядывают то ли тонкие облака, то ли смертельные испарения.

На столе наполовину сдёрнута скатерть, словно в результате борьбы или спешки. И самое страшное – на столе вместо хлебов, символа тела Христова, символа спасения, единения с Богом, лежит груда камней, словно Бог – не добрый отец, а злой и вместо хлеба подал камень, а вместо рыбы – змею. Стоит погасший семисвечник, символ неопалимой купины, из которой Бог глаголил к Моисею. А в чаши капает, струится, тяжело падает кровь из пробитых рук.

Герберт пребывал в таком шоке, что не мог уснуть и даже плакал. Что это? Господь отвернулся от нас? Мало того, что Его распяли; неужели мы при этом отвернули Его от себя? Или нет ничего, кроме жестокого отвратительного обмана? Снова Достоевщина?

Герберт не переносил Достоевщину в своей жизни, но вышло, что всё его бытие вспухло упрямыми Достоевщинками, словно вулканами фурунгулов, как искусанная назойливыми мошками плоть.

Достоевщина являет собой некий омут, когда люди могут жить счастливо и всё для этого имеют, но по необъяснимой дьявольской склонности мучают друг друга. Если пытаются объясниться, тем делают ещё хуже и неминуемо, вполне осознанно приближаются к реальной, не надуманной, не театральной гибели.

Герберт похоронил свою любовь. И даже Достоевщина недотягивала до такой пафосной трагедии.

Полями в звонкой рани, как побледнеют тучи,
Уйти мне будет проще. Ты ждёшь давно меня.
Промчусь я через рощи, взлечу я через кручи,
О, как разлука ранит! Не вытерпеть ни дня.

И тяжким думам тесно от ноющей разлуки.

Не слышно мне ни звука, и некому помочь.
Мой путь – сплошная мука. Согбенный, скрестив руки,
Бреду в край неизвестный, и день мне стал как ночь.

Меж звёздными мирами читаю твоё имя,
И парус не белеет над бездной грозовой.
Не встречусь я губами с ресницами твоими,
А положу фиалки на камень гробовой.

Достоевщина слишком свойственна окружающим, и поэтому отказаться от неё только одному человеку недостаточно, другие непременно привлекут его против воли. Они припишут совсем несвойственные ему пороки и устремления, создадут фантом, не имеющий ничего общего с реальным человеком, разве что кроме внешнего поверхностного сходства.

Они начнут жить не с человеком, а с его фантомом, не внемля ни протестам, ни горьким увещаниям. Рано или поздно человек рухнет в созданную для него воронку, сольётся со своим фантомом в поведении и отношении к тем, кто создал этот призрак; а те только взовьются в мрачном экстазе – мол, мы же говорили!

В Библии постоянно говорится, что Бог есть любовь. Иной раз Герберт представлял, как Бог, который есть любовь, уничтожил тысячи людей, наслав на них потоп или огонь с неба. Но ведь родитель не станет живьём снимать с ребёнка кожу только из-за того, что тот плохой! Родитель будет продолжать его любить и наставлять. Герберт видел в этом нестыковку, противоречие и не мог понять: если Бог есть любовь, зачем Он так жесток?

Мир, в котором мы живём, – это мир мучения. Люди просто привыкли к этому мучению, потому что страдают всё время. Они просыпаются и мучаются, они голодны и мучаются от этого, они чего-то хотят и мучаются; наконец, они получают желаемое и тоже мучаются. За всю жизнь люди настолько привыкли к мучению, что уже не

воспринимают его как таковое и находят в нём некое удовольствие, насыщение.

Однако мир, в котором оказались Адам, Ева и все их потомки, является неким подобием ада. Смерть же – вызволение из этого ада. Именно так это видит Господь. Поэтому для Господа не является злом переселение человека из нашего адского существования в некое иное состояние, где тот, возможно, будет страдать меньше.

С тех пор как смерть вошла в мир, все люди рано или поздно умирают. Но если воспринимать все дни жизни как мучение, то выходит, что, чем раньше люди покидают этот мир, тем меньше они претерпевают страданий. Господь таким образом прекращает людские мучения в земной жизни, когда видит, что её дальнейшее течение не пойдёт человеку на пользу в жизни вечной. Именно по этой причине Он прекращает существование Содомы и Гоморры, в которых ситуация доходит до того, что жители хотят изнасиловать мужеложским путём пришедшего к ним ангела. Города уже окончательно погрязли в грехе, но Авраам ещё ведёт споры: «А если найдётся хоть шестьдесят, пятьдесят праведников, сохранишь ли Ты город?». Но не находится там достаточно праведников, и Господь уничтожает селения. Потому что эти люди, продолжая существовать, снискали бы себе ещё большие наказания и проклятия. Бог положил этому конец.

Представьте, что преступника выпустили на волю. Он что-нибудь украл, но пока ещё никого не убил, его снова заключили в тюрьму. Но если его не лишить свободы, он вдобавок кого-нибудь убьёт, и тогда человека надо будет приговаривать уже к высшей мере наказания. Получается, что Господь, насылая потоп, серу на города или простую внезапную смерть на человека, освобождает людей от повседневного мучения.

Это всё абсолютно бессмысленно для человека, не верующего в вечную жизнь, в понимании которого единственным данным сверху благом является его

существование. Однако даже такой человек, даже атеист, может догадаться, что его существование – это мучение. Из этого возник буддизм. Учение выросло из осознания того, что всё существование есть мука. Страдание возникает от желания, от страсти и потребности. Следовательно, отказавшись от всяческих желаний, люди могут ослабить свои мучения – в этом заключается путь и смысл буддизма.

Очевидно, не только христиане могут догадаться, что жизнь человека есть мучение – это в состоянии понять и атеист. Тогда он говорит о счастье нерождения или о счастье небытия и начинает к этому стремиться. Известно множество примеров самоубийств среди мало верующих людей или атеистов. Ещё больше подобных смертей происходит в результате самоубийственной жизни, когда человек начинает вести себя таким образом, чтобы его существование прекратилось как можно быстрее. Например, в современном мире ездит на машине с огромной скоростью, в древние времена бросается в самую гущу битвы, где воины машут топорами. Это тоже самоубийство, только совершаемое человеком сознательно в попытках прекратить свои мучения.

Давайте рассмотрим ситуацию именно с такой точки зрения. Бог смотрит, как люди страдают. И Он окажется ещё большим мучителем, позволяя людям терзаться и далее, чем если бы просто прервал пытку. Это Он и делает. Получается, что Бог действительно любовь именно в том проявлении, что прекращает мучения людей?

Зачем Господь сотворяет таких детей, которые рождаются калеками?

Это очень важный вопрос. Стоит отметить, что с родителями, у которых появляются такие дети, происходят разительные перемены. Они овладевают искусством безусловной любви – любви не за то, что ребёнок талантлив, красив, умён и во всём замечателен, а просто так. Дитя может появиться и некрасивым, и уродливым, и калекой, а родители будут его любить. Это очень важное

свойство. Очень часто это посылается семьям, которые испытывают большую гордость за своих детей, за их способности. И в дальнейшем семьи сильно страдают, рождение такого ребёнка считается позором. Это тяжёлое испытание.

О причинах такого испытания говорится в притче о слепорождённом. Бога спросили, за чьи грехи слепой человек стал таким: за грехи его родителей или за его собственные? «Нет, – ответил Господь, – это для того, чтобы на нём свершилась благодать Господня». И исцелил слепого.

Человеку не дано понять, зачем родился тот или другой калека. Но если увечные не будут появляться на свет, то остальные люди не смогут возвращать в себе особые навыки безусловной любви, которая есть необходимое обстоятельство для наследия Царствия Небесного.

Поэтому калечным на всю жизнь детям, которые приходят к священникам, всегда говорят, что их место в Церкви. Господь уготовил их для Церкви, ибо в ней и происходит взросление человеческой души, возрастание в любви, в способности безусловно любить и сострадать. Тогда у этого ребёнка появляется колоссальный смысл его существования – вызывать жалость.

Но может, всё и правда только сон? Герберт многократно возвращался к этой мысли. Да, всё сон, или, точнее, сны, перетекающие друг в друга. Действительно, внешнего мира для него нет. Мир – лишь отражение в его сознании. По сути, всё воображаемое и кажущееся на самом деле существующим имеет единую основу и качественно не отличается друг от друга. Всё является лишь содержимым сознания.

Герберту казалось, что он может внезапно проснуться, и всё пойдёт или по-старому, или лучше, или хуже, или вовсе окажется совсем иным. В одном сне люди страдают и умирают, а в другом всё совершенно иначе. В этом сне

царят вот такие верования и законы физики, а в другом – совсем иные. Может ли такое быть? Вполне!

В каком-то другом сне Христос не был распят, Его вовсе и не нужно было распинать для примирения с Богом; в нём люди до сих пор добры и ласковы, а Господь не наказывает и не мучает того, кого любит.

Герберт пытался представить себе, что же есть Бог. Заученно повторяя, что Бог есть любовь, он воображал себе всё самое милое, ласковое, нежное, весёлое и доброе, что только мог придумать, и говорил себе: это Бог. Но после того как он лишился семьи и дома, потерял возможность забывать свои мучительные будни в помощи другим, всё милое и доброе повисло в невесомости, а Бог сместился в сторону. Они, Бог и добро, больше не совпадали друг с другом. И наверное, это был конец веры.

И всё же может быть, что в другом сне этого противоречия нет, там уютно и первозданно, там Бог незлобив и никого не испытывает. Недаром в слове «испытание» таится слово «пытка»...

СРЕДИ БУЙНОПОМЕШАННЫХ

Ну хорошо, допустим все вокруг Герберта были буйнопомешанными. Он и сам не мог не сойти с ума!

Может ли человек оставаться нормальным среди буйнопомешанных? Вряд ли. Как бы он ни старался сохранить трезвость мысли и присутствие духа, как бы ни отстранялся от окружающего безумия – ничего не выйдет. А ведь именно так себя и ощущаешь. Все кругом совершенно не в себе.

Причём ладно бы, если тихо сходили с ума где-нибудь там, в сторонке. Так нет же! Каждый норовит пронестись полуголым галопом по твоей жизни, громко издавая звуки, только отчасти напоминающие человеческую речь. Причём оттого, что ко всему привыкаешь, отвратительность

ситуации не отступает, отвращение только становится слегка привычным чувством реакции на повседневность.

Наверное, разумен тот, кто сходит с ума со всеми. И вовсе уж безумство пытаться оставаться в своём уме, когда все вокруг безумствуют. Надо быть в гармонии с хаосом. Во-первых, чтобы не выделяться, во-вторых, чтобы хоть как-то оправдать потерянную жизнь. Всё равно до срока из отделения буйнопомешанных нас не выпишут. А когда выпустят – то только ногами вперёд.

Причём если с тихопомешанными можно ещё как-нибудь сладить, приспособиться, просчитать их действия, может быть, даже попытаться помочь или хотя бы извлечь какую-то пользу, то с буйнопомешанными этот фокус не пройдёт. Пока ты будешь возиться с одним, второй пронесётся галопом и огреет тебя оглоблей по голове.

Вот и получается, что в мире нормальных нет и не может быть. Если они в теории и имелись в начале, то давно и безнадежно слились с дружной толпой безумствующего большинства.

Не зря всеми почитаемый безумец Диоген бродил с фонарём среди бела дня по людным местам со словами «ищу Человека». Это ещё в античности стало хрестоматийным примером отчаянной жажды встретить нормального человека.

Отшельничество – вот ещё один популярный выход из бедлама, именуемого «обычная жизнь». Но мир так создан, что, оторвавшись от окружающих, заточив себя в безлюдное место, сразу сойдёшь с ума. Увы, мы не самодостаточны, как, скажем, медведи, которые могут себе позволить одинокие прогулки по свободным лесам, живут одни и, скорее всего, живут неплохо (пока не потянет к самке).

Жестоко обошёлся с нами нестигаемый рок. Одна радость, что мало кто в состоянии это осознать.

И мы несёмся полуголым галопом, гогочем, с нарастающим увлечением рвём все связи с разумом. А что,

может быть, в этом и кроется великая мудрость – суметь быть безумным среди безумных, при этом не сознавая, что чем-либо отличаешься от них? Чтобы не превозноситься в напрасном порыве – мол, они-то так себе, а я-то вот какой!

Какой может быть спрос с буйнопомешанных? В том-то и дело, что спрос берётся с нормальных, но нормальными им быть не дадут! Что с того, что ты различаешь добро и зло? Ты делаешь добро, а все кругом реагируют так, словно бы ты делаешь зло. И наоборот! Попробуй ничего не замечать – и тут же угодишь в лечебницу для буйнопомешанных, в которой в буйнопомешанном мире содержатся отнюдь не нормальные, что казалось бы логичным, а ещё более буйно помешанные.

Заточение несносно, анестезия не помогает. И срок этого заточения – вся жизнь! Одна надежда, что за пределами этого бытия существует некая нормальность, хотя откуда ей в нас взяться? Загадив этот мир, мы загадим и любой параллельный или перпендикулярный.

Мы уже не ходим днём с огнём, как Диоген. И цена проживания в бочке стала настолько высокой, что всю жизнь мы должны безумствовать, чтобы иметь хотя бы тонкие дощечки у себя над головой.

Каждый раз, когда по сто раз на дню у нас возникает подозрение, что с миром что-то не так, или того хуже, что со мной что-то не так, – бросьте эти бесполезные вредительские мысли. Неситесь полуголым галопом со всеми! Ведь безумие – это так увлекательно. Безумие – это хорошо! Безумие – это свобода! Слава безумию, освободившему нас от ответственности, освободившему нас от Мудрости, Любви и Бога!

ВРАЧЕВАТЕЛИ ДУШ

Конечно, род занятий священника и психиатра пересекается. Во всяком случае, они имеют дело с одними и теми же людьми.

Вообще, обвинение друг друга в ненормальности – самое модное средство унизить оппонента. Герберт не считал ненормальность унижительной, но когда его собственный сын поставил условие, чтобы отец показался психиатру, Герберту стало обидно.

Он вспомнил, как собственноручно нёс сопротивляющегося отца в сумасшедший дом и тот кричал: «Будь ты проклят! Когда-нибудь и тебя твой сын сдаст в сумасшедший дом!». Проклятие сбылось.

Герберт записался на приём к психиатру. Разговор оказался интересным.

– Бывают ситуации, когда человека загоняют в строго определённую роль. То есть партнёр или собеседник имеет о вас собственное конкретное представление, но оно совершенно не соответствует тому, как вы воспринимаете себя сами. Таким поведением партнёр насильно навязывает другому определённую роль, – пожаловался Герберт.

– Разделим данную общую проблему на две составляющих. Первая – взаимоотношения партнёров в браке, вторая – взаимоотношения бизнес-партнёров, людей в любом деловом общении. Общение в браке предполагает предварительное более или менее длительное знакомство. За это время люди могут узнать друг друга и либо принять навязываемую роль, либо каким-то образом уйти от неё ещё до брака. Конечно, если человек осознаёт, что его пытаются загнать в рамки.

В деловых отношениях не всегда возможно заранее присмотреться к человеку и понять, чего он от вас хочет и в какой роли ожидает увидеть. Поэтому как для семейных, так и для деловых отношений очень важно вовремя распознать манипуляцию, понять, что вас пытаются использовать в определённой роли, выгодной другим.

Это очень распространённое явление, потому что все мы склонны играть в жизни некую роль в тех или иных ситуациях. Как говорят классики психологии, в каждом из нас живёт три роли одновременно: ребёнка, родителя и

взрослого человека. В одной обстановке мы ведём себя как дети, в другой примеряем образ критикующего или любящего родителя, в третьей должны действовать, как взрослые люди. Естественно, если во взрослом состоянии человек долго играет роль ребёнка, то взаимоотношения с партнёром выстраиваются нерационально. Взрослые люди в деловых отношениях должны вести себя сообразно возрасту.

Иногда один партнёр берёт на себя роль родителя – разговаривает поучающим, менторским тоном, постоянно подчёркивает собственное превосходство. Таким образом он ставит другого человека в положение ребёнка, ожидая соответствующих реакций. Если второй партнёр принимает позицию младшего, могут возникнуть более или менее длительные отношения. Но если вторая сторона отвечает не с позиции ребёнка, а как взрослый или родитель, в основном это приводит к конфликту. Поэтому люди должны общаться с одинаковой позиции – той, которая соответствует направленности разговора.

– Стоит отметить, чаще всего это происходит бессознательно, без анализа поведения. Если поговорить с людьми, ведущими себя так или иначе, обнаружится закономерность. Хотя партнёры и живут бок о бок, они словно находятся в разных измерениях, – продолжил Герберт.

– Если речь идёт о семье, то, как правило, дальнейшие взаимоотношения расписываются в первые две-три недели после брака или даже в период ухаживаний. Один из партнёров принимает отведённую ему роль. Чаще всего женщина остаётся ребёнком, а мужчина по своему статусу, как бы полагающемуся ему, берёт на себя роль родителя. Но по идее это два зрелых человека, которые и вести себя должны по-взрослому.

Если задать женщинам вопрос, какого мужчину они хотят видеть рядом, большинство ответит: волевого, авторитетного, умеющего зарабатывать деньги, настоять на

своём. В то же время в семейных отношениях жена требует от мужа совсем другого: чтобы он обходился с ней не как взрослый человек, владеющий навыками общения и способный отстоять свою позицию, а как родитель. С другой стороны, когда некоторое время женщина пребывает в состоянии ребёнка и хочет, чтобы супруг что-то сделал для неё, тот этого не совершает – просто потому, что он мужчина. Мы не сексисты, но нельзя отрицать, что существует два типа поведения в семье: присущее лишь мужчинам и свойственное только женщинам.

Если ожидания женщины не соответствуют представлениям, полученным в результате воспитания или собственной фантазии, наступает конфликтное состояние. С одной стороны, жена хочет, чтобы партнёр был самостоятельным и умел принимать решения; с другой стороны, она желает в каких-то ситуациях оказывать на него давление, выступать в роли родителя. Как правило, мужчина не всегда улавливает этот момент перехода: только что супруга была мягким ребёнком, и вдруг я должен делать что-то по её требованию, чего, оказывается, не выполняю! Конечно, это конфликтная ситуация.

– Люди склонны соответствовать чужим ожиданиям. Есть закономерность: когда вы беседуете с человеком, который говорит с акцентом, то незаметно для себя начинаете так же произносить слова. Иногда вы «отзеркаливаете» собеседника, то есть повторяете его жесты и выражения. Таким образом люди подсознательно пытаются достичь лучшего понимания. В большей мере люди точно так же стремятся соответствовать как позитивным, так и негативным ожиданиям, которые возлагаются на них другими людьми.

Предположим, близкий человек постоянно ожидает от вас неприятных действий и поступков, которых вы совсем не планируете. В принципе, уже не имеет значения, будут они совершены или нет, потому что партнёр сформировал о вас определённое мнение, которое очень трудно изменить.

– Безусловно. За советом к психологам, психотерапевтам, религиозным деятелям или просто авторитетным с личной точки зрения персонам люди обращаются тогда, когда понимают, что их общение не даёт ожидаемых результатов. Вследствие разговоров постоянно возникают какие-то конфликты. Хорошо, если человек сам понимает, что проблема в нём: скажем, налицо неправильные ожидания или особый эмоциональный фон, который предполагает ежеминутную готовность к агрессии со стороны. Но иногда отклонения в одном из членов семьи замечают близкие. Например, видят, что муж постоянно заряжен отрицательной энергией, всё время ожидает подвоха, общается на повышенных тонах, принимает агрессивные позы. Тогда родственники тоже обращаются к специалистам. Но чаще всего клиент приходит, когда у него что-то не ладится в жизни. На первом этапе 90% обратившихся не понимают, что это исходит от них самих, и просят о помощи: «Что мне делать с партнёром, чтобы он откликнулся?».

– То есть проблема якобы не во мне, а в моём партнёре.

– Да. Большинство людей не видят, что корень проблемы кроется в них самих. Поэтому цель консультантов, психологов – понять суть конфликта. Ведь спорный вопрос всегда обоюден, волнует сразу двух партнёров.

Первое, что должен уяснить каждый пациент: переделать другого человека значительно тяжелее, чем изменить себя. Большинство конфликтов, особенно если они протекают с разными людьми по одинаковому сценарию, говорят о том, что в самом человеке скрыта проблема. Он не может выстраивать отношения с членами общества либо с определённым кругом лиц. Например, женщина не может вступать в отношения с мужчинами от 30 до 40 лет, но с мужчинами старшего возраста контакт налаживается легко. Другой пример – у человека не получается найти общий язык с подростками, но на взрослых людей это не распространяется. Иногда мужчина не в состоянии

общаться с женщинами определённого типа, а со всеми остальными без труда поддерживает беседу. Бывает, человек показывает прекрасные навыки общения в кругу давних знакомых, которых знает по 15–20 лет, но абсолютно не контактирует с людьми, которых видит второй раз в жизни. Он чувствует себя чужим в новой компании, не может наладить обратную связь. Это именно вы не можете установить контакт, а не окружающие необщительные люди по каким-то своим причинам. Поэтому, если за консультацией обращается только один член семьи, как правило, я прошу рассказать всю семейную историю. И человек начинает понимать, что многое действительно зависит от его отношения к партнёру.

– Очень часто я чувствую, что люди из моего близкого окружения имеют определённые цели и стремятся их достичь, применяя конкретные практические способы.

– Манипуляции встречаются в разных сферах жизни. Самая первая область, где люди часто манипулируют друг другом, – семейные отношения. Здесь есть такие понятия, как зависимость и созависимость. При данном способе взаимодействия один человек зависит от другого, и это касается не только ситуаций, когда муж – алкоголик или наркоман, а жена вынуждена с ним жить. Это не единственная почва для манипулирования. В среднестатистических семейных отношениях также есть зависимый и созависимый партнёр. Мы очень часто применяем различные приёмы, вызывая у другого человека, например, чувство вины. Это состояние возникает при манипуляциях очень часто. Чувство вины у одного партнёра приводит к тому, что второй получает от него желаемое. Результатом созависимых отношений часто становится их распад или даже болезнь членов семьи. Ведь ощущение вины, обида и желание угодить супругу, которые обязательно присутствуют в манипуляциях, иногда вызывают очень негативные, стрессовые эмоции. Поэтому психосоматические заболевания во многих

случаях связаны с проблемами манипулирования как в семье, так и в других жизненных сферах.

– Да, мои близкие пытаются мной манипулировать, но при этом не умеют договариваться, – пожаловался Герберт.

– Существует одна особенность психики человека, получившая научное название «алекситимия». Она означает слабую способность или невозможность выражать эмоции в устной форме. При алекситимии человек держит переживания внутри, будучи не в состоянии перевести их в слова. Считается, что данная черта личности может быть как врождённой, так и приобретённой, навязанной социальным окружением.

– В какой-то мере мы все этим страдаем, – согласился Герберт.

– Правильно. Иногда проблему замечает сам человек или окружающие, иногда затруднение выявляется на приёме у специалиста, хотя клиент пришёл с психосоматикой. Например, он испытывает непонятные летучие боли по всему телу, в мышцах, а физической причины для них нет. В конце концов человек попадает либо к психологу, либо к психиатру и понимает, что у него психосоматическое расстройство, а физические ощущения зависят от процессов, происходящих в мозге.

– Но данное состояние может быть кем-то навязано. Например, человеку постоянно приходится быть не самим собой. Однажды ко мне пришли свидетели Иеговы. Я всегда всех принимаю и беседую. Среди них была девушка и пожилой отец. Разговор свёлся к простому вопросу: зачем они ходят по домам? Было видно, что девушка очень не хочет ходить. Спустя некоторое время я встретил её в инвалидной коляске – отнялись ноги, но причина нарушения неизвестна. Я объясняю это соматической реакцией на нежелание ходить по домам, потому что девушка не смогла сказать родителям «нет».

– Подсознательно она не желала ходить с сектантами – и теперь она не идёт.

– Да, это даёт девушке оправдание, чтобы не совершать нежеланные действия, и в то же время оставляет возможность пребывать в привычной для неё группе людей. Хотя, естественно, человек не осознаёт этого и считает, что страдает каким-то заболеванием.

– Да, чаще всего люди обращаются именно с такими проблемами, потому что не удаётся выяснить органических причин нарушения.

– Однако если девушку спросить о жизненных взглядах, она выставит себя горячей, абсолютно искренней свидетельницей Иеговы: она бы ходила по домам, да не может. Таким образом, человек не осознаёт своих эмоций.

– В этом и дело: понимания нет, а эмоции прорвались наружу через психосоматику. Моей задачей стало бы объяснить девушке, что в её состоянии есть эмоциональная подоплёка, что к чувствам нужно вернуться, выразить их словами, проработать.

– Но в данном случае причина не в голове девушки. Триггером является вся её жизнь – например, отсутствие мужа, отношения в родительской семье, строгая община.

– И всё же это защитная реакция.

– Если подвести девушку к этому осознанию, то она сама уйдёт из общины и окажется абсолютно беспомощной.

– Мы подошли к главному: многие подобные состояния для чего-то человеку нужны. Подсознательно организм считает, что если выйдет из данного положения, то станет ещё хуже. Организм не знает, что с ним произойдёт.

– Но объективно человеку действительно может стать хуже.

– Мы не знаем. Возможно, у него есть хорошая семья, которая в трудную минуту окажет поддержку.

– Всё вышеописанное происходит в современном мирном обществе; но давайте вспомним страшные годы фашизма или агрессивного коммунизма. Если бы гражданин восстал против режима, против того, что не желает выполнять, его бы просто расстреляли.

– Поэтому в большинстве своём люди поддаются, подыгрывают режиму.

– Значит, это некая иллюзия – считать, что человеку, которому открыли глаза и лишили своеобразной защиты, станет лучше? Всё может обернуться ещё хуже.

– Это ещё один пример того, что, если индивид останется в прежнем социальном окружении, любые усилия будут бесполезны. Это похоже на работу с наркозависимыми людьми.

– Нужно менять среду, друзей.

– Да, если больной не сменит среду, лечение окажется безрезультатным. Недавно на приём пришла молодая сорокалетняя женщина с рядом сложностей. С первой беседы она, казалось, поняла суть проблемы, но под конец задала вопрос: «А если я буду нормальной, то лишусь социального жилья?». Всё! Эта установка поддерживает женщину в проблемном состоянии. Клиентка вернётся к наркотикам и прежнему образу жизни, потому что неизвестно, что с ней произойдёт, если этого лишиться.

– Возникает интересный вопрос: а как же принцип «поп посере», «не навреди»? Если девушку, неспособную ходить, вылечить и заставить покинуть существующую среду, она может оказаться в ещё более нехороших условиях – скажем, займётся проституцией. Раньше она как адепт «Свидетелей Иеговы» имела сдерживающие моральные принципы (как бы сектантов ни ругали, у них есть определённые нравственные рамки). Лечение мы можем привести девушку, не привыкшую к соблазнам окружающего мира, к ужасному состоянию.

– Не мы приводим её к этому.

– Она придёт сама, но мы станем катализатором.

– Она вольна выбрать другое состояние.

– Вы согласны, что здесь очень важно не навредить?

– Безусловно.

– Вне зависимости от того, как себя вели родители, неизбежно наступает момент, когда дети определённого возраста отдаляются от них.

– Это очень распространённое явление, имеющее физиологическую основу. Во многих религиях указывается, что дети должны отделяться от родителей в определённом возрасте. Однако это происходит не во всех семьях. Существует превратное мнение, что абсолютно все дети проявляют негативизм по отношению к родителям, но чаще это встречается в семьях определённого типа. Патологические формы ситуация принимает, когда в ребёнке закладываются психологические установки, не совпадающие с теми, которые имеются у биологических отца и матери. Чаще это явление объясняется наследственностью.

– Например, при эмиграции, когда родители были воспитаны в стране с одной ментальностью, а ребёнок рос в другой.

– Да. Как правило, наиболее тяжёлые негативные ситуации складываются в семьях, где ребёнок с малых лет видит неискренность в отношениях родителей – это первый фактор дальнейшего отдаления. Второй фактор – отец и мать, ведущие двойную жизнь: в обществе они одни, в семье – совершенно другие.

– Может быть, они ведут двойную жизнь даже по отношению друг к другу?

– Да, это особенно. Дети видят неискренность отца и матери по отношению друг к другу, когда вслух декларируется одно, а на деле происходит совсем другое. Поведение родителей на людях и общение дома сильно различаются. Известно множество подобных примеров, особенно в тоталитарном обществе.

У многих подростков психологическое развитие складывается таким образом, что они принимают рисунок поведения родителей, вливаются в поток, понимая, что нужно быть именно таким, что это хорошо. Но

человеческая природа иная, личность не может разорваться на две части. Поэтому у детей часто развивается подростковый экстремизм – яркая особенность их психологии. В возрасте с 11 до 16 лет у подростков преобладают экстремистские решения, всё видится либо в чёрном, либо в белом цвете. Если ты утверждаешь, что всегда говоришь правду и требуешь того же от меня, будь сам честен; если ты лжёшь, и я буду лгать. Это своеобразная тонкость процессов, приводящая к отдалению детей от родителей. Ведь в подростковом возрасте заложено, что ему нужен авторитет.

В старых патриархальных обществах и некоторых современных, где высоко развиты религиозные устои, ребёнок с малого возраста вместе с отцом и матерью ходит в церковь, синагогу, мечеть. Он воспринимает некие идеалы, которые поддерживает семья. При таком укладе процессы негативизма наблюдаются реже, хотя совсем не исключаются. И причины могут быть разными. Ведь как известно, даже верующие люди неидеальны.

– Чаще всего имеет место конфликт общества и веры.

– Да.

– Почему священников обвиняют в том, что они ездят на «мерседесе»? Потому что вслух служители говорят о скромности и жертвенности, а на деле показывают обратное. Возмутителен не сам факт наличия «мерседеса», мы ведь не обвиняем в подобном врачей. Любой успешный специалист может себе позволить более статусные вещи.

– Подростки понимают, что учатся годами для того, чтобы зарабатывать много денег и преуспеть в жизни. Но когда внешний рисунок расходится с тем, что ребёнку внушали, это вызывает неприятие.

– Я не слышал, чтобы кто-то ругал муллу или раввина, которые ездят на «мерседесе». Ведь в тех религиях другая философия, иные принципы.

– Но вернёмся к нашим баранам. Что же делать, если происходит отчуждение детей от родителей? Мы

понимаем, почему это происходит, но ничего не можем сделать.

– Особенность подростков в том, что они не могут сказать «нет». Эта стадность, когда все заодно, создаёт риск вовлечения ребёнка в сомнительные группы. Юный гражданин не умеет отвечать «нет».

– Для подростка очень важно, что в сообществе его принимают.

– Да, он соглашается с членами группы.

– Чтобы удовлетворить потребность быть принятым.

– Да. Он не может почувствовать себя так же вне группы, это факт. Например, белая ворона в классе – всегда изгой, школьник, который имеет серьёзные психологические проблемы. Если такие люди обращаются к нам, в первую очередь мы учим с помощью специальных упражнений говорить «нет» или хотя бы нейтрально относиться к предложениям, способным привести к нежелательной ситуации. Подросток может понимать, что согласие приведёт к криминалу, конфликту с родителями, но не быть в состоянии ответить «нет», соглашаясь с группой. Умение отказывать или хотя бы нейтрально воспринимать чужие предложения – важный навык.

Существует целая серия подготовительных упражнений, одно из них называется «Confront». Два человека должны сесть друг напротив друга на расстоянии около метра и никак не реагировать на слова оппонента. Тот может оскорблять партнёра, смеяться, рассказывать анекдот. Конечно, подразумевается не физическое, а визуальное и словесное воздействие. И подросток не должен проявлять никакой реакции.

– Но в молодёжной среде часто воздействуют физически, бьют.

– Это уже другая ситуация. Если человек может воспротивиться хотя бы словесному воздействию, это большой шаг к тому, что он найдёт иной путь, не последует слепо за группой. Упражнение «Confront» очень ценно для

психологии личности, потому что не реагировать на агрессивную речь невероятно сложно. В людях заложена особенность выдавать сильную реакцию на слова. Казалось бы, слово – всего лишь нематериальный объект, пустое сотрясение воздуха.

– «В начале было слово...» Мы знаем, что слова вызывают эмоциональную реакцию, которая порой подобна физической боли.

– А почему? Слово, жест или запах часто становятся триггером к появлению сильной эмоциональной реакции. Человек может до поры даже не знать услышанного слова, однако в какой-то момент оно срабатывает. Для этого нужно понимать сказанное. Например, мужчина не владеет мексиканским языком. Проходящие мимо подростки произносят какое-то ругательство по-мексикански, но не с интонацией оскорбления, а между делом, просто так. Если человеку незнакомо это слово, он улыбнётся или подумает, что с ним здороваются. Но если значение известно, трудно сказать, как мужчина среагирует. Большинство почему-то выдаёт агрессивную реакцию, двойную: либо бить, либо бежать.

– Fight or flight.

– А упражнение «Confront» выводит личность на другой уровень. Вам что-то сказали, но это лишь звук, слово, не действие – не реагируйте. Это очень сложно, особенно с некоторыми словами. В подготовительной фазе мы выявляем именно такие слова.

– Иногда пассивная реакция вызывает ещё большую агрессию.

– Правильно. Но не стоит поддаваться, ведите себя так, как нужно вам.

– Но тогда противник перейдёт к действиям: начнёт драку, убьёт, отравит вас.

– Совсем необязательно. Пусть ко мне обращаются с ругательством и конфликтом, а я поведу себя спокойно.

– Но ведь цель противника – унижить. Если слабые меры не действуют, он будет повышать градус агрессии.

– Не всегда. Я долгое время жил в Израиле среди общины горских евреев, очень эмоциональных людей. Первое время я даже пугался. Иногда местные начинали поносить друг друга ужасными словами, громко кричать и яростно размахивать руками (однако, не приближаясь близко). Через час я наблюдал, как они вместе пили чай, вспоминали родственников – уже без агрессии, абсолютно нейтрально. Боже мой, что это было и что произошло потом? Слова ранят только тех, кто воспринимает их как оружие.

– Всё же в некоторых ситуациях лучше отреагировать так, как ожидает оппонент, чтобы не эскалировать конфликт. Вам сказали: «Ты дурак!», – вы ответили: «Сам дурак», – сделали вид, что обиделись, и ушли, а внутри ничего не испытываете. Здесь и закончилась вся агрессия. Если же в ответ на ругательство я усядусь и стану вызывающе смотреть на противника, выражая полное безразличие, человек скажет что-то ещё, так как почувствует, что этого недостаточно, и стукнет меня стаканом по голове. Мы возвращаемся к моменту, когда иногда лучше войти в роль, которую вам предлагают, чтобы не усугубить ситуацию.

– Да, в некоторых ситуациях для погашения конфликта можно поступить и так. Но самое главное, что человек не среагирует эмоционально. В ответ можно сказать что угодно, не обязательно сидеть и молчать.

Упражнение вырабатывает в подростке такую способность. Человек в состоянии что-то ответить, но не полезет в драку, не среагирует эмоционально, воспользуется словами, как в вашем примере. Есть ещё один приём против кибербуллинга (школьной травли) – так называемое психологическое айкидо. Человек в утрированной форме соглашается с оппонентом. Например, его называют дураком, а он отвечает: «Да, я дурак, я такой».

- Это снижает градус агрессии?
- Как правило, да. Ведь противник рассчитывает на другую реакцию, а с ним соглашаются: тогда зачем ругаться? Принцип айкидо срабатывает очень часто, особенно в семейных отношениях. Но подчеркну главное: можно говорить в ответ слова, но нельзя реагировать эмоционально.
- Значит, если муж скажет жене: «Ты потаскуха», она должна согласиться: «Да, я потаскуха!»?
- Это уже крайний случай.
- И тогда муж схватится за нож или начнёт душить супругу. Нужно быть очень осторожным при обобщении.
- Безусловно, это не панацея.
- Но есть ещё одно противоречие. С одной стороны, не выражать свои эмоции – плохая привычка.
- Да, в определённых ситуациях.
- Иногда люди переходят в болезненное состояние с чувством потери себя, отстранённости, словно наблюдают за собственной жизнью со стороны. Такие симптомы возникают при неврозах. Люди жалуются: «Я не чувствую себя, смотрю на свою жизнь со стороны».
- Это есть болезненное состояние.
- И если человек будет тренироваться в подавлении живой реакции, то может легко вогнать себя в это состояние.
- Нет, потому и проводятся специальные тренировки, ведь человек отказывается от реакции осознанно.
- Но для чего это нужно?
- Чтобы избежать конфликта, чтобы вас не ударили по голове. Если мне заявят: «Ты дурак», – а я отвечу тем же, конфликт не прекратится.
- На этом всё закончится, люди встанут и разойдутся.
- Вовсе нет. Следующий этап – тот, о котором упоминали вы, то есть развитие конфликта: «Ах, значит, я дурак?!»
- Эскалация.
- Да, происходит эскалация конфликта.

– Это касается и развода?

– С точки зрения психогенетики разрыв отношений очень часто предопределён заранее – конечно, не однозначно. На это влияет много факторов: окружающая социальная среда, личное отношение к тому или иному вопросу (например, к семье). Но очень часто стереотипы поведения, которые имелись в родительской семье, исполняются детьми. Поэтому, если люди хотят прервать отношения, всегда нужно смотреть, целесообразен ли развод в той или иной паре. Иногда к такому решению толкают просто переживания каких-то очень тяжёлых отношений, и ситуацию можно исправить.

Если же развод предопределён генетически, то стереотипы поведения, которые наблюдались в родительской семье, в дальнейшем переносятся людьми и в собственные отношения с супругом. Может произойти столкновение двух совершенно разных культур, где отличается восприятие даже базовых понятий, таких как любовь, комфорт, забота, уверенность. Каждый человек видит это по-своему. Молодая пара начинает совместную жизнь, и первое время всё кажется прекрасным благодаря влюблённости. Но примерно через 9–12 месяцев каждый обнаруживает в партнёре стороны, которые его совсем не устраивают, начинаются ссоры. Если люди признают существование проблемы, им можно помочь – разъяснить, научить правильно общаться, слышать друг друга. Если этого не происходит, то уже через 1–2 года такие пары распадаются. Если же мужчина и женщина создают семью, заводят детей, проблема остаётся непроработанной. Тогда муж, к примеру, не понимает, почему обиделась жена: что же он такого сказал? А жена пытается разгадать, что же имел в виду супруг. Здесь начинается манипулирование. В то же время накапливается взаимная агрессия, потому что в семье царит сильное непонимание. Если такая пара вовремя приходит на консультацию, есть шансы сохранить семью,

особенно при наличии любви и чувств. Развод вовсе не обязателен.

Однако бывает, что люди сожительствуют, но не удовлетворяют друг друга, в отношениях уже нет любви, уважения. Тогда нужно уточнить, какими заболеваниями страдают супруги, потому что негативные эмоции влияют на тело. Многие болезни связаны со стрессовыми ситуациями в семье. Хотя людям приходится трудно не только дома, но и на работе, всё же семья – это главное. Некоторые законы семейных отношений передаются по наследству. Но если два человека по-настоящему захотят жить вместе, ситуацию можно изменить. Здесь обязательно нужно смотреть, что привело к разрыву в предыдущих случаях. Как правило, человек не может самостоятельно изменить стереотип поведения и тип эмоциональной реакции. Моя задача – научить человека иначе реагировать на определённые ситуации. Этот навык часто даёт хороший эффект.

ПОСЛЕДНЯЯ БЕСЕДА СВЯЩЕННИКА С ДЕТЬМИ О ДВУХ ПУТЯХ И ЛЮБВИ

Герберта пригласили в детский лагерь «Дорожка» для беседы с детьми о двух путях и любви. Так получилось, что это было его последнее слово, сказанное в роли священника.

– В жизни есть только две дороги: либо мы идём, приближаясь к Богу, либо удаляемся от Него. Других путей нет.

Господь создал людей таким образом, что у нас всегда есть свобода выбора. Человек всё время должен выбирать. Почему Он сотворил людей такими? Потому что Бог есть любовь, а любовь невозможно получить силой, заставляя другого испытывать к вам нежные чувства. Можно принудить кого-то уважать вас, бояться, но нельзя

заставить вас полюбить. Вы согласны с этим? Кто-нибудь пробовал заставить другого человека полюбить вас?

Дети зашумели. Кто-то спросил: «Почему?».

– Такое происходит из-за самой природы, сути любви. Невозможно заставить любить. Господь создаёт свои творения со свободой воли и выбора: либо любить Его, либо нет, ведь Он не может и не хочет их принуждать. Поскольку сам Христос не заставляет любить Его насильно, то и мы не можем этого делать по отношению к другим людям. У каждого из нас есть свобода выбора. Это больно, потому что всегда хочется быть любимыми. А есть ли такие, кому не хочется?

В зале поднялась только одна рука.

– Можно с уверенностью сказать, что такое встречается не часто. В зале пятьдесят человек, и не хочет только один. Подозреваю, что на самом деле и он желает почувствовать чью-то любовь. Что бы мы ни делали, не получится заставить любить себя. Господь предоставляет свободу выбора, предлагает два пути. Первый – путь мира сего, он понятен каждому. Например, когда мы голодны, то хотим кушать. Но даже если чувства голода нет, мы всё равно хотим чего-нибудь вкусенького. Очень часто люди желают вещей, без которых можно легко обойтись. Сейчас все сыты, но, если принести мороженое, каждый ребёнок в зале набросится на него, да и я тоже. Причём некоторые сильно переедят.

Удовольствия мира сего понятны каждому. Вы хотите красивых вещей, интересных игрушек, модной одежды, лучших айфонов, статусных машин у родителей, а потом и у вас самих. Вы сами желаете быть красивыми. Половина девочек в зале наверняка хочет стать моделями. И наверняка кто-то из мальчиков хочет жениться на модели.

Дети громко засмеялись.

– Итак, в мире есть много привлекательного. Мир убеждает нас, что мы должны стать счастливыми. Мир говорит, если вы богаты, красивы, имеете власть – вы

счастливы. Если вы умны, вас ждёт счастье. А что на этот счёт говорит Господь?

Кто-нибудь встречал в Евангелии список того, благодаря чему человек может стать счастливым? Оказывается, он существует и называется «Нагорная проповедь», Евангелие от Матфея, глава 5, с самого начала.

Там говорится, что Господь восходит на гору, к Нему приближаются ученики, и Бог начинает их учить. «Вы – свет миру», – говорит Христос, то есть с первых же слов признаётся людям в любви. Он не называет их жалкими муравьями, которых неизвестно зачем сотворил. Нет, Христос произносит: «Вы – соль земли», – и обращается как к Своим ученикам, которые должны нести свет во все языцы, во все народы.

Далее Господь даёт список, где указано, кто может быть счастлив. В разных Евангелиях написано: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Что значит «блаженный»?

Чтобы понять, нужно обратиться к оригиналу Евангелия, написанному на греческом языке (оригинал не найти ни на иврите, ни на арамейском). Там «блаженный» звучит как «макариос» (μακάριος), что значит «счастливый». Смысл слова «блаженный» – счастливый. Мы получаем от Господа список, как человек может быть счастлив.

В списке нет богатства, силы, славы, красоты, ума, плотской любви. Тогда что же в нём? Первое, что говорит Господь: «Блаженны нищие духом». Блаженны, счастливы те, кто понимает, что сами по себе они – ничто. Без Бога, без Духа Святого, без Его вдохновения, Его действующей силы люди – ничто; словно нищие, просят помощи у Господа. Они не надеются во всём на себя, как те, кто горд, а уповают на Христа. Значит, счастливы негордые. Плохо быть гордым! Гордый человек думает, что всё хорошее, происходящее в его жизни, случается оттого, что он такой великий, красивый, умный и способный. Но по-настоящему он ничего не имеет, а хорошее происходит не потому, что

человек достиг красоты и силы. Всё зависит от Бога, а людям нечем гордиться. Что бы мы ни делали, всё совершается по соизволению Божьему.

Гордый человек отходит от Бога, требует к себе почитания и уважения, становится злым, потому что его не оценили. Затем впадает в уныние, и многие гордецы совершают самоубийство. Среди больших знаменитостей, великих писателей, громких художников и артистов мы встречаем тех, кто наложил на себя руки. По идее, эти люди должны ощущать себя самыми счастливыми, а они совершают суицид. Вот путь, по которому дьявол ведёт всякого гордеца! Бес толкает человека к разрушению, самоуничтожению, самоубийству.

Поэтому в первой же строке Господь говорит: «Блаженны нищие духом, блаженны негордые, благословенны те, кто полагается на силу Божию».

Следующие слова Христа таковы: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Слезы бывают разные. Так, слёзы зависти – плохие. Это не тот плач, о котором говорит Господь. Христос имеет в виду слёзы покаяния. «Блаженны чистые сердцем, блаженны милостивые, блаженны миротворцы, блаженны кроткие». Здесь нет упоминания о сильных, смелых, о всегда побеждающих.

Таким образом, перед нами лежат только два пути. Представим любую жизненную ситуацию – например, вас обидел друг. Вы можете либо обидеть его в ответ, либо простить и сделать вид, что не заметили насмешки. Как правильнее поступить? Лучше простить человека и притвориться, будто ничего не произошло.

Почему же нужно выбирать именно прощение? Потому что Бог прощает человека тогда, когда тот прощает других. А если мы не прощаем, то и Господь не отпустит нам грехов.

Возьмём другую ситуацию, когда двое ругаются между собой. Лучше их помирить, нежели позволить подраться.

Что значит «кроткий»? Кротким называет себя Господь, Он говорит: «Придите ко мне, все труждающиеся и обременённые, и Я упокою вас, ибо кроток есмь». Кроткий – это тот, у кого есть сила, но он не применяет её. Каких кротких животных мы знаем? Например, корову, которая могла бы растоптать любого копытами, забодать рогами, но она кротка и не делает этого.

Господь хочет, чтобы мы были такими, каков есть Он. Поэтому в каждой жизненной ситуации нужно делать выбор, и это совсем не просто. Вся логика мира требует быть жёстким, добиваться своего, никому не прощать обид, отбирать у других для себя и так далее. Логика Евангелия говорит об обратном: прощай всем, отдавай всё что есть, не жадничай, не завидуй, не кради, не бери чужого. Этому и учит Господь.

Вы хотите выбрать путь, которому учит Бог? Кто из вас может сейчас отдать в подарок свою самую любимую игрушку? Вы очень добрые дети и хорошие христиане. Кто-нибудь пробовал подарить другому вещь, которая вам сильно нравилась? Вы чувствовали, что в этот миг испытываете наслаждение? Это происходит тогда, когда вы ощущаете внутри себя Бога.

Так же происходит и во всём остальном. Мы будем счастливы, если последуем советам Господа, и станем несчастны, если пойдём в обратном направлении. Мы будем несчастны, если устремимся к богатству и забудем, что вокруг много нуждающихся. Господь вложил это в нас, как программу в компьютер. У каждого механизма есть своё предназначение. Например, цель холодильника – морозить, давать холод. Так же и мы были созданы для того, чтобы быть по образу и подобию Божьему. Люди были сотворены, чтобы стать как Бог, стать любовью. А любовь невозможна без отдачи.

– Что самое главное для любви? – спросила юная слушательница.

– Самое главное, – отвечал Герберт, – кроется в словах апостола Павла, лучше которого никто на земле ещё не сказал: «Любовь всё покрывает, всё терпит, она не ищет зла, не радуется неправде». Это и есть описание любви. Она не может быть условной, нельзя любить человека за что-то и почему-то, а можно только просто так. Если вы любите девочку потому, что у неё красивые волосы, она станет лысой. И такого не может быть, ведь апостол Павел сказал, что любовь никогда не перестаёт. Следовательно, любовь не может зависеть от чего-то, она просто есть и всегда будет существовать. «Всё закончится в этом мире, – говорил апостол, – а любовь будет продолжаться».

Поэтому самое главное для любви – не искать для неё причину. Если вы найдёте причину, по которой полюбите человека, это будет уже совсем другое чувство.

Не слушайте тех, кто говорит: «Что ты изображаешь из себя святого? Всё равно ты не такой». Ну и что? Святым становится не тот, кто безгрешен. Святой – это тот, кто понимает, что имеет грехи и хочет от них освободиться. Несвятой либо не понимает этого, либо понимает, но не желает покаяться, очиститься от грехов. В этом основное различие.

Поэтому на небе все, кто с Господом, обязательно святы. Ведь Христос сам освящает всякую вещь.

Если человек захочет поговорить с Христом, в большинстве случаев ничего не получится. Встреча с Господом не вербальная, не умственная. Вспомните, что говорил апостол Пётр, который оказался на горе Фавор, горе Преображения. Когда Христос преобразился и ученики узрели фаворский свет, Пётр воскликнул: «Хорошо нам здесь, Господи!».

Бог – это не слова, не мысли, не разговоры. Ощущение Бога есть чувство полной защищённости, неограниченной свободы и любви к себе. И это чувство неопишимо человеческими словами, в земном мире нет ничего такого, с чем его можно было бы сравнить. Поэтому не возникает

вопроса, освящает ли Господь человека, когда тот является пред Ним. Если человек хотя бы покался и дошёл до Господа, то он причисляется к святым не за свои заслуги, а за счёт свойства Бога освящать всякую вещь.

Представьте мужчину, который живёт в пещере и хочет добраться до света. Когда человек выйдет из норы, солнце будет его освещать, потому что оно сияет и хорошим, и плохим, и слепым, и зрячим. Так и Господь озаряет каждого, кто доберётся до Него. А добраться до Бога можно, становясь Ему подобным. Он – любовь, и вы будьте любовью; Он прощает, и вы не держите зла; Он не судит, и вы не критикуйте. Становясь подобными Богу, вы становитесь ближе к Нему.

– Что делать, если вы очень сильно пытаетесь кого-то любить, но люди не воспринимают этого? – спросила одна девочка.

– Это очень больно. Хорошо, если рядом есть человек, который вас понимает и может пожалеть. Это страшно горько, когда ты всем сердцем кого-то любишь, а в ответ получаешь холод, презрение и самое ужасное – безразличие. Лучше бы уж вас ненавидели! Самое тяжёлое – это равнодушие.

Этот вопрос, видимо, очень волновал девочку:

– Обычно, если кого-то по-настоящему любишь, то в каком-то смысле человек должен это почувствовать и дать ответ. Но что значит, если нет совсем никакого ответа? Он равнодушен? Может, стесняется или просто относится к тебе по-дружески?

– К сожалению, это неутешительно, – вздохнул священник. – Если человек любит, он проявит свои чувства. Это мы сами пытаемся себя успокоить, убедить, что он не даёт ответа, потому что стесняется или по другим причинам. К несчастью, это значит, что человек нас не любит, и тут уже ничего нельзя сделать. В каждого вложено разное количество любви и потребности в ней. Кому-то подобные чувства не нужны вовсе.

Знаете ли вы, почему люди боятся любви? Потому что любовь – это Бог. Она требует от человека жертвы, а люди не хотят ничем жертвовать, они даже не желают поделиться пирожком. Поэтому многие люди, поняв, что настоящая любовь всегда жертвенна, отказываются от неё.

Что делать в таких случаях? Не обижаться, терпеть, прощать. Это очень больно именно потому, что в разных людях заложена разная способность к любви и потребность в ней. Кто-то чахнет без этого чувства, а кому-то оно совершенно не нужно. Это надо пережить. Господь видит наши способность и желание любить и обязательно пришлёт такого друга, который разделит с нами любовь.

Каждого человека, с которым мы встречаемся, Господь посылает для того, чтобы мы попытались его полюбить – даже такого, который ненавидит нас, издевается, даже врага. Это невероятно сложно, но такова и есть задача христианина – постоянно учиться любить тех, кто не испытывает к нам тепла, ненавидит нас. Нужно научиться ради них жертвовать, уступать им. Это трудно, а Господь каждый раз усложняет задачу. Мы всё равно не сможем сделать больше, чем Он, который молился о распинающих и избивающих Его, о плюющих в Него. Христос говорил: «Господи, не ведают, что творят!» – и вымаливал прощение для своих врагов.

Сама природа, сущность настоящей любви одинакова для всех её проявлений: человека к Богу, мужа к жене, матери к сыну, даже для детской любви к котёнку. Вы терпите животное, разрешаете ему царапаться и писать на коврик потому, что любите его.

Не существует отдельных видов любви. Всякая безусловная любовь состоит из одной и той же материи. Поэтому не надо концентрироваться на любви только к одному человеку, а других людей не замечать. Надо стараться любить всех.

– Если ты кого-то любишь, это даёт тебе Бог? – прозвучал детский голос.

– Да. Это то, что называется даром любви. Способность любить – это огромный дар. Многие думают, что любить может каждый, но это не так. Посмотрите на жизнь, на окружающих и вы увидите, что очень немногие люди умеют любить по-настоящему. Любовь – это дар Божий: когда вас обижают, вы находите силы улыбнуться и сказать: «Прости меня!». Когда вас бьют по одной щеке, сумеешь подставить другую и молиться об обидчике – это дар Божий: «Если я тебя злю, ударь меня ещё раз. Прости меня!». Это невероятный дар, который находится за пределами обычных человеческих возможностей. Именно в нём заключается величайшая цель христианства – научиться любить.

Я очень благодарен вам, вы замечательные дети, потому что, во-первых, слушаете меня, во-вторых, слышите. Слушать и слышать – очень важные вещи. Чаще всего Господь говорит: «Имеющий уши да услышит». Ведь главная проблема в том, что Христа никто не слушал и не слышал, и лишь некоторые ученики сподобились и слышать, и слушать, и только тогда восприняли всю глубину и благодать Божьего наставления.

Очень хорошо, что у вас есть уши, что вы умеете слушать и слышать, понимать и стараться вникнуть в то, что вам говорят. Храни вас Господь! Я очень рад, что вокруг есть столько молодых христиан, которые будут нести свет Евангелия, будут стараться любить и жить по-евангельски.

Когда-нибудь вы станете взрослыми и, может быть, вспомните, что однажды приходил чёрный поп с крестом и говорил, что всегда надо любить. А потом вы станете старенькими, и может, и тогда ещё будете помнить, что когда-то, в начале XXI века, в 17-м году, приходил священник с крестом и учил любви. Некоторые события остаются с нами на всю жизнь. В момент, когда они происходят, мы можем ещё не понимать их значимости. Но иногда даже простой разговор меняет направленность

жизни человека — в голове что-то щёлкает, и вдруг осознаются очень важные вещи.

Во-первых, нельзя заставить других людей полюбить вас, и надо прекратить попытки это сделать. Лишь гордые принуждают к любви, а потом накладывают на себя руки, так как им всегда всего оказывается недостаточно. Во-вторых, любить нужно не за какие-то качества или дела, а просто так. И в-третьих, Бог есть любовь. Если вы будете любить, то будете с Богом. Аминь.

ПРОЩАНИЕ

— Плюшевый Медведь, — написала Эльза мужу ещё до того, как окончательно отдалась своей пагубной страсти, — отношения наши подошли к заключительной стадии. И хотелось бы, чтоб заключительная стадия была не хуже всех предыдущих. То, что со мной было, было чистым выбросом собственнического чувства по отношению к тебе, которое всегда портило твою жизнь и наши отношения между собой. Очень ты меня потряс своей новой связью, так что получила за все свои прегрешения молодости. Исповедавшись, я, естественно, простила: ну, вдул и вдул, разница-то? Он всё равно меня любит, а если полюбит кого-то ещё — что ж, сердце у него всегда было большое, а за последние годы вообще растянулось до невероятных пределов. Пусть ещё один человек будет счастлив. Нашего общего прошлого это изменить не в состоянии.

Плюшевый Медведь всё-таки оказался ещё каким мужчиной! И это нормально! Ты моложе меня и темперамент гораздо сильнее.

Конкурировать я не могу и не хочу. Я вообще человек не этого направления. Мне никогда не нужен был здоровый, сильный мужик, и ты мужиком для меня никогда и не был, Плюшевый Медведь, и я это всегда в тебе ценила и уважала. Другом был всегда, отцом, духовным братом был, товарищем, плюшевой игрушкой. С тобой любая будет

счастлива и на седьмом небе. Одиноких и несчастных женщин пруд пруди.

Патрик у нас очень сложный мальчик, он требует по крайней мере моего полного внимания. Образ нашей жизни, при которой он вырос, на пользу ему не шёл, он очень повреждённый ребёнок, и ему необходима моя полная отдача и концентрация, чего я не могла дать в нашем доме. Ребёнок был абсолютно один, уткнувшийся в компьютерную приставку, ему не с кем было поговорить. Так что наш разъезд по отдельному жилью на него произвёл положительный эффект – он стал быстро развиваться по направлениям, совершенно раньше не проявлявшимся. Мама стала нормальной, такой, какую имел когда-то Джейк, а не вздрюченной, взмыленной, вечно в дурном расположении духа стервой. Патрику надо дать столько любви и внимания, сколько мы ему задолжали с каждым жителем нашего приюта, всегда откладывая его интересы на потом. Я думаю, его злость на тебя быстро пройдёт, он тебя очень нежно любит и очень к тебе привязан. Будете встречаться, общаться, будешь его баловать – для него это важно, и он этого хочет. Я уверена, что всё у тебя получится, и ты снова встанешь на ноги финансово, тогда и посмотришь, что можешь ему дать, что может быть для него лучше: школа или занятия с репетиторами, или что-то ещё.

С Джейком, я думаю, пройдёт по тому же сценарию. Он уже ждёт очереди к психологу через пару недель, выпустит там пар и придёт в более или менее адекватное состояние. С Энжелой вообще всё проще. Она давно уже живёт отдельной жизнью, и мы стали для неё важной, но в количественном эквиваленте незначительной частью жизни. Она взрослеет и в связи с новоприобретённой профессией медсестры приучилась анализировать, принимать профессиональную помощь, самостоятельно искать помощи в научных статьях. Это всё, так сказать, по поводу нашей семейной жизни.

По поводу общественной жизни я не могу быть так же уверена и высказывать какие-то свои соображения совершенно безапелляционно. Просто предположу.

Я думаю, священство тяготило тебя уже давно. Обоих регентов ты привёз, чтоб подстегнуть свой угасающий интерес к службе. Священство – это в первую очередь служба, конечно, а всем остальным может заниматься кто угодно. Первая регентша выполнила свою задачу и дала толчок к дальнейшей церковной жизни, но импульс угас очень быстро, и вторая оказалась очень неудачной попыткой, только разрушив всё, что ещё можно было спасти. А так как ты принял священство из-за меня, против меня оно и повернулось в первую очередь. И я тебя не виню. Ты тоже человек и ты не железный. Чтобы тянуть всё наше хозяйство со всеми разнообразнейшими злыми клоунами, с каждым их индивидуальным взбрыком и жить высокодуховной церковной жизнью, нужно быть титаном. Ни ты, ни я титанами не являемся. Это был просто вопрос времени, как быстро мы сломаемся. Ты и новые отношения завёл так быстро, чтобы отсечь возможность возвращения в сан, ты устал. Сломался в одной сфере, я в другой. Странно, как мы вообще протянули так долго. Бог помогал.

Прости меня за слабость, за ревность и нетерпение к танцовщицам и стюардессам, я была не идеальной твоей опорой. Но хотя бы можно сказать, что сделано было в общей сложности больше, чем кем бы то ни было. Накал страстей, событий и потоки людей для меня были невыносимы. Я, как и была, осталась спаточным зайцем, боящимся людей, любящим тишину, созерцание, закрытый мир моей семьи – мужа и детей. Я и муж постоянно измотаны, старшие дети разбежались, младший – беспризорник.

Я держалась, пока могла. С тобой жизнь всегда очень яркая, наполненная событиями, людьми, новыми проектами, планами, но у меня просто уже нет на это сил. Прости. Если тебе нужна будет какая-нибудь помощь с

теми, кто остался, я помогу. Я и так с ними встречаюсь и вожусь. Если надо привезти продукты или кого-нибудь куда-нибудь свозить, я сделаю, в рамках, конечно, своей занятости.

Ну вот, наверное, и всё, что я хотела тебе сказать. Все остальные аспекты для меня менее существенны.

Я хочу повторить, что я тебя люблю, и дети тоже, и всегда будем любить. Прошу простить за боль, которую я причинила тебе своей неразумностью и неумением разговаривать – для этого мне надо время и пространство, которого у меня на тот момент не было. Я уверена, что у тебя будет всё отлично и что ты всегда по-доброму будешь относиться и к детям, и ко мне, что у тебя будет удачный второй брак, ты будешь успешен, а значит, и счастлив. Успех для тебя имеет первоочередное значение, будь то бизнес или церковь. Твоя избранница, опытная, здоровая, детьми не обременённая, шанс не упустит, сделает всё, чтобы ваша совместная жизнь состоялась. Между нами предлагаю оставить дружбу, совместную любовь к детям, взаимопомощь – всё как всегда. В сущности, ничего и не изменилось базисно.

Я очень надеюсь, что не раню тебя ещё раз, не сержу и не раздражаю. Этого совсем в моих планах не было. Прости, если что-то не так сказала, это только моё видение ситуации, и я не настаиваю именно на ней. Я была совершенно искренна, никаких игр и подводных планов, у меня есть чем заняться, кроме этого.

«МЕНЯ БОЛЬШЕ НЕТ»

В предыдущей главе так всё было замечательно! Но вот и пример двойственной сущности Эльзы. В какой-то момент Герберт написал ей, что недоволен тем, что его визиты не имеют смысла. Патрик играл в страшные игры и не обращал на него внимания.

– Что поделывать, он сам не хочет видиться с тобой, – пояснила Эльза.

– Ты, по сути, лишила меня родительских прав! Это, в конце концов, незаконно.

– Ах, ты хочешь по закону? – с яростью ответила Эльза. Она давно хотела вовлечь его в судебную тяжбу, потому что ей полагался бесплатный адвокат, а Герберта бы это разорило окончательно. Да что уж говорить, его и разорить было невозможно, потому что он и так остался ни с чем. Едва хватало на жизнь.

– Я готова к битве, – гордо заявила Эльза и тут вывалила на Герберта такое количество грязных планов против него, что он захлебнулся.

– Меня больше нет, – чётко сказал он. Эльза продолжала ещё что-то добавлять. И Герберт повторил несколько раз: «Меня больше нет».

Сначала Эльза опасалась, что Герберт начнёт атаку, но, когда поняла, что он действительно решил исчезнуть из её жизни, принялась говорить всем знакомым и членам семьи, что Герберт заявил, будто они для него умерли.

Герберт исправно платил минимально положенные алименты, хотя Эльза принимала их неохотно.

Так прошло полгода, пока адвокат Эльзы не прислал документы на развод. Там закреплялся минимальный размер алиментов и значилось, что Эльза ни при каких обстоятельствах, даже в случае «катастрофических проблем», не попросит у него помощи. «Мне от него ничего не нужно!» – повторяла она.

– Обычно те, кому от нас «ничего не нужно», отбирают у нас всё, – возражал Герберт.

Герберт был поражён, что через полгода градус ненависти к нему не уменьшился, а повысился!

Но тут был вовлечён адвокат. От матери требовалось поддерживать в Патрике желание видиться с отцом. В противном случае суд ни за что не отдаст все права на ребёнка матери.

Герберт всё подписал, понимая, что за сердце ребёнка надо бороться не в суде. Единственное, чего он потребовал: чтобы его письмо к сыну было зачитано мальчику психологом или кем бы то ни было, но не Эльзой.

Герберт писал:

«Мой милый Патрик!

Очень скучаю по тебе и хочу тебя увидеть. Я помню, как мы веселились вместе и что я провёл всю твою жизнь рядом с тобой, пока твоя мать не забрала тебя от меня. Я люблю тебя так, как отец может любить своего сына.

Мне очень жаль, что мы с твоей мамой оформляем развод. Я никогда не хотел разлучаться с твоей мамой. Я любил её всю жизнь. Я встретил её, когда был всего на семь лет старше, чем ты сейчас! Это была исключительно её инициатива – расстаться со мной. Всё произошло к моему полному удивлению, и я чуть не умер. Даже сейчас я думаю, что это всего лишь плохой сон, я проснусь и увижу, что ничего не случилось. Но реальность такова, что сломанное не починишь.

Образ жизни, который мы вели в течение девяти последних лет с приютом в нашем доме, активно поддерживался твоей мамой большую часть времени, и ты должен знать и понимать, что за этой идеей стоял не только я.

Я искренне верю, что мы помогли многим людям, которые в противном случае умерли бы, и эта деятельность была лучшим, что мы сделали в нашей жизни.

Я стал священником по просьбе и с согласия твоей мамы. Наша вера требует самопожертвования. И приют в нашем доме был этим самопожертвованием, а не результатом нашего безумия. Это нормально для некоторых священников.

Внезапно год назад твоя мама попросила меня о разводе. Она не объяснила, зачем ей это нужно, и не сказала, что ты уезжаешь в другое убежище. Она сказала мне, что вы собираетесь жить с другой семьёй, чтобы помочь

заботиться о больном ребёнке. Я подписал все бумаги и всегда делал то, что просила твоя мама. Всё было сделано втайне и за моей спиной. В результате вы получили дешёвую квартиру, в которой сейчас живёте.

Ты должен знать, что я предлагал другие способы, которые позволили бы сохранить наш дом для нуждающихся и иметь отдельную квартиру для нашей семьи, но твоя мама не согласилась ни на один вариант. Она знала, что если у вас будет субсидированная квартира, то я не буду иметь права жить с вами. У меня не было возможности воссоединиться с семьёй в этой квартире, и твоя мама никогда мне этого не предлагала. Это показывает, что у твоей мамы никогда не было серьёзных планов спасти наш брак.

Из-за того, что твоя мама ушла из дома, я потерял дом и сан священника (есть такое правило).

Этот дом, где ты родился, который тебе всю жизнь будет видеться во сне, был единственным достижением в моей жизни, и для меня он составлял целый мир. Потеряв тебя, семью и свой дом, я пришёл в отчаяние.

Я никогда ничего не делал против планов вашей матери, несмотря на все её опасения по поводу моей мести. У меня не было никаких плохих намерений.

Единственный момент, о котором мы спорили с мамой, заключался в том, что нам не удаётся видеться свободно и без её наблюдения. На Рождество в «Макдональдсе» ты вёл себя очень агрессивно по отношению ко мне в её присутствии и говорил, что больше не хочешь меня видеть. В других случаях, когда я навещал вас на квартире, у тебя не было интереса ко мне. Я думаю, ты поступал так, чтобы угодить своей маме, и если бы мы остались одни, ты был бы другим.

Уход твоей матери привёл к гибели церкви, дома и моего священства. Я потерял последнюю поддержку, а по наводке нашего нового родственника — инспектора — пожарные закрыли наш дом.

Отвечаю на вопрос, который вы задали мне на Рождество: «Почему все ваши дети ненавидят вас?» – я не знаю. Джейк всегда активно выступал против того, что я делал в своей жизни – как в бизнесе, так и в церкви. Энжела вышла замуж за сына человека, который отправил нас в тюрьму и который стоит за тем, что я потерял дом и семью, а ты лишился любящего отца. Я всегда был добр к своим детям и делал всё, что они хотели. Ты должен спросить их, почему они меня ненавидят. Ты также можешь задать тот же вопрос своей маме. Искренне верю, что я всегда относился ко всем вам наилучшим образом с любовью и уважением.

После того как ты узнал все эти факты, я хотел бы, чтобы ты начал видеться со мной наедине, без участия твоей мамы. Мы можем повеселиться, сходить в кино, заняться шоппингом или что-нибудь ещё. Я хочу быть частью твоей жизни».

Герберт не надеялся, что письмо возымеет действие. Он написал его в ответ на обращение от адвоката Эльзы, которая безо всяких оснований в свою пользу лишала Герберта родительских прав. Герберт не сопротивлялся. Он всё равно никогда не принимал никаких решений за детей без согласия Эльзы.

Единственным условием, которое поставил Герберт, было желание, чтобы это письмо прочитал кто-нибудь не связанный с Эльзой – учитель или психолог. Его требование пообещали выполнить.

Герберт уже ни на что не надеялся. После года нескончаемого потока лжи и проклятий, которые выливались на Патрика в адрес отца, надеяться на то, что одно письмо что-то изменит, было глупо.

Герберт давно поссорился с Богом и ни с чем, кроме упрёков, к Нему не обращался. Но тут не выдержал и взмолился: «Дай мне видеться с сыном! Ещё пару лет и

этого малыша не станет. Появится хмурый и желчный подросток».

И вот произошло чудо. Позвонил Патрик и звонким голосом затараторил:

– Папа, мне прочли твоё письмо! Я тебя люблю! Я тебе верю! Ты ни в чём не виноват! Я хочу с тобой видеться!

Герберт дрожащим голосом что-то отвечал. Ему казалось, что это сон, ему очень хотелось плакать, но на этот раз это были слёзы радости.

Потом, как холодный душ, в трубке зазвучал непривычно наглый голос Эльзы. Ненависть сняла маску лицемерия.

– Привет. Ну всё, Патрика уже ознакомили с твоей версией событий. Он хочет видеться с тобой. Только я прошу тебя не говорить с ним больше обо всём этом. Говорите о радостном.

– Хорошо, конечно о радостном, только о радостном! – тихо промолвил Герберт и блаженно улыбнулся сквозь слёзы.

НАКОНЕЦ-ТО РАЗГОВОР С СЫНОМ

Патрик без надзора Эльзы охотно общался с отцом.

– Я играл в карты с нашими алкоголиками, наркоманами. Я практически постоянно выигрывал. Я помогал моей маме тоже иногда играть, потому что я знал правила. А когда мне было четыре, я уже понял, что не люблю правил.

– Правил? – уточнил Герберт

– Правил, ну, как в школе. Школа – это просто г...но. Я ненавидел всё, что связывалось с учением, потому что это мучение для меня и практически всех, кто ненавидит школу. Я не могу идти в школу, потому что это просто ад на палочке. Я не могу этого делать. Я не могу, правда.

– Объясни, почему ты не хочешь ходить в школу?

– Иногда у меня есть смешанные чувства насчёт всего этого.

– Почему?

– Потому что иду в школу, сижу там – мне скучно, нечего делать. Постоянно надо что-то учить. Я понимаю, что это надо – идти туда, в школу, и всё там хорошо, но всё равно. Почему вообще надо идти в школу, когда можно просто всё это выучить дома? Мои учителя как машины! Не как люди...

– Но взрослые дети, Энжела и Джейк, не ходили в школу, ты знаешь?

– Правда?

– Они ходили только в самом конце. В основном всю жизнь я нанимал им учителей.

– Это ужасно, я не представляю, как я могу учиться с учителем.

– Почему? Для Джейка я даже приглашал учителей из Англии, профессоров.

– Правда? И как они?

– Ему было интересно.

– Да? Я не могу учить что-то, если мне это неинтересно.

– Это правда. Это ужасно.

– И мне постоянно попадается какой-то идиот-учитель, который даже не может научить меня тому, сколько будет пятью девять. Я, конечно, знаю, что это 45, но всё равно. Есть учителя, которые могут тебя заинтересовать! Но такие попадают редко.

– Да, поэтому я и нанимал их, и только настоящих учёных. У Джейка был профессор по литературе, поэтому он так хорошо пишет стихи. Они три недели просто гуляли и разговаривали.

– Папа, ты читал книжку, которая называется «Моя семья и другие звери»?

– Даррелла?

– Да. Ты помнишь, как мальчику в этой книжке (то есть самому Дарреллу) наняли хорошего учителя, который рассказывал о всяких животных и том, что они делали. Ему было интересно, и он всё выучил.

– Да. Я поэтому так и делал. Я нанимал учителей по истории, по физике. Они гуляли с Джейком, разговаривали и занимались. И было очень здорово. А с Энжелой занимался я. Мы очень, очень хорошо жили. Мы были так счастливы...

– Когда мне было шесть или семь лет (не очень помню), я начал смотреть ютуберов. Это было лучшее развлечение в моей жизни. Я мог просто каждый день сесть и смотреть их часами. Когда вы, мои родители, уезжали для чего-то, я оставался дома и смотрел на папином компьютере целый день, без остановки. Для меня ютуберы были очень большим развлечением, меня это как-то отвлекало от настоящей жизни. Потом я просил мою маму, чтоб она купила мне Minecraft. Это была моя первая игра, которую я по-настоящему хотел купить. Не как Mario, не как Wii, а настоящая игра, хорошая, созданная замечательной компанией.

Я практически всё в ней выучил. Там, внутри игры, так хорошо! А вообще, я не могу понять, почему мне надо что-то делать: почему мне надо идти на улицу, почему мне надо есть, почему мне надо всё это делать. Почему, я не понимал этого.

– Что ты имеешь в виду?

– Я просто не понимаю, почему вообще сделана жизнь.

– Ты знаешь, я и сам до сих пор не понимаю.

– Я даже не понимаю, почему жизнь так по-идиотски сделана.

– Ты знаешь, у меня то же самое. Об этом я постоянно думаю. Я ничего не понимаю. Почему всё так по-идиотски устроено?

– Если каждому человеку Бог хочет устроить хорошую жизнь, почему бы не сделать так всем?

– Вот именно.

– Это несправедливо. Как справедливый Бог может быть не справедливым? Почему он пугает адом?

– Смотри: тебе 10 лет, мне – 48, а мы думаем и говорим об одном и том же.

– Зачем были созданы люди? Зачем вообще всё было придумано? Это невозможно даже понять, почему.

– Мы ведь всё время страдаем.

– Даже если есть настоящий Бог, то разве Он добрый?

– Это то, о чём я сам думаю.

– Если Он даёт дьяволу побеждать, то разве Он может быть добрым? Пусть бы нас всех отдал дьяволу, чтоб тот нас уничтожил, и всё!

– Да...

– Зачем бесконечно ходить по кругу? Почему все только и думают, как сделать деньги? Украсть друг у друга! Врать друг другу! Зачем законы, если все их нарушают? А наказание случайно достаётся кому-то одному и вовсе не потому, что он что-то нарушил, а потому, что кто-то ему хочет сделать плохо.

– Прекрасно. Кто-то ответил тебе на эти вопросы?

– Нет!

– Когда я был священником, я думал, что знаю ответ, а теперь, выходит, не знаю.

– Это хорошо. Мне не нравились твои ответы. Всё происходящее как игра: новые препятствия, новые уровни, а потом ты умираешь и game over! Зачем, папа? Никто не может на это ответить.

– Не может. А если сможет, то соврёт, – Герберт обнял сына. – Всё, что нам остаётся – прижаться друг другу и стараться жить... Нам не на кого надеяться. Надо просто жаться друг другу, как маленьким мышкам, которых застала гроза!

Я МНОГОЕ В СЕБЕ НАШЛА...

На второй день Герберт заехал за Патриком, но там оказалась Эльза и ещё двое мальчиков, друзей Патрика. Эльза удивительно похудела. Её внешность не понравилась

Герберту, хотя он и не подал виду. Очевидно, женщина находилась в активном поиске.

Герберт нехотя пригласил всех на аттракционы. Эльза знала, что он не сможет поступить иначе.

Пока дети гуляли, Эльза говорила, что живётся ей скучно, она пыталась устроиться в мертвецкую, готовить тела к погребению, но её не взяли. Герберт удивился такому выбору, но вразумительного ответа не получил.

Герберт был приветлив, и Эльза легко делилась своими мыслями. Но нового в них Герберт ничего не услышал.

– Ну, значит, у всех всё хорошо? – Эльза неприятно посмотрела Герберту в глаза.

Герберт молчал. Потом сказал:

– Ну что ты хочешь, чтобы я ответил? Как Христос Понтию Пилату в «Мастере и Маргарите», когда они идут по лестнице на небо. Пилат с надеждой спрашивает: «Скажи, ведь распятия не было?». Христос молчит, а потом тихо отвечает: «Ну конечно не было». Таков и мой ответ, – у Герберта навернулись слёзы на глаза.

– Ну и хорошо, – улыбнулась Эльза, делая вид, что не замечает слёз.

Наконец Герберт привёз Эльзу и детей домой. Дети сразу побежали играть. Эльза задержалась.

– Ты знаешь, я многое о себе поняла, открыла в себе много неожиданного.

Герберт слушал.

– Во-первых, я очень жёсткий человек. Во-вторых, для меня очень важна свобода.

Эльза замялась.

– Ну а в-третьих?

Эльза снова замялась, то ли игриво, то ли и правда в нерешительности.

– Ну, начала, так продолжай, – настаивал Герберт в нетерпении.

– Это тайна...

– Ну какая может быть тайна? Экстрасенсорные способности открылись?

– Если бы! Хотя я многое чувствую.

– Секс, что ли?

– И ещё какой! – страстно сказала она. – У меня их трое.

– Что, одновременно?

– Ну, я к этому двигаюсь. Давай поедem на озеро, там поговорим.

– Давай здесь.

– Тут я не хочу, чтобы соседи нас видели.

– А ты говорила, что бывшие мужья вселяются под шумок в госквартиры к бывшим жёнам. А тут говоришь, что боишься, чтобы тебя не застукали с бывшим.

– Они мне завидуют: такую квартиру получила!

– Ну, хорошо, поедem, – неохотно согласился Герберт.

Они доехали до тихого уголка на озере.

Мы опустим здесь подробности сексуальных экспериментов Эльзы, чтобы не превращать книгу в порно низкого пошиба. Скажем только, что... Впрочем, и этого не скажем. Пожалеем читателя.

Герберт был в шоке. Он ожидал, что Эльза попытается найти себе нового спутника жизни, но чтобы пуститься в такой головокружительный полёт из постели в постель!.. Причём не скрывая от партнёров, что их у неё трое, и при том, что двое из них – женатые люди, что никого она не любит, и прочее, прочее, прочее...

– И давно тебе пришло такое желание? – осторожно спросил Герберт.

– А оно меня никогда и не покидало. Ведь ты меня не удовлетворял.

– Да, я не по этой части, – спокойно признался Герберт, и тут Эльза попыталась его страстно поцеловать. Герберт вырвался. Ему было противно.

– Может, не надо? – отшутился он. – Как ты говоришь, ты берёшь в рот бог знает что... И тебе это нравится! А мне неприятно.

Эльза не обиделась и рассказала отвратительный анекдот, который не хочется здесь приводить.

– Ну а что с деньгами? – решительно поменял тему Герберт.

– А с деньгами хорошо, – таинственно блеснула глазами Эльза. – Мужчины меня не оставляют в нужде.

– И это в твои пятьдесят лет! Замечательно, – сказал Герберт и горько улыбнулся.

А ЛАРЧИК ПРОСТО ОТКРЫВАЛСЯ...

На протяжении целого года, прошедшего между разрывом отношений с Эльзой и встречей, описанной в предыдущей главе, Герберт мучился нестерпимым вопросом: «Зачем?». Зачем Эльза намеренно вытолкнула его из своей жизни, разрушила всё, что только можно было разрушить? Он не находил ответа. Все приводимые доводы были недостаточны. А ларчик просто открывался.

Как только он услышал о трёх партнёрах, стало ясно, что Эльза все эти годы страдала нереализованной сексуальной зависимостью, обострённой строгостью православных правил. Вот природа и взяла своё. Конечно, Эльза об этом и не подозревала, но вот её открытие собственной сексуальности пролило свет на мучивший Герберта секрет. Такую зависимость называют саморазрушающей, ведь она вызывает много страданий. И если сексуальная зависимость у мужчин обычно носит скорее физиологический характер, то для женщин это чисто психологическая проблема. Такого рода несвободу можно смело приравнять к алкогольной или наркотической зависимости. Ведь главный её фактор – уход от реальности, заикленность на определённых переживаниях.

Женщины, страдающие зависимостью от секса, испытывают настоящую ломку, если у них отсутствует возможность удовлетворить свою потребность. Это как навязчивая идея, которую невозможно контролировать; она

стоит на первом месте в их жизни, даже несмотря на отрицательные последствия. Но при этом, находясь замужем, да ещё и в строгом православном сообществе, они всеми силами её подавляют.

В большинстве случаев истоки женской сексуальной зависимости находятся в детстве. Это либо сексуальное насилие в раннем возрасте, либо просто недостаток внимания со стороны родителей. У Эльзы было и то и другое. В первом случае ребёнок получает искажённую модель поведения. Повзрослев, девушка начинает считать, что секс с партнёром – единственная возможность быть кому-то нужной. Пережив в детстве насилие, она страдает от крайне низкой самооценки. Осознав свою греховность, девушка винит себя в произошедшем с нею и не верит, что такого ужасного человека, как она, можно искренне полюбить. Поэтому, как бы её ни любили, она не верит этой любви. Сломав нормальные ровные отношения, она ищет новых сексуальных партнёров, чтобы унять чувство одиночества, страха и беспомощности. Только во время соития она чувствует себя желанной и нужной, прочие аспекты жизни ей мало интересны.

Во втором случае, когда сексуальная зависимость у женщины зародилась из-за невнимания к ней как к ребёнку со стороны близких, происходит нечто похожее. Девочке не хватает ласки, любви и прикосновений; повзрослев, всё это она получает во время сексуальных отношений. Получив краткий момент эйфории, она самоутверждается и повышает самооценку. Но нежности и любви такие отношения не приносят, а потому она отправляется на поиски нового партнёра. Получается своего рода замкнутый круг: спасаясь от одиночества, женщина ищет полового партнёра, а не получив духовной близости, повторяет порочный путь. Она вновь и вновь соблазняет, побеждает мужчину, но под оболочкой роковой женщины кроется страх принять свою ненужность.

Так уж устроено, что дети часто винят себя за ошибки взрослых. И если в юном возрасте они были нелюбимы или обделены вниманием, то считают себя просто недостойными этого. Они с болью в сердце принимают роль изгоя, вершина счастья которого – крохи с чужого стола. И поэтому они не колеблясь меняют сексуальных партнёров ради минутного счастья, не веря в возможность получить нечто большее. Порою это приводит к мазохистскому наслаждению – терпеть унижение от собственной никчёмности и повторять свои действия вновь и вновь. Даже понимая всю разрушительность такого поведения, остановиться они не в силах.

Когда мы слышим о подобного рода зависимости, в голову приходят нелюбимые мысли о женщинах лёгкого поведения и проститутках. Хотя что касается последних, то сексуально зависимых среди них единицы – обычно «ночных бабочек» волнует лишь экономический аспект. Им секс как таковой неинтересен, просто они не видят другого способа заработать деньги. Те же, кто страдает от настоящей сексуальной зависимости, не мыслят свою жизнь без половых отношений. И не потому, что им нравится сам процесс: можно быть сексуально зависимой и не любя секс, ведь суть не в нём. Просто некоторые женщины видят в сексе единственную возможность ощутить ласку, понимание, нежность.

Конечно, такое поведение осуждается обществом, ведь окружающие не понимают причин, толкающих женщину в объятия разных партнёров. И если для мужчин такое поведение в современном обществе не считается великим грехом, то на репутации женщин ставится жирный крест. Попадая в ловушку негативного общественного мнения, женщине ничего не остаётся, кроме как продолжать искать счастья именно таким путём – дурная слава не даёт возможности встретить нормального мужчину. Возможно, обратившись за помощью, она смогла бы измениться

внутренне и поменять стиль поведения. Но у нас не принято выносить сор из избы.

Поэтому, прежде чем негодовать и оскорблять подобных женщин, стоит задуматься: что подвигло их на участь вечного духовного одиночества в постелях разных мужчин?

Возможно, сам термин «сексуальная зависимость» не совсем верен – точнее было бы сказать «нарушение близости». Многие представительницы прекрасного пола осознают неправильность своего поведения, они мучаются от чувства вины и раскаяния, но продолжают искать сексуальные приключения. Это как запретный плод, который пугает и манит одновременно. Они рано или поздно испытывают осуждение со стороны окружающих и даже со стороны своих партнёров, становясь объектом оскорбления. Но и это их не останавливает. Почему сексуальная зависимость управляет ими?

Как бы то ни было, женщины с подобной проблемой сами избегают постоянных отношений, так как боятся духовной близости. Чаще всего они просто не знают, что это такое. Ни дома, ни в школе никто не учит тому, как правильно любить, брать и отдавать прекрасные чувства. И секс служит отличным заменителем душевного тепла, правда, недолговечным. Ведь само слово «близость» в сознании многих становится синонимом к слову «секс».

А ведь настоящая близость подразумевает доверие, отсутствие страха, желание всегда быть рядом с родным человеком. Там проблемы решаются спокойно и сообща, а новизна отношений поддерживается в общей спальне, но никак не в поиске новых партнёров для секса. Не ведая о существовании такого внутреннего тепла и близости, многие несчастные женщины путают обычную сексуальную зависимость и чувство любви.

Именно осознание своей греховности заставило Эльзу надеть на себя узду православия, освободившись от которой она погубила себя и всех своих близких.

Вот так преступление, сексуальное насилие над малолетней, произошедшее более полувека назад, и невнимание родителей привело к описанной в этой книге катастрофе.

Чувство неполноценности и греховности заставляло Эльзу подавлять свою сексуальную страсть, а её неудовлетворение выливалось в агрессию. Чтобы замаскировать свою беду, Эльза убедила себя и всех окружающих, что плотские утехы её не интересуют. Тем более открывшееся Герберту оказалось совершенной неожиданностью.

Будучи матушкой, Эльза совершенно не следила за собой и выглядела как старуха. При этом страдала от этого неимоверно. Она не могла признаться себе в своих истинных потребностях и поэтому неистово осуждала и ненавидела более раскрепощённых женщин, оказывавшихся в приюте. Для того чтобы освободиться, ей было необходимо уничтожить тот мир, в котором она жила.

Конечно, главным препятствием на своём пути в чужие постели стоял её муж Герберт. Хотя он был абсолютно не ревнив и простил бы измену, Эльзе нужно было сделать его виноватым во всём. Оглушительными провокациями она вытолкала Герберта из семьи, и когда тот, лишившись сана, устроил свою личную жизнь, Эльза наконец почувствовала себя свободно. Ведь теперь он больше не стучал своим православием ей по голове.

Мог ли Герберт, будучи батюшкой, ограниченными строгими православными правилами, предотвратить случившееся? Вряд ли. Во всяком случае, он до сих пор не понимал, как. Его сексуальные возможности и темперамент и близко не могли утолить такую жажду. Кроме того, Герберт была полная противоположность Эльзы. Как-то в детстве один пьяный дядя целовал его в засос так, что он задыхался, и с тех пор он не любил целоваться и вообще не любил прикосновений.

Он предлагал ей принимать лекарства, чтобы погасить агрессию, а они погашали и либидо. И поэтому Эльза не желала их принимать.

Шерше ля фам под ручку с Фрейдом снова победили! И Бог, в общем-то, тут был как бы и ни при чём. Герберт жалел, что не сохранил свой сан, не продолжил бороться за свою церковь и приют. Ей-богу, Эльзина болезненная страсть не стоила того, чтобы лишать несчастных крова и опеки, а Герберта – спасения души. Но, увы, было поздно.

Очень хорошо, что хотя бы в конце стало ясно, что дело было не в православии, не в Боге, не в идее осуществлять Евангелие на практике. Дело было в тяжёлой психологической проблеме Эльзы, в которой она не была виновата, потому что не осознавала её, и в которой ей могли бы помочь специалисты, если бы хоть кому-нибудь было бы о ней известно и если бы она сама захотела, чтобы ей помогли.

Герберт написал Эльзе мягкое, деликатное письмо обо всём этом, закончив словами:

«Спасибо за твою искренность. Она мне была необходима. Это был тот самый главный кусочек пазла, которого мне не хватало, чтобы понять, что же произошло. Более того, это снимает вину с Бога, с тебя и с меня».

И получил ответ:

«Там ещё много чего можно дописать: и как я молчала обо всех неудобствах и терпела до конца, лишь бы не потерять тех отношений, что были; как подстраивалась под любые идеи и роли ради этого. И на разрушение пошла, только когда окончательно стало ясно, что внимания и тепла я больше не получу. Ты утонул в концепциях. Сейчас, по крайней мере, никаких иллюзий о любви – пошла, потрахалась, дозу свою получила и свободна на время, а там снова по кругу. На деле я тебе никогда и не была нужна как человек. Как любимый человек. Не за приют надо было бороться с моей болезнью, а за меня и за

свою любовь. А у тебя свои проблемы – ты очень добрый. Но никого не любишь, кроме себя...

Ты был виноват только в одном: что твоя жена осталась один на один с её проблемами, и ни под каким видом ты не соглашался заняться, понять и помочь, прикрываясь Евангелием, как щитом. Понимать и помогать чужим было интереснее, чем своей обрыдлой Эльзе, на которую и так ушла вся твоя бесценная жизнь. Ха-ха-ха! Я уже всё поняла сама. Счастья тебе с твоим Богом».

ЭПИЛОГ

Как хотелось бы, чтобы хоть одна строка этой книги была выдумкой, неправдой. Увы!..

Герберт, несмотря на то, что был сначала дельцом, потом писателем и даже священником, на самом деле всегда представлял себя плюшевым медвежонком, а Эльзу – зайчонком. Он верил, что рай – это такое место, где они вечно будут жить в сказочном ласковом лесу. А Бога представлял добрым, покровительствующим этим плюшевым малышам.

Но и Эльза, и Бог разрушили эти грёзы, и медвежонок остался плакать один у картины с отвернувшимся распятым Христом.

Трудно Эльзе и Богу было не разрушать этот сказочный плюшевый лес? Ну, хорошо, Эльзе понятно чего, а Богу-то что не хватало? Но они оказались злыми, и медвежонок не представлял себе, как они посмотрят ему в глаза после всего, что он пережил.

Пока Герберт не умер, у них с Богом не было случая посмотреть друг другу в глаза, а вот глаза Эльзы были сначала стеклянными, потом нагло встревоженными, а теперь безнадёжно пустыми. Медвежонок закрылся

лапками, чтобы их не видеть, и решил: «Если у Бога такие же пустые глаза, то лучше я зажмурюсь!».

– Дорогой Плюшевый Медведь! – обратился к нему Бог. – Не вздумай зажмуриваться! Бог тебя любит!

...Но Он очень загадочный...